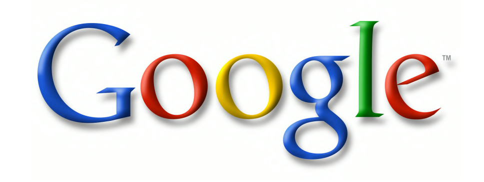
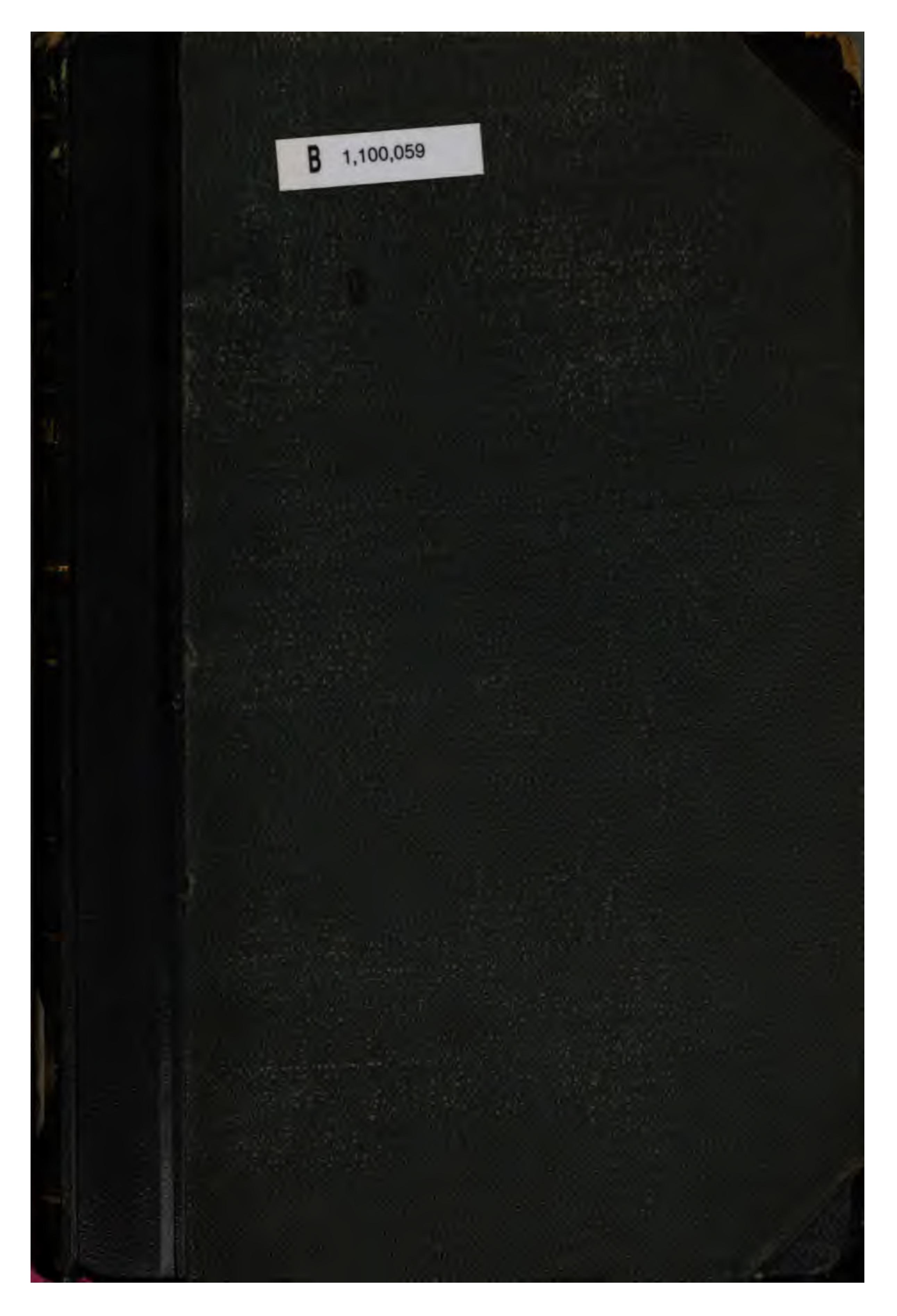

B 1,100,059

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

1876

№ 11 НОЯБРЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38).

СТРАН.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

(*См. страницы 3-ю*).

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ"

въ 1877 году.

„Отечественныя записки" въ 1877 году будутъ издаваться совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ издаются въ нынѣшнемъ. Какъ составъ редакціи, такъ и сотрудники журнала останутся тѣ же. Равнымъ образомъ, срокъ выхода книжекъ, объемъ и форматъ журнала останутся прежніе.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, безъ доставки	15 р. 50 к.
Съ доставкою (въ С.-Петербургѣ)	16 » — »
Съ пересылкою	17 » — »

Заграницу:

Въ Германію и Австрію	19 руб.
» Бельгію и Нидерланды, Придунайскія княжества.	
» Данію	
» Англію, Швецію, Испанію, Португалію	
» Турцію и Грецію	
» Швейцарію	
» Италію	
» Америку	
» Францію.	

Подписка на «Отечественныя Записки» 1877 г. принимается попрежнему **только въ мѣстахъ нижеозначенныхъ**, за которыя редакція вполнѣ отвѣтственна; экземпляры «Отечественныхъ Записокъ» въ 1877 году будутъ попрежнему сдаваться въ газетную экспедицію въ бандероляхъ, съ адресомъ получателя и съ обозначеніемъ числа, когда № сданъ на почту. Подписка въ почтовыхъ конторахъ не принимается.

Вслѣдствіе заявленія Почтоваго Департамента, редакція доводитъ до свѣдѣнія гг. подписчиковъ, что жалобы на неполученіе №№ журнала должны быть доставляемы своевременно, то-есть не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ.

Въ Санктпетербургѣ: Въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ Редакціи «Отечественныхъ Записокъ», на Басейной, домъ № 2.

Въ Москвѣ: Въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Алексѣева, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО *въ Главную Контору* «Отечественныхъ Записокъ» въ Петербургѣ, присылая свои адресы, четко написанные, **съ обозначеніемъ** ближайшей къ подписывающемуся почтовой конторы, такъ какъ Газетная Экспедиція Спб. Почтамта отвѣчаетъ за аккуратную доставку только чрезъ свои отдѣленія и конторы, относительно же экземпляровъ, адресуемыхъ на станціи желѣзныхъ дорогъ, въ которыхъ неимѣется почтовыхъ отдѣленій, никакихъ справокъ не дѣлаетъ.

Того же автора:

Признаки времени и письма изъ провинціи	1 р.	50 к.
Исторія одного города	1 »	50 »
Господа ташкентцы	2 »	—
Дневникъ провинціала въ Петербургѣ. .	2 »	—
Помпадуры и помпадурши.	2 »	—

Приготовляются къ печати:

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ОДНОГО СЕМЕЙСТВА.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ CCXXIX.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38).
1876.

ЛИХІЯ БОЛѢСТИ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Двѣ недѣли.

I.

Выпалъ обильный снѣгъ. Извощики выѣхали съ утра на санкахъ. На скверѣ, противъ Александринскаго театра, молодыя деревья въ первый разъ стояли въ уборѣ: иней еще не успѣлъ облетѣть. Все бѣлѣло и искрилось на зимнемъ солнцѣ. Памятникъ тоже слегка заиндевѣлъ по выпуклостямъ фигуръ и украшеній. На Невскомъ уже шла мягко-суетливая, утренняя, санная жизнь. Въ воздухѣ чувствовалось, что сегодня—день «первопутья». Разомъ стихъ шумъ дрожекъ, и полозья саней двигались по улицѣ безъ скрипа и ёрзанья, точно по пушистымъ покрываламъ...

Всѣ эти впечатлѣнія пробѣгали передъ глазами Михаила Петровича Мещерина, спустившагося, въ половинѣ двѣнадцатаго, съ гранитныхъ ступенекъ главнаго входа Публичной Библіотеки.

Онъ остановился на тротуарѣ и, щурясь отъ солнечныхъ лучей, отраженныхъ снѣжнымъ полотномъ, началъ вглядываться въ площадку передъ памятникомъ, гдѣ на лавочкахъ уже сидѣло немало всякаго народа.

Михаилъ Петровичъ, часа полтора передъ тѣмъ, взялъ около отеля «Belle-Vue» посыльнаго, далъ ему сложенную вдвое бумажку и приказалъ выправить по ней адресъ въ Адресномъ Столѣ, а потомъ принести ему справку къ памятнику Екатерины не позднѣе двѣнадцати часовъ.

Скоротать полтора часа нетрудно на самомъ бойкомъ мѣстѣ

Невскаго: тутъ и Гостиный Дворъ—онъ же любилъ ходить подъ его арками, и Пассажъ, и нѣсколько кофеенъ; газеты, новыя книги, эстампы, выставленные въ окнахъ и шкапчикахъ. Но его не тянуло ни въ Гостиный, ни въ кондитерскія, ни къ витринамъ лавокъ и магазиновъ. Онъ пошелъ въ Публичную Библіотеку. Ему нужно было остаться одному, въ какой-нибудь просторной залѣ, среди обязательной тишины...

Давно, чуть не десять лѣтъ назадъ, заходилъ онъ въ Публичную Библіотеку, забылъ даже расположеніе большой лѣстницы и залъ. Въ передней онъ разсѣянно отдалъ служителю свое мѣховое длинное пальто, въ первый разъ надѣтое имъ сегодня послѣ трехлѣтняго житья заграницей... По лѣстницѣ онъ поднялся съ опущенной головой и только на верхней площадкѣ поднялъ ее и тревожно оглянулся.

— Гдѣ читальная зала? спросилъ онъ у длиннаго рябоватаго сторожа, проходившаго изъ однихъ дверей въ другія.

— Налѣво пожалуйте.

Михаилъ Петровичъ взялъ налѣво и остановился въ дверяхъ читальной залы. Она ему показалась черезъ-чуръ тѣсна и заставлена. Читали еще далеко не за всѣми столами; но, все-таки, пространства было мало. Почему-то онъ ожидалъ, что зала—круглая, совершенно такая, какъ въ Британскомъ Музеѣ, съ прозрачнымъ куполомъ, съ широкимъ проходомъ вокругъ всей залы, по которому можно ходить сколько душѣ угодно, никому не мѣшая, ступая по гуттаперчевымъ циновкамъ.

Зато тихо было. Михаилъ Петровичъ взялъ, безъ всякой опредѣленной мысли, нѣсколько бумажекъ для записыванія требуемой книги, присѣлъ къ порожнему столу, оглядѣлъ чернильницу, бумагу, перо, посмотрѣлъ на потолокъ и совершенно машинально написалъ на одной изъ бумажекъ, русскими буквами: «Бэнъ», потомъ зачеркнулъ и на другой бумажкѣ вывелъ отчетливѣе и старательнѣе: «*Bain*»—и остановился, блуждая глазами по лицамъ.

Почему онъ написалъ это имя? Въ ушахъ его оно пронеслось съ той именно интонаціей, съ какой произнесъ его наканунѣ докторъ Фигуровскій, совѣтуя заглянуть въ какую-нибудь общедоступную книжку по психологіи.

Рука Михаила Петровича продолжала выводить по-англійски: «The emotions and the will». И только когда заглавіе было дописано, онъ вспомнилъ, что эта книга у него есть въ шкапу; онъ вспомнилъ даже когда, гдѣ и за сколько онъ ее купилъ, и какой на ней англійскій тисненый переплетъ... Онъ началъ вспоминать и то, что̀ у него осталось въ памяти изъ ея содер-

жанія. Многое осталось; но урывками, не въ порядкѣ... Еслибъ его начали сейчасъ экзаменовать, онъ не могъ бы даже сказать: сколько именно родовъ «волненій» признаетъ Бэнъ... Но вопросъ о содержаніи книги постоялъ въ его головѣ небольше какъ на нѣсколько мгновеній. Что̀ потомъ писала его рука— онъ не замѣчалъ; кажется, ставила годъ и форматъ изданія. И на другихъ бумажкахъ онъ что̀-то писалъ...

А въ головѣ дрожали, перемежаясь, двѣ фразы: «Неужели она?» и потомъ «Почему же нѣтъ?» И каждый разъ, когда являлся первый вопросъ, его щемило за сердце; а второй только отдавался гдѣ-то внутри, хоть и чувствительно, но съ мѣньшей болью. И онъ за него схватывался гораздо чаще, чѣмъ за первый, и шелъ дальше, начиналъ раздумывать какъ будто спокойно и даже небрежно... Ну, что̀-жь изъ этого? Развѣ это—такой ужасный и невозможный фактъ? Его слѣдуетъ допускать ежесекундно. Фактъ этотъ существуетъ самъ по себѣ и въ его жизни уже не участвуетъ, и такъ давно не участвуетъ... Память даже выѣла его...

Но отчего же такъ все вдругъ и мгновенно всплыло и двѣ фразы ежесекундно прыгаютъ предъ его внутреннимъ зрѣніемъ? Минуты тащатся и летятъ для него въ одно и то же время. Тащатся вообще: онъ уже разъ пять смотрѣлъ на часы; стало быть, время идетъ недостаточно скоро. Летятъ—потому, что онъ не успѣваетъ удержать своихъ мыслей; онѣ стремительно, помимо его воли, вертятся все въ одномъ и томъ же кругѣ.

Когда время дошло до половины двѣнадцатаго, Михаилъ Петровичъ (точно что̀ его дернуло за руку), еще разъ вынулъ часы и посмотрѣлъ. Бумажекъ онъ не разорвалъ, а положилъ въ карманъ и тутъ только изумился тому, какъ могъ онъ цѣлыхъ полтора часа просидѣть за столомъ, ничего не читая, ни на что̀ не глядя, ничего не дѣлая, кромѣ писанья заглавій на бумажкахъ?.. И какъ это никто не обратилъ на него вниманія? Кажется, рѣшительно никто... Могли бы принять за полоумнаго...

Онъ улыбнулся: до такой степени жизненно, нормально, хорошо, напряженно чувствовалъ онъ все въ своей головѣ. Если онъ не могъ сдержать своихъ мыслей, то кто же ихъ можетъ сдерживать, когда онѣ вызваны внезапнымъ чувствомъ?.. Это—законъ природы...

Въ сѣняхъ онъ уже внимательнѣе надѣлъ на себя пальто и даже пощупалъ, есть ли у него въ правомъ ухѣ смоленый канатъ. Канатъ былъ на мѣстѣ. Затворивъ за собою дверь подъѣзда, Михаилъ Петровичъ глубоко вдохнулъ въ себя струю морознаго воздуха и почувствовалъ замѣтное облегченіе. Главное

жданье было позади. Теперь уже все равно, какой будетъ отвѣтъ. Онъ могъ бы и самъ за нимъ поѣхать—и сдѣлалъ бы это скорѣе посыльнаго. Посыльный извощика не возьметъ, а деньги положитъ въ карманъ; но тамъ, въ Адресномъ Столѣ, будетъ народъ, писецъ придетъ со справкой и станетъ выкликать имя...

А этого-то онъ и не хотѣлъ, ни подъ какимъ видомъ! И посыльный былъ отправленъ.

Михаилъ Петровичъ перешелъ улицу, обогнулъ скверъ и поднялся на площадку къ памятнику. Нѣсколько скамеекъ стояло пустыхъ. Снѣгъ съ нихъ смели. Присѣсть было можно. Посыльному онъ приказалъ дожидаться около самаго памятника.

Прошло небольше десяти минутъ. Онъ уже больше не выказывалъ признаковъ нетерпѣнія, а глядѣлъ въ сторону Невскаго и слѣдилъ то за одними, то за другими извощичьими санями. Народъ по тротуару шелъ весело, постукивая сапогами и калошами и поглядывая на всѣ стороны, какъ это всегда бываетъ въ день первопутья на бойкихъ улицахъ.

— Извините, сударь, раздалось въ бокъ отъ Михаила Петровича:—небось опоздалъ немножко.

Посыльный, худощавый блондинъ съ наружностью почтальона, стоялъ передъ нимъ. Онъ зашелъ со стороны Аничкова Дворца и протягивалъ осьмушку желтоватой бумаги—справку изъ Адреснаго Стола.

— А значится? звонко и почти радостно спросилъ Михаилъ Петровичъ.

— Точно такъ, отвѣтилъ посыльный и кашлянулъ въ руку.

— И скоро выдали?

Этотъ вопросъ вылетѣлъ изъ устъ Михаила Петровича неожиданно для него самого: онъ тотчасъ же почувствовалъ его безполезность и даже немного стѣснился.

— Нѣтъ-съ, бойко отвѣтилъ посыльный, приподнимая слегка свой картузъ съ бляхой.—Народищу—страсть: добрыхъ полчаса ждалъ.

— Вы получили? проговорилъ Михаилъ Петровичъ, все еще не беря бумажку изъ рукъ посыльнаго.

— Какъ же-съ... счастливо оставаться.

Бумажка перешла въ руку Михаила Петровича. Онъ сѣлъ на скамью и долго глядѣлъ вслѣдъ фигурѣ посыльнаго, пошедшаго по совершенно прямой линіи, отъ него, чрезо всю площадку, къ своему мѣсту, около дверей отеля; все такой же походкой, какой онъ несъ справку Адреснаго Стола.

А за посыльнымъ пошла и мысль Михаила Петровича. Сколь-

ко такой малый исходитъ въ день? Поди, верстъ двадцать, а то и больше. Но всѣ ли посыльные и почтальоны худощавы? Заграницей ему случалось видѣть толстыхъ-претолстыхъ письмоносцевъ; особливо въ Парижѣ. Ему припомнился даже анекдотъ. Не то онъ его отъ кого-то слышалъ, не то читалъ въ какомъ-то мелкомъ французскомъ листкѣ. И вспомнилъ даже про кого. Про какого-то фельетоннаго романиста. Фамилія тоже вертѣлась у него на языкѣ. Романистъ страдалъ ожирѣніемъ, и велѣно ему было докторомъ гулять какъ можно больше. Спускается онъ, въ первый разъ, на моціонъ и внизу натолкнулся на почтальона—еще толще его. «Сколько километровъ вы дѣлаете въ день?»—«Да километровъ двадцать», отвѣчаетъ тотъ. Романистъ, не говоря ни слова, поднимается къ себѣ и ложится на диванъ.

Все это пронеслось въ головѣ Михаила Петровича отчетливо, о̀бразно, съ чѣмъ-то даже подмывательнымъ: точно будто онъ самъ вслухъ разсказываетъ анекдотъ пріятелямъ и при этомъ чувствуетъ себя въ духѣ, попадаетъ въ тонъ.

А бумажка все еще лежала между большимъ и указательнымъ пальцемъ правой руки. Онъ держалъ ее такъ рыхло, что она упала къ нему на пальто.

Михаилъ Петровичъ очнулся и схватилъ ее.

Но онъ не сталъ прямо читать то, что̀ было написано рыжими чернилами и плохимъ писарскимъ почеркомъ. Онъ сначала прочелъ про себя, выговаривая каждый слогъ, то, что̀ стояло наверху бланка, и только тогда началъ разбирать адресъ. Стояла почему-то не улица, а часть и участокъ съ нумеромъ дома. Онъ постарался сообразить: гдѣ это можетъ быть и, дѣйствительно, сообразилъ, что въ одной изъ улицъ, идущихъ отъ Литейной; по всей вѣроятности, въ одномъ изъ переулковъ.

И тогда уже надо было поднять глаза строчкой повыше и прочесть: *Мартель, Клавдія Андреевна, дочь дворянина.* Прочтя, Михаилъ Петровичъ распахнулъ пальто и засунулъ бумажку въ боковой карманъ, съ маленькимъ напряженіемъ въ лицѣ, какое дѣлаютъ, когда кладутъ бумажникъ въ застегнутый на̀глухо сюртукъ. Выраженіе осталось дѣловымъ и взглядъ сталъ сосредоточеннѣе. Какъ будто больше ничего ему и ненужно было. Онъ поднялся со скамьи, перешелъ площадку, повернулъ съ Невскаго на Малую Садовую и пошелъ нѣсколько ускоренной походкой.

Михаилъ Петровичъ искалъ пустой улицы, площади, прогулки, набережной, какого-нибудь мѣста, гдѣ бы ему не попадались на каждомъ шагу пѣшеходы и сани. Въ головѣ его пока ничего не произошло: ни взрыва, ни внезапнаго удара, ни осо-

беннаго возбужденія. Отъ времени до времени мелькала только одна мысль въ видѣ слова: «разумѣется!» Больше у него ничего не выходило. Остановится онъ на углу, дастъ проѣхать санямъ, перейдетъ на другой тротуаръ, и опять слышится ему внутри себя слово: «разумѣется»... Онъ почти вслухъ произноситъ его губами.

Черезъ Царицынъ Лугъ пошелъ онъ къ набережной, забывая, что двѣнадцать часовъ давно пробило, что Ида Николаевна ждетъ его. Онъ, вѣдь, ничего не сказалъ утромъ, что завтракать дома не будетъ.

Поровнявшись съ памятникомъ Суворова, онъ полѣзъ рукой въ боковой карманъ пальто, вынулъ бумажку и вслухъ прочелъ:

«Мартель, Клавдія Андреевна, дочь дворянина».

II.

Съ полчаса бродилъ Михаилъ Петровичъ, зашелъ въ Лѣтній Садъ, покрывшійся снѣгомъ и инеемъ, присаживался на скамью и тотчасъ же вскакивалъ. Тамъ было уединеніе; но не такое, какого жаждала его душа. Передъ глазами мелькали то серебристая вѣтвь дерева, то солнечный лучъ, то кусокъ неба, или ѣзда по набережной, сквозь рѣшетку. На улицахъ—еще хуже... Безпрестанно идутъ навстрѣчу, надо смотрѣть впередъ и подъ ноги, сторониться. Мысль не можетъ никакъ собрать себя, уйдти въ глубь сознанья. А ему необходимо остаться абсолютно одному, въ какой-нибудь кельѣ, пожалуй, хоть въ тюрьмѣ, чтобы взглядъ упирался въ какую-нибудь тусклую, сѣрую стѣну...

На перекресткѣ какихъ-то улицъ — уже далеко отъ набережной—онъ вскинулъ голову и прочелъ на длинной и полинялой вывѣскѣ: «Номера для пріѣзжающихъ». Въ головѣ его слово «номера», мелькомъ прочитанное имъ на вывѣскѣ, само собой, безъ всякаго усилія, уже замѣнилось другими мыслями. Номера... стало быть, и комнаты: тѣсныя, скучныя, съ ободраннымъ диваномъ, съ неприглядными обоями...

Онъ нашелъ входъ, поднялся по деревянной темной лѣстницѣ и отперъ стеклянную дверь на блокѣ... Оттуда пахнуло затхлымъ запахомъ пара, табаку и жилья.

Тотчасъ налѣво открывался узкій коррилоръ; направо—окно; у окна—родъ ларя съ облѣзлой кожаной подушкой. Михаилъ Петровичъ оглянулся и очень твердо крикнулъ:

— Кто тутъ есть?

Не такъ скоро вышелъ черноватый, приземистый номерной, съ грязной тряпкой въ одной рукѣ и умывальникомъ въ другой. Онъ равнодушно и нѣсколько строго спросилъ:

— Номеръ?

Спросилъ онъ это такъ, какъ будто никто ни о чемъ другомъ и говорить съ нимъ не можетъ.

— Номеръ, отвѣтилъ ему въ тонъ Михаилъ Петровичъ.

— Въ какую цѣну; почище?

Номерной поставилъ умывальникъ на окно; но тряпки не бросилъ.

— Нѣтъ, какой есть, отвѣтилъ Михаилъ Петровичъ и тотчасъ же пошелъ за номернымъ.

Тотъ на полпути пріостановился и болѣе глухимъ голосомъ и какъ-то въ сторону проговорилъ:

— Вы, господинъ, съ женщиной?

— Ка̀къ? полуиспуганно откликнулся Михаилъ Петровичъ.

Краска такъ и охватила все лицо Михаила Петровича. Онъ только въ это мгновеніе вполнѣ понялъ, о чемъ его спрашивалъ корридорный и спрашивалъ такъ, точно будто ему была заказана порція котлетъ, а онъ освѣдомляется: съ горошкомъ ее подать или съ картофелемъ? Этотъ бытовой, непокрытый цинизмъ заставилъ Михаила Петровича выйти изъ того напряженья воли, которое привело его въ «Номера для пріѣзжающихъ». Точно ему въ лицо брызнули тонкой струей свѣжей воды... Онъ сталъ пристальнѣе смотрѣть и на номернаго, и въ глубь корридора, и на рядъ дверей направо и налѣво. Вернуться онъ, однако, не могъ: то, что̀ въ немъ происходило въ эту минуту, было уже слишкомъ далеко отъ вопроса номернаго. Даже усмѣшка прошлась по его плотно сжатымъ губамъ.

Номерной отворилъ одну изъ дверей направо и впустилъ Михаила Петровича.

Комната сразу отвѣтила на всѣ его желанія: одно окно съ синей сторой, ширмы, клеенчатый диванъ, гороховые закоптѣлые обои.

— Рубликъ не дорого будетъ? спросилъ номерной.

Михаилъ Петровичъ досталъ бумажку и торопливо всунулъ ему въ руку.

— На чаекъ, если будетъ ваша...

Было дано и на чаекъ. Но номерной все еще не уходилъ и уже бойчѣе, фамильярнѣе освѣдомился:

— Поджидаете изъ города? Или прикажете...

— Хорошо, хорошо, нетерпѣливѣе заговорилъ Михаилъ Пе-

тровичъ и прибавилъ: — да вы мнѣ, любезнѣйшій, скажите: вы точно боитесь оставить меня одного?

— Это кàкъ вамъ будетъ угодно... вы только извольте кликнуть, когда понадобится... а оно точно, продолжалъ онъ нѣсколько другимъ тономъ: — теперь мы насчетъ этого часто въ сумнѣніи. Господа стали и нашему брату непріятность дѣлать.

— Кàкъ это? спросилъ Михаилъ Петровичъ и остановился даже въ сниманіи пальто.

— Да вы сами изволите знать... и въ газетахъ, въ полицейскихъ... недѣли не пройдетъ: то пулю пуститъ, то переночуетъ, а утромъ глядишь—и духъ вонъ—глотнётъ чего.. И добро бы ужь господа, чиновники, али студенты, а то—барышни и тѣ...

И на лицѣ его явилась особая усмѣшка: не то онъ сожалѣлъ, не то онъ говорилъ объ этомъ, какъ о «невѣжествѣ».

— Ахъ, вотъ чтò!... громче откликнулся Михаилъ Петровичъ, и сталъ снимать пальто.

Номерной подсобилъ ему, повѣсилъ пальто на крючекъ и взялся за ручку двери.

— Не бойтесь! сказалъ ему вслѣдъ Михаилъ Петровичъ.

И эта мысль о самоубійствѣ, неожиданно высказанная номернымъ, была цѣлой пропастью отдѣлена отъ того, чтò въ немъ происходило. Тамъ, дальше, черезъ недѣлю, черезъ день, даже черезъ два часа, онъ еще не зналъ, кàкъ обойдется съ самимъ собою; но въ эту самую минуту онъ только скользнулъ по слову «самоубійство»; оно не сказалось въ головѣ никакимъ яснымъ образомъ.

Комната выходила на дворъ своимъ единственнымъ окномъ. Справа выступала желтая стѣна надворнаго строенія и отнимала у комнаты половину свѣта. За ширмами, гдѣ стояла желѣзная кровать, совсѣмъ постланная, было еще темнѣе. Михаилъ Петровичъ съ чувствомъ внезапной гадливости посмотрѣлъ на кровать, байковое одѣяло и жидкую подушку. Онъ поставилъ стулъ въ промежутокъ между кроватью и печкой и сѣлъ на него. Глаза его имѣли предъ собой полосу обой—и больше ничего. Обои шли въ клѣтку, съ турецкими узорами по срединѣ каждой клѣтки. Глаза Михаила Петровича съ минуту какъ бы разбирали очертанія узоровъ, но однообразіе ихъ взяло свое: вѣки опустились, никакое внѣшнее впечатлѣніе уже больше не тревожило его ни на одну секунду; все замерло вокругъ него, только внутри началась работа. Онъ зналъ, что она начнется, какъ только онъ останется совсѣмъ одинъ въ запертой комнатѣ...

То слово: «разумѣется», которое всю почти дорогу прыгало у

него въ головѣ, явилось снова первымъ, раньше какихъ бы то ни было мыслей, вопросовъ, волненій. Въ немъ сидѣлъ главный смыслъ... Да, ничего не было въ самомъ фактѣ изумительнаго; а онъ его *такъ* поразилъ. Разумѣется, *она* могла очутиться въ Петербургѣ. Въ Петербургъ всѣ стремятся, кто любитъ людей, кто думаетъ, кто ищетъ честнаго дѣла. Вдобавокъ *она*, вѣдь—петербургская... Онъ и это забылъ. Все, все рѣшительно вылетѣло у него изъ головы! По крайней мѣрѣ, три, четыре года предавался онъ этому забвенію; и не забвенію даже, а точно полнѣйшему забытью; все равно, что онъ спалъ летаргическимъ сномъ. Возможно ли это? Такъ было. Отчего?

Этотъ первый опредѣленный вопросъ задалъ Михаилъ Петровичъ отъ себя: все предыдущее шло отдѣльно, само по себѣ. Онъ только слѣдилъ за переплетаньемъ мыслей...

Отчего? Отъ болѣзни. Иначе быть не могло! Только одни физическія страданія въ состояніи были завѣсить густымъ покрываломъ цѣлую полосу жизни, не оставить отъ нея ни одной крупинки въ совѣсти, въ памяти, въ сознаніи. И вотъ — одинъ звукъ, и все стоитъ опять въ обновленной яркости, связно, отчетливо, какъ будто это было вчера. Никакого промежутка нѣтъ, никакого перерыва. Напротивъ, четыре эти года забвенія отошли совсѣмъ туда, куда-то, въ глубь. Они уже не застилаютъ собою ни одной песчинки прошедшаго, а все пятятся и пятятся назадъ; все очищаютъ захваченное пространство и говорятъ: *забвенья нѣтъ и быть не можетъ*. Ты былъ боленъ—теперь ты выздоровѣлъ...

Каждый годъ изъ тѣхъ, что позади четырехъ послѣднихъ — началъ выплывать, одинъ за другимъ, отъ конца къ началу; чуть не мѣсяцъ за мѣсяцемъ, или, по крайней мѣрѣ, все, что только выдавалось покрупнѣе. Вотъ онъ женится на Идѣ Николаевнѣ. Какъ скоро состоялась эта свадьба! Ея чувство къ нему сказалось сразу—искренно, наивно, молодо. Онъ точно къ цѣлебному источнику припалъ къ этой живой струѣ молодости, доброты, прирожденной поэзіи. Натосковался онъ тогда въ своемъ новомъ одиночествѣ, не могъ жить безъ женскаго сочувствія, безъ нѣжности. Дальше. Вотъ его первый откровенный разговоръ съ «Идочкой». Онъ говоритъ съ ней не какъ влюбленный, а почти какъ отецъ, тономъ второго друга; да и какъ же ему было говорить тогда: онъ на двадцать лѣтъ старше ея? Она его ни о чемъ не допрашивала, но это-то и заставило его быть съ ней откровеннѣе. Вотъ передъ нимъ та именно минута; онъ вспомнилъ даже, что было это на прогулкѣ, погода стояла сѣренькая; они присѣли подъ деревья, около пруда въ ора-

ніенбаумскомъ паркѣ. Помнитъ даже, что на ней была короткая мантилья съ тремя воротниками, изъ чернаго легкаго сукна, и каждый воротникъ обшитъ узенькимъ золотымъ галунчикомъ. Она жадно и довѣрчиво слушаетъ его; а въ рукахъ у нея букетъ изъ нарванныхъ ею же самой сухихъ травъ; другой рукой она подрѣзываетъ ихъ стебли ножницами. Ему было легко начать признанье, не въ любви своей къ ней, а въ прошедшемъ. Но посрединѣ признанья онъ ограничился общими фразами... Онъ не лгалъ, не изворачивался—нѣтъ—и теперь въ немъ живы всѣ тогдашніе душевные мотивы. Но ему казалось *это* такъ просто... Оно было позади, пережито; перестрадалъ онъ *все это* или былъ увѣренъ въ томъ, что перестрадалъ. Зачѣмъ же лишнія подробности, невеселыя и ненужныя? Одного слова достаточно было, чтобы все выяснить—онъ его и произнесъ. «Идочка» взглянула на него одинъ разъ вопросительно: даже букетъ свой положила себѣ на колѣни. Вотъ передъ нимъ этотъ взглядъ. Теперь онъ вполнѣ понимаетъ его. Ей хотѣлось знать: «какъ же та-то? Что̀ же ей досталось на долю? Какимъ же порядкомъ все это обошлось?» Но «Идочка» не знала ни русской жизни, ни русскихъ порядковъ. Въ ея большихъ глазахъ дрожала только одна общая мысль, великодушный откликъ на запросъ: «ка̀къ же та-то?»

А вотъ и минута, когда онъ вошелъ къ себѣ, тоже въ номеръ; но уже не здѣсь, а далеко отсюда, и, свободно, почти радостно вздохнувъ, выговорилъ вслухъ:

— Свободенъ!.. На долго ли?

Ему и тогда сдавалось, что одинъ онъ долго не проживетъ, что онъ снова надѣнетъ на себя ту же добровольную, *законную* цѣпь и будетъ еще сильнѣе тяготиться, еще тревожнѣе искать «настоящаго дѣла». Онъ вернулся въ гостиницу и, совершенно такъ, какъ сейчасъ, наткнулся на корридорнаго; тотъ спросилъ его, фамильярно ухмыляясь:

— Праздравить прикажете?

Этотъ корридорный зналъ: *какое* у него дѣло было. Онъ впускалъ къ нему и секретаря, и протоколиста и, разумѣется, выпыталъ и отъ нихъ, и отъ простыхъ писарей: по какому дѣлу пріѣзжій господинъ живетъ въ гостиницѣ цѣлыхъ три недѣли? Корридорный, ухмыляясь нахально, попросилъ даже на водку. И это его не возмутило. Онъ слишкомъ былъ переполненъ сознаніемъ своей свободы.

Вотъ и еще одна минута, наканунѣ разбирательства: сцена прощанья. Оно обошлось безъ слезъ, безъ фразъ, серьёзно, сухо. Въ ея лицо онъ пристально не всматривался; но голосъ зву-

чалъ у ней особенно. Подали руку другъ другу джентльмэнски, даже она, кажется, спросила: въ Петербургъ ли онъ возвращается, или ѣдетъ за-границу. Она сама собиралась поселиться гдѣ-то на югѣ, въ Одессѣ: онъ помнилъ, что слово «Одесса» было произнесено.

III.

Михаилъ Петровичъ еще не чувствовалъ утомленья въ спинѣ, сидя на жесткомъ стулѣ со спинкой, упиравшей его въ лопатки. Онъ весь ушелъ въ тѣснившіеся передъ нимъ образы...

Опять онъ вернулся къ «разбирательству». Неужели этому уже пять слишкомъ лѣтъ? Быть не можетъ! Гдѣ же въ головѣ сохраняются въ такой яркости всѣ краски, всѣ подробности, всѣ ощущенія самыхъ этихъ подробностей?..

Свѣтлый лѣтній день, такъ часовъ около двѣнадцати... Въ просительской, на длинномъ кожаномъ диванѣ, дожидается онъ, поглядывая на дверь направо, надъ которой узкая синяя доска съ золотыми буквами: «Присутствіе». Онъ ждетъ выхода секретаря. Роль свою онъ отлично знаетъ, и ему даже смѣшно немножко. Не вѣрится даже, чтобъ все это именно *этакъ* можно было устроить. Такъ онъ преисполненъ какого-то особеннаго довольства, что не замѣчаетъ даже другихъ просителей. Ему совсѣмъ не жутко было предстоящаго судилища. Онъ совершенно увѣренъ, что все обойдется «какъ по писанному». Наканунѣ секретарь только зналъ, что повторялъ ему:

— Вы только не извольте вдаваться въ околичности... А такъ этакъ пократче отвѣчайте на всѣ вопросы, какіе вамъ могутъ задать господа члены, пократче... Остальное уже я направлю. И соблаговолите въ такомъ именно порядкѣ излагать, какъ я вамъ докладывалъ...

Все онъ знаетъ: и порядокъ, и выраженія, и что̀ отвѣтить на случай какихъ вопросовъ. Никогда еще ни одинъ экзаменъ не казался ему такимъ легкимъ. Онъ вспоминаетъ даже, сидя на просительскомъ диванѣ, что мальчикомъ отвѣчалъ архіерею по билету, заранѣе положенному на срединѣ большого стола, покрытаго зеленымъ сукномъ. Дали ему протвердить краткую священную исторію о переходѣ евреевъ чрезъ Чермное Море и блужданіе въ пустынѣ. И книжку онъ вспомнилъ: въ корешкѣ, такую тощую и плохо напечатанную.

Направо, изъ присутствія, сквозь притворенную дверь—около нея стоитъ сторожъ—доносятся рѣзкіе, гортанные голоса: одинъ

мужской, другой женскій. Женскій особенно сильно заливается, все выше и выше; можно разобрать и слова.

Наканунѣ секретарь предупредилъ, что первымъ по очереди будетъ слушаться дѣло еврея-перекрещенца съ его женой, уличающей его въ разныхъ нарушеніяхъ.

— Они насчетъ этого очень безпокойны, объяснилъ ему секретарь.—Крестились-то они вмѣстѣ, а своихъ старыхъ-то порядковъ забыть не могутъ. У нихъ—вѣдь, вы изволите знать—при свидѣтеляхъ что-то такое жена мужу сказала... ужь не припомню какъ тамъ по Талмуду—ну, и кончено!

Пришлось ждать съ добрый часъ; но ему не было ни скучно, ни жутко. Онъ зналъ также, что *она* ждетъ въ другой комнатѣ. Идти было-бы неловко, да имъ больше не объ чемъ и сговариваться...

Выбѣжалъ секретарь и на пути въ канцелярію кинулъ вполголоса:

— Мы—живой рукой... іудейское племя больно ужь расходилось...

Еще пришлось пождать. Дверь растворилась шире: еврей, должно-быть, отставной писарь, съ посѣдѣлыми курчавыми волосиками на вискахъ, съ носомъ, раздутымъ отъ табаку, съ военнымъ картузомъ въ рукахъ, вышелъ вслѣдъ за своей женой, толстой еврейкой въ чепцѣ и ковровомъ платкѣ.

Она продолжала кричать и даже браниться.

— Не пойду я къ тебѣ!..

Мужъ только ухмылялся и повторялъ:

— Иди, иди, старая...

«Однако, ея дѣло—не выгорѣло», думалъ онъ, все еще сидя на диванѣ. Окликъ секретаря заставилъ его встрепенуться.

— Пожалуйте-съ, вотъ только протоколистъ покурить сходитъ.

Онъ обдернулъ сюртукъ—фрака онъ разсудилъ не надѣвать.

Вошелъ онъ въ присутствіе первый и остановился у окна. Черезъ простѣнокъ еще окно. Свѣтъ изъ нихъ обливаетъ всю комнату, занятую длиннымъ столомъ. Вправо, въ бокъ отъ стола—пюпитръ, въ ростъ человѣка—для протоколиста. Лицо у протоколиста широкое съ круглыми черными рябинами, плохо выбритое—настоящее «приказное» лицо. Онъ засучилъ правый рукавъ потертаго виц-мундира. Михаилъ Петровичъ въ первый только разъ замѣтилъ тогда, что пуговицы у него, да и у секретаря также, серебрянныя, а не золотыя. Столикъ секретаря у третьяго окна, выходившаго прямо противъ двери,

Налѣво у самаго края стола, весь въ черномъ—членъ, изъ молодыхъ—онъ-же и предсѣдатель, склонилъ совсѣмъ бѣлокурую

голову на плечо. На самой срединѣ головы волосы у него вылѣзли и проборъ — широкій, вокругъ котораго по полукругу... Волосы лоснятся—нѣжно желтаго цвѣта. Выраженіе лица кроткое, утомленное, уныло скучающее, совсѣмъ не пытливое. Голубые глаза съ длинными рѣсницами. Во всей черной фигурѣ его что-то мягкое, женственное. Онъ какъ будто совсѣмъ и не присутствуетъ, а только смотритъ и, можетъ быть, слушаетъ. Михаилу Петровичу онъ очень понравился и придалъ еще больше безпечной бодрости. По правую сторону стола, къ срединѣ—высокая, большая, кудрявая, съ просѣдью голова. «Вотъ этотъ будетъ навѣрно задавать вопросы—слишкомъ боекъ», думаетъ онъ. И въ самомъ дѣлѣ, фигура размашистая, широкая, носъ вздернутый, голосъ звонкій и раскатистый.

Кончилось чтеніе. Протоколистъ спѣшилъ и глоталъ слова. Секретарь останавливалъ его и дополнялъ «своими словами».

Въ ушахъ, до сихъ поръ, точно звучатъ «устныя показанія». Видѣлъ онъ и «письменные документы». На нее онъ не смотритъ, и она на него также; но смущенья онъ еще не чувствуетъ никакого.

Вдругъ послѣ ея показанія, раздается нѣжный, поющій голосъ:

— Не похвально.

Это произнесъ бѣлокурый предсѣдатель. Больше онъ ничего не сказалъ. Даже какъ будто застыдился, что и такое слово выговорилъ. Михаилу Петровичу показалось оно очень забавнымъ.

Тутъ только онъ взглянулъ на нее и понялъ впервые, какъ она перемѣнилась. Около него стояла пожилая женщина. Взглядъ потухъ, грудь опала, на вискахъ бѣлѣлись пряди сѣдыхъ волосъ. И вдругъ ему страшно захотѣлось крикнуть:

— «Все это—неправда, ложь: мы обманывали васъ, она ни въ чемъ не виновата!»

И вслѣдъ затѣмъ онъ испугался—стремительно, неудержимо, чуть не съ дрожью, точно будто онъ, утопая, самъ выпустилъ изъ рукъ спасительный шестъ, протянутый ему съ берега.

— А позвольте узнать, спросилъ его «бойкій членъ»:—не находилась-ли обвиненная въ сношеніяхъ съ кѣмъ либо изъ сродственниковъ своихъ послѣ того, какъ не могла уже сокрыть болѣе своего предъ вами прегрѣшенія?

Вопросъ такъ его озадачилъ, что онъ, хоть и оправился отъ своего страха, но не могъ совладать съ замѣшательствомъ.

Ему подоспѣлъ на помощь секретарь.

— Обстоятельство это, громко и внушительно возразилъ тотъ,

оборачиваясь въ сторону бойкаго члена:—не относится къ существу дѣла. Продолжайте! крикнулъ онъ протоколисту.

А потомъ все пошло еще лучше. Черезъ четверть часа, его выпустили назадъ въ просительскую. Ея уже не было. Секретарь выбѣжалъ шепнуть ему:

— Будьте благонадежны... и добавилъ:—въ которомъ часу прикажете обезпокоить васъ?

Сторожа улыбались. Онъ имъ далъ по зелененькой и въ канцеляріи совалъ кому-то пакетецъ.

И весь день, послѣ «слушанія дѣла», ни единаго раза не пришло ему на память ея лицо, тамъ, передъ длиннымъ столомъ; не вспоминалъ онъ и своего внезапнаго движенія—такого простого, естественнаго, необходимаго...

Онъ былъ слишкомъ хорошо подготовленъ. Развѣ не она сама подготовляла его и привела къ убѣжденію, что надо такъ именно сдѣлать, что она не приметъ жертвы, что ей самой *такъ* лучше, что она не задумается, если надо будетъ рискнуть и не боится запрета, который, по закону, ляжетъ на нее.

Всплыла въ памяти и вся первая сцена съ длиннымъ разговоромъ, гдѣ онъ долго не сдавался, хотя внутренно чувствовалъ тайное желаніе сдаться на ея доводы. Она много не говорила. Она пришла съ готовымъ рѣшеніемъ. Все у ней вышло такъ продуманно, правдиво, глубоко и просто. Она его знала лучше, чѣмъ онъ самъ себя разумѣлъ. Много разъ она ему это доказывала.

— Я неспособна, говорила она ему спокойно и твердо:—я неспособна, Михаилъ Петровичъ—такъ она его часто звала—вдохнуть въ тебя то, чего ты ищешь. Ты изныванешь. Тебѣ нужна другая женщина. Слышишь, женщина, а не холостая свобода, не одиночество. Отъ него ты совсѣмъ захирѣешь. Поэтому, тебѣ необходимо сохранить свою свободу. Ты долженъ имѣть право, по закону, вступить въ новый бракъ.

Возразить ей было такъ легко. Онъ и пробовалъ, но вяло, безъ огня, безъ вѣры въ свои слова.

— Почему же ты (это онъ говорилъ и слышалъ даже теперь звукъ своего голоса), почему ты, а не я? Я старше тебя. Ты—женщина. Мнѣ рискнуть гораздо легче, еслибъ я и захотѣлъ впослѣдствіи связать судьбу съ другой женщиной.

Говорилъ онъ это, да; но его голосъ не шелъ въ душу ни ей, ни ему самому. Она его легко разбила на всѣхъ пунктахъ.

— Ты меня знаешь, отвѣтила она, опять все также просто и точно даже безстрастно:—у меня натура холодная. Дѣтей у ме-

ня нѣтъ и ни отъ кого не будетъ. Зачѣмъ же мнѣ новое замужство?

Онъ слушалъ ее и провѣрялъ про себя ея доводы. Ему было и стыдно, и легко, и онъ съ тайною радостью сознавалъ, что она говоритъ правду. Дѣйствительно, дѣтей нѣтъ «и не будетъ». Кому же лучше знать и чувствовать это, какъ не женщинѣ? Ему тогда не пришло самаго простого вопроса: да полно, она ли виновата въ томъ, что дѣтей нѣтъ? Да и дѣйствительно ли она—холодная натура, ненуждающаяся въ сочувствіи, въ супружеской любви? Кажется, онъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, убѣждался на каждомъ шагу въ томъ, что она полна заботы, доброты, горячаго желанія уйти въ его жизнь, принести себя въ жертву... Только это все—въ тихихъ формахъ, сдержанно, спокойно, съ неизмѣннымъ выраженіемъ лица... Ничего этого онъ не думалъ тогда. Тогда онъ внутренно тяготился и ея формами, и ея сдержанностью, и спокойствіемъ, и тономъ—всѣмъ... Онъ такъ увлекся радостнымъ чувствомъ освобожденія, что не замѣтилъ даже, съ какими подробностями можно добиться того, что̀ она ему предложила. Онѣ ему совсѣмъ и не представились. Точно будто дѣло состояло въ томъ, чтобы избавиться отъ однихъ непріятностей фиктивнаго наказанія... И вплоть до того дня, когда онъ уѣхалъ «хлопотать», онъ ни разу не вошелъ сердцемъ или воображеніемъ въ то, ка̀къ «необходимо» поставить дѣло, чтобы добиться какого-нибудь результата...

Вотъ они передъ нимъ, всѣ мелкіе эпизоды подготовленій: совѣщанія, визиты, подъискиваніе нужныхъ личностей. Проходятъ передъ нимъ фигуры, одна другой лучше. И онъ нетолько не возмущался, но даже съ особенной «дѣловитостью» входилъ во все, хотя и старался пачкаться поменьше, хлопоталъ о томъ, чтобы «грязь погрязнѣе» дѣлалась заглазно...

Тутъ о̀бразы прекратились. Ихъ точно что̀ оборвало...

Михаилъ Петровичъ съ изумленіемъ видѣлъ, ка̀къ одинъ поступокъ до такой степени выдвинулся, что все остальное какъ будто и не существовало. Только этотъ поступокъ и заставлялъ работалъ всѣ душевныя силы.

Когда ощущеніе дошло до своего крайняго предѣла, Михаилъ Петровичъ всталъ со стула и заходилъ по номеру. Долго и пространно двигались въ его головѣ картины прошедшаго. Онъ посмотрѣлъ на часы: прошло всего двадцать минутъ.

Но оставались еще «выводы». За ними онъ и пришелъ. Голова заработала еще скорѣе. Своя личная жизнь, всѣ эти волненія, желчь, горечь, недовольство, поиски людей и дѣла вплоть

*

до вчерашней ночной сцены въ спальной—все это поблѣднѣло передъ приговоромъ:

«Ты сдѣлалъ гадость; ты обрекъ любящую женщину на позорную и непоправимую жертву».

Мысль облеклась въ рѣзкія слова̀. Онъ видѣлъ ихъ не только у себя внутри, но и передъ глазами. Слово «гадость» онъ даже два раза выговорилъ про себя. Дальше пошли уже гнѣвные возгласы. Развѣ онъ смѣетъ чего-нибудь требовать отъ жизни и людей, когда его прошедшее осквернено такимъ безповоротнымъ преступленіемъ? Ка̀къ же ему иначе назвать свой поступокъ? Совѣсть спала четыре года; она встрепенулась отъ одного звука!

Лицо Михаила Петровича уже не краснѣло отъ натисковъ совѣсти; оно не успѣвало отвѣчать налёту грозныхъ обличеній. Съ холоднымъ ужасомъ уходилъ онъ въ глубь проснувшейся души и чувствовалъ заранѣе, что каждый новый приговоръ будетъ еще безпощаднѣе...

А голова дѣлала только свое обычное дѣло. Она только разсуждала: она не могла пойти въ своей работѣ ни направо, ни налѣво.

Если онъ такъ бездушно допустилъ одну преданную женщину до постыдной жертвы, то чѣмъ же обезпечена *вторая?* И вторая помучается съ нимъ годъ-другой, увидитъ, что ея чувство не согрѣваетъ его, что она не можетъ наполнить его жизни, а дѣтей у него и отъ нея нѣтъ. Вотъ она и придетъ къ нему точно такъ же, какъ первая жена, и скажетъ:

«Миша, отпусти меня; тебѣ нужна другая жена, я тебя не могу понять: я только раздражаю своей неразвитостью, ты связанъ по рукамъ и по ногамъ. Мнѣ зачѣмъ свобода, я — человѣкъ простой, не страстный, другого я любить неспособна, я буду учиться и проживу припѣваючи. Отпусти меня, Миша. Я готова взять все на себя, если ты можешь добиться развода».

Да̀, она способна на это; онъ знаетъ ее, хоть и не живетъ, да и никогда не жилъ, ея душевной жизнью такъ, ка̀къ бы ему слѣдовало. Что̀ же легче: представить себѣ одну изъ такихъ сценъ, какъ вчерашняя? Развѣ онъ владѣетъ собой въ подобныя минуты? Все ему противно, тягостно; онъ клянетъ свое прошедшее, требуетъ новыхъ интересовъ, дѣла, впечатлѣній, людей... Сто̀итъ ей дождаться одной такой минуты, и онъ поддастся ея увѣреніямъ, ея просьбѣ; онъ увидитъ въ нихъ, пожалуй, худо скрываемое желаніе отдѣлаться отъ него!..

Кто же ему поручится за него самого?.. Болѣзнь выкинула у

него изъ памяти цѣлое преступленіе. Пройдетъ полгода, годъ, онъ опять его забудетъ...

Значитъ: или теперь, или никогда.

Михаилъ Петровичъ остановился передъ вопросомъ: какъ же поправить старое зло? Онъ не можетъ идти къ первой своей жертвѣ и требовать отъ нея, чтобы она на себя донесла, призналась въ своемъ сообщничествѣ—въ томъ, что взяла на себя добровольно ложь и обманъ... Старое зло непоправимо... Тѣмъ скорѣе надо обрѣзать пути къ новому.

Со смѣсью изумленья и стыда сознавалъ Михаилъ Петровичъ, что впервые, во всю свою жизнь, понялъ онъ: что̀ такое для женщины то положеніе, до котораго онъ допустилъ свою первую жену. Теперь только понялъ онъ: до какой степени тяжело и безъисходно гнететъ и мужа, и жену невозможность иначе разойдтись, какъ съ обманомъ и лишеніемъ правъ. Но это не выгораживало его самого въ собственныхъ глазахъ; а скорѣе еще усиливало возмущеніе совѣсти...

Личность Иды Николаевны заслонила собою строгую фигуру первой жены. Но гдѣ же въ немъ любовь къ этому молодому, искреннему, до наивности свѣжему существу? Нѣчего обманывать себя: настоящей любви нѣтъ! Есть только полу-отеческое сочувствіе. Но онъ, вѣдь, загубилъ на половину ея жизнь. Она поступила прямо въ сидѣлки, тотчасъ послѣ ихъ свадьбы. Три года безостановочныхъ тревогъ, три года колебаній между жизнью и смертью для любимаго человѣка...

«Неужели она меня страстно любитъ?» съ ужасомъ спросилъ себя Михаилъ Петровичъ и опять присѣлъ, но уже не на стулъ, а на диванъ.

Душный воздухъ комнаты начиналъ его безпокоить. Онъ растегнулъ сюртукъ и верхнюю пуговицу жилета.

Онъ не могъ отвѣтить даже на этотъ вопросъ. Въ ея великодушіи онъ не сомнѣвался; но измѣрить любовь ему некогда было: онъ слишкомъ поглощенъ былъ собой съ тѣхъ поръ, какъ познакомился съ ней и назвалъ ее женой. Сначала онъ весь уходилъ въ свою «холостую» хандру, потомъ въ болѣзнь; а теперь въ поиски новой дѣятельности.

Да онъ не знаетъ даже достовѣрно, насколько она его любитъ. Хорошо, если только жалѣетъ. А что̀ если страстно предана на жизнь и смерть?

Михаилъ Петровичъ отеръ платкомъ лобъ и оперся о спинку дивана. Минутное колебаніе воли прошло.

— Тѣмъ болѣе, уже вслухъ шепталъ онъ:—тѣмъ болѣе... Чего-же

ждать? Чтобы любовь стала роковой привычкой и подсказала ей такую же жертву, какъ той?.. Никогда!

Онъ всталъ и началъ надѣвать пальто.

Въ головѣ остались только два-три предмета, побочныхъ, житейскихъ. Они показались ему маленькими, ничтожными... Вѣдь, онъ, мѣсяцъ тому назадъ, распорядился всѣмъ своимъ имуществомъ. Еще заграницей, тотчасъ по выздоровленіи, онъ рѣшилъ, что какъ только пріѣдетъ въ Петербургъ, напишетъ свое завѣщаніе. И ничего не сказалъ Идѣ Николаевнѣ. Зачѣмъ же ей знать? Узнаетъ, когда нужно будетъ. Что̀ бы ни случилось, она не останется безъ куска хлѣба.

А *та?..* Чѣмъ она живетъ? И вообще—ка̀къ она живетъ, что̀ у ней въ головѣ, въ сердцѣ, въ надеждахъ и стремленіяхъ? Онъ не имѣетъ нравственнаго права идти къ ней и допытываться до всего этого. Она должна выгнать его. Быть можетъ, бьется, даетъ уроки, или читаетъ корректуры. Быть можетъ, явились болѣзни... Быть можетъ, есть и дѣти... отъ *тайной* связи. Она не замужемъ: про это говоритъ справка Адреснаго Стола, да и знакомые зовутъ ее «Мартель», а не другой какой фамиліей.

Весь этотъ рядъ вопросовъ, быстрыхъ, сливающихся въ одну радугу, переплетался въ головѣ Михаила Петровича, когда онъ шелъ по корридору. Номерного не было. Поспѣшно, точно крадучись, проскользнулъ онъ въ стеклянную дверь и спустился съ лѣстницы.

Погода нѣсколько нахмурилась. Михаилъ Петровичъ взялъ извозчика и проѣхалъ прямо къ себѣ.

Ида Николаевна вышла къ нему на встрѣчу и начала разспрашивать: не голоденъ ли онъ?

Голодъ онъ чувствовалъ и попросилъ дать ему закусить въ кабинетъ, гдѣ заперся до самаго обѣда.

IV.

Еслибъ не маленькое безпокойство къ часу завтрака, Ида Николаевна была бы совершенно довольна своимъ днемъ. Такъ у ней все спорилось, никто ей не помѣшалъ; она во̀-время кончила свои «задачки» и успѣла пройтись пѣшкомъ по Царскосельскому Проспекту съ Мосей на привязи..

На лицѣ мужа, когда она, выйдя къ нему на встрѣчу въ переднюю, спрашивала его: «не голоденъ ли?», она ничего «особеннаго» не примѣтила. Одно только было немного странно: когда Михаилъ Петровичъ снялъ съ себя мѣховое пальто, то

сюртукъ его и верхняя пуговица жилета оказались растегнутыми. Такой небрежности за нимъ никогда не водилось—развѣ ему очень нездоровится. Онъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ мѣрными шагами, видимо желая остаться одинъ, поработать...

Обѣдъ прошелъ тихо. Обыкновенно, какъ только Михаилъ Петровичъ задумается немного, Идѣ Николаевнѣ дѣлается неловко. Но сегодня она смотритъ на него безъ всякой тревоги, не боится никакой вспышки. Даже мысль про «то», что должно непремѣнно «всплыть» снова—не приходитъ ей.

— Ты, вѣдь, никуда не собираешься? спросилъ ее Михаилъ Петровичъ, послѣ обѣда, проходя съ ней въ кабинетикъ.

Онъ иногда оставался тамъ часа два, читалъ ей что-нибудь вслухъ или соображалъ насчетъ домашнихъ дѣлъ.

— Нѣтъ, отвѣтила Ида Николаевна и сейчасъ же подумала: «вотъ это хорошо, онъ очень спокоенъ; навѣрно хочетъ мнѣ читать».

Сидѣть съ работой около лампы и слушать чтеніе Михаила Петровича, особливо что-нибудь «дѣльное»—лучше этого вечерняго удовольствія она и придумать не могла.

Но книги Михаилъ Петровичъ не взялъ. Онъ присѣлъ на диванъ, поправилъ на письменномъ столѣ какую-то вещицу, посмотрѣлъ на календарь изъ красной юфти и поправилъ бумажку съ днемъ недѣли.

— Принести книгу? тихо выговорила Ида Николаевна, отыскивая шитье въ ящикѣ рабочаго столика, стоявшаго въ углу, противъ большаго кресла.

— Погоди, сказалъ Михаилъ Петровичъ и весь какъ-то вытянулся.

Она остановилась у портьеры и пристальнѣе оглянула его Ей почему-то показалось, что онъ хочетъ сказать что-нибудь смѣшное.

— Не станешь читать? спросила она, перешла къ лампѣ и опустилась противъ него на кресло.

— Выслушай меня, Ида.

— Что ты это какъ торжественно? Какой ты смѣшной, Миша! весело откликнулась она, складывая на груди руки.—Я тебя слушаю.

— Ты помнишь, какъ звали ту женщину, про которую разсказывала.. эта Кильдіарова?

— Помню... вѣдь, я тебѣ говорила, кажется? Какая-то Мартель.

— И ты не знала, кто эта... Мартель?

— Да и теперь не знаю.

— Эта Мартель—моя первая жена...

Ида Николаевна сначала не поняла, быстро поглядѣла мужу въ глаза и увидѣла въ нихъ, что онъ не шутитъ. Она не вѣрила этому выраженію его глазъ; но въ памяти ея воскресла [illegible]-же сцена въ ораніенбаумскомъ паркѣ, уже представлявшаяся сегодня Михаилу Петровичу... Она сидитъ и подстригаетъ букетъ изъ сухихъ травъ. Онъ говоритъ ей про свое первое супружество. Да, имени онъ не произносилъ... Но развѣ онъ не говорилъ, что та женщина умерла?.. Или это ей такъ показалось? Однако, она съ этой мыслью сжилась. Давно уже... И съ тѣхъ поръ никогда, никогда она не думала о томъ, что̀ было съ нимъ до ихъ встрѣчи. Она бы и сама кончила свою жизнь въ полномъ забвеніи его первой женитьбы.

Вѣдь, она умерла? полу-вопросительно заговорила Ида Николаевна.

Я никогда тебѣ этого не говорилъ, горячо отозвался Михаилъ Петровичъ.

Или я такъ вообразила себѣ? поправилась Ида Николаевна.

Да, ты вообразила себѣ. Она жива—и здѣсь живетъ.

Почемъ-же ты знаешь, Миша, развѣ мало...

Она еще не понимала, куда идетъ разговоръ; ей не хотѣлось смущаться. Но трудно ей было сразу помириться съ тѣмъ, что та женщина живетъ, и здѣсь въ Петербургѣ, и она могла съ ней познакомиться, можетъ встрѣтиться не нынче, завтра.

— Я знаю, раздались слова̀ Михаила Петровича:—я справлялся...

Ты справлялся? стремительно переспросила Ида Николаевна.

Да, я справлялся... въ Адресномъ Столѣ. Я тебя вчера разбудилъ и спросилъ тебя: ка̀къ зовутъ эту Мартель. Ты вспомнила имя: Клавдія.

Клавдія, повторила блѣдная Ида Николаевна.

— Ну да, Клавдія Андреевна зовутъ ее. И въ справкѣ Адреснаго Стола стоитъ: Мартель, Клавдія Андреевна—дочь дворянина.

Онъ проговорилъ это съ такимъ выраженіемъ, точно тутъ же прочелъ по бумажкѣ.

«Зачѣмъ же это? И Богъ съ ней!» мелькнуло въ головѣ Иды Николаевны.

— Пускай живетъ—намъ-то что̀-же? вырвалось у нея, и лобъ ея наморщился.

— Она-то будетъ жить, продолжалъ Михаилъ Петровичъ раздѣльно и упирая на слова:—да я то сдѣлалъ скверное дѣло и

скрыть это отъ тебя, когда нужно было сказать все, до послѣдняго слова...

Ида Николаевна подалась впередъ и растерянно поглядѣла на мужа.

— Чтò ты говоришь, Миша? прошептала она и сдѣлала жестъ рукой, точно хотѣла зажать ему ротъ.

— Говорю то, чтò было...

— Я не понимаю.

Онъ подробно, въ такомъ порядкѣ, въ какомъ ему приходили на память всѣ пережитыя минуты, началъ ей разсказывать, кàкъ онъ поддался убѣжденіямъ своей первой жены и пошелъ на разводъ...

— Ей хотѣлось быть свободной! почти закричала Ида Николаевна и приподнялась съ кресла. Щеки ея пылали.

— Ты не имѣешь права оскорблять ее, спокойно вымолвилъ Михаилъ Петровичъ.—Я тебѣ не стану даже доказывать, что ты на нее клевещешь. Но положимъ, что ты права. А я-то кàкъ поступилъ?

— Поступилъ такъ, какъ тебѣ говорила совѣсть.

— А ты знаешь, кàкъ у насъ разводятъ мужа съ женой?

Ида Николаевна опустила голову и тихо выговорила:

— Законовъ я не знаю... слышала, что можно разводиться...

Опять дѣвчонкой, дурочкой, ничтожествомъ почувствовала она себя, признаваясь въ томъ, что не знаетъ, кàкъ разводятъ мужа съ женой.

— Въ этомъ дѣлѣ кто-нибудь одинъ остается виноватымъ. Чтò-же, по твоему, долженъ былъ сдѣлать мужъ, когда жена убѣждаетъ его разстаться съ ней, когда она видитъ, что онъ самъ тяготится супружеской жизнью?

— Я не знаю...

— Ты не хочешь подумать, Ида, глуше заговорилъ Михаилъ Петровичъ:—ты только войди сердцемъ въ положеніе этой женщины и знай, что кто возьметъ на себя вину передъ закономъ— тотъ и бываетъ наказанъ... Онъ долженъ будетъ отказаться отъ новаго брака. Ты это понимаешь? строже спросилъ онъ.

Она понимала то только, что онъ добивался отъ нея какого-то приговора, и она не хотѣла его произносить. Зато, она поняла то, что этотъ разговоръ приведетъ къ чему-нибудь похожему на ея «выводъ» третьяго дня ночью.

— Чтò-жъ такое! отвѣтила она: если ты хочешь, чтобъ я все тебѣ сказала, чтò у меня на душѣ... еслибъ сейчасъ встрѣтилась съ тобой такая женщина, о какой я мечтаю, я-бы ушла, я-бы отдала тебѣ твою свободу... Я, Миша, рѣшила это...

Начала она совсѣмъ съ другой мыслью и незамѣтно, быстро, кончила тѣмъ, чего онъ отъ нея не ждалъ, о чемъ и не думалъ допрашивать ее... И это ее не испугало; слова вылетали изъ ея устъ, а она сидѣла, сложа руки на груди, и глядѣла на него безъ смущенія, съ одной только любовью...

— Вотъ этого-то я и не хочу! сильно и жестко выговорилъ Михаилъ Петровичъ.—Слушай: моя несчастная натура заставила ту, кого ты оскорбляешь своимъ недовѣріемъ—рѣшиться на жертву. Она была также виновата, какъ ты, понимаешь? такъ же, какъ ты, и я это прекрасно зналъ, и былъ такъ гнусенъ, что согласился на подлогъ, на обманъ, на ея добровольный позоръ... Ты все еще не понимаешь... Изволь, я тебѣ разскажу, кàкъ дѣлаются у насъ бракоразводныя дѣлà...

Онъ перевелъ духъ и сталъ съ улыбкой, скосившей его нервный ротъ, разсказывать ей, чуть не день за днемъ, кàкъ подготовлено было ихъ дѣло, сначала здѣсь, въ Петербургѣ, а потомъ въ провинціи. Все, до послѣдней подробности, припомнилъ еще разъ Михаилъ Петровичъ и съ какой-то злой радостью выставлялъ на показъ свое малодушіе и эгоизмъ.

Ида Николаевна слушала, не сопротивлялась правдивости разсказа, поняла все, успѣла даже продумать по своему то, чтò произошло въ душѣ мужа и жены—и, все-таки, не могла возмутиться.

— Чтò-же ты скажешь? вызывающимъ тономъ спросилъ ее Михаилъ Петровичъ.

— Такъ вышло, какъ должно было выдти... Къ чему же было тебѣ страдать?..

— А ей слѣдовало?

Онъ раздраженно разсмѣялся.

— Конечно, отвѣтила она сдержанно и вдумчиво:—кàкъ же я могу возмущаться, Миша, когда на ея мѣстѣ я точно бы также поступила?.. Въ чемъ-же твоя вина? Что ты согласился? Да вѣдь она тебя стала умолять... Она видѣла, что ты тоскуешь, что вы не сошлись, что тебѣ нужна другая жена... а себя она обрекла, по доброй волѣ.

— На позоръ!..

— Да какой же позоръ, Миша?.. Кто объ этомъ знаетъ? вѣдь, вотъ даже Марья Сергѣевна не знаетъ, былъ ли ты женатъ въ первый разъ. Мнѣ часто говорили, когда еще мы съ maman заграницей жили, что разводки сплошь и рядомъ выходятъ замужъ. Обвѣнчаются въ другомъ городѣ, или въ деревнѣ, или заграницей... А она до сихъ поръ не замужемъ... Кто же тебѣ сказалъ,

что она страдаетъ отъ этого? Дѣтей у васъ не было—стало-быть, еще лучше...

Слова лились у Иды Николаевны свободно, безъ всякаго напряженія, въ головѣ ея стало проясняться и даже блеснула полная надежда на то, что это все пройдетъ. Она ожидала чего-нибудь пострашнѣе.

— Ты способна на то же? перебилъ ее Михаилъ Петровичъ.

— Способна...

— Но я неспособенъ больше!.. Довольно, будетъ съ меня. Никакихъ жертвъ я больше не желаю... Сегодня я сдерживаю себя; а завтра меня прорветъ — и я начну, какъ третьяго дня, ночью, метаться и безумствовать. Тутъ вотъ ты и явишься съ такимъ же предложеніемъ... Я этого не хочу, Ида! Слышишь ты?!. Не хочу!.. Ты молода, предъ тобой много жизни! То, что я принялъ отъ женщины, ни въ чемъ неповинной, то ты должна принять отъ меня!..

Крупныя капли выступили на лбу Михаила Петровича. Все лицо поводило; глаза острымъ взглядомъ упирались въ одну точку. Но Ида Николаевна не чувствовала смущенія. Она не могла, она не хотѣла отвѣчать ему въ тонъ.

— Что-жь ты собираешься дѣлать, Миша? почти съ усмѣшкой спросила она.

— Ты не понимаешь?

— Если ты не шутишь, если это что-нибудь... совершенно серьёзное... то я буду разсуждать такъ... Позволь мнѣ справиться съ моими мыслями вслухъ: ты меня жалѣешь, боишься за себя, ожидаешь отъ меня такой же жертвы и хочешь все это предупредить—вѣдь, такъ?

— Да, хочу, упорно выговорилъ Михаилъ Петровичъ.

— Какъ же это сдѣлать? Не думаешь ли ты о второмъ разводѣ? Мнѣ его не нужно, да и тебѣ также. Вотъ я что тебѣ скажу, Миша: умри я сегодня, и тогда ты не женись—тебѣ не надо жениться, въ тебѣ женатая жизнь только поднимаетъ хандру.

— Но развѣ я о себѣ! крикнулъ Михаилъ Петровичъ, и звукъ оборвался у него въ груди.

— А меня ты не смѣешь заставлять идти на такое дѣло, гдѣ ты возьмешь на себя вину. Слышишь! Я этого не сдѣлаю никогда и прошу тебя больше объ этомъ не говорить.

Она отошла къ двери въ спальню.

— Не хочу я обмана! Не хочу я жертвъ! повторялъ Михаилъ Петровичъ, теряясь отъ словъ ея, не находя новыхъ доводовъ, чувствуя точно изъ-подъ ногъ его что уходитъ.

— Никто ихъ и не приноситъ, мягче и спокойнѣе отозвалась Ида Николаевна.

— Я только заѣдаю твой вѣкъ! Я не люблю тебя совсѣмъ!

Восклицаніе было такъ болѣзненно и зазвучало такой правдой, что Ида Николаевна вся перемѣнилась въ лицѣ и сдѣлала два шага къ дивану.

— Ты меня не любишь, промолвила она, стараясь не поднимать голоса:—я и не требую. Я это поняла. Я тебѣ—не ровня. Ты тосковалъ, когда встрѣтился со мною. Тебѣ тяжело было жить безъ ласки. Я говорю это безъ горечи, Миша. Ничего новаго ты мнѣ не сказалъ. Твоя доброта и теперь видна во всемъ, что̀ я слышала здѣсь. Больше мнѣ ничего не надо. Не ты, а я заѣдаю твой вѣкъ... Вернись къ этой женщинѣ...

— Къ кому? съ изумленіемъ спросилъ онъ.

— Къ твоей первой женѣ... Развѣ я мѣшаю? Послушай. Она подсѣла къ нему близко и взяла за руку.—Третьяго дня, ночью, я рѣшила: ка̀къ только ты встрѣтишь женщину, которая скраситъ тебѣ жизнь... все равно, сколько бы ты ни прожилъ... я уйду... Да̀, Миша, это рѣшено мной... Но зачѣмъ же тутъ разводъ? Всѣ эти... гадости. Ну, да̀, это — гадости — ты такъ ихъ называешь... Зачѣмъ ихъ? Тебѣ не слѣдуетъ жениться... А пока ты живъ — ничьей женой я не буду. Ты видишь, я говорю все это совершенно просто.

Слезы не брызнули у ней изъ глазъ. Она даже и не сдерживала ихъ. Ей отрадно было выговорить все это, до послѣдняго слова.

И у него не нашлось возраженій. Онъ смотрѣлъ человѣкомъ, получившимъ отказъ въ такомъ дѣлѣ, къ которому готовился цѣлую жизнь. Онъ не ожидалъ, что она именно *такъ* поведетъ себя, *такъ* будетъ говорить. Начинать съизнова онъ не могъ.

А у Иды Николаевны явилось новое чувство: она точно сняла съ плечъ тяжесть. Больше ей уже не нужно думать о «томъ», что̀ было третьяго дня ночью. Она теперь это знаетъ. Дальше сама жизнь поведетъ обоихъ. Никакой тайны между ними уже нѣтъ, никакой тревоги не должно быть и для нея. Чего же бояться? Вѣдь, уже это рѣшено и высказано. Любви она не требуетъ. Онъ ей дорогъ. Она и должна устроить заново его жизнь и разстаться съ нимъ дружески... да и разставаться *совсѣмъ* не надо... Она будетъ навѣщать его, непремѣнно...

Паузу прервалъ Михаилъ Петровичъ.

— То, что̀ я сказалъ, Ида, второй разъ я не повторю.

— И я также, Миша, весело отвѣтила она.—А ты лучше вотъ что̀ мнѣ скажи: тебѣ непріятно, что *она* здѣсь? Поѣдемъ куда

тебѣ угодно. Или съѣзди въ Москву, прокатись; я повидаюсь съ ней, я съ ней объяснюсь откровенно.

— Этого еще недоставало!..

— Почему же нѣтъ?

— Ни ты, ни я не имѣемъ права являться къ ней съ объясненіями. И наконецъ, мнѣ все равно: здѣсь она или нѣтъ.

— Я тебѣ не вѣрю: это слишкомъ сухо. Мы объ ней оба позабыли—и ты, и я. А теперь надо поправить эту забывчивость. Къ чему же дѣлать изъ этого такую мрачную исторію?.. Миша, Миша! И безъ того дня не проходитъ, чтобы ты себя не мучилъ... Прошу тебя, поручи мнѣ все, какъ другу, какъ твоему младшему брату... Я все устрою... можетъ, она нуждается, больна, или хочетъ тебя видѣть? Отчего же не повидаться?.. Для меня все это такъ просто.

И она не лгала. Она вѣрила въ сбыточность и простоту того, что̀ говорила въ эту минуту.

Грузно поднялся Михаилъ Петровичъ съ дивана. Онъ видѣлъ, что жена его точно какой броней была защищена отъ всего. Съ поникшей головой удалился онъ изъ ея кабинетика.

«Ничего!» подумала она и вся просіяла.

V.

Прошло три дня. Ида Николаевна очень мало видѣла своего мужа. Онъ сталъ уѣзжать съ утра. Раза два предупредилъ, что завтракать дома не будетъ. Погода стояла морозная и свѣтлая. За здоровье Михаила Петровича ей нѣчего было бояться. Напротивъ: чѣмъ больше онъ на воздухѣ, тѣмъ она за него спокойнѣе.

Марья Сергѣевна заѣхала къ ней на четвертый день, вечеромъ—и не одна.

Вслѣдъ за ней въ гостиную вошла госпожа Кильдіарова. Ида Николаевна не ожидала этой гостьи, но она думала про нее всѣ эти дни, съ самаго разговора въ кабинетикѣ. Ей даже хотѣлось встрѣтиться съ ней на лекціи, но та на анатомію больше не являлась. Новое чувство, не то любопытства, не то раздраженія, зарождалось въ ней каждый разъ, когда она представляла себѣ другую женщину... знакомую этой Кильдіаровой—Клавдію Андреевну Мартель.

— Мы къ вамъ на минуточку, заговорила Марья Сергѣевна, входя въ мѣховой шапочкѣ.

Отъ ея щекъ шелъ морозный воздухъ. Отъ подъема на лѣстницу она немного запыхалась.

— Вотъ Варвара Павловна, продолжала она, указывая на Кильдіарову:—попросила меня заѣхать къ вамъ. Мы отправляемся на одно совѣщаніе... не хотите-ли?

— На какое совѣщаніе? пугливо спросила Ида Николаевна.— Ахъ, нѣтъ!.. Я—не охотница... не умѣю говорить... Здравствуйте, обратилась она въ сторону Кильдіаровой.—Садитесь, пожалуйста.

Она выговорила все это гораздо любезнѣе, чѣмъ бы *нужно* было, еслибъ взглянуть на эту госпожу Кильдіарову взглядомъ Михаила Петровича.

Длинные волосы новой гостьи были подобраны въ обыкновенную косу, сложенную пополамъ. Она тоже была въ шапочкѣ изъ черныхъ мерлушекъ. Pince-nez, на этотъ разъ, не торчалъ на носу.

— Садитесь, пожалуйста, повторила Ида Николаевна, начиная уже терять самообладаніе... Ей предстояла мука «заниманья».— Не хотите ли, mesdames, чаю?

«Настоящая купчиха», пристыдила себя Ида Николаевна.

Отъ чая ни та, ни другая не отказались. Марья Сергѣевна сѣла на диванъ, а госпожа Кильдіарова стала оглядывать стѣны и потолокъ, потомъ подсѣла къ столу и развернула альбомъ.

— Не упирайтесь, Мещерина, вдругъ крикнула она Идѣ Николаевнѣ:—намъ нужны женщины молодыя, свѣжія... и со средствами... понимающія всякую нужду. Аристократокъ намъ не надо... Курить у васъ, поди, нельзя? спросила она тѣмъ же тономъ и продолжала перелистывать альбомъ.

— Вы не бойтесь, говорила въ свою очередь Марья Сергѣевна, ласково оглядывая Иду Николаевну:—у насъ все будетъ очень просто... Соберется немного: всего три, четыре особы... Вотъ, знакомая Варвары Павловны... Мартель... Я ея еще не знаю лично...

— Ахъ, и она будетъ?

Ида Николаевна быстро оглянулась въ сторону Кильдіаровой.

— Вотъ ужь, Мещерина, съ кѣмъ бы вамъ нужно было сойтись!.. Только жаль, что я одна расхваливала вамъ эту женщину, прибавила Кильдіарова.

— Отчего же... жаль?

— Да, вѣдь, вы меня за неприличную барыню считаете—я это вижу.

Марья Сергѣевна громко разсмѣялась и переглянулась съ Идой Николаевной.

— Я съ дѣтства—такая... Въ этомъ никто не виноватъ. Маменька

ушибла... Знаете, какъ у Гоголя... Такъ мнѣ и во всемъ удача была, начиная съ милѣйшаго моего супруга.

Лица обѣихъ женщинъ на диванѣ перемѣнили выраженіе. Кильдіарова это тотчасъ замѣтила.

— Только вотъ что̀, медамочки, еще громче заговорила она.— Сдѣлайте вы мнѣ такую милость, не смотрите вы на меня, какъ на несчастную жертву...

— Да откуда вамъ это все приходитъ? перебила Марья Сергѣевна, немного стѣсняясь за внезапную откровенность своей знакомой.

— Я ужь знаю!.. Этакое несчастье быть разводкой!.. Только слово мнѣ не нравится.

— А будто-бы вы совершенно спокойны? нерѣшительно промолвила Ида Николаевна.

— Теперь—я въ царствіи небесномъ! Не знаю, когда у насъ настоящій разводъ будетъ; а пока, слава тебѣ Господи, что можно видъ на жительство получить. На счетъ этого съ такими милашками, какъ мой супружникъ, здѣсь въ Петербургѣ—расправа короткая!..

Все это она говорила, перелистывая альбомъ. Она нисколько не рисовалась. Слова̀ вылетали у нея отрывисто, безъ всякой перемѣны интонаціи. Слушая ее, Ида Николаевна сначала не знала, ка̀къ ей относится къ этому признанію; но Кильдіарова задѣла прямо жгучую тэму; точно нарочно выбрала ее для перваго визита.

Видно было, что и Марья Сергѣевна въ первый разъ слушала такое именно изліяніе своей знакомой: она ожидала, вѣроятно, отъ нея меньшей развязности.

— А какая же... эта расправа? весело спросила она.

— Да призовутъ... къ Іисусу и скажутъ: вы смотрите, не извольте важничать. Женѣ вашей съ вами жить нельзя. Давайте ей видъ. Небось, упираться не будетъ. За каждымъ мужчиной водятся шалу̀шки. А такой, какъ мой благовѣрный, только пригласи его повѣсточкой кое-куда—его лихорадка затрясетъ, какъ только онъ бланкъ-то печатный увидитъ!..

Не вѣрить ей не могла Ида Николаевна. Кильдіарова говорила слишкомъ искренно, при всей безцеремонности своей манеры. И такую смѣшную она сдѣлала гримасу, передразнивая, вѣроятно, трусливость своего мужа, что нельзя было не разсмѣяться.

Ида Николаевна сдержала смѣхъ и подумала съ чувствомъ тайнаго стыда:

«И такъ можно говорить о человѣкѣ, съ которымъ шелъ на жизнь и смерть?»

— Я думаю, замѣтила она, точно для себя:—что надо имѣть очень серьёзныя причины, чтобы добиться своего...

— Серьёзныя, серьёзныя! перебила Кильдіарова и захлопнула альбомъ.—Мой благовѣрный для другой, быть можетъ, и годится, да для меня не годится. Я такихъ людей не выношу.

— Чтò же такъ? полушутливо спросила Марья Сергѣевна.

— Скверннѣющій!

Ида Николаевна сразу и не поняла оттѣнка презрѣнія, заключавшагося въ окончаніи слова.

— Кàкъ? наивно переспросила она.

— Скверннѣющій! тѣмъ же звукомъ повторила Кильдіарова и пересѣла на кресло, около дивана.—Ни одна женщина съ характеромъ не вынесетъ такой рохли...

«Кàкъ же это? продолжала думать Ида Николаевна:—развѣ можно бросить человѣка оттого только, что онъ—*скверннющій*?»

— Вы не любили вашего мужа? стыдливо вымолвила она.

— Любила-ли, вы спрашиваете, Мещерина? Такого слюняйку никто любить не въ силахъ. Да и какая тутъ любовь? Выходишь *такъ*. Оттого, что боишься въ старыхъ дѣвкахъ засидѣться. Да и этого даже нѣтъ. Просто такъ—мужчинка!..

Она сгримасничала и презрительно скривила ротъ.

— Мужчинка? отозвалась смѣшливо Марья Сергѣевна.

— Дà, одна глупость. Какъ будто нельзя безъ нихъ обойтись? Нѣчего сказать: ужасная это сласть. И не понимаю я, кàкъ можно серьёзно къ этому относиться... Точно все дѣло въ томъ, чтобы услаждать какого-нибудь Пантелея Сидоровича и рожать отъ него дѣтей?.. На чтò? Кàкъ ихъ воспитывать, чѣмъ ихъ кормить? Тутъ сотни дѣвушекъ есть; пойдемте, я вамъ ихъ покажу: щей тарелки не имѣютъ, не то что учебныхъ пособій или туалетовъ какихъ!.. Такъ это, я полагаю, поважнѣе супружескихъ сладостей?..

— Однако, позвольте, оживленно возразила Марья Сергѣевна—и глазки ея опять заблестѣли:—нельзя же всѣмъ отказаться отъ брачной жизни?..

Ида Николаевна слушала въ возрастающемъ недоумѣніи: Кильдіарова скорѣе интересовала, чѣмъ возмущала ее.

— Я вамъ и не говорю, чтобъ вы, ни съ того, ни съ сего, вашего Анатолія Никитича бросили. Онъ—хорошій господинъ; я только къ слову. Никакого нѣтъ несчастья въ томъ, что женщина войдетъ въ разумъ и броситъ какую-нибудь тряпку въ панталонахъ!..

— Это тяжело! вырвалось шопотомъ у Иды Николаевны.

— Пустяки! Такъ кажется! Мнѣ совсѣмъ не тяжело; а такъ легко ёще никогда и не бывало, ей Богу! Да вы оглянитесь только. Сколько въ Петербургѣ женщинъ, не живущихъ съ мужьями? Счету нѣтъ: или разведены совсѣмъ по закону... этакихъ еще не такъ много; но простыхъ разводокъ, въ родѣ меня—видимо—невидимо. Я и считать перестала. Чтò-нибудь это значитъ. И кого-же это удивляетъ? Какая нибудь наивность будетъ развѣ огорчаться!

«И я—такая же наивность», досказала про себя Ида Николаевна и тутъ-же стала бояться: вотъ-вотъ, Кильдіарова назоветъ сейчасъ «*ту*». Навѣрное она чтò-нибудь знаетъ.

Но Кильдіарова даже не продолжала, а повернулась въ сторону Марьи Сергѣевны, какъ-бы приглашая ее поторопиться.

— Позвольте, однако, заговорила Марья Сергѣевна:—кàкъ-же можно мириться съ этимъ!.. Сколько тутъ жертвъ. Да развѣ вы не хотѣли-бы быть свободной, имѣть совершенно ясное положеніе...

Она затруднялась въ выборѣ словъ и дальше не развивала своей мысли.

— Мало-ли бы я чего хотѣла, отвѣтила небрежно Кильдіарова.—Мнѣ мой мужъ предложилъ настоящій разводъ. Губа-то у нихъ у всѣхъ—не дура! «Только, говоритъ:—ты на себя все возьми... Тебѣ новый бракъ не нуженъ ты—женщина безъ предразсудковъ». Понимаете вы этотъ милый подходъ?.. «Ты и такъ проживешь... А я—человѣкъ еще молодой; я дѣтей хочу имѣть... въ купеческомъ клубѣ невѣсту себѣ найду».

— Но если онъ все это искренно говорилъ? горячо перебила Марья Сергѣевна.—Почему-же вы отказываете ему въ такихъ законныхъ желаніяхъ?

— Желай онъ себѣ на здоровье! Какое-же мнѣ до этого дѣло. Изъ того, что я съ нимъ не могу и не хочу жить, я должна на уголовное преступленіе идти—вину на себя взваливать?.. Вотъ еще чтò выдумалъ! У меня, кромѣ моего добраго имени, ничего нѣтъ! Пока я съ нимъ возилась, я была его жена, какъ слѣдуетъ, и ужъ, конечно, не унизила бы себя до того, чтобы такую тряпку обманывать съ другимъ мужчиной... Онъ мнѣ сдѣлался противенъ. Это—законное чувство. По доброй волѣ онъ меня не пускалъ—я съумѣла добыть себѣ видъ. Вотъ и все. А тамъ онъ какъ хочетъ живи—мнѣ до этого дѣла нѣтъ!..

Ида Николаевна глядѣла въ лицо Кильдіаровой и замѣчала, кàкъ, съ каждымъ словомъ, оно оживлялось, несмотря на густой слой пудры. Звуки голоса дѣлались все искреннѣе и ис-

кренные. Вся рѣчь Кильдіаровой точно отдалась въ ея собственной душѣ.

— Позвольте, остановила она гостью почти прерывающимся голосомъ:—а еслибъ вашъ мужъ, желая вамъ дать полную свободу, самъ взялъ на себя все?..

— Это—его дѣло! также небрежно отвѣтила Кильдіарова и встала, собираясь уходить.—Да и этого мнѣ не надо. Еслибъ ему охота пришла сдѣлать мнѣ невѣрность и доказать это, я была бы очень рада—еще бы! А участвовать въ комедіи я не согласна... хоть меня и считаютъ, быть можетъ, ужъ какой отчаянной!.. Однако, довольно объ этой матеріи, господа. Всего не переговоришь. Кривцова! намъ пора. Мещерина, вы окончательно не желаете ѣхать?

— Извините меня... хоть на этотъ разъ... просительно проговорила Ида Николаевна.

— Ну, Господь съ вами... Знаете что, Кривцова... Мы, вѣдь, опоздали... Вотъ Мартель, та—олицетворенные часы... Какъ это вамъ не стыдно, Мещерина, вы точно институтка. Это васъ мужъ такъ воспитываетъ?.. Вы ему обо мнѣ говорили, небось?

— Говорила, отвѣтила серьёзно Ида Николаевна.

— Ужь, навѣрно, отплёвывается. Ему все подавай салонныхъ барынь съ тонкими разговорами. Отъ насъ вы не уйдете—такъ супругу вашему и скажите. Здѣсь всѣ хорошія женщины наперечетъ—и надо дѣлать дѣло. А мы, вотъ, только болтаемъ... Идемте, Кривцова.

Марья Сергѣевна увидала, что поговорить ей уже рѣшительно некогда, крѣпко поцѣловала Иду Николаевну и пошла за Кильдіаровой.

— Смотрите, крикнула та изъ передней:—мужу вашему такъ и скажите, что я его не боюсь... Мы и до него доберемся... Намъ нуженъ будетъ секретарь; такъ, чтобъ готовился.

VI.

Неожиданный разговоръ, вызванный «госпожей Кильдіаровой», заставилъ Иду Николаевну впервые пожалѣть о томъ, что у ней нѣтъ друга-женщины старше ея и лѣтами, и опытомъ, и умомъ.

Марья Сергѣевна ей «ужасно» нравилась. Пріятельницей она и теперь уже, про себя, считаетъ ее; но не такого *друга* нужно ей. Съ кѣмъ теперь разъяснить себѣ всю массу вопросовъ, поднятыхъ болтовней «разводки»? Сейчасъ-же, во время разговора,

сказалась разница между тѣмъ, какъ она сама слушала Кильдіарову и какъ Марья Сергѣевна. Въ Марьѣ Сергѣевнѣ замѣтила она одно любопытство или, пожалуй, желаніе «разрѣшить вопросъ» по новому, какъ ей въ эту минуту хотѣлось-бы... Она ничего еще не пережила, изъ того, что передъ ними обѣими взбудоражила Кильдіарова своей исповѣдью. Это сейчасъ же было видно.

А для Иды Николаевны небрежныя, увѣренныя замѣтки Кильдіаровой открывали какой-то особый міръ. Идѣ Николаевнѣ слышались ея слова: «разводокъ, такихъ какъ я — видимо-невидимо!» Ну, положимъ, это — возгласъ дурного тона; но часть правды все-таки есть въ этомъ. И даже такая «отчаянная», какъ Кильдіарова — и та не хочетъ «играть комедію», брать на себя вину понапрасну! Даже ей дорого ея доброе имя... Что же испытывала эта женщина?

Такого именно вопроса она себѣ не дѣлала вчера... А теперь ее начинало охватывать чувство, говорившее вчера въ Михаилѣ Петровичѣ... Какъ долженъ онъ ужасно страдать! И она могла съ нимъ шутить, даже стращать его?!!

Но вѣдь это непоправимо. Для него — да; но она сама можетъ все смягчить, примирить эту женщину съ прошедшимъ, разсказать ей: какъ онъ, послѣ четырехъ-лѣтней жизни, опять вернулся къ своему «проступку», на который она же, эта-то женщина — навела его... Если только она добра и умна — а вѣдь объ ней даже Кильдіарова говоритъ чуть не восторженно — то она все пойметъ, все проститъ и еще теплѣе отнесется къ нему... И кто знаетъ: быть можетъ, въ ней, въ этой самой женщинѣ, и найдется для нея другъ — неизмѣнный, богатый опытомъ, знаніемъ, умомъ...

И странно! Ей почти пріятно, что все это случилось. Михаилъ Петровичъ страдаетъ; зато онъ *живетъ* теперь, не думаетъ о своихъ неудачахъ, не тяготится недостаткомъ людей и задушевнаго дѣла. Цѣлыхъ четыре дня онъ ни разу ни на что не жаловался: ни на петербургскую скуку, ни на погоду, ни на расположеніе духа. Кажется даже, что у него затѣвается что-то дѣловое. Онъ уѣзжалъ въ непоказанные часы и каждый разъ говорилъ ей просто и слегка возбужденно:

— Мнѣ надо, Ида, нѣсколько концовъ сдѣлать.

Она и довольна. «Нѣсколько концовъ», это значитъ: цѣлый почти день. Ѣзда въ саняхъ не раздражаетъ его, а скорѣе успокоиваетъ. Онъ любитъ заѣзжать по дѣлу, ненадолго, выполнять что-нибудь по программѣ, немножко устать. А на другой

[illegible]

[illegible]

[illegible] стала гостей въ кабинетикѣ. Она [illegible] Самыя Мысл[illegible] [illegible]. Но въ [illegible]. Ида Николаевна [illegible] Михаила Петровича [illegible] въ кабинетъ и долго смотрѣла на большой портретъ Дарвина. Съ этимъ «старичкомъ» у нея были свои, совершенно особыя, знакомства. Она знала, что онъ сдѣлалъ и почему его такъ уважаютъ: Михаилъ Петровичъ разсказывалъ ей не разъ: какой идеѣ посвятилъ себя этотъ старичокъ, чего онъ добился, какъ его ученіе обошло весь міръ, какъ изъ него сдѣлали вѣроучителя десятки и сотни ученыхъ... Разсказывалъ онъ ей, какъ живетъ этотъ англичанинъ, сколько у него дѣтей, какая у него обстановка, какъ онъ по-просту, изо дня въ день, дѣлаетъ свои наблюденія и надъ собственными ребятишками, и надъ кроликами, и надъ птицами, и надъ букашками, и надъ самимъ собою... У Иды Николаевны сложился свой полный, жизненный образъ «старичка». Она его полюбила. Онъ ей представлялся олицетвореніемъ глубокой мудрости, простоты и скромности, доведенныхъ до чего-то святого... И съ тѣхъ поръ она стала его звать «Дарвинушка». Кто бы при ней ни говорилъ о немъ и его трудахъ съ мужемъ, у ней въ ушахъ всегда звучало это слово: «Дарвинушка». И она все вбирала въ свою память и укладывала въ особый ящикъ, гдѣ лежали точно отдѣльными бумажки, а на бумажкахъ было написано: «Дарвинушка такъ-то сказалъ про человѣка», «Дарвинушка къ тому-то пришелъ», «Дарвинушка то-то производилъ надъ своимъ 10-тимѣсячнымъ сынишкой». Но взять въ руку его «первое» сочиненіе она не рѣшалась: сознавала себя еще слишкомъ невѣжественной. Михаилъ Петровичъ говоритъ ей бывало:

— Ты не смущайся, Идочка, я тебѣ разъясню, что нужно; ты за идеей-то слѣди.

А она ему всегда отвѣчала:

— Вотъ, вернемся въ Петербургъ. Ты будешь здоровъ. Я засяду какъ слѣдуетъ и пройду все, что̀ нужно, чтобы понимать его.

«Чего нужно» было еще много впереди. Она только на дняхъ въ первый разъ попала на лекцію анатоміи, да и то «не съ самаго начала». А читать дома еще сколько приходится... Духъ захватываетъ!..

Вотъ и вчера. Нѣсколько разъ брала она въ руку новую книжку своего Дарвинушки, гдѣ, какъ на ладони, выложено, ка̀къ узнавать, что̀ у человѣка на душѣ, по его лицу и движеніямъ. Чего бы лучше, какъ не поглотить поскорѣе эту книжку? Тогда ей лицо Михаила Петровича будетъ извѣстно уже не такъ, какъ теперь, не по смутнымъ признакамъ, не по ея «полудѣтскимъ» примѣтамъ и предчувствіямъ, а по наукѣ, по указаніямъ мудраго старичка. Но и къ этой книжкѣ она еще не приготовлена. Безъ анатоміи—будешь понимать изъ пятаго слова въ десятое. Но книжку она, все-таки, взяла съ полки и перенесла къ себѣ, пересмотрѣла ее, узнала, о чемъ говорится, внимательно разобрала всѣ фотографіи и политипажи... И надъ одной главой особенно задумалась. Трудно было ей не соблазниться, когда въ содержаніи этой главы она видѣла такія вещи: *Упадокъ духа*, *безпокойство*, *печаль*, *уныніе*, *отчаяніе*... Да, вѣдь, это—какъ разъ то, чрезъ что̀ Михаилъ Петровичъ проходилъ еще такъ недавно. Этотъ рядъ его душевныхъ болѣзней можетъ и опять повториться... А Дарвинушка, ка̀къ онъ ни глубоко ученъ—все говоритъ ужасно просто, спокойно, безъ всякихъ мудреныхъ оборотовъ; она это прекрасно знаетъ; настолько она въ него, все-таки, заглядывала. Она даже составила себѣ ясный образъ: ка̀къ онъ сидитъ и говоритъ тихо, постариковски:

«Я, право, не знаю навѣрно; можетъ быть, другіе и не такого мнѣнія; но мнѣ вотъ почему такъ кажется»...

И начнетъ нанизывать факты, одинъ другого вѣрнѣе и поразительнѣе...

Вчера она устояла—не развертывала главы VII; а сегодня—не выдержала и углубилась. И такъ ей сдѣлалось отрадно оттого, что ея незнаніе не мѣшаетъ ей: все она понимаетъ въ этой VII главѣ: и слова̀, и факты, и обороты. Не знаетъ только, кто этотъ «Грасіолэ», о которомъ Дарвинушка вначалѣ упомянулъ; но отправилась въ «Примѣчанія», узнала и сообразила. Точно ее что̀ ударило, когда она прочла, даже вслухъ прочла:

«Д-ръ Кригтонъ Браунъ часто замѣчалъ у меланхоликовъ, у

которыхъ брови сохраняютъ наклонное положеніе, особую рѣзкую кривизну верхняго вѣка».

Господи! да вѣдь это и у Михаила Петровича есть, хоть и невсегда; она давно знаетъ эту «рѣзкую кривизну», только не догадывалась, что она сидитъ въ вѣкѣ; ей казалось всегда, что вся половина лица у него немного кривится... На фотографіи сняты такія милыя лица: особенно рожица мальчика, собирающагося «куксить», и онъ же съ выпяченной нижней губкой. Такъ бы она его и разцѣловала. Но вотъ строки, которыя она два раза перечла про себя и никакъ не хочетъ и не можетъ съ ними помириться: дѣло идетъ о печали. Дарвинушка доказываетъ, что выраженіе печали никакъ не схватишь. Какъ же это такъ?..

«Хотя, читаетъ она вслухъ уже въ третій разъ:—это выраженіе всѣми, безъ исключенія, признается, съ перваго взгляда, за выраженіе печали или безпокойства; тѣмъ не менѣе, изъ тысячи людей, не занимающихся этимъ предметомъ, едвали найдется одинъ, который будетъ въ состояніи опредѣлить съ точностью, какая именно перемѣна происходитъ въ лицѣ страдальца».

Какъ же это?.. На тысячу человѣкъ «не занимающихся». Но развѣ *она* занимается? Она—круглая невѣжда, не то что передъ Дарвинушкой, а передъ всякимъ хорошимъ студентомъ; а вѣдь, она знаетъ же эту «перемѣну». Она въ ней не ошибется ни разу на тысячу разъ... и неужели она себя въ этомъ обманываетъ?.. Дарвинушка не можетъ быть не правъ!..

— Что такъ зачиталась! раздалось позади Иды Николаевны.

Она обернулась и инстинктивно прикрыла рукой книгу.

Михаилъ Петровичъ стоялъ въ дверяхъ, одѣтый такъ, какъ уѣхалъ сегодня утромъ, бодрый и даже какъ будто съ улыбкой.

Мгновенно взглянула Ида Николаевна на его брови и потомъ на ротъ, точно желала отыскать эту «перемѣну». Но «перемѣны» не было. Даже и кривизны она не замѣчала.

— Усталъ? спросила она, идя къ нему и протягивая руки...

— Немножко... Знаешь что, Идочка? Я завтра хочу съ вечернимъ поѣздомъ въ Москву...

— На сколько?

Она выговорила это весело, безъ малѣйшей тревоги: вѣдь, она какъ разъ такой небольшой поѣздки и желала для него.

— На недѣлю, небрежно отвѣтилъ онъ и прошелся взадъ и впередъ по анфиладѣ комнатъ.

Ей даже не хотѣлось разспрашивать его, какъ онъ надумалъ эту поѣздку, по какому случаю...

— Такъ я стану укладывать, заговорила она, приходя въ дорожное возбужденіе.

Укладываться было одно изъ ея любимыхъ занятій.

— Завтра успѣешь, уже нѣсколько утомленно отозвался Михаилъ Петровичъ и пошелъ раздѣваться въ кабинетъ.

А Ида Николаевна стала тотчасъ же соображать, какой именно сундукъ взять—у нихъ цѣлыхъ семь сундуковъ и дорожныхъ мѣшковъ. Остановилась она на коричневомъ, купленномъ въ Берлинѣ. Онъ—самый прочный и укладистый; хоть и на нѣсколько дней, но бѣлья надо отпустить побольше: Михаилъ Петровичъ терпѣть не можетъ возиться съ трактирными прачками.

Перебрала она въ умѣ все: бѣлье, платье, какое нужно ему взять съ собой, до послѣднихъ мелочей... Только вотъ надо спросить, какія книги возьметъ съ собой на дорогу и нужно ли отпустить съ нимъ футляръ со шляпой, или онъ удовольствуется складной атласной шляпой въ картонкѣ?

И платки!.. Въ дорогѣ непремѣнно схватитъ насморкъ. Въ прошлую зиму онъ не выходилъ изъ насморковъ — и понадобилось купить еще двѣ дюжины платковъ. Теперь ихъ такъ много, что и счетъ вести трудно.

Сейчасъ была призвана Поля. Она оказалась немного заспанной; но, все-таки, Ида Николаевна внезапно подѣйствовала на нее двумя фразами:

— Михаилъ Петровичъ ѣдетъ въ Москву. Все бѣлье собрать завтра утромъ.

Поля даже съ нѣкоторымъ изумленіемъ поглядѣла на нее...

— Такъ и поѣдутъ? выговорила она.

— Такъ и поѣдетъ, повторила весело Ида Николаевна.

— А собачка?

— Что это вы, Поля!.. Совсѣмъ спите... Меся останется здѣсь со мной... Михаилъ Петровичъ одинъ ѣдетъ; я про то вамъ и говорю, что надо его вещи приготовить завтра утромъ.

Поля облегчила себя вздохомъ и съ убѣжденіемъ выговорила:

— Все будетъ готово... много ли это?

Ида Николаевна подумала было, не заказать ли чего съѣстнаго на дорогу, но удержалась. Михаилъ Петровичъ дорогой домашней стряпни не любитъ.

VII.

На другой день, въ кабинетѣ Михаила Петровича, въ концѣ восьмаго часа, все смотрѣло повседневно: никакихъ перестано-

вокъ на письменномъ столѣ, никакихъ пакетовъ или дорожныхъ узловъ. Такъ же, какъ и всегда, была зажжена висячая лампа. На десертномъ столикѣ, у большого кресла, на подносѣ стояла бутылка зельтерской воды и высокій стаканъ. Только одинъ изъ шкаповъ былъ открытъ и позолота на переплетахъ книгъ блестѣла полосами.

Онъ подошелъ къ этому шкапу, взялъ на нижней полкѣ неразрѣзанную новую книжку въ яркой оберткѣ и отложилъ ее. Потомъ раскрылъ письменный столъ и выбралъ изъ ящика всѣ старыя бумаги, карточки, адресы, счеты. Счетовъ было всего больше. Всю груду бросилъ онъ въ корзину. Точно также очистилъ онъ и конторку, за которой писалъ чаще, чѣмъ у стола.

Въ восемь часовъ онъ кончилъ эту работу и даже немного усталъ. Но кабинетъ оставался все съ той же нарядной внѣшностью: на полу не валялось ни одной бумажки. Михаилъ Петровичъ оглядѣлъ эту комнату, переполненную теплымъ колоритомъ, и остановился посреди ея на нѣсколько секундъ. Давно ли онъ, на диванѣ, отправляясь на вечеръ къ Кривцовымъ, мечталъ о томъ: ка̀къ хорошо бы сдѣлать изъ этого кабинета мѣсто оживленныхъ дружескихъ бесѣдъ и дѣловыхъ визитовъ?.. И одной недѣли не прошло съ того вечера... И меньше, чѣмъ въ одну недѣлю—въ четыре дня прожита «за̀ново» цѣлая жизнь.

Ни разу, въ теченіи этихъ четырехъ дней, онъ не пошелъ назадъ, не сдался передъ окончательнымъ выводомъ. Онъ долженъ «стушеваться»—вотъ что̀ выходило изъ всей его душевной работы. Съ перваго дня уже онъ не колебался ни минуты. Онъ похоронилъ себя и, еслибъ ему кто-нибудь началъ говорить о Михаилѣ Петровичѣ Мещеринѣ, онъ бы сталъ разсуждать, какъ о третьемъ лицѣ, и доказывать всѣмъ и каждому, что больше Михаилу Петровичу въ этомъ Петербургѣ дѣлать нѐчего, что онъ нигдѣ и въ другомъ мѣстѣ не найдетъ себѣ спасенья отъ тоски недовольства, что, наконецъ, всѣ его личныя тревоги — должны смолкнуть передъ двумя его... *злодѣйствами*. Онъ называлъ это «злодѣйствами» и не хотѣлъ иначе называть. Одно уже сдѣлано; другое онъ началъ и сбирался продолжать, еслибъ не случайный толчокъ...

Разъѣзжая по Петербургу, онъ ни разу не взялся за голову, не пощупалъ себѣ пульса. Онъ прекрасно сознавалъ, что все у него въ порядкѣ... Никакой «экзальтаціи» онъ въ себѣ не чувствовалъ. Въ немъ улеглись нетолько мысли, соображенія, указанія совѣсти, памяти и доброй воли—все то, что̀ принесло съ собой «выводъ», но и малѣйшая подробность того, что̀ нужно было сдѣлать.

Неторопливо, безъ всякой тревоги и таинственности, побывалъ онъ гдѣ нужно. Лица чиновниковъ такъ выпукло проходили передъ нимъ въ эту минуту... Особенно одинъ—когда онъ ѣздилъ къ Харламову мосту — въ первой комнатѣ, когда войдешь—налѣво, за широкой конторкой... Пока Михаилъ Петровичъ дожидался своей очереди и ходилъ все взадъ и впередъ изъ второй комнаты въ первую, чиновникъ — нѣтъ-нѣтъ, да и посмотритъ на него и улыбнется, чуть замѣтно. Послѣ двухъ-трехъ поворотовъ, Михаилъ Петровичъ началъ себѣ задавать вопросъ: видалъ онъ его когда-нибудь или нѣтъ? А чиновникъ еще разъ поглядѣлъ на него.

— Вы меня, должно быть, знаете? спросилъ Михаилъ Петровичъ.

— Какъ-же-съ, тонкимъ голоскомъ выговорилъ чиновникъ.— Встрѣчался съ вами у тётеньки вашей...

— У какой тётеньки?

— У Анны Семеновны.

— Ахъ, Боже мой!.. Кàкъ это давно!..

— Дà, вы и жену мою знàвали.

— Кто же ваша супруга?

— Вы ей даже нѣсколько уроковъ дали по-русски... Помните, Леонй? Гувернантка у нихъ была.

Михаилъ Петровичъ прекрасно вспомнилъ Леонй: ея румяныя щеки и черные волосы, и плотную приземистую фигуру, и наивную серьёзность этой швейцарской дѣвушки. Вспомнилъ даже, что ея родители, жили въ кантонѣ «Vaud», чуть-ли не въ самой Лозаннѣ.

— Кàкъ здоровье вашей жены? спросилъ онъ, весело, довольный тѣмъ, что все отчотливо вспомнилъ.

Утомленное, но моложавое лицо чиновника затуманилось.

— Умерла Леонй... два года ужъ будетъ... Мальчика и дѣвочку мнѣ оставила.

— Господинъ Мещеринъ! раздалось звонко изъ второй узкой комнаты.

Михаилъ Петровичъ пошелъ расписываться въ полученіи.

И въ другой канцеляріи онъ не чувствовалъ ни малѣйшей тревоги. А у нотаріуса такъ осмотрѣлъ даже всѣ стѣны и углы кабинета. Онъ все спрашивалъ себя, зачѣмъ это у нотаріуса, кромѣ большого письменнаго стола, еще два поменьше?.. Никто за ними не работалъ. Даже вся бронза покрылась пылью. Въ углахъ лежали, зачѣмъ-то, раковины и разные минералы, точно кто тутъ ихъ оставилъ.

Нотаріусъ говорилъ ужасно тихо и поминутно все взгляды-

валъ на Михаила Петровича, когда подписывалъ бумагу. Вся его фигура, а въ особенности глаза—чёрные, узкіе, часто мигающіе—говорили:

«Ужь не знаю, право; кажется, тутъ что-то не такъ; да какая есть возможность за всѣмъ услѣдить! Сами разсудите: отъ однихъ малолѣтнихъ съ векселями—житья нѣтъ».

И Михаилъ Петровичъ, тоже глазами, далъ ему понять, что, опасайся не опасайся, отъ всего предохранить себя нельзя.

— Въ строку извольте, кротко выговорилъ нотаріусъ и предложилъ ему свое перо съ ручкой изъ иглы дикобраза.

Изъѣздилъ онъ въ тотъ день чуть не весь Петербургъ—кромѣ Васильевскаго и дальнихъ мѣстъ—весь срединный, бойкій Петербургъ и не отводилъ глазъ отъ домовъ, лавокъ, вывѣсокъ, несущихся мимо санныхъ паръ, подъ цвѣтными покрывалами, каретъ, ванекъ, отъ пестрой вереницы пѣшеходовъ.

«Можно-ли серьёзно говорить, что *такой* городъ не живетъ? не торопясь, думалъ онъ.—Оттого только, что *намъ* не живется въ немъ?»

И эта мысль, на разные лады, развивалась по пути. Себя онъ уже «сдалъ въ архивъ». Объ немъ и рѣчи не было... Ему въ глаза метался только вотъ этотъ большой, очень большой, людный, даже оживленный сѣверный городъ... Неужели онъ лишенъ всякой идеи?..

«Быть не можетъ», успокоительно повторилъ Михаилъ Петровичъ, и на каждомъ поворотѣ или перекресткѣ прощался съ этимъ городомъ...

Онъ прощался теперь и съ кабинетомъ, гдѣ каждый гвоздь былъ вбитъ или имъ самимъ, или по его указанію. На весь вѣкъ собирался онъ въ немъ устраиваться. И дѣйствительно, можно было не то что десять, двадцать, а сорокъ и пятьдесятъ лѣтъ высидѣть тутъ, раза три перемѣнить коверъ, да обивку мебели, покупать и отдавать въ переплетъ новыя книги. И лишнему шкапу нашлось бы мѣсто... Такъ нравилось еще недавно Михаилу Петровичу: и кабинетъ, и вся квартира, что онъ хотѣлъ законтрактоваться чуть не на пять лѣтъ...

Припомнился ему весь разговоръ со старшимъ дворникомъ—благообразнымъ Алексѣемъ, который поразилъ его своимъ тономъ и «образованностью», когда они въ первый разъ говорили о квартирѣ.

— Нашъ хозяинъ—по простотѣ, говорилъ ему Алексѣй, контрактовъ этихъ не любитъ.—Помѣсячно живите сколько душѣ вашей угодно... Первое число—въ книжечку впишите—вотъ вамъ и весь контрактъ.

И, сладко улыбнувшись, прибавилъ:

— Домъ у васъ прекрасный—жильцы у насъ превосходные.

Михаилъ Петровичъ допилъ стаканъ зельтерской воды и хотѣлъ позвонить.

Вошла Ида Николаевна.

— Ты совсѣмъ готовъ? спросила она и оглянула кабинетъ:— не забыто-ли что-нибудь? А меня не возьмешь проводить? съ улыбкой продолжала она, прищуривъ немного одинъ глазъ.

— Вѣдь у тебя горло болитъ, откликнулся Михаилъ Петровичъ.

Утромъ она призналась ему, что у нея что-то заложило горло.

— Погода испортилась—вѣтрено сегодня, прибавилъ онъ, дѣлая нѣсколько шаговъ къ столу.

— А знаешь что, Миша? заговорила другимъ тономъ Ида Николаевна и присѣла на диванъ.—Вѣдь, мы съ тобой въ первый разъ такъ разстаемся... Я не боюсь... Поѣздка эта тебя развлечетъ... Только ты мнѣ каждый день пиши. Ну—хоть двѣ строки... Телеграммъ не надо...

Онъ нарочно не слушалъ ея и припоминалъ въ это время, ненужно-ли ему еще о чемъ распорядиться. Принимать участіе въ разговорѣ онъ не могъ.

— Я немного раньше поѣду, Ида, сказалъ онъ ей черезъ пять минутъ и даже не прибавилъ, почему онъ торопится.

Ида Николаевна ничего на это не замѣтила. Смѣясь, предложила она ему посидѣть молча, когда Поля доложила, что вещи снесены въ карету. Онъ тихо улыбнулся и, не выходя изъ кабинета, обнялъ ее.

О себѣ не хотѣлъ онъ думать, кромѣ того, что онъ спустится внизъ, сядетъ въ карету, хорошенько укутается и поѣдетъ вдоль Загороднаго Проспекта. Ему казалось, что только этакой работой головы, онъ можетъ поддержать себя въ полной «безчувственности».

— Да у тебя есть ли тамъ какія барыни знакомыя? спросила вдругъ Ида Николаевна, заглядывая ему въ лицо.—Ты бы хоть немножко расшевелилъ себя.

— Хорошо, хорошо, повторялъ Михаилъ Петровичъ, продолжая не слушать.

Ида Николаевна настояла на томъ, чтобы онъ поѣхалъ въ шубѣ, а не въ мѣховомъ пальто, и сама обвязала ему шею.

Все это онъ только вскользь замѣчалъ; но точно и забылъ совсѣмъ: кто его одѣваетъ, съ кѣмъ онъ прощается, что бы онъ долженъ былъ чувствовать въ эту минуту?..

Вотъ онъ и на площадкѣ. Дверь за нимъ затворилась. Онъ

несетъ въ рукахъ дорожный мѣшокъ. Впереди идетъ Поля. Михаилъ Петровичъ смотритъ на самый верхъ ея головы, покрытый сѣрымъ клѣтчатымъ платкомъ. Въ ея рукѣ плэдъ, перетянутый ремнями. Ему не вѣрится, что онъ такъ легко оставилъ позади и «коробочку», и ту, кто теперь стоитъ, навѣрное, у окна и дожидается, когда заскрипятъ по снѣгу колеса тяжелой извощичьей кареты.

— Прощайте, баринъ, выговорила Поля, подавая ему плэдъ.

— Прощай, все также машинально отвѣтилъ онъ и взглянулъ на подъѣздъ.

Въ дверяхъ подъѣзда показалось какое-то пятно: снизу свѣтлое, сверху темное.

— Вы чтò? окликнула, оглянувшись назадъ, Поля.

Михаилъ Петровичъ узналъ фигуру Ловизы — и мгновенно испугался.

Это за нимъ прислали!.. Чтò нибудь забыла ему сказать Ида Николаевна. Онъ поднимется — и чтò тогда будетъ?.. Не дрогнетъ ли у него голосъ? Не вырвется ли какой-нибудь предательскій звукъ?..

— Барыня васъ просятъ, передала ему Поля со словъ Ловизы.

— Чтò такое? рѣзко крикнулъ онъ.

— Не знаетъ она... на минутку, говоритъ, всего.

Михаилъ Петровичъ вылѣзъ изъ кареты и быстро началъ подыматься по лѣстницѣ. Онъ не давалъ ходу своей тревогѣ; онъ только смутно сознавалъ опасность и прямо шелъ на нее. На верхней площадкѣ онъ даже задержалъ дыханіе.

Дверь въ переднюю была полуотворена. Онъ вошелъ.

Ида Николаевна стояла въ двухъ шагахъ отъ порога. Какъ только она его увидѣла, она чтò-то спрятала за спину.

— Ты меня звала, Ида? глухо спросилъ Михаилъ Петровичъ.

— Прости, Миша, прости! Мнѣ и поцѣловать тебя еще разъ захотѣлось, да и помучить тебя. Ты чтò забылъ?..

И она расхохоталась.

Смѣхъ ея разсѣялъ всякую тревогу. Онъ опять окунулся въ свою «безчувственность».

— Я не знаю, лѣниво выговорилъ онъ.

— А штафирочку?

— Какую это штафирочку?

— Ну, я не знаю, кàкъ ты ее называешь, а я зову штафирочкой.

Она вытянула правую руку и разжала кисть руки.

Михаилъ Петровичъ увидѣлъ небольшой бронзовый штативъ, на который онъ, по ночамъ, вѣшалъ часы.

— Кàкъ же бы ты сталъ спать безъ этого? Да и я-то хороша!.. Совсѣмъ забыла... Положи въ сакъ.

Съ новымъ наплывомъ смѣха, она поцѣловала его и сама выпроводила на лѣстницу.

— Прощай, Миша, слышалось ему на второй площадкѣ:—на депеши денегъ не трать, а письма я жду.

«Прошло!» почти съ ужасомъ, подумалъ онъ въ каретѣ и глубоко вздохнулъ.

VIII.

Первое слово Иды Николаевны, какъ только она проснется и высвободитъ себя отъ ночныхъ грёзъ—всегда имя ея мужа; оно возвращаетъ ее къ жизни на яву... Иногда она такъ ярко видитъ все во снѣ, что громко говоритъ... Нѣсколько разъ Михаилъ Петровичъ будилъ ее и увѣрялъ, что она выкрикивала цѣлыя фразы. Вотъ еще не такъ давно, дней десять назадъ—она порывисто спросила: «Господа, зачѣмъ вы меня заперли одну?» такимъ убѣжденнымъ звукомъ, что и онъ, съ просонья, повѣрилъ возгласу и встревожился.

Какъ только Ида Николаевна раскрыла глаза на другой день по отъѣздѣ мужа, въ восемь часовъ, она, какъ и всегда, пришла къ сознанію, проговоривъ мысленно: «Миша, мой бѣдный!» Съ этой минуты начиналась жизнь того, чтò она называла «мое идіотство». Прежде, до встрѣчи съ Михаиломъ Петровичемъ, тѣмъ же была для нея мать. Проснется, скажетъ про себя: «вотъ мама тамъ лежитъ», и начинается настоящая жизнь. Мѣсто матери сразу занялъ Михаилъ Петровичъ: имъ начинался и кончался день.

Въ спальной стоялъ еще полусвѣтъ. Занавѣсы были спущены и даже приколоты булавками.

Ида Николаевна обратила голову вправо и увидала пустую кровать.

«Миша ѣдетъ», мысленно выговорила она и весело начала думать: кàкъ Михаилъ Петровичъ лежитъ теперь въ спальномъ вагонѣ, а часамъ къ девяти будетъ завтракать. Но сквозь веселую возбужденность проскользнула грустная нотка... Вѣдь, она одна въ этой спальнѣ... одна во всемъ Петербургѣ...

Долго лежать она себѣ не позволила. У ней мелькнула мысль, что въ отсутствіе Михаила Петровича она должна многое «на-

верстать», не терять зря ни одного часа въ дообѣденное время. Она совсѣмъ запрется, не велитъ никого принимать, даже Марью Сергѣевну... Она бы поѣхала въ «той»; но онъ не хотѣлъ этого... и она не поѣдетъ.

Въ девять, она была уже одѣта и напилась чаю, покормила Мосю, полила цвѣты, поговорила «хозяйственно» съ Полей и Ловиной. Въ десять, она уже сидѣла за своимъ письменнымъ столомъ. Въ головѣ у ней все такъ ясно укладывается. Прочтетъ одинъ разъ — и хорошо помнитъ. Въ сторонѣ лежитъ у ней книжка для замѣтокъ... Она называетъ ее «узелокъ»: книжка замѣняетъ ей узелки на платкѣ. Цѣлую страницу исписала она словами, цифрами, фактами и, по прошествіи перваго часа, начала перечитывать ее.

Почти ровно въ одиннадцать раздался звонокъ.

«Это—не почтальйонъ и не телеграфистъ», подумала она. Михаилъ Петровичъ депеши не пошлетъ; а почтальйонъ звонитъ рѣзко и всегда однимъ и тѣмъ же образомъ... А тутъ звонокъ слабый, обрывистый.

«Кто-нибудь къ Минѣ» продолжаетъ соображать Ида Николаевна, проглядывая страницу своего «узелка».

— Письмо вамъ, проговорила Поля и подала ей конвертъ большаго формата.

— Почтальйонъ? полюбопытствовала Ида Николаевна.

— Нѣтъ-съ, посыльный... Онъ ушелъ; отвѣта, говоритъ, не надо.

— Положите на рабочій столикъ, распорядилась Ида Николаевна и взялась опять за книгу.

— Это—вамъ письмо, а не Михаилу Петровичу, уходя добавила Поля.

Нехотя оторвалась Ида Николаевна отъ чтенія, встала, подошла къ столику и сначала взглянула на письмо.

Ее и удивила, и обрадовала рука Михаила Петровича... Онъ, вѣроятно, что-нибудь забылъ ей сказать и написалъ въ вокзалѣ...

Конвертъ былъ квадратный, такой, въ какой вкладываютъ письма на большихъ листахъ почтовой бумаги. Безъ всякой нервности разорвала она конвертъ и развернула листъ... Всѣ четыре страницы исписаны его почеркомъ, и не торопливо, не связно, а старательно, крупно, точно переписаны съ черновой.

Бумага какая-нибудь...

Она бросила взглядъ вверхъ: начинается прямо словомъ «Ида», и слово это стоитъ не отдѣльно, а первымъ въ строкѣ... Посмотрѣла она на подпись. Двѣ большихъ буквы М. М. съ крупнымъ росчеркомъ.

Въ ногахъ Иды Николаевны пошли мурашки и подъ самой пяткой правой ноги у нея точно похолодѣло. Она присѣла въ большое кресло... Изъ спальной проснувшаяся собачка сильно залаяла.

«Не надо читать этого письма», мгновенно приказало ей внутреннее чувство, такое ясное и опредѣленное, какъ будто оно впередъ и навѣрно знало, что̀ стоитъ въ этомъ страшномъ письмѣ... И вдругъ ей стало все понятно: она въ одинъ мигъ растолковала себѣ и поѣздку въ Москву, и небывалую сдержанность Михаила Петровича, и его лицо, когда онъ прощался съ ней, и потомъ, когда она вызвала его изъ кареты и съ громкимъ смѣхомъ подала ему штативъ. Въ его глазахъ что̀-то мелькнуло... Тогда она этого не замѣтила, а теперь вотъ это «что̀-то» стоитъ передъ ней. Это былъ испугъ, потомъ успокоеніе—одно за другимъ.

Развернутое письмо лежало на мягкой и широкой ручкѣ кресла. Оно само просилось туда... въ ея сознаніи... Глаза не могли оторваться отъ него. Она стала читать, глотая слова̀, ища сразу смысла каждой фразы... Ни на одной буквѣ не запнулась она: все было красиво и отчетливо написано.

Когда она дочла до конца — не прошло и пяти минутъ — и остановилась, точно споткнулась о буквы М. М., тамъ, внутри, у ней ничего не было: пустота, полное затмѣніе... Читая, она старалась какъ можно скорѣе и вѣрнѣе схватывать смыслъ предложенія отъ точки до точки—ничего больше...

Письмо такъ и лежало на ручкѣ кресла, перевернутое послѣдней страницей вверхъ, немного приподнятое на перегибѣ...

Ноги Иды Николаевны подкосились, она сползла на полъ, упала головой на кресло и оставалась такъ нѣсколько минутъ...

Первая мысль пронизала ее холодомъ и ужасомъ: «не вернется—умеръ для тебя!»

И все исчезло изъ сознанія... Это—не ея кабинетикъ, съ сиреневой обивкой мёбели, съ лампой въ углу и рабочимъ столикомъ у окна... Часъ ночи. Одна свѣча подъ абажуромъ... Во всѣхъ углахъ темнота... У стѣны кровать съ пологомъ, у изголовья сѣрая фигура въ чепцѣ—сидѣлка... Изъ-подъ полога раздается порывистое дыханіе... Она стоитъ на колѣняхъ у окна, обернувшись въ уголъ... Губы ея шепчутъ порывисто, какія-то слова̀ вылетаютъ одно за другимъ, вся она объята пламенемъ, она не на полу, не въ больницѣ, не на землѣ, она не чувствуетъ на себѣ тѣла; она вся ушла въ свою молитву... Она знаетъ, что эта мольба пойдетъ прямо наверхъ; она знаетъ, что мать ея будетъ спасена. Невозможна, немыслима, нелѣпа,

чудовищна ея смерть. Это было бы богохульство!.. И слухъ ея уже не воспринимаетъ ничего. Одинъ могучій, всесокрушающій порывъ вѣры влечетъ ее и проникаетъ нечеловѣческой силой убѣжденія...

— Mademoiselle, раздается громкій шопотъ сидѣлки: — madame expire...

Она не понимаетъ... Кàкъ? Кто? Кто это умираетъ, кто можетъ умереть? Мать ея, такъ, въ три-четыре дня? Когда она еще вчера узнавала ее, говорила съ ней, прижималась къ ней съ такой беззавѣтной нѣжностью?

— Madame expire, громче и суше повторила сидѣлка.

Раздалось хрипѣніе... Она его слышитъ, она видитъ, кàкъ мать ея приподнялась грудью, вся какъ-то потянулась и беззвучно застыла въ одномъ положеніи...

Тутъ только она припала къ ней, схватила ее за руку, прошлась ладонью по лбу. Тѣло было холодно. А лицо смотрѣло неузнаваемо-молодо. Такой она помнила мать, когда была дѣвочкой семи лѣтъ—точно такой, съ легкимъ румянцемъ, съ тонкимъ профилемъ, съ гладкими лоснящимися волосами... Рука ея опять прошлась по лицу; холодъ проникъ въ ея собственныя жилы, она вскрикнула и затихла...

И слёзъ не было, ни одной слезы... Пробило на дворѣ два часа... Она убѣжала изъ комнаты, не сказала ни одного слова сидѣлкѣ, заперлась у себя въ комнаткѣ, напротивъ... Въ платьѣ бросилась на кровать и заснула... Въ пять часовъ утра, она проснулась, встала, отворила дверь въ корридоръ, увидала, что дверь въ комнату матери пріотворена, тамъ суетятся...

Тутъ она все вспомнила — и впервые, во всю ея жизнь, чувство страшнаго одиночества охватило ее. «Одна»—это слово не было ей извѣстно, оно звучало дико, рѣзко, нескладно; но она его понимала и, бросившись опять на кровать, закрыла лицо руками.

Туда, въ ту комнату, она не пошла. Она такъ и не видѣла больше тѣла матери... Тѣло снесутъ на кладбище; но душа... съ ней, около нея, не переставала со вчерашней ночи жить съ ней попрежнему. Сонъ длился три часа; но во снѣ мать была постоянно около нея, не такая, какъ прежде: въ платьѣ, въ кофтѣ или въ пальто; а другая, прозрачная, безъ рѣзкихъ красокъ и линій...

Когда она встала совсѣмъ и оправила немного свою прическу, умылась, перемѣнила платье, она ни одной секунды не переставала вѣрить тому, что душа матери, попрежнему, живетъ съ ней. Она даже и не спросила себя: да развѣ возмож-

но это? Ей не казалось только, а съ этимъ *убѣжденіемъ* она встала и поѣхала къ русскому священнику... Ему она и сказала про свое чувство... Онъ замѣтилъ ей, что она *не должна* такъ вѣрить, что духъ ея матери уже не живетъ на землѣ, что онъ не можетъ быть около нея; что это противно истинному вѣроученію... Она выслушала кротко, молчаливо—и не повѣрила ему. То, что въ ней происходило, было выше всякаго довода, всякаго авторитета.

Черезъ три дня, она садилась на пароходъ въ Гаврѣ. Двѣ француженки изъ Аяччіо—молодыя, веселыя, ласковыя—взяли ее за руки и прильнули къ ней, узнавъ объ ея горѣ. Она слушала ихъ, глядѣла въ море и чувствовала, что мать съ нею, что она только по наружности—одна; но невидимо—все по старому, никто не разлучитъ ея съ матерью...

Ида Николаевна подняла голову и обвела вокругъ потеряннымъ взглядомъ. Потомъ она всплеснула руками и обратила глаза кверху. Губы ея зашептали-было какія-то слова и тотчасъ же смолкли.

Прежняя дѣтская вѣра отошла назадъ... Молить ей не кого... Никто не спасетъ... Передъ ней—темная пропасть... Онъ ушелъ и никогда не вернется... Души его — она не чувствуетъ около себя. Она только и чувствуетъ, какъ новая пустота наполняетъ ея голову... Мыслей нѣтъ, образовъ нѣтъ, нѣтъ и слёзъ... Только въ груди жметъ такъ же, какъ и тогда, въ больницѣ, послѣ того, какъ она вскрикнула и замерла у постели, на которой лежалъ трупъ...

Глаза ея упали на письмо... Оно свалилось съ ручки на кресло... Большое, безконечное письмо... И зачѣмъ было ставить столько словъ? Не лучше ли было написать двѣ строки? Да и этого много—два слова: «Прощай, Ида!»

Она продолжала смотрѣть на письмо сухими глазами, а грудь ей точно извнутри жгли и растягивали. Слёзы не подступали ни къ горлу, ни къ глазамъ. И все она такъ отчетливо видѣла: и полосатую занавѣску, и уголъ шифоньерки въ спальной, и половину изразцовой печки, и въ окно карнизъ желтаго зданія, и кусокъ блѣдноватаго неба... Совершенно такъ, какъ тогда, когда она проснулась въ больницѣ и на дворѣ стояло яркое августовское утро... И казалось ей тогда такъ невозможно, чтобъ мать ея умерла, когда все живетъ, искрится на солнцѣ, все идетъ, кругомъ, своимъ вѣчнымъ порядкомъ...

Нестерпимо давило ее извнутри... Она перешла въ спальную, опустилась на свою кровать и стала слушать... И вдругъ ей представилось, что это—мистификація, что онъ сейчасъ вернется;

что, онъ и въ Москву не думалъ ѣздить, а проватился до Царскаго Села... Что̀ такое—письмо? Развѣ это—что̀-нибудь серьёзное?.. Развѣ можетъ человѣкъ исчезнуть?..

Она стала жадно прислушиваться и ждать звонка... Боль въ груди проходила. Вся она затихла и лежала съ открытыми глазами, точно не смѣя пошелохнуться.

— Вотъ онъ! вскричала она; въ передней раздался звонокъ— очень рѣзкій.

Съ пылающими щеками бросилась она въ гостиную.

Она очутилась на рукахъ Марьи Сергѣевны Кривцовой. Въ дверяхъ стоялъ Анатолій Никитичъ.

— Гдѣ же Миша? крикнула Ида Николаевна и обезумѣвшими глазами глядѣла на Кривцову.

Марья Сергѣевна притянула ее къ себѣ и начала цѣловать. Въ ея глазахъ Ида Николаевна поняла, что она все знаетъ, и съ новымъ припадкомъ ужаса отшатнулась назадъ.

— Онъ вернется, онъ непремѣнно вернется, заговорила Марья Сергѣевна, глотая слёзы и усаживая Иду Николаевну на диванъ.— Анатолій Никитичъ, крикнула она мужу:—да поди же сюда, сядь, говори ей, что это невозможно... Это безумно, это Богъ знаетъ на что̀ похоже!..

Анатолій Никитичъ—съ румяными щеками и лоснящейся лысиной—точно съ пристыженнымъ видомъ присѣлъ къ дивану и долго не могъ справиться ни съ своей шляпой, ни съ перчатками.

— Это—Богъ знаетъ на что̀ похоже! продолжала Марья Сергѣевна, и ея голосокъ дрожалъ отъ перваго потрясенія.—Я не хочу этому вѣрить, я думала, что это—какая-то мистификація... Анатоль! что̀ же ты молчишь?

Она чуть-чуть не расплакалась; мужъ ея, тѣмъ временемъ, собрался съ духомъ. Видно было, что онъ не хочетъ вставлять своихъ разсужденій и сильно боится за Иду Николаевну.

— Полно, Маша, тихо выговорилъ онъ и всталъ: въ креслахъ ему не сидѣлось.

И онъ сдѣлалъ ей знакъ рукой. Жена поняла его и [illegible]. Она [illegible] прижимала къ себѣ Иду Николаевну и тихо заплакала.

[illegible] думала Ида Николаевна и старалась высвободиться. Ей [illegible] было [illegible] участіе.

— Вы знали! спросила она [illegible] на [illegible].

— Мы получили письмо отъ Михаила Петровича [illegible] [illegible] Кривцовъ, [illegible]

[illegible]

— Но это невозможно! вскричала Марья Сергѣевна и гнѣвно метнула своими свѣтлыми глазами, откуда все еще лились слёзы.

— Почему-же? сдержанно вымолвилъ Анатолій Никитичъ и отвернулъ голову.

— Онъ васъ просилъ?

Этотъ вопросъ Иды Николаевны заставилъ и мужа, и жену вздрогнуть.

— Дà, почти въ голосъ отвѣтили они оба.

— Боялся за меня?

— Вѣроятно, замѣтилъ Кривцовъ.

— Вы видите, я—ничего.

Она провела рукой по волосамъ и оправила воротничекъ.

— Это невозможно! повторила Марья Сергѣевна.

— Онъ ничего вамъ не пишетъ, чтò побудило его...

— Вотъ его письмо.

— Зачѣмъ, зачѣмъ ты даешь, Анатолій? гнѣвно крикнула Марья Сергѣевна:—чтò это за безтактность!

— Позвольте мнѣ прочесть, кротко обратилась къ ней Ида Николаевна и протянула ей руку.

Въ письмѣ не стояло ничего, кромѣ просьбы быть у ней въ одиннадцать часовъ, и говорилось, что онъ съ Кривцовыми больше никогда не увидится...

— Вы видите, сказала Ида Николаевна, глядя на узоры ковра:—никогда мы его не увидимъ—ни вы, ни я.

Тутъ Анатолія Никитича точно чтò взорвало. Онъ отошелъ въ уголъ къ печкѣ и заговорилъ громко, бурно, почти гнѣвно:

— Вотъ оно чтò! Новый видъ самоубійства! Человѣкъ—въ полной силѣ, умный, знающій, честнѣйшій, годный на всякій трудъ; друзья есть, любящая женщина посвятила ему всю жизнь—и онъ исчезаетъ, онъ стушевывается; онъ проваливается куда-то въ преисподнюю. И все это отчего?.. Оттого только, что нѣтъ у насъ спасенія отъ сознанія своей безполезности. Это ужасно!!.

Онъ такъ же мгновенно смолкъ, какъ неожиданно заговорилъ... Не выговорить всего этого онъ не могъ, сейчасъ же, ни къ кому не обращаясь, никого не утѣшая.

Такъ и поняла его Ида Николаевна, и эта неожиданная тирада Кривцова родила въ ней новое возмущеніе. Она слушала его, а передъ ней вставала, все живѣе и живѣе, фигура той женщины, которая вызвала всю катастрофу. Не то, чтò говоритъ Анатолій Никитичъ, а совсѣмъ другое заставило ея мужа уйдти, исчезнуть, стушеваться навсегда. Не вѣритъ она, чтобы можно

было изъ-за одной хандры, изъ-за неимѣнія «дѣла по душѣ», бросить все. Нѣтъ, она лучше знаетъ; но не повѣрить своего чувства и этимъ хорошимъ искреннимъ людямъ...

— Перестань ты, Бога ради, Анатолій Никитичъ! вскричала Марья Серьгѣевна и поднялась съ дивана.—Теперь, извини меня, твои разсужденья вовсе неумѣстны... Я говорю и повторяю, что это—какая-то мистификація...

— Ты не имѣешь права такъ разсуждать! крикнулъ ей въ отвѣтъ Кривцовъ.—Ты видѣла Михаила Петровича какихъ-нибудь три, четыре раза; а я знаю его десять лѣтъ... Это—натура особая, или, лучше сказать, такія натуры въ Россіи чаще, чѣмъ гдѣ-нибудь. Онѣ какъ будто и слабыя, а если въ нихъ засѣло одно чувство, одна мысль и они приняли ее за выводъ изъ всей жизни—имъ ничего не стóитъ рѣшиться на... проваль!..

— Все это, милый другъ—вздоръ! горячилась Марья Сергѣевна.—Вы, мужчины, умѣете только резонировать, а не дѣйствовать. Передъ тобой женщина, которая лишилась мужа, такъ, ни съ того, ни съ сего! Какое намъ дѣло до вашихъ тонкостей?.. И того нѣтъ, и другого, и людей, и интересовъ, и учрежденій, и Богъ знаетъ чего еще!.. Умѣемъ же мы учиться и, когда нужно, добывать себѣ кусокъ хлѣба?.. Да и это все не тò... Надо ѣхать, надо отыскать, не теряя ни минуты, убѣдить его вернуться! Онъ долженъ это сдѣлать... или онъ—безумный!!.

— Ты ведешь себя, какъ истая женщина! вырвалось у Кривцова.

— Разумѣется, это—вѣчный отвѣтъ всѣхъ умниковъ.

— Милая моя, стремительно обернулась она къ Идѣ Николаевнѣ и начала ее цѣловать:—разскажите мнѣ все, все подробно: когда онъ ушелъ или уѣхалъ, куда? Вы не можете теперь владѣть собою...

— Полноте, тихо остановила ее Ида Николаевна.—Михаилъ Петровичъ уѣхалъ вчера въ Москву... Онъ и мнѣ далъ знать, что больше мы съ нимъ не увидимся... въ этой жизни... Разъискивать его я не стану... Я не имѣю на это права...

Она говорила это и прислушивалась къ собственному голосу. Голосъ былъ ровный, глубже и старше ея обыкновенной интонаціи. Она не могла даже отдать себѣ яснаго отчета въ томъ, вполнѣ-ли искренно она такъ говорила. Одно она видѣла: ни онъ, ни она ничего не знаютъ про ту женщину—и ни за чтò она имъ про нее не скажетъ. Одно она чувствовала: тяжесть отъ ихъ присутствія... Когда сейчасъ вотъ они заспорили и могли бы, пожалуй, долго проспорить, ей сдѣлалось на одно мгновеніе почти смѣшно и забавно, особливо фигурка Марьи Сер-

тѣевны, наскакивающей такъ горячо и чистосердечно на мужа. Какими истыми «русскими» они ей казались... И для нихъ, для такихъ теплыхъ людей, ничтò не проходило безъ «общихъ разсужденій».

Но она вспомнила, что въ его письмѣ стояло: «Кривцовы тебя любятъ. Будь ихъ другомъ. Это — честные люди. Они всегда и во всемъ тебѣ помогутъ».

Помогать ей не въ чемъ. Но онъ указалъ на нихъ, какъ на друзей. Этого довольно.

Ида Николаевна встала, улыбнулась и положила обѣ руки на плечи Марьи Сергѣевны.

— Позвольте мнѣ остаться одной, выговорила она твердо и ласково.—Вы не бойтесь... Я никуда не скроюсь. Еще одна просьба: не спорьте между собою изъ-за того, кàкъ поступилъ... Миша.

И опять ея голосъ показался ей не своимъ. Мужъ и жена смотрѣли въ ея глазахъ такими юными, маленькими. Она не вѣрила ни ихъ уму, ни опытности Анатолія Никитича, ни учености Марьи Сергѣевны.

Съ этой минуты она сознала себя «*совсѣмъ* одной».

X.

Все замерло въ Идѣ Николаевнѣ, кромѣ мысли: никто не виноватъ, кромѣ «той» женщины. Внутри у ней начало «клокотать» такъ сильно, что никакому другому чувству не было уже мѣста... Видѣлся онъ съ ней или нѣтъ — она не хотѣла объ этомъ и спрашивать... Все равно: отъ нея шелъ ударъ, ни отъ кого больше.

Свое душевное «я», даже свое тѣло Ида Николаевна точно похоронила. Они сразу перестали заявлять о себѣ...

«Пойду къ ней», повторяла она, ходя взадъ и впередъ по комнатамъ, не думая больше о томъ: чтò же съ ней случилось такое, потеряла ли она на вѣкъ мужа, или есть еще надежда увидѣть его; кàкъ ей смотрѣть на себя—какъ на вдову, или какъ на жену живаго человѣка, просто уѣхавшаго въ Москву; кàкъ ей, наконецъ, жить теперь въ своей «коробочкѣ», чтò ей дѣлать на свѣтѣ, и нужно ли ей жить вообще?..

Она знала одно: надо идти къ той женщинѣ. И когда это желаніе достигло послѣдней степени напряженія, она позвонила, сказала Полѣ очень твердымъ голосомъ, какое ей платье при-

нести, одѣлась скоро и старательно и, только уходя, замѣтила собачку, запрыгавшую передъ ней въ ожиданіи гулянья.

— Дома, Мося, дома! крикнула она ей и мелькомъ подумала: «лучше ужь и Мосю отдать въ хорошіе люди».

Въ груди у ней стало полегче; но глаза были сухи попрежнему. Во всемъ тѣлѣ она чувствовала рѣзкую напряженность. Спускаясь съ лѣстницы, она должна была сдерживаться, чтобы шагать медленнѣе.

На улицѣ только она спросила себя: куда же она пойдетъ, гдѣ узнаетъ?.. И тотчасъ же вспомнила, что въ Петербургѣ есть Адресный Столъ. Она хотѣла взять извозчика и впервые задала себѣ вопросъ: «на чьи же деньги я поѣду?»

У ней *своихъ* не было. Она ничего не зарабатывала. Много разъ она сокрушалась, и за границей и по возвращеніи, что она только «заѣдаетъ чужой хлѣбъ»; что нѣтъ у ней самой никакой профессіи; что ничего она не знаетъ «по ученому»; что нѣтъ у ней никакого таланта. Но эти упреки и сѣтованья являлись урывками. Нѣкогда было ухватиться... Долгая болѣзнь Михаила Петровича, переѣзды, тревоги... все брало столько времени... Здѣсь только засѣла она за науки; но заработала ли она хоть одинъ рубль?.. Не разъ думала она и даже говорила вслухъ: «случись надобность — я пойду хоть въ горничныя, это меня не напугаетъ»... Ну, вотъ и случилось...

Всѣ эти мысли охватили Иду Николаевну вдругъ и такъ сильно, что она остановилась на перекресткѣ и не могла освободиться отъ нихъ прежде, нежели не сказала себѣ: «пойду пѣшкомъ».

И пошла. Дорогу ей указалъ городовой. Дошла она скоро, скорѣй, чѣмъ ожидала; дожидалась недолго; но когда пришлось платить за справку—она подала чиновнику гривенникъ и опять подумала: «это—не мои деньги». Но безъ справки она бы не узнала ничего, или должна бы была справляться у Кильдіаровой...

Запомнивъ хорошо адресъ, она тѣмъ же бодрымъ и ускореннымъ шагомъ отправилась изъ Адреснаго Стола...

Около трехъ часовъ, она уже звонила на площадкѣ четвертаго этажа, передъ дверью, обитой старой клеенкой, съ доской, на которой стояло: «Мёблированныя комнаты». Дворникъ сказалъ, что госпожа Мартель живетъ «въ номерахъ у мадамы» и должна «объ эту пору» быть дома...

Никакого волненія она не чувствовала. Ей хотѣлось одного: поскорѣе очутиться съ глазу на глазъ съ этой женщиной.

Отперла ей дѣвочка лѣтъ десяти, довольно грязная, и хмуро

спросила, кого ей нужно, впуская ее въ темную и душную прихожую.

— Мартель, отвѣтила Ида Николаевна, въ первый разъ произнося это имя: въ Адресномъ Столѣ она подавала бумажку.

— Идите прямо—первая дверь.

Дверь была неплотно притворена. Ида Николаевна взялась за ручку и по заграничному постучала.

— Войдите, послышалось изъ комнаты.

Голосъ показался Идѣ Николаевнѣ черезъ-чуръ низкимъ для женщины.

— Сюда? переспросила она дѣвочку.

— Сюды, сюды... Въ первомъ номерѣ.

Она вошла и однимъ взглядомъ оглядѣла всю комнату. Направо висѣла зеленая шерстяная драпировка, полинялая и въ пятнахъ. Прямо одно окно: Около него развернутый ломберный столъ... На столѣ прибраны въ порядкѣ книги, чернильница, старый бюваръ изъ поблёклаго лиловаго бархата; маленькая керосиновая лампочка отставлена въ бокъ отъ чернильницы, Эти вещи Ида Николаевна оглядѣла прежде всего другого. Потомъ обернулась налѣво и сердце опять на мгновеніе сжалось: вотъ, тутъ на диванѣ должна сидѣть *она*...

Но ея не было. Диванъ, обтянутый полосатымъ тикомъ, дѣйствительно, ютился около лѣвой стѣны... Передъ нимъ другой столъ, покрытый какой-то выкройкой и кусками сѣренькой матеріи, какъ будто что-то дѣтское...

— Я сейчасъ, раздалось изъ-за перегородки. Голосъ былъ низкій, слегка какъ бы вздрагивающій, но не старый.

Ида Николаевна попятилась отъ перегородки, приблизилась къ столу съ выкройками и слегка оперлась объ него.

Край занавѣски отвернулся и выставилась сначала женская голова.

Глаза Иды Николаевны такъ и впились въ эту голову. Она увидѣла сѣдые волосы, почти бѣлые, просто, но старательно причесанные въ два «bandeaux», какъ носили лѣтъ двадцать назадъ... Морщинистый лобъ лоснился на вискахъ... Изъ-подъ выпуклыхъ бровей смотрѣли два нелюбопытныхъ, а вдумчивыхъ глаза... И загнутый слегка носъ, и полныя губы, и потемнѣвшій ободокъ шеи—все это разомъ схватилъ взглядъ Иды Николаевны.

— Пожалуйста, присядьте; я сейчасъ, раздалось тѣмъ же низкимъ контральто...

Занавѣска опять упала.

«Вотъ она какая. Да она ли это?.. Это — старуха»... передумала Ида Николаевна, опускаясь на стулъ.

Черезъ нѣсколько секундъ вышла изъ-за занавѣски малороссая, широкая въ плечахъ женщина, въ сѣромъ, шерстяномъ платьѣ съ пелеринкой. На сѣдыхъ волосахъ накинута была маленькая черная косынка. Остатки красоты, на этотъ разъ, уже гораздо явственнѣе бросились въ глаза Иды Николаевны. Въ особенности носъ, рѣсницы и форма рта выдѣлялись своимъ изяществомъ. Что-то какъ бы французское, породистое сказывалось въ нихъ... Но теперь это была пожилая женщина: ей слѣдовало дать лѣтъ пятьдесятъ...

Ея видъ настолько смутилъ Иду Николаевну, что внутри у ней уже «соскочило» что-то, точно съ какой «зарубки».

— Вамъ угодно...

Ида Николаевна не дала ей договорить и отрывисто, глухо сказала:

— Я—Мещерина... Вы—Мартель?..

И дальше уже не смогла ничего выговорить; только глядѣла на нее твердымъ, неподвижнымъ взглядомъ.

— Вы—Мещерина! вырвалось у Клавдіи Андреевны. Обѣ ея руки протянулись къ Идѣ Николаевнѣ и тотчасъ же упали.

Взглядъ Иды Николаевны остановилъ ихъ.

— Мнѣ надо говорить съ вами, съ трудомъ продолжала она.

— Я готова, отвѣтила Клавдія Андреевна тихо и такимъ звукомъ, что у ея гостьи ёкнуло на сердцѣ.

Ида Николаевна еще разъ смѣло поглядѣла ей въ лицо и тотчасъ же поняла, что она *все знаетъ*. Тихое состраданіе лежало на широкомъ лбѣ и запало во взглядъ большихъ тёмныхъ глазъ.

«Она жалѣетъ, я не хочу этого!» возмутилась Ида Николаевна и почти крикнула:

— Вы все знаете, вы это сдѣлали! гдѣ онъ? отдайте его мнѣ!..

Еще одно мгновеніе, и она разразилась бы рыданіями.

Но половинка двери широко растворилась, и въ комнату вошла Кильдіарова въ мѣховой, короткой шубейкѣ, въ галошахъ и съ хвостами.

— Какъ, и вы, Мещерина, здѣсь? Вотъ это чудесно! Здравствуйте, Мартель.

Она сильно пожала руку хозяйкѣ и затопталась на одномъ мѣстѣ... На лица обѣихъ женщинъ она и не взглянула.

— Чего же лучше бы вотъ теперь столковаться? А?

Клавдія Андреевна значительно поглядѣла на нее, и Кильдіарова тотчасъ же спросила:

— А развѣ секреты какіе? Такъ я подожду, пойду къ вашей сосѣдкѣ... У меня же до нея дѣло есть...

И она, не дожидаясь отвѣта, сняла въ углу галоши, развязала свои хвосты и стала заходить къ столу, съ видимымъ намѣреніемъ сѣсть...

Глаза Клавдіи Андреевны, устремленные на Иду Николаевну, спрашивали:

— Если угодно—она удалится...

Но Ида Николаевна опустила глаза и ждала. Одно она знала: она не выйдетъ изъ этой комнаты такъ, просто, не оставшись еще разъ наединѣ съ этой женщиной.

— Я только одну папиросочку, заговорила, громко отдуваясь Кильдіарова:—вы, Мартель, ужъ не взыщите. Я знаю, вы—не охотница до табаку... Спросите у Мещериной, я и у нея не курила, а ужъ кàкъ хотѣлось... У нихъ гостиная-то вся въ какихъ-то каріатидахъ... Такая чистота и опрятность, что и пепельницы ни одной не видать...

— Курите, сдержанно вымолвила Клавдія Андреевна и присѣла у стола передъ диваномъ.

— Да я только разика два затянусь... У меня свои, вы не безпокойтесь...

«Чтò же это?», подумала Ида Николаевна, и притихла.

Она опять, уже украдкой, бросила взглядъ на Клавдію Андреевну. Та сидѣла въ позѣ такого внѣшняго спокойствія, что Иду Николаевну охватилъ новый наплывъ того чувства, которое погнало ее сегодня изъ дому.

«Ты все знаешь, думала она, блѣднѣя и нажимая въ рукѣ ручку кресла:—ты все знаешь, ты догадалась сразу, зачѣмъ я пришла къ тебѣ... И ты такъ невозмутима!.. Ты хочешь поразить меня, раздавить своимъ величіемъ, силой характера... Ты отняла, ты загубила человѣка и ты же рисуешься!»

— Вы, Мартель, кого да кого, за эти дни видѣли? спросила Кильдіарова, пустивши длинную струю дыма...

— Да я никуда почти не выходила—все нездоровилось...

«Ну дà, ну дà, вслѣдъ за нею думала Ида Николаевна:—ты не выходила... Ты сидѣла дома нарочно и никого не принимала... Онъ пришелъ къ тебѣ съ повинной!.. И ты его покорила! Ты не сказала ему ни одного слова утѣшенья; ты отомстила ему за то, что когда-то онъ отказался отъ тебя, за то, что жизнь съ тобой стала для него невыносимой!..»

— Однако, надо-бы поскорѣе собраться, замѣтила, сквозь но-

вую струю дыма, Кильдіарова.—Вы всю душу свою кладете въ эту школу; а вамъ каждый годъ приходится клянчить, да бѣгать по разнымъ литераторишкамъ, да музыкантишкамъ, какъ бы только вечерокъ устроить... Тутъ безъ особаго кружка ничего не пойдетъ... На первый разъ насъ довольно: вы, Кривцова, я, вотъ Мещерина, еще двѣ-три женщины... Вотъ уже и распорядительный комитетъ!..

Клавдія Андреевна только улыбнулась. И эта улыбка проникла въ душу Иды Николаевны и вызвала новый рядъ мыслей:

«Ты держишь себя, точно царица какая... А мы всѣ, и онъ также, все это—такъ, ничтожество; ты выше всего этого, ты подавляешь насъ своимъ величіемъ!»

Кильдіарова встала, бросила на полъ окурокъ папиросы и растоптала его ногой.

— Ну, мнѣ сегодня некогда; прощайте, господа; только, пожалуйста, на той недѣлѣ надо согласиться насчетъ дня; я васъ всѣхъ оповѣщу.

— Да теперь, вѣдь, идетъ все недурно, тихо заговорила Клавдія Андреевна.

— Чтò вы, чтò вы, Мартель! Ужь и вы начинаете въ сладкомъ тонѣ?.. Я отъ васъ этого не ожидала... Надо объявить войну на жизнь и смерть всѣмъ нашимъ тоннымъ благотворительницамъ!..

Намотавши нàскоро хвосты, Кильдіарова пожала обѣимъ руки и на ходу еще разъ кивнула головой.

Съ дверью обошлась она такъ же громко, какъ и при входѣ.

Ида Николаевна вздрогнула отъ этого звука и выпрямилась.

Какъ только шаги въ передней затихли, а потомъ раздался звякъ колокольчика отъ наружной двери, она приподнялась и сдѣлала два шага впередъ.

Клавдія Андреевна также встала и поглядѣла на нее пристально, какъ бы ища отвѣтнаго взгляда...

Глаза ея были такъ полны выраженія душевной скорби, что Ида Николаевна тутъ впервые смутилась и смогла только прошептать:

— Я пришла къ вамъ... вы знаете...

И больше не выдержала—болѣзненно, громко, со всѣмъ натискомъ разразившагося горя, закричала:

— Вы, вы... Я не хочу, я не могу вамъ вѣрить!..

На этотъ крикъ Клавдія Андреевна отвѣтила движеніемъ правой руки, точно желая остановить Иду Николаевну. Но тотчасъ же затѣмъ она поднялась, взяла ее за обѣ руки, усадила на диванъ и обняла. Ида Николаевна подчинилась этимъ движе-

ніями; въ ней на минуту все точно замерло. Она не нашла въ себѣ силы оттолкнуть эту женщину и чувствовала какую-то новую, душевную теплоту отъ прикосновенія къ ней.

— Вы мнѣ повѣрите, заговорила Клавдія Андреевна тихо, медленно, съ чуть слышной картавостью:— но не сразу это сдѣлается. Я знаю. Куда же вамъ было идти, какъ не ко мнѣ? Гдѣ искать его, какъ не у меня?.. Только нѣтъ его здѣсь...

— Нѣтъ? прошептала Ида Николаевна съ звукомъ ужаса.

— Здѣсь нѣтъ... и въ Петербургѣ нѣтъ...

Сдержанный вздохъ вылетѣлъ изъ ея груди. Она слегка отвернула голову, и двѣ слезы—Ида Николаевна увидала это—скатились по блѣднѣющимъ щекамъ.

— Гдѣ же, гдѣ?.. повторяла Ида Николаевна, растерянно озираясь и чувствуя, какъ это слово леденитъ и ужасаетъ ее, какъ въ немъ засѣла вся агонія ея души.

— Не знаю, выговорила тихо Клавдія Андреевна: — но онъ не придетъ, не вернется...

— Но это невозможно, это—безуміе, это...

Она не кончила и громко разрыдалась. Клавдія Андреевна не стала ее утѣшать, а молча поднялась, подошла къ ломберному столу, раскрыла бюваръ, вынула изъ него какое-то письмо на бумагѣ большого формата и вернулась къ дивану.

— Вотъ что̀ онъ мнѣ написалъ, начала она, когда прекратились рыданія Иды Николаевны: — прочтите.

— Онъ васъ видѣлъ?

— Нѣтъ; я даже не знала, что Михаилъ Петровичъ живетъ здѣсь... Только недавно, недѣли съ двѣ тому назадъ, госпожа Кильдіарова упомянула вашу фамилію.

Ида Николаевна протянула руку и почти вырвала письмо у Клавдіи Андреевны.

— Прочтите, выговорила та и опять отвернулась.

Глаза Иды Николаевны забѣгали по строчкамъ. Она произносила мысленно слова̀ и останавливаясь на нѣкоторыхъ. Но вѣдь она уже читала это письмо? Или съ такимъ же содержаніемъ. Когда? Да сегодня, у себя. И въ томъ, и въ этомъ письмѣ говорилось одно и тоже. И тамъ, и здѣсь Михаилъ Петровичъ винилъ во всемъ одного себя, называлъ и ее, и первую свою жену жертвой. Только въ этомъ онъ еще сильнѣе каралъ себя, еще горше и глубже чувствовалъ свою вину, еще горячѣе просилъ о прощеніи.

Прощеніе у *ней?* За что̀?

Глаза Иды Николаевны гнѣвно обратились на Клавдію Андреевну. Та сидѣла, опустивъ голову, и перебирала пальцами пра-

вой руки конецъ своей пелерины. Ея поза, ея лицо, ея взглядъ снова обезоружили Иду Николаевну.

— Это—безуміе! закричала она и тотчасъ же встала.

— Нѣтъ, другъ мой, это—не безуміе.

Отвѣтъ Клавдіи Андреевны не возмутилъ ея; она ка̀къ-то сразу помирилась со словами: «другъ мой».

— Чтò же это? уже сосредоточеннѣе и тверже выговорила она.

— Я понимаю чтò... и вы поймете, когда ваше горе стихнетъ хоть сколько-нибудь.

И только-то? И за такимъ отвѣтомъ она бѣжала къ этой женщинѣ? Да не насмѣшка ли это? Не кроется ли тутъ комедія? Ее обманываютъ, дурачатъ, какъ глупую дѣвчонку!.. О! если такъ...

Она вся выпрямилась, и какое-то вызывающее слово готово было слетѣть съ ея устъ; но опять видъ Клавдіи Андреевны заставилъ ее стихнуть.

— Вы поймете, выговорила та, поднявшись также со стула.— И вамъ нужно понять. Ни вы, ни я, никто не долженъ обвинять его въ чемъ-нибудь.

Она еще чтò-то хотѣла сказать, но посмотрѣла на часы и, подавая руку Идѣ Николаевнѣ, докончила:

— Мнѣ пора. Не осудите... Должна на урокъ... Мои дѣвочки ждутъ... Мы увидимся. Если вы не придете ко мнѣ — я приду. Та̀къ я васъ не оставлю... Вы видите, чтò онъ мнѣ пишетъ... Но еслибъ онъ и ничего не писалъ, я бы пришла сама... я сегодня сбиралась...

— Я приду, чуть слышно вымолвила Ида Николаевна.

Они молча пожали другъ другу руки. Клавдія Андреевна проводила ее и въ дверяхъ сказала:

— Приходите вы ко мнѣ. Такъ лучше. Я вечеромъ каждый день дома.

И обняла ее.

XI.

На площадкѣ, тронувъ пуговку электрическаго звонка у входныхъ дверей, Ида Николаевна оглянула металлическую дощечку и прочла про себя: «Михаилъ Петровичъ Мещеринъ». Рука ея опустилась. Взглядъ совсѣмъ потухъ. Она готова была снова бѣжать изъ дому.

Въ передней съ радостнымъ лаемъ кинулась къ ней собачка. Чепчикъ Поли смотрѣлъ какъ-то особенно франтовато въ этотъ

день. Солнце проникало и въ переднюю. Двери въ кабинетъ и въ гостиную были полуотворены. Изъ кабинета виднѣлась часть краснаго кресла. Глубь гостиной съ зеленью и портьерами манила къ себѣ. Но ей «коробочка» впервые показалась гробомъ.

Даже и не гробомъ—чѣмъ-то хуже, безотраднѣе, безжизненнѣе. Она прошла беззвучнымъ и задержаннымъ шагомъ въ свой кабинетъ, открыла ящикъ въ письменномъ столѣ, вынула оттуда *его* письмо и ушла въ него.

Такъ она просидѣла больше часа. Теперь она знала его наизусть; каждое слово, каждая запятая, каждый росчеркъ сидѣли въ ея головѣ. Но содержаніе, мотивы были темны попрежнему.

«Почему?» повторяла она уже не растерянно, не съ агоніей ужаса, какъ утромъ и у Клавдіи Андреевны, а подавленно, въ глубокомъ недоумѣніи. Она еще яснѣе чувствовала, что сама не дастъ на это настоящаго отвѣта. За отвѣтомъ она еще разъ пойдетъ къ той женщинѣ.

Сначала она выговорила про себя: «та женщина», а во второй разъ назвала ее: «Клавдія Андреевна». И это имя ей не было ненавистно... Нѣтъ, нисколько! Въ немъ даже зазвучало что̀-то близкое, теплое, что̀-то такое, къ чему можно припасть, найдти убѣжище, освѣтить себѣ все...

Да̀, освѣтить... Все понять съ ея указаніемъ. Это—не рабство, не малодушіе, а признаніе ея превосходства, ея пониманія, ея долгаго опыта. Она и теперь уже видитъ: *какая* это женщина. Если *онъ* съ той не могъ жить, то ка̀къ же ему было жить съ ней?.. Это и теперь понятно, но не такъ, какъ пояснитъ Клавдія Андреевна. А теперь-то что̀ ей дѣлать, чего ждать? Отъ прежней жизни уже—нѣчего...

Глаза Иды Николаевны оторвались отъ письма и невольно обратились къ кабинетному портрету. Точно живое глядѣло оттуда лицо Михаила Петровича. Взглядъ былъ, въ особенности, вѣрно схваченъ. Въ немъ она прочла неизсякаемую тревогу, безконечное какое-то исканіе; этотъ блуждающій, расходящійся взглядъ, казалось ей, говорилъ:

«Не найду я себѣ никогда дѣла по душѣ. Кто свяжетъ со мною свою судьбу — будетъ страдать; я долженъ во̀-время удалиться».

Такія точно слова̀ вылетали изъ этого взгляда. Она не могла думать иначе. И вдругъ, когда она оторвала глаза отъ портрета, перешла въ спальню и стала снимать съ себя перчатки, внутри ея всплылъ вопросъ: «Но кто тебѣ сказалъ, что онъ погибъ для тебя, что онъ не вернется?»

И радость охватила ее отъ этого вопроса, лишеннаго всякой

цѣны и силы... Она могла его задать себѣ и гораздо раньше. Однако, она этого не сдѣлала... *Можетъ* вернуться, но что тогда? Какою найдетъ онъ ее? Да все такой же глупенькой, неразвитой, мелкой въ своихъ идеяхъ и желаніяхъ, неспособной идти съ нимъ рука объ руку... Развѣ это не такъ?.. Она воображала только себѣ, что любитъ его безъ памяти, а, въ сущности, что же она дѣлала во имя этой любви? Ухаживала за нимъ, когда онъ былъ боленъ? Да, вѣдь, на это способна всякая безграмотная сидѣлка... А въ послѣдній годъ, за границей и здѣсь, она не умѣла понять его, не хотѣла себя самоё преобразить, переродить...

Недостойной никакой жалости казалась себѣ Ида Николаевна, и ея чувство перешло въ одинъ большой приговоръ надъ самой собой...

И зачѣмъ она хоть недѣлю, хоть три-четыре дня, останется здѣсь, въ этой коробочкѣ? Здѣсь все ей *было* дорого; но она не имѣетъ права продолжать жить здѣсь... Что такое она, сама по себѣ, какъ женщина, какъ Ида Николаевна, какъ существо, способное на какое-нибудь дѣло?..

Ничтожество, круглое ничтожество!.. И она сметь [illegible] и уничижаться!..

Съ этой минуты «коробочка» предстала передъ ней, какъ живой упрекъ, какъ ѣдкое воспоминаніе о томъ безсмысленномъ «прозябаніи», какимъ она себя убаюкивала, не замѣчая даже, что на душѣ происходитъ роковая борьба...

Поскорѣе бы сумерки. Она не будетъ зажигать свѣчей. И обѣдать она не хочетъ, да и не можетъ сѣсть одна передъ всѣми этими [illegible] разныхъ вещей, которыми она такъ [illegible] и, какъ безсмысленная [illegible], сѣ[illegible] за [illegible] Михаила Петровича.

— Не накрывайте на столъ, приказала она [illegible] и [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

еле двигаясь, доплелась она ощупью до своего кабинета, и, въ ту самую минуту, когда нащупывала столъ, въ передней громко позвонили.

Ида Николаевна вскрикнула и упала—силы оставили ее...

Пришла она въ себя—на большомъ креслѣ. И только раскрыла вѣки, увидѣла въ полусвѣтѣ комнаты мужскую фигуру: сѣдая бородка, широкое лицо, карія глаза, испуганно обращенные къ ней... А выше—темя, съ проборомъ посрединѣ, съ рѣдкими сѣдыми же волосами.

Это—не онъ! Она выпрямилась, схватилась потомъ за свое лицо обѣими руками и тутъ только узнала, кто это.

— Боже мой! Я васъ такъ встревожилъ моимъ приходомъ, слышался ей мало знакомый голосъ.

— Вы... господинъ Рябининъ? спросила она: имя и отчество его она не смогла уже припомнить.

— Дà, дà, все также испуганно и тихо отвѣтилъ онъ.—Ради Бога... не утруждайте себя... вотъ мы васъ уложимъ въ постель.

И онъ кивнулъ головой Полѣ, стоявшей тутъ же, ближе къ двери, съ широко раскрытыми глазами, полными тупого испуга.

— Нѣтъ, не нужно, я—ничего, говорила она и привстала.— Перейдемте въ гостиную... Поля, дайте лампу.

Рябининъ—это былъ дѣйствительно онъ—нерѣшительнымъ шагомъ перешелъ за Идой Николаевной въ гостиную. Тамъ она опустилась на диванъ; но лицо, хоть и очень блѣдное, было уже безъ признаковъ физическаго изнеможенія.

Она обратила къ нему свои большіе довѣрчивые глаза и силилась хоть немного улыбнуться... Въ гостиной, отъ лампы съ большимъ абажуромъ, стоялъ полусвѣтъ; но Ида Николаевна замѣтила тотчасъ же, что руки у Рябинина вздрагиваютъ и вся кровь прилила ему къ лицу... Она видѣла также, что и губы его точно дрожатъ, что онъ не знаетъ, кàкъ ему подавить свое волненіе.

— Я пораженъ, началъ онъ, почти задыхающимся голосомъ.— Я только сегодня, по письму вашего... (онъ запнулся) мужа понялъ, на какое фатальное намѣреніе онъ пошелъ... такъ безвозвратно...

— Безвозвратно, повторила Ида Николаевна и подумала:—я знаю, ты мнѣ ничего новаго не скажешь.

— И я никакъ не воображалъ, что Михаилъ Петровичъ, обращаясь ко мнѣ такъ недавно съ просьбой быть совѣтникомъ при выраженіи его послѣдней воли...

«Чтò онъ говоритъ? думала Ида Николаевна, опершись на ла-

донъ лѣвой руки:—какая послѣдняя воля? Я ее знаю, она—неизмѣнна».

— Онъ даже, шутя, продолжалъ уже живѣе Рябининъ:—спрашивалъ меня, доволенъ ли я имъ, какъ бывшимъ слушателемъ, съумѣлъ ли онъ изложить все по формѣ и духу десятаго тома...

— Десятаго тома? вдругъ спросила Ида Николаевна, и ротъ ея раскрылся въ недоумѣвающую улыбку.

— Какже, какже! напряженно вскричалъ Рябининъ:—и мало этого, онъ мнѣ говоритъ: «вотъ видите, Сергѣй Сергѣевичъ, какая судьба... Я вамъ, когда-то, по двумъ билетамъ отвѣчалъ: о личныхъ отношеніяхъ супруговъ между собою; а потомъ о поголовномъ и поколѣнномъ наслѣдованіи.»

— Ка̀къ? переспросила Ида Николаевна и опять усмѣхнулась.

— Такая есть премудрость: поколѣнный и поголовный порядокъ наслѣдства. «Вотъ, говоритъ мнѣ тогда Михаилъ Петровичъ, пришлось и самому сочинять такой документъ, гдѣ и личныя отношенія входятъ, и порядокъ наслѣдства.

«Бѣдный, думала Ида Николаевна, слушая возбужденную рѣчь Рябинина:—это онъ все старается шуточкой скрасить... Зачѣмъ! Я, вѣдь, все знаю».

И вдругъ весь этотъ человѣкъ, и съ его умомъ, и съ тѣмъ, что̀ она слыхала про его знанія, даровитость, жизненную энергію—показался ей тамъ, гдѣ-то, гдѣ происходила вся суета ежедневной жизни... Ей уже захотѣлось прервать его рѣчь возгласомъ: «Да чему же вы изумляетесь... Такъ должно было случиться!» И она знала, что, вотъ, завтра же свидится она съ Клавдіей Андреевной, и та ей все освѣтитъ, а изъ мужчинъ, ка̀къ-бы они ни были учены и умны, никто не скажетъ настоящаго слова...

— Но я пораженъ! началъ опять прерывающимся голосомъ Рябининъ и завозился на креслѣ.

— Такъ надо было, чуть слышно вымолвила Ида Николаевна и больше ничего не сказала.

— И что̀ же это за общество, что̀ за культурная жизнь, откуда такіе хорошіе люди, какъ вашъ мужъ, бѣгутъ, разрывая самые кровные узы!..

«Я уже это слышала, думала тѣмъ временемъ Ида Николаевна.—Кажется Кривцовъ, говорилъ тоже... Но мнѣ — не *то* нужно... Завтра я увижу Клавдію Андреевну».

И передъ глазами ея прошло точно облако... Она провела по лбу ладонью и ощутила влажность кожи.

«Что̀ это со мной?» подумала она:—точно въ жаръ хочетъ бросить? Здѣсь, вѣдь, не жарко, въ гостиной.»

И до нея гораздо смутнѣе сталъ доходить голосъ Рябинина.

— Его воля установляетъ васъ наслѣдницей, выговорилъ онъ съ удареніемъ и наклонилъ голову въ ея сторону.

— Меня? строго переспросила она.

— Ему угодно было избрать форму дарственной записи.

— Записи? повторила Ида Николаевна...

— Дà, иначе какъ же... одно его... исчезновеніе не составляетъ еще, до извѣстнаго срока, рѣшительнаго факта въ дѣлѣ наслѣдованія.

«Вотъ, опять въ жаръ бросило», подумала Ида Николаевна и про себя выговорила еще разъ слово, никогда ею не слыханное: «запись».

— Все, чтò онъ обозначилъ въ этомъ актѣ, съ минуты его подписанія, принадлежитъ вамъ.. и мой долгъ...

— Зачѣмъ? прервала она его и протянула ему руку. — Мы послѣ объ этомъ.

«И я возьму все?.. Зачѣмъ?» пронеслось въ головѣ Иды Николаевны.

Стѣны гостиной давили ее... Она задыхалась, какъ въ настоящемъ гробу.

— Вы мнѣ позволите явиться въ другой разъ... вамъ теперь слишкомъ тяжело, заговорилъ Рябининъ и приподнялся, протягивая ей обѣ руки.

Она поглядѣла ему въ глаза, и опять та же мысль прошла въ ея головѣ:

«Я, вѣдь, все знаю, чтò онъ скажетъ мнѣ въ утѣшеніе».

И, припомнивъ странное слово «запись», она прибавила про себя:

«Это—все вздоръ!.. до меня оно не касается».

Тяжело поднялась она съ мѣста, и, еслибъ гость не поддержалъ ее, она бы непремѣнно упала.

Рябининъ довелъ ее до ея кабинетика и опять растерялся. На зовъ его прибѣжала Поля, и они оба понесли ее къ кровати.

«Ахъ, кàкъ сладко... говорила про себя Ида Николаевна, чувствуя, что отъ головы и отъ сердца отливаетъ все больше и больше.—Еслибъ такъ заснуть и... на вѣки!»

Она лежала уже въ постели. Слабость совсѣмъ охватила ее, и только на мгновеніе въ головѣ всплывала какая нибудь мысль, или отрывокъ фразы, или смутный образъ...

— Миша! пробормотала она черезъ пять минутъ: ей почудилось, что онъ вошелъ въ спальную, какъ всегда, съ часами въ рукахъ и тихо приближается къ своей кровати...

Потомъ—другая комната, сѣрая, съ ночникомъ. Валѣкъ чепчикъ сидѣлки и ея глухой, холодный голосъ:—«Madame expire!»

— И я, и я!.. вскрикнула она, и ею овладѣло неудержимое желаніе: исчезнуть, уйдти въ ничто, не возвращаться больше къ этой жизни... Въ головѣ стала холодящая, но пріятная ей пустота... Ноги и руки нѣмѣли—и она все это чувствовала, капля по каплѣ...

Но вотъ ей хочется что-то сказать въ послѣдній разъ... той... оставшейся въ живыхъ... Клавдіи Андреевнѣ... но она не можетъ.

Да вотъ и сама Клавдія Андреевна всплыла и мгновенно пропала.

Все заволокло. Сознаніе замерло.

XII.

— Мамаша, мамаша! кричитъ Ида Николаевна и обливается во снѣ слезами.

Ей снится, что ея мать уводятъ отъ нея насильно какіе-то мохнатые, не то люди, не то звѣри, а ее самое бросаютъ въ желѣзную клѣтку.

— Пустите! вскрикиваетъ она еще сильнѣе и просыпается.

Полусвѣтъ. Сначала она не можетъ распознать, гдѣ она... Это — спальня. Вотъ бѣлѣются изразцы печки. Надъ умывальникомъ рѣзная этажерка съ баночками и коробочками... а тамъ вонъ вѣшалка... И кровать Михаила Петровича... Но отчего же она пуста?

Ида Николаевна привстала, схватилась за голову, со страхомъ обвела глазами всю комнату—и все вспомнила... Голова опустилась тотчасъ же на подушку. Глаза были влажны... Она вспомнила, что плакала во снѣ... Потомъ она ощупала еще разъ голову. На лбу у ней холодящая примочка, по всей комнатѣ ходитъ запахъ какого-то спирта. Лампадка стоитъ, должно быть, позади, на туалетномъ столикѣ.

Кто-то точно пошевелился на креслѣ, въ углу, около шифоньерки.

— Кто это? пугливо окликнула Ида Николаевна и тутъ только почувствовала слабость и легкую боль въ головѣ.

— Это—я, раздалось изъ угла.

«Чей это голосъ? спросила про себя Ида Николаевна и тревожно еще разъ оглянулась.

Къ кровати подошелъ кто-то и сѣлъ у ногъ ея, на круглый

табуретъ. Сѣдая женская голова съ черной косынкой на маковкѣ и сѣрая пелеринка были ей знакомы.

Ахъ, да это она, Клавдія Андреевна...

— Вы! радостно крикнула Ида Николаевна, и рука ея схватилась за край одѣяла.

— Чтò вы, чтò вы! нельзя вамъ, у васъ жаръ...

Клавдія Андреевна поднялась и обѣими руками придержала одѣяло, наклонясь надъ нею.

— Я такъ рада... заговорила Ида Николаевна, смотря на нежданную гостью во всѣ глаза.

— Тс, тс, не говорите; вамъ нельзя напрягаться, вы все время были въ забытьи...

— Кàкъ же вы у меня... зашептала Ида Николаевна.—Я такъ бы хотѣла все знать.

— И узнаете, другъ мой, узнаете. Позвольте, я вамъ перемѣню компрессъ... И подушки у васъ совсѣмъ сбились.

Компрессъ былъ положенъ другой, подушки взбиты. Все это Клавдія Андреевна дѣлала ловко, неспѣшно, поглядывая боковымъ взглядомъ на больную. Ида Николаевна также слѣдила за ней глазами и нѣсколько разъ порывалась говорить.

— Вамъ хочется пить? спросила ее Клавдія Андреевна, присаживаясь опять на табуретъ.

— Не очень. Сядьте. Не безпокойтесь такъ обо мнѣ... Скажите, какъ вы попали сюда?

— Тс, пожалуйста, помолчите...

Клавдія Андреевна сдѣлала жестъ правой рукой и добродушно повела бровями.

— Не буду, кротко прошептала Ида Николаевна.

Ей, въ эту минуту, хотѣлось только слушать. Она чувствовала, что тѣло ея—въ лихорадкѣ, но болѣзнь не пугала ея, а скорѣе радовала. Вотъ она слегла, пролежала въ забытьи сутки, раскрыла глаза, и та женщина, которую она такъ жаждала видѣть—около нея, у кровати, сама пришла...

Она отвела глаза отъ фигуры Клавдіи Андреевны и остановила ихъ на пустой кровати. Спальня тотчасъ же показалась ей совсѣмъ другой: сердце сжалось, глаза наполнились слезами. Еслибъ ей только позволили, она убѣжала бы отсюда... Но куда?.. Въ его кабинетъ. Тамъ все еще сильнѣе напоминаетъ его. Въ свой кабинетикъ... тамъ стоитъ его портретъ. Въ столовую... сядетъ она къ столу напротивъ—пустое мѣсто...

— Докторъ будетъ позднѣе, тихо проговорила Клавдія Андреевна.

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ?

Клавдія Андреевна сдержанно засмѣялась. Она положила правую руку на постель и продолжала шутливо:

— Вы уже не бунтуйте... Еще денёкъ въ постели, и будете на ногахъ.

— Зачѣмъ?.. уже съ другимъ выраженіемъ повторила Ида Николаевна.

— Такіе вопросы мы съ вами еще успѣемъ позднѣе задавать...

— Ну, хорошо, прошептала Ида Николаевна и кротко сложила руки на груди.

Голова у ней ослабла; въ глазахъ стало мутиться. И опять она впала въ забытье. Сколько она въ немъ оставалась — она не знала. Когда она открыла глаза и пришла въ полное сознаніе, было уже свѣтло. Солнце врывалось въ спальню сквозь щели въ опущенныхъ гардинахъ.

Первый взглядъ ея былъ на табуретъ. На табуретѣ сидѣла Клавдія Андреевна. Разглядѣть ее можно было теперь вполнѣ: каждую морщинку, каждую прядь волосъ, каждую складку на платьѣ. Лицо заботливое, нѣсколько задумчивое, но доброе, открытое. Вотъ такой Ида Николаевна всегда воображала себѣ «настоящую серьёзность». Серьёзность безъ жестокости, и порядочность. И о такой порядочности всегда мечтала она. Въ себѣ она не признавала ни того, ни другого.

Какъ ей нравятся эти сѣдые волосы, гладко приглаженные на вискахъ. И очертаніе рта, и поворотъ шеи. Все въ этой женщинѣ ей мило. Неужели она могла идти къ ней съ гнѣвнымъ чувствомъ въ груди? Вѣдь, она способна была тогда на всякую выходку... самую дикую, самую возмутительную. Эта женщина чиста и непорочна. Никакой злой умыселъ не можетъ забраться въ эту благородную голову.

Второй взглядъ Иды Николаевны былъ на пустую кровать. На ней все еще лежали подушки и одѣяло, нетронутыя, съ чистой простыней. Она отвела лицо, но сдержала въ себѣ наплывъ холодящей горечи.

«Это послѣ, подумала она вслѣдъ затѣмъ: — я не смѣю предаваться *моему* горю... Вѣдь, и она его любитъ. Она не переставала его любить. И молчитъ, и все понимаетъ, и меня научитъ все понять».

— Здравствуйте, поздоровалась она съ Клавдіей Андреевной.

— Не напрягайте себя! Докторъ...

— Ахъ, я знаю... Теперь я, право, ничего... Слабость прошла, увѣряю васъ... Мнѣ такъ хочется... говорить съ вами.

И ей показалось, что она—точно маленькая-маленькая дѣвочка... Вся бурная тревога послѣднихъ дней отошла куда-то, въ темную даль. И она заново будетъ начинать жизнь, учиться сызнова, надѣнетъ платье ученицы... вотъ такое же сѣренькое, какъ у Клавдіи Андреевны, съ пелеринкой...

— Сейчасъ будетъ докторъ, выговорила Клавдія Андреевна, поднимаясь съ мѣста.

— Я здорова.

— Это вамъ такъ кажется.

Ида Николаевна слушала почти съ радостью этотъ низковатый, нѣсколько картавый, степенный, изящный голосъ, и думала:

«Она здѣсь... сидитъ безсмѣнно у моей кровати. А, вѣдь, у ней есть уроки, школа... Она этимъ живетъ. Ахъ, какъ это гадко. Развѣ я стою?»

— Послушайте, громкимъ шепотомъ заговорила она.

— Что, что?

Клавдія Андреевна откликнулась, какъ отвѣчаютъ дѣтямъ; но это ея не обидѣло.

— Вы все для меня бросили... ваша школа... Я не хочу, я не стою... Это нехорошо!

Слезы крупными каплями уже стояли въ ея глазахъ.

— Ошибаетесь, другъ мой, спокойно отвѣтила Клавдія Андреевна: — я и вчера, и третьяго дня ходила къ моимъ дѣвочкамъ, да и сегодня еще успѣю сходить и дать урокъ—вотъ какъ только провожу доктора. Онъ долженъ сейчасъ быть.

И, не дожидаясь возраженія Иды Николаевны, она стала уставлять стклянки на ночномъ столикѣ, а потомъ подошла къ умывальнику и обтерла его губкой.

«Все сама... думала, глядя на нее, Ида Николаевна:—а что же Поля?.. И Ловизѣ нечего теперь дѣлать».

— Послушайте!..

Голова Клавдіи Андреевны неспѣшно обернулась въ ея сторону.

— Зачѣмъ вы сами... горничная можетъ.

— Никого не нужно... только будутъ мѣшать, отвѣтила она съ чуть замѣтнымъ движеніемъ нижней губы.

«Ей не нужно, вдругъ устыдила себя Ида Николаевна:—а я сейчасъ требую горничную... А развѣ у меня есть *моя* прислуга? Я и сама-то лежу въ чужой квартирѣ... И на доктора у меня нѣтъ своихъ средствъ. А я—горничную!»

Сильный румянецъ покрылъ мгновенно ея щеки. Она начала

съ новымъ, еще болѣе умиленнымъ чувствомъ глядѣть на Клавдію Андреевну.

— Вотъ и докторъ позвонилъ, сказала та, оправляя одѣяло на Идѣ Николаевнѣ.

— Какой?

— Вы его не знаете... Ваша Поля привела отсюда же изъ дому... военный, добавила Клавдія Андреевна съ улыбкой и чуть слышно.

Въ кабинетикѣ заслышались по ковру сдержанные, подтянутые шаги со шпорами. Ида Николаевна давно, очень давно, не слыхала этого звука. Онъ показался ей страннымъ, и опять она почувствовала себя дѣвочкой, которой будутъ сейчасъ смотрѣть въ горло, оттянувъ языкъ дессертной ложкой и прорѣжутъ нарывъ, какъ бывало давно-давно, въ дѣтствѣ, когда она такъ часто заболѣвала горломъ.

— Онъ—хорошій, успѣла ей шепнуть Клавдія Андреевна.

Докторъ остановился въ дверяхъ и вытянулъ впередъ голову. Ида Николаевна увидѣла худощаваго блондина, съ совершенно овальнымъ лицомъ и длинными, мягкими русыми усами. Военный сюртукъ сидѣлъ на немъ мѣшковато, застегнутый на всѣ пуговицы. Она поглядѣла и на часовую цѣпочку, и на толстый перстень съ печатью на указательномъ пальцѣ.

И вдругъ передъ ней, точно живая, встала фигура доктора Фигуровскаго. Ей сдѣлалось жаль его. Она бы теперь хоть однимъ глазкомъ поглядѣла на него. Онъ бы ее перенесъ къ тому утру, когда въ кабинетѣ вышелъ такой досадный для нея разговоръ.

«Опять я!» удержалась Ида Николаевна и сдѣлала усиліе, чтобы выкинуть изъ головы и внѣшній обликъ Викентія Кондратьевича, и его голосъ, и его мудреныя слова.

Подойдя къ кровати, военный докторъ улыбнулся въ лицо Идѣ Николаевнѣ и вопросительно поглядѣлъ на Клавдію Андреевну.

— Сонъ хорошъ былъ у нихъ? проговорилъ онъ, еще болѣе въ сторону.

«Вѣдь, это онъ меня называетъ «онѣ»», подумала Ида Николаевна и улыбнулась.

— Да, кратко и значительно подтвердила Клавдія Андреевна.

— Позвольте вашу температуру...

Онъ вынулъ изъ кармана узенькій термометръ и, передавъ его Клавдіи Андреевнѣ, прибавилъ:

— Вотъ сюда...

Ида Николаевна смотрѣла на стеклянную трубочку, точно ждала, что изъ этого «фокуса» что-нибудь выйдетъ.

Голова доктора, довольно коротко остриженная, наклонилась.

надъ ея грудью. Волосы она видѣла передъ самыми глазами и отъ нихъ шелъ запахъ помады.

«Пахнетъ офицеромъ», подумала она и вспомнила, что въ дѣтствѣ гвоздичной помадой помадился какой-то военный. Онъ бралъ ее часто на колѣни, и она проводила пальцами по его эполетамъ и волосамъ... Этотъ запахъ помады такъ и пахнулъ на нее совсѣмъ новой жизнью. Ей сдѣлалось даже весело, или что-то близкое къ веселому настроенію начало охватывать ее.

За термометромъ, докторъ вынулъ костяную дощечку и молоточекъ. Онъ заставилъ ее приподняться и долго стукалъ и по груди, и по спинѣ. Ей дѣлалось немного щекотно, немного смѣшно. Лицо у доктора было такое степенное; а ей казалась вся эта стукотня дѣтской забавой. Она никогда не была больна... Стучали ли въ грудь ея матери, когда она опасно занемогла?.. Нѣтъ, никогда не стучали; у ней съ третьяго же дня открылся жестокій тифъ...

— Сколько градусовъ? тихо и раздѣльно спросила доктора Клавдія Андреевна.

— Тридцать восемь...

— Это почти нормально...

— Да̀, маленькое повышеніе.

«Она все знаетъ», подумала Ида Николаевна и съ улыбкой сказала доктору:

— У меня только слабость въ головѣ... а я бы встала.

— Никто вамъ не позволитъ, отвѣтила за доктора Клавдія Андреевна.

— Онѣ правы, стыдливо выговорилъ докторъ и, взявши ея руку, началъ считать біеніе пульса...

— Лекарство—тоже?

— Нѣтъ-съ, двѣ облаточки по два грана...

«Двѣ облаточки», повторила про себя Ида Николаевна и закрыла глаза.

Докторъ почти беззвучно ретировался изъ спальной...

Она слышала, ка̀къ его шаги замерли на коврѣ кабинетика.

— Еще два денька, говорила ей тихо Клавдія Андреевна: — и вы на ногахъ...

— Не будете запрещать мнѣ слушать васъ?

— Нѣтъ.

«Мнѣ бы еще забыться на два денька», страстно пожелала Ида Николаевна и отдалась пріятной, полудремотной слабости.

XIII.

Не черезъ два, черезъ три дня, она сидѣла, въ своемъ кабинетикѣ на креслѣ, около лампы, а противъ нея, на диванѣ помѣщалась Клавдія Андреевна... Нездоровье прошло. Самъ докторъ сказалъ, что хину можно оставить; но выходить запретилъ еще дня на два...

А ей такъ хотѣлось побѣжать туда, въ комнату Клавдіи Андреевны, быть далеко отъ «коробочки», тамъ услыхать, наконецъ, настоящее вѣщее слово... Но выходить ей не велятъ; Клавдія Андреевна не позволитъ. Она смотритъ на свою «гостью», и ей стыдно дѣлается собственной тревожности... Но какъ же ей можно дышать прежде, нежели она не спроситъ, уже въ послѣдній разъ: «безвозвратно или нѣтъ?»

Клавдія Андреевна сидитъ, и въ рукахъ у нея работа. Она точно собирается просидѣть такъ цѣлый вечеръ, невозмутимо, въ тихихъ разговорахъ.

— Я здорова, проговорила Ида Николаевна, выпрямляясь. И краска охватила ея щеки.

Ихъ взгляды встрѣтились. Молча отвѣтила ей Клавдія Андреевна: «не надѣйся, говорили ея степенные и глубокіе глаза: — онъ не вернется; но ты не смѣешь предаваться малодушію».

Ее всю потрясло. Она опустилась на полъ и упала головой въ колѣни Клавдіи Андреевны.

— Хотите вы свято хранить его память? слышался ей низкій, убѣжденный, слегка вибрирующій голосъ: — вѣдь да? Не обижайте же его мыслію, что онъ пошутилъ, подурачился, что онъ вернется, помучивъ васъ, сюрпризомъ!.. Нѣтъ, этому не бывать. Да онъ и никогда не былъ человѣкомъ безъ принциповъ... Несчастный онъ былъ всегда человѣкъ... вотъ его вина...

«Да, несчастный, такъ его и надо звать», повторяла про себя Ида Николаевна — и горе, жгучее, нестерпимое, которое только-что передъ тѣмъ овладѣла ею, точно замерло...

— Сядьте, сядьте вотъ сюда, рядомъ со мною, на диванъ... не сдерживайтесь, плачьте, забудьте, что я — посторонній человѣкъ.

— Вы!.. вырвалось у Иды Николаевны, и она привлекла къ себѣ Клавдію Андреевну.

— Я имѣла время все передумать. Вы, должно быть, про меня ничего не знали? Но не можетъ быть, чтобы онъ скрылъ отъ васъ свой первый бракъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! стремительно вскричала Ида Николаевна:—онъ ничего не скрывалъ. Я сама все забыла.

— Онъ не могъ скрыть. Да и я не стану его оправдывать. Не нужно этого. Мнѣ въ вашу-то душу хочется уйдти. Для васъ—все это дико, нелѣпо, безсмысленно. Вы не могли вѣрить, что не другая женщина отняла его у васъ. И я, будь я двадцатью годами моложе, точно тоже бы чувствовала.

Клавдія Андреевна перевела духъ и искоса поглядѣла на Иду Николаевну.

— Много ли я васъ знаю... Есть ли недѣля? А я вижу: ка̀къ чуждо вамъ все то, что̀ отняло у васъ дорогое существо. Какой вы, посреди насъ—малый младенецъ! Не взвидѣлись вы, какъ нашъ русскій недугъ подползъ и обокралъ васъ, а живаго человѣка угналъ... невѣдомо куда!..

— Нѣтъ, не то, не то вы мнѣ скажите! опять также порывисто перебила Ида Николаевна, точно боясь, что она услышитъ повтореніе того, что̀ въ этой самой квартирѣ уже говорили ей и Рябининъ, и Кривцовъ.

— Ка̀къ не то? удивленно переспросила Клавдія Андреевна. —Что̀ же другое?.. Вѣдь, не правда ли, когда вы съ нимъ встрѣтились, вы и не подозрѣвали, что можетъ человѣкъ такъ страдать отъ какой-то нравственной болѣзни, отъ сознанія своей даромъ прожитой жизни?..

— Развѣ онъ даромъ жилъ?..

— Да̀, отвѣтила Клавдія Андреевна—и вздохнула.

— Даромъ? онъ? Миша?

— Даромъ. Ничего не вышло изъ его порываній. Военный службы не захотѣлъ. Бросился учиться. Потерялъ массу времени. Кидался на книжки, увлекался всякими умниками, вѣрилъ въ то, что ему откроется широкое поприще... Таланта ему природа не дала. Пошлыхъ побужденій также. Онъ потратилъ и средства, и время, и здоровье на одни порыванія; а потомъ—испугался унизительной нищеты, сталъ работать, чтобы добыть себѣ независимость. На это опять ушло нѣсколько лѣтъ... Вотъ въ концѣ то этого добыванья себѣ куска хлѣба мы и разстались.

Она закрыла глаза на одно мгновеніе, и немного поникла головой...

— Я тогда была другой вѣры. Я мечтала для него о такой женщинѣ, которая бы...

— Онъ мнѣ все передавалъ... я знаю...

— Мнѣ все еще казалось тогда, что личное счастье можетъ поднять, встряхнуть такихъ людей!.. Теперь только я вижу, что

не спасетъ ихъ никакая женская любовь... Нѣтъ такой женщины, не народились еще онѣ. Никто тутъ не былъ виноватъ: ни я, ни онъ, ни вы. Человѣкъ со стороны выслушаетъ все это и скажетъ: «онъ убѣжалъ отъ угрызеній совѣсти... Вотъ вамъ и письмо его—читайте!» Нѣтъ, это—не то... Возвратъ къ прошедшему—случайная вещь. Услыхалъ ли бы онъ мое имя, или не услыхалъ—онъ долженъ былъ такъ кончить... Это былъ одинъ толчекъ... Михаилъ Петровичъ готовъ былъ всегда и работать, и дѣлать добро, и жертвовать собой, но онъ всегда, ото всѣхъ и отъ всего требовалъ...

— О, да! вырвалось у Иды Николаевны.

— А въ русской жизни требовать нельзя—можно только тратить себя на другихъ, отдавать безъ устали умъ, честность, знанія, все, все...

Голосъ Клавдіи Андреевны нѣсколько поднялся, а концы фразъ точно отдавались въ груди; по спинѣ Иды Николаевны пробѣжала нервная дрожь. Она слушала безъ напряженія; слова были знакомыя; но смыслъ ихъ открывалъ новый просвѣтъ... Ей показалось, что она когда-то чувствовала, хоть и не сознавала ясно, что̀ это за чудная русская жизнь, куда она попала не по своей охотѣ—жизнь, разбивавшая такъ грубо и безпощадно ея личное счастье...

«Нѣтъ и не можетъ быть счастья въ русской жизни», подумала она и не испугалась такой мысли.

«Да, вѣдь, ты говорила ему не разъ и такъ горячо, такъ убѣжденно, что нельзя все требовать, что нужно просто жить?» пронеслось въ ея головѣ вслѣдъ за первой мыслью.

— Нельзя требовать? выговорила она вслухъ и вскинула глазами.

— Мнѣ, отвѣтила Клавдія Андреевна:—мнѣ нельзя. Но онъ не могъ не требовать... Двадцать лѣтъ порываться и не получить награды... не видѣть вокругъ себя, въ родномъ обществѣ, ни идеи, ни одушевленья, ни призыва къ дѣлу...

«Такъ вотъ правда!» вскричала про себя Ида Николаевна... и съ какимъ-то наслажденіемъ почувствовала себя дѣвочкой передъ этой, все еще таинственной для нея, женщиной.

— Говорите, говорите, прошептала она: — я понимаю, я начинаю понимать.

— Не случись меня, онъ, быть можетъ, протомился бы годъ-другой... но взрывъ былъ неизбѣженъ... Онъ жилъ весь свой вѣкъ честнымъ человѣкомъ. Совѣсть и тутъ подслужилась и раздула въ ужасное преступленіе...

— Что̀? рѣзко спросила Ида Николаевна.

— Уступку, вынужденную сдѣлку—вотъ что̀. Вы сами видите: ничего онъ не спасъ, ничего не искупилъ и не подумалъ даже, что, давая вамъ свободу, онъ можетъ убить васъ...

«И не убилъ», добавила Ида Николаевна.

— Не говорите такъ, остановила она вслухъ.

— Ни винить, ни оправдывать его нельзя... Нужно только понять.

Тутъ Клавдія Андреевна вдругъ смолкла, подняла голову, сложила работу и привстала.

— Куда вы? почти съ испугомъ выговорила Ида Николаевна.

— Пора вамъ отдохнуть, а мнѣ домой.

Тонъ ея словъ былъ такъ ровенъ и невозмутимъ, точно она кончила урокъ и прощалась съ своей ученицей.

— А завтра?

— Завтра я не буду у васъ раньше вечера, и то на минуточку.

Она улыбнулась и добавила:

— Надо привыкать... быть здоровой...

И она завернула въ спальню, гдѣ оставила свой мѣшочекъ. Ида Николаевна проводила ее туда глазами; потомъ сама приподнялась, позвонила и приказала Полѣ проводить гостью.

— Сидите, сидите здѣсь, удержала ее Клавдія Андреевна, прощаясь съ ней въ дверяхъ спальни.

— Послушайте, сказала тихо Ида Николаевна:—мы *объ этомъ* больше ужь не будемъ говорить... Я поняла все... только въ одномъ вы меня не увѣряйте.

— Въ чемъ? серьёзно и вдумчиво спросила Клавдія Андреевна.

— Что я... что мы его не увидимъ никогда... Простите мнѣ это малодушіе.

Клавдія Андреевна ничего не отвѣтила, только сдѣлала знакъ головой и пошла чрезъ корридоръ въ переднюю.

«Все поняла», повторила Ида Николаевна, оставшись одна, и съ жадностью ушла въ это «пониманіе». Но что̀ же новаго сказалъ ей ея «другъ», отъ кого она такъ страстно ждала «вѣщаго слова»? Вѣдь, и умные пріятели ея мужа говорили то же самое, хоть и не тѣми именно словами. Но ихъ рѣчи не западали въ душу. А Клавдія Андреевна разомъ сняла и съ него, и съ нея самой тяжкій гнётъ угрызеній совѣсти. *Никто не виноватъ!*.. Какая простая правда; но сама она до нея не могла дойти. И теперь, сколько бы ни пришлось ей ждать его, хотя бы всю жизнь, она не будетъ возмущаться ничѣмъ, оглядываясь

на прошлое: нельзя ему было не терзаться, не болѣть душой, не требовать съ такой назойливостью... Она нападала на него, язвила, предлагала застрѣлиться. Пускай же она теперь покажетъ: какъ слѣдуетъ бодро идти впередъ, принимать все отъ жизни и, ничего не требуя, работать на другихъ. Вотъ, сейчасъ Клавдія Андреевна сильнымъ, власть имѣющимъ голосомъ сказала, что въ русской жизни можно только отдавать себя безраздѣльно, идти на всякую жертву, зная, что никакой награды не будетъ...

«А это что?» вдругъ спросила себя Ида Николаевна, оглянувъ стѣны и портьеры своей рабочей комнаты.

Вся «коробочка» вдругъ перестала для нея существовать... Она радостно вздохнула...

XIV.

Вотъ, она на пути къ дому Клавдіи Андреевны. Идетъ она и думаетъ: ей ничего не надо; но *та* женщина—уже старая, и въ письмѣ Михаила Петровича стоитъ, что онъ желалъ бы ее обезпечить, да не смѣетъ обращаться къ ней самъ... Стало быть—кому же другому, какъ не Идѣ Николаевнѣ сдѣлать это?..

А ей самой чѣмъ жить?.. Этотъ вопросъ представился ей теперь совсѣмъ не такъ, какъ прежде. Прежде въ немъ было что-то страшное. Теперь она не хочетъ даже и останавливаться на немъ. Слово «чѣмъ» кажется ей чуть не преступнымъ... Было ли у ней *право* на жизнь?.. Вонъ Клавдія Андреевна имѣетъ его... А ей надо его пріобрѣсти.

И когда она поднималась въ четвертый этажъ, у нея въ головѣ все улеглось уже, и слова даже были всѣ на готовѣ.

Во второй разъ вступала она въ бѣдную мёблированную комнату Клавдіи Андреевны. Все въ этой комнатѣ ярко и живо [illegible] у нея въ памяти. Книги, бюваръ, лампа на столѣ, даже разношерстная мёбель — все ей было уже близко и дорого... За такую точно комнату, даже похуже, темнѣе, грязнѣе, тѣснѣе еще, она отдала бы всю «коробочку», еслибъ только она сейчасъ же получила хоть такую квартиру...

Ей пришлось подождать съ четверть часа. Клавдія Андреевна пришла немного запыхавшись. На дворѣ шелъ снѣгъ. Ея [illegible] все смокло. Она его встряхнула и бережно раз-[illegible].

«Вы—въ ваточномъ пальто?» хотѣла-было спросить Ида Николаевна и только покраснѣла, удержавшись мгновенно.

— Вотъ вы какимъ молодцомъ! привѣтствовала ее Клавдія Андреевна. — Я нынче дольше побыла со своими дѣвочками... Ужь скоро и смеркнется. Дайте-ка я зажгу лампу.

«Теперь я буду говорить», подумала Ида Николаевна и сѣла на диванъ въ тѣни. Она знала напередъ, что выскажетъ все легко и смѣло.

— Вы меня выслушайте, начала она веселымъ голосомъ:—я долго говорить не буду.

— Слушаю. Вотъ сейчасъ, просто и также весело отозвалась Клавдія Андреевна, надѣла на лампу абажуръ и присѣла на диванъ.

— Я вамъ покажу письмо Михаила Петровича... Возьмите, прочтите тѣ строчки, которыя я подчеркнула карандашомъ.

Лицо Клавдіи Андреевны стало тотчасъ же строже. Она закрыла глаза и точно поблѣднѣла немного.

— Извольте, выговорила она, и голосъ ея дрогнулъ.

«До сихъ поръ любитъ его», подумала Ида Николаевна, и это открытіе не кольнуло ея болѣзненно въ сердце. Она точно ждала такого именно проявленія чувства.

Клавдія Андреевна начала читать съ самаго начала, и на лицѣ ея, когда она дошла до подчеркнутыхъ строкъ, что̀-то дрогнуло...

Вмѣсто отвѣта, она привстала и поцѣловала Иду Николаевну въ лобъ.

— Вы, вѣдь, просили понять его, шептала Ида Николаевна:— такъ не обижайтесь...

— Боже мой! чѣмъ-же мнѣ тутъ обижаться? Но вы сами мнѣ скажите: что̀ бы вы на моемъ мѣстѣ отвѣтили на это?

— Да вѣдь я—не вы.

— Вы хотите сказать, что вы молоды; а я—уже старуха? Это правда. Но выгоды всѣ на моей сторонѣ. Я привыкла къ работѣ... Да и много ли нужно, чтобы прожить?.. Я и то слишкомъ много трачу. Зачѣмъ мнѣ—цѣлую комнату? Съ того мѣсяца буду съ кѣмъ-нибудь жить; я всегда такъ жила. У меня одно желаніе: имѣть четыре часа въ день свободныхъ и отдавать ихъ тѣмъ, кому я нужна... Такъ неужели я не наработаю настолько, пока я на ногахъ?..

— А когда силы измѣнятъ?

— Тогда я ужь буду—безполезная вещь. Захотятъ, пригрѣютъ меня гдѣ-нибудь... Я объ этомъ никогда не думаю... и не хочу

думать... Этакъ все вывалится изъ рукъ; этакъ впадешь въ рабство.

По губамъ Клавдіи Андреевны промелькнула брезгливая усмѣшка, и она вся выпрямилась.

— Ну, а мнѣ-то какъ же быть? спросила Ида Николаевна и прибавила:—я тоже разсудила, что я не возьму того, что оставилъ мнѣ Михаилъ Петровичъ.

Никакого изумленія не выразилось на лицѣ Клавдіи Андреевны.

— А вы надѣетесь на ваши силы? значительно спросила она.

— Какія мои силы!.. у меня нѣтъ никакихъ силъ, заговорила въ отвѣтъ Ида Николаевна, чувствуя, какъ ей легко высказываться... Я ничего не знаю хорошо, основательно; я—бездарная, я—неумѣлая; у меня нѣтъ права занимать вотъ такую комнату, какъ эта, а не то что имѣть большую квартиру, фарфоръ, ковры, картины, собачку, двѣ прислуги... Мишѣ угодно было оставить мнѣ все... Онъ составилъ какую-то дарственную запись... такъ это, кажется, называется?

— Кажется, такъ, подтвердила Клавдія Андреевна наклонивъ впередъ голову.

— У него нѣтъ родныхъ...

— А еслибы были, вы-бы отдали все имъ?

Этотъ вопросъ не засталъ Иды Николаевны врасплохъ.

— Нѣтъ, я, вотъ, и пришла къ вамъ высказать мое желаніе: мнѣ сдается, что вы поддержите его. Сначала я должна все обратить въ деньги. Я оставлю себѣ одно платье и немножко бѣлья—больше ничего. Пожалуйста, не говорите мнѣ, что это—лишнее.

— Я молчу, вымолвила Клавдія Андреевна и склонила голову, жестомъ глубокаго вниманія.

— Все надо продать и прибавить къ тому, что Миша оставилъ послѣ себя... Это—не мое... Я не возьму ни одной копейки.

— А потомъ?

Взглядъ Клавдіи Андреевны устремленъ былъ строго и пытливо.

— Что-же потомъ?.. Я не могу вамъ отвѣтить на это. Мнѣ надо такъ сдѣлать, а если это безчестно—скажите мнѣ...

— Безчестно!.. Нѣтъ, но самонадѣянно.. Вы сами-же сказали, сейчасъ, что вы не подготовлены къ труду?

— Я этого не говорила, сильно и горячо возразила Ида Николаевна.—Нѣтъ у меня таланта, знаній, ничему я не выучена такъ, чтобы получать хорошія деньги; но ничего я не смѣю и не должна бояться.

— Не много-ли вы берете на себя?

— Вотъ посмотрю.

— Послушайте, начала, измѣняя тонъ Клавдія Андреевна:— не торопитесь... Вы можете жестоко ошибиться въ своихъ силахъ... Зачѣмъ сразу лишнее геройство?

— Вы не пугайте меня! съ тихой улыбкой выговорила Ида Николаевна:—я, вѣдь, у васъ-же буду учиться, какъ жить на свѣтѣ. Когда съ Мишей случился ужасный припадокъ хандры... съ него и началось, вѣдь... я тогда въ первый разъ сказала себѣ: если нужно, я стушуюсь. Какъ я просуществую—мнѣ все равно; пойду въ горничныя... Тоже я и теперь скажу...

— Будто-бы вы ни на что другое неспособны?..

— Да, почему-же нужно непремѣнно искать чего-нибудь выше, благороднѣе? Я, вотъ, часто даю выговоры прислугѣ: и то не такъ, и это не такъ; а вѣдь, право, я окажусь хуже Поли моей. Она получаетъ жалованья девять рублей и рубль на кофе; а я, стало быть, и этого не стою... Ну, я во Франціи долго жила, французскій акцентъ у меня хорошій; за это, я знаю, деньги платятъ... въ бонны могу идти или даже въ гувернантки плохенькія... Но, вѣдь, все это—даромъ деньги брать.

Она пристально и пытливо поглядѣла въ глаза Клавдіи Андреевны, ища ея одобренія... Та не сейчасъ ей отвѣтила.

— Погодите, выговорила она, складывая руки на груди.

— Я не могу ждать... Я не буду жить барыней! Вы не знаете, какъ я при Мишѣ любила мою коробочку...

— Коробочку? переспросила Клавдія Андреевна.

— Я такъ квартиру нашу называла. Въ ней мнѣ было точно въ раю... особливо въ иныя минуты. Въ ней желала я прожить всю жизнь. Никуда меня не тянуло... все у меня было. Каждое кресло, каждое растеніе, каждая лампа были мнѣ дороги... И вотъ, теперь коробочка умерла для меня... Вы скажете: это отъ того, что нѣтъ у меня Миши... Нѣтъ!.. Но мое довольство было пошлое, суетное: я тѣшилась тѣмъ, что мнѣ хорошо сидѣть въ креслѣ и оглядывать отдѣлку, уходить въ нашъ комфортъ... И тогда мнѣ приходило не разъ, что я ѣмъ мужнинъ трудовой хлѣбъ; но я скоро забывала... Сяду за книжку, поучу что-нибудь и думаю, что я уже весь свой долгъ исполнила и заслуживаю такой барской обстановки... Умерла для меня коробочка... и теперешнее мое чувство я не отдамъ за прежнее мое... идіотское довольство!..

Еслибъ Ида Николаевна поглядѣла на себя въ зеркало, она бы увидѣла въ первый разъ, какъ двѣ рѣзкія черты легли у ней вдоль щекъ.

— Ну, что-жь? вымолвила Клавдія Андреевна, не мѣняя позы:— если такъ—я вамъ не скажу ни одного слова больше.

Тонъ ея отвѣта звучалъ совсѣмъ неласково; но сердце Иды Николаевны чуяло, что въ этомъ-то сухомъ отвѣтѣ и дрожитъ нота настоящаго сочувствія.

«Она уже не смотритъ на меня, какъ на дѣвочку», съ какой-то невѣдомой еще гордостью подумала она—и ей сдѣлалось еще легче, еще свободнѣе .. Она стала говорить уже дѣловымъ тономъ, какъ она должна распорядиться всѣмъ, что ей оставилъ Михаилъ Петровичъ. Клавдія Андреевна не проронила ни одного словечка и только сочувственно кивала головой.

Пролетѣло больше часу въ бесѣдѣ.—Пришло время обѣда.

«Луиза готовитъ въ послѣдній разъ, сказала про себя Ида Николаевна:—завтра я останусь безъ кухарки...»

— Что вы платите за обѣдъ? спросила она у Клавдіи Андреевны, уже на порогѣ передней.

— Семь рублей въ мѣсяцъ.

«Ты и такъ не будешь ѣсть, приказала она себѣ:—и долго не будешь»...

И эта мысль точно переполнила ее особенной радостью.

— Когда Миша вернется, шепнула она на ухо Клавдіи Андреевнѣ:—онъ скажетъ: «хорошо, Идушка, я доволенъ тобой».

И она быстро-быстро сбѣжала съ лѣстницы.

XV.

Въ гостиной пусто. Вся почти мёбель вынесена. Стоитъ только пьянино и этажерка съ нотами. Зеркала нѣтъ. Со шкапчика, въ простѣнкѣ между двумя окнами, сняты японскія вазы. Портьеры и гардины лежатъ въ углу. Кабинетъ совсѣмъ голый. Одинъ портретъ «Дарвинушки» еще виситъ на своемъ мѣстѣ. Обойщики снимаютъ коверъ въ кабинетикѣ Иды Николаевны. Она стоитъ въ дверяхъ столовой и смотритъ на голыя ея стѣны, гдѣ еще вчера висѣли разныя украшенія. Поля, въ послѣдній разъ, выметаетъ соръ изъ столовой. На ней нѣтъ ни чепца, ни передника. По лицу видно, что она плакала.

Въ передней позвонили. Ида Николаевна третій уже день слышитъ звонки съ утра до вечера: ходятъ смотрѣть мёбель и вещи, которыя она съ большой подробностью описала въ объявленіяхъ.

— Отоприте, почти машинально сказала она Полѣ и пошла

сама въ гостиную, съ которой начинался осмотръ покупателей.

Она знаетъ уже, какъ войдутъ, какъ будутъ осматривать и другъ съ другомъ переглядываться, какіе «morceaux» съиграетъ на пьянино дѣвица и какіе аккорды возьметъ мужчина. И каждый переспроситъ:

— Плейелевскій инструментъ?

И она отвѣтитъ въ тонъ:

— Плейелевскій...

Все это не раздражаетъ ея. Ей ничего не жалко. Она уже давно похоронила «коробочку».

Дверь изъ передней отворилась на одну половинку. Ида Николаевна ждала появленія незнакомой мужской или женской фигуры.

— Какъ это удачно!.. мы васъ застали! раздался на порогѣ женскій молодой и знакомый голосъ.

— Марья Сергѣевна! окликнула Ида Николаевна и быстро подошла къ двери.

За Марьей Сергѣевной показалось и широкое, оживленное лицо Анатолія Никитича. Онъ вошелъ и развелъ руками, глядя на то, что̀ сталось съ гостиной.

— Что̀ это? вскричали почти въ голосъ мужъ и жена.

— Съѣзжаете? начала спрашивать Марья Сергѣевна.

— Такъ скоро? добавилъ Анатолій Никитичъ.

— И съѣзжаю, и продаю, выговорила Ида Николаевна ровнымъ голосомъ.

Мужъ и жена переглянулись.

— Ахъ, Анатолій, вскричала Марья Сергѣевна:—да это еще лучше! Вы знаете, мы къ вамъ пріѣхали съ предложеніемъ... Теперь вы все распродаете... это такъ удачно!.. Какіе планы...

— Да постой, постой, Маша, остановилъ жену Анатолій Никитичъ:—дай ты порядкомъ выговорить.

— Ахъ, Анатолій, все у васъ мужскія тонкости и прелиминаріи!..

«Они опять заспорятъ», улыбаясь подумала Ида Николаевна и вслухъ сказала:

— У меня только спальня еще на что̀-нибудь похожа. Тамъ можно сѣсть, милости прошу.

Она повела ихъ черезъ столовую и кабинетикъ.

— Вотъ два кресла, а я ужь сяду здѣсь.

Марья Сергѣевна не могла сразу усѣсться, а отошла сначала къ печкѣ. Оттуда она заговорила стоя:

— Вотъ видите, Анатолій ѣдетъ заграницу, въ Парижъ, по дѣлу. И я съ нимъ. У меня особеннаго дѣла нѣтъ; но я буду оттуда писать... хочу попробовать театральные фельётоны... Буду ходить каждый день въ «Comédie Française». Мнѣ и пришло на умъ: пригласить васъ... Душечка моя, Ида Николаевна, не сопротивляйтесь. Мы поѣдемъ вмѣстѣ; вы поселитесь съ нами, будете со мной ходить въ театры, на лекціи, на разныя conférences, на réunions publiques... И потомъ...

Марья Сергѣевна перевела духъ и подсѣла ближе къ Идѣ Николаевнѣ, на кровать.

— И потомъ, я увѣрена, повторила она: — что вашъ мужъ... гдѣ-нибудь тамъ... Мы сдѣлаемъ публикацію, напечатаемъ вашъ адресъ... Пройдетъ два, много три мѣсяца, и онъ явится—это должно быть, это такъ будетъ!..

Щеки Иды Николаевны внезапно покраснѣли. Она поглядѣла на нихъ обоихъ; во взглядѣ ея что-то заискрилось и тотчасъ же потухло.

— Я не смѣю такъ поступить... выговорила она какъ бы съ трудомъ. — Михаила Петровича я буду ждать здѣсь... Въ Парижѣ мнѣ нѣчего дѣлать... Онъ мнѣ и прежде-то былъ тяжелъ. Теперь мнѣ не на что ѣхать; у меня своихъ средствъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? удивленно спросилъ Анатолій Никитичъ и вышелъ на средину комнаты.

— Я собиралась къ вамъ, Анатолій Никитичъ, продолжала Ида Николаевна, и голосъ ея зазвучалъ сосредоточенно и твердо:—васъ Михаилъ Петровичъ считалъ своимъ искреннимъ пріятелемъ и человѣкомъ опытнымъ въ дѣлахъ. Я хочу, чтобы вы одобрили то, что я сдѣлала... Мужнинъ даръ—все, что онъ мнѣ оставилъ, я обращаю въ деньги... эти деньги будутъ дожидаться его; а если не дождутся, онѣ пойдутъ на дѣло, достойное его памяти...

— Куда же вы-то дѣнетесь? рѣзко, почти возмущенно крикнулъ Кривцовъ.

— Пойду туда, гдѣ мнѣ не надо будетъ проживать больше... самой простой женщины.

Тревожный, вопросительный взглядъ Марьи Сергѣевны долетѣлъ до мужа. А Ида Николаевна сидѣла на табуретѣ, опустивъ рѣсницы. Когда она ихъ приподняла, ей сейчасъ же бросилось въ глаза выраженіе лицъ и мужа, и жены.

«Они жалѣютъ обо мнѣ, подумала она: — имъ сдается, что я въ монастырь пойду... въ ханжество ударюсь»...

— Къ чему же такой аскетизмъ! замѣтилъ нервно Анатолій Никитичъ и откинулъ голову назадъ.

Ротъ Марьи Сергѣевны уже готовился раскрыться для продолжительнаго протеста.

— Вы не бойтесь, возразила Ида Николаевна: — у меня совсѣмъ не то на умѣ, что̀ вы думаете. Какой же тутъ аскетизмъ?.. Зачѣмъ я стану брать что̀-нибудь изъ средствъ Миши? Что̀-же это: награда, что̀ ли, за то, что я съ нимъ прожила почти четыре года и была счастлива?.. *Я* только и была счастлива, но мое счастіе было глупое, мелкое, себялюбивое... Онъ мнѣ ничѣмъ не былъ обязанъ...

— Но вы нарушаете его волю! перебилъ ее Анатолій Никитичъ.

— Чѣмъ же?.. Заставить меня никто не можетъ жить на чужой счетъ... Да и что̀ же это васъ такъ удивляетъ? вы — человѣкъ новый, и Марья Сергѣевна... въ такихъ же, кажется, идеяхъ?

— Конечно, конечно, заговорила Марья Сергѣевна.—Я, васъ, понимаю... Я сама, минутами, очень тягочусь тѣмъ, что съ моимъ дипломомъ не могу имѣть порядочнаго заработка.

— Ну, матушка, начала опять! крикнулъ Анатолій Никитичъ и махнулъ раздражительно рукой.—Нельзя же всѣмъ бумагу марать?.. Открой курсъ для дѣвицъ, желающихъ получить высшее образованіе.

— И открою!

— Сдѣлай милость!

«Дѣти опять раскричались», сказала про себя Ида Николаевна и рѣшила больше уже ничего не сообщать ни мужу, ни женѣ. Общаго воздуха съ ними у ней не было въ эту минуту...

Въ спальную вбѣжала Мося и стала прыгать передъ Марьей Сергѣевной.

— Ахъ, какая прелесть! вскрикнула Марья Сергѣевна и схватила собачку за ошейникъ.

— Она вамъ нравится? спросила съ удареніемъ Ида Николаевна.

— Очень, очень.

— Возьмите ее у меня; мнѣ держать ее нельзя теперь.

Ида Николаевна сама изумилась, съ какой легкостью выговорила она свое отреченіе отъ Моси.

— Анатолій Никитичъ! воля твоя, ты хоть животныхъ и не очень любишь, а я беру собачку.

*

— Да, вѣдь, мы ѣдемъ?

Она насъ здѣсь дождется... Голубчикъ мой, обратилась Марья Сергѣевна въ сторону Иды Николаевны:—вы съ нами рѣшительно не ѣдете?..

Ида Николаевна только улыбнулась въ отвѣтъ. Кривцовъ подошелъ къ ней, пожалъ ей руку и сдержанно выговорилъ:

— Вы—себѣ госпожа. Только, пожалуйста, безъ мистицизма; вашъ мужъ этого-бы не желалъ.

Марья Сергѣевна обняла ее и что-то такое хотѣла начать, но удержалась и, уходя, спросила:

— Вы, въ самомъ дѣлѣ, отдаете мнѣ собачку?

— Хоть сейчасъ.

— Я пришлю сегодня вечеромъ. Merci... А кàкъ вамъ писать?

— На имя... Клавдіи Андреевны Мартель.

— Вы съ ней познакомились? Развитая она женщина?

— О, да! вырвалось у Иды Николаевны.

Проводивши гостей, она присѣла къ піанино, открыла его и наизусть заиграла шумановскій «Glückesgenug»...

«Поѣзжайте въ Парижъ, прошептала она:—вы тоже мечетесь, только не хотите въ этомъ сознаться... Вы—добрые и честные; но вы еще думаете тѣшиться жизнью. Я—вамъ не товарищъ».

Прошло еще два года. Изъ калитки [illegible] домика, въ одной изъ улицъ [illegible], вышла высокая женщина, одѣтая въ [illegible] [illegible] [illegible]. Въ правой рукѣ держала она небольшой [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible]

Ида Николаевна! [illegible]

[illegible]

[illegible]

оглядѣла внимательнымъ взглядомъ. Онъ тоже оглядѣлъ ее и видимо былъ пораженъ ея туалетомъ и всѣмъ внѣшнимъ обликомъ.

— Когда вы переселились?.. заговорилъ онъ торопливо, стараясь уловить на лицѣ ея какое нибудь болѣе опредѣленное выраженіе.—Я вѣдь боленъ былъ; жаба у меня была, думалъ совсѣмъ задушитъ... Когда я узналъ про... Михаила Петровича... я еле еще дышалъ... прискакалъ-бы сейчасъ...

— Его бы не вернули, вымолвила она спокойно и сдержанно.

Ея тонъ продолжалъ изумлять Дурнашова.

— Да чтò-жь это такое, скажите вы мнѣ, пожалуйста! Какой-то новый видъ самоубійства?.. Идеализмъ какой-то... неприличный... извините меня.

— Полноте, кротче и ласковѣе перебила Ида Николаевна:— зачѣмъ осуждать?... Только тотъ, кто глубоко страдалъ—способенъ... такъ исчезнуть изъ жизни...

— Но вы-то, вы-то?

— Я—вотъ видите: здорова, очень даже здорова, иду на свое дежурство.

— Какое дежурство?..

— Я—сидѣлка.

— Кто-о?..

— Сидѣлка... Больше я ничего, пока, не умѣю дѣлать... Подучусь, буду и фельдшерица... Только нескоро... я очень неловкая... и память у меня глупая...

— Да вы шутите?

Она повела рѣсницами, и по лицу ея прошлась мгновенно тѣнь.

Дурнашовъ крякнулъ и запахнулся.

— Чудеса! А—впрочемъ, молодецъ вы барыня!.. Такихъ намъ нужно... хотя тутъ чтò-то пахнетъ...

— Не мистицизмомъ-ли? улыбнувшись подсказала она.

— Да кто васъ знаетъ!..

— Вы слышали? я — просто больничная сидѣлка... И знаете, Василій Ивановичъ, мнѣ даже вамъ неловко это говорить: точно рекламу себѣ дѣлаешь—а чтò проще этого?

— Когда-же можно васъ видѣть?

— Я васъ къ себѣ не зову—я живу не одна: насъ три въ одной комнатѣ...

— А латаніи, а араліи, а Мося?..

Она только повела рукой и отвернулась.

— Прощайте; мнѣ пора... Быть можетъ, и увидимся...

— Прощайте!.. чудная вы... да дайте хоть еще пожать вашу руку...

Она торопливо пошла по тротуару. Дурнашовъ поглядѣлъ ей въ слѣдъ и крикнулъ:

— Славная вы барыня!..

Улица была уже пуста.

П. Боборыкинъ.

БРОДЯЧАЯ РУСЬ.

КАЛИКИ ПЕРЕХОЖІЕ.

I.

Наступала весна. Торопливые ручейки, сдерживаясь въ кропотливой и настойчивой суетнѣ своей только лишь ночнымъ холодкомъ и утрениками, за день, и на глазахъ, совершали видимыя чудеса. Быстро превращались бѣлыя, какъ лебяжій пухъ, снѣговыя поляны въ синевато-мертвенныя. Подточенный и подмытый снѣгъ осѣдалъ, превращаясь въ пѣну на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, весело рѣзвясь на веселой солнечной пригрѣвѣ, шаловливые потоки сбѣгались вмѣстѣ и становились еще говорливѣе, торопясь по обнаженнымъ покатостямъ на крутые берега широкой рѣки.

Подъ рѣчной ледъ давно уже и неустанно днемъ спрыгиваютъ по крутоярамъ эти докучливые рѣзвуны, успѣвающіе соединяться въ сердитые ручьи. Отъ ихъ усилій береговые припаи успѣли уже оторваться отъ закрѣпъ и обнажить живую воду. Ледъ также мертвенно засинѣлъ и потрескался. Какъ ни хлопотали по ночамъ свѣжіе холода, приковывая къ береговымъ зацѣпамъ отстававшій ледъ, малая, но дружная сила брала свое. Ледяной покровъ двинулся съ мѣста. По трещинамъ обнажились полосы чернѣвшей воды. Грязная, старая зимняя дорога, утыканная вехами и лежавшая всю зиму кривулями, совсѣмъ выпрямилась и легла вдоль русла. Проруби также перемѣнили мѣсто и стали едва примѣтны. Рѣка, какъ говорятъ, задумалась и приготовилась къ неизбѣжному перевороту.

[illegible] поле и сперва, какъ полу-
[illegible] на береговые завороты, отт-
[illegible] боками на камни и
[illegible] приняла оживленный, ве-
[illegible] слегка покачиваясь и по-
[illegible] льдины: мелкія и зад-
[illegible] и либо лѣзли на нихъ и
[illegible] снизу и надламывали тѣ
[illegible] на припекѣ

[illegible] веселой картиной
[illegible] городка, со-
[illegible] до велика. На бе-
[illegible] камышевыми палками
[illegible] на завалинкахъ у домовъ
[illegible] пожилые размѣстились на
[illegible] всѣ у воды, гдѣ уже
[illegible] рѣка увлекла всѣхъ
[illegible] повторяющееся
[illegible] и спокойное раз-
[illegible] льда вновь
[illegible] на другую,
[illegible] изъ движе-
[illegible] побѣжа-
[illegible] степенные ли-
[illegible] на крутомъ пово-
[illegible] повидимому,

[illegible] Можно бы
[illegible] большой
[illegible]

[illegible] живыя
[illegible]

[illegible] заипраніемъ
[illegible] походить
[illegible] требова-
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

ло и увѣренно шелъ впередъ, перепрыгивая через стоявшія ребромъ льдины. Только разъ остановилъ онъ шаги, чтобы поднять задняго, который запнулся за стамуху, упалъ и закричалъ не даровымъ матомъ. На берегу, въ виду этого казуса, даже ахнули тѣмъ могучимъ вздохомъ богатырской груди, который можетъ вылетѣть лишь изъ огромной толпы, настроенной однимъ чувствомъ и одновременно пораженной внезапнымъ ужасомъ.

Путники опредѣлились и отдѣлились: передній былъ мальчикъ съ длинной палкой, за которую ухватился обѣими руками старикъ. Стало удобнымъ опредѣленнѣе ругаться и увѣреннѣе кричать.

— Проломанныя головы — эти «крапивники!» Нѣтъ у нихъ страха Божія! слышалось отъ однихъ.

— Потонетъ безшабашный—не жалко! За что старикъ пропадетъ? вторили другіе.

— Назадъ, окаянный! Пихай старика въ спину. Пропади ты совсѣмъ! желали третьи, и, какъ ни отмахивали руками отъ своего берега путниковъ, они были подъ самымъ городскимъ взвозомъ. Какъ ни усердствовали десятскіе, гдѣ-нигдѣ заручившіеся длинными и толстыми палками — осязательнымъ знакомъ своего полицейскаго достоинства, чтобы не пускать нищихъ на городской берегъ, оба послѣдніе совѣтовъ и угрозъ не слушались. Ловко вспрыгнулъ на песчаный откосъ мальчикъ, старикъ опять запнулся, упалъ и перемочился.

Вскорѣ оба виноватые были на лицо и стояли подъ самыми непріятельскими выстрѣлами съ поличнымъ: старикъ—съ широкимъ холщевымъ мѣшкомъ, подвязаннымъ черезъ правое плечо къ лѣвому боку ниже колѣна. Мальчикъ—съ длиннымъ черемуховымъ надогомъ, за конецъ котораго крѣпко ухватился сзади его слѣпой старецъ. Онъ, какъ вошелъ въ грязь, натасканную зимой на спускъ лошадьми и возами, такъ и перестаsъ нерѣшительно и торопливо семенить худыми ногами. Онъ уставилъ ихъ тутъ, какъ пенье, вкопанными и еще больше сгорбился, словно ждалъ, что вотъ его опять обольютъ холодной, ледяной водой, и теперь не съ ногъ и боковъ, а прямо съ головы, сквозь надвинутую на глаза лоскутную и рваную овечью шапку. Въ неподвижныхъ чертахъ изрытаго оспой лица его непріятно вырѣзались бѣлки глазъ, казавшіеся необыкновенными и огромными; на этотъ разъ еще, къ тому же, мигали, торопливо и судорожно бѣгая изъ одного угла глазной впадины въ другой. Свѣжее, молодое, но истомленное и тоже болѣзненное лицо его проводника смѣло смотрѣло на всѣхъ, и въ живыхъ, выразитель-

ныхъ сѣрыхъ глазахъ незамѣтно было испуга: видѣлось насмѣшливое и хвастливое выраженіе, какъ будто говорившее:

— Вотъ и на омутахъ по рѣкѣ не боялся; вотъ и теперь на берегу не боюсь никого. Ну, бейте меня. Ну, что вы скажете?

— Двѣ головы-то у тебя, пострѣленокъ? кричалъ одинъ подъ самое ухо и кулакъ показалъ.

— И впрямь двѣ (подумалъ, но не сказалъ словомъ, а выразилъ смѣлымъ взглядомъ): — непремѣнно двѣ, моя, да дѣдкина.

И онъ даже оглянулся кругомъ, выискивая въ обступившей ихъ толпѣ десятскихъ съ орясинами, выжидая, кто и скоро ли бить будетъ (одинъ изъ послѣднихъ успѣлъ-таки натолкать ему спину и надавить, и настукать плечи).

— Эки они — озорники: поводари эти! Эки ребятки—головорѣзы! замѣчалъ первый и тотъ же.

— А всѣ вотъ такіе! И гдѣ эти старцы набираютъ такихъ? вопрошалъ новый (и этотъ кулакъ сложилъ).

— Ну, да вотъ обойди ты деревни. Спроси: возьметъ ли кто этихъ головорѣзовъ въ работники, когда отъ старцевъ отойдутъ?

— Никто не беретъ (слѣдовалъ отвѣтъ):—кому этихъ сорвиголовъ надо?

— Въ Сибирь ихъ много идетъ, страсть — много! Туда ихъ, слышь, надо: на цѣпь! подтвердилъ третій.

— Вѣдь, онъ, крыса, носъ тебѣ откуситъ. Вскочитъ на плечи тебѣ и откуситъ, выгрызетъ тебѣ носъ!

И сказавшій, четвертый, въ самомъ дѣлѣ покрутилъ плечомъ и показалъ на немъ мѣщанскую заплату.

— Ты, старче, что его слушалъ? зачѣмъ шолъ?

Старикъ молчалъ, опершись на длинную палку и насторожививъ уши, но отвѣчалъ за него поводарь:

— Онъ самъ велѣлъ. Онъ самъ толкалъ: иди, говоритъ, веди меня, говоритъ.

— У, стрѣлья тебѣ въ бокъ, окаянный! сказалъ десятскій, и въ самомъ дѣлѣ очень больно толкнулъ его въ бокъ.

— Вѣдь, рѣка-то шла, вы! слѣпой, да молодой! вступился и говорилъ скромнымъ и медленнымъ голосомъ степенный и сѣдой, какъ лунь, гражданинъ.—Вѣдь ледъ-отъ только остановился: рѣка-то пошла бы, вѣдь, понесло бы васъ, и вы потонули бы. Али смерть красна? Вѣдь, рѣка-то сейчасъ опять пойдетъ: она не знаетъ, вѣдь, что васъ ей пережидать надо. Вонъ, глядите-ко: опять тронулась!..

— Гляди-ко, и впрямь, дѣдко! съострилъ поводарь, толкнувъ

старика въ бокъ и, вмѣстѣ съ другими, сталъ всматриваться въ рѣку.

Ледъ прорвало... Онъ поплылъ дальше со скрипомъ, превратившимся вскорѣ въ сплошной и гулкій шумъ. Только вблизи, у самыхъ береговъ, шумъ этотъ измѣнялся въ ясно слышный шелестъ мелкихъ льдинъ, пробѣгавшихъ по песчанымъ, покрытымъ крупною дрясвою оплечьямъ береговъ. И еще чутко давалъ себя знать толпившимся у воды ребятишкамъ пріятный и легкій звонъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ подмоченныя и подогрѣтыя ледяныя ребра осыпались свѣтлыми и острыми иглами, въ которыхъ бойкому весеннему солнышку удавалось мимоходомъ поиграть всѣми прелестными и дорого-покупаемыми цвѣтами драгоцѣнныхъ и самоцвѣтныхъ камней.

II.

Пока зрячіе граждане маленькаго стариннаго городка всматривались въ свою вновь тронувшуюся рѣчку, слѣпого старика проводникъ успѣлъ увести изъ толпы на городскую гору. По обычаю, смиренно и молча пробирались они сторонкой, возлѣ самыхъ заборовъ, которые безконечно тянулись отъ желтаго дома до зеленаго, оберегая и загораживая неприглядные огороды, изрытые оврагами и густо зароставющіе лѣтомъ репейникомъ и крапивой, а теперь заваленные осѣдавшимъ снѣгомъ.

У товарищей разговоръ:

— А, вѣдь, я, Гриша, чуялъ, какъ разверзалось-то на рѣкѣ! заговорилъ все время до сихъ поръ упорно молчавшій старецъ-слѣпецъ.—Вотъ, молъ, дитятко, перехожу я моря-то Чернаго пучину невлажными стопами, яко Израиль, а она разверзается. Да Господь мой ударилъ по пучинѣ—и совокупи! Чулъ, вѣдь, я, чулъ это.

— Разсказывай, дѣдко, другимъ, а мы знаемъ, чѣмъ ты чуешь. Вонъ косолапой-отъ хоть и говоритъ, что ты слышать можешь, какъ трава ростетъ и цвѣтъ распускается; а я не вѣрю, я слыхъ-отъ твой разумѣю. Гдѣ дѣвки сидятъ—ты это нанюхаешь: а гдѣ надо самому сидѣть, ты: иди, говоришь, впередъ! хоть бы и теперь. Отстань!

Старецъ замолчалъ и не проронилъ слова, пока тянулся заборъ купеческаго дома, окрашенный въ сѣрую краску и утыканный сверху гвоздями противъ непрошенныхъ воровъ и баловливыхъ сосѣдскихъ ребятъ.

— Гдѣ идемъ, сказывай! Не слышитъ ли кто насъ?

— Иди, знай! отвѣчалъ зрячій проводникъ тѣмъ тономъ, изъ котораго привычнымъ ухомъ слѣпецъ легко уразумѣлъ, что говорить можно все, что̀ думается.

— Ты пошто это давѣ снялся огрызаться-то?

— А ты молчалъ бы.

— Сколько я тебѣ говорилъ—не сниматься съ такими: убогіе, вѣдь, мы; подъ самымъ заборомъ ходить надо, чтобы кого не задѣть и не обидѣть, а не лѣзть на головы.

— Я, дѣдко, уведу тебя отсюда. Не останемся: что̀ тутъ дѣлать? Еще прибьютъ. Засадятъ меня въ темную—на кого тебя покину?

— Ой, глупенькой ты, ой, неразумненькой ты, Гриша! Ка̀къ уходить? Зачѣмъ и шли? вѣдь, къ здѣшному празднику торопились? Вотъ я и измочился весь, чтобы у собора посидѣть, да чтобы добрые люди обсушили. Сдѣлай ты мнѣ милость: не уводи ты меня, голубчикъ ты мой!

Мальчикъ молчалъ.

— Уведешь ты меня—ревѣть буду. Всю дорогу такъ и буду волкомъ ревѣть! пусть всякой знаетъ, сколь ты меня мучаешь и сколь мнѣ съ тобой жить тяжело. Прошу я тебя, желанный ты мой! Сѣчь будутъ—молить буду. Высѣкутъ—слушай: какъ просилъ, такъ и сдѣлаю. Возьми, что̀ просилъ: возьми твои два двугривенныхъ и ступай куда хотѣлъ.

— Та̀къ ты ихъ и далъ: жила, вѣдь, ты!

— Ей Богу, не жила, а слѣпому безъ того нельзя, самъ суди. Возьми свои и ступай — сказано. Ты уйдешь, а я лягу гдѣ положишь. Гдѣ прикажешь, тамъ и лягу—и лежать буду кряжомъ: никто меня на томъ мѣстѣ не увидитъ, и не услышитъ, и звать тебя не стану, и жаловаться не буду. Погуляй, вотъ, погуляй, во всю душу: завтра—праздникъ! большой у Господа праздникъ завтра.

Проводникъ по прежнему молчалъ, круто повертывая палку на углахъ улицъ и упирая ее на грудь слѣпого, сворачивалъ и направлялъ его нетвердые, все что̀-то нащупывающіе шаги. Слѣпой продолжалъ:

— Вернешься съ праздника, изъ гулянки какой, слушай: корить не стану.

— Станешь! вырвался, наконецъ, отвѣтъ въ самомъ твердомъ и увѣренномъ тонѣ.

— Вотъ, ей Богу, не стану: глаза мои лопни!

— Да, вѣдь, лопнули.

— Ну, помни ты, озорникъ, это слово.

— Ка̀къ не помнить? Ты самъ не дашь забыть—припомнишь.

— Слушай, Гришанушко: коли корить буду—веди въ крапиву, веди. Самъ пойду.

Проходившая баба могла бы видѣть, какъ послѣ этихъ словъ на лицѣ мальчика выиграла веселая улыбка; но мѣщанка торопилась въ церковь и потому, можетъ быть, ничего не могла замѣтить.

Мальчику вспомнилось о томъ обычномъ пріемѣ его товарищей по ремеслу и занятію—пріемѣ, къ какому прибѣгаютъ они, когда выйдутъ изъ терпѣнія отъ капризовъ старцевъ и пожелаютъ имъ отомстить. Ворчливая старость и безъ того докучна, а слѣпая, къ тому же, еще очень зла. А такъ какъ слѣпая старость ходитъ на худой конецъ и при большой скудости съ однимъ провожатымъ и, притомъ, слѣпые старики любятъ сбиваться въ артели, то и зрячимъ ребятамъ, хотя и еще накладнѣй терпѣть ото всѣхъ, то зато и повалнѣй также своей артелью и складчиною, выдумывать и платиться всѣмъ однимъ разомъ. Давно прилажено такъ:

Захотятъ отомстить и наказать полегче—передніе ребятки кричатъ:

— Вода! По рѣкѣ бресть надо.

Задніе этотъ крикъ понимаютъ, подхватываютъ и повторяютъ на томъ мѣстѣ, гдѣ никакой рѣки не протекаетъ, а, напротивъ, навалились кучи сухого гнилья отъ покинутаго и заброшеннаго дома. Самъ хозяинъ ушелъ въ солдаты или безъ вѣсти пропалъ, разыскивая какую-нибудь городъ Адестъ; хозяйка, если не увязалась за нимъ, ушла въ нищенство и тамъ замоталась. Домъ разсыпался. По гнилью двора и гуменника выросла крапива, да такая густая, что и не пролѣзешь. Ранней весной даетъ она о себѣ знать сильнымъ запахомъ; во всякое старое время и чуткій носъ слѣпыхъ того не распознаетъ.

Въ эту жгучую воду, въ крапиву стрекучую и ведутъ капризныхъ и злыхъ слѣпцовъ, успѣвшихъ, по крику ребятъ, приготовиться идти въ бродъ, чтобы не измочить и послѣднихъ останковъ. Или наоборотъ: не пожалѣютъ со зла ребятки и старческаго облаченія и стариковскихъ кошелей, подмочивъ въ нихъ и пироги съ кашей, и сгибни съ яишнемъ, и ватрушки съ творогомъ.

Захотятъ эти поводари отомстить поехиднѣй и наказать дѣдовъ посильнѣй, скажутъ, идучи полемъ, что подходятъ къ деревнѣ: запоютъ старцы жалобныя, божественныя пѣсни о томъ, какъ Лазарь лежалъ на землѣ во гноищѣ, а въ раю на лонѣ авраамовомъ, или какъ Алексѣй-человѣкъ Божій жилъ у отца на зад-

ворьяхъ. Поютъ старцы впустѣ; устанутъ; надоѣдятъ жалобныя надоскучившія пѣсни; захотятъ спѣть веселенькое:

— Можно?—спрашиваютъ.

— Пойте: полемъ идемъ. Кругомъ обложило лѣсомъ, а деревень и зги не видать.

Дивятся православные затѣѣ слѣпцовъ, глядя въ окошки и не двигаясь за подаяніемъ.

— Знать старцы пьяны, коли мірскія содомскія пѣсни поютъ. А отъ божественнаго послушали бы! Ничего такъ не любитъ деревенскій народъ, какъ слушать эти жалобныя сказанія о людской нуждѣ и благочестивыхъ, Богу угодныхъ подвигахъ сирыхъ и неимущихъ. Такъ они толковы, понятны и ббразны, что и слова прямо въ душу просятся и напѣвъ хватаетъ за сердце. Такъ (по этой же причинѣ) всегда много народа около поющихъ слѣпцовъ, гдѣ бы то ни было, на какомъ бы бойкомъ мѣстѣ они ни сгрудились. Сквозь толпу умиленныхъ и слушающихъ не продерешься и не протолкаешься. Любятъ женщины, любятъ и дѣти, кругомъ обступая и облѣпляя старцевъ.

Старецъ съ проводникомъ стоялъ уже въ церкви, у входныхъ дверей въ то время, когда проходили мимо задержавшіеся на ледоходѣ и запоздалые горожане. Соборный голосистый дьяконъ, стоя въ притворѣ, впереди свѣчи на высокомъ подсвѣчникѣ, рѣчисто перебиралъ уже прошеніе о помилованіи отъ глада, губительства, труса, потопа, огня, меча, нашествія иноплеменныхъ и междоусобныя брррани, (охотливо ударяя на это слово для любителей изъ купечества, какъ на удобное и подходящее для хвастовства, зычнымъ голосомъ).

Еще темно было въ церкви, еще поделѣпныя городскія нищенки не разглядѣли изъ-за тусклаго свѣта жолтыхъ восковыхъ свѣчъ въ придѣлахъ и не оттерли непрошенныхъ пришельцевъ. Все это случилось потомъ, когда кончилась всенощная, когда, однако, кое-кто изъ двинувшагося по домамъ народа успѣлъ сунуть въ руку слѣпца копеечки, когда, наконецъ, оба, и старикъ, и мальчикъ, могли постучаться на краю города въ лачужкѣ и попросить ночлега у такого же непокрытаго бѣдняка:

— Войдите, Христа-ради.

— Спаси тебя, Господи.

III.

Добрый человѣкъ гостей своихъ не спрашивалъ: какъ зовутъ и откуда пришли? а накрошилъ въ чашку ржаного хлѣба и до

верху налилъ туда молока: и присадилъ къ столу: ѣшьте съ дорожки во славу Божію. Спрашивать нѣчего: дѣло понятное тому, кто вкусилъ мѣщанскаго счастія, кидаясь, какъ угорѣлый, отъ одной работы къ другой и не удержавшись ни на какой подходящей. То на пристань бѣгалъ суда грузить, то въ огородахъ нанимался гряды копать; пробовалъ въ своей рѣкѣ и чужихъ озерахъ рыбу ловить, когда она шла въ ходовое время; косой помахивалъ на чужихъ лугахъ, въ ямщикахъ пожилъ, а вотъ теперь незавидная тихая пристань: засѣлъ сапоги тачать. Заказалъ купецъ въ каблуки новые гвозди вбить и заплатки приладить; велѣлъ принести послѣ раннихъ обѣденъ, обѣщалъ гривенникъ дать и винца стаканчикъ. Надо поторапливаться, чтобы къ этой ранней обѣднѣ самому попасть и поздней непрозѣвать: сталъ неудачливый работникъ горемышной мѣщанинъ, отъ великихъ бѣдъ и напастей очень богомольнымъ. Безъ крестовъ и поклоновъ ни одной часовни не пропуститъ; любитъ говорить про божественное; дома поетъ церковныя пѣсни и достигъ раченіемъ и стараніемъ до того, что сталъ неизбѣжнымъ человѣкомъ на церковномъ клиросѣ. Прибѣжалъ съ него за свой столъ-престолъ и вотъ стучитъ-гремитъ, вбивая въ чужіе сапоги покупные гвозди, привздохнетъ и споетъ про пучину моря житейскаго, воздвизаемаго напастей бурею. И про тихое пристанище спѣлъ, и про своихъ гостей вспомнилъ, спросилъ къ слову:

— Давно ли, миленькій старчикъ, не видишь ты божьяго-то свѣту?

— Съ роду, христолюбивый: родители такимъ на свѣтъ Божій выпустили. Былъ, говорятъ, зрячимъ да въ малыхъ лѣтахъ: не помню.

— Стало, такъ и въ понятіе объ немъ не берешь? о бѣломъ-то нашемъ свѣтѣ?

— Съ чужихъ словъ, родимый мой, про него пою, что и бѣлой-отъ онъ, и вольной свѣтъ. И про звѣзды частыя, и про красное солнышко: все изъ чужихъ словъ. Вотъ, ты мнѣ молочка-то похлебать далъ: вкусное оно, сладкое; поѣлъ его—сытъ сталъ, а какое оно—также не вѣдаю. Говорятъ—бѣлое.—А какое молъ, бѣлое? Да какъ гусь-слышь.—А какой-молъ гусь-то живетъ? Такъ вотъ во тьмѣ и живу. Что скажутъ, тому вѣрю, говорилъ старецъ тѣмъ обычнымъ манеромъ на распѣвъ и протяжно, къ какому пріучаютъ нищую братію пѣніе духовныхъ стиховъ и одна неизмѣнная съ ранняго утра до поздняго вечера пѣсня: «сотворите слѣпому-убогому святую милостыню, Христа-ради».

— Поглядѣлъ бы я на бѣлой-отъ вольной свѣтъ!

— А вонъ у насъ въ городу говорятъ: и не глядѣлъ бы лучше на бѣлой-отъ свѣтъ. И много такихъ; великое число. Нѣшто ты и во снѣ-то ничего не видишь?

— Вижу то, что наговорятъ люди, да про что самъ пою.

— Богатырей, поди, много видишь?

— Вижу, добрый человѣкъ, часто вижу. Всѣ меня попрекаютъ; вонъ и Иванушко мой попрекаетъ: все-де тебѣ огромнымъ кажетъ. Малое за великое понимаю. Отъ слѣпоты моей знать дѣло такое.

— Во снѣ онъ больно пужается, зычно кричитъ! подтвердилъ за старца проводникъ.—Иной разъ, какъ полоумный вскочишь отъ его крику.

— Отъ того и кричу, Иванушко, что большое да страшнее вижу. А ты, добрый человѣкъ, не пужайся: нынче не пѣлъ и кричать не стану.

— Кричатъ по ночамъ наши старцы (вмѣшался проводникъ), когда по долгу на народѣ сидятъ да поютъ много. Послушалъ бы ты, чего напридумали они со-слѣпа-то. Вонъ когда про себя запоютъ, что у нихъ выходитъ?

Закричали калики зычнымъ голосомъ
И толь легко зарычали,
Что окольни съ теремовъ разсыпалися,
Маковки съ церкви повалилися.

— А на самъ-дѣлѣ рази когда собаки пристанутъ и взвоютъ. А хвалятъ люди.

— Меня больно хвалятъ. У меня память хлеская. Я дошелъ, говорилъ слѣпой.

— Такая память—не приведи Богъ! подтвердилъ проводникъ.

— Ты мнѣ только скажи какую ни на есть старину говоркомъ, да спой ее вдругорядь, я ее всю на память приму и во вѣкъ не забуду.

— Словно ее кто ему гвоздемъ приколотитъ, пояснялъ товарищъ.

— Я пею, а въ нутрѣ какъ бы не то дѣлается, когда молчу, либо сижу. Подымается во мнѣ словно духъ какой и ходитъ. Одни слова пропою, а передъ духомъ-то моимъ новыя выстаютъ, и такъ-то тянутъ впередъ, и такъ-то дрожь во мнѣ во всемъ дѣлается. Лютъ я пѣть, лютъ тогда бываю; запою и по другому заживу, и ничего больше не чую. И благодаришь Бога за то, что не забылъ онъ и про тебя, не покинулъ, а далъ тебѣ такой вольной духъ и память.

— Памятью не обидѣлъ: зла не забываетъ, подтверждалъ проводникъ, видимо привычный и въ бесѣдахъ, какъ и на ходу, поддерживать и помогать старцу.—У нихъ глаза-тѣ въ концахъ перстовъ засѣли. Разъ церковную книгу нащупалъ и за сапожное голенище принялъ: я ему далъ листы перебирать, сталъ онъ потомъ разумѣть чтò такое книга, и которая церковная.

— У меня на это большая сила въ перстахъ! продолжалъ хвастаться разговорившійся и обогрѣтый привѣтливымъ словомъ добраго человѣка слѣпой старикъ.—И ухо у меня сильное.

— Вотъ какое ухо (подтверждалъ мальчикъ): дай ты ему палку его въ руки, постучитъ онъ ей и тотчасъ чуетъ, травой-ли идетъ, по грязи-ли, на домъ наткнулся, али на изгородь попалъ.

— Съ палкой всякой слѣпецъ силенъ. Самъ Господь палку слѣпцу за мѣсто глазъ далъ и поставилъ ему въ провожатые. Отъ нея у слѣпца и ноги есть, и пищу достаетъ.

— А ребятки провожатые?

— Невсегда при себѣ: отпущаемъ. Молодое дѣло: баловаться хочетъ. Отъ себя и они по-міру бродятъ, невсегда тебѣ принесутъ. Мой Иванушко добрый: мнѣ онъ приноситъ и дѣлится со мной, спохватился старикъ и сталъ шарить около себя. Нащупалъ плечо мальчика, поднялъ свою руку къ нему на голову и погладилъ по лохматымъ густымъ волосамъ своего Иванушки.

— Кормители они наши, поители: въ нихъ и разумъ нашъ, и око наше.

— У дѣдушки Матвѣя нòсъ еще больно чутокъ: гдѣ-гдѣ деревню-то онъ начуетъ. У насъ вонъ и глаза вострые, а за нимъ не поспѣешь. Намъ и волковъ по колкамъ-то такъ не спознать супротивъ него. Сколько разъ его за то, когда артелей ходимъ благодарили, что отъ экой бѣды отводилъ—гдѣ-гдѣ волчій вой услышитъ.

— Вонъ языкъ свой не похвалю: мяконькое распознать могу, а чего другого не понять мнѣ.

— Медовой пряникъ за щепу не сочтетъ. Ѣсть любитъ, чтобы сколь больше, да повкуснѣе.

— Старческій грѣхъ—надо каяться.

— И винцо, поди, любишь?

— Кàкъ жретъ-то!

— А ведетъ-ли тебя на прочіе-то мірскіе какіе соблазны? спрашивалъ благотворитель, окончивъ работу и прибираясь спать.

— А чего не видалъ—кàкъ того желать? Куда тянуться и чего хотѣть? бесѣдовалъ дѣдушка Матвѣй.

— Онъ тебѣ этого въ жизнь не скажетъ. На это у нихъ у

всѣхъ большой зарокъ положенъ. Слушай ты его; онъ и врать — мастеръ, а въ экихъ дѣлахъ первый заводчикъ.

— Нехорошее вы время-то для себя теперь выбрали! перебилъ хозяинъ, позѣвывая и поскрипывая палатями, на которыя забрался спать.

— Время, добрый человѣкъ, всякое намъ хорошо. Слѣпымъ всякое время хорошо! продолжалъ старикъ, не оставляя прежняго пѣвучаго и мягкаго тона въ голосѣ.—Люди все одни и тѣже: все—благодѣтели, милосливцы и кормители. Ихъ милосливаго сердца остудить не можно...

Въ самомъ дѣлѣ, весна въ крестьянской, а тѣмъ болѣе въ городской жизни—не такое время, которое было бы богато избытками и, стало быть, удобно для подаяній. Даже въ черноземныхъ мѣстахъ въ серединѣ января половина своего хлѣба съѣдена (Петръ—полукормъ 16-го, и Аксинья—полухлѣбница 24-го числа этого мѣсяца). Въ лѣсныхъ губерніяхъ эта тяжелая пора начинается гораздо раньше, и покупной хлѣбъ начинаетъ выручать съ самыхъ святокъ. Весна встрѣчается всегда на тощакъ, и Егорій (23-го апрѣля) называется въ томъ же народномъ календарѣ уже прямо «голоднымъ». Истребляется даже запасъ квашоныхъ овощей, которыя съ теплыми днями начинаютъ и загнивать и прорастать, а потому-то и день Маріи Египетской (1-го апрѣля) называется «пустые щи». На ледоходъ крестьянская и мѣщанская нужда начинаетъ обнаруживаться совсѣмъ на-голо и въ проголодь. Лишніе работники, которые на зиму покидали семьи и ходили искать денегъ въ стороннихъ заработкахъ, гдѣ ни приведется и что̀ ни подойдетъ къ рукамъ—теперь всѣ сбѣжались домой съ разныхъ сторонъ, чтобы подпереть плечомъ расшатавшуюся домовую храмину. Всѣ дома, и всѣ, въ перепугѣ и страхѣ за себя и своихъ, ждутъ не дождутся того времени, когда весенняя пора обезпечитъ надеждами и обяжетъ работами. Изъ ушедшихъ на промыселъ за размѣнными и ходячими деньгами запоздали только немногіе и лишь тѣ, у которыхъ утрачена всякая надежда пріобрѣтенія нужнаго, на обмѣнъ своего, и которымъ требуются деньги на все, даже на хлѣбъ. Но скоро прибѣгутъ и эти. Ранней весной всѣ будутъ дома, потому что, ка̀къ бы ни былъ изобрѣтателенъ ихъ умъ на подспорные промыслы, на землю у нихъ, все-таки, не утеряна надежда: земледѣліе—основа и корень крестьянской жизни. Съ приходомъ этихъ, умолкаетъ нужда только на короткое время, а, въ самомъ дѣлѣ, и надъ ними нависла таже черная туча, которая тяготѣла и надъ остававшимися дома. Оставшіеся дома перемогались изо дня въ день, черезъ два въ третій затоп-

-ляя печи, чтобы покормиться чѣмъ-нибудь горяченькимъ. И, въ самомъ дѣлѣ одинъ только Богъ знаетъ, чѣмъ и кáкъ въ это весеннее время питаются люди! Свѣжая трава—истинный праздникъ и для отощалаго домашняго скота, и для унылаго и полуголоднаго люда. Ходятъ и ребята по озимымъ полямъ, съ которыхъ снята была рожь и на которыхъ выростаютъ первыми песты (хвощи, дикая спаржа), ходятъ и взрослые по лѣснымъ опушкамъ и, выбирая молодыя сосны, рѣжутъ изъ-подъ коры длинными лентами молодую древесную заболонь (лубъ). И песты, и древесный сокъ идутъ въ подспорье пищи и замѣняютъ ее: чѣмъ бы ни напитаться, лишь бы сытымъ быть. Не до нищихъ теперь.

Нищіе, въ самомъ дѣлѣ, весеннее время хорошо понимаютъ и замѣтно пропадаютъ. Тѣ изъ нихъ, которые нищенствомъ промышляютъ, вовсе скрываются, отходя въ свою сторону; ближніе и домашніе утрачиваютъ смѣлость и назойливость; начинаютъ понимать стыдъ и припоминать совѣсть. Послѣднее даяніе бываетъ имъ на Красной Горкѣ, на могилкахъ родителей; затѣмъ объ нихъ на все лѣто всѣ забываютъ. Только однимъ слѣпцамъ указала судьба вѣчную и безконечную дорогу и никѣмъ неоспариваемое право ходить круглый годъ и бродя неустанно и непосѣдливо, нащупывать уже положительно однѣ только завалявшіяся крохи. Зимой счастливымъ изъ нихъ на извѣстное время удается пристраиваться къ чужой теплой избѣ, гдѣ часто пахнетъ свѣжимъ печенымъ хлѣбомъ и щами и гдѣ благотворительная рука пріучила себя давать калѣкамъ поддержку. Зимой слѣпцы успѣваютъ пожить въ одномъ дому и, когда надоѣдятъ и заслышатъ сердитую воркотню, переходятъ въ другой домъ, гдѣ также принимаютъ ихъ и обогрѣваютъ. Зимой калѣки перехожіе, на всю свою жизнь обреченные на скитаніе, ищутъ въ чужихъ людяхъ потеряннаго счастія, съ переходами и остановками. Съ ранней весной и имъ приходится уходить на свѣжій и вольный воздухъ, на тяжелый и трудный заработокъ.

Къ веснѣ слѣпецъ подыскиваетъ поводаря, которые на зиму уходятъ къ своимъ въ отпускъ. Къ ледоходу лишнихъ ребятъ въ семьяхъ накопляется очень много, и нанять ихъ, числомъ сколько угодно, нетолько легко, но и очень сподручно и выгодно, даже и изъ такихъ, которые слѣпыхъ еще не важивали, но живутъ круглыми, а, стало быть, и бездомными сиротами. Этимъ «сиротамъ» даже и ходу другого не бываетъ, по той же причинѣ и потому же закону, по какому и слѣпой, какъ только лишился глазъ, такъ и всталъ обѣими ногами на ту дорогу,

*

которая идетъ во всѣ стороны и безконечно и заманчиво вьется кругомъ. Кругъ этотъ заколдованъ, и попавшій въ него, какъ обойденный въ лѣсу лѣшимъ, со слѣпыми глазами своими, еще никогда и ни разу не выходилъ вонъ. Особенно соблазнительно вьются эти дорожные круги на теплое время, начиная съ ранней весны и вплоть до крѣпкихъ заморозковъ.

Сидѣлъ такой слѣпой-нищій въ зимнюю морозную пору въ худой избенкѣ, въ чужой избѣ, и лапотки плелъ. Мастеръ онъ на всякое ручное дѣло, которое не требуетъ большаго труда и вымысловъ и дается на ощупь. Сидѣлъ онъ въ тепломъ куту, въ темномъ мѣстѣ: обложили его готовыми лыками, и кочедыкъ—кривое и толстое шило—у него въ рукахъ, и неуклюжая деревянная колодка подъ бокомъ.

Покупали эти лыки сами хозяева на базарѣ, за вязку во сто лентъ 7 копеекъ; дома въ корытѣ обливали кипяткомъ; расправляли въ широкія ленты; черноту и неровности соскабливали ножомъ.

Отбиралъ слѣпой дѣдъ 20 лыкъ въ рядъ, пересчитывалъ, бралъ ихъ въ одну руку, въ другую—тупое короткое шило и заплеталъ подошву. Скоро подошва спорилась. Нащупывалъ онъ колодку, клалъ ее на подошву и плелъ сначала верхъ, а потомъ и пятку. Поворачивалъ кочедыкъ деревянной ручкой, пристукивалъ новый лапоть; выходилъ онъ гладкимъ и такимъ крѣпкимъ, что дивились всѣ, какъ умудрилъ Господь слѣпого человѣка то разумѣть и такъ, что и свѣту не надо жечь про такого рабочаго мастера.

Уплачивалъ дѣдушка добрымъ людямъ за тепло и пищу всю зиму тамъ, гдѣ не откажутъ ему пожить и погрѣться. Пахнуло тепломъ на дворѣ—сталъ онъ въ избѣ лишнимъ; законъ этотъ знаетъ онъ нехуже другихъ и ко времени привыкъ примѣняться, смекая, что на тощее весеннее время, начнетъ народъ не столько благотворить, сколько себя оборонять, и примется теперь крѣпко и усердно молиться Богу. Помиловалъ бы Богъ животы, далъ бы Богъ ко времени вспахать и посѣять, не обидѣлъ бы крестьянскую великую нужду всходами и урожаями.

— Вотъ, и пойдутъ теперь лѣтней порой «Богородицы» по всѣмъ деревнямъ, городамъ и селамъ. Разнымъ «Царицамъ Небеснымъ» начнутся праздники и молебствія, особенно по честнымъ монастырямъ: Владимірской-Матушкѣ два раза въ лѣто, Тифинской, Смоленской, Троеручицѣ и разнымъ многимъ. Разнаго и многаго народу начнетъ сбираться въ одно мѣсто; станутъ со всякимъ усердіемъ молебны заказывать. И насъ, немощныхъ нищихъ, въ молитвахъ своихъ не забудутъ, и мы со-

своими къ нимъ пристанемъ. Вѣдь, нашу молитву—въ писаніяхъ сказываютъ—любитъ Богъ.

Вотъ, и дѣдушка Матвѣй, вмѣстѣ съ другими почуялъ весеннее тепло, когда можно и на поляхъ спать, и въ лѣсу ухорониться. Нащупалъ и онъ первые слѣды и тропу на длинную лѣтнюю дорогу и кинулся въ даль и на прогулку съ такимъ усердіемъ, что и ледоходу не побоялся и даже жизнью рисковалъ на широкой и глубокой городской рѣкѣ.

Что̀ его такъ сильно манило?

Конечно, не соборная паперть полуголоднаго мѣщанскаго городка, съ которой могли и имѣли право оттереть и прогнать свои домашніе, насидѣвшіе мѣсто, городскіе нищіе (случалось, что при этомъ и до крови колачивали).

IV.

Шелъ дѣдушка Матвѣй въ слѣпую артель наниматься. Прослышалъ онъ, что не въ дальнихъ мѣстахъ живетъ такой человѣкъ, который нищую братію договариваетъ за извѣстное количество денегъ и задатки даетъ впередъ. Прозналъ и про него тотъ промышленный человѣкъ, которому наговорили знакомые слѣпцы, что вотъ-де знаютъ (вмѣстѣ съ чашечкой сиживали) и сами слыхали, что слѣпой Матвѣй такъ твердо всякой стихъ помнитъ до послѣдняго слова и такъ много этихъ стиховъ знаетъ, что для большихъ ярмарокъ нѣтъ лучше вожака, заводчика и запѣвалы.—И покладистъ. И голосъ жалобный дрожитъ, на міру весь вѣкъ живетъ: И къ артелямъ слѣпымъ приставалъ и въ нихъ хаживалъ, а живалъ не сутяжливѣе, не драчливѣе другихъ. И непросыпнымъ пьяницей назвать грѣшно, а если на деньгу и жаденъ, то не больше прочихъ. Ходитъ со своимъ повадаремъ и отъ подставныхъ и лишнихъ не отказывался. Съ виду мужикъ настоящій: и по годамъ старецъ, и слѣпымъ мать родила. Нетолько работникъ подходящій, но и сокровище.

Промышленный человѣкъ радости своей при такихъ вѣстяхъ не скрывалъ даже, настойчиво наказывая всѣмъ тѣмъ, кто Матвѣя встрѣтитъ зимой, сказать и просить навѣдаться ранней весной, какъ только вскроются рѣки: поторапливался бы, помня самъ, ка̀къ дорого это время.

Поспѣшалъ и дѣдушко Матвѣй, потому что успѣлъ узнать много пріятнаго и подходящаго.

Узналъ, что промышленный человѣкъ въ нищей братіи давно состоитъ и ходилъ въ артеляхъ, чуть не до̀ самаго города Еро-

салика. И такъ онъ наловчился на нищемъ промыслѣ, что началъ самъ собирать и водить артели. Теперь страшеннымъ богачомъ сдѣлался, тысячникомъ: набираетъ по 3—4 артели: пускаетъ ихъ въ разныя стороны по большимъ ярмаркамъ. Самъ сталъ ходить только на самую большую, а на другія ищетъ вѣрныхъ и надежныхъ людей, которыхъ могъ бы ставить за себя и на нихъ во всемъ полагаться. Старикъ Матвѣй тѣмъ-де ему и на руку, что человѣкъ свѣжій: ходилъ до сихъ поръ только въ своихъ мѣстахъ и не испортился—кладъ человѣкъ!

Промышленный человѣкъ — Лукьяномъ зовутъ — былъ тоже убогій, но только зрячій. Судьба велѣла ему землю пахать и въ крестьянствѣ жить, мужикомъ называться. Ходилъ и онъ около жеребьевыхъ полосъ пашни, холилъ землю, доглядывалъ за посѣвомъ, отвѣта ждалъ. Отвѣтъ, какъ и для прочихъ, всякой годъ одинъ выходилъ: не надѣйся, уходи лучше прочь, смекай на другое. Смекалъ онъ на одинъ промыселъ, пробовалъ другой—возвращался домой. Видѣли сосѣди, что Лукьяну и избы починить не на что: надо бы лѣсу прикупить. Была изба въ двѣ половины съ переходами; Лукьянъ сперва переходы сломалъ и здоровыми бревнами изъ нея же самой починилъ главную, а когда перекосило и эту, онъ изъ другой половины хорошія бревна выбралъ, стала у него изъ избы лачужка. Давалъ за нее въ кабакѣ охотливый человѣкъ два рубля деньгами, да штофъ водки. И совсѣмъ бы лачуга эта развалилась, да съ одного бока подпиралъ ее сосѣдъ. Облокотилась она на чужую избу и поджидала всякую зиму своего хозяина: съ чѣмъ придетъ и чтò принесетъ.

Разъ вернулся такъ, что и ногъ не принесъ: привезли добрые люди убогимъ, безногимъ. Влѣзъ онъ по лѣсенкѣ въ свою избу на рукахъ, съ костыльками, подшитыми кожей, а ноги проволочилъ сзади, словно на прокатъ взялъ чужіе. Сказывалъ Лукьянъ, не тратя слезъ и не скупясь словами, что потерялъ ноги на рѣчномъ весеннемъ сплавѣ. Поговаривали другіе, что онъ отъ худаго промысла ходилъ на недобрый: переломали ему ноги самосудомъ, когда чужую клѣть ломалъ и не доглядѣлъ, что посторонніе люди это видятъ.

Домой онъ привезъ съ собой чужого парня: изъ-за хлѣба взялъ, на прокормъ, въ провожатые. Съ нимъ вмѣстѣ смастерилъ онъ дома тележку на двухъ колесахъ, сѣлъ въ нее и поѣхалъ въ міръ, на мірское даяніе для пропитанія. Ничего ему больше не оставалось дѣлать и придумать было невозможно. Выдумалось же такъ потому хорошо, что не въ долгѣ завелась клячонка, которая и стала помогать парню возить убогаго без-

нечего по такимъ мѣстамъ, гдѣ нищую братію любятъ и къ ней жалостливы.

Стали сосѣди поговаривать, что у Лукьяна отъ того завелась лошадь, что онъ у слѣпыхъ вожакомъ былъ: цѣлою артелью правилъ; самъ деньги обиралъ, и дѣлежъ дѣлалъ самый неправильный. Не дрожала у него рука и сверхъ уговору изъ чашекъ по лишней монетѣ снимать, особенно у тѣхъ слѣпыхъ, которые были настоящіе, и при частыхъ и большихъ подачахъ не успѣвали всѣхъ денегъ нащупывать.

— А не то и застращивалъ, разсказывалъ проводникъ:—отдай-де копейку, а не отдашь—больше украду изъ твоей чашки. Рука у Лукьяна ловкая, а слѣпыхъ мудрено ли обидѣть? Слѣпые люди тѣмъ просты, что на прощупаную деньгу они жадны и сосчитаную у нихъ колomъ не выбьешь, а за другимъ имъ не углядѣть.

Разсказывалъ проводникъ, что большіе вороха съѣдобнаго и всякаго припаса нищая братія собираетъ на ярмаркахъ: этого даянія и сосчитать нельзя, и никакъ слѣпымъ всего не запомнить. Если и спорятъ когда о недоборахъ и недочетахъ, то больше со зла и съ пуста: на одну очистку совѣсти. Надо же поспорить и поругаться; безъ того слѣпое житье самое скучное.

Весь съѣстной сборъ поручался на совѣсть зрячаго Лукьяна: онъ его считалъ и продавалъ. На нищенскій сборъ очень лакомы и на перебой охотливы въ кабакахъ сидѣльцы: дешовая и хорошая закуска—такой дома не сдѣлаешь. Попадаются яйца, колобки, пироги со всякой начинкой, ватрушки, и всего не сосчитаешь. За такой товаръ въ кабакахъ слѣпой братіи даже большой почетъ оказывается. Лукьянъ это лучше всѣхъ знаетъ, да такъ и поступаетъ: выговоривъ денегъ сколько требуется, онъ умѣетъ заговорить, сверхъ того, про всякаго слѣпого товарища такой крѣпкой и сильной водки, какую продаютъ только торговымъ мужикамъ. Такой крѣпостью онъ и горластымъ, и капризнымъ слѣпымъ ротъ затираетъ и при этомъ остается больше всѣхъ въ барышахъ.

— Еще и къ «достойнамъ» въ церквѣ не ударятъ, а его раза три къ кабаку-то подвезешь—пояснялъ его проводникъ.

— Я для своихъ артелей большіе порядки завелъ: со мной ходить любятъ! хвастался онъ слѣпому Матвѣю, котораго принялъ любовно и весело.—Я ужь всю землю произошелъ: всякій монастырь и всякую ярмарку понимаю.

— А насчетъ харча какъ у тебя?

— Харчъ у моихъ слѣпцовъ архирейскій. Я люблю сыто кормить и водкой пою, чтобы по долгу сидѣли и густо пѣли. Гдѣ

больше одного дня сидѣть не доводится, тамъ ужь, извѣстно, не расхарчишься: ѣдять что̀ подають. Остатки мѣняю на вино. У меня про слѣпыхъ что̀ ни кабакъ, то и закадышный другъ: вездѣ дома. Я и тутъ лажу, чтобы ребята мои ушки похлебали: подвозять меня къ рыбнымъ возамъ—выпрашиваю.

— Я къ тому спросилъ, ка̀къ, молъ, у тебя тамъ, гдѣ долго жить доводится: по ярмаркамъ что̀ ли?

— Тамъ, другъ сердечный, ни одного дня безъ варева не живемъ. Матку нанимаю. Живетъ при артели.

— Баба-то?

— А тебѣ, небось, дѣвку? У меня одна такая-то съ ребенкомъ ходитъ. И не зазрится. Было разъ дѣло въ лаврентьевомъ монастырѣ, да съ рукъ сошло. Одинъ такой-то шустрой человѣкъ богомолецъ спрашивалъ тамъ: «чей-де ребенокъ?» — А крапивникъ, молъ: въ крапивѣ нашли. «Отчего-де, слышь, не живете въ законѣ»?—Да, вѣдь, слѣпыхъ, молъ, не вѣнчаютъ: закономъ заказано. Отсталъ. Пытали молодцы-то смѣяться: «пущай-де онъ на отца-то бы указалъ; можетъ, и насъ надоумилъ бы; а то, слышь, накакъ не разберемся который ужь годъ. Матка есть у насъ, матка, какъ и у плотниковъ: она и щи знаетъ стряпать, и баранину не пережжетъ. Насчетъ харча не сумлѣвайся. Объ этомъ у меня первая забота. Толкуй дальше.

— По какому у тебя дуванъ бываетъ?

— А вотъ я еще тебя не слыхивалъ, ка̀къ поешь, рано ли встаешь и много ли знаешь. Хвалили тебя, да я не вѣдаю. Поживи у меня, попытаю.

Пожилъ Матвѣй не однѣ сутки, попѣлъ не одинъ десятокъ «былинъ» и «сказаній», еще больше того говоркомъ насказалъ. Приступили опять къ покинутому разговору. Голосъ также понравился.

— Не бурчишь. Голосомъ подъ хорошаго дьякона подошелъ. Дьячишь важно: не скрою.

— Повыдь-ко, паренёкъ, изъ избы-то!

Проводникъ Матвѣя послушался—скрылся.

Лукьянъ говорилъ:

— Одинъ такой-то на слѣпца разсердился: завелъ его въ дремучій лѣсъ зимней порой. Тамъ и замерзъ старецъ. Наши деревенскіе ходили откапывать. Это̀ я къ слову: не о томъ сказать-то хотѣлъ. Что̀ молодцу-то своему платишь?

— Деньгами въ домъ, отъ святой недѣли до осеннихъ заговѣнъ, шесть съ полтиной на нонѣшное лѣто выклянчили.

— За экія деньги я тебѣ въ нашихъ мѣстахъ цѣлое стадо сгоню на выборъ.

— Не всякое мѣсто такое.

— А по моему—всѣ по тому же. Умѣй высмотрѣть, да съумѣй подойти. А къ веснѣ чего легче! Вотъ, я договорилъ нонче тринадцать ребятъ: люблю, чтобы за слѣпымъ, какъ слѣдуетъ за дитей, попеченіе было настоящее. Я всѣхъ этихъ ребятъ всего къ семи старикамъ поставлю, ты—осьмой; который слабъ, того водятъ по-трое: одинъ ноги переставлять учитъ, двое пьянаго носятъ. Иной доглядываетъ, а другому еще учиться надо. Вотъ слушай-ко: всѣхъ ребятъ заговорилъ на годъ. Одну дальную артель они сводятъ, я ихъ къ другой приставлю, къ ближней. Двумъ парнямъ положилъ по 10-ти, девять пойдутъ за 8 рублевъ съ полтиной, а одному твоя же цѣна — шесть рублевъ съ гривной. Одинъ шустрой, уховертый парень за двадцать рублевъ слаженъ, потому: ходитъ на десятой годъ, и мнѣ словно сынъ родной; и не сирота, а уходитъ своей волей отъ отца съ матерью. Лучше его нашего ремесла никому такъ не спознать: на печатную сажень сквозь землю видитъ. Дешевые ребята — дурашные: зато имъ и цѣна такая. Одного такого-то баринъ одинъ въ Тифинѣ-городѣ спрашиваетъ: «нѣшто, говоритъ, тебѣ со слѣпыми-то лучше ходить, чѣмъ дома жить у родителевъ?»—Лучше, сказываетъ. «А чѣмъ лучше?»—Здѣсь баранокъ много. А другой такой же разъ всю артель зарѣзалъ: подъ Москвой было. Архимандритъ шелъ. Остановился. Подозвалъ его. Онъ у него милостынки сейчасъ же попросилъ. А тотъ положилъ ему такъ-то руку на голову и спрашиваетъ: «на чье ты имя подаяніе просишь?» А нашъ и ротъ разинулъ — молчитъ. «Кого—ради милостыню просишь?»—А про старчиковъ—слышь. «А ты—говоритъ, какія словà мнѣ сказалъ, когда у меня подаянія попросилъ?» — А Христа-ради, говоритъ. «Кто же Христосъ былъ?»—Не знаю—слышь. Онъ и другого, и третьяго: одинъ отвѣтъ. Началъ онъ насъ, архимандритъ, стыдить, да при всемъ-то при народѣ, да словà-то жалостливыя, да говоритъ-то такъ мягко и вразумительно, что у меня ажъ-борода зачесалась. Ужъ и колотилъ я ребятъ-то послѣ того, потому такъ и сказалъ архимандритъ-отъ: «я-де васъ запомнилъ и другой разъ придете къ намъ, да такихъ ребятъ приведете узнаю, да и въ ограду - слышь, не пущу». А монастырь-то свята Троица, много народу собираетъ. Кто ихъ пострелять-то учить станетъ. У насъ и мастеровъ такихъ нѣтъ. Не каждой и слѣпецъ про то вѣдаетъ. Ты-то, Матвѣй, знаешь ли?

— Мнѣ одинъ богомолецъ толковалъ. Да я и «Сонъ Богородицы» знаю и пою, когда кто того пожелаетъ. Я и про голубиную книгу знаю, а это не всякой можетъ.

— Вотъ и послушай теперь. Смекни-ко, сколько я на ребятъ извожу денегъ?

— Я смекнулъ: сто тридцать рублевъ.

— Съ рублемъ — по моему. Вотъ ты теперь меня и не прижимай. Не запрашивай много денегъ, а спроси такъ, чтобы намъ не разойтись, сказалъ Лукьянъ, и глаза его впились въ лицо слѣпого Матвѣя. Хотѣлъ онъ въ нихъ читать и ничего не видѣлъ: видно одно рябое лицо.

— Оспа избила (подумалъ безногій).

Видны двѣ глазныя щели и морщинки на вѣкахъ и лобъ ниспустился, словно стянуло его туда, въ это самое примѣтное на лицѣ мѣсто.

— Въ правду слѣпой: вѣрно сказывали (опять подумалъ). Это—не то, что чертовикъ—солдатъ безрукой. Какъ обошелъ онъ меня! во вѣкъ не забыть!

И привелъ онъ себѣ на память одного стараго товарища и спутника.

— Какъ на міръ выходить, такъ и начнетъ иглой глаза стрекать. На тотъ конецъ и верешокъ зеркальца носилъ при себѣ. Поставитъ противу себя зеркальцо—сядетъ. Вынетъ иглу, подниметъ одну вѣку, подниметъ другую—и начнетъ иглой стрекать. И сведетъ ему вѣки — сидитъ надъ чашечкой, какъ и впрямь слѣпой. Хотѣлъ я у него изъ чашечки гривенникъ серебряной, что офицеръ ему положилъ, себѣ взять: а онъ и сгребъ меня за руку.

— Положи противу шустраго-то парня въ четверо: не будетъ много! перебилъ думы надумавшійся Матвѣй отвѣтомъ.

— Голосисто, дѣдъ, поёшь, гдѣ-то сядешь?

— А я, добрый человѣкъ, не въ запросъ, а какъ самъ скажешь?

— Можетъ, ты пошутилъ, такъ я опять съ тобой разговоръ начну. Прислушайся-ко!

— Варева твое брюхо выпросило — это первый мой сказъ. Второе: къ твоей слѣпотѣ, по моему положенію, надо трехъ ребятъ поставить, сверхъ твоего. Пойдешь ты съ артелью въ самыя мѣста настоящія, хорошія. Не къ тому я это говорю, чтобы ты больше запрашивалъ, а надо тебѣ знать, у каждаго монастыря не по пяти кабаковъ живетъ; а по ярморочнымъ мѣстамъ десятками считаемъ.

И посмотрѣлъ на Матвѣя: слѣпой даже облизнулся и круто пошевелился на мѣстѣ.

— Знаемъ такіе кабаки, гдѣ какъ хочешь: хоть пляши, хоть

скоромныя пѣсни пой: такіе молодые парни даже заказываютъ и водку подносятъ отъ себя.

Матвѣй даже крякнулъ: значитъ (смекаетъ про себя Лукьянъ), стало его крѣпко сдавать назадъ.

— Прими тоже въ разсчетъ: баба съ вами, баба хожалая, выученая. Парня твоего кормить надо: я ему лапотки свои кладу; армячишко дамъ. Пиво пить разрѣшаю, а который до чаю охочь: у меня чай по ярмаркамъ-то идетъ безъ запрету.

— Это у тебя хорошо, похвалилъ Матвѣй.

— Да такъ хорошо, что кто отъ меня лѣтось ходилъ, недавно опять здѣсь былъ и наймовался. Отъ меня самая дальная артель ушла ужь. Я, вѣдь, тебѣ всю правду сказываю. Харчи мои. Что своимъ умомъ упромыслишь, все твое.

— Я вотъ про это тоже хотѣлъ спросить...

— А я все по откровенности, все по правдѣ. Разсчитывай: на новое мѣсто придешь, пачпортъ покажи, а въ артели-то попадаютъ со слѣпыми.

— У меня настоящій: вотъ гляди на него.

— Да, вѣдь, другой слѣпой человѣкъ со слѣпымъ-то пачпортомъ дороже зрячаго: мнѣ-ка платить. Опять же говорить буду про монастыри. Въ хорошемъ за всякое мѣсто «власти» деньги берутъ: большія, если у паперти сѣсть хочешь; поменьше—у святыхъ воротъ; за воротами еще меньше. А все деньги подай; все староста-то мой мнѣ насчетъ поставитъ!

— А про ярмарку-то что ты думаешь? На всякую хорошую ярмарку особливое начальство полагается. Оно такъ и почитаетъ, что ярмарка-де вся его, всякое мѣсто ему принадлежитъ. Затѣмъ-де его и опредѣлили. А ты ему за то мѣсто, на которомъ хочешь сидѣть, заплати. Да оно еще разбираетъ: это-де хорошее захотѣлъ, давай больше, а не то—слышь, другимъ отдамъ. У меня—слышь, это мѣсто другіе слѣпые притерговывали. Ты это сочти!

— Считаю. Смекаю. Говори дальше.

— Теперь, вотъ я и твое класть стану. Голосъ хорошъ, а намъ такой надо, чтобы, когда чужая артель на монастырѣ поётъ, наша была бы слышнѣе. Чтобы, когда гудитъ колоколъ, на выходѣ изъ церкви, нашихъ слѣпыхъ не добивалъ бы: хрипъ-нехрипъ, а чтобы ревъ и гулъ былъ внятенъ. Люблю я это, и народъ это любитъ. Твой голосъ подойдетъ. А я вонъ тому человѣку, что, какъ коростель во ржи, скрипитъ носомъ-то, прошустраго повадаря даю: двадцать рублевъ за все лѣто. Тридцать рублевъ тебѣ за голосъ кладу, потому голосъ твой толстый. А ты мнѣ скажи, который мужикъ, что за промысломъ съ на-

ше ходитъ, больше тридцати рублевъ домой приноситъ? Я не слыхивалъ.

— Да, вѣдь, наше дѣло—не стать тому! бываетъ, что и больше приносятъ, возразилъ-было Матвѣй, но Лукьянъ перебилъ его несовсѣмъ ласково.

— Я слыхалъ, что подъ Нижнимъ на Волгѣ такой мастеръ завелся, что слѣпыхъ въ ремесло нанимаетъ, и ходитъ къ нему вашего брата довольно. Одинъ годъ и нанимать ихъ мнѣ было трудно. Тянетъ купецъ проволоку, а изъ нея ситы плететъ. Надо ему тонкую и толстую, да такую, чтобы ровная была. Глазомъ того не возьмешъ, а вашъ братъ, слышь, перстомъ нащупываетъ, какъ велика тонина и ровна ли. Не хочешь ли? Онъ кладетъ за все лѣто пятнадцать рублей и харчи свои: попыталъ бы.

— Куда слѣпой пойдетъ? Нѣкуда. Я къ этому не привыченъ. Я, вонъ, лапотки по зимамъ плету, и отъ нихъ у меня голова болитъ. Сказывалъ бы подходящее.

— Я не все сказалъ. Одёжой тебя не надѣлять; новой чашки мнѣ не покупать про тебя. Со своимъ, значитъ, богачествомъ ходишь.

— А я стиховъ-то сколько знаю!

— Вотъ это въ счетъ кладу, и по нынѣшнымъ временамъ за это даю тебѣ цѣну. Не такъ давно объ этомъ и разговаривать бы не сталъ: самое было пустяшное дѣло. Давай Лазаря да Алексѣя человѣка Божья—больше и не надо было. Ты, вотъ, про богатыревъ поешь—за это нонѣ деньги даютъ. Стали навертываться чудные охочіе люди, что слова твои пишутъ въ книжку и по гривеннику, по двугривенному за стихъ платятъ. Самъ я своими глазами видѣлъ, какъ одному такому-то какой-то стихъ такъ полюбился, что онъ бумажный рубль далъ. А слѣпой-отъ и разобрать не съумѣлъ: что, слышь, на рукѣ шуршитъ—не поминанье ли кто вмѣстѣ съ семиткой-то сунулъ? Не повѣрилъ; диву сдался. Опять же ты экаго-то жди, а артели-то въ томъ какова корысть? Когда еще онъ придетъ къ тебѣ, а придетъ—твоя выгода: ты, чай, на артель-то дѣлить не станешь, а зажмешь въ своемъ кулакѣ, а кулакъ-отъ у тебя вонъ какой! Ты меня спросилъ, а я тебѣ отвѣчу: можетъ, ты всю артель тѣмъ стихамъ выучишь? Можетъ, ты и стихи эти въ мою пользу положишь, и мой парень, что за меня съ вами пойдетъ, отбирать у тебя эти деньги можетъ?

Матвѣй на вопросъ не отвѣтилъ:

— Значитъ, дѣдъ, ты со своимъ стихомъ про богатыревъ на себя ходи. Мнѣ-ка не надо; а тебя, который пожелаетъ того, у

меня въ артели достать можетъ: ему эдакъ-то и легче. Надо бы, значитъ, еще съ тебя получать. Ну, да ладно: къ 30-ти я еще десять на тебя накидываю. И давай по рукамъ. Можетъ, другимъ-третьимъ стихомъ ты и артель обучишь, все же прибыль!

— Ну, да и плутъ же ты—мужикъ! подумалъ про себя Матвѣй, но сказать вслухъ не рѣшился:—изъ-за стиховъ меня вызывалъ, а теперь они и не годятся.

— То мнѣ въ тебѣ полюбилось, что свѣжій ты человѣкъ и нѣтъ въ тебѣ экаго, что въ другихъ разбойникахъ. У иного и голосъ кротокъ, и памятью слабъ, а пуще всѣхъ лѣзетъ; выше всѣхъ себя полагаетъ. Съ другимъ разсчотъ-отъ въ недѣлю не сведешь: онъ тебѣ то въ счетъ ставить начнетъ, что не придетъ тебѣ и въ голову. А въ артели-то наозорничаетъ; срамоты наведетъ на нее, не продохнешь. Слѣпой солдатъ всѣхъ тутъ хуже. Выдумаетъ нѣмымъ прикидываться: ладно, молъ, другіе съ нѣмымъ больше жалостливѣй, чѣмъ ко слѣпому: молчи, коли захотѣлось; ходи нѣмымъ. Онъ и ходитъ, и мычитъ. Онъ свое знаетъ: въ артели-то даже иной разъ слова отъ него не добьются, словно въ столбнякѣ живетъ. Привыкаютъ молчать-то. А хитрый человѣкъ разъ и подошелъ; приласкалъ, вотъ какъ приласкалъ: болѣзные, говоритъ, вы мои и какъ мнѣ васъ жалко, до слезъ всѣхъ жалко, никакихъ денегъ для васъ не пожалѣю, скорбные вы люди. А Господь васъ слышитъ и понимаетъ, а скажите-тко вы мнѣ, дѣдушки, давно ли вы онѣмѣли?—А ужь будетъ, говорятъ, года съ три. И вздохнули. Да и вздохъ тутъ не помогъ: прогнали ихъ въ шею, и другимъ то мѣсто заказали.

— Я это все къ тому говорю, что за артель отвѣчать—не мутовку лизать. Вотъ что было.

— Ходила артель, всякой въ ней былъ, и хромой, и слѣпой, и убогій, что и у меня же. Ходила артель хорошая: набрался и нанялся всякой, а кто его разберетъ, изъ какихъ онъ? Идутъ зря—зря и принимаешь. Хорошо, молъ, тутъ то, что всѣ на лицо, кто кому требуется. Ходила эта артель съ барышомъ и сѣла на ярмаркѣ, а и ярмарка-то была ледащая, и хороша-то была только тѣмъ, что лежала на дорогѣ. Сидитъ артель и поетъ, а у ней убогенькій паренекъ. Одна баба и признала его за сына, да и заголосила. Собрался народъ. Она начала жаловаться: вонъ-де, какъ изуродовали. Народъ на самосудъ пошелъ, сталъ старцевъ пощипывать. Одинъ и взмолилъ со слѣпу: говорилъ-де я вамъ, чтобы вы глаза-тѣ ему тогда выкололи, не послушали меня! Народъ такъ остервенился, что слѣпыхъ избили всѣхъ, нѣсколько человѣкъ до самой смерти. Съ той поры вышелъ законъ, чтобы за нищей братьей глядѣть да глядѣть.

Стало съ тѣхъ поръ больно строго. Пойми ты меня! А еще отъ себя трехрублевую прибавлю тебѣ. Прибавлю зато, что ты совсѣмъ слѣпъ человѣкъ: тебя обидѣть способно. Другой хоть и слѣпъ, да все мало-мало видитъ, этотъ въ обиду и самъ не поддастся. Прими прибавокъ и давай по рукамъ ударимъ, и виномъ запьемъ.

По рукамъ ударили и виномъ запили. Передъ тѣмъ, какъ въ дорогу идти—сѣли. Сѣли-посидѣли, Богу помолились. Матвѣй задатокъ получилъ и изъ избы вышелъ. Остался въ избѣ самъ хозяинъ и «шустрой» парень—староста.

— А артель-то ладненька сбилась: всякой мастеръ есть, по любой части! говорилъ Лукьянъ, потирая дюжія руки.

— Свора полная: чужому да лишному и пристать нѐгдѣ, отвѣчалъ «шустрой» староста и вскорѣ догонялъ въ припрыжку ковылявшаго слѣпца Матвѣя съ ребятами-поводарями, и съ Иванушкой.

V.

Когда налаженъ былъ путь и пустились въ дорогу, слѣпые хотя и не видѣли, но понимали, сколько привычки и снаровки требовалось отъ приставного старосты и сколько былъ ловокъ и умѣлъ тотъ, котораго отпустилъ съ ними Лукьянъ. Возъимѣлъ Лукьянъ къ нему довѣріе и сталъ пускать его за себя, какъ свой глазъ-алмазъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, когда удалось «шустрòму» показать большую находчивость. Пѣли его слѣпцы на одномъ монастырскомъ дворѣ, и хорошо пѣли. Вблизи ихъ сидѣли три артели чужихъ, и числомъ меньше, и голосами слабѣе, да повернуло къ нимъ счастье, а лукьянова артель цѣлый день пѣла на вѣтеръ. Надо бы домой уходить: понятное дѣло—ничего не выворчишь. Другой такъ бы и сдѣлалъ, а «шустрой» человѣкъ отыскалъ охотника изъ такихъ же подрядчиковъ нищихъ и сдалъ ему артель съ большимъ барышемъ. Перепродажей слѣпого товара Лукьянъ остался вполнѣ доволенъ и приказчика сталъ понимать выше облака ходячаго: ловкій человѣкъ!

Немудреное дѣло забрать по пути заговоренныхъ и получившихъ задатки- хитрое дѣло съ мѣста поднять и свести въ кучу. Сведя въ толпу, надо съ ней толково и кротко, съ великимъ терпѣніемъ, вести дѣло: народъ все больной, обиженный природой и обездоленный, стало быть, и безъ причины обидчивъ, и безъ пути и мѣры капризенъ. Какъ вышли, такъ и стали ругать хозяина «безногаго чорта» и толковать про него всякое

худо и мыслить злое. Бывалые ломались всѣхъ больше. Гдѣ бы въ сторонку свернуть, съ поля на̀-поле ходя, чтобы новаго товарища забрать, артель несогласна и не хочетъ шагу сдѣлать. Умѣлъ староста приснаровиться такъ, что самъ побѣжитъ за этимъ, а слѣпыхъ и убогихъ на село выведетъ и къ церкви поставитъ. Поютъ они тамъ и сбираютъ; онъ этотъ сборъ и въ счетъ не кладетъ не велика корысть, не много даютъ въ бѣдныхъ сопутныхъ приходахъ. Самъ онъ цѣлый день пробѣгаетъ, и другого дня прихватитъ, догонитъ артель и чуть не со слезами покручинится:

— Этотъ и съ печи не лѣзетъ; продешевилъ, говоритъ, я съ твоимъ хозяиномъ. Про задатокъ не хочетъ и помнить, словно не бралъ. Родные за него вступаются и знать того не хотятъ, что не мое это дѣло, а если и мое, то подначальное. Штофъ вина выпросили—поставилъ.

— Тотъ изъ дому ушелъ; вчера хотѣлъ быть, да знать задержали-де рѣки, а, можетъ, и въ грязяхъ завязъ. Да онъ и дома нуженъ. У насъ нынче мережи плести даютъ большія деньги, что̀ ему съ вами баловаться? Станетъ бродить дома рыбу; хоть и слѣпъ, а раковъ ловитъ ловокъ. Надо старшинѣ кланяться, писаря дарить, чтобы гнали.

Въ томъ и бѣда, трудъ и хлопоты, что приводится примѣнять ихъ въ мѣстахъ промысловыхъ, гдѣ всякой про выходы изъ нужды знаетъ и себя беречь умѣетъ. Въ глухихъ земледѣльческихъ мѣстахъ, гдѣ, обжогшись на землѣ, не умѣютъ отъ нея отбиваться, тоже самое дѣло сдѣлать проще. Тамъ, за 3—4 дня до сборнаго народнаго дня, всѣ калѣки сами лѣзутъ напоказъ на привычное мѣсто. Соберутся и сядутъ: выбирай кулакъ-нищій любого. Иной самъ сторговывается; за другого вожакъ говоритъ. 3, 4, 5, 8, иногда 10 рублей въ сутки рѣшаютъ дѣло. Затѣмъ—какъ хочешь: перепродай съ хорошимъ барышемъ артель свою другому, или самъ иди съ ними и тогда умѣй только откупить мѣсто у привратника-монаха или у церковнаго сторожа. Въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нищенство давно собой промышляетъ и народу Божьему больше жить нѣчѣмъ, подрядчики калѣкъ выучились ходить и на хитрость. Отбираютъ они остаточныхъ, нестоль изуродованныхъ и подходящихъ (которые зато, какъ оборышъ, и ходятъ за подходящую дешевую цѣну), покупаютъ въ лавкахъ мѣдный купоросъ и другое разъѣдающее снадобье и этимъ лица расписываютъ. Выходитъ такъ, что еще и лучше бываетъ: образъ и подобіе Божіе такъ изуродуется, что на всѣхъ одинаковый наводитъ страхъ и состраданіе: весь въ

крови, вѣки выворочены и т. п. Конечно, здѣсь гораздо потруднѣе.

Да и сбитыхъ въ кучу надо направлять такъ, чтобы артель разбивалась на многія части, не казалась бы толпой, не оговаривали бы люди, что вотъ-де ихъ сколько торговать пошло, и не останавливало бы проѣзжее начальство: у всѣхъ ли-де есть законные виды? Большое искуство и главная забота прилагались къ тому, чтобы въ пѣшей артели казался всякъ по себѣ и проходящему изъ святыхъ монастырскихъ воротъ богомольцу ясно и вразумительно было одно, что собрались эти люди съ разныхъ сторонъ, пришли изъ разныхъ мѣстъ, гдѣ великая нужда встала и общая печаль разлилась.

Только умудренному опытомъ человѣку можно разбившуюся артель вновь собрать и на одну тропу поставить. Только такому удается провести, не дѣлая крюковъ, по базарнымъ мѣстамъ и довести въ дальное и злачное мѣсто. А сколько возни съ «погиблымъ народомъ», повадарями ребятами, въ которыхъ и молодость кипитъ ключемъ и бьетъ наружу, и баловство съ артельной порчей путается сверхъ того и подмѣшивается! Сѣчь и бить не велятъ; да и сами они либо отомстятъ, либо разбѣгутся.

Изъ полной груди радостнымъ вздохомъ облегчилъ себя староста, когда завидѣлъ на горѣ бѣлую ограду и за ней бѣлыя церкви святой златоглавой обители, раскинувшейся по склону высокой горы и затонувшей въ зелени старыхъ березъ и столѣтнихъ кедровъ. Пѣшая братія, одинъ за другимъ, теперь на мѣсто сядетъ и примется за дѣло. Теперь легче станетъ; надо смотрѣть, чтобы изъ проводниковъ который-нибудь не утаилъ подаяніе: и безъ того ужѐ пойдутъ споры да крики о томъ же. Ни одинъ слѣпой не вѣритъ, чтобы у него не украли подаянія.

Вотъ и усѣлись, и «дьячитъ» стали подъ благовѣстъ большого колокола, который, по случаю праздничнаго монастырскаго дня, звонитъ ровно полчаса.

Стукнула въ Матвѣеву чашечку первая копеечка: благослови Богъ!

А вотъ и другая—спаси тебя, Господи!

Перестали звонить—перестали и старцы пѣть. Стали сидѣть молча.

Думаетъ слѣпой: дайко пощупаю, сосчитаюсь.

— Вотъ и трешникъ. Гдѣ же копеечка? вотъ и она! А это—семитка... Нѣтъ! не семитка, а надо быть грошъ. Нонѣшныя деньги пожиже стали, никакъ не разберешь сразу, словно бы насѣчки помельче у этихъ. Такъ, оно такъ: это—семитка изъ новенькихъ.

Чья-то рука опять дотронулась до пальцевъ: яичко скользнуло и взыграло на деньгахъ по чашечкѣ.

— Прими Христа-ради!

— Дай тебѣ Господи многолѣт... Бабенка дала. Ну, да ладно: все—къ рукамъ, въ одно мѣсто.

И еще яичко и колобъ. Одно яичко въ чашкѣ оставилъ, другое съ колобкомъ спустилъ въ мѣшокъ, что съ боку крѣпко привязанъ.

— Зналъ Лукьянъ, куда привести и гдѣ посадить; не спуста хвастливъ—хорошее мѣсто. Другимъ-то даютъ ли? Али съ краю сижу? Словно бы слѣва никто не сопитъ и не дышетъ. Прислушаюсь: ишь, чортовъ сынъ, на воинную сторону приладилъ; а изъ церкви пойдутъ—какъ мнѣ быть? Не попроситься ли пересѣсть. А какъ услышатъ? Помолчу лучше. Ближніе-то къ воротамъ мухоморы больше соберутъ.

— Вонъ идетъ кто-то, шелеститъ по плитѣ, кабы лапоть—такъ ласкалъ бы; знать, башмаки—взвизгиваютъ. Надо быть — горожанка идетъ: эта подастъ.

— Слѣпому-убогому святую милостыньку! пропѣто вслухъ, а потомъ подумалось опять про себя:

— Мимо прошла, скаредная. Дай опять посчитаюсь: въ чашкѣ яичко; вонъ оно кругленькое: надо быть, молодка снесла. Вонъ она давешняя семитка, двѣ копеечки, трешникъ. Гдѣ трешникъ?

Зашевелилась рука, заходили пальцы по краямъ чашки, а самый вопросъ выскочилъ вслухъ.

Проводникъ, стоя сзади, осерчалъ и проворчалъ:

— Щупай лучше! Возьми бѣльма-то въ зубы!

Пощупалъ и успокоился: трешникъ дома подъ яичкомъ лежалъ. Опять старецъ голову внизъ опустилъ и глаза уставилъ надъ чашечкой; сапоги застукали и заскрипѣли, и дегтемъ запахло. Слѣпой и чашечку впередъ выдвинулъ, да тотчасъ же и опять къ себѣ потянулъ.

— Надо быть, монахъ прошелъ: сами взять наровятъ; а, можетъ быть, и купецъ да скупецъ.

— Дай тебѣ Господи милости Божіей! опять пропѣлъ вслухъ и опять сталъ про себя думать:

— Вотъ и еще копеечку дали, а у меня еще и нога не затекала; дача, надо быть, хорошая будетъ. Много подавать будутъ, когда ужо отъ службы пойдутъ. Духомъ я это чую. Да нѣтъ, постой! чего я считаю? вѣдь, не мои; вѣдь, отберетъ эти деньги «шустрой»! Онъ глазъ теперь не спускаетъ съ нихъ. Скаре-

ды! Твердо Лукьянъ знаетъ мѣста, словно въ рай привелъ... Сколько ихъ тутъ проходитъ, ногами дробатъ... А вотъ и опять подавать перестали... Слава Богу, что перестали. А какъ не расплатится Лукьянъ? Печенымъ хлѣбомъ пахнетъ—знать, только наша нищая братія осталась тутъ... Не сгрести ли про себя въ кулакъ? увидятъ—отнимутъ. Пожалуй, раздѣться велятъ, станутъ осматривать, щупать. И понесъ меня чортъ! Да вѣдь мѣстовъ не знаю. Они знаютъ. На будущій годъ одинъ сюда приду. А кто доведетъ? Посадятъ; скажутъ тутъ сидишь, анъ не тутъ—эко дѣло проклятое...

— Закусывайте, старцы! послышался голосъ старосты.—Здѣсь обѣдню три часа служатъ. Да не чавкайте, ѣшьте потише!

— А гдѣ наши ребятки?

— Ищи за селомъ. Поди, въ свайку играютъ.

— А, можетъ, и пряники воровать подбираются.

— Скоро ли къ «достойнымъ» ударятъ?

— А ты подожди.

— Да и помолчи. Иные соскучатся, изъ церкви-то выходить начнутъ, услышать. Закусывай знай!

— Когда пѣть-то?

— А тамъ вонъ безъ тебя монахи поютъ. Твоему пѣтуху рано.

— Запоешь—монахи тебѣ такъ-то ротъ замажутъ. Не любятъ они насъ, знай ты это.

— Прячь колобки! опять команда старосты, а вскорѣ затѣмъ дробь шаговъ прямо и сзади. Снова про себя думы:

— Опять клюетъ. Ишь чикаетъ: развяжи мошны. Сѣмъ-ко прислушаюсь: не чикнетъ ли?—вотъ опять.

Старецъ даже икнулъ и вздумалъ на всякой чикъ кланяться, а поетъ благодарность безъ умолку.

— Вотъ привести угодили. Вотъ сладко. Все бы сидѣлъ да пѣлъ.

Между тѣмъ, опять все примолкло. Монастырскій колоколъ ударилъ къ «Достойно». Снова забродили шаги взадъ и впередъ. Стали въ чашечки постукивать, время отъ времени, новыя деньги, стали почаще просовывать въ руку мягкое изъ съѣстнаго и печенаго. А тамъ и команда:

— Запѣвайте-ко, старцы! Не торопитесь!

Во славномъ было во градѣ во Римѣ,
При царѣ было при Онурѣ;
Жилъ-себѣ славенъ Ефимьянъ князь.
Не было у князя отрōду:
Не было ни сына, ни дочèри.

Взмолится князь Ефимьянинъ,
Взмолится Господу со слезами:
«Господи, Творецъ милосердый!
Взо̀зри Ты на наше на моленье,
Создай, Господь, единое намъ дѣтище,
Создай, Господь, сына либо до̀чи!
При младости князю на потѣху,
При старости князю на замѣну,
При смерти—душѣ на поминанье!

Потянулись стихъ за стихомъ изъ любимаго старческаго и народнаго сказанія про Алексѣя-Божьяго человѣка: ка̀къ онъ «на возро̀сти скоро къ писанію научился, ка̀къ прибирали ему обру̀чную княгиню и они Божій законъ принимали, да Алексѣй, сидя за свадебной трапезой, хлѣба и соли не вкушаетъ, мѐдвяна питья не спиваетъ, а уливается горячими слезами».

Обѣдня уже отошла, когда старцы успѣли пропѣть о томъ, ка̀къ Божій человѣкъ ушелъ изъ родительскаго дома въ Ефѐсъградъ, «приходилъ ко соборныи церкви, становился у церкви во паперти, по правую сторону притвору», и ка̀къ его искали посланные отцомъ, нашли и не узнали: «нѝщшой каликой называли, милостыню ёму подавали, Олексѣя-свѣта поминали, а онъ у нихъ принимаетъ, по нищей по братіи раздѣляетъ, Господа Бога прославляетъ».

Останавливались проходящіе и прислушивались къ стихамъ о томъ, ка̀къ Алексѣй 17 лѣтъ Господу молился и услышалъ гласъ Божіей Матери, повелѣвшей ему идти въ домъ родителей, и о томъ, ка̀къ онъ домой возвратился, всталъ на паперти Божьей церкви, гдѣ отецъ его не узналъ и подалъ милостыню, какъ убогому незнаемому человѣку, и ка̀къ, наконецъ, родитель велѣлъ его, нищаго, взять въ палату, приказалъ «накормить его хлѣбомъ-солью, построилъ убогому келью, нищаго-убогаго сберегати».

Которую князь ѣству воскушаетъ,
Тою ко убогому отсылаетъ,

ведутъ старцы разбитыми, дрожащими и шепелявыми голосами. Одинъ только тоскливый скрипъ слышенъ, да еще Матвѣй возносилъ надо всѣми свой густой и сильный голосъ и очень истово, ясно и для всѣхъ слышно и вразумительно отчеканивалъ:

Да злы были у̀ князя рабы ево:
Ничего къ нему ѣствы̀ не доносили,
Блю̀дия—посуду обмывали,
Помои на келью выливали.

— Ой, батюшки, слѣпцы праведные! воздыхала старушка и клала изъ-за пазухи колобокъ и яичко.

Уже густая стѣна обступила кружокъ слѣпыхъ, когда они кончали послѣдніе стихи Человѣка Божья:

Съ радостію Олексій нужду принимаетъ,
Самъ Господа Бога прославляетъ.
Трудился онъ Господу, молился
Тридцать лѣтъ да всѣ и четыре.

Толпа слушателей была уже такъ велика, что шаловливымъ мальчишкамъ доводилось втискиваться головами и плечами и получать за то сверху нахлобучки. До того народъ былъ прислушливъ, что не терпѣлъ никакихъ постороннихъ звуковъ и на замѣчаніе молодого парня съ гармоникой, что «эти-де хлёще поютъ, чѣмъ тѣ, которые сидятъ у колокольны», отвѣчалъ ворчливымъ гуломъ. Кто ни подошелъ къ кругу старцевъ, тотъ и остался тутъ неподвижно. Такая же безсмѣнная, но наростающая толпа окружала и тѣхъ слѣпцовъ, которые пѣли у колокольны, и другой кругъ слѣпыхъ и калѣкъ, помѣстившихся за святыми воротами у колодчика, ископаннаго руками святаго угодника.

— Умиленіе! замѣчалъ сдержаннымъ голосомъ сѣдой человѣкъ послѣ тяжелаго протяжнаго вздоха.

— Умудрилъ Господь старцевъ! вторилъ ему другой растроганный голосъ, когда кончали слѣпцы одинъ «стихарь» и немедленно заводили другой: некогда было и деньги прощупывать и думать о мірскомъ и постороннемъ. Надо было отъ словъ не отставать и за другими тянуться.

Праведное сонце
Въ раю просвѣтилося

заводилъ Матвѣй трескучимъ басомъ любимую пѣсню калѣкъ,

Расплачется Адамъ
Передъ раемъ стоячи
Ай, раю, мой, раю,
Прекрасный мой раю!

вторили ему всякіе голоса товарищей-калѣкъ въ то время, когда издали доносилось про Лазаря, а на другомъ концѣ монастырскаго двора заводили «Человѣка Божья». Все о нищетѣ и убожествѣ, Богомъ любимыхъ и ему угодныхъ, все о нуждѣ и страданіяхъ, которыя каждый на себѣ испыталъ, и тоску, согласную съ напѣвомъ и складомъ, въ душѣ своей носитъ, да выразить не умѣетъ. Вызвались старцы за міръ постонать, выдѣлились на видное мѣсто за всѣхъ поплакаться и вслухъ разсказать про людскую скорбь и напасти. Теперь они — выборные отъ всего міра ходатаи и жалобники.

Не велѣлъ Господь намъ жити
Во прекрасномъ раѣ
Сослалъ насъ Господь Богъ
На трудную землю:
  Ой раю, мой раю,
  Прекрасный мой раю!
Вѣкъ правдой жити
Намъ зла не творити;
Отъ праведныхъ трудовъ
Отъ пôтнаго лица
Пищи сoискати!..

— Во истину сердечное умиленіе, повторялъ сѣдой человѣкъ.

— Ой, болѣзненькіе! Миляги несчастные. Охъ, сердечные, Богомъ обиженные! вторили женскіе голоса. И, глотая обильныя слезы, женщины утирали ихъ рукавами, не двигаясь съ мѣста и готовясь слушать до самаго вечера.

— Вотъ опять зазвякало, придумалось старцамъ:—чтò дождь! капля за каплей. А все, поди, ближнимъ больше сыплютъ. А шустрой это въ счетъ будетъ класть: такой уговоръ. Кому больше насуютъ, тому больше водки, а, можетъ, еще и пивомъ попотчуетъ. Кàкъ узнать? Кàкъ сосчитать, когда поешь и словà припоминаешь и подгоняешь всякое слово, одно къ другому. Кàкъ совладать? Кàкъ спорилъ! кàкъ просилъ кругъ дѣлать, плетёшкомъ сидѣть: всѣмъ бы досталось поровну, а вотъ теперь и сиди словно при дорогѣ.

Проводникъ больно толкнулъ старца въ бокъ: опять велятъ начинать; староста давно уже сердито крутитъ головой и глазами подмигиваетъ.

Проходящіе люди изъ равнодушныхъ, отходя отъ одной поющей толпы, попадали тотчасъ же въ струю тѣхъ тоскливыхъ звуковъ и до томительнаго однообразія схожихъ мотивовъ. Не успѣвали остыть въ ушахъ и забыться эти вторые, встрѣчаетъ на новомъ мѣстѣ третій гулъ и стонъ, стараясь отдѣлиться, но невольно сливаясь съ задними.

— И это — послѣ церковной-то службы, замѣчала мѣстная власть, обращаясь къ товарищу. — Слуга покорный: мои нервы—тоже не веревки, кàкъ имъ выдерживать? Кàкъ деретъ этотъ рябой! Понимаю я, почему и черствыя деревянныя мужичьи души трогаются и волнуются. Очень, вѣдь, много денегъ набрасываютъ, нигдѣ столько! Посмотрите: серебряныя монеты лежатъ въ чашкахъ. Ужасно любитъ народъ слушать этихъ слѣпыхъ горлановъ, и не знаю, любитъ ли онъ еще чтò-нибудь больше. Смотрите, такъ и облѣпили; такъ и лѣзутъ въ самый ротъ.

— Это пѣніе, отвѣтилъ товарищъ: — умиляетъ душу и освѣжаетъ нравственное чувство простолюдина, уча, въ то же время, терпѣливо переносить превратности жизни. Здѣсь онъ желаетъ видѣть выраженіе своихъ лучшихъ и задушевныхъ мыслей и чувствъ. Поднявши это свое же измышленіе и порожденіе на высоту нравственнаго идеала, народъ любуется и красуется имъ съ честною и чистою младенческою наивностію и откровенностію. Они поютъ для денегъ—онъ этого помнить не хочетъ и думаетъ, что слѣпцы священнодѣйствуютъ, онъ очень искренно требуетъ и приличной обстановки, и своего рода торжественности, и смиренія во взорахъ и голосѣ. Пусть они обманываютъ, пусть уже ночью пропьютъ всѣ собранныя здѣсь деньги въ кабакѣ—что̀ ему за дѣло? Ему и въ голову не приходитъ ничего, кромѣ той мысли и представленія, что передъ нимъ творится священная служба, совершается умилительное таинство. Вѣдь, и священникъ всегда ли приходитъ къ алтарю готовымъ и чистымъ, какъ ему въ уставѣ указано? Конечно лучше обмануться, чѣмъ терять вѣрованія въ свои вѣковѣчные помыслы. Пусть же слѣпой старецъ навсегда остается при Божьемъ храмѣ, какъ его дополненіе. Оттого-то и сами слѣпцы признаютъ надъ собою власть духовныхъ лицъ и священникамъ во всемъ готовно покоряются.

— Въ этихъ монастырскихъ картинахъ нельзя не видѣть глубокаго морализующаго начала, помимо того, что всякій здѣсь слышитъ свою завѣтную мысль, складно и гласно высказанную: дума въ думу и слово въ слово. Физическій недостатокъ лишилъ созерцанія внѣшняго міра, освободилъ отъ напряженій разумѣть въ немъ суть, неподдающуюся первобытнымъ дешовымъ пріемамъ, но зато углубилъ въ созерцаніе внутренняго міра и пространно развернулъ ничѣмъ нестѣсняемому теперь воображенію широкое поле фантастическихъ чудесъ и красотъ. Творчеству слѣпцовъ мы обязаны этими смѣлыми поэтическими образами, которыми переполнены наши былины о богатыряхъ, гдѣ все такъ громадно и могуче, хотя и написано грубою кистью. Памяти слѣпцовъ мы должны быть благодарны за то, что она сохранила намъ большія сотни поэмъ самаго разнообразнаго вида и смысла, гдѣ всякая старая память отказалась бы и когда десятки рукъ не успѣли бы до сихъ поръ записать всего, что̀ сказывается и поется слѣпцами про родное былое.

Опять проходящіе, и опять разговоры:

— Во всѣхъ кругахъ все слѣпые поютъ; ребята только подпѣваютъ, и то кое-какъ и нехотя. Ни одинъ изъ нихъ не умѣетъ сказать цѣлой «старины», полной «былины». И между стари-

ками настоящіе стали пропадать, изводиться: на историческія сказанія надо искать знатоковъ днемъ съ огнемъ. Мудреное дѣло— уберечься, хотя самъ народъ бережетъ, хоронитъ и любитъ, да прошла какая-то моровая язва, запечатавшая языкъ и затемнившая память (и это не въ очень давнее время).

— Зато остальное остается попрежнему: немудрено и теперь, какъ и встарь было, на вѣкъ сдѣлаться слѣпымъ. Семь-восемь мѣсяцевъ житья въ темной избѣ и крутые переходы изъ нея на бѣлы снѣги. Зимой въ избѣ лучина свѣтитъ, дымитъ и чадитъ и ѣдкой струей горячаго дыма прямо бьетъ въ глаза, наклоненные надъ мелкой работой, чтобы ближе и свѣтлѣе видѣть. Лѣтомъ можно бревна пилить: опилками глаза порошить. Нѣтъ-нѣтъ да и перепадетъ малая крупица въ больной глазъ, а не удастся, можно и у овина набѣжать на бѣду, когда вѣютъ обмолоченное зерно отъ острой и крѣпкой шелухи. Больной глазъ вытираютъ грязной холщовой тряпкой, какая первая попадется подъ руку, а водой мыть нельзя: хуже прикинется. Знающему лекарю изъ ученыхъ показать—тоже нельзя: хуже будетъ. Подаетъ совѣтъ знахарь темными непонятными нашептами и велитъ искать сухой дождевикъ и пылить въ открытые глаза его коричневой мелкой пылью. Хорошо еще, если посовѣтуетъ мочить какой-нибудь звѣриной кровью; прикажетъ живаго крота достать и велитъ задавить его своими руками. А дождевикъ ростетъ только лѣтомъ; кроты роютъ землю также въ теплое время: жди этого послѣдняго средства съ его призрачнымъ спасеніемъ, когда земля отойдетъ и соберется родить поганый грибъ или начнутъ кроты обратное свое переселеніе съ изрытыхъ и объѣденыхъ мѣстъ на свѣжія и сытыя. Тѣмъ временемъ, оба глаза закрылись и бѣлый свѣтъ совсѣмъ потемнѣлъ. Гдѣ ни пропадало у темнаго и бѣднаго русскаго человѣка! Таковъ ему и законъ на роду написанъ. А выходъ одинъ: на монастырскій дворъ да на базарную и ярмарочную площадь.

— Попробуемъ найти утѣшеніе хоть въ этой картинкѣ, которую рисуетъ теперь монастырскій дворъ съ кругами распѣвающихъ слѣпыхъ подъ колокольный звонъ и подъ говоръ намолившагося народа, который тутъ же кстати продаетъ и покупаетъ.

— Этотъ большой колоколъ, на которомъ вычеканено имя Бориса Годунова, эти стрѣльчатыя окна и кое-гдѣ сохранившаяся въ нихъ слюда; эти бойницы и стѣны съ длинными и узкими отверстіями, выстроенными въ тѣ времена, когда еще стрѣляли изъ пищалей и обливали враговъ кипяткомъ и варомъ: все это такъ согласно отвѣчаетъ и напѣву, и самымъ словамъ стихарей

слѣпцовъ, такъ пристало и такъ вмѣстѣ съ ними красиво и понятно! На базарныхъ площадяхъ тѣ же слѣпые кажутся заурядными промышленными людьми, которые потому и поютъ усердно, что хотятъ получить за то деньги. Подъ монастырскими стѣнами эта же слѣпая нищая братія кажется чѣмъ-то священнымъ и, во всякомъ случаѣ, какъ бы продолженіемъ и дополненіемъ того, что̀ навѣяно церковною службою подъ тяжелыми громадными сводами передъ высочайшимъ иконостасомъ. Ватага слѣпыхъ — остатокъ самой отдаленной старины, когда нетолько не умѣли класть каменныхъ стѣнъ и стрѣлять изъ пищалей, но и деревянныя стѣны рубили тупымъ топоромъ, а про монастыри и Божіи церкви совсѣмъ не слыхали. Ватаги слѣпцовъ—явленіе на Руси самое древнее и притомъ такое, которое народъ бережно уберегъ про себя до нашихъ дней во всей неприкосновенности, чистотѣ и цѣльности. Съ самыхъ языческихъ временъ лучше и удобнѣе пристроить ихъ не успѣли и не умѣли. Прадѣдовское наслѣдство безраздѣльно остается на общемъ мірскомъ попеченіи.

VI.

Еще въ высокомъ теремѣ ласковаго князя Владиміра появлялись за одинъ разъ сорокъ каликъ со каликою и на почетныхъ пирахъ получали большое мѣсто. Все это знаютъ и могутъ услышать отъ нашихъ слѣпцовъ, распѣвающихъ про своихъ древнихъ братій, что и они

Становились всѣ во единой кругъ,
Клюки-посохи въ землю потыкали,
А и сумочки изповѣсили,
Закричали калики зычнымъ голосомъ.

Можно услышать, что и могучіе богатыри каличьимъ промысломъ и нарядомъ не гнушалися, одѣваясь, какъ щеголь и волокита, Алеша Поповичъ, въ лапотки семи шелковъ, подковыренныя чистымъ серебромъ, надѣвая подсумокъ черна бархата, на головушку—шапку земли греческой, на плечи—шубу соболиную долгополую. И нетолько не гнушались, но и за великую честь ставили, подъ видомъ калики, выходить на великіе богатырскіе подвиги, какъ Михаилъ Потокъ Ивановичъ, и матерой мужикъ Илья Муромецъ, когда шелъ изъ Мурома въ Кіевъ по такой дорогѣ, по которой никто не прохаживалъ и не проѣзживалъ. Только шелъ-прошелъ калика прохожая, прохожая калика волочаль-

кая: муйца на немъ сорочинская, шляпа земли греческой. И не одними разсказами о своихъ молодецкихъ похожденіяхъ кіевскаго князя они тѣшили, а утѣшали его и богатырскими подвигами. Каликой сходилъ Илья Муромецъ въ самый Царьградъ, когда прознавъ, что князя цареградскаго поганый Издольня въ полонъ взялъ, обожралъ весь Царьградъ и золотую казну опечаталъ. Сдынулъ Муромецъ талыгу въ девяносто пудъ, щелкнулъ Издольну мѐжъ-уши, взялъ его за рѣзвы ноги и зачалъ помахивать: куды махнетъ—туды ўлочки, куды примахнетъ—переулочки.

Не отошла каличья честь, когда и Христова вѣра завелась на святой Руси: взяла она убогихъ и странныхъ подъ свою крѣпкую защиту и сказала опредѣлительно и твердо, что это—первые и ближніе друзья Христовы. Въ ихъ пользу установились новые обычаи, но прежняго смысла и значенія. Изъ нищей братіи отбирали самыхъ убогихъ двѣнадцать человѣкъ. Водили ихъ въ тѣ же терема княженецкіе въ великій четвергъ; умывалъ имъ натруженыя походныя ноги самъ князь стольно-кіевскій, сажалъ ихъ за столы дубовые и за скатерти браныя, самъ кормилъ ихъ и подчивалъ. Та же честь не покинула слѣпыхъ-убогихъ, когда русская слава изъ Кіева перешла въ Москву и перевелась съ великихъ князей на бѣлыхъ царей. Любили каликъ-перехожихъ чествовать по христіанскимъ обычаямъ, любили слушать ихъ пѣсни и сказанія и въ Москвѣ, какъ и въ Кіевѣ, по народнымъ примѣрамъ и обычаямъ.

Въ Москвѣ дошло даже до того, что про старыхъ каликъ-перехожихъ, потерявшихъ вслѣдъ за глазами и ноги, строились особыя палаты, и убогіе принимались въ придворный штатъ и назывались «верховыми богомольцами». Ихъ звали въ зимніе вечера въ государеву комнату разсказывать про все, что они знали или отъ другихъ слыхали про давно-минувшія времена, про подвиги благочестивыхъ людей, отъ бѣднаго Лазаря и прекраснаго Іосифа до Іоасафа—индѣйскаго царевича. Старцы эти и духовные стихи пѣвали, и сказки сказывали, а за все это были у царей въ великомъ почетѣ и милости. У царя Алексѣя Михайловича они жили даже подлѣ самыхъ царскихъ хоромъ, и, когда одинъ изъ такихъ (Венедиктъ Тимоѳеевъ) умеръ въ 1669 году, 9-го апрѣля, его отпѣвали два патріарха, два архимандрита, десять священниковъ, двѣнадцать дьяконовъ и безъ счету пѣвчихъ и причетниковъ. Самъ царь былъ на погребеніи и раздавалъ щедрую милостыню нищимъ и колодникамъ въ этотъ день, потомъ—въ третины, девятины, полусорочины и сорочины. Щедро жаловалъ царь и все отпѣвавшее духовенство, а въ вер-

ховыхъ нищихъ не обдѣлялъ своею милостію, содержаніемъ и попеченіемъ и юродивыхъ, и «слѣпцовъ-домрачеевъ» (умѣвшихъ въ тѣ времена подыгрывать пѣнію былинъ и старинъ на струнной гитарѣ или домрѣ).

Во всякомъ богатомъ домѣ, въ такихъ же пристройкахъ въ одно, въ два оконца, съ стеклянными оконницами и желѣзными затворами, живали тѣ же слѣпцы-сказочники, за разговорчивость и болтливость свою прозванные особымъ именемъ «бахарей» (краснобаевъ, разсказчиковъ).

Богачи и бѣлая кость пробавлялись домашними пѣвцами и уберегали, свято храня и холя наемныхъ слѣпыхъ и убогихъ: крестьянская бѣдность, черносошный людъ съ тою же любовью и вниманіемъ относился къ проходящимъ и гулящимъ базарнымъ старцамъ. И точно также бережно сохранили ихъ чрезъ многіе вѣка до нашихъ дней и, съ тѣмъ вмѣстѣ, ту же въ нихъ вѣру. Пропитывая и обогрѣвая при жизни, простой и бѣдный русскій народъ не забывалъ ихъ и по смерти. Для этого также съ древнѣйшихъ временъ существовали въ городахъ божедомки, въ деревняхъ на поляхъ—курганы. Здѣсь хоронили умершихъ странныхъ людей и въ семикъ пѣли общія и общественныя панихиды на мірской счетъ. Не подать слѣпому нищему—тяжкій грѣхъ, да и не безопасно: не проклялъ бы со зла. А проклятіе, въ извѣстное время (бываетъ такое въ году не одинъ разъ), можетъ дѣйствовать, имѣетъ силу.

Пробовалъ бродячихъ нищихъ и слѣпыхъ старцевъ великій хозяинъ земли своей, Петръ Первый, пристроивать къ мѣстамъ, чтобы не толкались, не мѣшали и не напоминали бы царю про старыя, немилыя ему времена: приказывалъ монастырямъ строить богадѣльни, велѣлъ ловить и вязать всякую безъ разбора нищую братію, строгіе указы писалъ, не одинъ разъ ихъ напоминалъ и повторялъ—убогимъ удалось-таки пережить и это самое тяжелое для нихъ время. Унесли ихъ осторожныя ноги: къ монастырскимъ стѣнамъ ихъ не приковали, а остались они на прежнемъ положеніи. Пугливые—въ раскольничьи скиты ушли, еще на пущій почетъ и на большее обезпеченіе и безопасность. Завелись и въ раскольничьихъ мѣстахъ свои слѣпцы-пѣвцы, и между ними громче всѣхъ прославились тихвинскіе, которыхъ въ юрьевомъ монастырѣ (въ Новгородѣ) любилъ дарить и слушать самъ строгій, знаменитый архимандритъ Фотій, при государѣ Александрѣ Благословенномъ. И нигдѣ ихъ столько не набирается, какъ въ глухихъ лѣсныхъ мѣстахъ по ярмаркамъ: въ вологодскомъ, въ олонецкомъ краяхъ. Въ село Шунгу (Повѣнецкаго Уѣзда), вблизи выгорѣцкихъ скитовъ, сходилось ихъ на

рыбную благовѣщенскую и никольскую ярмарки до десятка артелей: пѣвали и въ одиночку, и парами, пѣвали втроемъ и цѣлыми десятками. Зато уже изъ этого мѣста, какъ и изъ всего олонецкаго края, вывозились самыя длинныя, старинныя и лучшія былины. Въ Шунгѣ и новики-нищіе учились, какъ въ академіи, и промышленные архангельскіе люди-поморы вывезли въ свои мѣста много рѣдкостныхъ сказаній (и намъ охотно пѣли и сказывали).

Свято-мѣсто не осталось пусто: число слѣпыхъ не умалилось; уменьшилось количество знатоковъ былинъ. Стали объ этомъ не спуста тужить и жаловаться; приходится уже разыскивать— стали, по этой причинѣ, поторапливаться. Все же прочее стоитъ по старому и обстоитъ, какъ говорятъ, благополучно. Для примѣра и доказательствъ заглянемъ въ разные углы богомольной и сердобольной Россіи.

По Малороссіи дідъ (дідунь, старецъ) ходитъ. Во всякую онъ хату заходитъ безъ спросу, когда въ ней и нѣтъ никого. Беретъ, что̀ ему попало на глаза, и уходитъ. Вернется ужо̀ жинка съ поля, оглядится, замѣтитъ пропажу, скажетъ: «певне тутъ дідъ бувъ» и положитъ на дверь засовъ отъ діда. Имѣетъ дѣдъ право входить, да и умѣлъ во зло употребить довѣріе, родившееся отъ стараго и добраго обычая. Умѣли и въ Малороссіи эти дѣды-жебраки выдѣлить артели слѣпыхъ, которыхъ и зовутъ «лирниками»: играютъ на лирѣ и поютъ божественныя пѣсни. Безъ лиры они и въ народъ не ходятъ, и для этого самые молодые, чтобы имѣть право называться дѣдомъ, отпускаютъ бороду вопреки общимъ обычаямъ. Входя въ домъ, двери котораго для нихъ всегда открыты, чтобы сразу признали, запѣваютъ молитву «Отче нашъ». А затѣмъ, такъ же, какъ и тихвинскіе и олонецкіе калики, повертываютъ на веселое и смѣшное, по желанію дѣвчатъ, и на плясовую и скоромную, по требованію насмѣшливой и шаловливой молодёжи, пока не закричитъ какой-нибудь шутникъ:

— Дидуня! пипъ иде.

Перейдемъ въ Бѣлоруссію, столь же древнюю и неподвижную.

Здѣсь пѣвцы духовныхъ стиховъ, по образу жизни, называются *волочебниками* и, сообразно занятіямъ, *лалынщиками* и ходятъ всегда артелями человѣкъ въ 8—10 и болѣе съ дудой и скрипкой [1]. «Подъ дуду не пойду, подъ скрипицу не хочу, подъ жи-

[1] Лалынь—пѣсня, которую, какъ увѣряютъ они, начали пѣть съ тѣхъ временъ, какъ смѣнилась вѣра. А такъ какъ въ Бѣлоруссіи мѣнялась вѣра три

лейку помаленьку», шутливо говорятъ въ тѣхъ странахъ эти нужные люди, которые затѣмъ и берутъ съ собой сопѣлку, что также приходится имъ пѣть веселыя и загульныя пѣсни по заказу. Собственно, надо пѣть духовныя пѣсни и слѣдуетъ видѣть въ томъ религіозную обязанность и святое дѣло. И здѣсь пѣвцы, исполняя обѣтъ, священнодѣйствуютъ. Подходя къ избѣ, становятся подъ окнами полукружьемъ: впереди и въ серединѣ мужикъ среднихъ лѣтъ — «починальщикъ» съ дудой. Боковые «подхватники» поютъ, а во время припѣвка хлопаютъ въ ладоши.

Не гуси летятъ, не лебеди.

Заводитъ починальникъ.

Христосъ воскресъ на весь свѣтъ.

Вторятъ голосами и хлопаютъ ладонями помощники.

Идутъ, бредутъ волочебнички,
Волочебнички, полуночнички,
Челомъ здоровъ, хозяинушка!
Чи спишь-лежишь, чи спочиваешь?
Коли-жь ты спишь, такъ Богъ съ тобой!
Коли-жь не спишь, говори ты съ намъ!
Не хошь говорить, ходзи ты съ намъ!
Ходзи ты съ намъ, съ волочебничкамъ,
Съ волочебничкамъ, со полуночничкамъ,
По тёмной ноцѝ грязи толоцѝ,
Собакъ дразнить, людзей смѣшить.
Не хошь хадзиць, дари-жь ты насъ [1].

Подарки выговариваются: «починальщику яичекъ, да денегъ, да горѣлки, помощникамъ сыръ на тарелкѣ, мѣхоношѣ (заднему сборщику подаяній) пирогъ съ ношу, дударини хоть солонины: дуду помазать, струны погладзить, чтобы играла, не залегала. А за то, хозяинушко, живи здорово, живи богато! Дай

разъ (съ языческой на православную, съ этой на уніатскую и затѣмъ на католическую), то и несовсѣмъ можно догадаться, когда это случилось. Вѣрнѣе думать, что сталось такъ въ первомъ случаѣ. Классическая же дуда, национальная особенность и принадлежность бѣлорусскаго племени—не что иное, какъ самая первобытная дудка изъ тростника, бузины или камыша, а того проще—изъ молодой ивовой коры, снятой ранней весной. При ней надутый воздухомъ кожаный мѣшокъ. Въ Бѣлоруссіи это—любимый инструментъ: «гудокъ да дуда собери наши дома», говорятъ въ насмѣшку надъ тамошними горемыками. Жилейка (такъ красиво и характерно прозванная)—родная сестра первому инструменту, только еще попроще и пищитъ посмѣшнѣе въ устахъ ребятъ, пастуховъ и нищихъ (она безъ мѣшка).

[1] Волочебнички ходятъ обыкновенно съ перваго дня Пасхи и непремѣнно къ ночи. Переходя по порядку къ каждой избѣ и не пропуская ни одной, бродятъ по деревнѣ всю ночь.

тебѣ Боже пиво варить, сыновъ женить, горѣлку гнать, дочекъ отдавать!»

Жертва обязательно передается изъ каждаго окна и всегда въ примѣтно-достаточномъ количествѣ. Гдѣ крѣпко спятъ, тамъ громко стучатъ и укоряютъ. Гдѣ упираются по бѣдности или по неохотѣ, тамъ опять пѣвцы становятся въ кругъ и поютъ ругательный стихъ, припасенный на такой случай.

Такова обязательность пѣнія и такова сила въ появленіи волочебниковъ, что, если поютъ они въ то время, когда на дворѣ тихо, нѣтъ дождя, ночь ясная и звѣздистая — значитъ весь годъ будетъ урожайный и въ особенности хорошо яровымъ посѣвамъ. Очень худо, если поютъ пѣвцы въ дождливую и сырую погоду: волочебники того не разбираютъ и неустанно поютъ, чтобы обязательно обойти всѣхъ. Въ Витебской Губерніи не лишаютъ такой чести даже (издавна поселившихся тамъ) великороссовъ-раскольниковъ: посѣщаютъ и этихъ. Дѣлежъ сбора производится не безъ ссоръ и дракъ, но всѣмъ поровну: часть для дому, другая половина—жиду въ шинокъ.

Если мы вернемся и въ Великороссію, то едва ли найдемъ что̀-нибудь особенное, что̀ можно добавить къ разсказу. Не за большимъ приходится возвращаться.

Нижегородскіе промышленные мужики доморощенымъ опытомъ дошли до того, что приладили способности слѣпцовъ къ желѣзному производству тянуть проволоку. Да вѣрно говорятъ и убѣдительно доказываютъ, что промыселъ этотъ, безъ вниманія и поддержки, сталъ упадать съ каждымъ годомъ все больше и скорѣе, отпуская и своихъ обученныхъ слѣпыхъ на нижегородскія ярмарочныя площадки и подъ утлыя стѣны сползающаго къ водѣ съ волжской горы печерскаго монастыря.

Городская филантропія завела институтъ для избранныхъ петербургскихъ слѣпыхъ и выучила ихъ читать и считать по выпуклымъ знакамъ, да, конечно, согласно и хоромъ играть пьесы итальянской и нѣмецкой музыки, что̀ доставляетъ удовольствіе, возбуждаетъ общее удивленіе и вызываетъ достойную и приличную похвалу руководителямъ. Концерты слѣпые даютъ; въ газетахъ объ этомъ пишутъ и печатаютъ полные и обстоятельные годовые отчеты.

Многія тысячи слѣпыхъ продолжаютъ бродить по всему обширному лицу земли русскаго царства. Не сговариваясь между собою, но по ходу вещей и силою обстоятельствъ, они раздѣлили всю Русь на участки, поставивъ въ центрѣ бойкія мѣста народныхъ сходбищъ. Тяготѣя къ нимъ десятками промысло-

ныхъ артелей, они другъ съ другомъ не путаются и взаимно одна артель другой не мѣшаетъ, прокармливаясь около полуголоднаго крестьянскаго люда, обогрѣваясь кое-какъ подъ пошатнувшейся и разметанной кровлей и на разные тоскливые голоса распѣвая вѣковѣчную пѣсню:

Тебѣ, свѣту, слава и держава,
Олексію Божью человѣку.
Ему славы поемъ, именемъ зовемъ:
Славенъ Богъ, да и прославится!
Велико имя да и Господне!
Господнее по всей земли,
По всей земли—всесвеленныя!..
И во вѣки вѣковъ. Аминь.

С. Максимовъ.

ЗАПИСКИ БАРОНА АНДРЕЯ ЕВГЕНІЕВИЧА РОЗЕНА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА XV.

Кавказскія минеральныя воды.

Пятигорскъ.—Александровскій источникъ.—К. X. Рошеръ.—Не можетъ быть.—Товарищи.—Оскорбленіе.—Зассъ.—Вельяминовъ.—Шотландская колонія.—Пасторъ Ланге.—Миссіонеры.—Железноводскъ.—Кисловодскъ.—Нарзанъ.—Отставка.—Не поминай лихомъ.—Могила.—П. X. Граббе.—1-го мая.—Выѣздъ.—Кавказъ 1839 г.

Виды Пятигорска уже давно литографированы и есть снимки фотографическіе; въ газетахъ и журналахъ часто помѣщаемы были статьи о цѣлительныхъ свойствахъ его источниковъ, такъ что излишне было бы объ этомъ распространяться. Кратко упомяну о Пятигорскѣ, какъ онъ былъ въ 1838 и 1839 годахъ. Городъ стоитъ на лѣвомъ берегу Подкумка, на покатости Машука, имѣетъ одну главную улицу съ бульваромъ, ведущимъ въ гору къ Елисаветинскому источнику, гдѣ устроева крытая галлерея, окруженная виноградными аллеями. Въ различныхъ мѣстахъ горы, въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга, бьютъ сѣрные ключи различной температуры, отъ 21° до 37° теплоты. При нихъ устроены купальни: роскошная Николаевская, и скромныя—Александровская, Ермоловская, Сабанѣевская, Варварцевская и Елисаветинская. Въ тихую погоду, лѣтомъ, въ туманную, зимою, по всему городу разносится сильный сѣрный запахъ.

Комендантомъ города былъ прежній мой сослуживецъ и хорошій товарищъ В. М. Симборскій; онъ дружески встрѣтилъ ме-

ия и во всю бытность мою въ Пятигорскѣ оказывалъ мнѣ много внимания. Штабъ линейнаго кавказскаго 3 батальйона былъ расположенъ въ Кисловодскѣ; командиромъ моимъ былъ почтенный штаб-офицеръ, участвовавшій въ войнѣ 1812 года, подполковникъ Принцъ. Моя обмундировка была сшита въ нѣсколько часовъ—стоило только перемѣнить воротникъ, погончики, пуговицы. Чрезъ мѣсяцъ послѣ насъ, пріѣхали наши родные изъ Тифлиса; мы помѣстились всѣ въ большомъ двух-этажномъ домѣ. В. Д. Вольховскому необходимо было пользоваться водами для подкрѣпленія здоровья, потерпѣвшаго много отъ постояннаго труда и писанія: ему случалось сиживать за письменнымъ столомъ до обморока.

Докторовъ было много въ Пятигорскѣ: при военной больницѣ, при источникахъ, при мѣстныхъ войскахъ и, сверхъ того, пріѣзжіе вольнопрактикующіе. Я обратился за совѣтомъ къ главному военному штаб-лекарю Лебединскому: онъ предписалъ мнѣ Александровскія ванны № 1. Эта славная ванна высѣчена въ скалѣ; дно ея и оба бока имѣютъ трещины, изъ коихъ минеральный ключъ бьетъ безпрестанно; въ правомъ боку ванны просверлено отверстіе для спуска воды, когда она подымется выше подбородка. Во всѣхъ другихъ ваннахъ, если больной посидитъ въ нихъ хоть десять минутъ, то все-же сколько-нибудь испаряется вода, перемѣняется температура; или, если вода слишкомъ горяча, то разводится холодною, что еще больше отнимаетъ силы у нея. Ванна № 1 дѣлаетъ большое исключеніе: природный жаръ ея воды можно вытерпѣть: вода постоянно въ 37° Реомюра. Больной спускается въ ванну по тремъ высѣченнымъ въ скалѣ ступенькамъ; какъ только опуститъ ногу въ ванну, то въ первое мгновеніе покажется ему, что обваритъ ее; но какъ только сядетъ въ нее, то мгновенно выступаетъ испарина и ему легче становится дышать. Въ ваннѣ можно высидѣть не больше восьми или десяти минутъ. Вышедъ изъ ванны, больной ложится въ боковой комнатѣ на деревянную широкую скамейку, выпиваетъ нѣсколько стакановъ этой горячей воды, послѣ чего потъ катится градомъ. Вода чиста, прозрачна, но заключаетъ въ себѣ столько сѣры, что, когда ванщики подставятъ деревянные кресты подъ протокъ воды, то въ два или три дня эти кресты покрываются сѣрою въ палецъ толщиною и получаютъ видъ каменныхъ крестовъ. Стаканъ самаго чистаго стекла тускнетъ мгновенно отъ этой воды. Въ комнатѣ воздухъ такъ напитанъ сѣрнымъ газомъ, что серебряные эполеты, пуговицы въ минуту желтѣютъ; даже серебряная монета въ кошелькѣ, въ моемъ карманѣ, пожелтѣла. Послѣ каждой ванны растягивалъ я боль-

ную ногу насколько могъ и уже послѣ пятой ванны чувствовалъ и слышалъ, какъ больное мѣсто хрустѣло и постепенно вытягивалось; послѣ двадцати ваннъ я могъ носкомъ больной ноги дотрогиваться земли. Вода сильно подѣйствовала и на желудокъ. Лебединскій былъ въ восторгѣ, а у меня, по возвращеніи домой, начинались обмороки. Докторъ увѣрялъ, что это къ лучшему и что надобно взять еще двадцать ваннъ; наконецъ, я такъ ослабѣлъ, что почти двигаться не могъ; нервы разстроились до высшей степени; тогда обратился я къ другому врачу и, къ счастью моему, попалъ на отличнаго.

Нетолько мнѣ, но и всему семейству моему, оказалъ Карлъ Христіановичъ Рошеръ величайшія услуги; онъ исполнялъ свои обязанности не изъ одной любви къ наукѣ, но также изъ любви къ ближнему. Постоянно вспоминаю его я съ особеннымъ чувствомъ благодарности. Онъ учился въ Дерптѣ, въ университетѣ, на казенный счетъ; не имѣвъ никакого посторонняго покровительства, онъ, по окончаніи курса, назначенъ былъ уѣзднымъ лекаремъ въ Тару, Тобольской Губерніи. Прилежно сталъ онъ учиться русскому языку, самъ отыскивалъ бѣдныхъ больныхъ въ городѣ и въ округѣ, лечилъ безвозмездно, излечивалъ отъ труднѣйшихъ болѣзней, такъ что молва о немъ разнеслась по пустыннымъ мѣстамъ Сибири и дошла до Тобольска. Генерал-губернаторъ И. А. Вельяминовъ вызвалъ его въ Тобольскъ, гдѣ кругъ дѣятельности его расширился въ городѣ и въ обширной городской больницѣ. Когда на границахъ Сибири, въ Оренбургской Губерніи, появилась холера, то Рошеръ былъ туда отправленъ для наблюденія и пользованія; губительная болѣзнь не проникла въ Сибирь. Когда Вельяминову дали другое назначеніе, то онъ поручилъ Рошера брату своему, А. А. Вельяминову, командовавшему войсками на кавказской линіи; съ того времени Рошеръ дѣйствовалъ постоянно въ Пятигорскѣ. Онъ запретилъ мнѣ брать Александровскія ванны; далъ мнѣ три недѣли отдыха, потомъ предписалъ ванны Сабанѣевскія, коими я пользовался до іюля мѣсяца.

Пятигорскъ зимою отличается безлюдностью и тишиною, а въ половинѣ мая переполняется пріѣзжими: посѣтители, большею частью, изъ нашихъ степныхъ губерній, очень немного изъ обѣихъ столицъ, а всего больше было офицеровъ кавказскаго корпуса. Достовѣрно, что минеральныя воды въ Пятигорскѣ, въ Желѣзноводскѣ, въ Кисловодскѣ не уступаютъ въ цѣлительности никакимъ другимъ водамъ въ цѣломъ мірѣ; природная лабораторія даетъ имъ такую температуру, что не нужно разводить ихъ; для различныхъ болѣзней есть источники различной

теплоты. Если городъ и число жителей увеличились недовольно скоро и значительно, то причиною тому не минеральныя воды, не врачи мѣстные, не климатъ, но далекое разстояніе, неудобства на пути. Кромѣ того, расходы почтовой гоньбы, пребываніе на водахъ стоютъ дороже, чѣмъ поѣздка по желѣзной дорогѣ въ Баден-Баденъ или въ Виши и чѣмъ жизнь заграницей, гдѣ все дешевле и лучше. Пятигорскъ остается до сего времени лечебницею для кавказскихъ воиновъ и для жителей южной Россіи. Правительство содѣйствуетъ много къ пользѣ и къ украшенію города: оно построило огромный домъ для раненыхъ офицеровъ, больницы для солдатъ, купальни, ресторацію; гр. Орловъ-Денисовъ выстроилъ большой домъ для больныхъ и раненыхъ Донскаго Войска.

Въ Пятигорскѣ весьма разительна пестрота одежды, формы, моды, оттого что, кромѣ русскаго и европейскаго покроя, водится и азіатскій. По вечерамъ бульваръ наполненъ прогуливающимися; близь Николаевскихъ ваннъ играетъ военная музыка; тутъ я въ первый разъ услышалъ Норму. Офицеры въ черкесскомъ нарядѣ гарцуютъ на славнѣйшихъ черкесскихъ коняхъ. Разъ въ недѣлю бываютъ собранія, танцуютъ здоровые и больные, играютъ въ карты, какъ вездѣ. Машукъ служитъ хорошимъ мѣстомъ для прогулки; на самой вершинѣ эолова арфа издаетъ разстроенные звуки. Посѣтители охотно ѣздятъ за̀-городъ семь верстъ, въ шотландскую колонію. По возможности избѣгалъ я мѣстъ общей прогулки, потому что, при встрѣчѣ съ офицерами, я долженъ былъ каждый разъ останавливаться, иначе не могъ снять фуражки, какъ опираясь мышцами о двухъ костыляхъ: офицеры, идущіе на встрѣчу, стали сворачивать въ сторону или обращались назадъ, чтобы не встрѣтиться. Были встрѣчи и очень забавныя: передъ обѣдомъ, когда было мало гуляющихъ, пошелъ я съ дѣтьми по бульвару, по полукруглому обходу, къ Ермоловскимъ ваннамъ; мальчики мои въ черкесскихъ бешметахъ рѣзвились, шутили, бѣгали, а по другой сторонѣ широкой аллеи шли двѣ дамы прехорошенькія и разряженныя; одна изъ нихъ спросила: «служивый! служивый! чьи это дѣти?» — «Мои, сударыня!» отвѣтилъ я. — «Не можетъ быть!» сказала она. Другая дама, шедшая съ нею, дернула ее за мантилью и что̀-то шепнула ей на ухо; я невольно засмѣялся громко, поклонился и поблагодарилъ за откровенность. Она приняла меня въ солдатской шинели за дядьку-инвалида. Она была жена военнаго, знала, что старый солдатъ при дѣтяхъ есть славнѣйшая нянька, сбережетъ дѣтей, какъ глазъ свой, умѣетъ забавлять ихъ играми и сказками. Русскій солдатъ вездѣ хорошъ.

Военныя экспедиціи на Кавказѣ кончаются въ іюнѣ, въ лѣтній нестерпимый жаръ. Тогда пріѣхали нѣсколько изъ моихъ сибирскихъ товарищей: Нарышкинъ съ женою, Одоевскій; подъ осень прибыли Назимовъ, Вечелинъ, Валеріанъ Голицынъ, Кривцовъ, Цебриковъ; трое послѣднихъ были уже произведены въ офицеры и собирались въ отставку. Въ числѣ посѣтителей были замѣчательныя личности, съ которыми часто встрѣчался въ Пятигорскѣ и въ Желѣзноводскѣ. Генерал-адъютантъ графъ Ностицъ былъ боленъ безъ болѣзни; его тѣлосложеніе было самое крѣпкое, его мужество и отчаянная храбрость были испытаны и доказаны геройскими подвигами; казалось, здоровье было неразрушимо. Въ 1824 году, когда онъ командовалъ армейскимъ кавалерійскимъ полкомъ, когда зимою начальникъ штаба 2-й арміи, П. Д. Киселевъ, ѣхалъ по мѣсту расположенія полка, то графъ Ностицъ встрѣтилъ его на почтовой станціи при 20° морозу и представилъ ему ординарцевъ. Киселевъ принялъ ихъ, но приказалъ командиру при такомъ морозѣ на безпокоиться, сказавъ, что онъ въ этотъ разъ не осматриваетъ войска, и знаетъ, что на слѣдующей станціи расположена также часть его полка, гдѣ навѣрно все исправно. Генералъ на двухъ курьерскихъ тройкахъ, въ сопровожденіи полковника П. В. Абрамова и старшаго адъютанта своего Н. В. Басаргина поскакалъ дальше; гр. Ностицъ оставался на крыльцѣ. Каково же было удивленіе Киселева, когда, прибывъ на слѣдующую станцію, былъ опять встрѣченъ гр. Ностицомъ, который представилъ ему другихъ ординарцевъ. Какимъ образомъ могъ онъ перегнать курьерскія тройки зимою? Онъ при 20° морозу сѣлъ на лихого коня своего, и, по извѣстной ему проселочной дорогѣ, опередилъ генерала. Объ этомъ случаѣ упоминаю не какъ о подвигѣ, но какъ о доказательствѣ крѣпчайшаго сложенія и сильной воли. Я часто видался съ нимъ: въ бесѣдахъ, въ выходкахъ старался онъ поддерживать обычную свою живость и бодрость, но тайный червь точилъ его сердце. Чрезъ два мѣсяца по возвращеніи съ минеральныхъ водъ въ полтавское свое имѣніе, онъ скончался.

Генералъ Зассъ, страшилище черкесовъ, оставилъ по себѣ продолжительное воспоминаніе на Кавказѣ. Экспедиціи, атаки, бой—были для него забавою и потребностью, какъ травля для охотника, какъ вода для рыбы. Двѣ недѣли, проведенныя въ покоѣ, наводили тоску на него, возрождали болѣзнь, между тѣмъ, какъ неожиданный ночной набѣгъ и опасность вылечивали его въ минуту. Говорили, будто бы онъ преувеличивалъ опасности въ своихъ реляціяхъ и иногда тревожилъ напрасно; но достовѣрно, что онъ своею личностью наводилъ величайшій

страхъ на неустрашимыхъ черкесовъ. Въ храбрости его никто не сомнѣвался, но съ горцами иногда и не пренебрегалъ онъ различными хитростями: то притворяется больнымъ, лежа въ постели, окруживъ себя лекарствами, при завѣшенныхъ окнахъ, принимаетъ депутатовъ отъ горцевъ, говоритъ о дѣлѣ умирающимъ голосомъ и въ ту же ночь несется съ отборною дружиною и штурмуетъ ихъ аулъ. Въ другой разъ, когда онъ хотѣлъ выманить непріятеля въ значительномъ числѣ, онъ распустилъ слухъ о болѣзни своей, и чрезъ три дня приказалъ сдѣлать всѣ приготовленія къ подложнымъ похоронамъ; гробъ опустили въ могилу, изъ пушекъ стрѣляли возлѣ кладбища. Горцы, возрадуясь его смерти, собрались толпами въ назначенное сборное мѣсто, гдѣ умершій Зассъ на своемъ гнѣдомъ конѣ, съ летучимъ отрядомъ, обработалъ ихъ порядкомъ. Случилось, что одинъ изъ уполномоченныхъ депутатовъ отъ черкесскихъ обществъ, возвратившись въ свой аулъ изъ Прочнаго Окопа, главной квартиры Засса, умеръ скоропостижно, и враги распустили слухъ, что онъ былъ отравленъ по приказанію Засса; слухъ о такомъ злодѣйствѣ пробѣжалъ по всѣмъ ауламъ. Зассъ приказалъ объявить начальнику главнаго аула, что въ назначенный день отправитъ къ нимъ депутата отъ себя для объясненія этого дѣла. Черкесы собрались въ великомъ множествѣ и въ лицѣ депутата узнали самого Засса въ сопровожденіи одного только переводчика! Личное появленіе его безъ тѣлохранителей, краткое объясненіе дѣла уничтожили всякое подозрѣніе и еще болѣе увеличили страхъ и уваженіе горцевъ къ герою. Извѣстно, что черкесы, при пораженіи въ битвѣ, стараются выносить тѣла убитыхъ родныхъ и товарищей: однажды, въ жаркой битвѣ, черкесы бѣжали, казаки тѣснили ихъ въ самомъ близкомъ разстояніи; тогда Зассъ замѣтилъ смѣлаго черкеса, который, пренебрегая опасностью, влачилъ тѣло убитаго собрата и непремѣнно былъ бы взятъ въ плѣнъ. Зассъ остановилъ казаковъ, подскакалъ къ смѣлому черкесу, сказалъ ему, чтобы онъ спокойно вынесъ тѣло, и бросилъ ему кошелекъ свой на дорогу. Такимъ поступкомъ онъ внушалъ къ себѣ удивленіе дикаго врага, который, по его неустрашимости, видѣлъ въ немъ человѣка заколдованнаго. Глаза Засса были всегда налиты кровью отъ постояннаго воспаленія; раны его не мѣшали ему безпрестанно воевать; раздробленная ступня ноги поддерживалась перевязкою; любимымъ оружіемъ его былъ кинжалъ, а конь его гнѣдой какъ пойдетъ шагать, то весь отрядъ слѣдуетъ не иначе какъ рысцою. На кавказской линіи помнятъ сотни геройскихъ подвиговъ Засса. Послѣ недолгой отставки, дали ему дивизію или

отрядъ во время войны въ Венгріи; по окончаніи ея онъ опять вышелъ въ отставку; его элементъ былъ Кавказъ, а не Европа.

Когда я пріѣхалъ на Кавказъ, то войсками на всей линіи командовалъ А. А. Вельяминовъ, бывшій начальникъ штаба у Ермолова. При знаніи края, военнаго искусства, имѣлъ онъ необыкновенное хладнокровіе и спокойствіе, которое иногда при важныхъ и опасныхъ случаяхъ выводило изъ терпѣнія Ермолова. Летаютъ депеши за депешой о вторженіи персіянъ, а онъ лежитъ себѣ на диванѣ и диктуетъ приказанія.—Онъ понравился императору Николаю своею прямотою: когда онъ въ Ставрополѣ представлялъ Царю свой штабъ, то нѣкоторыхъ изъ представлявшихся назвалъ по фамиліи, прибавилъ о полковникѣ Ольшевскомъ, что тотъ—правая его рука, а объ остальныхъ сказалъ—«а фамилій этихъ господъ я и самъ не знаю».—Много имѣлъ онъ странностей: въ экспедиціяхъ двѣнадцать верблюдовъ носили его кухню; онъ любилъ хорошо покушать. Все, что онъ покупалъ, все, что заказывалъ, непремѣнно должно было состоять изъ одной или изъ нѣсколькихъ дюжинъ: понадобится-ли перочинный ножикъ или сапоги, или что-нибудь изъ провизіи—то все это покупалось по дюжинѣ. На Кавказѣ оставилъ онъ память добрую, нетолько какъ опытный, хорошій военачальникъ, но какъ истинно добрый человѣкъ. Вскорѣ послѣ проѣзда Царя, онъ заболѣлъ и скончался. Фельдъегерь привезъ ему царскую награду—орденъ Владиміра 1-й степени—и засталъ его еще въ живыхъ. Вельяминовъ прочелъ рескриптъ и сказалъ:—«поздно!» Старшій адъютантъ корпуснаго штаба, Альбрантъ, воспѣлъ главныхъ вождей того времени на Кавказѣ: пародію извѣстной пѣсни въ память наполеоновскихъ войнъ и походовъ: «T'en souviens-tu? disait un capitaine».—Этотъ самый Альбрантъ командовалъ цѣпью застрѣльщиковъ близъ мыса Адлеръ, гдѣ въ битвѣ убитъ былъ А. А. Бестужевъ. Альбрантъ отличался пылкою храбростью: все впередъ да впередъ!

ВОСПОМИНАНІЕ ГОРСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ 1832 ГОДА ГРАФУ ЦУКАТО.

Не помнишь-ли, товарищъ славной брани,
Когда мы шли, неся и смерть, и страхъ,
Когда ударъ могучей русской длани,
Вздрогнувъ, позналъ нашъ непокорный врагъ?
Когда, дрожа со страхомъ передъ нами,
Свободы знамя горецъ преклонилъ,
Когда у насъ горючими слезами,
Какъ робкій рабъ, пощады онъ просилъ.
Не помнишь-ли, какъ на скалахъ Галгая
Нашъ громъ за сводомъ дальнихъ облаковъ

Гремѣлъ и, горы грозно потрясая,
Борьбу небесныхъ прерывалъ громовъ?
Забылъ-ли ты, когда Мюратъ кавказскій,
Нашъ храбрый *Зассъ*, летя впередъ съ мечемъ,
Въ Герменчукѣ насъ велъ на приступъ адскій
И взялъ завалъ, въ окопъ влетя орломъ?
Не помнишь-ли, товарищъ мой прекрасный,
Когда въ лѣсу, средь неприступныхъ скалъ,
Нашъ злобный врагъ готовилъ пиръ ужасный
И дерзко звалъ на гибельный завалъ;
Когда пошли—и бездны задрожали,
Вольховской велъ тогда со славой насъ;
Тамъ каждый шагъ мы кровью обогряли,
Но смѣло шли—и страхъ склонилъ Кавказъ.
Не помнишь-ли, когда видъ горъ сердитый
Невольный страхъ на сердце наводилъ,
Когда Кавказъ, чалмою тучъ обвитый,
Стоялъ въ снѣгу, какъ грозный Азраилъ?
Забылъ-ли ты, когда мы кочевали
На снѣжномъ полѣ подъ шатромъ небесъ,
Когда мы въ тучахъ, какъ въ волнахъ стояли
И стлалась тьма, какъ гроба занавѣсъ?
Забылъ-ли ты, когда насъ *Розенъ* смѣлый
Чрезъ бездны въ бездну Гимрскую провелъ,
Когда кавказцамъ, воинъ посѣдѣлый,
Онъ новый лавръ побѣдой пріобрѣлъ?
Когда на льдистомъ темѣ Гимридага
Нашъ *Вельяминовъ* знамя водрузилъ
И въ пасти страшной Гимрскаго Оврага
Онъ колыбель злодѣевъ сокрушилъ?
Не помнишь-ли? но нѣтъ... я перестану,
Товарищъ мой, былое вспоминать;
Когда отъ бури жизни я устану,
Съ семьей родной дни буду доживать,
Прійди тогда, молю, въ мою ты хату,
Ее огнемъ любви ты озари;
Съ тобой молиться будемъ мы Пенату,
Любви святой воздвигнемъ алтари.

Въ семи верстахъ отъ Пятигорска находится шотландская колонія, такъ названная по первымъ туда переселившимся шотландцамъ, хотя бо̀льшая часть жителей изъ Виртемберга. Я познакомился съ однимъ изъ первыхъ переселенцевъ, съ пасторомъ Петерсономъ, жившимъ, какъ частный человѣкъ, безъ паствы, и занимавшимся садоводствомъ и шелководствомъ. Садъ его былъ превосходно расположенъ недалеко отъ подножія Бештау; горные потоки денно и нощно орошали садъ по всѣмъ напраленіямъ, по указанію хозяйскаго заступа; тамъ видѣлъ я кусты и штамбы алыхъ и бѣлыхъ розъ, вышиною въ двѣ и въ три сажени. Жители бо̀льшею частью занимаются земледѣліемъ и по сосѣдству съ городомъ выгодно сбываютъ свои произведенія,

плоды и овощи. Сначала боролись они съ великими затрудненіями, пока не привыкли къ климату, не приспособились къ почвѣ и къ сосѣдямъ; сверхъ того, черкесы часто ихъ тревожили, такъ что работникъ, слѣдуя за плугомъ, отправляясь изъ дому за сѣномъ или хлѣбомъ, всегда имѣлъ при себѣ заряженное ружье; въ полѣ и на покосѣ отдыхалъ въ полномъ вооруженіи. Часто уводили ихъ коней, угоняли рогатый скотъ и овецъ, пока, наконецъ, мѣры правительства и собственная ихъ опытность, не доставили имъ больше безопасности. Теперь рѣдко случается, въ три или четыре года разъ, что нѣсколько отважныхъ черкесовъ дѣлаютъ набѣги на Пятигорскъ или Кисловодскъ или ихъ окрестности. Отчаянные головорѣзы, какъ коршуны, спускаются на предмѣстье и, при первой тревогѣ, часто безъ всякой добычи, ускакиваютъ во свояси. Бо̀льшею частію они пользуются туманами, когда казацкіе телеграфы не могутъ передавать сигналовъ, или казаки не успѣютъ доскакать прежде непріятеля. Казачьими телеграфами называю выставленныхъ часовыхъ, по три человѣка вмѣстѣ, которые, соображаясь съ мѣстностью, устраиваютъ себѣ каланчу и сверху ея караулятъ по очереди. Конь караульнаго осѣдланъ и взнузданъ, а двое товарищей и кони ихъ отдыхаютъ до своей очереди. Днемъ, въ случаѣ тревоги, выставленныя вѣхи, клочки сѣна, или снопикъ сухой травы, или связка прутьевъ, передаютъ вѣсть отъ каланчи до каланчи, отъ пикета до пикета, до станицы, до города, куда приказано. Въ ночную пору, они въ мигъ зажигаютъ эти вязанки сѣна или сухихъ вѣтвей, и, по такому сигналу, команды уже въ готовности прежде, чѣмъ летучіе часовые успѣютъ доскакать и передать подробныя свѣдѣнія. Помню, какъ мой батальйонный командиръ, старый офицеръ съ 1812 года, всегда досадовалъ на Засса, когда, навѣщая Пятигорскъ или Кисловодскъ, принималъ уполномоченныхъ или старѣйшинъ отъ черкесовъ, которые, при этомъ случаѣ, вывѣдывали новыя тропинки и лѣсочки для будущихъ набѣговъ.

Въ шотландской колоніи познакомился я съ пасторомъ Ланге, членомъ базельской миссіи; онъ восемьнадцать лѣтъ съ вѣрою и любовью наставлялъ своихъ прихожанъ словомъ и примѣромъ. Случилось мнѣ встрѣчать добросовѣстныхъ и хорошихъ пасторовъ, но нигдѣ не видѣлъ человѣка, занимавшагося своею должностью такъ безкорыстно и исключительно. Онъ зналъ коротко всѣхъ прихожанъ своихъ, всѣ ихъ погрѣшности и недостатки. Дѣти, при немъ родившіяся, были имъ же обучаемы религіи; онъ же пріобщилъ ихъ таинству Св. Причащенія на семнадцатомъ году ихъ жизни и слѣдилъ за ними, какъ за родными

дѣтьми. Гдѣ не могъ дѣйствовать прямо и переступить за порогъ сокровенной домашней жизни, тамъ прибѣгалъ онъ къ своей каѳедрѣ и проповѣдывалъ по воскреснымъ днямъ въ молитвенномъ домѣ—церкви не было въ селеніи. Никогда не читалъ онъ проповѣди изъ книги или тетради, но, послѣ пламенной молитвы, говорилъ прямо изъ головы съ необыкновенною привлекательностью и съ полнымъ убѣжденіемъ. Онъ былъ женатъ, имѣлъ четырехъ дѣтей и въ домѣ своемъ былъ образецъ кротости и терпѣнія; онъ не держалъ ни лошади, ни коровы, довольствовался жалованьемъ отъ миссіи; а отъ прихожанъ получалъ самое умѣренное вспомоществованіе сельскими произведеденіями. Въ семейной жизни своей, въ обращеніи съ паствою я видѣлъ въ немъ знаменитаго Оберлина въ Вальдбахѣ, часто бесѣдовалъ съ нимъ объ этомъ незабвенномъ пасторѣ, умѣвшемъ распространять благо духовное и вещественное и въ тридцать лѣтъ преобразовать изъ общины нищихъ и развратныхъ людей общину нравственныхъ и богатыхъ гражданъ близь Мюльгаузена и Страсбурга. Ланге жалѣлъ, что здоровье его и дарованіе не позволяли ему руководить также работами прихожанъ своихъ. Колонія имѣла нѣкоторыя привилегіи, въ томъ числѣ право на винокуреніе; но, какъ нѣсколько членовъ его прихода предались пьянству или служили поводомъ къ распространенію гибельной страсти и всѣ его увѣщеванія оставались много лѣтъ тщетными, то объявилъ имъ, что онъ долженъ ихъ оставить, передать мѣсто достойнѣйшему, который сдѣлаетъ имъ больше добра. Если пожелаютъ, чтобы онъ оставался у нихъ, то соглашается съ однимъ только условіемъ, чтобы они отказались отъ привилегіи курить вино. Вещественная выгода одержала верхъ; напрасны были мольбы и желанія благочестивыхъ семействъ: Ланге возвратился на родину въ Лозанну.

Въ Тифлисѣ навѣстилъ я собрата Ланге, пастора Дитрихса, мужа среднихъ лѣтъ, но преждевременно посѣдѣвшаго отъ неимовѣрно напряженныхъ трудовъ. Онъ также былъ членъ базельской миссіи, выучился восточнымъ языкамъ, перевелъ Евангеліе на нѣсколько нарѣчій для просвѣщенія магометанъ. Миссія купила домъ въ Шушѣ, устроила типографію; печатали книги духовнаго содержанія; опытные миссіонеры словомъ и дѣломъ распространяли слово Божіе, находили прилежныхъ учениковъ, обращали въ христіанство; какъ вдругъ, вслѣдствіе навѣтовъ и зависти, дано было повелѣніе закрыть типографію и прекратить дѣйствіе миссіонеровъ. Изъ нихъ у пастора Ланге встрѣтилъ я миссіонера Зарембу, ревностнаго служителя Бога и ближнихъ. Онъ безъ ропота ждалъ новаго назначенія изъ Базеля и,

когда получилъ предписаніе ѣхать въ Константинополь, то на другой же день отправился въ путь, готовъ былъ идти на край свѣта, къ дикарямъ, лишь бы служить Богу по данному обѣту, для чего и добровольно сложилъ съ себя графское достоинство. Всѣ они не знали нѣги и прихотей, довольствовались самою умѣренною пищею, скромною одеждою, сберегая казну, составленную для общаго блага. Въ нихъ видимо выказывалась сила вѣры; они съ вѣрою соединяли отличное образованіе. Можетъ быть, удачное дѣйствіе миссіонеровъ въ Закавказьи, особенно между персидскими армянами, также послужило поводомъ къ неудовольствію на корпуснаго командира, тогда же смѣщеннаго.— Послѣ я узналъ, что Ланге умеръ на родинѣ, а Дитрихсъ пріобрѣлъ въ Москвѣ любовь и довѣренность новаго прихода.

Въ концѣ іюня, бо̀льшая часть пользовавшихся сѣрными ваннами въ Пятигорскѣ переѣхали, по совѣту докторовъ, кто въ Желѣзноводскъ, кто въ Кисловодскъ, кто въ Сентуки, къ водамъ щелочнымъ. Мы поѣхали въ Желѣзноводскъ, шестнадцать верстъ отъ города: помѣщеніе было тамъ тѣсное въ небольшихъ домикахъ у подошвы горы. Отъ источника № 1-го вдоль покатости горы, ведетъ широкая тропинка къ остальнымъ десяти источникамъ. Густая тѣнь орѣшника, кизиля, клёна и береста даетъ постоянную прохладу; по сторонамъ дорожки поставлены скамейки; посѣтители должны непремѣнно встрѣчаться, потому что нѣтъ другой дорожки, а лѣсъ въ такомъ дикомъ и заросшемъ состояніи, что трудно пройти по немъ; къ тому же еще, онъ былъ опасенъ отъ множества большихъ змѣй. Молодой офицеръ преображенскаго полка Раевскій забавлялся змѣиною охотою и очень часто возвращался съ трофеями: на плечѣ, на концѣ палки висѣлъ добитый и обвитый змій, длиною въ двѣ сажени.— Желѣзныя воды чрезвычайно цѣлебны и укрѣпляютъ нервы; только не должно пользоваться ими безъ совѣта опытнаго врача. Воды различны по силѣ, теплотѣ и вкусу; я бралъ ванны № 7; чрезъ нѣсколько ваннъ, когда садился обѣдать, то казалось, что супъ пахнетъ желѣзомъ, хлѣбъ и булки—желѣзомъ, однимъ словомъ—всякое кушанье, а запахъ этотъ исходилъ изъ-подъ руки моей, когда подносилъ ко рту хлѣбъ и кушанье. Одинъ источникъ не имѣетъ купальни; онъ употребляется только для питья; вкусъ этой воды совершенно чернильный; она радикально дѣйствуетъ противъ глистовъ. Больныхъ помѣщалось не болѣе восьмидесяти человѣкъ, кромѣ солдатъ, имѣвшихъ свою больницу. Зимою живутъ здѣсь только сторожа. Въ Желѣзноводскѣ поплатился я за неосторожность, за нарушеніе докторскаго предписанія: я скушалъ ломтикъ арбуза и такъ заболѣлъ холериной,

аттестовалъ меня лучшимъ образомъ, но, по собственному своему побужденію, еще лично просилъ Императора за дѣтей моихъ, чтобы открыть имъ дорогу въ будущности. Въ отвѣтъ государь замѣтилъ ему:—«На то еще не настало время!»—а на представленіе Бенкендорфа отъ 10 января воспослѣдовало всемилостивѣйшее увольненіе меня вовсе отъ службы, съ тѣмъ, чтобы я жилъ безвыѣздно на родинѣ подъ надзоромъ полиціи.

Шуринъ мой, И. В. Малиновскій, первый сообщилъ мнѣ радостную вѣсть, переданную ему А. Н. Мордвиновымъ, начальникомъ III отдѣленія собственной канцеляріи императора. Чрезъ три дня, подтвердилъ мнѣ эту вѣсть мой прежній сослуживецъ В. М. Симборскій, которому начальникъ главнаго штаба П. Е. Коцебу писалъ, чтобы онъ меня увѣдомилъ о томъ прежде, чѣмъ бумага офиціальная успѣетъ дойти до Ставрополя и оттуда обратно въ Пятигорскъ, по обыкновеннымъ всѣмъ инстанціямъ чрезъ другого начальника штаба полковника Траскина. Комендантъ мой радовался за меня, поздравилъ съ освобожденіемъ отъ двойной бѣды и признался мнѣ, почему онъ такъ настоятельно уговаривалъ меня проситься въ отставку и почему онъ за меня крѣпко безпокоился.—Лѣтомъ, по окончаніи экспедиціи, прибылъ въ Пятигорскъ корпусный командиръ; на другой день былъ балъ въ залѣ рестораціи; комендантъ безотлучно находился при главномъ начальникѣ. Танцовали кадриль, и главнаго гостя поразили наружность и манеры офицера, танцовавшаго съ княжною Ухтомскою, почему и спросилъ коменданта: - «Кто танцуетъ напротивъ меня?»—«Это—прапорщикъ Голицынъ».—«Какой?»—«Который прежде служилъ въ преображенскомъ полку, въ 1826 г. былъ осужденъ и сосланъ въ Сибирь».—«А кто сидитъ въ другой парѣ и такъ громко бесѣдуетъ съ дамою своею?»—«Это—прапорщикъ Кривцовъ, который прежде служилъ въ гвардейской конной артиллеріи и также былъ сосланъ въ 1826 году.»—«А много ли всѣхъ такихъ господъ здѣсь?»—Комендантъ хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы быть мнѣ полезнымъ, и отвѣтилъ:—«Изъ произведенныхъ вновь въ офицеры есть еще одинъ только Цебриковъ, но изъ рядовыхъ находятся здѣсь Нарышкинъ, Одоевскій и еще одинъ, заслуживающій особеннаго вниманія:—онъ женатъ, имѣетъ большое семейство, а здоровье пропало и влачится на двухъ костыляхъ».—«Кто это?»—«Р.....»—«Какой Р., тотъ ли, который служилъ лейб-гвардіи въ финляндскомъ полку?»—«Тотъ самый».—«Его слѣдовало непремѣнно повѣсить».—Комендантъ сообщилъ этотъ разговоръ Траскину, который просилъ его не говорить мнѣ о томъ, чтобы не тревожить меня. Я благодарилъ Бога, что избавился отъ двухъ бѣдъ; только

не могъ объяснить себѣ, какимъ образомъ человѣкъ, на такомъ важномъ мѣстѣ, въ такихъ лѣтахъ, примѣрно богомольный, какимъ образомъ могъ онъ питать такую злобу, такое злопамятство? Какимъ образомъ вѣрноподданный не могъ простить помилованному самимъ императоромъ? Безъ сомнѣнія, тутъ скрывалось чувство другое: никому изъ подчиненныхъ не желаю быть свидѣтелемъ слабости или промаха, или ошибки своего начальника; въ такую минуту ему лучше было бы провалиться сквозь землю: честолюбивый или тщеславный начальникъ непремѣнно возненавидитъ такого свидѣтеля.

Февраля 4, праздновалъ я отставку мою, разрѣшенную въ Петербургѣ 10-го января; по командѣ, объявленіе дошло не раньше марта. Отъѣздъ мой отложенъ былъ до мая, по случаю распутицы и рожденія дочери моей Софіи. Всѣ эти три мѣсяца, послѣ великой радости, посѣтили насъ печаль и болѣзни. Въ концѣ марта появился коклюшъ въ городѣ и окрестностяхъ; болѣзнь такъ усилилась, что у всѣхъ дѣтей моихъ, при удушливомъ кашлѣ, текла кровь изъ носу и слезы смѣшаны были съ кровью. 3-го апрѣля, родилась вторая дочь моя Софья, а 10-го апрѣля, ея уже не стало—къ ней также присталъ коклюшъ. Между тѣмъ, у второго сына моего Кондратія сдѣлалось такое сильное воспаленіе въ боку, что всѣ старанія Рошера остались тщетными. 11-го приказалъ я рыть могилу для дочери; за полночь послалъ сказать могильщикамъ, чтобы рядомъ вырыли другую для сына. Уже за день передъ тѣмъ, докторъ далъ ему мускусъ, въ десять часовъ вечера едва примѣтно было дыханіе. Рошеръ ушелъ и не сказалъ ни слова. Женщина, ухаживавшая за больными, сказала мнѣ положительно:—Пусть мать и братья простятся съ нимъ.—Когда я приподнялъ край его одѣяла, то холодъ обхватилъ руки мои, какъ въ лѣтній жаръ, когда отпираешь дверь ледника, обдаетъ тебя ледянымъ холодомъ. Стало свѣтать, я погасилъ лампу; всѣ въ домѣ спали, кромѣ жены моей, которая все молилась. Солнце начало всходить, бабка и служанка собирались вымыть тѣло. Въ семь часовъ утра, замѣтилъ я малѣйшую блестящую точку на челѣ сына; чрезъ минуту блеснула другая, потомъ—лоснящаяся черта по всему челу. Послалъ за Рошеромъ, тотъ тихимъ голосомъ объявилъ:—«Есть признакъ жизни; не знаю—на долго-ли». На другое утро, когда докторъ еще засталъ его въ живыхъ, то объявилъ, что одинъ только смертельный холодъ могъ уничтожить такое сильное воспаленіе.

Апрѣля 13-го, похоронилъ я дочь на южномъ скатѣ Машука; съ могилки видны двѣ дороги: одна идетъ въ Кисловодскъ, другая—въ Желѣзноводскъ; влѣво отъ дорогъ течетъ въ плоскихъ

берегахъ Подкумокъ; дорога на родину заслонена солдатскою слободкою.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля прибылъ въ Пятигорскъ генералъ П. Х. Граббе, отправляясь въ знаменитую экспедицію подъ Ахулго. Мнѣ пріятно было воспользоваться случаемъ, чтобы съ нимъ увидѣться и благодарить его. Онъ радовался моей отставкѣ и что увидѣлъ меня въ черномъ сюртукѣ. Я не могъ не радоваться искренно, что, послѣ моего свиданія съ нимъ въ 1825 году, подъ стражею и въ худшихъ ожиданіяхъ, увидѣлъ его главнымъ начальникомъ славныхъ войскъ кавказской линіи. Граббе—одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, который во всю жизнь, въ различныхъ и очень трудныхъ обстоятельствахъ, никогда не измѣнялъ строжайшимъ правиламъ честности и благородства. Когда Барклай-де-Толли сдалъ армію въ 1812 году Кутузову, то передалъ ему списокъ генераловъ и офицеровъ, на которыхъ можно положиться; въ томъ числѣ онъ отмѣтилъ конно-артиллерійскаго подпоручика Граббе. Въ отечественную войну былъ онъ временно въ должности адъютанта у Ермолова. Отъ другого адъютанта слышалъ я, что А. П. Ермоловъ не любилъ М. И. Платова, и однажды, когда онъ въ бесѣдѣ всячески ругалъ его, вбѣжалъ ординарецъ съ объявленіемъ, что пріѣхалъ атаманъ. Алексѣй Петровичъ вскочилъ на встрѣчу съ распростертыми объятіями, называлъ его благодѣтелемъ своимъ, отцомъ роднымъ и наговорилъ ему тысячу похвалъ. Граббе, бывъ свидѣтелемъ этой сцены, въ ту же ночь написалъ письмо своему генералу, изложилъ ему, что, послѣ вчерашняго двуличнаго поступка его, онъ уже болѣе не можетъ оставаться при немъ, и уѣхалъ въ главную квартиру штаба всей арміи.—Послѣ отечественной войны, Граббе командовалъ лубенскимъ гусарскимъ полкомъ: бригадный командиръ приказалъ ему собрать въ манежъ всѣхъ офицеровъ верхами, и, когда объявилъ, что хочетъ видѣть одиночную ѣзду ихъ, что̀ въ то время не было въ обыкновеніи, то Граббе приказалъ отпереть ворота и скомандовалъ:—«Господа офицеры, по домамъ, маршъ-маршъ!» — За это отняли у него полкъ и назначили въ другой, гдѣ полковой командиръ былъ моложе его въ чинѣ. Онъ написалъ кн. П. М. Волконскому, бывшему тогда начальнику главнаго штаба, что можно его разжаловать, но, по тогдашнему чиноначалію и чинопочитанію, нельзя его, какъ старшаго полковника, оставить подъ командою младшаго. Императору Александру I это было представлено въ хорошую минуту; онъ улыбнулся и велѣлъ перевести его въ другой полкъ, къ самому старому полковнику — въ сѣверскій конно-егерскій, полковника С. Р. Лепарскаго. Я уже упомянулъ

выше, какъ онъ, бывъ въ заточеніи въ крѣпости, велъ себя въ слѣдственной коммиссіи, почему онъ не попалъ въ ссылку. — Въ турецкую войну 1827 года, онъ съ казаками, въ лодкахъ, поплылъ къ Рущуку, подъ перекрестнымъ огнемъ непріятеля съ обоихъ береговъ, и оказалъ чудеса храбрости. — На манёврахъ подъ Вознесенскомъ, въ 1837 году, онъ уже командовалъ 2 драгунскою дивизіей. Императоръ былъ такъ доволенъ имъ и дивизіей, что на парадѣ подалъ ему руку, сказавъ: «Теперь все старое забыто!»—Въ томъ же году замѣнилъ онъ А. А. Вельяминова на кавказской линіи, гдѣ онъ вникалъ въ малѣйшія подробности для пользы солдатъ. Замѣтивъ, что батальйонъ куринскаго полка подошелъ къ Подкумку и что солдаты сняли сапоги, чтобы пройти въ бродъ, и узнавъ, что солдаты на этомъ мѣстѣ часто переправлялись по прямому сообщенію изъ Горячеводска въ Пятигорскъ, онъ приказалъ начальнику строительной части, полковнику Чайковскому, немедленно построить мостъ для пѣшеходовъ. Полковникъ отговаривался, что при всѣхъ прежнихъ начальникахъ края никогда тутъ не было моста. — «Здоровье людей для меня дороже всѣхъ прежнихъ обыкновеній; чтобъ мостъ былъ готовъ какъ можно скорѣе, у васъ есть матеріалъ готовый».—Въ двѣ недѣли мостъ былъ готовъ и, навѣрно, многимъ солдатамъ и обывателямъ спасъ здоровье.—На Кавказѣ дѣйствія его были затрудняемы командиромъ кавказскаго корпуса Головинымъ, которому въ различныхъ случаяхъ подчиненъ былъ начальникъ войскъ на кавказской линіи. Послѣ имѣлъ онъ важныя порученія по личной довѣренности императора Николая въ Константинополѣ и въ Вѣнѣ, отличился на войнѣ въ Венгріи, оборонялъ балтійское прибрежье въ крымскую войну. Императоръ Александръ II назначилъ его атаманомъ донскихъ казаковъ, чтобы привести въ порядокъ запутанное земельное устройство и все управленіе краемъ, и въ награду заслугъ возвелъ его въ графское достоинство. Всегда отрадно сердцу, когда такой человѣкъ занимаетъ важное мѣсто; онъ могъ имѣть неудачи, особенно въ сраженіяхъ, отъ несвоевременнаго прибытія отдѣльныхъ частей, отъ вялаго исполненія приказаній подчиненными, но онъ нигдѣ и никогда не поступалъ противъ совѣсти и чести.

Хотя коклюшъ все продолжался у дѣтей моихъ, но докторъ Роннеръ совѣтовалъ мнѣ какъ можно скорѣе выѣхать, бывъ увѣренъ въ облегченіи отъ перемѣны воздуха; погода была теплая, и 1 мая пустились мы въ далекій обратный путь. Въ Ставрополѣ остановился я на одинъ день, тутъ я видѣлся съ В. М. Голицынымъ; онъ вышелъ въ отставку и послѣ переселился въ

Тульскую Губернію. Еще навѣстилъ я родственника жены моей, генеральнаго штаба полковника Ѳ. П. Сокатскаго, начальника съемки, человѣка весьма начитаннаго и прилежнаго ученика Дидро, Вольтера и Руссо.

Дорогою я не зависѣлъ отъ станціонныхъ смотрителей, вѣчныхъ враговъ всѣхъ проѣзжающихъ; я ѣхалъ на собственныхъ лошадяхъ, на долгихъ, и съ большимъ семействомъ, могъ останавливаться, гдѣ и сколько хотѣлъ. Въ хорошихъ селахъ, при удобномъ помѣщеніи, имѣлъ дневки; жена моя все такъ устраивала, что вездѣ было всѣмъ спокойно и хорошо. Скоро приблизились мы въ границѣ Кавказской Области и простились съ Кавказомъ.

Слишкомъ 140 лѣтъ гремитъ оружіе русское въ ущельяхъ и на высотахъ кавказскихъ горъ, чтобы покорить разноплеменныхъ обитателей, незначительныхъ числомъ, но сильныхъ въ бою, неодолимыхъ за твердынями неприступныхъ горъ; иначе русскій штыкъ уже давно совершилъ бы завоеваніе.—Правда, что сначала война была непостоянна, набѣги совершались до Кубани, до Терека; иногда незначительные отряды войскъ переправлялись чрезъ Кавказъ на защиту грузинъ противъ персіянъ и горцевъ; но въ послѣдніи пятьдесятъ лѣтъ не щадили ни людей, ни денегъ и имѣли еще важную выгоду, что, въ 1801 году, манифестомъ императора Павла, вся Грузія присоединена была къ Россіи безъ боя, по волѣ и по безсилію послѣдняго царя ея Георгія. Мы давно уже владѣемъ равнинами по сю сторону Кавказа; владѣнія наши по ту сторону горъ въ Закавказьи простираются дальше прежней границы Персіи, а все еще Кавказъ не нашъ: ни путешественникъ, ни купецъ, ни промышленникъ не посмѣетъ ѣхать за линію безъ воинскаго прикрытія, безъ опасенія за жизнь свою и за свое имущество. Имена Зубова, Лазарева, кн. Циціанова, Котляревскаго, Ермолова, Паскевича и Розена напоминаютъ намъ длинный рядъ блестящихъ и геройскихъ подвиговъ, коихъ было бы достаточно для покоренія многихъ государствъ, но оказались безполезными до сихъ поръ противъ горцевъ, дикарей. До Ермолова наша военная сила была незначительна въ тѣхъ странахъ; она увеличивалась при особенныхъ важныхъ экспедиціяхъ только временно. Ермоловъ имѣлъ постоянно не больше 40,000 войска, но мастерски владѣлъ этою силою, умѣлъ быстро направить ее куда нужно было, держалъ враговъ въ непрестанномъ страхѣ; одно имя его стоило цѣлой арміи. Нынѣ съ линейными казаками у насъ больше 110,000 воиновъ на Кавказѣ постоянно; мы хотя и подвигаемся въ завоеваніяхъ, но медленно, ненадежно и дорого. Кажется, что са-

ное начало покоренія было неправильное; мы подражали прежнему образу дѣйствій: какъ Пизарро и Кортесъ, перенесли мы на Кавказъ только оружіе и страхъ, содѣлали враговъ еще болѣе дикими и воинственными, вмѣсто того, чтобы приманить ихъ въ завоеванныя равнины и къ прибрежью рѣкъ различными выгодами, цвѣтущими поселеніями. Англичане также стрѣляютъ ядрами и пулями въ индѣйцевъ и въ китайцевъ, но привозятъ къ нимъ, кромѣ огнестрѣльнаго оружія всякія орудія для для выгоднаго труда, торговлю, образованіе, вѣру и, по доказанному опыту, еще вѣрную надежду на будущее благосостояніе. Россія также старалась дѣйствовать мирными средствами: она по обѣимъ сторонамъ Кавказа поселила иностранныхъ колонистовъ, но въ маломъ объемѣ; она впослѣдствіи стала селить женатыхъ солдатъ и отставныхъ, по военной дорогѣ въ Кабардѣ; но поселенія эти служатъ не приманкою, а угрозою и страшилищемъ. Кто исчислитъ всѣ жертвы, кои государство ежегодно приноситъ людьми и деньгами! Эти значительныя пожертвованія уже не позволяютъ отстать отъ начатого дѣла; кромѣ того, Кавказъ намъ нуженъ въ будущности для сообщеній торговыхъ. Много горцевъ уже поступили въ подданство Россіи; они извѣстны подъ названіемъ *мирныхъ черкесовъ*: этимъ людямъ слѣдовало дать всевозможныя льготы и выгоды, оставить имъ пока ихъ судъ и расправу, не навязывать имъ нашихъ судей и исправниковъ. Благосостояніе покоренныхъ и добровольно покорившихся горцевъ доставило бы намъ въ нѣсколько лѣтъ больше вѣрныхъ и прочныхъ завоеваній, чѣмъ сто тысячъ воиновъ и сто милліоновъ рублей могли бы то совершить. Пока непокорившіеся горцы видятъ, что покорные намъ братья ихъ ведутъ жизнь не лучше непокорныхъ, до тѣхъ поръ будутъ они противиться до послѣдней крайности. Въ ермоловское время офицеры кавказскіе терпѣть не могли *мирныхъ*; они ненавидѣли ихъ хуже враждебныхъ черкесовъ, потому что они переходили и измѣняли безпрестанно, смотря по обстоятельствамъ, куда влекли ихъ страхъ или корысть, или месть. Нынѣ, однако, мы уже имѣли нѣсколько примѣровъ, что даже фанатизмъ, изувѣріе Кази-муллы, побѣжденнаго Розеномъ подъ Гимрами, изувѣріе Гамзатъ-бека и Шамиля, не могли склонить всѣхъ *мирныхъ* къ измѣнѣ противъ Россіи.

Для окончательнаго обзора кавказскихъ дѣлъ, тутъ будетъ кстати упомянуть о совершившемся покореніи Кавказа въ 1859 и 1864 году.

Съ 1828 года въ кавказскихъ племенахъ оказался религіозный и политическій переворотъ. Мюридизмъ, фанатическое от-

родіе ислама, сталъ распространяться между всѣми племенами лѣваго фланга Кавказа. Мулла-Магометъ посѣялъ мюридизмъ по всему Дагестану, гдѣ любимымъ сподвижникомъ его былъ Кази-мулла. По смерти Кази-муллы на завалахъ въ Гимрахъ, мюридизмъ загнанъ былъ въ горы, гдѣ Гамзатъ-бекъ въ три года соединилъ всѣ племена подъ одну духовную власть. По умерщвленіи Гамзатъ-бека, душою мюридизма сталъ Шамиль, также сподвижникъ и ученикъ муллы-Магомета и врагъ самый грозный и опасный.

По адріанопольскому трактату утвержденъ былъ за Россіей восточный берегъ Чернаго Моря. Для поддержанія тамъ нашей власти, надобно было покорить черкесскія племена, почему съ 1832 до 1839 года главныя силы кавказскаго корпуса, состоявшаго во все это время подъ начальствомъ барона Г. В. Розена, обращены были съ восточной части горъ противъ западной, со стороны Кубани и Чернаго Моря. Военныя дѣйствія эти подписаны были самимъ императоромъ, назначившимъ мѣста на картѣ и даже срокъ семилѣтній для окончательнаго покоренія. Но тутъ скрывалась важная ошибка, потому что завоеваніе Западнаго Кавказа не составляло главнаго условія покоренія. Событія 1854 года ясно доказали ошибочность предначертанія — ограждать наше владѣніе со стороны Чернаго Моря. — Мюридизмъ, между тѣмъ, усиливался въ Лезгистанѣ и заставилъ въ 1839 году перевести войну опять съ западной стороны на восточную. По распоряженію изъ Петербурга, П. Х. Граббе приступомъ взялъ Ахульго, резиденцію Шамиля, который бѣжалъ въ Шатой, и вскорѣ вся Чечня, до того времени нейтральная, признала власть Имама. Тогда отдѣльныя экспедиціи въ горы оказались безполезными. Ермоловъ дѣйствовалъ противъ разъединенныхъ горцевъ; баронъ Розенъ также, но долженъ былъ, сверхъ того, бороться съ ужаснѣйшимъ врагомъ—съ фанатизмомъ; и, кромѣ того, былъ еще связанъ предписаніями военнаго министра. При начальствованіи на Кавказѣ Головина и Нейтгарта, горцы отбили у насъ Аварію, Койсобу, взяли девять укрѣпленій, такъ что во всемъ Дагестанѣ остались за нами только Темиръ-Ханъ-Шура и укрѣпленіе Низовое. Эти обстоятельства заставили императора Николая назначить туда главнокомандующимъ князя М. С. Воронцова, неохотно согласившагося принять эту должность. Его переименовали въ намѣстники, удвоили, даже утроили кавказскую армію, и Воронцовъ началъ дѣйствовать уже не по прежнему порядку, не отдѣльными отрядами, а по своей системѣ; онъ взялъ Сальту, Дарго, резиденцію Шамиля, какъ вдругъ нежданная война крымская отторгла главную силу кавказской арміи,

состоявшей слишкомъ изъ 200,000 солдатъ и поглощенной вдругъ раздѣленіями на отдѣльные отряды, по случаю начавшейся внѣшней войны. Устарѣвшій Воронцовъ смѣненъ былъ Н Н. Муравьевымъ, котораго вся дѣятельность и способность обращены были войною на Азіатскую Турцію, а не на Кавказъ; народная молва прозвала его *Карскимъ* за взятіе Карса, за единственную побѣду въ эту несчастную войну. — Н. Н. Муравьевъ былъ долго въ опалѣ послѣ манёвровъ подъ Вознесенскомъ, лишенъ почетнаго званія генерал-адъютанта и вышелъ въ отставку. Въ 1848 году былъ вновь принятъ въ службу, командовалъ гренадерскимъ корпусомъ, назначенъ снова генерал-адъютантомъ и удостоенъ былъ довѣренностью царя: онъ составляетъ рѣдкое исключеніе, за то имѣлъ множество отличныхъ достоинствъ.

По окончаніи крымской войны на мѣсто Н. Н. Муравьева назначенъ былъ князь А. И. Барятинскій, который рѣшительными мѣрами взялъ Гунибъ, взялъ въ плѣнъ знаменитаго Шамиля и покорилъ всю восточную часть Кавказа въ 1859 году. Князь Барятинскій, по причинѣ болѣзни, сдалъ свою должность намѣстника великому князю Михаилу Николаевичу, покорившему весь остальной Кавказъ и положившему конецъ продолжительной и упорной борьбѣ съ горскими племенами въ 1864 году. Справедливость велитъ еще назвать здѣсь генераловъ графа Евдокимова и барона Александра Врангеля, которые, каждый по своему, усердно содѣйствовали въ послѣднее время къ прекращенію войны, изведшей много храбрецовъ и много денегъ въ теченія болѣе полустолѣтія. [1]

Война на Кавказѣ ожидаетъ подробнаго описанія чудныхъ геройскихъ подвиговъ русскихъ витязей кавказскихъ, отличившихся не одною только личною храбростью, но и высокимъ мужествомъ и самоотверженіемъ, какъ напримѣръ артиллеріи прапорщикъ Потемкинъ въ войнѣ новѣйшаго времени противъ Шамиля [2].

Потомство не забудетъ сподвижниковъ; потомство соберетъ плоды съ земли, орошенной кровью храбрыхъ, и съ лихвою возвратитъ несмѣтныя суммы, издержанныя предками на завоеваніе Кавказа!

Приступая къ прерванной нити моихъ повѣствованій, желаю Кавказу красоваться не одною природою своею, но и благосостояніемъ всѣхъ жителей. Теперь, въ 1875 году, когда перечитываю строки эти, на Кавказѣ уже открыта желѣзная дорога отъ Поти до Тифлиса.

[1] Смотри «60 лѣтъ кавказской войны» Р. Ѳадеева, 1860.
[2] Смотри Русскій Вѣстникъ 1872 года.

ГЛАВА XVI.

Отъ Дона до Балтійскаго моря.

Піявицы.—Донъ.—Ростовъ на Дону.—Славянскъ.—Каменка.—Святыя Горы.—Чугуевъ.—Гр. А. А. Аракчеевъ.—Военное поселеніе.—Харьковъ.—Черниговъ.—Могилевъ.—Полоцкъ.—Бѣлоруссія.—Гарай.—Шоссе и телеграфъ.—Псковъ.—Сороковой боръ.—Кярово.—Нарва.

По землѣ донскихъ казаковъ дорога была хороша, но версты показались мнѣ длиннѣе обыкновенныхъ, по сравненію со скоростью ѣзды: на ночлегѣ узналъ я, что, дѣйствительно, со времени Екатерины II тамъ верстовые столбы врыты были на разстояніи 700 саженъ.

Близъ берега рѣчки Вонючаго Ерлыка, на постояломъ дворѣ, обѣдали трое нѣмцевъ изъ Гамбурга; они пріѣхали на почтовыхъ, чтобы закупить піявокъ. Они послѣ обѣда вытащили изъ крытой длинной брички нѣсколько деревянныхъ боченковъ, наполненныхъ піявками; чрезъ каждые три дня, они промываютъ ихъ, перемѣняютъ воду и выбрасываютъ пропавшихъ, что дѣлалось у нихъ съ изумительною быстротою: по наклонному плоскому желобку съ водою, они движеніемъ пальцевъ пропускали каждую отдѣльно, и здоровыхъ бросали въ особенный боченокъ со свѣжею водою. Боченки были сдѣланы изъ тончайшихъ шелёвокъ, также и посуды для промыванія, кои они укладывали одну въ другую, какъ походные стаканчики. Жители окрестныхъ деревень приносили имъ при мнѣ въ мѣшечкахъ по нѣскольку фунтовъ піявокъ; крестьяне этою продажею ежегодно выручаютъ столько денегъ, что могутъ уплатить ими казенныя подати. За фунтъ піявокъ получали по 50 копеекъ серебромъ, въ фунтѣ было до 200 штукъ; такъ что эти нѣмцы промышленники продавали ихъ въ Гамбургѣ и въ Парижѣ по франку за штуку, и такимъ образомъ, за исключеніемъ всѣхъ путевыхъ издержекъ, получали на каждый рубль десять рублей барыша. Они ѣздятъ за этимъ товаромъ даже за кавказскую линію: должно полагать, что въ Европѣ уменьшилось количество піявокъ или употребленіе ихъ стало гораздо значительнѣе, или распространились болѣзни, требующія такого рода кровопусканія.

Когда подъѣхалъ къ Дону, то не узналъ въ немъ ту-же рѣку, чрезъ которую, за два года передъ тѣмъ, переѣхалъ по временному мосту, наведенному для проѣзда царя. Донъ выступилъ изъ береговъ, имѣлъ видъ обширнаго озера; новый берегъ былъ

въ 13-ти верстахъ отъ постояннаго берега при Аксаѣ. Изъ воды выглядывали макушки верстовыхъ столбовъ съ цифрами 12, 11, 10. Перевозчики и кормчій безмолвствовали; я обратился къ послѣднему съ вопросомъ:—«Скажи пожалуйста, на Волгѣ я слышалъ славную пѣсню о матушкѣ-Волгѣ, вѣрно у васъ есть также пѣсня своя для вашего *тихаго* Дона, дай послушать!»—«Была своя пѣсня, и пѣли мы въ свое время, когда у насъ плавали кораблики донскіе, а нынѣ уже лѣтъ двадцать, какъ не слыхать этой пѣсни!»—Въ концѣ царствованія Александра I были сдѣланы измѣненія въ быту донскихъ жителей. Въ Аксаѣ развалины большихъ каменныхъ домовъ придаютъ станицѣ видъ печальный и разоренный.—Больныя дѣти мои утомились отъ переправы; третій сынъ мой Василій былъ еще очень боленъ; мы спѣшили къ ночлегу въ Ростовъ на Дону, чтобы на всякій случай имѣть лекаря и лекарство.

Здѣсь имѣли дневку; больному стало лучше безъ помощи аптеки. Городъ обширенъ, нѣкоторыя улицы хорошо обстроены, на берегу складочные магазины. Здѣсь сосредоточивается главная торговля на Дону, здѣсь склады товаровъ, запасовъ и снарядовъ для корпусовъ Закавказья. Хозяинъ нашей квартиры, отставной чиновникъ, много разсказывалъ о злоупотребленіяхъ откупщиковъ питейнаго сбора, подрядчиковъ и поставщиковъ провіанта, и о фабрикантахъ фальшивыхъ ассигнацій.—Хорошій городской извощикъ отвезъ меня въ Нахичевань, въ двухъ верстахъ отъ Ростова; тамъ, въ церковной оградѣ, близь алтаря, былъ я на могилѣ генерала барона Владиміра Ивановича Розена, отца бывшаго корпуснаго командира на Кавказѣ. Заслуженный воинъ, въ царствованіе Екатерины II, былъ главнокомандующимъ войсками, расположенными по Дону и по кавказской линіи. Два сына его и дочь поставили ему скромный памятникъ. Городокъ Нахичевань населенъ большею частію армянами. Ростовъ богатъ различными заводами, имѣетъ верфь и примѣчательную ярмарку. Судовщики жаловались на обмелѣніе Дона: это—общій недостатокъ нашихъ рѣкъ, изливающихся въ моря Азовское и Черное. По необозримымъ равнинамъ, воды не имѣютъ довольно стоку, и русло запружается со временемъ все болѣе и болѣе; весною воды выступаютъ изъ плоскихъ береговъ своихъ, разливаются далеко и потомъ, когда стекаются обратно въ свою ложбину, то съ береговъ приносятъ песку и земли и заливаютъ русло; еще способствуютъ къ тому множество водяныхъ мельницъ съ своими плотинами и гребнями. Такъ Донецъ, притокъ Дона, на большомъ протяженіи бываетъ судоходенъ

только отъ луганскаго завода во время половодія въ продолженіе только нѣсколькихъ недѣль въ году.

Путь нашъ велъ по безконечнымъ степямъ чрезъ Бахмутъ, Екатеринославской Губерніи. Взору представлялись все луга, овчарни или кошары.

Поздно вечеромъ пріѣхали въ Славянскъ; на Тарцѣ не было моста; паромъ стоялъ у другого берега, и не могли докричаться перевозчиковъ. Воротиться на ночлегъ въ постоялый дворъ, пришлось-бы ѣхать назадъ слишкомъ шесть верстъ; за мною остановились съ кладью извощики; они увѣряли, что товарищи ихъ переѣхали рѣку въ бродъ, но что они отстали отъ нихъ. Я забылъ урокъ путевой въ Александровѣ, близь Пятигорска, гдѣ на мосту, близь водяной мельницы, лѣвая пристяжная лошадь сорвалась у перилъ и свалилась въ рѣку, а лѣвая дышловая повисла на нашильникахъ, кои пришлось перерѣзать, чтобы удержать коляску на мосту.—Я приказалъ Евтуху отстегнуть коня черкесскаго и на немъ переправиться чрезъ рѣку ломанною линіей, чтобы провѣрить бродъ; конь мѣстами шелъ въ водѣ по брюхо, однако дошелъ до другого берега, а также и вернулся ломанною линіей; всѣ мы зорко примѣчали направленіе; и такъ пустились въ бродъ, и дружнымъ крикомъ достигли берега; къ счастью, не попали въ яму или на камень.—Славянскъ имѣетъ пустынный видъ, похожъ на Тару и на Ачинскъ, солитъ водою, засыпаетъ нескомъ, наводитъ тоску, но зато знаменитъ по цѣлительной силѣ своихъ соленыхъ озеръ; туда съѣзжаются ежегодно много больныхъ и получаютъ исцѣленіе совершенное, особенно страждущіе золотухою во всѣхъ возрастахъ. Славянскъ вывариваетъ соль, имѣетъ купальни и военную больницу, устроенную генераломъ Панютинымъ.

Отрадно было свиданіе съ родными въ Каменкѣ. Здѣсь засталъ я В. Д. Вольховскаго въ отставкѣ; онъ въ деревнѣ не зналъ праздности, вставалъ рано, учился англійскому языку, читалъ много и готовился управлять имѣніемъ жены своей по правиламъ раціональнаго хозяйства. Въ Каменкѣ я прожилъ шесть счастливыхъ недѣль: дѣти мои поправились здоровьемъ; три семейства—моего шурина, моего свояка и мое—жили въ огромномъ домѣ; душою дома была наша добрѣйшая тетка Анна Андреевна Самборская. Я видѣлъ Каменку въ полной красотѣ ея и всѣхъ ближайшихъ родныхъ жены моей; недоставало только шурина моего, Андрея Васильевича Малиновскаго, который, за нѣсколько дней до нашего пріѣзда, уѣхалъ въ Крымъ и не хотѣлъ насъ опечалить выставкою жалкихъ развалинъ мужа, котораго, въ 1825 году, всѣ знали по примѣрной твердости, по

богатству знаній и по всѣмъ возможнымъ задаткамъ на пользу отечества. За 14-ое декабря онъ долго содержался подъ арестомъ на Охтѣ, былъ оправданъ, оставался на службѣ въ гвардейской конной артиллеріи, участвовалъ въ турецкой войнѣ, откуда вернулся больной въ Каменку, гдѣ находился подъ полицейскимъ надзоромъ—и въ бездѣйствіи сокращалъ и окончилъ жизнь свою преждевременно и жалко...

Какъ хорошо и прекрасно ни было въ Каменкѣ, а все надо были разстаться съ лучшими родными и съ прелестною мѣстностью благословенной страны. Отъ меня зависѣлъ выборъ мѣста жительства; жена моя владѣетъ третьей частью Каменки почему-же предпочелъ я Украйнѣ уголокъ сѣвера, мѣстность плоскую, почву безплодную, болотную—Эстляндскую Губернію? Она—моя родина! Тутъ, на берегу Варяжскаго Моря, потомки рыцарей меченосцевъ давно уже забыли вѣковыя войны и своеволіе, а сохранили твердость духа, вѣрность данному слову и постоянное стремленіе къ истинной образованности. Религіозность и честность составляютъ отличительную черту ихъ характера. Меня манили вдаль нетолько любовь къ родинѣ, но и гражданское устройство людей вольныхъ.

На другой день ночевали мы въ Чугуевѣ, гдѣ расположенъ былъ штабъ поселенія перваго кавалерійскаго корпуса. Городъ, опрятнѣйшій, но до крайности однообразный: дома выстроены по цѣлымъ улицамъ по одинаковому плану, въ равномъ разстояніи, съ одинаковыми фасадами; все напоминаетъ неподвижный строй солдатъ. Въ концѣ города, въ большихъ зданіяхъ, окруженныхъ садомъ, находится больница, содержанная въ величайшемъ порядкѣ. Военное поселеніе поддерживается, хотя въ началѣ его учрежденія были важныя сопротивленія и кровавыя возмущенія. Такіе же случаи повторялись позднѣе въ Новгородской Губерніи, пока, наконецъ, опытъ указалъ на невозможность и невыгоду такого предпріятія. Графъ Аракчеевъ, по примѣру австрійскаго пограничнаго войска и самобытнаго состава и содержанія нашего донскаго войска, представилъ, по собственному желанію Александра I, проектъ, въ коемъ изложены были средства имѣть всегда въ готовности многочисленную армію, для пополненія коей не нужно брать рекрутъ и на содержаніе коей не нужно ни одной копейки. Такое предложеніе, малѣйшая возможность исполненія были заманчивымъ сокровищемъ единодержавному вѣнценосцу, и въ такое время, когда онъ вмѣшивался во всѣ политическія дѣла Европы, когда онъ готовъ былъ двинуть свои войска и въ Италію, и въ Испанію, когда многочисленныя арміи поглощали главнѣйшіе доходы государства. Еслибы этотъ

проектъ былъ сперва разсмотрѣнъ свѣдущими лицами, то, безъ сомнѣнія, былъ-бы отвергнутъ, даже еслибы исполненіе не представляло никакихъ затрудненій, то по неминуемымъ вреднымъ послѣдствіямъ. Барклай де-Толли былъ рѣшительно противъ основанія военныхъ поселеній. Государь согласился на предложеніе усерднаго, но не дальновиднаго слуги и далъ ему полную власть распорядиться. На сѣверѣ съ пѣхотою, на югѣ съ конницею, начались опыты первоначальныхъ поселеній. Несмѣтныя суммы денегъ были отпускаемы министромъ финансовъ Гурьевымъ по требованіямъ Аракчеева; временщикъ надменный иногда на лоскуткѣ бумаги, оторванной отъ конверта, писалъ свои требованія министру для выдачи нѣсколькихъ милліоновъ рублей. Строгость и точность, при начальномъ поселеніи солдатъ, были невыносимы; офицеры бѣдные, не избалованные, не могли выдержать такой службы, при коей ежедневно должны были вмѣшиваться въ семейную жизнь поселенцевъ, записывать каждую курицу, считать каждое яйцо, наказывать за малѣйшее отступленіе отъ аракчеевскихъ предписаній. Они начали выходить въ отставку изъ военнаго поселенія, потому что переводъ въ дѣйствующую армію былъ имъ отказанъ; а когда изъ отставки стали опредѣляться въ гражданскую службу, то Аракчеевъ принялъ мѣры, чтобы никто изъ вышедшихъ въ отставку изъ военнаго поселенія не былъ принятъ ни въ какую службу ни военнаго, ни гражданскаго вѣдомства. Разумѣется, что неудовольствія возростали съ трехъ сторонъ: у офицеровъ, у государственныхъ крестьянъ и у вооруженныхъ постоянныхъ сокзартирантовъ. Послѣдствіемъ общаго неудовольствія были кровавыя позорища въ Старой Руссѣ, гдѣ злоба и месть не знали мѣры, и крестьяне и солдаты ужаснымъ образомъ рѣзали, мучили, сажали живыхъ на колъ изъ главныхъ своихъ начальниковъ. Можно себѣ представить, какой оборотъ приняло-бы такое возстаніе, еслибы поселенія были учреждены въ нѣсколькихъ смежныхъ губерніяхъ. Это случилось въ 1832 году.

Въ концѣ 1826 года, Аракчеевъ уже самъ убѣдился опытомъ въ несбыточности своего предначертанія: $^{7}/_{8}$ изъ общаго числа поселенныхъ солдатъ продолжали получать содержаніе отъ казны; только $^{1}/_{8}$ часть производила для собственнаго своего пропитанія. Дѣти мужскаго пола, родившіяся въ округѣ поселеннаго полка, не могли замѣнить рекрутъ и пополнить въ полку число убылыхъ солдатъ. Кромѣ того, государство лишилось доходовъ съ земель государственныхъ, отведенныхъ подъ поселеніе, и подушной подати отъ крестьянъ, перечисленныхъ въ военное по-

селенія. Крестьяне-поселенцы были повсюду недовольны—и на сѣверѣ, и на югѣ.

Съ кончиною Александра I кончилась власть Аракчеева. Всѣ трепетали предъ нимъ, всѣ боялись его, никто не любилъ его. Бывало, когда собирался государственный совѣтъ, съ предсѣдателемъ своимъ княземъ Лопухинымъ, то по цѣлымъ часамъ выжидалъ пріѣзда Аракчеева; тогда всѣ члены вставали съ поклономъ и не садились, пока онъ не сядетъ. Обхожденіе его было самое грубое; бывъ военнымъ министромъ во время войны въ Финляндіи, онъ подло поступилъ съ гр. Буксгевденомъ и оклеветалъ его, какъ оказалось по формальному судопроизводству. Александръ I, занятый преимущественно дѣлами европейскими, предоставлялъ ему дѣла въ Россіи: онъ былъ совершенно увѣренъ въ его преданности. Аракчеевъ жилъ уединенно, никакихъ не имѣлъ общественныхъ связей, ни семейныхъ, ни дружественныхъ; къ тому, былъ вполнѣ безкорыстенъ, не просилъ для себя никакой награды или денегъ, и что было ему подарено царскими щедротами императора Павла, то, по завѣщанію, возвратилъ казнѣ. Въ 1825 году, былъ случай, заставлявшій усомниться въ безусловной преданности и любви его къ императору: любимая его домоправительница или ключница была умерщвлена прислугою, выведенною изъ терпѣнія ея строгостью и причудами; тогда Аракчеевъ предался такому отчаянію, что забылъ царственнаго друга, который, самъ больной, звалъ его къ себѣ въ Таганрогъ, чтобы тамъ утѣшать его. Для обоихъ пробилъ послѣдній часъ: исторія безпристрастная воздастъ каждому по дѣйствіямъ и заслугамъ, лѣтъ чрезъ 50, за большую премію по завѣщанію Аракчеева, и, кажется, Аракчеевъ заплатитъ за похвалу себѣ 1/8 и за нареканіе 7/8 выставленной суммы. Уже давно не стало Аракчеева; при Николаѣ I онъ ничего не значилъ и жилъ въ Грузинѣ, какъ схимникъ; но память о немъ такъ еще жива въ народѣ, что недавно слушалъ споръ двухъ извощиковъ, изъ которыхъ одинъ одержалъ верхъ и заставилъ молчать другого, сказавъ ему вмѣсто логическихъ доводовъ: «Ну что ты толкуешь? что ты знаешь? вотъ я, напримѣръ, видалъ графа Аракчеева и пережилъ его!»

Въ началѣ водворенія военнаго поселенія чугуевскаго, были случаи сильнаго сопротивленія поселянъ. Генералъ Коробкинъ употребилъ самыя рѣшительныя мѣры, громилъ толпу картечью, былъ вынужденъ къ тому обстоятельствами и безвинно подпалъ нареканію отъ высшаго начальства. Генералъ Лисаневичъ употребилъ кроткія мѣры и убѣжденія, не имѣвшія успѣха, и также подвергнулся нареканію. Гр. Аракчеевъ самъ прискакалъ на

курьерскихъ изъ Петербурга: изъ Харькова отправилъ фельдъегеря къ Лисаневичу съ предписаніемъ принять немедленно рѣшительныя мѣры къ приведенію непокорныхъ въ повиновеніе. На четвертый день послѣ фельдъегеря прибылъ самъ Аракчеевъ и, къ великому неудовольствію своему, нашелъ, что Лисаневичъ не понялъ его словъ «рѣшительныя мѣры», и сказалъ: «Я вамъ покажу, какъ слѣдовало бы дѣйствовать». Въ селеніи по направленію отъ Петровскаго къ Балаклеѣ, собраны были зачинщики и вліятельнѣйшія лица изъ недовольныхъ, а чтобы поселяне изъ крестьянъ и солдаты поселенные не могли имѣть стачки между собою, то солдаты расположены были лагеремъ въ 20 верстахъ отъ селенія. Аракчеевъ, въ присутствіи многочисленной свиты, лично допрашивалъ ослушниковъ, утверждавшихъ, что безъ вѣдома Государя милостиваго отняли у нихъ прежніе ихъ луга и поля и заставляютъ ихъ же косить эти луга и обрабатывать эти поля для войска. Въ числѣ зачинщиковъ предстали шесть человѣкъ изъ отставныхъ унтер-офицеровъ, украшенныхъ цѣлымъ рядомъ медалей и крестовъ за походы Суворова и за достославную отечественную войну 1812 года. Аракчеевъ увѣщевалъ ихъ именемъ Государя, и обращаясь къ нимъ, какъ къ лицамъ заслуженнымъ и привыкшимъ къ воинской дисциплинѣ, требовалъ отъ нихъ, чтобы они уговорили введенныхъ въ заблужденіе братьевъ. Они увѣряли въ своей безпредѣльной привязанности Царю, но изъявили сомнѣніе, чтобы мѣра несправедливости согласна была съ волею царскою. Тогда Аракчеевъ, не бывъ въ состояніи разувѣрить ихъ, приступилъ къ угрозамъ. Два батальйона были вытянуты въ одну линію; онъ въ послѣдній разъ увѣщевалъ ихъ и объявилъ, что, если они немедленно не образумятся и не покорятся, то прогонитъ ихъ шпицрутенами сквозь строй: «Ваше превосходительство! сказалъ одинъ изъ ветерановъ, георгіевскій кавалеръ, унтер-офицеръ Чернявскій: — мы стояли подъ пушками турокъ и двадесяти языковъ и не боялись смерти, не побоимся ея и теперь за правое дѣло». Свидѣтели изъ свиты поражены были твердостью Чернявскаго, спокойствіемъ въ лицѣ, спокойною, разумною рѣчью и прослезились. Эти подробности слышалъ я отъ подполковника А. Т. Дабина, бывшаго тогда молодымъ офицеромъ уланскимъ и на ординарцахъ. Аракчеевъ при себѣ велѣлъ прогнать сквозь строй ослушниковъ. Чрезъ каждое прогнаніе и истязаніе чрезъ тысячу человѣкъ, приказывалъ остановить ихъ и спрашивалъ, покоряются ли они? Или не было никакого отвѣта, или измученнымъ голосомъ послышался отвѣтъ отрицательный. Опять прогнали чрезъ батальйонъ, и опять напрасно. Пять человѣкъ лишились

жизни подъ ударами. Чернавскій прошелъ десять разъ и замертво былъ отвезенъ въ больницу, въ Балаклею, гдѣ умеръ чрезъ нѣсколько дней, не испустивъ ни единаго вздоха, ни единой жалобы на личное страданіе свое. Аракчеевъ могъ бы удалить или сослать такихъ заслуженныхъ ослушниковъ и, вѣроятно, достигъ бы своей цѣли усмиренія. Шпицрутены и смертная казнь усмирили толпу, но видно, что тутъ была и личная жестокость, которая явно высказалась, когда, въ 1825 году, поваръ зарѣзалъ его ключницу-любовницу и онъ, на колѣнахъ стоя, умолялъ адъютантовъ своихъ Фрикена и Б. К. Тизенгаузена объ открытіи убійцы. Цѣлыя недѣли томился онъ отчаяніемъ и пылалъ местью; отпустилъ себѣ бороду, забылъ отечество, забылъ приглашеніе царственнаго Благодѣтеля — спѣшить къ нему въ Таганрогъ. Въ домовой церкви просилъ онъ громко о выдачѣ ему убійцы. Наконецъ, убійца признался; осень была морозная; на дворѣ, подъ окномъ разъяреннаго всемогущаго временщика, засѣкли убійцу въ нѣсколько пріемовъ, и во все это время Аракчеевъ не отходилъ отъ окна и впивался въ истязаніе.

Убійство совершено было изъ мести повара; дочь или сестра его 17 лѣтъ находилась въ услуженіи у ключницы, ревновавшей къ ней, безпрестанно привязывалась къ ней напрасно, подвергала ее даже тѣлеснымъ наказаніямъ, къ неудовольствію домохозяина. Наконецъ, лопнуло терпѣніе отца или брата, и въ роковой день, когда ключница послѣ обѣда отдыхала на диванѣ, раздѣтая и покрытая шелковымъ голубымъ одѣяломъ, подкрался поваръ съ острымъ ножемъ и перерѣзалъ ей горло. По этому дѣлу, много прислужниковъ, свидѣтелей, недовольныхъ были сосланы въ Сибирь въ работу.

Въ Харьковѣ остановились на цѣлый день. Городъ—одинъ изъ самыхъ примѣчательныхъ губернскихъ городовъ, пятый во всей имперіи по своимъ торговымъ оборотамъ, отличается хорошими зданіями, университетомъ, гимназіями, частными учебными заведеніями, институтомъ и ярмарками; на кои собираются, какъ въ средоточіе, купцы изъ Великой, Малой, Новой и Бѣлой Россіи. Неправильность улицъ, площадей нисколько не вредитъ наружному виду, который, напротивъ того, много выигрываетъ отъ мѣстности неровной, отъ высотъ окрестныхъ, отъ трехъ рѣчекъ маловодныхъ. Ботаническій садъ содержанъ съ большимъ стараніемъ: кромѣ тропическихъ произрастеній, разведенныхъ въ теплицахъ, есть много примѣчательныхъ деревьевъ, кустовъ, травъ, растущихъ подъ открытымъ небомъ, пересаженныхъ изъ разныхъ странъ сѣверныхъ и южныхъ. Дѣти мои обрадовались, увидѣвъ знакомыя имъ растенія по изображеніямъ на картинкахъ. Услуж-

ливый ботаникъ слѣдилъ за нами и былъ очень доволенъ, когда я въ маленькомъ деревцѣ, вышиною въ два фута, узналъ сибирскій кедръ и разсказалъ ему о видѣнныхъ мною кедровыхъ лѣсахъ. Этотъ экземпляръ былъ ему присланъ Турчаниновымъ изъ Иркутска. Харьковскій университетъ славился ученостью своихъ профессоровъ. Еслибы студенты всѣхъ университетовъ, вмѣстѣ съ запасомъ учености, выносили бы также запасъ нравственныхъ достоинствъ, то всѣ наши университеты ежегодно доставляли бы намъ тысячу полезнѣйшихъ граждань. На бѣду, отличнѣйшій врачъ, ученѣйшій правовѣдъ, безъ нравственныхъ началъ, могутъ быть торгашами жизни и правосудія. Желательно и необходимо увеличить число педагоговъ и наставниковъ въ частныхъ и въ общественныхъ воспитательныхъ заведеніяхъ. Между отличнѣйшими учителями изъ чужихъ странъ получали прежде и очень много посредственныхъ и даже негодныхъ; а теперь—недостатокъ и въ своихъ, и въ чужихъ.

Изъ Харькова поворотили въ сторону отъ почтовой дороги, ведущей въ Полтаву, и поѣхали на Ахтырку, на Гадячъ и Нѣжинъ. Почва земли—все та же черноземная, пронзращающая до сего времени безъ всякаго удобренія. Во многихъ селеніяхъ и усадьбахъ землевладѣльцевъ видѣлъ я значительные селитренные заводы; бурты расположены, какъ бараки, въ лагерномъ порядкѣ.

Въ Черниговской Губерніи видѣли большія поля, засаженныя табакомъ, какъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ такія же пространства засаживаются картофелемъ. Городъ Нѣжинъ примѣчателенъ своими жителями, которые бо̀льшею частью все греки; городъ имѣетъ лицей, основанный княземъ Безбородко. Черниговъ примѣчателенъ своею древностью и бѣдностью. При въѣздѣ въ городъ, вы видите на возвышенности бывшее каменное зданіе безъ оконницъ, съ развалившеюся желѣзною крышею, съ большою надписью золотыми буквами «домъ генерал-губернатора». Сначала жилъ въ немъ князь Репнинъ, переѣхалъ потомъ въ Полтаву, а преемники его должности стали жить постоянно въ Харьковѣ, гдѣ общественная жизнь предлагаетъ больше удобствъ и развлеченій. Не знаю, почему забросили генерал-губернаторскій домъ въ Черниговѣ? Стѣны казенныя, плотныя пригодились бы для помѣщенія больницы или учебнаго заведенія, или запаснаго магазина. Городъ на хорошей судоходной рѣкѣ, на Деснѣ; но я не видѣлъ на ней ни единаго судна или катера. Дома деревянные, ветхіе, обнаруживаютъ бѣдность и разореніе. Въ соборѣ видѣлъ царскія врата предъ алтаремъ изъ чистаго литаго серебра—подарокъ гетмана Мазепы; тамъ же, въ

подземном своде поклонился мощам святого Игоря и был поражен величиною гигантской руки его. Церковный служитель заметил, что ныне мало усердных поклонников св. мощей приходят к ним, особенно с тех пор, как странники преимущественно ходят в Воронеж к гробу Митрофания.

Переправившись чрез Днепр, мы въехали в Белоруссию. Могилев—довольно значительный город, хотя число жителей уменьшилось после перемещения главной квартиры 1 армии. Воспоминанием того времени остались большой экзерцир-гауз и просторная больница. На Десне находится и местечко Гомель где на высоком берегу достраивался дворец князя Паскевича; жители окрестностей были недовольны управителями нового владельца и вспоминали былое время, когда они принадлежали графу Румянцову. Паскевич купил это огромное имение, заложенное в казну; чрез несколько лет, Николай I подарил ему весь долг в кредитные учреждения.

Один день провел я в Чечерске, в любимом месте пребывания графини Чернышевой: все здания были в полуразрушенном виде, парк в безпорядке. Майорат достался полковнику Кругликову, который женился на старшей наследнице, графине Софье Григорьевне, а прямой, единственный наследник, родной брат ея, граф Зах. Гр. Чернышев, был лишен всех прав состояния и сослан в Сибирь после 14-го декабря. В Чечерске только башня над воротами с большими боевыми часами содержана была в порядке; часы шли и звонили, и напоминали путешественнику, что время все уносит, унесет и учреждение майоратов или заповедных имений. Большия оранжереи красовались плодами; садовник рассказал мне, что графиня пила чай не иначе, как с собственными лимонами, кои были зрелее и ароматнее привозных. За несколько рублей купил я полную корзину персиков и абрикосов и получил в подарок красивейший букет цветов. Необитаемый дом, необитаемое поместье всегда приводят к печальным размышлениям. Да правда и то, что вся Белоруссия невольно наводит тоску: повсюду бедность, крестьяне изнурены, церкви и в праздник были пусты; тогда униаты снова возвращены были в православие и, хотя они не понимали прежней латинской обедни, но привязаны были к ней по привычке. Жители имели вид больной и недовольный; поля их были такия же тощия, как и стада их. В бывшем имении Сапеги видны следы моста или деревянной бревенчатой мостовой, в длину на семь верст; с тех пор, как имение

въ рукахъ нѣсколькихъ помѣщиковъ, никто изъ нихъ или не хочетъ, или не можетъ поддерживать такую дорогу по болоту, и не понимаю, какъ тамъ проѣзжаютъ весною и осенью.

Уѣздные города и мѣстечки видомъ нелучше и небогаче деревень, но еще грязнѣе отъ жидовъ, отъ большинства жителей въ тѣхъ мѣстахъ. Безспорно, что жиды своими процентами и широкимъ кредитомъ разорили помѣщиковъ и крестьянъ, а какъ теперь уже болѣе нѣкого разорять, какъ имъ запрещено держать питейные дома и постоялые дворы на арендѣ, то и сами стали нуждаться. Городъ Шкловъ въ старину былъ знаменитъ своимъ богатствомъ, когда Екатерина II подарила его любимцу своему Зоричу; нынѣ городъ этотъ самый бѣдный и ничтожный. Вообще, Витебская Губернія немногимъ лучше Могилевской, только губернскій городъ обширнѣе, зданія гораздо лучше, улицы хорошо вымощены и Двина тамъ покрыта судами больше, чѣмъ Днѣпръ у Могилева.

Въ Полоцкъ пріѣхалъ я нѣсколько дней послѣ бывшаго тамъ пожара, уничтожившаго самую бѣдную, худо застроенную часть города. Двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я съ полкомъ стоялъ въ этомъ городѣ. Между тѣмъ, католическая церковь переименована была въ греко-россійскую. На томъ мѣстѣ, гдѣ стояли строенія іезуитскаго учебнаго заведенія, теперь находится полоцкій кадетскій корпусъ, съ обширнымъ плацпараднымъ мѣстомъ. Въ коридорной стѣнѣ видно ядро полевого орудія, до половины вошедшее въ стѣну; выше ядра вставлено число 1812 г. Тогда Витгенштейнъ прогналъ оттуда Французовъ. Старшій братъ мой Владиміръ, участвовавшій въ сраженіяхъ подъ Полоцкомъ и громившій тамъ изъ своихъ пушекъ, находился въ очень опасной позиціи противъ непріятельской батареи и далъ себѣ слово, если война оставитъ его въ живыхъ, то непремѣнно отыскать это мѣсто и на немъ помолиться и благодарить Бога. Чрезъ девять лѣтъ, онъ поѣхалъ въ Полоцкъ исполнить данное обѣщаніе, долго искалъ этого мѣста, и все тщетно: дорога была проведена по другому направленію, лѣсокъ и кустарникъ были вырублены, новыя строенія стояли на новыхъ мѣстахъ, и никакъ не могъ навѣрно опредѣлить мѣсто, на коемъ стояли его орудія. И я нашелъ перемѣны въ городѣ и въ окрестностяхъ, какъ иначе и быть не могло; только Двина попрежнему извивалась и носила барки съ хлѣбомъ и льномъ въ Ригу.

Земледѣльцы, за исключеніемъ немногихъ крестьянъ зажиточныхъ, подъ правленіемъ добрыхъ помѣщиковъ и небольшого числа однодворцевъ, борятся съ нуждою и съ песчаною почвою.

Нарѣчіе у нихъ особенное—бѣлорусское, и, хотя этотъ край, въ старину русскій, присоединенъ былъ опять къ Россіи въ 1772 году, но въ этотъ длинный промежутокъ времени нисколько не подвинулся впередъ въ благоустройствѣ и повсемѣстно выказывается крайняя бѣдность. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пронеслись у жителей ложные слухи, будто правительство дозволяетъ крестьянамъ помѣщичьимъ переселиться въ Сибирь или на Кавказъ, и многія тысячи изъ бѣднаго народа поднялись уже въ дорогу, какъ нѣсколько батальоновъ разувѣрили ихъ и обратили во свояси. Католическое духовенство никакого не имѣло полезнаго вліянія на паству свою—напротивъ того: поддерживало народъ въ невѣжествѣ и въ суевѣріи. Въ жителяхъ Бѣлоруссіи недостаетъ живости, нѣтъ торговой промышленности, нѣтъ тщательнаго земледѣлія; у нихъ безпрестанные неурожаи, безпрерывный голодъ; правда, что почва земли у нихъ не завидная, но такая же въ смежныхъ губерніяхъ вознаграждаетъ трудъ земледѣльца. Кажется, что они и земли своей не любятъ или что у нихъ нѣтъ охоты трудиться дома, между тѣмъ какъ я не знаю землекоповъ лучше бѣлорусскихъ: они—отличные канавщики, работаютъ скоро, отправляются на заработки въ Петербургъ и въ прибалтійскія губерніи, мастерски обкладываютъ земляныя насыпи дерномъ, а у нихъ въ губерніи, гдѣ есть и болотныя мѣстности, не видѣлъ я ни одной порядочной канавы.

Мнѣ случалось останавливаться у однодворцевъ, шляхтичей, обѣднѣвшихъ дворянъ, занимающихся лично всѣми сельскими работами: дома ихъ построены лучше крестьянскихъ, и, если они не живутъ въ довольствѣ, то, по крайней мѣрѣ, опрятно, не хуже мелкопомѣстныхъ дворянъ великорусскихъ, имѣющихъ не болѣе трехъ или пяти душъ, неработающихъ сами и скудно питающихся трудами своихъ крѣпостныхъ людей. Однодворцы были довольны своею землею, своимъ бытомъ, но жаловались только на частый и безъочередный наборъ рекрутъ изъ ихъ сословія, которое и безъ помощи усиленнаго рекрутства сольется со временемъ съ народомъ.

Съ переѣздомъ въ Псковскую Губернію увидѣли села гораздо обширнѣе и дома, гораздо лучше устроенные, чѣмъ въ Бѣлоруссіи. Большія пространства земель засѣяны льномъ, что составляетъ выгоднѣйшее произведеніе края и находитъ вѣрный сбытъ въ Ригѣ. На сотни верстъ не видать мѣстности, которая отличалась бы какимъ-нибудь привлекательнымъ видомъ; я ѣхалъ на Опочку: равнина, песокъ, болото, изведенный лѣсъ, обкусанный кустарникъ смѣнялись по очереди. Въ хорошую и въ ху-

дую погоду такія мѣста наводятъ тоску на путешественника. По такой мѣстности ѣхали мы долго и невольно жаловались на печальную природу. Вдругъ налѣво, вдали за кустарникомъ, показался стеклянный куполъ подъ зеленою желѣзною крышею; отъѣхавъ еще съ полверсты, могли видѣть плоскую крышу; потомъ показались верхній и нижній рядъ оконъ, а когда выѣхали изъ кустарника, мы ахнули отъ удовольствія. Домъ красивый, въ итальянскомъ вкусѣ, съ плоскою крышею, по коей прохаживались двѣ дамы; отъ большой дороги къ дому вела терраса въ три отступа, въ нѣсколькихъ мѣстахъ были сдѣланы широкія лѣстницы или ступени, выкрашенныя подъ бѣлый или подъ дикій мраморъ; бѣлизна лѣстницы и зелень свѣжаго дерна украшали себя взаимно; въ разныхъ направленіяхъ стояли невысокія колонны подъ разноцвѣтный мраморъ, а на колоннахъ большія корзины съ цвѣтами. Тутъ все дышало искуствомъ и вкусомъ: и домъ, и садъ, и насыпныя террасы. «Чье это имѣніе?» спросилъ я у перваго попавшагося на встрѣчу крестьянина. «Гаряйской барыни», былъ отвѣтъ. «А какъ зовутъ по фамиліи, по прозвищу?» — «Не знаю!» Мнѣ оставалось ѣхать двѣ версты до ночлега, гдѣ узналъ, что владѣлица была Марья Ивановна Лореръ, рожденная Корсакова. Деверь ея Н. И. Лореръ провелъ много лѣтъ со мною въ Читѣ, въ Петровскомъ, въ Курганѣ; Е. П. Нарышкина была ея родная племянница, и, какъ жена моя познакомилась съ нею еще въ Петербургѣ, то я тотчасъ поѣхалъ туда со старшимъ сыномъ моимъ. Сперва искалъ хозяйку въ саду, наслаждался порядкомъ въ саду, цвѣтниками, плодами, зашелъ въ оранжерею, гдѣ садовникъ объявилъ, что она только-что воротилась въ домъ. Умная, образованная женщина приняла меня чрезвычайно пріятно и ласково; бесѣда была оживленная, все устройство въ домѣ—былъ комфортъ образцовый; домъ и садъ свидѣтельствовали, что хозяйка долго жила въ Италіи. Вечеромъ, простившись съ нею, мнѣ стало грустно за нее. Она жила одинока въ этомъ домѣ, давно уже лишилась мужа, дѣтей не имѣла, воспитанницу выдала замужъ и осталась одна одинехонька; не было родной души, чтобы раздѣлить, раздѣлить то, что̀ Богъ послалъ. Наслѣдниковъ много, ожидающихъ наслѣдства, а никого нѣтъ, кто утѣшилъ и успокоилъ бы ея старость. Гаряй показываетъ, ка̀къ вкусъ и искуство превращаютъ самую плоскую мѣстность и болото въ мѣстность пріятную и красивую. Хоть на маломъ пространствѣ глазъ отдохнулъ отъ видовъ пустыхъ.

На другой день пріѣхали въ городъ Островъ, застроенный хорошими каменными и деревянными домами, съ правильными

фасадами и съ вымощенными улицами. Городъ въ 20 лѣтъ такъ поправился, что теперь узнать не могъ; причиною скорой перемѣны къ лучшему было проложеніе новаго шоссе на Ковно, доставившаго городу различныя выгоды отъ удобнаго сообщенія. Шоссейныя работы хороши и прочны; за Островомъ шоссе проведено чрезъ болото. Не далеко оттуда видѣлъ я первый телеграфъ въ Россіи: телеграфное сообщеніе устроено отъ Петербурга до Варшавы; четыре кантониста охотно показали мнѣ свою опрятную казарму съ хорошими кроватями. Особенный служитель готовилъ имъ пищу, а они дежурили по часамъ, по очереди и передавали съ башенки сигналы—днемъ, ворочая большого указателя по нумерованному кругу, а ночью—выставляя фонари. Въ совершенно ненастную и туманную погоду безмолствовалъ телеграфъ. Надъ казармою въ верхнемъ этажѣ чистая комната, мёблированная, а надъ нею обсерваторія съ машиною, куда не пускаютъ никого изъ постороннихъ. Не прошло десяти лѣтъ отъ учрежденія этой телеграфной линіи, какъ начали вводить электро-магнетическіе телеграфы, которые обходятся гораздо дешевле и дѣйствуютъ гораздо быстрѣе и вѣрнѣе.

Приближаясь къ Пскову, мы ѣхали по новому шоссе; лошадей пришлось удерживать на возжахъ, потому что дорога была такъ легка и хороша, что экипажъ катился какъ бы самъ собою; но странно—чѣмъ ближе подвигались къ городу, тѣмъ болѣе городъ удалялся въ сторону; загадка скоро объяснилась. Шоссе ведетъ не чрезъ Псковъ; это сдѣлано не для прямого направленія, не изъ бережливости казенныхъ денегъ, не для сокращенія дороги, потому что отъ станціи «Крестцы», подъ прямымъ угломъ, проложено прямо на Псковъ такое же широкое, славное шоссе на шесть верстъ.

Псковъ примѣчательно богатъ исторіей своей и воспоминаніями. Еще стоятъ толстыя стѣны Кремля, древнія церкви, изъ которыхъ, послѣ молитвы, народъ дружно собрался, и одинъ, безъ помощи старшаго брата Новагорода, защищался противъ Стефана Баторія, безъ помощи со стороны Іоанна Грознаго, которому онъ покорился безъ боя. Карамзинъ, въ приложеніи къ своей исторіи, упоминаетъ лѣтопись, описавшую съ величественною простотою, какъ царскій посолъ Долматовъ долго сидѣлъ на паперти и долго ждалъ отвѣта отъ собравшагося вѣча и какъ люди вольные, окончивъ свое совѣщаніе и не нашедъ никакой возможности сопротивляться, съ прерывающимся отъ слезъ голосомъ, возвѣстили послу, что покоряются. Новгородъ и Псковъ, въ старину знаменитые, ожидаютъ еще полной исторіи своей; вѣрные къ тому источники хранятся и въ архивахъ рус-

скихъ, и всѣхъ ганзейскихъ городовъ: Теперь эти города, съ прежнимъ Волховымъ и съ прежнею Великою, съ тою же землею, съ тѣмъ же климатомъ походятъ на разоренныя мѣстечки... Въ Псковѣ остановился я въ большомъ постояломъ дворѣ, занялъ хорошія комнаты, но экипажи и кони стояли въ крытомъ дворѣ, который легко помѣстилъ бы до трехсотъ лошадей; но крыша сквозила, не защищала ни отъ солнца, ни отъ дождя. Я спросилъ у хозяина: почему онъ не поддерживаетъ такихъ построекъ? «Труда не стóитъ, отвѣтилъ онъ: — не для кого; бывало, обозы и проѣзжающіе безпрестанно у насъ останавливались, а теперь все мимо, по цѣлымъ недѣлямъ ни души не видишь». При въѣздѣ въ городъ построены огромныя казармы для гренадерской дивизіи. Я объѣхалъ городъ, зашелъ въ соборъ, гдѣ церковный служитель показалъ мнѣ хранящіеся тамъ мечи Гавріила и Довмонта, съ надписью: honorem meum nemini dabo. Мало нынѣ такихъ могучихъ рукъ, которыя могли бы владѣть ими; зато теперь удачный залпъ изъ орудій, разсчитанное движеніе колоннъ, скорѣе и съ меньшимъ пролитіемъ крови, рѣшаютъ дѣло въ одинъ день, въ нѣсколько часовъ.

Въ Псковѣ навѣстилъ я мать моего достойнѣйшаго любви и уваженія товарища М. А. Назимова. Почтенная старушка была разбита параличемъ, лежала въ кровати; и, когда я подошелъ къ ней, чтобы поцѣловать ручку, то она обняла мою голову, склонила ее къ сердцу, заплакала и сказала:—«Такъ ты съ моимъ сыномъ жилъ въ Сибири!» и благословила меня. Я готовъ былъ возвратиться въ Грузію, еслибы могъ этимъ выручить товарища и возвратить его матери. Сынъ отличался нѣсколько разъ, поименованъ былъ въ военныхъ реляціяхъ, наконецъ, чрезъ три года получилъ отставку и вернулся на родину, но уже матери не засталъ.

Изъ Пскова поѣхали прямою дорогою на Гдовъ и Нарву. Первый ночлегъ имѣли въ монастырѣ Елизарія, расположенномъ весьма романтически: высокіе холмы, рѣчка, сосновая густая роща, церковь, кладбище—все вмѣстѣ и каждое строеніе на своемъ мѣстѣ составляли премилую картину. Настоятель принялъ насъ гостепріимно. На слѣдующій день имѣли въ виду огромное зеркало Псковскаго Озера, теряющагося вдали съ водами Чудскаго Озера. Поздно вечеромъ пришлось ѣхать по Сороковому Бору, о коемъ столько же преданій о разбойникахъ, сколько прежде бывало о нихъ въ лѣсахъ муромскихъ. Во время нашего проѣзда, въ самомъ дѣлѣ, слѣдили за шайкою бѣглыхъ, грабившихъ въ богатыхъ селеніяхъ; мы проѣхали благополучно, все шагомъ, все по песку.

Въ Гдовѣ помѣстили насъ въ залѣ дворянскаго собранія, въ предлинной залѣ, сколоченной изъ досокъ, обитыхъ обоями, съ высокимъ диваномъ во всю ширину зали для почетныхъ дамъ; мы кое-какъ размѣстились. Близъ города на другой день, ожидала насъ большая радость.—Въ шести верстахъ отъ Гдова находится Кярово, село графини А. И. Коновницыной; дочь ея, Е. П. Нарышкина, въ то время гостила у матери. Я пріѣхалъ къ нимъ поутру въ пятницу—въ тотъ день, въ который постоянно въ Курганѣ навѣщалъ ее по приходѣ почты. Можно себѣ представить нашу радость свиданія. Графиня жалѣла и бранила, почему не пріѣхалъ прямо къ ней со всемъ семейством; она давно уже знала жену мою и старшаго сына моего. Я обѣщалъ это поправить на другой день, проѣздомъ, и могъ извиниться болѣзнію сына моего Василія. Мнѣ пріятно было быть въ Кяровѣ, гдѣ изрѣдка отдыхалъ отъ трудовъ славный, прямой и смѣлый графъ Петръ Петровичъ Коновницынъ. Въ церкви поклонился я праху его; надъ могилою его стоялъ бронзовый его бюстъ. Въ большомъ саду всѣ яблони, покрытыя плодами, были взрощены имъ и супругою изъ зеренъ; на холмикѣ графъ воздвигнулъ небольшой памятникъ изъ гранита другу и сослуживцу. Коновницынъ прославился въ отечественной войнѣ, проходилъ всѣ чины, былъ военнымъ министромъ, а подъ конецъ продолжительной службы былъ директоромъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній; но что̀ всего важнѣе: онъ былъ всегда совершенно честный и благонамѣренный патріотъ.

Мѣстность вокругъ Гдова самая жалкая и печальная и напомнила мнѣ плоскія мѣстности Западной Сибири. Впрочемъ, стройте, сажайте, осушайте, болота, удобривайте поля, заводите хорошія стада, и окрестности Гдова поравнятся съ равнинами бельгійскими.—На другой день заѣхалъ опять въ Кярово со всѣмъ семействомъ; тамъ простились съ Нарышкиной, которая собиралась ѣхать обратно на Кавказъ, къ мужу.

Поздно вечеромъ пріѣхали въ Нарву и остановились на ночлегъ на сторонѣ Ивангорода. Съ удовольствіемъ я узналъ, что одинъ изъ прежнихъ моихъ учителей, г-нъ Паулъ, еще здравствуетъ и учитъ. Въ седьмомъ часу утра, до начатія классовъ, поѣхалъ къ нему, а кучеру приказалъ осмотрѣть тормазъ, чтобы безопасно спуститься съ крутой горы. Предостереженіе было напрасно: спускъ прежній былъ такъ срытъ и проведенъ, что можно было ѣхать рысью. Вмѣсто прежняго плавучаго моста, чрезъ Нарову былъ выстроенъ на аркахъ отличный каменный мостъ съ чугунными столбами и украшеніями. Городъ и дома имѣли прежній видъ. У дома знакомаго учителя постучал-

ся въ дверь, ее отперла служанка, Анна, которая служила у г-жи Гётте, гдѣ я былъ въ пансіонѣ, и три года сряду будила меня каждое утро въ шесть часовъ, чтобы не опоздать въ классы. За кофейнымъ столомъ сидѣла дѣвица, живой портретъ матери, а отецъ сидѣлъ на томъ самомъ стулѣ, у того же окна, съ тою-же пѣнковою трубкою, съ тѣмъ-же спокойнымъ и довольнымъ лицомъ, какъ прежде видалъ его за четверть столѣтія назадъ. Мы оба обрадовались свиданію, а я восхищался его постоянствомъ.—Я двѣнадцать лѣтъ даю уроки и чувствую, какъ они, а особенно повторенія одного и того-же предмета изводятъ и притупляютъ человѣка; онъ же сорокъ лѣтъ преподавалъ и повторялъ одно и тоже и совершенно сохранилъ свою бодрость, свою свѣжесть.—Отъ него узналъ, что бо̀льшая часть изъ прежнихъ знакомыхъ моихъ переселилась въ вѣчность или въ другіе города. Въ училищѣ нашелъ прежнюю скамейку и учебный столъ съ вырѣзанными знакомыми именами. Ученики, вмѣсто семи часовъ утра, собирались въ классы въ восемь часовъ. Изъ училища пошелъ въ церковь и тамъ помолился такъ же чистосердечно, какъ молился, бывъ отрокомъ и юношей. По выходѣ изъ церкви, часы на башнѣ ратуши пробили 8 часовъ; затѣмъ изъ собора раздался благовѣстъ, и эти знакомые звуки напомнили мнѣ юность и тронули меня больше, чѣмъ звонъ колокола въ Бріеннѣ могъ ласкать слухъ императора Наполеона I, упоеннаго всемірною славою.

Я былъ уже на родинѣ! Но, во время моего отсутствія, городъ перечисленъ былъ изъ Эстляндской Губерніи въ Петербургскую и пограничный столбъ передвинутъ за шесть верстъ отъ берега Наровы до берега Черной Рѣчки, куда проложено шоссе. Выѣздъ изъ города велъ также по новому направленію: прежде надобно было ѣхать чрезъ весь городъ, а нынѣ прямо чрезъ Петровскія Ворота, не въѣзжая въ городъ. Проѣхавъ Черную Рѣчку, остановились, вышли изъ экипажей; жена и дѣти меня обняли со слезами и выраженіемъ радости; всѣ мы благодарили Бога, а младшій сынъ мой Владиміръ, по наущенію матери, серьёзно и важно продекламировалъ стихи В. А. Жуковскаго:—«О, родина святая!»

ДЕСЯТИЛѢТІЕ РУССКАГО ЗЕМСТВА.

1864—1875.

XXI.

Изъ тѣхъ священныхъ мѣстъ старой исторической Руси, которыя охраняло когда-то «недреманное око» царскихъ слугъ, князей Щербатовыхъ, Ромодановскихъ, Козловскихъ, бояръ Шереметевыхъ, Ординъ-Нащокиныхъ, Долгоруковыхъ и иныхъ, перенесемся теперь въ тѣ далекія мѣста, до которыхъ даже не досягало «страховитое око» московское, въ тѣ мѣста, гдѣ властвовала когда-то воля турецкая и татарская и гдѣ нынѣ властвуетъ, какъ и надъ Брянскомъ и Трубчевскомъ, по неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія, таже единая воля московско-русская.

Крымъ... Перекопъ... перекопскіе и крымскіе татары... ханы крымскіе... Бахчи-Сарай... Гиреи—орда татарская... невольники... И вдругъ, вмѣсто хановъ крымскихъ, вмѣсто татаръ перекопскихъ—перекопское земство!

Мысль, напоенная историческими воспоминаніями, какъ-то не можетъ оторваться отъ былого и перенестись разомъ къ современному, оторваться отъ мертваго, погребеннаго и истлѣвшаго и перенестись къ живому, цвѣтущему, молодому. Такъ и встаютъ передъ глазами «бѣдные невольники» казаки, томившіеся въ крымскихъ тюрьмахъ, забывавшіе даже дни, года, времена года. Въ памяти сама собой поется не одна «невольницкая пѣсня» о томъ хоть бы, какъ —

Изъ-за гори, гори,
Зъ темненькаго лісу
Татари идуть,
Волиночку везуть.
У волиночки коса—
Зъ золотого волоса,
Щирий біръ освітила,

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]

[illegible]

вселдные нѣмцы, изъ коихъ одинъ, землевладѣлецъ перекопскій, Д. О. Люстигъ, великодушно открылъ на свой счетъ въ деревнѣ Ташлы-Кипчакъ (и имя-то самое татарское, самое историческое, напоминающее намъ Кипчакъ-Золотую Орду и «татарское иго»)—открылъ народную школу на 40 человѣкъ; кромѣ того, на свой счетъ содержитъ 10 бѣднѣйшихъ мальчиковъ и на семь лѣтъ обезпечилъ существованіе школы доходами съ 4,262 десятинъ земли, той земли, которую когда-то, вмѣсто плуга, пахали копыта боевыхъ татарскихъ коней. И все это въ татарскомъ Перекопѣ... (Журналы перекопскаго очер. уѣзд. зем. собр. Симферополь, 1874, стр. 32—35).

А еще дальше, куда нетолько не досягало «недреманное око» московское, но куда не залетала даже и дума московская и куда, все-таки, уже доплелся непобѣдимый русскій лапоть, мы открываемъ *самое крайнее* русское земство—земство, стоящее на краю русской земли, на рубежѣ ея съ древнею червенною, нынѣ австрійскою Русью или Галиціею. Это—земство города Хотина, за которымъ начинается уже то, что̀ принято называть Европою. Это—уже не Перекопъ, не кладбище крымскаго царства, а такая русская окраина, отъ которой должно бы было отдавать Европою, запахомъ ея разлагающейся цивилизаціи. Но замѣчательно, что именно отъ хотинскаго земства ни Русью не пахнетъ, ни запахомъ разлагающейся западной цивилизаціи не отдаетъ нисколько. Казалось бы, что тамъ—иныя, далеко иныя условія жизни, не похожія ни на тѣ, что̀ въ Брянскѣ и Трубчевскѣ, ни на тѣ, что̀ въ Чухломѣ и Ирбити, ни на тѣ даже, что̀ въ Петербургѣ и Петергофѣ; что условія эти должны были указать хотинскимъ земскимъ дѣятелямъ и пути иные, и пріемы иные для выполненія земскихъ задачъ. Хотинъ—городъ не безъ осмысленнаго историческаго прошлаго, не безъ воспитанія. У него подъ бокомъ Европа съ ея образцами, и эти образцы не могли бы, кажется, не выработать въ умахъ тамошнихъ дѣятелей идеи чего-то болѣе хорошаго, чѣмъ доморощенныя идеи шадринскихъ, весьегонскихъ, ирбитскихъ и соликамскихъ бурлаковъ новаго времени. Но оказывается, что тутъ нѣтъ доли того, что̀ есть въ татарскомъ Перекопѣ.

Въ другомъ мѣстѣ и въ другое время (годъ тому назадъ), говоря объ этомъ именно краѣ, однимъ локтемъ, что̀ называется, задѣвающемъ Европу, другимъ—Турцію, мы высказали, можетъ быть, странное, но едва ли не неосновательное предположеніе, что тѣ именно края нашей обширной русской земли страдаютъ и духовной, и экономической анеміей, куда даровитый русскій человѣкъ, преимущественно великороссіянинъ, вмѣстѣ съ своимъ

[illegible] лаптемъ и вѣчно изношеннымъ зипуномъ, не про-весь своей эластической дѣловитости и, можно сказать, геніальнаго терпѣнія и выносливости. Гдѣ не хватаетъ здоровой крови русскаго народа и его исторической, такъ-сказать, и расовой живучести, тамъ все чахнетъ, сохнетъ, мельчаетъ и вымираетъ, несмотря на богатое прошлое, на сравнительно хорошее настоящее. Въ этомъ неотразимомъ вліяніи русскаго народа на все, къ чему онъ ни прикоснется своею корявою, но закаленною мозолями рукою и надъ чѣмъ ни подумаетъ его нечесанная, но умная русая голова—въ этомъ несомнѣнный признакъ творческой силы, пока еще мертвой, но присущей природѣ русскаго народа. Но ни русской руки, ни русской головы, ни даже русскаго [illegible] лаптя не знаютъ наши далекія русскія окраины, о которыхъ мы говоримъ. Это мы говоримъ и о бессарабской окраинѣ, особенно же о хотинской. Въ числѣ земскихъ дѣятелей и крупныхъ землевладѣльцевъ этого края вы только и встрѣчаете имена Дракуловъ (эта фамилія такъ и переноситъ васъ въ сказочно-литературный міръ древней Руси, и само собой вспоминается сказаніе о «царѣ Дракулѣ»), Мултяновъ, Ги-[illegible], Маразли, Кристи, Скордули, Яманди. Нерѣдко попадаются волоскія фамиліи. Рѣдко прозвучитъ имя какого-нибудь Кожухаря или Панка, напоминающее южную Русь, но все же Русь. Ядро населенія—царане. Тамъ нѣтъ даже особенно крупныхъ землевладѣльцевъ. Всей владѣльческой земли считается 163.000 десятинъ, поселянской—148.000, *заграничныхъ* монастырей (вотъ это здѣсь—*крупные землевладѣльцы*: монастырь ватопедскій, нѣкоторые аѳонскіе)—10,000 дес., государственныхъ крестьянъ—6,000 десятинъ.

Но, повторяемъ, отсутствіе русскаго, настоящаго русскаго «крестатого» лаптя, который, вслѣдствіе самобытнаго способа плетенія «крестами», и слѣдъ на землѣ оставляетъ крестный, отсутствіе этого лаптя—плохая примѣта. Гдѣ нѣтъ лаптя, тамъ нѣтъ и юркой чуйки, этой жизненной выжиги, которая выжигаетъ въ темномъ лѣсу дорожку для разрѣшенія нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ будущаго, нѣтъ тамъ и плутоватой головы, остриженной въ скобку, которая рожь на обухѣ молотитъ, нѣтъ тамъ и нашего стрижа, всегда предвѣщающаго ненастье, нашего мастероваго, который шиломъ брѣется, дымомъ грѣется; гдѣ нѣтъ, наконецъ, лаптя, тамъ нѣтъ и нашего семинариста—этихъ прессованныхъ дрожжей, безъ которыхъ общественная квашня никогда не подымется и тѣсто впору не окиснетъ.—Въ описываемой нами русской окраинѣ ничего этого нѣтъ. Зато вы не видите здѣсь и земскихъ задачъ, которыя сулили бы хотя воз-

можность будущей жизни. Хотинское земство, въ своемъ послѣднемъ собраніи, отклонило даже отъ себя вопросъ о народномъ образованіи, свадивъ его на личное усмотрѣніе предсѣдателя училищнаго совѣта, г. Гаевскаго. Во всякомъ случаѣ, хотинское земство не можетъ служить поучительнымъ примѣромъ для другихъ, развѣ только въ видѣ перста недоумѣнія, и потому намъ на немъ останавливаться было бы безполезно (Журналы хотин. уѣзд. 1-го (второго трехлѣтія) очередного зем. собр. Каменецъ-Подольскъ, 1874).

Между тѣмъ, у этой же самой окраины, только поближе къ русскому лаптю, между Бугомъ и Тилигуломъ, гдѣ развивался когда-то запорожскій чубъ, знаменовавшій безпокойныя, поэтическія, нерѣдко талантливѣйшія украинскія головы, тутъ уже шевелится жизнь, и не та, которая чувствуется въ Одессѣ, а своеобразная и болѣе обнадеживающая. Это шевеленье живой мысли вы невольно ощущаете хотя бы въ Ананьевѣ... Впрочемъ, зачѣмъ изъ Хотина прямо проходить въ Ананьевъ, когда, слѣдуя внизъ по Днѣстру, можно подплыть къ самому Кишиневу, столицѣ земли бессарабской, и, порадовавшись на земскую работу этого крупнаго экономическаго центра, болѣе чѣмъ съ стотысячнымъ населеніемъ, можно уже оттуда, черезъ рѣчку Куяльникъ, пробраться и въ скромный градъ Ананьевъ?—Кишиневъ дѣйствительно—столица Бессарабіи. Это—одно изъ тѣхъ историческихъ мѣстъ старинныхъ, гдѣ, уже отчасти по исторической привычкѣ и по историческимъ причинамъ, отчасти же вслѣдствіе счастливыхъ экономическихъ условій, сплотилась для постоянной жизни, работы, наслажденія и горя, большая масса людей. Въ Россіи немного такихъ мѣстъ, какъ Кишиневъ: выше Кишинева стоятъ только три города во всей русской землѣ—Петербургъ, Москва и Одесса; а уже Рига, Саратовъ и Кіевъ, эта троица крупныхъ русскихъ городовъ, осталась назади у Кишинева. Кишиневъ и Кишиневскій Уѣздъ населены богатыми, родовитыми людьми земли бессарабской. Бессарабскіе *бояре*, доселѣ удержавшіе это громкое титулованіе древней Руси и славянщины, и бессарабскіе дворяне, это—все люди видные и своею родовитою крупностью, и крупностью вотчинною. Но, къ сожалѣнію, и здѣсь нѣтъ ни русскаго лаптя, ни русской чуйки, ни умной головы въ скобку, ни русскаго стрижа-мастерового, ни русскаго семинариста. Здѣсь есть *бояре* и дворяне: Миклеско, Мазараки, Катакази, Томулецы, Манухъ-беи, Ботезаты, Ботезатулы, Манухъ-Мерзіяновы и иныя чуждыя русскому уху фамиліи, фонетика которыхъ не напоминаетъ намъ ничего родного, московскаго, кіевскаго, саратовскаго, рязанска-

го. Въ Кишиневѣ—десятки первогильдейскихъ и первостатейныхъ купцовъ, негоціантовъ, банкировъ; нѣсколько сотъ купцовъ второй гильдіи; въ городѣ и уѣздѣ до 400 винныхъ погребовъ; шинковъ и корчемъ—до 1.200 штукъ. Бояре и негоціанты кишеневскіе знаются съ Европой и лоскомъ европейскимъ покрыты... А что же дѣлаетъ кишиневское земство? Насколько сердце представителей страны лежитъ къ населенію, къ ядру живому своего края, къ почвѣ, изъ которой все выростаетъ, и люди богатства? А метрономъ для земскаго сердца, это—народныя школы. Поставимъ этотъ метрономъ и сосчитаемъ его удары, тогда узнаемъ, кàкъ бьется земское сердце въ пользу своего края. А вотъ кàкъ оно бьется: въ земскомъ бюджетѣ Кишинева и его уѣзда на 1875 годъ, подъ ст. 21-й, значится: «въ пособіе училищному совѣту на канцелярскія потребности, а также на устройство съѣзда народныхъ учителей и вознграждeніе лучшихъ изъ нихъ—50 р.», т. е., чтобы кто-либо не ошибся и не подумалъ, что 5.000 р., мы напишемъ прописью—*пятьдесятъ рублей*; мало того—слѣдовало бы эту сумму напечатать золотыми буквами въ назиданіе будущимъ поколѣніямъ. Дѣйствительно, пособіе училищному совѣту на канцелярію, потомъ—на всѣ расходы по устройству съѣзда народныхъ учителей и *даже* на награды лучшимъ изъ нихъ—пятьдесятъ рублей, это—сумма баснословная, или это шутка. Но мы увидимъ сейчасъ, что это—не шутка. Далѣе, подъ ст. 23 бюджета, значится: на стипендіатовъ въ учительской семинаріи въ мѣстечкѣ Байратчѣ—500 р., вотъ и *весь* бюджетъ на народное образованіе всего центральнаго района царства бессарабскаго, если не считать еще 300 р.—«на вознагражденіе за истребленіе волковъ», каковой расходъ пріютился подъ знаменемъ народнаго образованія въ ст. 24 бюджета. Бюджетъ подписанъ предсѣдателемъ кишиневской уѣздной управы Н. Семиградовымъ и членами—гг. Кропивницкимъ и Хащинскимъ. И не дрожала у этихъ почтенныхъ земскихъ дѣятелей рука, подписывая такой бюджетъ?—Впрочемъ, привычная рука не дрожитъ и тогда, когда подписываетъ смертный приговоръ. Но у всего кишиневскаго земскаго собранія, какъ кажется, дрогнула рука—и оно не подписало смертнаго приговора своимъ народнымъ школамъ: къ 50-ти рублямъ на канцелярію училищнаго совѣта, на устройство съѣзда народныхъ учителей и на вознагражденіе лучшимъ изъ нихъ оно прибавило *еще* 600 р. и—подписалось, и во главѣ всѣхъ подписей—г. Доничъ, предсѣдатель земскаго собранія (Сметы и раскладки кишиневскаго уѣзднаго земскаго собранія на 1875 г.).

Таково-то царство бессарабское, прошедшее котораго рисуется

намъ, какъ г. Спасовичу рисуется прошедшее царства польскаго—«въ пурпурѣ и златѣ».

А вотъ нашъ «господинъ Псковъ», какъ его когда-то величали наши лѣтописцы вмѣстѣ съ «господиномъ Великимъ-новымградомъ», симпатичный Псковъ, одна изъ русскихъ древнихъ республикъ, долго не корившаяся могучей Москвѣ и Грозному Ивану-царю, «господинъ Псковъ» не ходилъ «въ пурпурѣ и златѣ» и не представляется намъ такимъ пурпурнымъ. «Господинъ Псковъ» ходилъ въ лаптяхъ да въ сафьянныхъ сапогахъ, кто побогаче; «господинъ Псковъ» ходилъ въ зипунѣ. Псковомъ, на вѣчѣ, не всегда заправляли сапоги, а часто лапти—«худые мужики-вѣчники» да «рольники», какъ ихъ называетъ лѣтописецъ. Симпатичный Псковъ и теперь остался городомъ «худыхъ мужиковъ-вѣчниковъ», и все стоитъ въ нашемъ воображеніи такимъ же симпатичнымъ, какимъ былъ въ XIV и XV вѣкѣ. Симпатичнымъ онъ рисуется намъ потому, что въ его древней, давно умершей жизни было поэзіи много и дѣтской простоты; не кичился онъ своею силою и своими богатствами, а первый на Руси уважилъ женщину, какъ дѣятеля, и, когда царевна Софья Палеологъ ѣхала въ невѣсты и въ жены царю московскому Ивану Васильевичу, псковичи первые встрѣтили ее съ великою честію, пили за ея здоровье меды и вина изъ кубковъ и роговъ злащеныхъ и подарили ей «въ почесть 50 рублевъ пѣнязми»—вотъ какую сумму отвалила вся республика въ приданое царской невѣстѣ. Симпатичнымъ и поэтичнымъ представляется онъ намъ и потому, что его лѣтописцы-старцы были лучшіе, симпатичнѣйшіе лѣтописцы во всей русской землѣ, и любили свой родной край больше всего на свѣтѣ, и въ трогательныхъ до слезъ картинахъ изобразили намъ паденіе своего милаго города, какъ не изображалъ исторію своихъ городовъ ни одинъ лѣтописецъ земли русской. И вотъ оказалось, что слезы, честныя, святыя слезы историковъ-лѣтописцевъ, падавшія съ ихъ очей на пожелтѣвшій пергаментъ, слезы, которыми они оплакивали и свой городъ, и святую Софію, и своихъ посадниковъ, и бояръ, и «худыхъ мужиковъ-вѣчниковъ»—слезы эти не высохли до сихъ поръ, не испарились, не съѣдены всепожирающимъ временемъ и не пропали даромъ для края. Живое доказательство этого—современная дѣятельность псковскаго земства.

Возьмемъ тотъ же метрономъ для земскаго сердца, какой мы брали въ Кишиневѣ. Метрономъ этотъ—смета земскихъ расходовъ на 1875 годъ—говоритъ, что псковское уѣздное земство ассигновало на этотъ годъ въ пользу народнаго образованія 35.095 р. 45 к. Въ богатомъ Кишиневѣ, бояре котораго счита-

ются одними изъ самыхъ крупныхъ вотчинниковъ въ Россіи и земли которыхъ славятся, какъ плодороднѣйшія земли во всей Европѣ—тамъ на народное образованіе нашлось только 550 р., если не считать тѣхъ 600 р., которые стыдъ заставилъ земское собраніе насильно втиснуть въ бюджетъ, а въ бѣдномъ «господинѣ Псковѣ», каждый «въ почесть» царской невѣстѣ и византійской царевнѣ могъ сколотиться на «50 рублевъ пѣнезми» и земли котораго нынѣ считаются самыми истощенными, самыми чахлыми въ Россіи—этотъ Псковъ далъ на народное образованіе столько, сколько не давало ни одно земство въ Россіи съ тѣхъ поръ, какъ народилась наша земщина, а именно болѣе 35 тысячъ, это — геройство, достойное потомковъ князя Довмонта, когда-то заправлявшаго «господиномъ Псковомъ». Подъ такою цифрою, какъ 35 тысячъ на народныя школы, не стыдно было подписаться достойнымъ дѣтямъ «господина Пскова»: Н. Ваганову, предсѣдателю земской управы, и членамъ ея — С. Нотгафту и Д. Иванову (Сметы, росписи и раскладки уѣзд. зем. повинн. на 1875 г. по Псковскому Уѣзду. Псковъ, 1875 стр. 6, 12, 14).

Кстати, для бòльшей наглядности, приведемъ здѣсь сравнительный процентъ ассигновокъ на народное образованіе по отношенію къ земскимъ бюджетамъ земствъ, недавно нами осмотрѣнныхъ. Вотъ нисходящая градація этого процента отъ Пскова до Кишинева:

Псковъ—этотъ городъ «худыхъ мужиковъ-вѣчниковъ», далъ на свои школы 30%

Ирбитъ—городъ непросвѣщенныхъ азіатовъ, лѣтописныхъ гоговъ и магоговъ, далъ 18%

Чухлома—городъ, считавшійся городомъ выдуманнымъ въ насмѣшку, подобно щедринскому Крутогорску и сказочному Буяну-острову, далъ на свои школки 10%

Трубчевскъ—городъ, въ которомъ, къ сожалѣнію, не достаетъ г. Азарова-Храпова, далъ .... $4\frac{1}{2}$%

Калуга—въ коей жилъ Шамиль, дала 2%

Кишиневъ—славная столица Бессарабіи 0,7%

Увлекшись сопоставленіемъ боярскаго кишиневскаго земства съ «мужицкимъ» (по увѣренію лѣтописца) псковскимъ, мы невольно отклонились отъ города Ананьева, куда намѣревались пробраться прямо изъ Кишинева. Теперь воротимся на нѣсколько минутъ уже изъ Пскова въ Ананьевъ, чтобы лично убѣдиться, что тамъ умная русская нечесанная голова и красивый украинскій чубъ дѣлаютъ свое хорошее дѣло. Изъ отчетовъ ананьевскаго земства мы узнаемъ, что тамъ крестьяне въ одинъ годъ составили *26 приговоровъ* объ открытіи въ ихъ селеніяхъ школъ

и хотятъ, чтобы слѣдующее за ними молодое поколѣніе не бродило во тьмѣ, какъ приходилось бродить отцамъ и дѣдамъ. Ананьевское земство само смотритъ на это дѣло глазами умныхъ мужичковъ и говоритъ, что въ школахъ, о которыхъ просятъ крестьяне, земство увидитъ «великую силу къ поднятію общаго уровня благосостоянія» населенія—«эту (поясняетъ земство) конечную цѣль нашихъ усилій», и—прибавляетъ затѣмъ—«мы сами согласимся, что изъ всѣхъ земскихъ затратъ расходы по народному образованію—*самыя производительныя и благодарныя*». Тутъ же, рядомъ съ нечесанной умной головой и красивымъ чубомъ, выступаетъ и другая современная земская сила—женщина, можетъ быть, праправнучка тѣхъ татарскихъ плѣнницъ «волыночекъ» и «подоляночекъ», которыхъ хищники водили продавать въ невольницы на невольничьи рынки городовъ Кафы, Бендеръ, Азова и Евпаторіи, которыхъ золотыя косы своею красотою освѣщали и «лѣсъ темный», и «зеленую дубровушку», и «битый шляхъ». Ананьевское земство съ благодарностью относится къ двумъ такимъ женщинамъ-дѣятелямъ, къ М. С. Гижицкой и Н. Ю. Шишкиной. Первая изъ нихъ работаетъ въ уѣздѣ, между нечесанными головами и красивыми, а подчасъ и безобразными чубами, а послѣдняя «возмущаетъ воду» въ овчей купели—въ аристократическихъ, чиновныхъ и денежныхъ слояхъ ананьевскаго общества. Можно сказать, что почти единственно усиліямъ г-жи Шишкиной и ея энергіи ананьевская женская прогимназія обязана своимъ существованіемъ: для зданія прогимназіи она въ очень короткое время успѣла собрать до 7 тысячъ рублей, и земство выражаетъ ей «чувство искренней признательности за ея энергію и настойчивость» въ преслѣдованіи цѣлей народнаго образованія.

А вотъ какъ дѣйствуютъ сами крестьяне въ этой мѣстности. Въ с. Врадіевкѣ они подарили казнѣ свой общественный домъ подъ двухклассное училище. Мало того: изъ своихъ мірскихъ пятаковъ они сколотили на содержаніе училища 1,000 рублей, да 200 р. на другія училищныя нужды. Вѣдь, это для нихъ—тоже, что «50 рублевъ пѣнязми», отсыпанными «господиномъ Псковомъ» племянницѣ послѣдняго византійскаго императора Константина Палеолога, Софьѣ Палеологъ.—Въ двухъ другихъ селеніяхъ Ананьевскаго Уѣзда есть уже и ремесленныя школы для крестьянскихъ дѣтей. Тамъ же, вмѣсто того, чтобы, подобно Кишиневу, ассигновать на съѣздъ учителей и на награды лучшимъ изъ нихъ 50 р., земство задумало уже о радикальной мѣрѣ для обезпеченія будущности руководителей народнаго образованія—объ «учительскихъ пенсіяхъ» (Постановл. ананьев.

уѣзд. зем. собр. Ананьевъ, 1874, стр. 18—21, 29 и 30). Въ Ананьевѣ, наконецъ, и книги печатаются: значитъ, типографскій станокъ пустилъ въ землю свои корни, потому что тамъ, гдѣ есть жизнь и движеніе, типографскому станку найдется работа, такъ какъ эта работа болѣе другихъ человѣческихъ работъ предназначена служить силѣ творческой, созидающей, обогащающей и счастливящей человѣчество, хотя сами труженики этого станка, слуги его, начиная отъ наборщиковъ и кончая ихъ молочными братьями, писателями, часто умираютъ въ нищетѣ, подобно тому, какъ солдатики первые умираютъ отъ непріятельскихъ пуль, отъ которыхъ они защищаютъ родную землю.

Перекопъ, Хотинъ, Кишиневъ, Псковъ, Ананьевъ съ земствами—все это, и хорошее, и жалкое, втиснуто нами въ одинъ земскій мѣшокъ, который мы и переносимъ отъ одной главы нашего обзора до другой, словно отъ станціи до станціи. Въ этотъ же мѣшокъ должна войти и Тамбовская Губернія, по крайней мѣрѣ, часть ея.

Вступивъ въ Тамбовскую Губернію съ Спасскаго Уѣзда, мы были поражены, если можно такъ выразиться, земскимъ безмолвіемъ. Въ насъ явилось даже сомнѣніе: существуютъ ли тамъ земскія учрежденія не живетъ ли Спасскій Уѣздъ еще въ доземскомъ, дореформенномъ или, вѣрнѣе, въ исправническомъ періодѣ развитія? Оказалось—нѣтъ. Мы отыскали даже книжку (слѣды земской прессы), на обверткѣ которой напечатано: «постановленія очереднаго спасскаго уѣзднаго земскаго собранія, бывшаго въ сентябрѣ 1873 г. Съ приложеніями. Тамбовъ, 1874». И что-жъ оказывается? Книга состоитъ *изъ полуторы странички*, на которыхъ напечатано счетомъ *тридцать четыре строчки съ половиною*. Это буквально, фактически вѣрно: книга — въ 34½ строки; еще понятно было бы—въ 34½ страницы, а то—книга въ 34½ строки. А дальше слѣдуютъ «приложенія», т. е. разграфленныя таблицы съ цифрами. И такъ, вся спасская земская литература заключается въ 34½ строчкахъ. Но, думали мы, можетъ быть, на этихъ полутора страничкахъ вмѣстилась вся земская дѣятельность, подобно тому, какъ божественныя заповѣди вмѣстились на двухъ только скрижаляхъ, а, между тѣмъ, начертаннымъ на нихъ нравственнымъ закономъ держится весь міръ уже много, много вѣковъ и тысячелѣтій. Оказалось, что оно отчасти и такъ: 34½ строки исчерпываютъ всю спасскую земскую дѣятельность; но дѣятельность-то эта, какъ видится, была слишкомъ скромна, даже болѣе, чѣмъ дѣвственно скромна. Въ то время, когда другія земства своими постановленіями по-

подымють цѣлые томы; когда въ этихъ томахъ васъ останавливаетъ масса высказанныхъ мнѣній, заявленій, протестовъ; когда пренія объ одномъ земскомъ предметѣ занимаютъ нѣсколько засѣданій и воспроизводятся на десяткахъ и сотняхъ страницъ; когда, перечитывая все это, вы нетолько знакомитесь съ характеромъ земской дѣятельности, но даже съ характеромъ, темпераментомъ и даже, кажется, физіономіею дѣятелей-гласныхъ, какъ, напримѣръ, г. Азарова-Храпова изъ Бранска, г. Смышляева изъ Ирбита, Кисловскаго изъ Весьегонска и т. д., въ то время, когда при помощи земской литературы передъ вами встаетъ во-очію земская жизнь съ добромъ и недобромъ, съ ея даже личными человѣческими дрязгами и съ явленіями, достойными глубокаго уваженія—тутъ, въ спискѣ, васъ поражаетъ одно молчаніе, глубокое, упрямое молчаніе. *Вся* работа очередной сессіи, *вся* сущность постановленій этой сессіи, короче, донесеніе Цезаря сенату: «пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ». Тутъ даже и этого нѣтъ, тутъ есть только вотъ что̀: «не пришелъ, ничего не видѣлъ, ничего не сдѣлалъ», т. е. «non veni, nil vidi, nil feci». Дѣйствительно, спасскія постановленія гласятъ: «1873 года, сентября 18-го дня, спасское уѣздное земское собраніе, въ числѣ *13 гласныхъ*, имѣли (sic) слѣдующее сужденіе: въ коммиссію для повѣрки суммъ управы назначены: Ф. А. Хвощинскій, А. И. Хохловъ, Л. П. Поляковъ и Е. Г. Щегловъ; но — въ коммиссію прибылъ *одинъ* г. Хохловъ; а г. Хвощинскій не прибылъ «за болѣзнію», г, Щегловъ—«за отсутствіемъ», г. Поляковъ—«за назначеніемъ вмѣсто него другого, г. Видмана, который *тоже* не прибылъ». Поэтому собраніе постановило: избрать ревизіонную коммиссію изъ наличныхъ гласныхъ—изъ гг. Хохлова, Мукина и Карасева. Эти три почтенные мужа провѣрили денежный отчетъ управы и «нашли его правильнымъ». Затѣмъ, гг. гласные собрались на другой день, 19-го сентября, но уже не 13 человѣкъ (несчастное число, отчего, вѣроятно, и шло все такъ неудачно), но только 12, и постановили: «отчеты управы утвердить». Все. Собраніе закрыто. Впрочемъ, зачѣмъ его было и открывать? При такой дѣвственной стыдливости собранія, зачѣмъ его, въ самомъ дѣлѣ, открывать, разоблачать наготу дѣвственнаго земскаго тѣла? Спасское земство можетъ съ похвальною скромностью сказать себѣ:

Quod potui—feci: faciant meliora potentes!

Къ этимъ «potentes» оно, конечно, могло бы причислить одно изъ сосѣднихъ съ нимъ земствъ, именемъ козловское, которое, дѣйствительно, въ сравненіи съ проявленною спасскимъ земствомъ земскою импотенціею, могло бы быть вполнѣ потентнымъ,

еслибы тоже не страдало какою-то земскою золотухою, не вслѣдствіе экономическаго или интеллигентнаго худосочія, а какого-то другого. Козловъ—городъ изъ замѣтныхъ въ Россіи. Въ козловскомъ земствѣ не мало всякихъ силъ — есть чѣмъ взяться. Въ собраніяхъ его присутствуютъ нерѣдко болѣе 60 гласныхъ, и между ними не мало крупныхъ землевладѣльцевъ или другихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ личностей—Сабуровы, Муравьевы, Чичерины, Каменевы, Ознобишины, Верещагины, Мацневы, Гурьевы, Рахманиновы, Горстины, Вердеревскіе, Никифоровы, Барсуковы. Козловскій Уѣздъ—одинъ изъ богатыхъ уѣздовъ въ Россіи: это—не какое-нибудь захолустье, стоящее на отшибѣ, а городъ и уѣздъ на бойкомъ мѣстѣ. Но, при всемъ томъ, нельзя сказать, чтобы дѣятельность Козловскаго Уѣзда представлялась выдающеюся хотя чѣмъ-либо изъ ряда вонъ Объ ней можно сказать, что она рядовая, отчасти хорошая рядовая, но могла бы быть и лучше: это—тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ—мы разумѣемъ — генераломъ въ земствѣ, земскимъ генераломъ, въ родѣ рязанскаго, херсонскаго и очень немногихъ другихъ.

Познакомимся вкратцѣ хотя съ нѣкоторыми сторонами этой дѣятельности. Просуществовавъ девять лѣтъ, земство, въ избраніи гласныхъ, что называется, въ чтеніи земской азбуки дѣлаетъ ошибки: между прочимъ, оно избираетъ ошибочно трехъ гласныхъ и въ томъ числѣ извѣстнаго своею судейскою дѣятельностью С. С. Жихарева. Разумѣется, выборы эти опротестованы губернаторомъ, который разъясняетъ земству, что г. Жихаревъ не можетъ быть избираемъ въ гласные по прямому смыслу 36 ст. полож. о зем. учр., такъ какъ состоитъ прокуроромъ саратовской судебной палаты, къ округу которой принадлежитъ и Козловскій Уѣздъ. Далѣе — избранная земскимъ собраніемъ такъ-называемая сметная комиссія, составленная изъ членовъ В. Н. Чичерина, Ю. А. Ознобишина, С. В. Рахманинова, Д. Н. Ненашева, Н. А. Муравьева, Н. И. Давыдова, Д. П. Придорогина, Ф. И. Мацнева, Н. Л. Строителева и Д. К. Мартынова, открываетъ немало слабыхъ сторонъ въ веденіи управою земскаго хозяйства, дѣлаетъ весьма дѣльныя представленія земству, а управѣ—весьма вѣскія замѣчанія, и, при всемъ томъ, земство кончаетъ нетолько пальятивно, но просто ничѣмъ. Никто, повидимому, не хочетъ настоять на томъ, чтобы дѣло шло такъ, а не эдакъ—чего-то вообще недостаетъ, нравственной упругости не хватаетъ. Вотъ хоть бы взять словесныя и бумажныя препирательства комиссіи съ управою: комиссія говоритъ: «не такъ», а управа возражаетъ — «нѣтъ, такъ», или — «а хоть бы и не

такъ, такъ чтò-жь изъ этого?» Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ этого препирательства, расположивъ ихъ такъ, кàкъ онѣ расположены въ докладѣ комиссіи, т. е. дѣловыя указанія комиссіи на *лѣвой* сторонѣ страницы и странныя отнѣкиванья управы—на *правой:*

Замѣчанія комиссіи:	*Отнѣкиванья управы:*
«Расходы по спеціальнымъ книгамъ произведены неправильно и несогласно сметнымъ назначеніямъ...»	«Управа считаетъ нужнымъ сказать, что она неправильныхъ расходовъ не производила и не производитъ...»
«По книгѣ уѣзднаго сбора записаны въ расходъ 1,000 руб., отосланные въ банкъ на храненіе, а на приходъ, вмѣсто нихъ, записано: *книжечка*».	«Что 1,000 р., отосланные въ банкъ, записаны въ расходъ, а полученная на нихъ разсчетная книжка записана на приходъ—*то это вѣрно*».
«Устройство дорожныхъ сооруженій желательно было бы собранію сдавать съ торговъ, а не производить хозяйственнымъ образомъ и, кромѣ того, составлять сметы каждому сооруженію».	«Управа предложеніе это находитъ совершенно непримѣнимымъ къ дѣлу, такъ какъ, пока будутъ составляться сметы, слишкомъ много придется потерпѣть проѣзжающимъ».
«Счетоводство по сельскимъ запаснымъ магазинамъ находится въ такомъ безпорядкѣ, что нѣтъ никакой возможности его обревизовать: всѣ цифры этого счетоводства—гадательныя».	«Это—*неправда:* счетоводство управы въ должномъ порядкѣ; цифры нисколько не гадательныя».
«Въ отчетѣ управы показано на канцелярскіе и другіе мелочные расходы 435 р. 46 к.; въ этой суммѣ значится и *молоко*».	«Что въ отчетѣ управы показаны израсходованными 435 р. 46 к., для больницы на канцелярскіе и мелочные расходы, въ томъ числѣ и на *молоко—то это вѣрно!*»
«Въ земской больницѣ обращены на дрова кровати, столы, боченки, ванны, корыта, а также выданы въ аптеку на ветошь, корпію, бинты и употреблены на починку рубашки, подштанники, чулки, простыни, халаты, полотенцы, салфетки, юпки, кофты, чепчики, колпаки и платки, по требованію доктора и распоряженію смотрителя, а до свѣдѣнія управы не доводилось».	Молчаніе.
«Пріобрѣтены для больницы совершенно излишніе предметы, какъ-то, напримѣръ, спичечница и пепельница».	Молчаніе.
«Въ 1873 году, собраніемъ предположено женское отдѣленіе больницы изъ нижняго сырого этажа перевести въ верхній, отдѣлить комнату для женщинъ привилегированныхъ сословій, гдѣ могутъ помѣщаться и роженицы во время разрѣшенія отъ бремени; но все это остается въ прежнемъ видѣ и женское отдѣленіе до сихъ поръ остается внизу, въ сыромъ помѣщеніи».	Глубокое молчаніе.

И такъ далѣе, и такъ далѣе.

Между тѣмъ, замѣчанія комиссіи, хотя бы, напримѣръ, о производствѣ дорожныхъ сооруженій нехозяйственнымъ образомъ, имѣютъ капитальную важность: на пути сообщенія у насъ обык-

[illegible] тратятся значительныя суммы, кромѣ затратъ народнаго труда, а, между тѣмъ, русская земля славится своимъ безпутіемъ, и все по милости того, что ея пути устраиваются «хозяйственнымъ» образомъ, устраиваются такъ, чтобы, какъ говоритъ пѣсня: «по тѣмъ по дороженькамъ, никто не проѣзживалъ къ Любушкѣ-сударушкѣ». Мы, напротивъ, знаемъ, что другія земства очень осторожно обращаются съ вопросомъ о дорожныхъ сооруженіяхъ и нетолько составляютъ и обстоятельно разсматриваютъ сметы при участіи мѣстныхъ техниковъ, но возбуждаютъ даже вопросы (херсонское, напримѣръ, земство) о разсмотрѣніи земскихъ строительныхъ сметъ специальными техническими комитетами. Исторія пермскаго земства и злополучнаго сибирскаго тракта у всѣхъ на виду: тамъ убиты въ землѣ милліоны рублей русскаго добра, убиты тоже «хозяйственными» способами, а сибирскій трактъ, все-таки, остается «сибирнымъ», адскою дорогою. Слѣдовательно, отнестись такъ благодушно къ тому, что составляетъ нашу общественную мозоль, это недостойно солидности земскихъ учрежденій.

Также, повидимому, ничего не вышло изъ заявленій гг. Ознобишина и Чичерина о «неудовлетворительномъ» состояніи медицинской части въ уѣздѣ. Козловское земство какъ-будто въ первый разъ услыхало отъ г. Чичерина, что въ сосѣднихъ земствахъ, подъ бокомъ, у кирсановцевъ и у борисоглѣбцевъ, существуютъ какія-то двѣ системы—больничная и амбулаторная, и что надо бы надъ козловцами хоть какую-нибудь изъ нихъ испробовать. Недостаточную энергію выказало козловское земство и въ вопросахъ объ обязательномъ обученіи и реальномъ училищѣ. По первому вопросу земство представило уже было губернатору, что предполагаетъ ввести обязательное обученіе для мальчиковъ отъ 10 до 13 лѣтъ; но губернаторъ отозвался, что вопросъ этотъ касается всей губерніи и подлежитъ разсмотрѣнію губернскаго земства. Козловцы сгоряча, въ благородномъ порывѣ, собрали было уже свѣдѣнія, что въ ихъ уѣздѣ дѣтей указаннаго возраста будетъ не болѣе 7,100; но какъ узнало, что въ уѣздѣ всѣхъ селеній 412, а земство не въ силахъ будетъ вездѣ открыть школы, для крестьянъ же расходъ на школы будетъ «непосиленъ», то и порѣшило: отпустить на всѣ школы 500 р. для устройства школьныхъ библіотечекъ, чтобы крестьянскіе ребятишки, оставляя школу, не забывали всего, чему тамъ учились, какъ кукушка забываетъ гнѣздо, куда она яйца кладетъ.—По вопросу объ открытіи въ Козловѣ реальнаго училища земство великодушно рѣшилось пожертвовать въ фондъ училища 75 тысячъ руб. акціями, подаренными земству строителями коз-

лоъско-тамбовской желѣзной дороги, а городъ отъ себя прибавлялъ по 4 тысячи въ годъ; но министръ народнаго просвѣщенія отозвался, что этого мало. Земство еще было прибавило; городъ тоже прибавилъ—но и это мало оказалось. Гласный Каменевъ сдѣлалъ еще одно предложеніе о прибавкѣ; но земство не приняло предложенія, а рѣшилось ограничиться, на первое время, хотя тѣмъ, что успѣло сколотить, и просило даже г. Строителева ходатайствовать передъ начальствомъ о реальномъ училищѣ. Что изъ этого выйдетъ—неизвѣстно; между тѣмъ г. Никифоровъ сбиваетъ уже земства: онъ говоритъ, что, вмѣсто того чтобы убивать деньги на училище, лучше отдать ихъ на устройство «сельскаго землевладѣльческаго кредита». Точно мало для нихъ кредитныхъ учрежденій: вѣдь, въ эти-то кредиты ухнуло все землевладѣльческое, даже тѣ кровные рысаки, которыми такъ славились козловцы и тамбовцы—спеціалисты «лошадинаго вопроса», возбуждавшіе даже, въ послѣднее время, вопросъ о «кобыльихъ курсахъ» для улучшенія и развитія крестьянскихъ матокъ. Понятно, послѣ этого, почему козловское земство такъ холодно отнеслось къ «слушательницѣ женскихъ курсовъ, Фанни Личкусъ» и къ студенту казанскаго университета, Нилу Соколову, просившихъ земство о стипендіи: просьбы ихъ оставлены «безъ послѣдствій».

Вообще, участіе козловскаго земства въ дѣлѣ народнаго образованія—довольно пассивное. Изъ 93 сельскихъ школъ, существующихъ нынѣ въ Козловскомъ Уѣздѣ, *толькоодна* содержится на счетъ земства. Въ другихъ земствахъ гласные наперерывъ стараются попасть въ число лицъ, которымъ довѣрено было наблюденіе за тѣмъ, что дѣлаютъ бѣлоголовые крестьянскіе ребятишки въ школахъ, а козловскіе гласные, охотно посѣщающіе «кобыльи курсы» (случныя конюшни), свалили всю заботу надзора за учащими на штатнаго смотрителя, г. Лебедева, и даже положили ему за это 700 р. жалованья. Да и въ самомъ дѣлѣ, что за охота шляться по школамъ, когда пріятнѣе можно провести время на скачкахъ и видѣть, какъ караковая кобыла «Клеопатра» опередила рыжую кобылу «Семирамиду» на полноздри. При всемъ томъ, мужички сами себѣ учатся, такъ что и учащихся ребятишекъ у нихъ считается теперь около 4½ тысячъ: это лучше цѣлаго табуна заводскихъ жеребцовъ; мужичкамъ въ ихъ дѣлѣ помогаютъ добрыя барыньки и барышни, которыхъ около десяти найдется въ числѣ подвижниковъ идеи вочеловѣченія нашего сѣраго люда. Въ то время, когда мужички сами тратятъ на свои школы 18,000 р. кровныхъ денежекъ, земство вспомоществуютъ народному образованію только въ размѣрѣ 2.569 р.

NB. Замѣчателенъ и оригиналенъ взглядъ козловцевъ на народное образованіе. Извѣстно, что земскіе бюджеты подраздѣляются на рубрики, которыя и носятъ наименованіе: «потребности обязательныя» (т.-е. расходы на дорожную, постойную и др. обязательныя по закону повинности) и «потребности необязательныя». Послѣднія потребности козловцы раздѣлили на двѣ категоріи: на *необходимыя* и на *полезныя*, значитъ, не «необходимыя»; «необходимыя» это—жалованье членамъ управы, а «полезныя», но не «необходимыя», это—земская медицина и народное образованіе... то пріятное, а это—только полезное... (Журн. козлов. уѣзд. зем. собр. 1874 г. Тамбовъ, 1875 г., стр. 1—5, 15—18, 21, 22, 25, 27, 39, 45, 58—65, 149—156, 333, 335).

XXII.

«Знаете ли вы городъ Пирятинъ?—Нѣтъ, вы не знаете города Пирятина»... Невольно вспомнились намъ эти простыя, но почему-то памятныя для насъ слова, которыми начинаетъ одинъ изъ своихъ разсказовъ давно забытый всѣми украинскій писатель Гребенка, столь любимый нами во дни златой юности... «Нѣтъ, вы не знаете города Пирятина», повторяли мы мысленно, подходя къ этому укромному уголку, съ нашею тяжелою земскою сумою и вспоминая свою юность, когда мы еще любили читать Гребенку, давно умершаго и забытаго, и когда еще не существовало земскихъ учрежденій, вспоминая все прошлое Малороссіи, тоже давно умершее, но вѣчно памятное, когда, вмѣсто земскихъ собраній, существовали «рады» и «громады» съ гетманами и атаманами... Грустное чувство охватывало насъ, когда мы подходили къ Пирятину, и чувство это не могло быть подавлено даже воспоминаніемъ того, съ какимъ симпатичнымъ юморомъ покойный Гребенка, описывая запустѣлость и безлюдіе Пирятина, говоритъ, что въ городскомъ трактирѣ «на бильярдѣ сидитъ курица»... Тотъ ли это Пирятинъ, какимъ онъ представлялся нашему воображенію въ прошедшихъ судьбахъ Малороссіи, когда... когда еще не существовало земскихъ учрежденій? Да, мы опять тутъ, въ этой глубоко симпатичной, глубоко поэтической Малороссіи, съ нашею земскою сумою, въ которой смѣшалось все—и казаки съ татарами, своими бывшими врагами, и москали съ нѣмцами и потомками волжскихъ золото-ордынцевъ, своихъ бывшихъ властителей, нынѣ прислуживающими москалямъ и нѣмцамъ и казакамъ-запорожцамъ у Дюссо и Бореля съ салфетками на плечахъ, вмѣсто ханскихъ ярлыковъ—

все смѣшалось въ просторной земской сумѣ: Москва и Сибирь, коварная Олегова Рязань и непокорная Тверь, финскія болота и южныя степи, бывшіе господа и бывшіе рабы, богатые и бѣдные.

Вступаемъ мы въ пирятинское земское собраніе—и тутъ тоже смѣшеніе: казакъ Омелько Прокопенко, крестьянинъ Михайло Мягкій и—князь Н. В. Репнинъ, точно въ «Полтавѣ» Пушкина передъ Петромъ Великимъ его «птенцы» въ бою со шведами.

И Брюсъ, и Боуръ, и *Репнинъ*,
И счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ...

Маіоръ Андрей Лаврентьевичъ Плакса и купецъ Мордохъ Кельмановичъ Ароновъ, можетъ быть, потомокъ Аарона, брата Моисеева, Гришко, Васько, Гайдай, Собко, Свѣчка и—графъ С. С. Де-Бальменъ, можетъ быть, тотъ самый графъ Де-Бальменъ, къ которому покойный пѣвецъ Малороссіи, безсмертный кобзарь Шевченко, обращается въ одномъ изъ своихъ глубоко-поэтическихъ посланій. Все это—гласные пирятинскаго земства.

Посмотримъ же на ихъ дѣятельность. Изъ всего того, что̀ мы находимъ въ самихъ журналахъ пирятинскаго земства, въ докладахъ управы, въ разныхъ приложеніяхъ и пр., трудно вывести опредѣленное заключеніе о характерѣ этой дѣятельности и вообще о конечныхъ результатахъ коллективной работы всего земства. Но, къ сожалѣнію, не можемъ не замѣтить, что работа эта не настолько энергична, насколько было бы желательно. Видно, что выборъ земства, собственно въ подборѣ ближайшихъ исполнителей земскихъ задачъ, падалъ на неудачныя личности и оттого вся дѣятельность земства представляется вялою, безцвѣтною. Само земство, т.-е. земское собраніе, составъ котораго, повидимому, не страдаетъ отсутствіемъ даровитыхъ личностей, вполнѣ поняло слабую сторону своего исполнительнаго персонала и съ неподражаемымъ малороссійскимъ юморомъ отмѣтило всѣ земскія прорѣхи, допущенныя этимъ неудачнымъ персоналомъ. А это—хорошій знакъ. Такъ бичевать въ своихъ «жартахъ» своего же брата, если онъ того сто̀итъ способенъ только украинецъ, изъ коихъ во всякомъ сидитъ маленькій Гоголь или, по крайней мѣрѣ, искорки его генія. Пирятинское земство, въ лицѣ своей ревизіонной комиссіи, буквально «жартуетъ» съ своимъ земскимъ исполнительнымъ персоналомъ—съ управою; но отъ этихъ «жартъ» никому не поздоровится. Вотъ, между прочимъ, что̀ докладываетъ собранію ревизіонная комиссія о дѣятельности своего исполнительнаго персонала. «Отчетъ управы за послѣдній годъ (говоритъ она) полученъ нѣсколькими членами ревизіонной ко-

миссіи только 9 мая, а гласными—и того позднѣе (т.-е. дня за два, за три до собранія), и, при *обычномъ* отсутствіи оглавленія, представляетъ собою болѣе или менѣе точный снимокъ съ предыдущихъ отчетовъ; строй и система его давно знакомы собранію, и, если комиссія не можетъ сказать, что ничего уже въ этомъ отношеніи не остается желать, то и не беретъ на себя смѣлости указать лучшіе способы составленія отчетовъ, раздѣляя то мнѣніе, что только болѣе или менѣе близкое знакомство съ земскимъ дѣломъ, *усидчивое занятіе имъ* и опытъ скорѣе всего укажутъ управѣ средства улучшенія, а не регламентація людей, стоящихъ внѣ исчисленныхъ условій». Ясно, что «жарты» намекаютъ на незнакомство управы съ дѣломъ, на отсутствіе усидчивости въ трудѣ и на отсутствіе даже опыта. «*Количественная скудость* докладовъ управы, вѣроятно, замѣчена уже и господами гласными (говоритъ далѣе маленькій Гоголь), а о *качественности* ихъ ни комиссія, ни собраніе не могли судить до настоящихъ засѣданій, такъ какъ управа не придерживается того хорошаго обычая, чтобы, изготовивъ заблаговременно хотя важнѣйшіе изъ своихъ докладовъ въ потребномъ количествѣ экземпляровъ, сообщать ихъ гг. гласнымъ до собранія, по крайней мѣрѣ, за недѣлю»... Далѣе, комиссія деликатно шпыняетъ своихъ исполнителей «стереотипностью» веденія дѣлъ, «нѣкоторою медленностью»—до двухъ и *болье* мѣсяцевъ—въ исполненіи самыхъ легкихъ бумагъ; шпыняетъ тѣмъ, что управа не интересуется даже, какой ходъ возъимѣли ея представленія по порученіямъ земства, а «*спокойно, сложа руки, ждетъ у моря погоды*»; жартуетъ и надъ тѣмъ, что, устроивъ помѣщеніе «всесословное», для арестуемыхъ по приговорамъ мировыхъ судей, управа не поинтересовалась даже узнать, что «арестованные грѣшники», всѣхъ половъ и возрастовъ, помѣщаются въ «трехъ низкихъ, холодныхъ и сырыхъ комнатахъ, почти безъ мебели», вповалку, и наблюдаютъ за ними лица, которыхъ скорѣе слѣдовало бы арестовать. Говоря о финансовыхъ операціяхъ исполнительнаго персонала земства, жартливая комиссія замѣчаетъ: «Къ слову сказать, что около трехъ десятинъ грунта (земли), стоившаго земству болѣе 1,200 рублей, дадутъ въ этомъ году дохода 5 р., причемъ, исправленіе забора около грунта принято съемщикомъ на свой счетъ, т. е. *получится чистой прибыли отъ сказаннаго капитала около полупроцента*». Или: «одинъ излишекъ расходовъ не внесенъ въ графу передержекъ, вслѣдствіе чего и станетъ въ отчетѣ 1874 года *нечаянностью*, могущею вселить серьёзное смущеніе въ будущихъ составителяхъ его». Или: «цифра остатка отъ 1873 года сочтена невѣрно, *зане* въ составъ ея не во-

«или 2,000 рублей». Еще лучше комиссія жартуетъ надъ тѣмъ, что ни управа, ни комиссія не могутъ опредѣлить остатковъ земскихъ суммъ къ 1874 году, и комиссія серьёзно рекомендуетъ собранію *объявить нѣкоторую премію «тому изъ чиновъ казначейства, который возьметъ на себя трудъ отыскать* по книгамъ казначейскимъ доподлинную *цифру* уѣздныхъ земскихъ *недоимокъ* по 1874 годъ», и собраніе, дѣйствительно, назначило премію за это открытіе «одному изъ болѣе компетентныхъ чиновниковъ уѣзднаго казначейства», который и явился чѣмъ-то въ родѣ пирятинскаго Колумба, открывшаго недоимки. Но вѣнецъ малороссійской жартливости комиссія обнаруживаетъ въ *поздравленіи* собранія съ тѣмъ, что у земства деньги «утеряны», какъ когда-то Юрасемъ Хмельницкимъ «утеряна» была гетманская булава. Сказавъ, что управа «*не сопричла* процентовъ къ денежному фонду», комиссія объявляетъ: «мало этого, *комиссія поздравляетъ собраніе съ утерею процентовъ*» по серіямъ. Наконецъ, по отношенію къ полиціи, комиссія предостерегаетъ земство такъ, какъ «кобзарь» предостерегаетъ «дівчатъ чорнобровихъ» по отношенію къ «москалямъ»:

Кохайтеся чорнобриві,
Та не зъ москалями,
Бо москали чужі люде
Роблять лихо зъ вами.

Такъ, комиссія говоритъ, что поступленіе земскихъ сборовъ идетъ слишкомъ туго, а потому управа должна была дѣлать займы, и только съ помощью этихъ средствъ «*утолять денежную жажду иныхъ земскихъ кормильцевъ кое-какъ, а недавно возсоединенныхъ къ нимъ чиновъ полиціи—болѣе чѣмъ исправно, даже за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ*. Причина этого всѣми гласными замѣченннаго факта воочію понятна и, главнѣйше, кроется въ извѣстной также всему обществу дѣятельности по взысканію недоимокъ обязанныхъ къ тому должностныхъ лицъ—дѣятельности, неутомимость которой проявляется съ такою, по истинѣ, замѣчательною силою въ назойливыхъ требованіяхъ отъ управы извѣстнаго *гонорарія*»...

Дѣятельность земскаго исполнительнаго персонала также вызываетъ саркастическую улыбку на уста жартливой комиссіи. Такъ, она говоритъ, что «не видѣла никакихъ слѣдовъ исправленій» по дорогамъ, но на бумагѣ, на цифрахъ, исправленія эти были, «если только цифрамъ можно дать вѣру». Какіе все Ѳомы невѣрующіе! «Что же касается *удовлетворительнаго* состоянія путей сообщенія (жартуетъ далѣе комиссія), то она находитъ, что всѣ сооруженія, вновь устроенныя, остаются хорошими

только въ теченіи очень короткаго времени, а затѣмъ быстро разрушаются, потому что никакой ремонтировки не бываетъ, самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ чему можетъ служить яготинская плотина на почтовой дорогѣ, исправленная очень хорошо въ 1868 году, а пришедшая, въ настоящее время, въ *самое отвратительное состояніе.* Нераспорядительнесть же управы ясно выразилась при постройкѣ мостовъ по зарѣчинской плотинѣ, гдѣ, въ теченіи цѣлаго мѣсяца, весенняго и ярмарочнаго, ѣзды не существовало»...

Наконецъ, самую добродушную и наивную малороссійскую веселость какъ въ самой комиссіи, такъ и въ управѣ, надъ которою комиссія жартовала, вызвала одна петербургская бумага, надъ которой сначала управа ломала голову и не поняла, а потомъ ревизіонная комиссія ломала голову—и тоже не поняла, такъ что изъ жартливаго положенія всѣ очутились въ положеніи комическомъ. Комичность заключается именно въ томъ, что добродушные украинцы стали въ тупикъ передъ такимъ выраженіемъ петербургской бумаги, надъ которымъ москаль никогда бы не задумался. Дѣло въ томъ, что пирятинцы представили по начальству на утвержденіе въ установленномъ порядкѣ таксу сбора за проѣздъ по Калиновому Мосту и ждали разрѣшенія на это представленіе. Такъ какъ представленіе шло черезъ губернатора, то и разрѣшеніе получено было отъ г. министра внутреннихъ дѣлъ черезъ него же. Эта-то бумага и привела всѣхъ въ тупикъ: утверждена такса, или не утверждена? задавали себѣ вопросъ пирятинцы. «Сдаеться, що утверждена, а сдаеться, що ні... А що, братці, якъ москаль, може, жартуе зъ нами—ні, треба підождати, що громада скаже»... И пирятинцы ждали «громады», т. е. собранія земства, и таксу не приводили въ исполненіе. «Сбора за проѣздъ по Калиновому Мосту до сихъ поръ не производится (докладываетъ уже сама комиссія громадѣ), но комиссія не можетъ поставить этого обстоятельства въ вину управѣ, такъ какъ полученная отъ начальника губерніи бумага, отъ 26 марта, за № 2,369, *до такой степени непонятная*, что управа очень благоразумно поступила, не рѣшившись своими силами сама ее истолковывать, а представила это собранію». Чтò-же собственно непонятнаго-то нашли добрые украинцы въ бумагѣ губернатора? А вотъ чтò для нихъ показалось непонятнымъ. Въ бумагѣ губернатора говорится, что «его превосходительство, установленную пирятинскимъ экстреннымъ земскимъ собраніемъ таксу представлялъ на усмотрѣніе г. министра внутреннихъ дѣлъ, который, отъ 16 марта, за № 2,641, увѣдомилъ его превосходительство, что со стороны министерства

внутреннихъ дѣлъ *не встрѣчалось бы* препятствія къ допущенію взиманія въ пользу земства Пирятинскаго Уѣзда сбора по означенной таксѣ, съ тѣмъ, чтобы такса эта была приведена въ дѣйствіе въ установленномъ порядкѣ, съ объясненіемъ въ оной, что опредѣленные въ ней сборы установлены съ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 92, Пол. о зем. учр.» Что-же тутъ непонятнаго? Да, *для* г. Евдошенка, предсѣдателя пирятинской управы, для г. Ар. Ляшка и г. Поповича, членовъ управы, повидимому, все тутъ непонятно, а особенно слово *не встрѣчалось бы*. И отчего бы москалю прямо-де не сказать, что такса утверждается? А то нѣтъ—съ хитрецой—«не встрѣчалось бы». А Богъ его знае, що воно таке е се *не встрѣчалось бы*... А якъ лихо встрінеться? Ну, и добрые украинцы «злякались»—«нехай громада розбере». И громада разобрала, потому что какой же москаль не знаетъ, что всѣ москали говорятъ такъ дипломатично: «съ моей стороны не встрѣчалось бы препятствія откусить вамъ носъ», или что-нибудь иное подобное? А простые украинцы прямо лупятъ: «ведкушу у тебѣ нісъ»—и концы въ воду. Но добрымъ украинцамъ нѣчего было ломать голову надъ смущавшимъ ихъ «не встрѣчалось бы», выраженнымъ какъ бы въ условной формѣ. Добрымъ украинцамъ стоило только развернуть одинъ изъ томовъ распоряженій правительства по дѣламъ земскихъ учрежденій (это—изданія хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, которыя, безъ сомнѣнія, должны имѣться въ каждой земской управѣ, какъ и положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, и, вѣроятно, имѣются также и въ библіотекѣ пирятинской управы), такъ добрымъ пирятинцамъ стоило только развернуть это изданіе на любой страницѣ и они нашли бы, что «не встрѣчалось бы»—самая обыкновенная и самая удачная форма правительственныхъ разрѣшеній на всѣ вопросы изъ земской практики, представляемые на разрѣшеніе министерства внутреннихъ дѣлъ—форма, особенно прочно, какъ намъ кажется, установившаяся въ редакціяхъ бумагъ хозяйственнаго департамента этого министерства, что и весьма раціонально: въ министерство входятъ съ вопросомъ, «можно ли допустить то-то, можно ли сдѣлать то-то?», и министерство отвѣчаетъ, что можно, но отвѣчаетъ какъ бы условно, «не встрѣчалось бы препятствія допустить то-то», «сдѣлать то-то», и тутъ же прибавляетъ, «съ тѣмъ, чтобы»... и т. д., желая, что весьма понятно, выразить этимъ, что министерство допускаетъ такую-то мѣру въ такомъ только случаѣ, если при приведеніи ея въ исполненіе будутъ соблюдены всѣ установленныя закономъ общія правила. Вотъ и вся хитрость. Но добрымъ

украинцамъ, какъ видно, московская рѣчь до сихъ поръ еще не совсѣмъ вразумительна, какъ она была не вполнѣ для нихъ вразумительна 200 лѣтъ назадъ.

Чѣмъ же, говоря вообще, болѣе или менѣе рельефно выразилась дѣятельность пирятинскаго земства? Мы не погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что ничѣмъ. Пусть добрые украинцы не заподозрятъ насъ въ пристрастіи, въ московскомъ даже нерасположеніи къ нимъ: положа руку на сердце, мы можемъ сказать, что это была бы неправда. По нѣкоторымъ, весьма глубокимъ причинамъ, которыя мы называемъ и этнографическими, и физіологическими, пишущій это тяготѣетъ сердцемъ скорѣе къ югу, чѣмъ къ сѣверу Россіи, и всегда тяготѣлъ именно въ этомъ направленіи—обратно тяготѣнію магнитной стрѣлки; но и на сѣверѣ, и на югѣ Россіи онъ находитъ и то, надъ чѣмъ плачутъ его старыя очи, и то, что ихъ радуетъ, и не скрываетъ ни того, ни другого, а, напротивъ, старыя очи его наиболѣе плачутъ никому невидимыми слезами сквозь видимый всѣми смѣхъ надъ тѣмъ именно, что имъ наиболѣе дорого—надъ тѣмъ, къ чему старое сердце его упрямо тянется вопреки указаніямъ компаса, наперекоръ законамъ магнитнаго тяготѣнія. Старыя, но еще зоркія очи пишущаго это отыскали хорошее и въ какомъ-нибудь Весьегонскѣ, и въ Сибири, и въ Полтавѣ, и въ Перекопѣ, и въ Псковѣ—отыскали и, радуясь, указали на это; старыя очи отыскали и горькое нѣчто—въ Смоленскѣ и въ Петербургѣ, и въ Саратовѣ, и въ Кишиневѣ, и въ Золотоношѣ, и въ Прилукахъ—отыскали и, плача надъ этимъ, указали и на это; но съ особенно горькими слезами указали туда, куда птицы на зиму летаютъ, туда, въ теплый край, въ «ирій», и указали даже на тѣхъ, которые—

Край счастливый, край веселий та и занапастили...

Отличительною чертою въ занятіяхъ пирятинскаго земскаго собранія является то, что на каждое засѣданіе у нихъ избирается особый секретарь, не такъ, какъ въ другихъ земствахъ—на всю сессію: такъ, въ разсматриваемую нами десятую сессію, секретарями были—и г. Лебедевъ, и г. Гербаневскій, и г. Богдановичъ, и графъ де-Бальменъ. Это доказываетъ, можетъ быть, то, что въ Малороссіи есть изъ кого выбирать, что тамъ контингентъ образованныхъ людей болѣе значителенъ, чѣмъ гдѣ-нибудь въ Красноуфимскѣ, гдѣ на все земство отыскивается одинъ образованный и наиболѣе дѣльный человѣкъ, и этотъ одинъ—*крестьянинъ* Скачковъ. Но, при всемъ томъ, дѣятельность земства — безцвѣтна. Нѣкоторые изъ секретарей пирятинскаго земства, уважая права личности и требованія гласности, вносятъ

въ журналы подлинныя рѣчи гласныхъ, ихъ мнѣнія, ихъ разногласія, и г. Лизогубъ требуетъ «не вносить въ текстъ журналовъ подробно всѣхъ выраженій, которыя происходятъ въ засѣданіи, а ограничиваться лишь только запискою того, что̀ служитъ поводомъ извѣстнаго постановленія и самое постановленіе». Въ пирятинскомъ уѣздномъ училищѣ имѣлись земскіе стипендіаты, и вдругъ, по предложенію г. Лизогуба, пріемъ земскихъ стипендіатовъ въ училище прекращается и пособіе имъ не выдается (Журн. X-го очеред. пирят. уѣзд. зем. собр. Полтава, 1874 г., стр. 3, 5, 6, 27—37, 43, 125, 126).

Подвигаясь нѣсколько восточнѣе по «лѣвобережной» Малороссіи, мы наталкиваемся на городъ Зѣньковъ, тоже Полтавской Губерніи. Населеніе и здѣсь—чисто украинское. Дѣятели земства—украинцы. Вступая въ земское собраніе и прислушиваясь къ фамиліямъ гласныхъ, вы чувствуете, будто попали на островъ Хортицу, въ Запорожье, въ одинъ изъ куреней, а передъ вами все сѣчевики, хотя они уже и не смотрятъ тѣми закопченными порохомъ запорожцами. Батьку-атамана изображаетъ Г. С. Лейбинъ, мѣстный предводитель дворянства. «Товариство», это—казаки: Тимченко, Яресько, Войтенко, Хлонь, Дубяга, Евсѣенко, Щека, Мигодій, Тетерятникъ, Передерій, Куликъ, Рябко, Духъ. Тутъ есть и Желѣзнякъ, можетъ быть, потомокъ того Максима Желѣзняка, о которомъ осталась такая кровавая память въ «правобережной» Украинѣ. Ка̀къ г. Лейбинъ, фамилія котораго напоминаетъ что̀-то далеко некровное для Малороссіи, сталъ предводителемъ дворянства въ этомъ украинскомъ уголкѣ—мы положительно объяснить не можемъ, потому что не знаемъ его генеалогическаго дерева.

Что̀ же дѣлаютъ эти новые сѣчевики? А дѣлаютъ они то же, что̀ дѣлаютъ всѣ земскіе люди во всѣхъ концахъ обширной русской земли. Сперва принимаютъ присягу. Потомъ г. Лейбинъ объявляетъ имъ, что тотъ, кто находится подъ судомъ или лишенъ права по закону присутствовать въ собраніи, тотъ долженъ самъ заявить объ этомъ «товариству». Но казаки всѣ оказались «лицарями», чистыми отъ пятна и укора. Избираютъ затѣмъ секретаря—это такого изъ себя граматнаго казака, который былъ бы для «товариства» тѣмъ, чѣмъ былъ когда-то для Украины писарь виговскій, Мазепа, когда еще былъ помоложе—однимъ словомъ, ловкаго и умѣющаго бойко читать московскую или лядскую бумагу и всякую такую писаную штуку. Товариство обратилось прямо къ казаку Щекѣ. Г. Щека, какъ значится въ спискѣ гласныхъ—не дворянинъ, не панъ, а простой казакъ, и, безъ сомнѣнія, казакъ образованный, получив-

шій, вѣроятно, университетское образованіе. Но г. Щека отвѣчаетъ собранію, что онъ, «имѣя честь присутствовать въ собраніи еще первый разъ, а потому не бывъ знакомъ съ ходомъ земскаго дѣла, при всей своей готовности, принять предложенія не можетъ». Вотъ какъ теперь уже казаки говорятъ передъ своимъ «товариствомъ», точно паны-ляхи передъ своимъ «крулемъ уродзонымъ». Тогда собраніе обращается къ гласному Ф. И. Войтенку, и онъ единогласно избирается секретаремъ.

Здѣсь, въ зѣньковскомъ земствѣ, мы не видимъ уже тѣхъ «жартъ», съ которыми пирятинская ревизіонная комиссія относилась къ своему земскому исполнительному персоналу. Здѣсь, напротивъ, комиссія нашла въ дѣлахъ управы полный порядокъ, и смѣяться было не надъ чѣмъ. Но только оказалось, что запорожцы остались до нѣкоторой степени вѣрны сами себѣ. Прежде, бывало, запорожцы все свое добро носили съ собой: «ратище», «рушницю» и «chересъ», въ которомъ зашиты были червонцы. Земля была божья, значитъ—казацкая, потому что казаки—божьи дѣти. А теперь земля подѣлена людьми и, въ томъ числѣ, казаками. Землю, «грунтъ», не зашьешь въ «чересъ», какъ червонцы, или не привяжешь на крестъ, какъ, бывало, казаки привязывали къ себѣ на крестъ щепоть родной землицы, чтобъ, если придется пасть на чужой сторонѣ—въ Крыму, въ Турціи, въ лядской землѣ—то, все-таки, хоть на груди будетъ родная землица, когда казакъ будетъ лежать въ чужой сырой землѣ. Такъ теперь казаки ухитрились прятать и самую землю, «грунтъ», поля и нивы, и вотъ ревизіонная комиссія предлагаетъ собранію «употребить мѣры къ *открытію земель, скрытихъ владпльцами*, для обложенія налогами, а также и заводовъ, *ускользнувшихъ* отъ налога».

На вспомоществованіе народному образованію зѣньковское земство назначаетъ болѣе 5-ти тысячъ рублей: это—около 10% всего земскаго бюджета; значитъ, болѣе, чѣмъ пирятинцы, которые дали на школы не болѣе 7%. Зѣньковскіе казаки открываютъ на *свои* средства женскую прогимназію, въ которой теперь и учатся чернобровыя украиночки, которыя, впрочемъ, всегда были образованнѣе московокъ, особенно стараго пошиба. Зѣньковцы хлопочутъ объ открытіи образцовыхъ училищъ, и, хотя гласный Петровъ, вѣроятно, изъ москалей, какъ можно судить по фамиліи, предложилъ-было казакамъ «открыть образцовыя училища *насчетъ закрытія нпкоторихъ сельскихъ школъ*, имѣющихъ малое значеніе для народнаго образованія», однако, казакъ П. П. Соколовичъ («нехай ему легенько згадаеться») отрѣзалъ на это москалю, что, «закрывая школы, значило бы отнять средства у

простого народа выучиться граматѣ», что народъ «и при существованіи въ ближайшихъ мѣстностяхъ школъ, не охотно учитъ дѣтей, а при отдаленности училищъ—и подавно, такъ какъ жители преимущественно стѣсняются въ наймѣ квартиръ». За казака Соколовича сталъ казакъ Тимченко, говоря, что «товариству» бояться затратъ на училища нѣчего и т. д., и т. д. И хитрый москаль долженъ былъ замолчать. Затѣмъ говорили казаки: Тетерятникъ, Щека, Хлонь, Мигодій, и все—за народныя школы, такъ что москалю и пикнуть не дали. Далѣе, казаки положили стипендію студенту кіевскаго университета Куликову, а если другому студенту, г. Уралову, и отказали, то очень деликатно и имѣя на это свои причины. Добрые казаки говорили, что «какъ ни желательно было бы оказывать пособіе молодымъ людямъ, находящимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ для окончанія курса наукъ, но земство Зѣньковскаго Уѣзда, при огромныхъ расходахъ, съ каждымъ годомъ увеличивающихся, не можетъ назначать пособія безвозвратно; назначить же стипендію на условіяхъ, предложенныхъ г. Ураловымъ, равносильно заимообразу, ничѣмъ, впрочемъ, со стороны г. Уралова негарантированному и, можетъ быть, впослѣдствіи, для него очень стѣснительному, такъ какъ онъ долженъ будетъ нести обязательную службу земству въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ».

Наконецъ, казаки очень хорошо умѣютъ учить, какъ и прежде учили всѣхъ, незаконно посягающихъ на ихъ права и вольности. Такъ, они проучили своего судебнаго слѣдователя, коллежскаго совѣтника Филонова, и родственника его, коллежскаго секретаря Волжина. Г. Филоновъ, 12-го марта 1874 года, прислалъ въ зѣньковскую земскую управу эстафету, въ которой изъяснялъ, что, получивъ увѣдомленіе отъ своихъ родныхъ изъ хутора Филонова о болѣзни своего малолѣтняго племянника, онъ послалъ просить земскаго врача, живущаго отъ этого хутора верстахъ въ десяти, отправиться въ домъ къ г-жѣ Волжиной и подать помощь ребёнку, но что «вышедшая въ квартирѣ доктора къ его посланному какая-то старая дама сказала, что докторъ спитъ, что будить его нельзя, да что иначе, какъ не пришлютъ за нимъ лошадей, онъ и не поѣдетъ». Поэтому, г. Филоновъ просилъ земскую управу эстафетою—«*распорядиться разбудить земскаго врача* и предложить ему исполнить свой долгъ—отправиться для поданія помощи больному» и тутъ же, въ эстафетѣ, выражалъ свои догадки, что, вѣроятно, не одинъ онъ получилъ подобный отвѣтъ отъ доктора, и «потому многіе плачутся на то, что въ зѣньковскомъ земствѣ докторъ—70-лѣтній старикъ, отъ коего другого отвѣта и ожидать трудно». Понятно,

что казаки, то-есть, управа, точасъ же «съ нарочнымъ» послали «будить» своего врача, г. Олтаржевскаго, и требовать отъ него объясненія. Г. Олтаржевскій отвѣчалъ, что, 12-го марта, возвратившись изъ своей поѣздки въ Глинскъ, «измученный и промокшій, онъ хотѣлъ согрѣться и отдохнуть»; что, въ это время, дѣйствительно, отъ г. Филонова приходилъ какой-то чиновникъ, требуя врача «къ больной матери его»; что посланнаго встрѣтила г-жа Скальская, теща доктора, и сказала ему, что измученнаго и промокшаго зятя своего она будить не рѣшается, и прибавила: «спустя часа полтора или два пришлите лошадей, и мой зять поѣдетъ, ибо онъ никому не отказуетъ». Но лошадей г. Филоновъ не прислалъ, а посланный его не сказалъ даже, куда врачу ѣхать. Врачъ ждетъ весь день — лошадей нѣтъ. Его ждутъ другіе больные. «На основаніи, наконецъ, истины, что не врачъ больного, а больные ищутъ врача» (говоритъ г. Олтаржевскій), онъ, предполагая, что у Филонова и Волжина миновалась надобность въ докторѣ, уѣхалъ къ другимъ своимъ паціентамъ уже на другой день. Какъ бы то ни было, казаки командируютъ предсѣдателя управы на мѣсто происшествія разслѣдовать дѣло, тѣмъ болѣе, что г. Филоновъ грозитъ уже 872 ст. улож. о наказаніяхъ. Оказывается, что г. Филоновъ погорячился. И вотъ что̀ отвѣчали казаки г. Филонову на его эстафету, въ которой онъ просилъ управу «разбудить» своего врача: «Въ вашемъ заявленіи есть такія выраженія, на которыя, еслибы они были написаны человѣкомъ простымъ, необразованнымъ, управа не обратила бы вниманія, приписавъ ихъ неблаговоспитанности и незнанію сношеній съ коллегіальными мѣстами, учрежденными правительствомъ; но какъ заявленіе написано вами, человѣкомъ образованнымъ, давно служащимъ и, въ настоящее время занимающимъ должность судебнаго слѣдователя, то управа не можетъ не обратить на нихъ вниманія и, считая нѣкоторыя выраженія болѣе, чѣмъ неумѣстными, на первый разъ проситъ васъ обращаться къ ней тѣмъ порядкомъ, который установленъ закономъ и принятъ въ общежитіи». Вотъ какъ казаки теперь отвѣчаютъ: это—уже не то, что̀ крымскому хану, которому они оффиціально назвали «нашего Бога дурнемъ» и болѣе крѣпкими словами, какъ это было напечатано въ «Русской Старинѣ».

Во всякомъ случаѣ, впечатлѣніе, выносимое изъ знакомства съ дѣятельностью зѣньковскаго земства, таково, что, хотя дѣятельность эта и не изъ выдающихся, но все же въ ней есть задатки чего-то хорошаго и видимое присутствіе живыхъ силъ и живыхъ людей (Постанов. зѣньков. уѣзд. зем. собр. X созыва 1874 г.,

Полтава, 1874, стр. 2, 3, 8, 11, 27—29, 61, 124—130, 204 и другія).

Мы понимаемъ, что добрые украинцы вполнѣ убѣдятся въ безпристрастіи нашихъ отзывовъ о дѣятельности тѣхъ или другихъ земствъ дорогой намъ Украины, если послѣдують за нами въ неменѣе дорогую для насъ московщину и пороются съ нами въ массахъ земской бумаги, исписанной москалями. По дорогѣ изъ Зѣнькова и Пирятина къ Москвѣ, мы забредемъ вторично въ Калугу, въ которой уже были однажды, но познакомились только съ дѣятельностью калужскаго уѣзднаго земства. Теперь мы заглянемъ въ собранія и губернскаго земства—можетъ быть, тамъ лучше. Первое, что̀ поражаетъ насъ при входѣ въ калужское собраніе, это—малочисленность гласныхъ. Въ обширной залѣ вы насчитываете отъ 20 до 25 дѣятелей на всю губернію, тогда какъ въ какомъ-нибудь Козловѣ, уѣздномъ городѣ, вы находите въ собраніи болѣе 60 человѣкъ. Затѣмъ васъ поражаетъ то обстоятельство, что почти вся инціатива въ земской работѣ исходитъ не изъ самого земства, а откуда-то извнѣ: то отъ губернатора, то отъ городского головы, то отъ попечителя московскаго учебнаго округа. Точно у самого земства глазъ нѣтъ — на все ему указываютъ другіе: то губернаторъ «требуетъ оказать вспомоществованіе нуждающейся части населенія Мосальскаго Уѣзда»; то онъ предлагаетъ земству пригласить въ губернію ветеринаровъ, такъ какъ чума ежегодно пожираетъ и земскія стада, и земскія рабочія силы; то губернаторъ указываетъ на необходимость исправленія дома умалишенныхъ, гдѣ нѣтъ даже колодца для ваннъ, нѣтъ вентиляціи, гдѣ посѣтители дома проходятъ черезъ общій залъ умалишенныхъ и т. д.; то губернаторъ напоминаетъ, что «на недавно передѣланномъ мосту на р. Суходровѣ, подъ д. Тауровою, мостовое полотно сильно дрожитъ при проѣздѣ по немъ, а перила сдѣланы не изъ доброкачественнаго матеріала и такъ плохо устроены, что, при незначительномъ усиліи, могутъ быть сброшены съ моста»; что «прижимные брусья ничѣмъ не укрѣплены, боковыя части при съѣздахъ ничѣмъ не защищены» и т. д., и т. д.; то городской голова предлагаетъ земству устроить въ Калугѣ губернское реальное училище и находитъ жертвователей на 25 тысячъ рублей; то земству извнѣ предлагаютъ открыть въ Калугѣ учительскую семинарію; то крестьяне съ своими, чисто-земскими нуждами, помимо земства, обращаются къ губернатору, и губернаторъ принимаетъ на себя роль ходатая передъ земствомъ за крестьянъ; то земству указываютъ, что березуйскій мостъ опасенъ для проѣзда. Протесты губернатора по распоряженіямъ земства, невсегда обдуманнымъ,

невсегда основаннымъ на обстоятельномъ изученіи каждаго предмета и всего земскаго дѣла, идутъ въ земство десятками — и земство, видя правду на сторонѣ губернатора, по необходимости, покоряется. Значитъ, и москали ошибаются или мало дѣлаютъ того, что̀ слѣдуетъ: бываетъ и на Москву-старуху проруха.

А между тѣмъ, въ общемъ, оглядывая разомъ всю коллективную работу всего русскаго земства, обѣихъ ея половинъ, и Великой, и Малой — этихъ двухъ сестеръ отъ одной матери, оглядывая работу и центровъ, и окраинъ, старыхъ частей великаго тѣла и молодыхъ его наростовъ, метрополій и колоній неизносимаго лаптя, оглядывая сразу эту работу, то дружную и бойкую, то подъ часъ вялую и неохотную, видишь, все-таки, что работа эта идетъ, что доброе дѣло зрѣетъ и спѣетъ помаленьку, и старое сердце стараго обозрѣвателя этой работы радуется, что умирать ему будетъ легче, глядя отъ могильнаго уже рубежа своего на это спѣющее дѣло.

А оно даже и въ Пирятинѣ спѣетъ, и въ Чухломѣ спѣетъ, въ Калугѣ спѣетъ. Калужане заводятъ рѣчь о реальномъ училищѣ. Жертвуютъ деньги. Городской голова зоветъ и земство въ складчину. И земство думаетъ объ этомъ. Гласный Кашкинъ, выражая сочувствіе самой идеѣ реальнаго образованія, все-таки, совѣтуетъ земству разрѣшеніемъ вопроса о долѣ участія въ затратахъ на училище — «пріостановиться», пока не скажетъ послѣдняго слова городъ. Гласный Шумовскій возражаетъ на это, что «пріостанавливаться» тутъ нельзя, что Калужская Губернія «годъ отъ году утрачиваетъ значеніе губерніи хлѣбородной», что «для поддержки благосостоянія края остается лишь желать развитія промышленныхъ и ремесленныхъ заведеній, для успѣха которыхъ необходима извѣстная степень образованія», что, поэтому, разрѣшеніе вопроса объ училищѣ «откладывать нельзя, тѣмъ болѣе потому, что съ потерею времени можетъ утратиться и фондъ, имѣющійся въ распоряженіи правительства для пособія на устройство реальныхъ училищъ». Но г. Шумовскій, все-таки, остается въ собраніи въ меньшинствѣ. Далѣе, когда зашла рѣчь объ устройствѣ учительской семинаріи, то съ рѣчью опять выступаетъ г. Кашкинъ. Онъ говоритъ, что земство затрачиваетъ значительный капиталъ на народное образованіе, но затраты эти — «непроизводительны», потому что нѣтъ учителей, а которые и есть, то и тѣ «ловятъ минуту», чтобъ бѣжать изъ земства и т. д. — давно уже извѣстная намъ пѣсня. Поэтому, г. Кашкинъ предлагаетъ не устраивать семинаріи на свои деньги, а воспользоваться предложеніемъ правительства. «Было бы жаль (говоритъ

онъ) предоставить въ этомъ дѣлѣ преимущество тульскому земству, уже рѣшившемуся затратить на этотъ предметъ болѣе 21 тысячи рублей». Начинается споръ. Г. Загаринъ говоритъ, что туляки богаче калужанъ—за ними-де, не утягаешься. Г. Кондыревъ возражаетъ, что этимъ дѣломъ медлить нельзя, что, пока будетъ тянуться вопросъ о семинаріи, пройдетъ лѣтъ шесть, а калужане, все-таки, будутъ безъ учителей, что, поэтому, нужно хоть стипендіатовъ-то своихъ посылать въ чужія семинаріи, и т. д. Г. Шумовскій заявляетъ, что мировые судьи слишкомъ дорого обходятся земству, что, поэтому, надо установить въ пользу земства пошлину со всякихъ прошеній, претензій, исковъ, жалобъ, т. е. дорогой судъ сдѣлать для населенія еще болѣе дорогимъ и уже окончательно недоступнымъ для бѣдняковъ. Обращаются къ калужскому земству за пособіемъ дѣвица Софья Обрицкая и студентъ Петерманъ, и земство «отклоняетъ» ихъ просьбы. Калужское земство хотѣло также, въ 1873 году, въ извѣстный «самарскій голодный годъ», *отклонить* и предложеніе своего предсѣдателя, г. фон-Розенберга—принести голодающимъ «и свою лепту», какъ онъ выразился; но это оказалось невозможнымъ, потому что было бы ужь изъ рукъ вонъ стыдно. Когда гласный Полтарацкій заявилъ, «имѣютъ ли право губернскіе гласные, какъ повѣренные отъ земства, безъ уполномочія довѣрителей, оказывать жертвы внѣ предѣловъ Калужской Губерніи», то г. Тетеревенко возразилъ на это, что «земства всѣхъ губерній Россіи составляютъ какъ бы общую семью, и, облегчая бѣдствія Самарскаго Края, калужское земство имѣетъ право ожидать, что и въ его тяжелыхъ обстоятельствахъ ему окажутъ повсемѣстное пособіе». Г. Загаринъ добавилъ, что самарцамъ «угрожаетъ голодная смерть—такое поражающее несчастіе, что надо спѣшить протянуть руку помощи» и т. д., и т. д.

Что калужское земство—тоже не изъ выдающихся, а, если и можетъ быть названо выдающимся, то отрицательно, достаточно видѣть изъ того, что гласные его, которыхъ явилось въ собраніе не болѣе 25 человѣкъ, не могли высидѣть болѣе пяти засѣданій въ послѣднюю сессію, и, когда открылось шестое засѣданіе, то зала была почти пустая, и это—не первый случай. Тогда предсѣдатель, для котораго подобное явленіе было не новость, заявляетъ, что, «за неприбытіемъ узаконеннаго числа гласныхъ, занятія собранія не могутъ продолжаться», и посылаетъ доложить объ этомъ губернатору. Г. Шевичъ является и объявляетъ собраніе закрытымъ. А въ Саратовѣ, сколько намъ извѣстно, въ дни открытія земскихъ сессій, губернаторъ часто, бывало, надѣваетъ мундиръ и ожидаетъ приглашенія его на

открытіе собранія: прождетъ часъ, два, три — и снимаетъ мундиръ. Это значитъ, что не собрали узаконеннаго числа гласныхъ, которые, вмѣсто собранія, предпочитали сидѣть въ трактирѣ Барыкина и слушать пѣніе цыганокъ. А между тѣмъ, въ рязанскомъ земствѣ, въ теченіе всего десятилѣтняго существованія земства, гласные всего только одинъ разъ, не успѣвъ или не хотѣвъ рѣшить податного вопроса, разъѣхались раньше окончанія двадцатидневнаго срока сессіи, и князь Волконскій оглашаетъ это событіе, какъ нѣчто необыкновенное и въ высшей степени «грустное». Нѣтъ, настоящаго-то грустнаго кн. Волконскій, какъ видно, не видалъ.

Думаемъ, что на калужскомъ земствѣ намъ долѣе останавливаться нѣчего (Журналы IX очеред. калуж. губ. зем. собр. съ 10-го по 15-е декабря 1873 года. Калуга, 1874, стр. 3, 18, 19, 21, 29, 34, 36—37, 41. Приложенія къ журналамъ. Калуга, *въ земской типографіи*, 1874; страницы не обозначены въ изданіи).

XXIII.

Любуясь тихою земскою работою по всей русской землѣ, а подчасъ и мыкая земское горе «по степному ковылу», мы исколесили почти уже всю Русь. Почти всю... Но она далеко еще не вся. Цѣлыя бывшія царства остались еще нами не осмотрѣнными — царство Казанское, царство Астраханское, и прочая, и прочая, и прочая. Но въ одни царства намъ не удалось еще попасть, для другихъ еще не настала земская жизнь и они стоятъ на череду преобразованій. Царство Казанское уже попало въ черёдъ. Царство это живетъ земскою жизнію уже десятый годъ. Но почему-то намъ не удалось попасть въ самую столицу царства — въ Казань, въ которую когда-то и Грозному удалось попасть съ немалымъ трудомъ и немалымъ пролитіемъ русской крови. Мы не находимъ въ земской литературѣ слѣдовъ земской работы столицы Казанскаго Царства: видно, она скупо разсылаетъ по русской землѣ отчеты о своей дѣятельности, потому что отчетовъ этихъ мы нигдѣ не можемъ найти. Намъ попадаются преимущественно отчеты свіяжскаго и чебоксарскаго земствъ, съ которыми мы и познакомимся.

Свіяжскій Уѣздъ, кромѣ русскихъ, населенъ также и потомками бывшихъ подданныхъ царства казанскаго—татарами. Хотя процентъ ихъ въ населеніи и весьма значителенъ, однако, въ земскомъ дѣлѣ татарскій элементъ положительно незамѣтенъ. Всѣ земскіе дѣятели — почти исключительно русскіе: предсѣда-

тель земства—г. Козаковъ; гласные землевладѣльцы—Геркенъ, Ильинъ, Левашовъ, Обуховъ, Пахомовъ; священники—Матвѣевскій, Рутовъ; крестьяне — Балдинъ, Берниковъ, Ланскихъ, Щукинъ, Кириловъ. Наиболѣе живою личностью изъ всѣхъ свіяжскихъ земцовъ представляется намъ г. Пахомовъ, онъ же и секретарь собранія. Но, вообще, дѣятельность свіяжскаго земства обнаруживаетъ мало жизни: въ ней есть что-то канцелярское, какъ бы только пассивное исполненіе того, что на него кѣмъ-то возложено, словно бы это было невольное отправленіе земской натуральной повинности. Но зато въ дѣятельности свіяжцевъ нѣтъ и тѣхъ безобразій, которыя подчасъ замѣчаются въ другихъ земствахъ подъ какимъ-либо болѣе или менѣе благовиднымъ плащомъ, а иногда и въ голомъ видѣ.

Если и можно на что-либо обратить вниманіе въ дѣятельности свіяжскаго земства, такъ это развѣ на попытки его къ возможному уравненію дорожной повинности—это той именно египетской работы русскаго сѣраго люда, которую мы не можемъ ни съ чѣмъ другимъ сравнить, какъ съ баснословнымъ рытьемъ Меридова Озера. Въ Свіяжскомъ Уѣздѣ считается болѣе 1,126 верстъ протяженія почтовыхъ дорогъ. Дороги эти, по трудности ихъ исправленія сообразно качеству грунта и инымъ условіямъ, дѣлятся на три разряда: на исправленіе одной версты перваго разряда требуется въ годъ 100 рабочихъ дней; на исправленіе версты второго разряда — 200 рабочихъ дней; на исправленіе версты третьяго разряда—400 дней. Такимъ образомъ, наличные работники Свіяжскаго Уѣзда каждый годъ употребляютъ на эту египетскую работу по 26,550 рабочихъ дней, въ десять лѣтъ—болѣе четверти милліона рабочихъ дней. И при всемъ томъ, пути наши — наше больное мѣсто; да еще тѣмъ особенно тяжко это больное мѣсто, что рытье Меридова Озера лежитъ почти вездѣ все еще на шеѣ одного сословія. Теперь свіяжцы думаютъ отнести эту повинность на деньги, т. е. на предметы обложенія, чтобы въ рытьѣ баснословнаго озера участвовали, по возможности, всѣ сословія. Точно также, они, свіяжцы, хлопочутъ, хотя въ весьма скромныхъ размѣрахъ, о снабженіи всѣхъ своихъ волостей «волостными повитухами», изъ которыхъ нѣкоторыя получили образованіе при клиникѣ казанскаго университета; но, въ послѣднее время, профессоръ Козловъ почему-то «отказался продолжать обученіе» земскихъ повитухъ повивальному искуству, и онѣ должны учиться акушерству на мѣстѣ. Г. Пахомовъ и въ этомъ дѣлѣ принимаетъ, повидимому горячее участіе. Но что печально въ свіяжскомъ земствѣ, такъ это—дѣло народнаго образованія. Несмотря на пожертвованія г. Гремѣева

въ пользу мѣстныхъ школъ, свіяжцы продолжаютъ выдавать учителямъ самыя ничтожныя преміи «за выучку» — *по 3 р. въ годъ за ученика!* Странная система школьнаго гонорара. При этомъ, конечно, и говорить нечего о томъ, что, если какой-либо бѣдный студентъ, хотя бы, напримѣръ, г. Баршевскій, попроситъ у свіяжцевъ стипендію, то непремѣнно встрѣтитъ «отклоненіе» ходатайства.

Но, все-таки, свіяжцы бьются надъ многими вопросами, бьются и плачутся, а экономической силёнки не хватаетъ: населеніе бѣдно до нищенства и темно непроходимо. Задумали свіяжцы помочь мужичку улучшеніемъ породы рабочей лошади; выпросили у главноуправляющаго государственнымъ коннозаводствомъ двухъ жеребцовъ — «Либерала» и «Каракипчака». И оказалось, что глупые мужики обѣгаютъ «Либерала», потому что онъ — «чалой масти»: хотимъ-де вороныхъ и сѣрыхъ жеребцовъ. Но земство надѣется, что «въ недалекомъ будущемъ крестьяне оставятъ такую прихотливую разборчивость, когда увидятъ, что полученный отъ чалыхъ жеребцовъ чалый приплодъ далеко превосходитъ въ работѣ ихъ вороныхъ и сѣрыхъ лошадокъ». Бьются свіяжцы и съ улучшеніемъ хлѣбопашества посѣвомъ особенно культурныхъ хлѣбныхъ сѣмянъ—и все пока напрасно. Бьются и съ другими своими мелкими, но добрыми задачками, бьются и когда-нибудь да добьются же чего-нибудь, по пословицѣ: «бей галку и ворону, добьешься и до яснаго сокола». (Постанов. свіяж. уѣзд. зем. собр., Казань, 1874 г., стр. 18, 19, 25, 53, 55, 68, 147 и др.).

Дѣятельность другой земской области бывшаго казанскаго царства — чебоксарской — представляетъ болѣе интересныхъ явленій, но, въ то же время, и много страннаго, характеризующаго невообразимую дѣтскость россіянъ въ пониманіи требованій общественно-гражданской жизни и общественно-гражданской работы въ пользу своего края. Въ одномъ мѣстѣ, одинъ и тотъ же россіянинъ, такъ вотъ и кажется, обогналъ уже самаго нередоваго американца, въ другомъ — онъ пятится назадъ упрямѣе самаго отсталаго бушмена и открыто признаётъ законность бушменскихъ принциповъ. И «царь», и «рабъ», и «богъ» и «червь», бушменъ и янки—все это укладывается въ даровитой и сумасбродной русой головѣ.

Въ чебоксарскомъ земствѣ, на десятой годъ мирнаго существованія его, совершается вдругъ такое стеченіе обстоятельствъ, что *земство само собой могло исчезнуть съ лица русской земли.*

Дѣло было такимъ образомъ. Въ августѣ прошлаго года, предсѣдатель чебоксарской управы, г. Кожевниковъ, заявляетъ

своей управѣ, что, переѣзжая на жительство въ Казань, со всѣмъ семействомъ, онъ необходимо долженъ отправиться туда никакъ не позже 20-го сентября, а что, послѣ этого времени, переѣздъ цѣлымъ домомъ будетъ затруднителенъ и даже просто невозможенъ, и потому проситъ управу, уволивъ его отъ должности предсѣдателя, принять отъ него должность и кассу. Членъ управы, г. Савельевъ, заявляетъ на это г. Кожевникову, что этого сдѣлать нельзя, что до земскаго собранія онъ долженъ остаться на своемъ мѣстѣ. Г. Кожевниковъ остается. Но вдругъ, 18-го сентября, г. Савельевъ, который «находилъ неловкимъ оставлять должность» до собранія и которому не предстояло никакой надобности отправляться куда-либо со всѣмъ своимъ домомъ, самъ исчезаетъ изъ управы—сообщаетъ ей къ «свѣдѣнію», чтобъ она «считала его выбывшимъ». Бѣгство свое изъ управы онъ объяснялъ тѣмъ, что онъ — городской голова и ему нельзя соединять обязанности головы съ обязанностями члена управы, тогда какъ, два года сряду, онъ находилъ это соединеніе возможнымъ—и соединялъ. И вотъ, злополучная управа остается, какъ она сама выражается, «двухчленною»; а какъ г. Савельевъ «бѣгу ялся» передъ самымъ собраніемъ, то «двухчленная» управа должна была, по необходимости, «вдвоемъ исполнять всю подготовительную работу» («а ея не мало» — прибавляетъ она въ скобкахъ, жалуясь объ этомъ собранію) — разсчеты, доклады, сметы, раскладки и т. д. Ясно, что, еслибъ и остальные члены «бросили должностныя обязанности», то, какъ справедливо высказываетъ свои опасенія чебоксарское земство, могло «все закрыться и весь ходъ земскаго управленія остановиться». Дѣйствительно, чебоксарское земство прекратило бы свое существованіе, а изъ пепла его, какъ фениксъ, вновь возродился бы исправникъ; земскія же учрежденія для чебоксарцевъ признаны были бы равновременными. И вотъ, изъ опасенія, чтобы, по смерти чебоксарскаго земства, не возродился старый исправникъ съ эпитетомъ «земскаго», чебоксарцы, въ сессію 1874 г., къ тремъ членамъ управы выбрали еще «*трехъ запасныхъ*». А если и запасные бѣгутъ? Но такимъ вопросомъ задаваться — преждевременно.

Видно, однако, что въ чебоксарскомъ земствѣ людей нѣтъ: «человѣка не имамъ, человѣка не имамъ» можетъ оно сказать вмѣстѣ съ евангельскимъ разслабленнымъ. Собраніе избираетъ предсѣдателя управы. За неимѣніемъ «человѣка», оно обращается къ г. Кожевникову, который собрался переѣзжать въ Казань. Г. Кожевниковъ положительно отказывается. Тогда изъ Петербурга получается телеграмма отъ какого-то г. Ширка-

лина, который предлагаетъ себя въ председатели. Его и избираютъ. Но где взять членовъ, когда всехъ гласныхъ — только 12 человекъ? Начинаютъ, однако, сами себя баллотировать. Семь человекъ гласныхъ отъ баллотировки отказываются. Остается пять человекъ. Баллотируютъ этихъ—*все* оказались «неудостоенными» избранія. Въ отчаяніи, гласные «вторично» начинаютъ сами себя баллотировать. На этотъ разъ выборы были счастливее: удостоены—казенный ревизоръ Успенскій и волостной писарь Петровъ. Еще более трагическая исторія повторяется съ выборомъ мировыхъ судей и повторяется *три раза*. «Такъ какъ лицъ (говоритъ управа въ своемъ докладе), удовлетворяющихъ всемъ требованіямъ закона, у насъ въ уезде *нетъ* (опять-таки — «человека не имамъ»), то, по закону, необходимо *единогласное* уже избраніе другихъ лицъ, желающихъ баллотироваться. Такихъ желающихъ является шестеро. Начинается баллотировка. Четырехъ забаллотировываютъ, а единогласно выбираютъ только двухъ судебныхъ следователей, г. Магнитскаго (историческая фамилія) и г. Шестакова. Но этихъ избранныхъ сенатъ *не утверждаетъ*, ибо они избраны только одиннадцатью гласными, такъ какъ больше одиннадцати таковыхъ Чебоксарскій Уездъ не имелъ (опять «человека не имамъ»). И вотъ, жалуется управа, «несмотря на все *хлопоты*, составъ мировыхъ судей въ уезде, *все-жъ-таки*, не пополнился». Тогда г. Кожевниковъ, «преследуя до конца достиженіе этой цели», т. е. избранія мировыхъ судей, самъ отправляется въ Казань и лично проситъ губернское собраніе — избрать судей для Чебоксарскаго Уезда, и опять-таки единогласно, по закону. Собраніе ему обещаетъ. Начинаютъ баллотировать и, несмотря на обещаніе, всехъ шестерыхъ кандидатовъ опять забаллотировываютъ! И вотъ, бедная управа, жалуясь собранію на сиротство своего уезда и объясняя, что единственный судья уезда, г. Леонтьевъ, «въ съезде никогда не бываетъ», такъ слезно причитаетъ: «вследствіе всего этого и не желая, во вредъ делу, пріостановиться на полдороге, управа, для успешнаго достиженія цели выборовъ, вновь ходатайствуетъ объ этомъ передъ собраніемъ и спешитъ при этомъ воспользоваться законнымъ для выбора судей составомъ гласныхъ, *что для насъ—большая редкость*, такъ какъ число гласныхъ составляется всего лишь только изъ 12 человекъ». И вотъ собраніе сжалилось надъ слезами управы—баллотируетъ: но тутъ же забаллотировываетъ г. Ширкалина; къ счастью, сердце собранія окончательно смягчилось, и оно избрало двухъ судей—купцовъ Короткова и Швеина.

Но видно, что беднымъ чебоксарцамъ, вообще — не задача.

Еще въ 1872 году они, въ своемъ собраніи, постановили «имѣть книжный складъ при управѣ». Ассигновали на покупку книгъ и сумму въ 300 р. Но, такъ какъ инціатива въ этомъ дѣлѣ шла отъ правленія чебоксарской публичной библіотеки, то г. Кожевниковъ, съ которымъ намъ приходится такъ часто встрѣчаться и котораго личная земская дѣятельность, кажется, превышаетъ коллективную дѣятельность всѣхъ чебоксарянъ, неоднократно, въ теченіе двухъ лѣтъ, просилъ публичную библіотеку, и особенно предсѣдателя ея правленія, «указать, какія именно книги, по его мнѣнію, какъ мнѣнію специалиста, могутъ и должны быть съ пользою выписаны»; просила объ этомъ и управа, но библіотека пребывала нѣма. Тогда собраніе, узнавъ объ этомъ оскорбленіи своего исполнительнаго органа, лаконически постановило: «книжный складъ не учреждать, за неимѣніемъ въ немъ надобности». Такъ разрушаются многія прекрасныя начинанія земствъ.

Земства бывшаго казанскаго царства, между прочимъ, коснулись одного очень-очень стараго вопроса, унаслѣдованнаго русскою землею еще отъ временъ Рюрика, Олега, Игоря и отъ первыхъ христіанскихъ правителей русскаго народа. Вопросъ этотъ—переложеніе *руги* на деньги. Не всѣмъ, вѣроятно, извѣстно даже, что̀ такое руга. «Руга», это—первобытный, младенческій способъ собиранія дани съ народа тѣми лицами, которыя имѣютъ право на народную дань. Въ самой древней Руси, когда еще не существовало даже писаныхъ законовъ, правители руской земли, князья кіевскіе, черниговскіе, сѣверскіе и другіе, правили своимъ народомъ такъ, какъ только могутъ править своими подданными главы младенческихъ народовъ, когда ни присутственныхъ мѣстъ, ни чиновниковъ, ни законовъ нѣтъ, а есть полудикія общества, живущія въ лѣсу и поляхъ и во время опасности скрывающіяся въ свои загороженныя, полузвѣриныя логовища. Править такими обществами нѣчего—они сами между собою управляются: кто поймалъ вора—тотъ и убилъ безъ суда; сосѣдъ убилъ у тебя отца—ты убивай отца или мать у сосѣда, ты убивай его самого и т. д. Чтобы собирать съ такихъ молодцовъ, какими были наши предки, подати и оброки, нельзя было посылать къ нимъ окладныхъ листовъ съ становыми—ничего этого не было. Надо было князю самому со своею дружиною объѣзжать свои владѣнія, останавливаться въ иныхъ мѣстахъ на роздыхи, на ловлю звѣрей и пр., а, въ это время, полудикіе подданные и несли князю подати: кто бѣлку, кто куницу, кто веверицу, кто ушатъ меду, кто кусокъ воску—и вотъ всѣ подати. Поѣздка князя за податями называлась «полюдьемъ»—ѣз-

дить «по людямъ». Когда у насъ введено было христіанство, то служители церкви, какъ и князья, жили отъ народа. А отъ народа можно было жить только тѣмъ, что надо было ходить по полудикимъ логовищамъ и собирать съ него хлѣбъ, медъ, воскъ на свѣчи, ленъ на рубахи и на церковныя ризы. Это собиранье духовенствомъ дани съ народа, съ паствы, и называлось «ругою». Такъ какъ церковь, по принципу, должна быть консервативна, то цѣлое тысячелѣтіе, прошедшее надъ русскою землею, неисчислимыя реформы, отъ 862 года, отъ Рюрика, до 1875 года избороздившія почву русской жизни вдоль и поперекъ, тысячи перемѣнъ въ судьбахъ русскаго народа, войны, моры, счастье и горе государственное въ горькія эпохи нашей жизни—однимъ словомъ, ни время, ни люди не тронули «руги». И по настоящее время, сельское духовенство наше, подобно Игорю или Олегу съ дружиною, каждый годъ, преимущественно въ осеннее время, послѣ окончанія полевыхъ работъ, отправляется на «полюдье», за «ругою»: священникъ изображаетъ изъ себя древняго князя; его дружина—дьяконъ, пономарь, звонарь и сторожъ церковный. Этотъ кортежъ объѣзжаетъ всю свою паству—близкія и далекія деревеньки. Какъ Игорю и Олегу несъ русскій народъ бѣлокъ, веверицъ, медъ, воскъ, такъ онъ продолжаетъ сносить эту же дань своимъ духовнымъ пастырямъ: кто несетъ горсточку соли, кто ковшъ крупы, кто льну на рубахи, яицъ, куръ, а кто и овцу за рога ведетъ. Отъ «руги» живетъ сельское наше духовенство, потому что деньгами отъ мужичка много не возьмешь: деньги онъ несетъ въ казначейство, а батюшкѣ-попу—мѣшокъ овсеца или годовалую свинку.

Духовенство давно сознаетъ неудобство и унизительность питанья мірскимъ подаяніемъ, ибо времена апостольскія прошли, когда ученики Христа питались, срывая въ полѣ колосья и перетирая ихъ между пальцами. Духовенство давно желало бы жить жалованьемъ, но не «ругою»... «Что такое руга?» спрашиваетъ дьячка его маленькій сынокъ. — «А вотъ, когда тебѣ ѣсть нѣчего, ты пойдешь просить милостыню, и отъ всѣхъ слышишь *ругань*—вотъ тебѣ и *руга*», отвѣчалъ родитель, плохой знатокъ филологіи и отечественной исторіи.

По иниціативѣ козмодемьянскаго земства, казанское губернское земское собраніе, въ 1874 году, передало на разсмотрѣніе всѣхъ уѣздныхъ земствъ вопросъ о переложеніи руги на деньги, съ раскладкою на земли. Не безъ ироніи докладываетъ чебоксарская управа своему собранію этотъ «податной вопросъ» нашего духовенства—вопросъ, затянувшійся рѣшеніемъ еще отъ Влади-

міра Мономаха. Цѣль духовенства, достиженіе которой оно такъ *непреклонно* преслѣдуетъ, само собой разумѣется, заключается въ улучшеніи своего быта: «безспорно, что, по переложеніи руги на деньги и включеніи таковыхъ въ земскія сметы, духовенству будетъ очень удобно и легко получать ежемѣсячно изъ управы довольно приличный окладъ содержанія и, затѣмъ уже, не входить ни въ какія непосредственныя отношенія по этому предмету къ воспитываемымъ имъ духовно и нравственно своимъ сельскимъ прихожанамъ, такъ что, разсматривая вопросъ съ этой только точки зрѣнія, нельзя не радоваться вмѣстѣ съ духовенствомъ, глядя на возможность осуществленія такой для нихъ прекрасной мысли». Но это сладкое пѣніе—затаенная язвительность хитрыхъ чебоксарцевъ. Они говорятъ далѣе, что, если ругу разложить на земли, то налогъ составитъ 30 коп. за каждую десятину или болѣе 40,000 р.; а изъ этого хитрые чебоксарцы дѣлаютъ прямой выводъ, что уничтоженіе рюриковой руги заставитъ земство *«удвоить земскія сметы»*, такъ, какъ въ настоящее время, весь бюджетъ чебоксарскаго земства не превышаетъ 40,000 р. «Такимъ образомъ (поютъ далѣе чебоксарцы въ своемъ докладѣ собранію), содержаніе духовенства земству будетъ стоить тоже, что стоитъ ему содержаніе въ настоящее время медицинской, продовольственной, судебной, административной и всѣхъ прочихъ многочисленныхъ частей земскаго управленія, которыя наше земство, рѣшившись поправлять состояніе здѣшняго духовенства, уже тогда, къ великому сожалѣнію, не въ силахъ будетъ поддерживать надлежащимъ и правильнымъ образомъ»... Вотъ что значитъ дотрогиваться до нѣкоторыхъ столбовъ, которые врыты въ русскую почву еще во время Рюрика, Синеуса и Трувора и которыми поддерживаются до сихъ поръ главныя части нашего государственнаго зданія.—«Затѣмъ (продолжаютъ консерваторы-чебоксарцы, анализируя петицію новаторовъ-священниковъ и реформаторовъ-дьячковъ)—затѣмъ, вознаградивъ настоящимъ образомъ трудъ нашего сельскаго духовенства и улучшивъ его положеніе, можетъ ли земство съ полной увѣренностью разсчитывать на такое же улучшеніе сельскаго населенія?»—Нѣтъ, отвѣчаютъ на это чебоксарцы-консерваторы. «Вполнѣ признавая великое воспитательное и нравственное значеніе нашего сельскаго духовенства въ средѣ народа (говорятъ они), управа, *все-жъ-таки*, осмѣливается усомниться въ томъ, чтобъ содержаніе духовенства, по переложеніи руги на деньги, ограничилось *бы* исключительно тѣмъ денежнымъ окладомъ, какой будетъ имъ получаться отъ земства, и чтобъ въ нѣкоторыхъ, и даже въ бóльшей части случаевъ, не осталась бы еще и даже

*

на долгое время таже руга. Вслѣдствіе этого, управа рѣшается думать, что для отстраненія такихъ казусовъ необходимъ будетъ контроль; но спрашивается: возможенъ ли и даже мыслимъ-ли онъ здѣсь? Развѣ земство съ этой цѣлью не учредить ли, можетъ быть, какое-нибудь особое управленіе съ приличнымъ содержаніемъ его?.. Итакъ, вотъ какія улучшенія могутъ произойти въ земствѣ съ установленіемъ денежной оплаты труда сельскихъ священниковъ отъ земства». Но консерваторы не останавливаются на этомъ: они говорятъ, что духовенство должно само замѣнить новыми столбами тѣ столбы, которые поставилъ подъ русскую крышу Рюрикъ, а потомъ Владиміръ-Ясное Солнышко, а затѣмъ другой Владиміръ-Мономахъ. «Разсмотрѣвъ, такимъ образомъ вопросъ о переложеніи руги и признавая вполнѣ, что духовенство, по разрѣшеніи этого вопроса въ благопріятномъ для него смыслѣ, будетъ обезпечено нетолько хорошо, но даже превосходно, если принять еще во вниманіе находящуюся и остающуюся въ ихъ пользованіи и распоряженіи церковную землю (продолжаютъ язвительные чебоксарцы)—управа, тѣмъ не менѣе, считаетъ переложеніе руги на деньги и принятіе содержанія духовенства на земскій счетъ нетолько невозможнымъ, но *просто немыслимымъ*, а потому и не можетъ, къ сожалѣнію, отнестись съ такимъ глубокимъ сочувствіемъ къ этому вопросу, съ какимъ отнеслось къ нему козьмодемьянское земство». Что-же даютъ чебоксарцы духовенству взамѣнъ руги? А просто добрый совѣтъ—идти къ цѣли «правильнымъ и раціональнымъ путемъ». Какой же это путь? А вотъ какой: «Вращаясь постоянно въ народѣ и имѣя возможность постоянно вліять какъ на умственное, такъ на нравственное и духовное его развитіе, духовенству очень легко будетъ, достигнувъ своими высокими нравственными качествами любви, расположенія и уваженія своихъ прихожанъ, войти непосредственно съ ними въ соглашеніе о замѣнѣ руги деньгами». Чебоксарцы говорятъ съ увѣренностью, что «крестьяне, получивъ довѣріе къ своимъ духовнымъ воспитателямъ, готовы будутъ вознаграждать ихъ совершенно приличнымъ образомъ—вотъ тотъ правильный и вполнѣ согласный съ обстоятельствами сего дѣла путь, коимъ духовенство можетъ легко улучшить свое матеріальное благосостояніе, а, соотвѣтственно сему, улучшить и отношенія свои къ своимъ прихожанамъ, такъ сильно нуждающимся въ нравственной и духовной поддержкѣ со стороны просвѣщеннаго сельскаго духовенства».

Да, совѣты легко давать. Совѣты эти духовенство слышитъ отъ самой исторіи вотъ уже нѣсколько столѣтій. Не чебок-

сарцамъ учить наши духовныя сословія уму и умѣнью обращаться съ народомъ: русское духовенство, вотъ уже около тысячелѣтія, выноситъ на своихъ плечахъ много, очень много; чуть ли не всю русскую землю оно вынесло на своихъ плечахъ, какъ ковчегъ Ноя вынесъ остатки человѣчества изъ допотопной эпохи въ послѣ-потопную; широки эти плечи русскаго духовенства: на этихъ плечахъ своихъ оно выдержало два вѣка татаръ, а потомъ, на этихъ же широкихъ плечахъ донесло ихъ, вмѣстѣ съ Пересвѣтомъ и Ослябью, до Куликова Поля и выбросило за рубежъ русской земли; вынесло оно на этихъ плечахъ и Грознаго, хотя само, въ лицѣ мученика, митрополита московскаго Филиппа, позорно высидѣло на кобылѣ лицомъ къ хвосту; вынесло оно на этихъ плечахъ и смуты 1612 года, отстаивая русскую землю изъ крошечной лавры, подъ командою монаха, у котораго въ рукахъ чотки были сильнѣе пушекъ московскихъ. Духовенство дало русской землѣ не одну геніальную личность, начиная отъ Никона и кончая Сперанскимъ. Духовенство дало, въ послѣдній вѣкъ цѣлый контингентъ лучшихъ въ Россіи дѣятелей, о которыхъ можно сказать, что—«однихъ ужь нѣтъ, а тѣ—далече»... Государственный механизмъ часто чинили руки нашихъ поповичей, и теперь они стоятъ машинистами у этой громадной машины, въ видѣ разныхъ директоровъ департаментовъ, вице-директоровъ и пр. Духовенство наше бросило въ нашъ общій жизненный муравейникъ немало поповичей (а ихъ у него дома осталось еще немало), которые умѣли крѣпко и съ тактомъ держать руль русской печати, русской литературы, русской науки. Духовенство, однимъ словомъ, умѣетъ думать, и не чебоксарцамъ учить его этому думанью. А есть что̀-то органическое, глубоко проросшее въ русскую почву и закрѣпленное русскою исторіею, что̀ мѣшаетъ духовенству быть не тѣмъ, чѣмъ оно поневолѣ должно быть, и просить у земства—отмѣны исторической руги...

Ка̀къ бы то ни было, чебоксарское земство отвергло вопросъ о ругѣ, постановивъ: «мнѣніе управы принять безъ всякихъ измѣненій, какъ вполнѣ правильное и основательное».

Говоря вообще, «ружный вопросъ», занимающій теперь земства бывшаго казанскаго царства, какъ и вопросъ объ улучшеніи отношеній русскаго духовенства къ народу и къ земству, это—все вопросы историческіе, которые не легко разрѣшаются: ихъ разрѣшаетъ совокупный ходъ всей исторической жизни народа. Кажется, чего бы легче было для русскихъ земствъ вывести русскій народъ изъ бѣдности и мрака невѣжества? Это же—притомъ, и прямая задача русскихъ земствъ по смыслу положенія о земскихъ учрежденіяхъ. А, между тѣмъ, какъ рыба объ ледъ, бьют-

ся многія земства объ эту бѣдность и объ это невѣжество, а чѣмъ взяться? Денегъ нѣтъ и ума нѣтъ, знаній у народа нѣтъ. Вотъ, хоть бы тетюшинское земство Казанской Губерніи хлопочетъ о народномъ образованіи, о томъ, чтобы уѣздные учительскіе съѣзды были замѣнены «губернскимъ» центральнымъ съѣздомъ, чтобы на этотъ съѣздъ «былъ приглашонъ *кто-нибудь изъ авторитетовъ* въ дѣлѣ народнаго образованія, пользующихся всеобщею извѣстностью въ Россіи». Объ этомъ хлопочетъ и чебоксарское земство; ассигнуетъ на центральный съѣздъ полтораста рублей—а больше гдѣ же взять?—у того же бѣднаго и невѣжественнаго мужика... Г. Ширкалинъ, просившійся, какъ мы видѣли, въ предсѣдатели чебоксарской управы, посредствомъ телеграммы изъ Петербурга, изъ Петербурга же хлопочетъ—и все о томъ же: о народномъ образованіи, о «наивозможномъ» увеличеніи числа школъ—въ нихъ только и спасеніе. Г. Мельниковъ, членъ чебоксарскаго училищнаго совѣта, такъ этотъ вотъ какъ даже восклицаетъ не своимъ голосомъ о «*поголовномъ* развитіи граматности»: «Высокая цѣль преслѣдуется разработкой вопроса объ обязательномъ обученіи дѣтей граматѣ: *поголовное* развитіе граматности въ средѣ сельскаго населенія. Нельзя не сочувствовать, не желать достиженія этой цѣли въ возможно близкомъ будущемъ. Еще не такъ давно граматный крестьянинъ считался рѣдкостью въ средѣ сельскаго населенія, *наводившей на крестьянъ*, однодеревенцевъ, *опасеніе за животы свои*, какъ кандидатъ на сельское начальство, когда съ ужасомъ родители видѣли приближеніе къ деревнѣ сельскихъ властей, *выхватывающихъ изъ семьи дѣтище для обученія граматѣ*. Сколько слезъ проливалось бѣдными родителями при прощаніи съ Сенюшами, Ванюшами, забираемыми въ школы! Богатые—особь статья: тѣ умѣли сладиться съ сельскими властями, и дѣти ихъ оставались въ семьѣ родной неучами». А отчего это было? Г. Мельниковъ объясняетъ это по своему: «Не видѣли, въ то время, крестьяне пользы въ образованіи, не желали они, чтобъ дѣти ихъ, будучи отрѣзаны отъ семьи на время пребыванія ихъ въ школахъ, были *хищными* (?) среди безгласныхъ и добродушныхъ поселянъ. Зло одно видѣли тогда крестьяне въ образованіи, насильственно навязываемомъ имъ.—Не стану поднимать завѣсы на прошедшее—картина грустная, непривлекательная... Прошло, слава Богу, то время, и не вернется больше, какъ не посмѣетъ повторить въ настоящее время никто убѣжденія о вредѣ народнаго образованія, выраженнаго въ мнѣніи человѣка даровитаго, высокообразованнаго и близко стоящаго (—*вшаю*) къ народу, В. И. Даля. Правъ онъ былъ въ свое время» (!). Но теперь, говоритъ г. Мельни-

ковъ—не то: крестьяне требуютъ школъ, подобно тому, какъ римскій плебсъ, голодный и дикій, требовалъ «panem et circenses». Въ десять лѣтъ, народъ доросъ до пониманія пользы свѣта и вреда тьмы. Но полно—въ десять ли только лѣтъ?—Какъ бы то ни было, но г. Мельниковъ восклицаетъ къ чебоксарскимъ гласнымъ: «Устройте въ *каждомъ* селеніи школу, дайте ей правильную организацію, найдите хорошихъ, опытныхъ въ дѣлѣ обученія учителей, и тогда, смѣло могу сказать, не будетъ *ни одною* неграматнаго изъ дѣтей». Но тутъ-то сейчасъ и повторяется эпическое сказаніе о «хвостѣ» и «носѣ»... «хвостъ вытащилъ—носъ увязъ; носъ вытащилъ—хвостъ увязъ». Что-нибудь да должно увязнуть. «Но, спрашивается (спрашиваетъ самъ себя г. Мельниковъ): *гдѣ же земство найдетъ средства* на содержаніе этихъ школъ въ каждомъ селѣ?» И самъ же отвѣчаетъ, что *нигдѣ не найдетъ*: надо будетъ заставлять дѣтей *ходить* изъ деревень въ села ежедневно верстъ за 10—12, особенно зимой, да ходить безъ сапогъ. Самъ г. Мельниковъ сознаётся, что это будетъ—«по меньшей мѣрѣ, негуманно».

И вотъ, чебоксарское земство, не припасшее еще сапогъ всѣмъ дѣтямъ своего уѣзда, отвѣчаетъ на восклицанія г. Мельникова: «введеніе обязательнаго обученія граматѣ—преждевременно!»

Все преждевременно... И уничтоженіе «руги», и обязательное обученіе, и замѣна рытья Меридова Озера натурой рытьемъ деньгами, и замѣна древесной коры хлѣбомъ, лучины—свѣчой, лыка—кожей—все это для насъ, пока, «преждевременно». Наконецъ, даже леченіе больного мужика оказывается «преждевременнымъ»: пусть умираетъ безъ леченья, «безъ попа и безъ савана, безъ свѣчей, безъ ладону», какъ онъ самъ метко выражается о своей смерти. Въ самомъ дѣлѣ, чебоксарское земство, въ 1872 году, на излеченіе больныхъ мужиковъ израсходовало: въ теченіи 9,807 дней леченья—95 пудовъ бѣлаго хлѣба (т. е. по пуду бѣлаго хлѣба на 103 дня леченья *одного* больного или 0,39 фун. на день больному) и 557 кружекъ молока (т. е. одна кружка на 17 дней). Въ 1873 году, больные мужики уже стали прожорливѣе: въ 7,088 дней они съѣли 98 пудовъ бѣлаго хлѣба (т. е. пудъ съѣли въ 72 дня или въ день по полуфунту—0,57 ф.). Наконецъ, въ 1874 году, больные мужики почти всю больницу съѣли: въ семь мѣсяцевъ они сожрали 164 пуда бѣлаго хлѣба и выглотали 2,750 кружекъ молока (т. е. пудъ бѣлаго хлѣба уничтожали безсовѣстно скоро, меньше, чѣмъ въ 40 дней, именно по 1,14 ф. въ день). Понятно, что въ больницѣ мужикъ, особенно выздоравливающій, падокъ до бѣлаго хлѣба, который онъ въ больницѣ считаетъ *чужимъ*, даровымъ, а оказывается, что

онъ ѣстъ тамъ *свой же* хлѣбъ, такъ что, еслибъ узналъ, что это—*его* хлѣбъ, то онъ, пожалуй, и ѣсть бы не сталъ, а понесъ своимъ ребятишкамъ. Ясно, что мужика и лечить нельзя—это «преждевременно», ибо онъ съѣстъ самъ себя на бѣломъ хлѣбѣ и на молокѣ. Отчасти эту умную мысль проводила чебоксарская ревизіонная комиссія, ревизуя свою больницу: нашла, что больные мужики ужасно много ѣдятъ бѣлаго хлѣба и выпиваютъ слишкомъ много земскаго молока: въ первый годъ выпили только 557 кружекъ, во вторый уже—1070, а въ третій выдули 4714 кружекъ! Да эдакъ необразованное мужичье выпьетъ все земское молоко... И потому несомнѣнно, что его лечить—преждевременно. Но ужь тутъ за мужика, а, главное—за себя, вступилась чебоксарская управа. Она говоритъ:—мало того, что необразованные мужики выпили столько земскаго молока и съѣли столько бѣлаго земскаго хлѣба—они много также истребили и «крупичатой муки, да еще чаю, сахару, столоваго вина (мужики-то!), минеральныхъ водъ и проч.!» Но теперь время не то, какъ говоритъ у Щедрина одинъ посѣтитель деревенскаго трактира: «Ныньче слабодно! ныньче батюшка-царь всѣмъ волю далъ! Ныньче, коли ты хочешь сидѣть—сиди! И ты сиди, и мужикъ сиди, всѣмъ сидѣть дозволено! То есть, чтобы никому... чтобы ни-ни... сиди, значитъ, и оглядывайся... вотъ ка̀къ царь батюшка повелѣлъ!» Такъ говоритъ и чебоксарская управа своему собранію: «Методъ леченія новѣйшаго времени, какъ управѣ извѣстно *по слухамъ* отъ врачей, заключается главнѣйшимъ образомъ въ поддержаніи силъ больного извѣстнаго рода пищей и питьемъ, а не въ пичканіи его, попрежнему, большимъ количествомъ разнообразныхъ лекарствъ. Вотъ этой-то системы леченія держится врачъ земскій и вотъ почему расходъ на вышеизчисленные предметы чуть не учетверился противъ прежняго. Результаты таковаго леченія настолько хороши, что останавливать врача въ отношеніи принятаго имъ способа леченія управа не находила и не находитъ возможнымъ, да даже и не считаетъ себя вправѣ вмѣшиваться въ распоряженіе по этому предмету»... Совершенно справедливо. «Ныньче слабодно... ныньче, коли ты хочешь сидѣть—сиди! И ты сиди, и мужикъ сиди, всѣмъ сидѣть дозволено! то есть, чтобы никому... чтобы ни-ни... сиди, значитъ, и оглядывайся...» А, все-таки, мужика лечить «преждевременно»: онъ самъ себя на бѣломъ хлѣбѣ съѣстъ. (Постанов. X очеред. чебокс. уѣзд. зем. собр. Казань, 1875 г., стр. 5, 6, 17, 18, 20, 23, 26—32, 67—72, 86, 87, 100—103 и др.)

МОЛОДАЯ БУРЖУАЗІЯ.

(Романъ Эдмона и Жюля Гонкуръ).

Въ предисловіи къ недавно вышедшему новому изданію этого романа, написаннаго въ 1864 году, Эдмонъ Гонкуръ говоритъ, что фабула собственно играетъ здѣсь только второстепенную роль и что авторы имѣли въ виду, главнымъ образомъ, изобразить сколь возможно правдивѣе, при наименьшемъ участіи вображенія, «новѣйшую молодую дѣвушку», какой ее сдѣлало воспитаніе послѣднихъ тридцати лѣтъ — артистическое и нѣсколько на мужской ладъ—и «новѣйшаго молодаго человѣка», какимъ, по выходѣ его изъ училища, сдѣлали его успѣхъ доктринёровъ и царство парламентаризма. Возвѣщая о скоромъ появленіи своего романа, когда еще онъ не былъ оконченъ, братья Гонкуръ назвали его «Молодая Буржуазія»; но, впослѣдствіи, онъ вышелъ въ свѣтъ подъ названіемъ Renée Mauperin. Мы сочли лучшимъ оставить первоначальное названіе, которое, по сознанію самого Э. Гонкура (братъ его, какъ извѣстно, умеръ), точнѣе передаетъ сущность этой попытки психологическаго анализа тогдашней молодёжи. Талантъ братьевъ Гонкуръ знакомъ русскимъ читателямъ, только по одному, впрочемъ, весьма хорошему роману «Жерминй Лассертё». Предлагаемый романъ принадлежитъ также къ наиболѣе замѣтнымъ произведеніямъ французской реальной школы, считающей въ рядахъ своихъ Зола̀, Додэ и Флобера. Всѣ дѣйствующія въ немъ лица, даже второстепенныя, являющіяся мимоходомъ, живьемъ выхвачены изъ дѣйствительности. Но лицо героини, преимущественно, поставлено мастерски. Одна изъ главныхъ особенностей Гонкуровъ состоитъ

въ оригинальности ихъ пріемовъ. Никто болѣе ихъ, между французскими романистами, не боится и не старается избѣгать вульгарности и рутины. Къ числу недостатковъ ихъ относится обиліе разговоровъ и описаній, всегда замедляющихъ ходъ романа, и также множество вводныхъ лицъ. Renée Mauperin также не чуждъ этихъ недостатковъ, что̀ и заставляетъ насъ передать этотъ романъ въ сокращеніи.

I.

— Вы не охотница до свѣта, мадемуазель Рене?

— Вы не скажете? Я въ немъ умираю съ тоски. Вотъ какое впечатлѣніе производитъ на меня свѣтъ. Можетъ быть, это происходитъ отъ того, что мнѣ не было удачи. Я все нападала на такихъ серьёзныхъ молодыхъ людей... На молодыхъ людей «съ цитатами», какъ я ихъ называю. Это—друзья моего брата. Съ молодыми дѣвушками можно говорить только о послѣдней проповѣди, которую онѣ слышали, о послѣднемъ этюдѣ, который онѣ разучили на фортепьянахъ, о послѣднемъ платьѣ, которое было на нихъ. Ужасно ограничены эти разговоры съ моими сверстницами.

— Вы, кажется, всю зиму проводите въ деревнѣ?

— Да̀... но это такъ близко отъ Парижа. Скажите, пожалуйста, вы видѣли новую комическую оперу, которая шла недавно?.. Что̀ это—мило?

— Очень мило... прелестная музыка... Весь Парижъ былъ на первомъ представленіи. Я, признаюсь вамъ, всегда хожу только на первыя представленія.

— Представьте себѣ, что комическая опера единственный театръ, куда меня возятъ. Да еще въ «Théatre Français», когда тамъ идутъ классическія пьесы... Куда какъ весело! Подумайте только—меня не пускаютъ въ Пале-Рояль! Но ужъ зато я читаю всѣ пьесы... Я чуть не наизусть выучила Les Saltimbanques. Вы счастливы—вы можете бывать всюду. Надняхъ, между моей сестрой и ея мужемъ происходилъ горячій споръ изъ-за бала въ Оперѣ. Скажите—неужели туда, въ самомъ дѣлѣ, нельзя ѣздить?

— Конечно!..

— Ну, послушайте... Еслибы вы были женаты—неужели вы не свозили бы туда вашу жену... хоть разъ, посмотрѣть?

— Еслибъ я былъ женатъ, я не пустилъ бы туда даже...

— Своей тёщи? Не такъ ли? Неужели это до такой степени ужасно?

— Но помилуйте... во-первыхъ, тамъ—такое общество...

— Да, вѣдь, это вездѣ... Отъ этого не убережешься... А въ Булонскомъ Лѣсу развѣ намъ не встрѣчаются дамы... нѣсколько странныя, пьющія въ колясках шампанское? Ахъ! ка̀къ это глупо быть молодой дѣвушкой. Вы не находите?

— Почему же? мнѣ кажется, совершенно напротивъ...

— Желала бы я васъ видѣть на нашемъ мѣстѣ!.. Узнали бы вы тогда, что̀ такое эти приличія... Возьмите, напримѣръ, танцы... Вы думаете—что̀ мы можемъ говорить съ нашимъ кавалеромъ? Да̀, нѣтъ; нѣтъ, да̀... вотъ и все... Надо цѣдить сквозь зубы односложныя слова̀... этого требуютъ приличія. Вотъ пріятности нашего существованія. И во всемъ такъ. Самое приличное, это—сидѣть истуканомъ... или переливать изъ пустого въ порожнее съ особами своего пола... А если оставишь ихъ и присоединишься къ мужскому обществу... бѣда! Мамаша не мало меня бранила за это. Еще неприличная вещь, это—чтеніе. Мнѣ только два года, какъ разрѣшили читать фёльетонъ въ газетахъ. Въ хроникѣ велятъ пропускать преступленія... они тоже неприличны... А таланты, которые намъ дозволяютъ выказывать? Они не должны переходить извѣстнаго средняго уровня. Можно сыграть на фортепьянахъ пьесу въ четыре руки, сохраняя при этомъ неподвижную физіономію. Все другое будетъ «оригинальничаньемъ... рисовкой...» Я пишу картины масляными красками; родителей моихъ это огорчаетъ; я должна бы только рисовать розы акварелью... Но здѣсь очень сильный вѣтеръ... не правда-ли? На силу можно держаться...»

Это происходило въ Сенѣ. Молодой человѣкъ и молодая дѣвушка, говорившіе такимъ образомъ, были въ водѣ. Уставши плавать, они, уносимые теченіемъ, уцѣпились за веревку, которой была привязана одна изъ большихъ лодокъ, стоявшихъ у берега. Сила воды покачивала ихъ обоихъ тихонько; они погружались на мгновеніе и потомъ опять показывались. Молодая дѣвушка, въ своей висячей позѣ, походила на морскія божества, изображеніями которыхъ скульпторы украшаютъ бока̀ галеръ.

— Но что̀ ужь совсѣмъ неприлично, продолжала она:—такъ это—плавать съ вами. Вотъ еслибы это было морское купанье—тогда другое дѣло... костюмъ былъ бы у насъ точно такой же. Мы спустились бы изъ сторожки точно такъ же, какъ здѣсь вышли изъ дому. Мы были бы въ водѣ по сихъ поръ—совершенно такъ, какъ теперь. Морскія волны уносили бы насъ точно

такимъ же образомъ, какъ и эти; а между тѣмъ, это было бы совсѣмъ, совсѣмъ не то. Вода Сены неприлична. Однакожъ, я начинаю чувствовать голодъ... а вы?

— Я, кажется, также буду обѣдать съ аппетитомъ.

— Предупреждаю васъ, что я ѣмъ страшно... Въ обѣденные часы я совершенно чужда всякой поэзіи... Скажите мнѣ, пожалуйста, вы съ моимъ beau frèr'омъ—члены одного и того же клуба?

— Да̀; я посѣщаю тотъ же самый клубъ, что̀ и г. Давварандъ.

— Много у васъ въ клубѣ женатыхъ людей?

— Очень много.

— Это странно... Я не могу себѣ объяснить, ка̀къ это люди женятся. Еслибы я была мужчиной, я бы никогда не подумала о бракѣ...

— Къ счастью... вы—женщина...

— Ахъ! да̀; это—также одно изъ нашихъ несчастій... Мы не можемъ оставаться «холостыми...» Но, скажите мнѣ: зачѣмъ женатые ходятъ въ клубъ?

— Во-первыхъ, въ Парижѣ нужно быть непремѣнно членомъ какого-нибудь клуба — это ужь такъ принято... каждый, кто сколько-нибудь... Хотя бы для того, чтобы курить тамъ...

— Ка̀къ? Неужели есть еще женщины, при которыхъ нельзя курить?.. я бы, кажется, позволила даже копеечную трубку.

— У васъ есть сосѣди, мадмуазель Рене?

— Есть, но мы рѣдко видимся съ ними... Иногда только мы бываемъ въ Саннуа, у Буржо.

— Но здѣсь, собственно, нѣтъ никого?..

— Здѣсь есть кюрè. Добрѣйшій человѣкъ, который всегда приноситъ мнѣ букеты.

— Вы ѣздите верхомъ? Это должно быть для васъ большимъ развлеченіемъ.

— Да̀... верховую ѣзду я обожаю. Это—мое величайшее наслажденіе. Безъ этого я, кажется, не могла бы обойтись... Но что̀ я въ особенности люблю, это—охоту... Я выросла на этомъ, въ имѣніи папа̀... О! я—отчаянная... Знаете, что я однажды семь часовъ не слѣзала съ лошади.

— Я это понимаю. Я каждый годъ охочусь у г. Больё. Вы, можетъ быть, слышали? У него отличная стая гончихъ, выписанная изъ Англіи. Вы, конечно, посѣщаете также охоту въ Шантильи...

— Мы не пропускаемъ съ папа̀ ни одной. Послѣдняя удалась великолѣпно. Была минута, когда всѣ соединились... было до сорока лошадей. Вы знаете, ка̀къ это ихъ возбуждаетъ, ког-

да онѣ вмѣстѣ. Поскакали галопомъ... Восторгъ! Въ этотъ вечеръ былъ такой чудный закатъ... Воздухъ, вѣтеръ, пробѣгающій въ волосахъ, собаки, звуки роговъ, деревья, мелькающія передъ глазами... словно вы опьянѣли!.. Въ эти минуты, я—храбрая, такая храбрая...

— Только въ эти минуты?

— Увы! Только на лошади, а пѣшкомъ... я вамъ скажу, что мнѣ очень страшно ночью, что я совсѣмъ не люблю грома... и что я ужасно довольна, что сегодня у насъ недостаетъ трехъ человѣкъ къ обѣду.

— Почему же это?

— Потому что иначе насъ было бы 13. И я бы способна была на всякія низости, чтобъ залучить 14-го. Вы бы увидѣли! А! вотъ мой братъ съ Денуазелемъ: они къ намъ подъѣдутъ на лодкѣ. Посмотрите-ка, какъ это все хорошо отсюда...

И она взглядомъ указала на Сену, на оба берега, на небо...

Меленькія облачка играли, толпились на горизонтѣ, фіолетовыя, сѣрыя, серебристыя, словно окаймленныя морскою пѣной. А оттуда подымалось небо, безконечное и голубое, глубокое и ясное, но уже нѣсколько блѣднѣвшее, какъ въ часъ, когда начинаютъ зажигаться звѣзды. На самой вышинѣ висѣли два-три облака, большія, тяжелыя, неподвижныя... Свѣтъ лежалъ на водѣ, здѣсь кроткій и дремлющій, тамъ ярко сверкающій; онъ дрожалъ внутри темной лодки, касаясь мачты или руля, задѣвалъ по дорогѣ розовый казакъ стиравшей на берегу прачки.. Деревня, предмѣстье, городъ смѣшивались на обоихъ берегахъ. Ряды тополей виднѣлись между домами, далеко отстоявшими одинъ отъ другого, какъ на окраинѣ кончающагося города. Тутъ были низенькія лачуги, заборы, сады, зеленые ставни, погребки, выкрашенные красной краской, акаціи передъ крыльцомъ, старыя, покачнувшіяся на бокъ бесѣдки, бѣлыя стѣны; потомъ—сухія линіи фабрикъ, кирпичныя постройки, черепичныя крыши, фабричные колокола. Прямые столбы дыма подымались изъ заводскихъ трубъ, и тѣнь ихъ падала на воду, какъ тѣнь отъ колоннъ. Шумъ и свистъ паровыхъ машинъ ежеминутно прерывалъ молчаніе рѣки. Это былъ одинъ изъ тѣхъ парижскихъ пейзажей на берегахъ Сены, какими ихъ рисуетъ Эрвье, грязныхъ и свѣтлыхъ, бѣдныхъ и веселыхъ, гдѣ природа пробивается тамъ и сямъ между постройками, трудомъ и промышленностью, словно травка между пальцами человѣка.

— Не правда ли—хорошо?

— Признаюсь вамъ, меня это не приводитъ въ энтузіазмъ. Конечно, это хорошо, до извѣстной степени...

— Прелестно!.. увѣряю васъ, что прелестно. На выставкѣ, года два тому назадъ, былъ пейзажъ въ этомъ родѣ... Есть вещи, которыя я умѣю чувствовать...

— Вы—артистическая натура...

— Уфъ! воскликнула собесѣдница молодаго человѣка съ комической интонаціей и окунулась въ воду. Вынырнувъ, она поплыла на встрѣчу лодкѣ, ѣхавшей къ ней. Волосы ея распустились и до половины были въ водѣ. Она встряхивала ими, для того чтобъ летѣли брызги.

— Ну, что̀, Рене, ка̀къ вы нашли воду? спросилъ одинъ изъ гребцовъ, когда молодая дѣвушка подплыла къ лодкѣ.

— Ничего, хороша, Денуазель, отвѣчала она.

— Ты, однакожъ, мила, нѐчего сказать! обратился къ ней другой. — Уплыла чортъ знаетъ куда... я ужь начиналъ тревожиться. Гдѣ же Ревершонъ? А! вонъ онъ.

II.

Шарль-Луи Мопренъ, родился въ 1787 году. Сынъ извѣстнаго, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ въ Лотарингіи адвоката, онъ вступилъ шестнадцати лѣтъ въ военную службу, дѣлалъ итальянскую и потомъ русскую компанію, оказывалъ чудеса храбрости, нѣсколько разъ былъ раненъ и считался въ арміи однимъ изъ лучшихъ офицеровъ, которыхъ ожидаетъ блестящая будущность, когда битва при Ватерлоо разбила его шпагу и надежды. За участіе въ бонапартистскомъ заговорѣ палата перовъ, обращенная въ верховный судъ, приговорила его заочно къ смерти; но друзья помогли ему скрыться и уѣхать въ Америку. Два года спустя, благодаря вліянію нѣкоторыхъ прежнихъ товарищей, поступившихъ на дѣйствительную службу и добившихся высокаго положенія, ему дозволили возвратиться во Францію. Онъ поселился въ маленькомъ городкѣ Бурмонѣ, гдѣ жила его мать. Эта мать была отличная старушка, какихъ создавалъ въ провинціи XVIII вѣкъ, любившая веселое словцо, не боявшаяся лишней рюмки вина. Сынъ обожалъ ее. Онъ нашелъ ее больной. Доктора запретили ей всякіе возбуждающіе напитки. Для того, чтобы не искушать ея и чтобы эти лишенія казались ей менѣе суровыми, сынъ также отказался отъ вина, отъ ликёровъ, отъ кофе. Изъ любви къ ней, изъ благоговѣйнаго уваженія къ желаніямъ больной, онъ женился, безъ особенной привязанности, на дѣвушкѣ, которую выбрала ему мать, потому что это была кузина и что земли ихъ были смежныя. По смерти матери, ему стало

скучно въ этомъ маленькомъ городкѣ, гдѣ уже ничтò его не удерживало; онъ продалъ свой домъ и землю, за исключеніемъ одной фермы въ Виллакурѣ, и поселился съ молодой женой въ большомъ помѣстьѣ, которое купилъ въ Маримонѣ. До 1830 г. онъ жилъ уединенно, погруженный въ умственныя занятія, прочелъ массу книгъ, питался историками, философами, публицистами, изучалъ положительныя науки. Онъ покидалъ свои книги только для того, чтобы подышать воздухомъ, освѣжить голову, утомить тѣло долгой прогулкой по полямъ и лѣсамъ. Крестьяне издали узнавали его шаги, его длиннополый, застегнутый до верху сюртукъ, его длинныя ноги кавалерійскаго офицера, его нѣсколько наклоненную голову, его палку, срѣзанную въ виноградникахъ. Изъ этой уединенной, трудовой жизни онъ выходилъ только во время выборовъ. Тогда онъ появлялся на всѣхъ пунктахъ департамента; разъѣзжалъ въ кабріолетѣ, воодушевлялъ своей энергической солдатской рѣчью избирателей, распоряжался аттакой противъ кандидатовъ администраціи. Это была для него та же война. По окончаніи выборовъ, онъ опять возвращался къ своимъ привычкамъ, къ своимъ занятіямъ. У него родилось двое дѣтей: въ 1826 году мальчикъ и въ 1827—дѣвочка. Настала іюльская революція, его выбрали депутатомъ. Онъ явился въ палату съ американскими теоріями, сблизившими его съ Арманомъ Каррелемъ. Его рѣчи, живыя, воинственныя, рѣзкія и всегда полныя содержанія, производили сенсацію. Онъ сдѣлался однимъ изъ вдохновителей «Насьоналя», какъ былъ однимъ изъ первыхъ его акціонеровъ, и внушалъ ему опозиціонныя статьи о бюджетѣ и финансахъ. Въ Тюильри начинали заискивать въ немъ. Прежніе товарищи, сдѣлавшіеся адъютантами новаго короля, закидывали ему удочку, старались соблазнить его обѣщаніями высокаго военнаго пòста, для котораго онъ былъ еще довольно молодъ. Онъ отказался на прямикъ. Въ 1832 г., онъ подписалъ протестъ депутатовъ оппозиціи противъ словъ: sujets du roi, произнесенныхъ г-мъ Монталиве, и продолжалъ нападать на систему до 1835 г. Въ этотъ годъ жена его родила ему еще ребенка, дѣвочку, и ея появленіе на свѣтъ расшевелило его внутренности. Двое первыхъ дѣтей подарили его только холодной радостью; имъ недоставало чего-то, чтò оживляетъ домашній очагъ и молодитъ отцовское сердце. Они внушили ему любовь къ себѣ, но не обожаніе. Отецъ обманулся въ своихъ надеждахъ; вмѣсто бойкаго шалуна, сорви-головы, вмѣсто одного изъ тѣхъ хорошенькихъ бѣсенятъ, въ которыхъ старые военные узнаютъ свою прежнюю молодую кровь, г. Мопренъ видѣлъ передъ собой скромнаго, разсудительнаго, послушнаго мальчика—«барыш-

[illegible]. Ему было очень грустно и даже стыдно, что этотъ маленькій человѣчекъ, не имѣющій своихъ игрушекъ — его наслѣдникъ. Съ которымъ г. Монренъ [illegible] ту же судьбу. Она была изъ тѣхъ дѣвочекъ, которыя родятся женщинами. Она, казалось, играла съ нимъ для того, чтобы забавлять его. У ней почти не было дѣтства. Пяти лѣтъ, когда какой-нибудь господинъ пріѣзжалъ въ гости къ отцу ея, она тотчасъ бѣжала мыть руки. Цѣловать ее нужно было въ извѣстныя мѣста. Можно было подумать, что она родилась на свѣтъ съ [illegible], какъ бы ее не смяли ласки и сердце отца.

Подавленную такимъ образомъ и долго накоплявшуюся въ душѣ его нѣжность г. Монренъ понесъ на встрѣчу новорожденной, которую назвалъ лотарингскимъ именемъ своей матери «Рена». Цѣлые дни проводилъ онъ, забавляясь съ малюткой, каждую минуту снималъ съ нея чепчикъ, чтобъ посмотрѣть на ея шелковистые волосы, училъ ее дѣлать смѣшныя гримасы, приводившія его въ восхищеніе; показывалъ ей, какъ она можетъ увидѣть свой жиръ, защипнувъ двумя своими крошечными пальчиками мясо на своей ножкѣ, ложился подлѣ нея на коврѣ, гдѣ она каталась полунагая, съ милой дѣтской безсознательностью. Ночью онъ вставалъ, чтобы взглянуть на нее, какъ она спитъ, и по цѣлымъ часамъ слушалъ это первое дыханіе жизни. Когда она просыпалась, онъ первый встрѣчалъ ея улыбку, и счастье его не знало предѣловъ.

Сколько радостей дарила она ему въ Маримонѣ! Онъ возилъ ее вокругъ дома въ маленькой колясочкѣ, оборачиваясь на каждомъ шагу, чтобъ взглянуть на нее, смѣющуюся, облитую солнечнымъ свѣтомъ, держащую свою маленькую, розовую ножку въ рукѣ. Иногда онъ бралъ ее съ собой на прогулку, доходилъ до какой-нибудь деревушки, заставлялъ дѣвочку дѣлать ручкой людямъ, которые ему кланялись; заходилъ къ фермеру и показывалъ ему молочные зубки своей дочки. Дорогой, часто ребенокъ засыпалъ на его рукахъ, какъ на рукахъ кормилицы.

Случалось также, что онъ уносилъ ее въ лѣсъ, и тамъ, подъ деревьями, на которыхъ порхали птички, въ тѣ часы, когда потухаетъ день и надъ лѣсными дорогами слышатся голоса, онъ испытывалъ невыразимую отраду, видя, какъ его дѣвочка, проникнутая всѣмъ этимъ шумомъ, посреди котораго онъ шелъ, [illegible] [illegible], шепчетъ, лепечетъ, какъ бы для того, чтобы [illegible] [illegible], говорить съ [illegible] небомъ.

Г-жа Монренъ далеко не такъ обрадовалась рожденію этой [illegible] дочери. Она была добрая женщина, добрая мать, но ее снѣдало его провинціальное тщеславіе, тщеславіе богатства.

Она устроила свои дѣлà такъ, чтобъ имѣть двоихъ дѣтей, и появленіе на свѣтъ третьяго ребенка наносило ущербъ состоянію двухъ первыхъ. Раздѣлъ недвижимаго имущества, накопленныхъ богатствъ, и, вслѣдствіе этого, упадокъ общественнаго положенія семейства въ будущемъ—вотъ чтò представляла собой эта дѣвочка въ глазахъ матери.

Г. Мопрену не давали покою. Мать семейства непрестанно осаждала политическаго дѣятеля, напоминая ему, что отецъ обязанъ пещись о благосостояніи своихъ дѣтей. Она пыталась отвлечь его отъ друзей, заставить его измѣнить своей партіи, своимъ идеямъ. Она смѣялась надъ «этими глупостями», мѣшавшими ему извлечь пользу изъ своего положенія. Каждый день повторялись упреки, жалобы, приставанья; это была страшная баталія между печнымъ горшкомъ и совѣстью оппозиціоннаго депутата. Наконецъ, г. Мопренъ потребовалъ у жены два или три дня на размышленіе. Ему также хотѣлось, чтобы Рене была богата. Два мѣсяца спустя, онъ послалъ въ палату просьбу объ увольненіи и занялся устройствомъ сахарнаго завода въ Бришѣ.

Двадцать лѣтъ прошло съ той поры. Дѣти выросли; заводъ процвѣталъ. Дѣлà г. Мопрена устроились отлично. Сынъ его былъ адвокатъ; старшая дочь вышла замужъ. Приданое Рене было готово.

III.

Вошли въ нижній этажъ дома. Въ углу гостиной, обитой ситцемъ и украшенной полевыми букетами, стоявшими въ вазахъ, разговаривали Анри Мопренъ, Денуазель и Ревершонъ. У камина г-жа Мопренъ принимала съ громкими привѣтствіями своего зятя и дочь, г. и г-жу Даварандъ, которые только-что пріѣхали. Она считала себя обязанной, въ настоящемъ случаѣ, выставить на показъ свое родственное расположеніе, щегольнуть своимъ материнскимъ сердцемъ.

Едва поцѣлуи г-жи Мопренъ и г-жи Даварандъ замолкли, какъ въ комнату тихонько вошелъ маленькій старичокъ съ сѣдыми бакенбардами; онъ поздоровался глазами съ г-жей Мопренъ и, пройдя мимо нея, присоединился къ групѣ, гдѣ сидѣлъ Денуазель. Старичокъ этотъ былъ въ черномъ сюртукѣ и несъ подъ мышкой папку.

— Знакомо тебѣ это? спросилъ онъ Денуазеля, отводя его къ окну и открывая до половины свою папку.

— Еще бы! Это—«Таинственныя качели», гравюра съ Лавренса...

— У меня чуть не перебили ее на аукціонѣ. Каждый разъ, какъ я только начиналъ торговаться, какая-то кокотка просила взглянуть, и этотъ негодяй-аукціонеръ говорилъ: передайте дамѣ... Наконецъ, за 138 фр. гравюра досталась мнѣ. Но я ни за что̀ бы не далъ ни копейки больше...

Въ эту минуту вошелъ г. Мопренъ съ своей дочерью. Онъ велъ ее подъ руку. Она, закинувъ голову нѣсколько назадъ, лѣнивая и ласкающаяся, тихонько потирала свои волосы объ его рукавъ, какъ ребёнокъ, заставившій нести себя.

— Здравствуй, ты! сказала она, поцѣловавъ сестру, потомъ подставила лобъ своей матери, протянула руку своему зятю и, подбѣжавъ къ старичку съ папкой, спросила:

— Можно взглянуть, крёстный?

— Нѣтъ, крестница, ты еще слишкомъ мала...

И онъ дружески потрепалъ ее по щекѣ.

— Ваши покупки—всегда такія, сказала Рене, повернувшись спиной къ старичку, который сталъ завязывать свою папку розовыми ленточками.

— Что̀ мнѣ такое говорятъ? вскричала вдругъ, обращаясь къ дочери, г-жа Мопренъ, посадившая около себя на стулъ Ревершона такъ близко, что ея движенія, ея платье почти касались, ласкали его.—Васъ унесло теченіемъ? Я увѣрена, что вы подвергались опасности. Ахъ! эта рѣка! Не понимаю, ка̀къ это г. Мопренъ позволяетъ.

— Г-жа Мопренъ! отвѣчалъ ея мужъ, разсматривавшій съ дочерью на столѣ альбомы: — я ничего не позволяю; я только терплю.

— Трусъ! шепнула Рене своему отцу.

— Но увѣряю тебя, maman, вмѣшался Анри Мопренъ:—что никакой опасности не было. Теченіемъ унесло ихъ немножко, но они предпочли ухватиться за лодку, нежели плыть дальше. Вотъ и все...

— Ты меня успокоиваешь! сказала г-жа Мопренъ, лицо которой прояснялось все болѣе и болѣе съ каждымъ словомъ ея сына.—Я знаю, что ты благоразуменъ... Но наша Рене, прибавила она, обращаясь къ Ревершону:—такая шалунья! Я всегда боюсь. Посмотрите, у нея до сихъ поръ вода въ волосахъ. Подойди, я тебя вытру.

Вошли еще два новыхъ лица̀: кассиръ Мопрена, Бернаръ, и Дардулье, одинъ изъ сосѣдей.

— Ну, что̀, ка̀къ идутъ работы? спросилъ послѣдняго г. Мопренъ, пожимая ему руку.

— Ничего, планирую. Сегодня еще триста вѣхъ поставлено. Отъ оранжерей я проведу аллею прямо къ фонтану... для виду... потомъ будетъ спускъ къ низу...

— Скажите, пожалуйста, г. Дардулье, спросила Рене:—когда вы начнете сажать деревья?.. Вотъ ужъ три года, какъ я вижу рабочихъ въ вашемъ паркѣ; неужели въ немъ не будетъ вовсе деревьевъ!

— О! деревья... это—послѣднее дѣло... это ничего не значитъ. Всегда будетъ время—главное, распланировать...

— Пора бы и обѣдать; распорядись-ка, madame Мопренъ. Эти молодые люди, я думаю, очень проголодались.

За обѣдомъ г-жа Мопренъ посадила Ревершона подлѣ себя справа и окружала его вниманіемъ и любезностью. Все лицо ея улыбалось при этомъ, и даже голосъ у нея былъ не тотъ, какимъ она говорила каждый день, а какой-то особенный—головной, появлявшійся у нея въ дни большихъ церемоній. Взглядъ ея безпрестанно перебѣгалъ отъ молодого человѣка къ его тарелкѣ, и отъ его тарелки къ прислугѣ. Маменька прикармливала будущаго зятя.

— Г. Ревершонъ! мы видѣли недавно одну вашу знакомую, мадамъ де-Бонньеръ. Она намъ много, много говорила о васъ.

— Я имѣлъ честь встрѣтиться съ m-me де-Бонньеръ въ Италіи. Я даже былъ такъ счастливъ, что оказалъ ей небольшую услугу.

— Вы спасли ее отъ разбойниковъ! вскричала Рене.

— Нѣтъ, мадмуазель Мопренъ. Это гораздо менѣе романично... Г-жу де-Бонньеръ затруднялъ счетъ, поданный ей въ отелѣ. Я помѣшалъ ограбить ее.

— Все же въ этой исторіи дѣйствуютъ воры, сказала Рене.

— Изъ нея можно бы сдѣлать пьесу, и совершенно новую, сказалъ Денуазель: — славный сюжетъ: сокращенія въ счетѣ, приводящія къ браку...

— Эта мадамъ де Бонньеръ—очень любезная дама, продолжала г-жа Мопренъ:—и я нахожу, что ея наружность... Вы знаете м-мъ де Бонньеръ, г. Баруссъ? прибавила она обращаясь къ крестному отцу Рене.

— Ка̀къ же, ка̀къ-же! очень пріятная наружность...

— Ахъ! крёстный, она похожа на сатира! сказала Рене; и, увидавъ, что словцо, которое она брякнула, вызываетъ улыбки, вспыхнула.—Я говорю только про голову, поспѣшила она прибавить.

*

— Вотъ, это я понимаю—возвратиться! произнесъ Денуазель.

— Вы долго пробыли въ Италіи, г. Ренервиль? спросила г-жа Монренъ, чтобъ перемѣнить разговоръ.

— Полгода.

— И ваши впечатлѣнія?..

— Очень интересная страна... но мало удобствъ. Я никакъ не могъ привыкнуть пить кофе въ стаканахъ.

— Италія? сказалъ Анри Монренъ.—Для меня, это—самое печальное путешествіе; всего менѣе практичное... Въ какомъ положеніи земледѣліе, торговля! Однажды, во Флоренціи, въ маскарадѣ, я спросилъ гарсона одного ресторана: отперто ли у нихъ ночью?—О! нѣтъ, сударь. У насъ было бы слишкомъ много народу. Мнѣ это не разсказывали, я самъ слышалъ. Это даетъ понятіе о странѣ. Когда подумаешь объ Англіи... Какая сила иниціативы, коллективной и индивидуальной! Когда видѣлъ въ Лондонѣ этотъ практическій геній англійскаго гражданина... въ Йоркширѣ продукты большой фермы... Вотъ народъ!

— Я—тоже за Англію, какъ Анри, сказала г-жа Даварандъ:—какая вѣжливость... мнѣ очень нравится это обыкновеніе представлять вамъ людей... и также—сдавать мелкія деньги завернутыми въ бумажку... И потомъ—какія у нихъ есть матеріи!—Мой мужъ привезъ мнѣ съ выставки поплинъ, просто прелесть!

— Ваша Адель нынче превзошла себя, сказалъ, обращаясь къ г-жѣ Монренъ, Варуссъ:—эти шампиньоны—объѣденье! Уходя я выражу ей свое удовольствіе.

— А я думала, что вы не кушаете шампиньоновъ?

— Я не ѣлъ ихъ въ 1848, г. не ѣлъ до 2-го декабря. Развѣ вы думаете, что полиція во все это время имѣла возможность заниматься инспекціей шампиньоновъ? Но съ водвореніемъ порядка...

— Мы тебя ждали вчера вечеромъ, Анри, сказала г-жа Даварандъ своему брату.

— Я былъ на конференціи...

— Анри былъ выбранъ докладчикомъ, гордо произнесла г-жа Монренъ.

— А! сказалъ Денуазель:—такъ ваша говорильня все еще процвѣтаетъ? Сколько васъ тамъ сидитъ?

— Двѣсти человѣкъ.

— И все—государственные люди? Это ужасно! Какой былъ предметъ твоего доклада?

— Проектъ закона о національной гвардіи.

— Вы, однакожь, ни въ чемъ себѣ не отказываете...

— Я увѣренъ, что ты не принадлежишь къ національной гвардіи, Денуазель? спросилъ Баруссъ.

— Нѣтъ.

— И не вотируешь также, парй держу...

— Ни подъ какимъ предлогомъ.

— Денуазель! какъ это мнѣ ни прискорбно, но я долженъ сказать, что ты—дурной гражданинъ. Это у тебя въ крови; и я не сержусь на тебя за это, но это такъ.

— Дурной гражданинъ? Кàкъ это?

— Ты всегда въ оппозиціи съ законами.

— Я?

— Ты. Да вотъ, чтобъ не далеко ходить: ты отдалъ наслѣдство дяди своего Фредерика его побочнымъ дѣтямъ.

— Ну, чтò-жъ?

— Я называю это противузаконнымъ, заслуживающимъ всякаго порицанія поступкомъ. Чего хочетъ законъ? Онъ ясенъ: онъ хочетъ, чтобъ дѣти, рожденныя внѣ брака, не наслѣдовали. Ты это зналъ; я тебѣ говорилъ это, твой нотаріусъ говорилъ, кодексъ говорилъ... И чтò-же ты сдѣлалъ? Ты послалъ къ чорту кодексъ, духъ законовъ—все! и отдалъ наслѣдство дѣтямъ. Развѣ это не значитъ потворствовать дурнымъ нравамъ, поощрять...

— Я знаю ваши строгія принципы, г. Баруссъ. Но чтò вы хотите? Когда я увидѣлъ этихъ троихъ мальчугановъ, я сказалъ себѣ, что сигары, которыя я буду курить—на ихъ счетъ, отнявъ у нихъ кусокъ хлѣба, никогда не покажутся мнѣ хорошими... человѣкъ—не совершенство.

— Все это—незаконно. Когда законъ говоритъ чтò-нибудь, онъ имѣетъ цѣль, не правда ли? Законъ противъ безнравственности... Предположи, что тебѣ станутъ подражать...

— На этотъ счетъ—не бойтесь, Барусеъ, сказалъ г. Мопренъ, улыбнувшись.

— Никогда не слѣдуетъ подавать дурныхъ примѣровъ, сентенціозно сказалъ Баруссъ.

За десертомъ, г. Мопренъ пододвинулъ къ себѣ тарелку съ мелкимъ печеньемъ и разсѣянно шарилъ въ немъ рукой.

— Г. Мопренъ! сказала ему жена и сдѣлала ему знакъ глазами.

— Извини душа моя... я совсѣмъ забылъ... симметрія!.. И онъ поставилъ тарелку на мѣсто.

— У тебя страсть къ безпорядку...

— Виноватъ, виноватъ... Моя жена, господа—отличная женщина, но чтò касается симметріи .. Это — одна изъ ея религій...

— Ты, право, смѣшонъ.. сказала г-жа Мопренъ, покраснѣвъ отъ досады, что ее уличили въ провинціализмѣ, и набросилась на дочь.—Чтò это, Рене, кàкъ ты сидишь? держись прямѣе.

— Ну! сказала сама про себя, молодая дѣвушка:—мамаша вымѣщаетъ на мнѣ.

— Господа, обратился къ гостямъ г. Мопренъ, когда встали изъ-за стола:—Вы знаете, что можно курить. Мы одолжены этимъ моему сыну. Онъ былъ такъ счастливъ, что исходатайствовалъ это у своей матери.

— Кофе, крестный? спросила Рене у Барусса.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ:—я не засну.

— Здѣсь? докончила его фразу Рене.

— Г. Ревершонъ?

— Благодарю васъ; я никогда не пью послѣ обѣда...

— Всѣмъ ли подано? И, не дожидаясь отвѣта, она раскрыла фортепьяно и заиграла польку:—Ктò танцуетъ?.. Давайте танцовать.

— Оставь насъ курить, спокойно сказалъ отецъ.

— Изволь, папаша! И, продолжая наигрывать польку, она принялась танцовать на своемъ табуретѣ, только носками касаясь пола. Она играла, не глядя на клавиши, повернувъ голову къ обществу; живая, улыбающаяся, съ огнемъ въ глазахъ и на щекахъ. Станъ ея покачивался изъ стороны въ сторону. Потомъ она обернулась къ инструменту, и глаза ея, вмѣстѣ съ руками, забѣгали по чернымъ и бѣлымъ клавишамъ. Она то нагибалась, то выпрямлялась, и черепаховая гребенка ея, каждую минуту сверкала при огнѣ и тотчасъ же потухала во мракѣ ея волосъ... Тѣнь отъ ея серегъ — двухъ коралловыхъ шариковъ—безпрестанно дрожала на ея шеѣ. Пальцы молодой дѣвушки такъ быстро скользили по фортепьяно, что видно было только, кàкъ летаетъ чтò-то розовое.

— Это—ея сочиненіе, сказалъ г. Мопренъ Ревершону.

— Она брала уроки у Кидана, прибавила г-жа Мопренъ.

— Будетъ! И, оставивъ фортепьяно, Рене стала передъ Денуазелемъ.—Разскажите мнѣ какую-нибудь занимательную исторію, Денуазель. Чтò хотите.

Она стояла передъ нимъ, скрестивъ руки и нѣсколько откинувъ голову назадъ, съ миной шаловливаго мальчика. Она походила на мальчика и костюмомъ. Она носила бѣлый стоячій воротничекъ, галстучекъ, сдѣланный изъ черной ленты и бѣлый жилетъ съ отворотами. На суконномъ платьѣ ея, спереди, были карманы, напоминавшіе карманы пальто.

— Когда у васъ прорѣжутся зубы мудрости, Рене? спросилъ Денуазель.

— Никогда! Она захохотала.—Ну что же исторія-то?

Денуазель посмотрѣлъ вокругъ себя, не слушаетъ ли его кто, и, понизивъ голосъ, сказалъ:

— Жили-были, однажды, папаша съ мамашей, у которыхъ была маленькая дочка. Папаша съ мамашей хотѣли выдать ее замужъ и приглашали къ себѣ разныхъ красивыхъ господъ; но дочка, которая была тоже красива...

— Ахъ! какъ вы глупы! Сяду я лучше работать...

И, вынувъ изъ корзинки, стоявшей на столѣ, свою работу, она помѣстилась возлѣ матери.

— Будетъ у насъ нынче вистъ? спросилъ г. Мопренъ.

— Да, да, столъ готовъ, отвѣчала жена его.—Остается только зажечь свѣчи.

— Вы не очень устали нынче вечеромъ? спросилъ Ревершонъ, подходя къ Рене.

— Я? Да я готова танцовать хоть всю ночь. Вотъ я какая.

— Вы что-то работаете... Это очень мило.

— Мило? Это—чулокъ. Я вяжу для бѣдныхъ дѣтей. Это тепло, по крайней мѣрѣ. Вышивать я, признаюсь вамъ—не мастерица. Эта работа требуетъ вниманія, тогда какъ здѣсь пальцы сами ходятъ, и можно думать, о чемъ угодно.—Денуазель! вскричала она вдругъ:—сюда! скорѣй; да идите же... ближе, ближе... извольте становиться на колѣни.

— Ты съума сошла! вскричала г-жа Мопренъ.

— Рене! Перестань же, отечески сказалъ г. Мопренъ изъ-за карточнаго стола.

— Что такое? спросила Рене и, грозя Денуазелю ножницами, продолжала.—Если вы только пошевельнетесь!.. Денуазель всегда очень дурно причесанъ. Его гадко стригутъ. У него всегда большой клокъ волосъ падаетъ на лобъ. Я хочу этотъ клокъ отрѣзать. Смотрите, какъ онъ боится! Вы не бойтесь, я отлично стригу, спросите папа. И, отрѣзавъ у Денуазеля прядь волосъ, она встала и бросила ее въ каминъ.—Чтобъ вы не подумали, что я хочу сохранить ваши волосы, сказала она.

Она не обратила вниманія на то, что братъ мимоходомъ толкнулъ ее локтемъ; она не замѣтила также, что мать ея сначала сдѣлалась пунцовой, потомъ поблѣднѣла. Отецъ всталъ изъ-за виста и подошелъ къ ней въ смущеніи, стараясь придать себѣ сердитый видъ; она взяла у него изъ рукъ папироску, которую онъ началъ было курить, поднесла ее къ губамъ, затянулась

разъ и тотчасъ же бросила, закашлявшись и заморгавъ.—Фуй! какая гадость! вскричала она.

— Я, право, не понимаю, Рене, строгимъ и огорченнымъ голосомъ произнесла г-жа Мопренъ.—Я никогда не видѣла тебя такой, какъ сегодня...

— Чаю! сказалъ г. Мопренъ человѣку, вошедшему на его звонокъ.

IV.

— Ужь четверть одиннадцатаго! сказала г-жа Даварандъ.—Мы только-что успѣемъ доѣхать до желѣзной дороги. Рене, прикажи мнѣ подать мою шляпу.

Всѣ встали. Баруссъ, который давно уже спалъ въ углу около камина, встрепенулся, и всѣ парижскіе гости стали собираться въ дорогу.

— Я провожу васъ, сказалъ Денуазель.—Мнѣ хочется подышать свѣжимъ воздухомъ.

Баруссъ шелъ впереди, подъ руку съ Ревершономъ. Чета Даварандовъ слѣдовала за ними. Анри съ Денуазелемъ замыкали шествіе.

— Зачѣмъ ты не ночуешь? Успѣешь завтра въ Парижъ, сказалъ Денуазель, обращаясь къ Анри.

— Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ. Не могу. Завтра утромъ мнѣ нужно работать. Я вернусь въ Парижъ поздно. День пропадетъ у меня.

Они замолчали. Слова Барусса, выхвалявшаго Ревершону Рене, долетали до нихъ порой, среди ночи.

— Я боюсь, Денуазель, что дѣло опять расклеится; кàкъ ты думаешь? сказалъ Анри.

— Мнѣ тоже кажется.

— Скажи мнѣ, пожалуйста: почему ты сегодня вечеромъ потакалъ всѣмъ глупостямъ, какія приходили въ голову сестрѣ моей? Ты имѣешь на нее большое вліяніе и могъ бы...

— Позволь мнѣ, мой другъ, отвѣчалъ Денуазель, выпустивъ изо рта струю дыма: — прежде всего сдѣлать маленькое вступленіе—историческое, философское и соціальное. Мы, кажется, совсѣмъ покончили—когда я говорю «мы», я разумѣю большинство французскаго народа—съ хорошенькими барышнами, которыя, какъ куклы съ пружиной, говорили папа и мама и, танцуя, не теряли изъ виду виновниковъ дней своихъ? Застѣнчивая, стыдливая, дѣтски лепечущая барышня, воспитанная въ невѣдѣніи, неумѣющая ни стоять на ногахъ, ни сидѣть на стулѣ—это старо, из-

бито; это—водевильное лицо изъ прежняго театра «Gymnase». Теперь—ужь не то; способъ культуры другой. То были тепличныя растенія. Теперь дѣвушка растетъ на чистомъ воздухѣ, отъ нея требуютъ впечатлѣній, самостоятельной, естественной рѣчи. Она можетъ говорить и должна говорить обо всемъ. Это вошло въ нравы. Она уже не обязана разыгрывать ingénue. Оригинальный умъ — вотъ чего ищутъ въ ней. Лишь бы она блистала въ салонахъ — и родители будутъ въ восторгѣ. Мать возитъ ее на публичныя лекціи. Если у ней есть талантъ, о немъ заботятся, его пригрѣваютъ, холятъ. Вмѣсто дешевенькихъ учительницъ, ей даютъ настоящихъ мастеровъ — профессоровъ консерваторіи, художниковъ, выставлявшихъ свои картины. У ней является «артистическій пошибъ», и всѣ восхищаются этимъ. Скажи мнѣ: правъ ли я, таково ли дѣйствительно воспитаніе дочерей современной буржуазіи?

— Твое заключеніе?..

— Теперь, продолжалъ Денуазель, не отвѣчая:—представь себѣ, что у дѣвушки, получившей подобное воспитаніе, о которомъ, замѣть, я не произношу своего сужденія—есть отецъ, отличнѣйшій человѣкъ, сама доброта и нѣжность, поощряющій еще болѣе эту эмансипацію, своей слабостью, своимъ обожаніемъ. Предположи, что онъ улыбался всѣмъ ея смѣлымъ выходкамъ, всѣмъ ея мальчишескимъ шалостямъ, которыя такъ милы, такъ граціозны въ женщинѣ.

— И ты, такъ хорошо знающій сестру мою, знающій, кàкъ она была воспитана и чтò сдѣлало изъ нея баловство отца, и почему ее такъ трудно теперь выдать замужъ—ты нынче, вечеромъ, допустилъ ее надѣлать массу безразсудствъ, тогда какъ могъ, однимъ изъ тѣхъ словъ, которыя только ты умѣешь говорить ей—съ перваго же разу остановить ее?

Другъ, къ которому обращался такимъ образомъ Анри, былъ сынъ земляка, школьнаго товарища и товарища по оружію г. Монрена. Умирая, старикъ Денуазель поручилъ г. Монрену опеку надъ своимъ сыномъ, и мальчикъ нашелъ въ опекунѣ отца. Находясь въ училищѣ, онъ проводилъ всѣ вакаціи въ Маримонѣ, и семья Монрена сдѣлалась для него родной. Когда у Монрена родились дѣти, Денуазелю казалось, что онъ былъ старшій братъ ихъ. Естественно, что наиболѣе симпатіи внушала ему Рене, которая, еще маленькой, начала обожать его. Она уже тогда была рѣзва и упряма. Онъ одинъ умѣлъ заставить ее слушаться. Когда она подросла, онъ сдѣлался воспитателемъ ея характера, руководителемъ ея вкуса, духовникомъ ея мысли. И вліяніе его на молодую дѣвушку росло съ каждымъ днемъ,

вмѣстѣ съ короткостью въ этомъ домѣ, гдѣ для него всегда была готова комната, накрытъ былъ приборъ и куда онъ часто пріѣзжалъ гостить на недѣлю.

— Бываютъ дни, продолжалъ Анри:—когда въ этихъ выходкахъ моей сестры нѣтъ никакой бѣды. Но сегодня, передъ этимъ малымъ... Я увѣренъ, что это разстроитъ всѣ наши планы. А славная партія! Молодой человѣкъ, во всѣхъ отношеніяхъ, порядочный, милый...

— Ты находишь? А меня онъ напугалъ за твою сестру. И вотъ почему я былъ съ ней такой, какимъ ты меня видѣлъ сегодня вечеромъ; вѣдь, порядочность этого человѣка—самая вульгарная, самая пошлая... Это—модная картинка, манкенъ портнаго какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. И это—мужъ для твоей сестры? Да кàкъ же онъ можетъ, чортъ побери, понять ее? Развѣ онъ въ состояніи угадать, сколько великодушія, благородства, страсти таится подъ этой эксцентричностью? Можно ли себѣ представить хоть чтò-нибудь общее между ними, хоть одну мысль?.. пускай бы твоя сестра вышла Богъ знаетъ за кого, лишь бы только этотъ человѣкъ былъ уменъ, лишь бы у него былъ характеръ, была личность... чтò-нибудь способное овладѣть такой натурой или расшевелить ее—я бы ничего не сказалъ. Часто у мужчины бываютъ огромные недостатки, но они заставляютъ женское сердце жить... Съ кутилой еще были бы шансы, что она привязалась бы къ нему изъ ревности. Человѣкъ дѣловой, честолюбивый, какъ ты, посвятилъ бы ее въ свою дѣятельность, въ свои планы; она мечтала бы съ нимъ о блестящемъ будущемъ... Но такое полнѣйшее ничтожество, какъ этотъ франтъ... и на вѣки! Твоя сестра была бы глубоко несчастлива, она умерла бы... потому что она создана не такъ, какъ другія... Надобно сказать правду. Это—натура высокая, независимая и очень нѣжная... это...

— Торопись, Анри! кричалъ Даварандъ съ крыльца дебаркадера:—садятся въ вагоны. Твой билетъ у меня.

V.

Г-жа Мопренъ находилась въ своей спальнѣ. Часы только-что пробили полночь. Г-жа Мопренъ завивала себѣ волосы въ папильйотки, стоя передъ зеркаломъ, освѣщеннымъ одной свѣчой. Она была въ юпкѣ и кофточкѣ. Г. Мопренъ лежалъ уже въ постели.

— Луи! сказала г-жа Мопренъ.

— Чтò? спросилъ г. Мопренъ съ выраженіемъ индиферентности, досады и скуки человѣка, который, хотя глаза его и открыты, начинаетъ уже вкушать пріятности горизонтальнаго положенія.

— Если ты спишь, такъ не надо!

— Я вовсе не сплю. Ну, чтò такое?

— Ахъ! Господи! ничего особеннаго. Я нахожу, что Рене была нынче вечеромъ до невозможности неприлична; вотъ и все. Ты замѣтилъ?

— Нѣтъ. Я не обратилъ вниманія.

— Такія выходки!.. Я не понимаю, чтò за причина... Скажи, пожалуйста, она ничего не говорила тебѣ? Ты ничего не знаешь? Вѣдь, у васъ съ ней всегда секреты, шептанье. Я послѣдняя узнаю обо всемъ... тогда какъ ты... тебѣ все разсказываютъ. Право, я очень счастлива, что родилась неревнивой.

Г. Мопренъ, не отвѣчая, закутался въ одѣяло.

— Ты, положительно, спишь, произнесла г-жа Мопренъ кислымъ, недовольнымъ тономъ женщины, ожидающей отпора на свое нападеніе.

— Я ужъ сказалъ тебѣ, что не сплю.

— Такъ, стало быть, вы не понимаете, г. Мопренъ? Это удивительно... эти умные люди! А казалось бы, что дѣло одинаково близко обоимъ намъ. Вѣдь, свадьба опять разстроилась. Поняли вы? А какая была партія! Молодой человѣкъ изъ хорошей семьи, богатый... все было въ немъ, все!.. Можемъ теперь проститься съ нимъ. Анри говорилъ мнѣ объ этомъ сегодня... Конечно, Реворшонъ ничего не сказалъ ему, потому что умѣетъ жить въ свѣтѣ, но Анри увѣренъ, что онъ не сдѣлаетъ предложенія. Эти вещи чувствуются... это сейчасъ видно...

— Ну, и пускай уходитъ. Чтò же мнѣ сказать на это? Г. Мопренъ приподнялся на своей постели.—Молодыхъ Ревершоновъ немало на бѣломъ свѣтѣ, прибавилъ онъ. — Найдутся еще... Тогда какъ дѣвушки, подобныя моей дочери...

— Вашей дочери, вашей дочери...

— Ты не отдаешь ей должнаго, Тереза.

— Я? Нѣтъ, я отдаю ей полную справедливость, но только я вижу ее такой, какая она есть... у меня не твои глаза—вотъ чтò. У ней есть недостатки, большіе недостатки, которымъ ты потворствовалъ—дà, ты. Капризы, вѣтренность, словно ей десять лѣтъ. Ты думаешь, что меня не огорчаютъ ея требовательность, ея нерѣшительность и всѣ эти странныя выходки, появившіяся у ней съ тѣхъ поръ, какъ мы вздумали выдать ее замужъ. Какъ она обращается съ людьми, которыхъ ей представляютъ? Она

ужасна въ первыя свиданія... Вотъ ужь десятаго жениха она выпроваживаетъ.

При этихъ послѣднихъ словахъ г-жи Мопренъ, отеческое тщеславіе озарило лицо г. Мопрена.—Да̀, да̀, сказалъ онъ, улыбаясь:— она дьявольски остроумна... Помнишь ты этого бѣднаго префекта? Ка̀къ только она увидѣла его, такъ сказала: «это — старый пѣтухъ»...

— Ужасно смѣшно и, главное, очень прилично! Эти словечки, конечно, помогутъ намъ пристроить ее, привлекутъ искателей руки ея—неправда ли? Я увѣрена, что Рене имѣетъ въ свѣтѣ репутацію злой. Еще немножко этого остроумія, и ты увидишь, сколько жениховъ будетъ свататься къ твоей дочери. Я такъ легко пристроила Анріетту, а эта—мой крестъ.

Г. Мопренъ, взявшій съ ночнаго столика табакерку, вертѣлъ ее между большимъ и указательнымъ пальцемъ.

— Впрочемъ, это—ея дѣло, продолжала г-жа Мопренъ.—Когда ей минетъ 30 лѣтъ, когда она всѣмъ откажетъ и никто уже не захочетъ брать ее, несмотря на все ея остроуміе, на всѣ ея хорошія качества—она пожалѣетъ, и вы тоже.

Послѣдовала пауза. Г. Мопренъ подумалъ, что жена его кончила, но она, перемѣнивъ тонъ, сказала:

— Теперь мнѣ нужно потолковать съ вами о сынѣ.

Въ эту минуту г. Мопренъ, который до сихъ поръ слушалъ слова̀ жены своей опустивъ голову, вдругъ поднялъ ее, и на губахъ его мелькнула добродушно-лукавая полуулыбка.

Въ буржуазіи, въ высшей такъ же, какъ и въ низшей, существуетъ извѣстнаго рода материнская любовь, возвышающаяся до страсти и унижающаяся до раболѣпія. Часто случается встрѣчать мать, сердце которой словно распростерто ницъ передъ сыномъ. На него возлагаются всѣ надежды. Онъ—нетолько наслѣдникъ, онъ—будущность семьи, которой онъ обѣщаетъ благосостояніе, прогрессивное возвышеніе, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Мать любитъ его и въ немъ гордится собой; онъ представляется ей какимъ-то высшимъ существомъ, и она даже удивляется, что она могла носить его въ своемъ чревѣ. Г-жа Мопренъ была изъ этихъ матерей современной буржуазіи. Міръ, казалось, начинался и кончался для нея ея сыномъ. Онъ былъ въ ея глазахъ совершенствомъ. Онъ былъ всѣхъ умнѣе, всѣхъ красивѣе и, главное, всѣхъ порядочнѣе. Онъ былъ близорукъ и носилъ пенсне; она не хотѣла даже согласиться, что онъ плохо видитъ. Когда онъ былъ тутъ, она смотрѣла, какъ онъ говоритъ, ходитъ, садится. Когда онъ поворачивался къ ней спиной, она улыбалась. Она любила складки его одежды. Когда онъ уходилъ, она нѣсколько

минуть оставалась въ креслахъ, думая о немъ, припоминая его слова, его движенія, и безконечно отрадное чувство наполняло ея сердце, свѣтилось въ глазахъ ея; когда съ ней заговаривали, она точно просыпалась.

Эта манія материнской любви была наслѣдственная. Въ семействѣ г-жи Мопренъ всѣ матери были матерями до неистовства. Бабушка ея оставила въ своемъ краѣ легенду. Говорили, что она обезобразила горячимъ углемъ ребенка, котораго находили красивѣе ея сына. Когда ребенокъ г-жи Мопренъ въ первый разъ захворалъ, она чуть не сошла съума; она проклинала всѣхъ здоровыхъ дѣтей и желала, чтобъ Богъ убилъ ихъ, если ея сынъ умретъ. Однажды, во время серьёзной болѣзни его, она провела сорокъ восемь ночей безъ сна. Отъ усталости ея ноги опухли. Когда онъ сталъ бѣгать, ему было все позволено. Если ей жаловались, что онъ побилъ деревенскихъ ребятишекъ, она говорила растроганнымъ голосомъ: «Бѣдный малютка». Мечтая о его будущности, она перебирала въ умѣ всѣхъ богатыхъ наслѣдницъ въ департаментѣ, которыя впослѣдствіи могли бы, по своимъ лѣтамъ, годиться ему въ жены. Она видѣла его въ замкахъ, верхомъ, въ красномъ костюмѣ; надежды, иллюзіи, перспективы ослѣпляли ее.

Пришло время ученья, время разлуки. Три мѣсяца г-жа Мопренъ вела съ мужемъ борьбу изъ-за сына, котораго ей хотѣлось воспитывать дома; но г. Мопренъ остался непоколебимъ. Все, чего г-жа Мопренъ могла отъ него добиться, это—выбора учебнаго заведенія. Она выбрала, разумѣется, самое спокойное и пріятное—одно изъ тѣхъ заведеній, гдѣ воспитываются дѣти богатыхъ родителей, гдѣ дисциплина слаба, гдѣ во время прогулокъ ѣдятъ пирожки и гдѣ профессора болѣе репетируютъ, нежели взыскиваютъ.

Впродолженіи семи лѣтъ, которыя онъ тамъ пробылъ, г-жа Мопренъ не пропускала ни одного дня, чтобъ ни пріѣхать туда изъ С. Дени, въ часъ рекреаціи. Ни холодъ, ни дождь, ни усталость—ничто не останавливало ея. Въ пріемной, на дворѣ, другія матери указывали на нее. Ребёнокъ цѣловалъ ее, бралъ пирожки и спѣшилъ возвратиться къ играмъ, говоря, что ему некогда. Этого было довольно для его матери. Она его видѣла, онъ былъ здоровъ. Она не переставала думать объ его здоровьѣ и кутала его въ фланель. Въ дни отпуска, пичкала его мясомъ и выливала ему на тарелку весь сокъ бифштекса, съ кровью, для того, чтобъ мальчикъ былъ сильнѣе и крѣпче. Она купила ему маленькій коврикъ, чтобы ему не жестко было сидѣть на классной скамейкѣ.

Въ заведеніи у воспитанниковъ были свои комнаты. Она мёблировала ему комнату, какъ взрослому мужчинѣ. Двѣнадцати лѣтъ, онъ имѣлъ палиссандровый туалетъ-комодъ.

Ребёнокъ сдѣлался молодымъ человѣкомъ; молодой человѣкъ вышелъ изъ училища, и обожаніе г-жи Мопренъ еще усилилось при видѣ измѣнившейся турнюры ея взрослаго сына и пробивавшейся у него бороды. Позабывъ о счетахъ, по которымъ ей приходилось уплачивать въ магазины, она была въ восхищеніи отъ его платья, прически и обуви.

Его вкусы, привычки, манеры и обстановка отличались элегантностью, передъ которой она преклонялась, съ удивленіемъ и восторгомъ, какъ будто не она была ея источникомъ и кассиромъ. Лакей ея сына былъ для нея несовсѣмъ лакей; лошадь была не просто лошадь... а лошадь ея сына.

Когда ея сынъ выѣзжалъ, она приказывала предупредить себя для того, чтобъ имѣть возможность взглянуть—какъ онъ садится на лошадь или въ карету.

Съ каждымъ днемъ, этотъ сынъ все болѣе и болѣе наполнялъ ее собой. Живя безъ развлеченій, съ незанятымъ ничѣмъ воображеніемъ, ничего не читая, состарѣвшись подлѣ мужа, который женился на ней безъ любви и всегда держалъ себя отъ нея далеко, погруженный въ умственныя занятія, въ политику, въ дѣла; не имѣя около себя никого, кромѣ дочери, которой она никогда вполнѣ не отдавала своего сердца, она кончила тѣмъ, что всю жизнь свою положила въ Анри, все свое тщеславіе сосредоточила на его успѣхахъ, на его карьерѣ, на его будущности. Единственной ея мыслью—мыслью, наполнявшей всѣ часы ея дня и ночи, ея idée fixe—было женить этого обожаемаго сына, хорошо женить; отыскать ему богатую, блестящую партію, такъ, чтобы эта женитьба отмстила за нее, вознаградила ее за всю скуку ея темнаго существованія, за эту бережливую, одинокую жизнь, за всѣ лишенія женщины и жены.

— Знаете ли вы, по крайней мѣрѣ, г. Мопренъ, сколько вашему сыну лѣтъ? продолжала г-жа Мопренъ.

— Сколько лѣтъ Анри? Мнѣ кажется, душа моя, что ему должно быть... постой, онъ родился въ 1826 году—не такъ ли?

— Это отецъ-то спрашиваетъ! Ну, да̀, въ 1826 г. 12-го іюля 1826 года.

— Стало быть, ему 29 лѣтъ. Да̀... дѣйствительно. Скажите, пожалуйста—ужъ 29 лѣтъ!

— И вы сидите сложа руки; вы нисколько не думаете о его будущности! Вы говорите себѣ преспокойно: «Каково — ужъ ему 29 лѣтъ!» Другой бы позаботился, поискалъ... Анри—не та-

кой, какъ его сестра... Онъ хочетъ жениться. Приходило ли вамъ когда-нибудь въ голову пріискать для него партію, жену? Никогда; такъ же, какъ и для его старшей сестры. Позвольте спросить: чтò вы сдѣлали для нея? Казалось, вамъ было все равно—найдетъ она, или не найдетъ жениха. Вы можете умыть себѣ руки въ ея счастьи... оно не лежитъ у васъ на совѣсти.— Скажите по правдѣ: нашли ли бы вы безъ меня такого зятя, какъ г. Даварандъ, обожающій Анріетту, могущій служить образцомъ мужа и свѣтскаго человѣка?

И г-жа Мопренъ, потушивъ свѣчу, легла въ постель, носомъ къ стѣнѣ.

— Дà, образцомъ мужей, не унималась она и подъ одѣяломъ:— вы думаете, много найдется такихъ зятьевъ... Онъ дѣлаетъ все, чтобы угодить намъ. Когда онъ обѣдаетъ у насъ, вы кормите его скоромнымъ, и онъ ничего не говоритъ. И какая внимательность... недавно, мнѣ нужно было подобрать шерсть...

— Извини меня, другъ мой. О чемъ мы разговариваемъ? предупреждаю тебя, что мнѣ нынче очень хочется спать... Началось это съ нашей дочери; теперь ты перешла къ главѣ о совершенствахъ г. Даваранда. Эту главу я знаю... мы до утра не кончимъ. Чего тебѣ хочется? Чтобы сынъ твой женился—не такъ ли? Ну чтò-жъ? и я не желаю ничего лучшаго. Женимъ его.

— Женимъ! Можно на васъ разсчитывать. Таковскій вы человѣкъ, чтобы позаботиться? вы не пошевелите пальцемъ.

— Это ужь, съ твоей стороны—несправедливость, душа моя. Не далѣе, какъ двѣ недѣли назадъ, я, кажется, доказалъ тебѣ противное. Идти слушать скучнѣйшую оперу... ѣсть вечеромъ мороженое—чего я терпѣть не могу... разговаривать о погодѣ съ какимъ-то провинціаломъ, который на всѣхъ бульварахъ кричитъ о приданомъ своей дочери... Если ты все это называешь «не пошевелить пальцемъ»... такъ ужь я не знаю. Ты скажешь, что дѣло не выгорѣло. Но это ужь—не моя вина. Чтò же мнѣ дѣлать, если этотъ господинъ ищетъ для своей дочери «красиваго самца», какъ онъ выражается. Развѣ я одинъ виноватъ въ томъ, что нашъ сынъ родился не Геркулесомъ?

— Г. Мопренъ...

— Ты всегда и во всемъ обвиняешь меня... Ты сдѣлаешь мнѣ репутацію эгоиста...

— Всѣ мужчины—такіе...

— Благодарю за нихъ...

— Нѣтъ, это—въ вашемъ характерѣ; на васъ нельзя сердиться за это... Матери, однѣ только матери всегда хлопочутъ... Ахъ! еслибъ ты походилъ на меня; еслибъ ты каждую минуту пред-

ставлялъ себѣ все, что можетъ случиться съ молодымъ человѣкомъ. Я знаю, что Анри разсудителенъ, но привязаться нетрудно; того и гляди—нападетъ на какую-нибудь негодницу.. дрянь; это мы каждый день видимъ... Я, кажется, бы сошла съ ума. А что, Мопренъ—не закинуть ли удочку м-съ Розьеръ? какъ ты думаешь?

Отвѣта не было. Г-жа Мопренъ рѣшилась замолчать. Долго еще ворочалась она съ боку на бокъ, стараясь заснуть, и заснула только подъ утро.

VI.

— Куда это ты, скажи, пожалуйста? спросилъ, на другой день, г. Мопренъ у жены, надѣвавшей передъ зеркаломъ черную кружевную мантилью.

— Куда? отвѣчала г-жа Мопренъ, прикалывая на плечѣ мантилью одной изъ булавокъ, которыя держала во рту.—Не низко ли я спустила мантилью? посмотри-ка, пожалуйста.

— Нѣтъ.

— Потяни немножко...

— Кàкъ ты нарядилась! сказалъ г. Мопренъ, отойдя и оглядывая туалетъ жены, отличавшійся изяществомъ и почти суровой простотой. Она была вся въ черномъ.

— Я ѣду въ Парижъ.

— Въ Парижъ? Зачѣмъ это? Чтò тебѣ дѣлать въ Парижѣ?

— Ахъ! кàкъ ты скученъ съ своими разспросами: куда ѣдешь, да чтò тебѣ дѣлать? Тебѣ очень хочется знать? Не правда ли?

— Я такъ просто спросилъ тебя...

— Я ѣду исповѣдываться, другъ мой, сказала г-жа Мопренъ, опустивъ глаза.

Г. Мопренъ онѣмѣлъ отъ удивленія. Г-жа Мопренъ, въ первое время послѣ замужества, ѣздила по воскресеньямъ къ обѣднѣ; впослѣдствіи, она сопровождала дочерей своихъ слушать «поученія въ вѣрѣ», но этимъ и ограничивалась ея религіозность. Въ теченіи этого времени, онъ видѣлъ ее индиферентной, такой же, какъ самъ онъ. Когда первая минута удивленія прошла, онъ раскрылъ ротъ, чтобъ сказать чтò-то, посмотрѣлъ на нее и не сказалъ ничего; повернулся на каблукахъ, и вышелъ въ другую комнату, напѣвая какую-то арію, которой недоставало только словъ и музыки.

Г-жа Мопренъ подъѣхала къ хорошенькому, веселенькому до-

нику въ улицѣ Мадленъ. Поднявшись въ четвертый этажъ, она позвонила. Ей отворили. «Г. аббатъ Блампуа?»

— Здѣсь, сударыня, сказалъ слуга, въ черной ливреѣ, съ скромнымъ взглядомъ, съ бельгійскимъ акцентомъ и низко, почтительно раскланивавшійся.—Онъ провелъ г-жу Мопренъ черезъ переднюю и столовую, ярко освѣщенную солнцемъ и гдѣ былъ накрытъ на столѣ приборъ, въ нарядную, благоухающую цвѣтами гостиную. Надъ органомъ-мелодіумомъ съ богатыми инкрустаціями висѣла копія съ «Ночи» Корреджіо. На другой стѣнѣ виднѣлась, въ траурной рамкѣ, литографія, изображавшая причащеніе Маріи-Антуанеты и ея жандармовъ, въ Консьержери. На этажеркахъ разставлено было множество бездѣлушекъ, вещей, которыя дарятся въ праздники или на память. Бронзовая статуя Магдалины, Кановы, стояла на столѣ, посреди комнаты. Мёбель, подушки, коврики, тщательно вышитые, все, очевидно, было подарено аббату набожными дамами. Мужчины и женщины ожидали тутъ, отворяли дверь въ комнату аббата, оставались тамъ нѣсколько минутъ, выходили, кланялись и исчезали. Послѣдняя изъ ожидавшихъ посѣтительницъ оставалась долго. Когда она вышла, г-жа Мопренъ не могла разглядѣть лица ея, закрытаго двойнымъ вуалемъ. Аббатъ стоялъ спиною къ камину, когда г-жа Мопренъ вошла въ его комнату. У аббата Блампуа не было прихода. Онъ имѣлъ только кліентовъ и спеціальность: это былъ свѣтскій священникъ; священникъ бомонда, высшаго элегантнаго общества.

Онъ исповѣдывалъ гостиныя, руководилъ совѣстью «благорожденныхъ» лицъ, утѣшалъ души, стѣющія того. Это былъ человѣкъ съ большимъ смысломъ, снисходительный, исполненный терпимости, любившій ко всему примѣнять изреченіе: «буква умерщвляетъ, а духъ живитъ». Онъ умѣлъ понимать и улыбаться. Онъ соразмѣрялъ вѣру съ темпераментомъ людей и давалъ ее только въ маленькихъ дозахъ. Онъ смягчалъ суровость покаянія, посыпалъ песочкомъ путь къ спасенію. Онъ отдѣлялъ отъ жестокой, требовательной, мрачной религіи бѣдныхъ — легкую, пріятную, эластическую религію богачей, уживавшуюся съ общественными условіями, нравами, привычками, даже предразсудками. Изъ идеи Бога онъ дѣлалъ нѣчто элегантное и комфортабельное.

Въ симпатичномъ аббатѣ Блампуа былъ виденъ священникъ, хорошо воспитанный и обладающій талантами. Онъ умѣлъ соединить исповѣдь съ пріятной бесѣдой; быть остроумнымъ въ своихъ увѣщаніяхъ; онъ умѣлъ расчувствовать, заинтересовать; онъ зналъ слова, которыя трогаютъ, слова, которыя ласкаютъ, слова, которыя щекочутъ. Голосъ его былъ музыкаленъ, движе-

нія граціозны, рѣчь образна. Онъ называлъ дьявола «царемъ зла». Онъ разсуждалъ о Россіи, цитировалъ Расина, говоря о порокахъ дня, вдавался въ пикантныя частности. О свѣтѣ онъ говорилъ языкомъ свѣта, и, по временамъ, самые свѣжіе модные термины попадали въ его духовную бесѣду, какъ извлеченія изъ газетныхъ статей въ аскетическую книгу. Отъ него пахло вѣкомъ. Его ряса какъ будто впитала въ себя запахъ всѣхъ этихъ милыхъ грѣшковъ, которые къ нему приближались. Онъ былъ глубокъ и изощренъ въ дѣлѣ чувственной казуистики. Его тонкость, чутье и приличіе очаровывали женщинъ.

Его осаждали со всѣхъ сторонъ. Съ мелкими проступками шли къ другимъ; къ нему несли только избранные грѣхи. Вокругъ него постоянно звучали громкія имена, шуршали нарядныя платья. Матери совѣтовались съ нимъ, вывозить ли въ свѣтъ дѣчерей; дочери, прежде чѣмъ выѣзжать, получали отъ него наставленіе. Къ нему обращались за разрѣшеніемъ — надѣть открытое платье; у него требовали заглавія романовъ, какіе можно читать, и списокъ нравственныхъ пьесъ, какія можно смотрѣть. Онъ приготовлялъ къ первому причащенію и велъ къ брачному алтарю. Онъ крестилъ дѣтей, исповѣдывалъ женъ, измѣнявшихъ мужьямъ. Непризнанныя, непонятыя женщины являлись къ нему скорбѣть о матеріализмѣ своихъ мужей, и онъ снабжалъ ихъ небольшимъ количествомъ идеальности, которую онѣ потомъ вносили въ свою супружескую жизнь. Когда къ нему прибѣгало отчаяніе, большое горе, онъ отправлялъ его путешествовать въ Италію, совѣтовалъ ему заняться, для развлеченія, живописью и музыкой и, главное, хорошенько исповѣдаться въ Римѣ. Женщины, живущія розно съ мужьями, спрашивали его совѣта, какъ бы имъ безъ шума возвратиться къ мужьямъ. Онъ являлся посредникомъ между любовью жены и ревностью свекровей. Матерямъ онъ поставлялъ гувернантокъ, молодымъ женщинамъ—сорокалѣтнихъ горничныхъ. Новобрачныя поучались у него, какъ сберечь свое счастье, какъ удержать при себѣ мужей скромностью туалета, опрятностью, заботливостью, дѣвственностью и тонкостью бѣлья. — «Нужно, дитя мое, говорилъ онъ иногда:—чтобы у честной женщины былъ маленькій оттѣнокъ лоретки». Его опытность распространялась на гигіену брака. Онъ рѣшалъ, должна ли женщина сдѣлаться матерью и должна ли мать кормить.

Эта репутація, эта роль, это управленіе женщиной и обладаніе всѣми ея тайнами, эти безпрестанныя сношенія съ должностными лицами благотворительныхъ заведеній, связи со всѣмъ, что есть сколько-нибудь значительнаго въ Парижѣ, всѣ вліянія,

которыя можетъ пріобрѣсти скромный, услужливый, ловкій священникъ, создали изъ аббата Блампуа огромную подземную силу. Интересы, какъ и все остальное, исповѣдывались ему. Общественныя честолюбія искали его содѣйствія, и почти все, что было въ обществѣ неженатаго или незамужняго, прибѣгало къ этому попу, невыставлявшему никакихъ политическихъ мнѣній, распространеннаго во всѣхъ кружкахъ и занимавшаго позицію въ высшей степени удобную для сближенія именъ, для скрещенія родовъ, для уравновѣшенія положеній, для соединенія денегъ съ деньгами или стараго титула съ новымъ богатствомъ. Казалось, этотъ рѣдкій человѣкъ, совмѣщавшій въ себѣ священника и повѣреннаго, апостола и дипломата, былъ какимъ-то тайнымъ провидѣніемъ парижскаго брака.

Аббатъ Блампуа имѣлъ сорокъ тысячъ ливровъ дохода и половину ихъ отдавалъ бѣднымъ. Онъ отказался отъ епископства для того, чтобъ остаться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ—священникомъ.

— Съ кѣмъ имѣю честь? спросилъ аббатъ, казалось, неимѣвшій въ памяти своей имя.

— Г-жа Монренъ... мать г-жи Даварандъ.

— Ахъ! извините, извините, сударыня... Вы — не изъ тѣхъ, кого забываютъ... Но вотъ кресло... прошу васъ садиться... И, сѣвъ противъ нея, спиной къ свѣту, онъ продолжалъ:—эта свадьба, на которой я имѣлъ честь познакомиться съ вами, свадьба вашей дочери съ г. Даварандомъ—очень дорогое воспоминаніе для меня. Вамъ и мнѣ: вамъ—при помощи вашей материнской преданности, мнѣ — при помощи моей незначительной опытности, намъ удалось осуществить бракъ, вполнѣ христіанскій, отвѣчавшій вмѣстѣ и потребностямъ вѣры, и потребностямъ сердца этой милой дѣвушки, равно какъ и требованіямъ ея свѣтскаго положенія. Госпожа Даварандъ—одна изъ примѣрныхъ духовныхъ дочерей моихъ. Я вполнѣ доволенъ... Г. Даварандъ — превосходный молодой человѣкъ, совершенно раздѣляющій — что, въ настоящее время, большая рѣдкость—религіозныя чувства своей жены. На такихъ счастливыхъ супружествахъ отдыхаешь душой, и я увѣренъ заранѣе, что семейныя отношенія этихъ дорогихъ дѣтей не могли быть причиной вашего посѣщенія...

— Это совершенно справедливо, г. аббатъ... я очень счастлива съ этой стороны... ихъ счастье для меня—большое утѣшеніе въ жизни... Ахъ! это—такая большая отвѣтственность—пристроивать дѣтей. Нѣтъ, господинъ аббатъ, я пришла говорить не о нихъ, а о себѣ...

— О себѣ, сударыня?

И аббатъ бросилъ на нее взглядъ, который, въ ту же минуту, потухъ.

— Ахъ! г. аббатъ, годà очень измѣняютъ людей... Въ молодости многое привлекаетъ насъ... свѣтъ, общество—все это занимаетъ, все это любишь, во все это вѣришь и думаешь, что никогда ни въ чемъ другомъ не будешь нуждаться. Но вотъ наступаетъ возрастъ, когда является потребность въ другомъ... И я, г. аббатъ, нахожусь именно въ этомъ возрастѣ. Вы меня понимаете: я чувствую пустоту свѣта. Ничто меня не занимаетъ. Я хотѣла бы возвратиться къ тому, чтò покинула. Я знаю, кàкъ вы снисходительны, кàкъ велика доброта ваша. Мнѣ нужны ваши совѣты... Нужно, чтобы рука ваша снова привела меня къ тѣмъ обязанностямъ, которыми я слишкомъ долго неглижировала... хотя никогда не забывала, не переставала почитать ихъ. Вамъ извѣстны эти слабости, г. аббатъ...

Говоря такимъ образомъ, съ той легкостью женщины и парижанки, которая на парижскомъ языкѣ называется «bagou», г-жа Мопренъ старалась избѣгать взглядовъ священника, словно она ихъ чувствовала въ темнотѣ. Но вдругъ глаза ея машинально упали на чтò-то блеснувшее въ рукѣ аббата, вспыхнувшее подъ лучемъ солнца, посреди этой комнаты дѣловаго человѣка, строгой, торжественной и холодной. Это было брильянтовое колье, которымъ играли пальцы аббата.

— Это васъ удивляетъ, не правда ли? произнесъ аббатъ, поймавшій взглядъ г-жи Мопренъ, отвѣчая на ея мысль и не отвѣчая на ея фразы.—Дà... брильянты, и довольно хорошіе — посмотрите. Онъ поднесъ ей колье.—Это странно, что они здѣсь— не такъ ли? Чтò вы хотите! Вотъ наше современное общество. Мы волей-неволей должны немножко всего касаться... Грустная сцена! слёзы, рыданія... Можетъ быть, вы слышали? Несчастная молодая женщина валялась у меня въ ногахъ, мать семейства, сударыня! Вотъ онъ—свѣтъ! Вотъ куда ведетъ страсть къ нарядамъ, погоня за всѣмъ, чтò нравится. Тратятъ, тратятъ и дойдутъ до того, что едва могутъ уплачивать магазину проценты на сумму, которую задолжали. Дà, сударыня, это случается; я вамъ назову магазины. Все надѣятся когда-нибудь возвратить капиталъ; разсчитываютъ на зятя, которому все разскажутъ и который сочтетъ себя счастливымъ уплатить долги своей тещи. А между тѣмъ, магазины теряютъ терпѣніе и, наконецъ, угрожаютъ, что все скажутъ мужу. Тогда... О! тогда... вы можете себѣ представить отчаяніе... Знаете ли, что мнѣ сейчасъ говорили даже о самоубійствѣ?.. и я долженъ былъ обѣщать, что найду тридцать тысячъ франковъ. Но простите мнѣ, ради Бога—я

разсказываю вамъ о своихъ дѣлахъ. Возвратимся къ вашимъ—къ вамъ. У васъ была еще дочь—прелестная; я ее приготавливалъ къ первому причащенію. Напомните мнѣ ея имячко...

— Рене.

— Дà... дà, именно. Преумненькая, очень живая, совершенно особенная натура... Скажите, она не замужемъ?

— Нѣтъ, г. аббатъ, и это очень меня безпокоитъ... Вы не можете себѣ представить, что̀ это за сумасбродная голова. У ней ничего нѣтъ общаго съ сестрой. Это—одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые причиняютъ матери много огорченій. Я желала бы лучше, чтобъ она не была такъ умна. Мы ей находили прекрасныя партіи; она отказывается отъ нихъ съ величайшимъ легкомысліемъ... Еще вчера—не дальше... И потомъ, отецъ такъ балуетъ ее...

— А! Это жаль. Вы не повѣрите, ка̀къ привязываешься къ этимъ дѣтямъ, которыхъ приводишь къ Спасителю и Пречистой Дѣвѣ. Но вы ничего не говорите мнѣ о вашемъ сынѣ.. Это—прекрасный молодой человѣкъ, очень пріятный и, кажется, въ такомъ возрастѣ, что ему пора бы жениться.

— Вы знаете его, г. аббатъ?

— Я имѣлъ удовольствіе встрѣчаться съ нимъ разъ у его сестрицы, г-жи Даварандъ, когда я навѣщалъ ее во время ея болѣзни. Вѣдь, вы знаете, что визиты къ больнымъ, это—единственные визиты, которые мы дѣлаемъ. И, притомъ, я слышалъ о немъ самые лучшіе отзывы... Вы—счастливая мать, сударыня: вашъ сынъ исполняетъ всѣ обряды, предписываемые церковью. На пасхѣ онъ причащался у отцовъ-іезуитовъ. Онъ находился въ числѣ свѣтскихъ людей, истинно набожныхъ — онъ, вѣроятно, не говорилъ вамъ объ этомъ—которые почти всю ночь дожидались исповѣди, такъ какъ толпа была ужасная. Дà, этому даже трудно повѣрить; но, благодаря Бога, это такъ. Молодые люди, и вполнѣ свѣтскіе, оставались въ церкви, въ ожиданіи исповѣди, до 5 часовъ утра! Мнѣ ненужно говорить вамъ, въ какой степени церковь была тронута такимъ рвеніемъ, въ какой степени она благодарна тѣмъ, кто доставляетъ ей подобное утѣшеніе и воздаетъ ей должныя почести въ наше печальное время деморализація и безвѣрія; и ка̀къ мы, наконецъ, служители ея, расположены къ этимъ молодымъ людямъ, подающимъ столь благой примѣръ, какъ мы готовы, по мѣрѣ силъ, поддержать ихъ, предложить къ ихъ услугамъ то небольшое вліяніе, какое мы еще можемъ имѣть въ семействахъ...

— Ахъ! г. аббатъ, вы слишкомъ добры, и наша благодарность, моя и моего сына... если только вамъ угодно будетъ удостоить

его своимъ вниманіемъ... О! какъ я рада, что мнѣ пришла въ голову мысль посѣтить васъ... Я шла къ вамъ, какъ женщина, но и какъ мать также... Сынъ мой—ангелъ, г. аббатъ.. И потомъ, вы такъ много можете!..

Аббатъ отрицательно покачалъ головой, съ скромной и вмѣстѣ меланхолической улыбкой...

— Нѣтъ, сударыня, вы преувеличиваете. Мы далеки отъ того, что вы говорите. Иногда, правда, намъ удается сдѣлать немножко добра, но и то съ какими усиліями! Еслибъ вы знали, какъ мало значитъ священникъ въ настоящее время! Вліянія его боятся, отъ него сторонятся, его не хотятъ встрѣчать внѣ церкви, съ нимъ не говорятъ внѣ исповѣди. Вы сами, конечно бы, удивились, еслибъ вашъ духовникъ вздумалъ вмѣшиваться въ вашу вседневную жизнь. Отдаленіе, запрещеніе—вотъ печальные предразсудки свѣта по отношенію къ намъ...

— Ахъ! Боже мой, ужь второй часъ. Я видѣла, что у васъ въ столовой накрытъ приборъ. Мнѣ такъ совѣстно... Позвольте мнѣ возвратиться черезъ нѣсколько дней.

— Мой завтракъ можетъ подождать, сказалъ аббатъ Бланпуа и, повернувшись къ письменному столу, заваленному бумагами, сдѣлалъ знакъ г-жѣ Монпрень, чтобы она сѣла. Наступила минута молчанія; аббатъ, пошуршавъ бумагами, отыскалъ въ нихъ визитную карточку, которую поднесъ къ свѣту и на которой прочелъ: «300 тысячъ франковъ, рента, облигаціи... 15 тысячъ ливровъ доходу, въ день свадьбы. Отецъ и мать умерли, 600 тысячъ фр. по смерти тётокъ и дядей, одинокихъ... Молодая дѣвушка... Девятнадцать лѣтъ... очень милая... гораздо красивѣе, нежели она это думаетъ». Посмотрите, подумайте, сказалъ аббатъ, положивъ карточку на мѣсто.—У меня будетъ еще... Да! есть и въ настоящую минуту; 25 тысячъ ливровъ доходу, сирота.. Но нѣтъ! Эта не подходитъ. Опекуну нужна протекція... Онъ служитъ въ счетной палатѣ, совѣтникомъ-референдаріемъ втораго класса, и отдастъ свою воспитанницу только такому зятю, который доставитъ ему мѣсто совѣтника I-го класса. Ахъ! подождите, вотъ, можетъ быть, эти... И онъ, пробѣгая записную книжку, говорилъ: — Двадцать два года, некрасива, обладаетъ свѣтскими талантами... умна, хорошо одѣвается. У отца трое дѣтей; солидное состояніе. Мильйонъ пять сотъ тысячъ франк., домъ въ rue de-Provence, гдѣ помѣщается контора страховаго общества «Безопасность». Земля въ Орнѣ, человѣкъ дѣльный... Португалецъ родомъ. Жена ничего не значитъ въ домѣ. Родства нѣтъ... и отецъ даже будетъ въ претензіи, если вы захотите видѣться съ родственниками. Ихъ приглашаютъ разъ на семей-

ный обѣдъ—вотъ и все. Вы видите, я ничего не скрываю отъ васъ... Отецъ даетъ триста тысячъ франковъ приданаго. Онъ хочетъ, чтобъ дочь оставалась при немъ. Аббатъ положилъ свою записную книжку на мѣсто.—Вотъ все, что я нахожу пригоднаго для васъ въ настоящую минуту. Посмотрите, сообщите обо всемъ этомъ, милая м-мъ Мопренъ, вашему сыну. Посовѣтуйтесь съ вашимъ супругомъ. Я весь въ вашемъ распоряженіи. Еслибъ вы могли, когда снова сдѣлаете мнѣ честь посѣтить меня, захватить съ собой маленькія замѣточки... нѣкоторыя цифры... чтобы я могъ имѣть свѣдѣнія. И потомъ привезите ко мнѣ вашу дочку. Я буду сердечно радъ увидѣться съ этимъ милымъ ребенкомъ...

— Еслибы вамъ угодно было, г. аббатъ, назначить мнѣ часъ, когда я могу, не обезпокоивъ васъ, какъ сегодня...

— Я принадлежу, сударыня, всѣмъ тѣмъ, кому я нуженъ... и считаю за честь... Вотъ только, если вы пожалуете черезъ двѣ недѣли, то не застанете меня. Я тогда переселюсь въ деревню и буду пріѣзжать въ Парижъ только изрѣдка. Это—необходимость, которой я долженъ былъ покориться... Я чувствую себя очень слабымъ; у меня было всю зиму такъ много дѣлъ... и потомъ эти четыре этажа—меня убиваютъ... Но, впрочемъ, что же я! Почему бы вамъ не пріѣхать ко мнѣ въ деревню, въ Коломбъ? Это—прогулка. У меня есть фрукты... этимъ я хвастаюсь... Это—маленькое тщеславіе землевладѣльца... Я очень радъ буду, если вы не откажетесь отобѣдать у меня за̀-просто́, вмѣстѣ съ вашей прелестной дочкой. Вашъ достойный сынъ не сдѣлаетъ ли мнѣ также чести посѣтить меня?

VII.

Четверть часа спустя, лакей въ красномъ жилетѣ впустилъ г-жу Мопренъ въ квартиру сына ея, въ улицѣ Taitbout.

— Здравствуй, Жоржъ. Сынъ мой дома?

— Дома; пожалуйте, сударыня.

Г-жа Мопренъ улыбнулась слугѣ своего сына. Проходя, она улыбалась комнатамъ, вещамъ, мёбели.

Она вошла въ кабинетъ. Анри, куря сигару, писалъ. «А!» воскликнулъ онъ, положивъ сигару. Онъ прислонился къ спинкѣ своего кресла, откинувъ назадъ голову, чтобъ дать матери поцѣловать себя, и потомъ снова принялся курить.

— Ка̀къ? это—ты, maman? Въ Парижѣ—сегодня? Ты мнѣ ни слова не говорила... Что̀ привело тебя?

— Нужно было сдѣлать кое-какіе визиты... Ты знаешь, я всегда собираюсь такъ долго... Какъ у тебя здѣсь хорошо!..

— Ахъ! да. Вѣдь, ты не видала моей новой квартиры.

— Ты умѣешь всегда такъ мило устроиться. Что у тебя здѣсь—не сыро? И г-жа Монрень пощупала стѣну.—Хорошенько прикажи Жоржу, чтобъ онъ открывалъ форточку каждый разъ, какъ ты уходишь.

— Да, да... непремѣнно, сказалъ Анри скучающимъ тономъ, какимъ отвѣчаютъ ребенку.

— Ахъ! зачѣмъ это у тебя? Я не хочу, чтобъ у тебя это было. Г-жа Монрень замѣтила, что надъ книжнымъ шкапомъ висѣли двѣ шпаги. — Ужъ при одномъ видѣ ихъ... какъ подумаешь только...

Г-жа Монрень на минуту закрыла глаза и сѣла.—Вы не знаете, молодёжь—какъ мы дрожимъ за вашу жизнь... Мнѣ кажется, что, еслибъ ты былъ женатъ, я была бы гораздо спокойнѣе. Мнѣ бы очень хотѣлось видѣть тебя женатымъ, Анри.

— Я и самъ бы не прочь жениться, увѣряю тебя...

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, что-жъ... поговоримъ... Отъ матери не должно быть тайнъ; я иногда очень боюсь, Анри... Ты—такой у меня красавецъ, умница... ты, кажется, созданъ для того, чтобъ быть любимымъ... и я боюсь...

— Чего же?

— Боюсь, чтобъ какое-нибудь обстоятельство...

— Не помѣшало мнѣ жениться? То-есть, ты подразумѣваешь связь... не такъ ли? Г-жа Монрень кивнула утвердительно головой. Анри залился хохотомъ.

— Ахъ! моя добрая... Нѣтъ; на этотъ счетъ будь спокойна...

— Но почему-жъ, въ такомъ случаѣ, ты не захотѣлъ жениться на мадемуазель Эрбо?

— Мадемуазель Эрбо? Это—та, которой меня представляли въ Оперѣ? или нѣтъ—съ которой я встрѣтился на обѣдѣ у г-жи Маркизà?—ну, словомъ, послѣдняя. Это было презабавно. Ты послала меня въ ловушку, не сказавъ мнѣ ни слова... Лакей торжественно возвѣщаетъ меня: «Моссье Анри Монрень», и въ этомъ докладѣ такъ и слышится: женихъ пріѣхалъ! Всѣ канделябры зажжены въ залѣ. Хозяйка дома, которую я видѣлъ всего раза два въ жизни, умильно улыбается мнѣ. Ея сынъ пожимаетъ мнѣ руки. Въ гостинной сидятъ мать и дочь, дѣлающія видъ, что не замѣчаютъ меня—прекрасно. За обѣдомъ, меня, разумѣется, сажаютъ рядомъ съ молодой дѣвицей.—Провинціальное семейство, фермы, простота вкусовъ... все это я узнаю за супомъ. Мать, на другой сторонѣ стола, не спускаетъ съ насъ

глазъ; мать невозможная! Одѣта—какъ я не знаю что̀. Я спрашиваю у дочери, видѣла ли она «Пророка» въ Оперѣ?—Видѣла. Это превосходно.—Въ особенности, третій актъ—тамъ есть одно мѣсто... «Ахъ! да̀... удивительное». Она ничего не видала—точно такъ же, какъ и я. Значитъ—лгунья. Я продолжаю ее осаждать. Ей становится неловко. Переходятъ въ гостиную.—«Какое хорошенькое платье! Вы замѣтили?» говоритъ мнѣ хозяйка дома. Повѣрите ли, что я знаю у ней это платье пять лѣтъ!—Эммелина такъ бережлива!.. и вообще такъ любитъ порядокъ...» Хотѣли надуть меня—дуры!

— Ты думаешь? Но, однакожъ, свѣдѣнія, которыя я имѣла...

— Дѣвица, носящая по пяти лѣтъ свои платья! Этого довольно; этимъ все сказано. Я вижу деньги, зашитыя въ шерстяномъ чулкѣ, неплатящихъ фермеровъ, процессы... тестя, вычисляющаго стоимость недвижимаго имущества, которое невозможно продать... Нѣтъ, нѣтъ, я не довольно молодъ... Я хочу жениться—но жениться хорошо... Предоставь это мнѣ—и ты увидишь... Не безпокойся,—я не изъ тѣхъ, кого можно поддѣть на фразу: «У ней такіе прекрасные волосы!» или: «она такъ любитъ мать свою». Я долго думалъ о женитьбѣ, повѣрь мнѣ—хотя и не показывалъ того. Что̀ всего труднѣе добывается въ жизни, что̀ достается только съ помощью генія, счастья, низостей, страшныхъ усилій, рѣшимости, энергіи, смѣлости или путемъ труда и лишеній, это—деньги, не правда ли? Это—наслажденія и почетъ, доставленные мильйономъ. Такъ я увидѣлъ, что есть средство достичь этого прямо и тотчасъ же; безъ усталости, безъ усилій, безъ генія, просто, естественно, но честно, и это средство—женитьба. И еще я увидѣлъ вотъ что̀: для того, чтобы жениться на богатой, не нужно быть ни особенно красивымъ, ни особенно остроумнымъ; нужно только хотѣть этого, холодно и всѣми своими силами; поставить на эту карту всѣ свои шансы, словомъ, сдѣлать изъ женитьбы карьеру. Я понялъ, что, играя въ эту игру, также легко сдѣлать великолѣпную партію, какъ и самую обыкновенную, взять за женой полтора мильйона, какъ и двѣсти тысячъ. Все зависитъ отъ хладнокровія и удачи. Въ наше время, когда теноры женятся на восьми стахъ тысячъ ливровъ доходу, нѣтъ болѣе ариѳметики. Вотъ что̀ я хотѣлъ сказать тебѣ, maman, и я увѣренъ, что ты меня поняла.

Анри взялъ руку матери, смотрѣвшей на него съ удивленіемъ, съ восторгомъ, чуть не съ благоговѣніемъ, и прибавилъ:—Не хлопочи... ужь я женюсь... и, можетъ быть, лучше, нежели ты думаешь...

По уходѣ матери, онъ снова принялся за статью, начатую имъ для «Revue Economique». «Путь, проходимый человѣчествомъ, писалъ онъ:—представляетъ не кругъ, а спираль...»

VIII.

Возрастъ Анри Монрена, какъ и многихъ молодыхъ людей настоящаго времени, былъ возрастомъ не жизни его, а его эпохи. Холодность юности, главный признакъ второй половины XIX вѣка, наложила свою печать на всю его личность. Онъ казался серьёзенъ, и подъ этой серьёзностью чувствовался лёдъ. Вы узнавали въ немъ элементы, противные темпераменту французской націи, образовавшіе во французской исторіи секты безъ внутренняго огня, партіи безъ молодости — вчера янсенизмъ, сегодня доктринаризмъ. Анри Монренъ былъ молодой доктринёръ.

Онъ принадлежалъ къ этому поколѣнію дѣтей, которыхъ ничто не удивляетъ, ничто не занимаетъ; которые ѣдутъ въ театръ или куда ихъ везутъ безъ волненія и возвращаются безъ восторга. Въ ранней юности, онъ уже былъ благоразуменъ и разсудителенъ. Въ училищѣ, ему не случалось въ классѣ мечтать, облокотившись на лексиконъ, поддерживая руками голову и устремивъ взоръ въ пространство. Ему чужды были эти порыванія къ чему-то невѣдомому, эти первыя видѣнія жизни, волнующія шестнадцатилѣтнее воображеніе, въ четырехъ стѣнахъ двора, отъ которыхъ отскакиваетъ мячикъ и за которыя переносится мысль. Въ его классѣ были сыновья нѣкоторыхъ политическихъ знаменитостей. Онъ сблизился съ ними.

По выходѣ изъ училища, Анри продолжалъ оставаться благоразумнымъ и скрывалъ свои двадцать лѣтъ. Его холостая жизнь не дѣлала шуму. Его не встрѣчали ни тамъ, гдѣ играютъ, ни тамъ, гдѣ пьютъ, ни тамъ, гдѣ можно себя скомпрометировать; но онъ появлялся въ важныхъ салонахъ, предупредительный и внимательный къ женщинамъ уже зрѣлымъ. То, что̀ послужило бы ему во вредъ въ другомъ мѣстѣ, послужило ему въ пользу здѣсь. Его холодность привлекала къ нему, его серьёзность производила почти обаятельное дѣйствіе. На любезность мужчинъ тоже бываетъ мода. При Луи-Филиппѣ, женщины высшей буржуазіи не искали живости ума и веселости; онѣ всего болѣе цѣнили рѣчь, отзывавшуюся каѳедрой, курсомъ, такъ сказать, доктoральную любезность. Педантизмъ не пугалъ, даже въ ста-

рыхъ. Въ молодыхъ онъ долженъ былъ нравиться; и слухъ ходилъ, что Анри Мопренъ очень нравится.

Это былъ практическій умъ. Онъ исповѣдывалъ культъ полезности, математическихъ истинъ, положительныхъ религій и точныхъ наукъ. Политическая экономія, эта наука, ведущая ко всему, предстала передъ нимъ, при его вступленіи въ свѣтъ, какъ призваніе и карьера—и онъ сдѣлался экономистомъ. Каждыя двѣ недѣли онъ помѣщалъ въ большихъ Revues, длинныя, испещренныя цифрами статьи; женщины пропускали ихъ, а мужчины увѣряли, что прочли.

Такъ какъ политическая экономія сочувствуетъ бѣднымъ классамъ и занимается ихъ положеніемъ, то она, естественно, дала Анри Мопрену нѣкоторый оттѣнокъ либерализма. Разумѣется, это не было дѣйствительной, опредѣленной оппозиціей. Мнѣнія его лишь нѣсколько опережали правительственные принципы. Вся война его съ властью ограничивалась какимъ-нибудь туманнымъ намёкомъ, смыслъ и ключъ котораго его пріятели разъясняли въ салонахъ. Въ сущности, онъ скорѣй кокетничалъ, нежели враждовалъ съ существующимъ режимомъ. Благодаря своимъ салоннымъ связямъ и разнымъ встрѣчамъ въ обществѣ, онъ стоялъ очень близко къ административному покровительству. Онъ подготовлялъ труды и поправлялъ корректуры одного высшаго должностнаго лица, очень занятаго и успѣвавшаго только подписываться подъ своими книгами. Онъ находился въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ своимъ префектомъ, черезъ котораго надѣялся попасть въ палату. Онъ былъ мастеръ на эту двойную игру, на компромиссы, на сдѣлки, и такимъ образомъ примыкалъ къ всему и ни съ кѣмъ не ссорился. Либералъ и экономистъ, онъ нашелъ средство обезоружить недовѣріе и враждебность католиковъ къ его личности и доктринамъ. Онъ успѣлъ снискать расположеніе духовенства, польстить церкви, связывая матеріальный прогрессъ съ прогрессомъ духовнымъ, вѣру экономическую съ вѣрой католической, Кене съ блаженнымъ Августиномъ, Бастіà съ Евангеліемъ, статистику съ Богомъ. Наконецъ, исполняя тайкомъ, но правильно, всѣ обряды, онъ заслужилъ симпатію и покровительство аббата Блампуа и примыкалъ къ обществу вѣрующихъ и набожныхъ.

Анри Мопренъ нанялъ квартиру въ улицѣ Taitbout, для того, чтобы давать вечера, на которые собирались серьёзные молодые люди. Гости усаживались вокругъ стола, похожаго на канцелярскій, и бесѣдовали объ естественномъ правѣ, о производительныхъ силахъ, объ общественной благотворительности и проч. Анри старался сдѣлать изъ этихъ вечеровъ нѣчто въ родѣ кон-

ференцій; онъ сортировалъ людей, искалъ элементовъ для большого салона, который намѣревался открыть въ Парижѣ тотчасъ, какъ женится. Онъ привлекалъ знаменитостей и авторитетовъ экономической науки, заманивалъ, въ качествѣ почетныхъ президентовъ своихъ конференцій, членовъ академіи, преслѣдуемыхъ его любезностями и рекламами и которые со временемъ должны были посадить его, какъ онъ мечталъ, подлѣ себя, въ отдѣленіи нравственныхъ и политическихъ наукъ.

Но въ особенности выказалъ Анри свои способности, свою ловкость въ эксплуатаціи различныхъ обществъ. Онъ сразу ухватился за это средство выдвинуться, къ которому обыкновенно прибѣгаютъ нули и которое дѣлаетъ то, что человѣкъ перестаетъ быть нулемъ и чувствуетъ, что онъ—единица, связанная съ числомъ. Онъ примазался къ ассоціаціямъ всякаго рода; вступилъ въ conférence d'Aguesseau, гдѣ молодые люди пробуютъ себя въ ораторскомъ искуствѣ, подготовляются къ будущимъ парламентскимъ битвамъ, къ государственной дѣятельности. Онъ ничѣмъ не пренебрегалъ: клубами, собраніями и банкетами его товарищей по училищу, совѣщаніями адвокатовъ, обществами историческими, географическими, страховыми, благотворительными. Вездѣ, во всѣхъ этихъ центрахъ, выдвигающихъ отдѣльную личность и пріобщающихъ ее къ выгодамъ, доставляемымъ коллективнымъ вліяніемъ групы, онъ неизбѣжно являлся, завязывая отношенія, накопляя свѣдѣнія, пріобрѣтая симпатіи тѣхъ, кто могъ ему пригодиться переходя изъ канцеляріи одного общества въ канцелярію другого, отъ какого-нибудь значительнаго лица — къ подземному дѣятелю, въ родѣ Блампуа, или къ одному изъ тѣхъ именъ, которыя не сегодня-завтра политика можетъ выдвинуть. Онъ имѣлъ все для подобной роли. Многорѣчивый и подвижнój, онъ производилъ тотъ шумъ, который въ нашъ вѣкъ ведетъ къ успѣху. Это была шумная посредственность.

Въ свѣтѣ онъ рѣдко читалъ свои статьи, но зато постоянно держалъ руку заложенною за жилетъ, подобно Гизо, на портретѣ, сдѣланномъ Деларошемъ.

IX.

— Ба! воскликнула Рене, вся запыхавшаяся, какъ ребенокъ, который только-что бѣгалъ, входя въ одиннадцать часовъ въ столовую.—Я думала, что найду здѣсь всѣхъ. Гдѣ же мамаша?

— Она въ Парижѣ; поѣхала съ визитами, отвѣчалъ г. Мопренъ.

— А! а Денуазель?

— Онъ отправился къ Дардулье. Тотъ, вѣрно, оставилъ его у себя завтракать. Сядемъ за завтракъ.

— Здравствуй, папаша!

И, вмѣсто того, чтобъ сѣсть, Рене подошла къ отцу, обвила его шею руками и принялась его цѣловать.

— Ну, полно, довольно, сумасшедшая! говорилъ г. Мопренъ.

И онъ улыбался, отбиваясь отъ нея.

— Дай мнѣ поцѣловать тебя «съ ущипкой»; вотъ такъ...

Она взяла его за щеки.

— Боже мой! какой ты ребёнокъ.

— Посмотри на меня, чтобъ я видѣла, любишь ли ты меня...

И Рене нѣсколько откинулась назадъ, все еще обвивая шею отца рукой. Они смотрѣли другъ на друга тихо, глубоко, глаза въ глаза.

Стеклянная дверь столовой была отворена, и изъ сада неслось благоуханіе, несся шумъ. Солнечный лучъ игралъ на столѣ, скользилъ по фарфору, сверкалъ въ стаканахъ. Дулъ легкій вѣтерокъ среди веселаго дня. Тѣни листьевъ дрожали на паркетѣ. Въ деревьяхъ слышался шумъ крыльевъ и въ цвѣтахъ, вдали, щебетали птички...

— Мы только вдвоемъ! Кàкъ это мило! сказала Рене, развертывая салфетку. — О! столъ слишкомъ великъ; я слишкомъ далеко сижу отъ тебя...

И, взявъ свой приборъ, она сѣла рядомъ съ отцомъ.

— Такъ какъ мой папаша достался нынче мнѣ одной, то я хочу хорошенько воспользоваться моимъ папашей...

Она подвинула свой стулъ еще ближе къ нему.

— Ты напоминаешь мнѣ то время, когда ты непремѣнно хотѣла обѣдать у меня въ карманѣ... но тогда тебѣ было семь лѣтъ...

Рене захохотала.

— А меня распекали вчера, началъ г. Мопренъ послѣ минутнаго молчанія, положивъ ножикъ и вилку на свою тарелку.

— А! просто сказала Рене, поднявъ къ потолку самый невинный взглядъ, и потомъ опустила на отца свои кошачьи глазки.—Неужели, бѣдный папаша? За чтò же? Чтò ты такое сдѣлалъ?

— Недоставало еще, чтобъ ты меня спрашивала объ этомъ... Ты знаешь это лучше меня... Кàкъ! негодная...

— О! если ты будешь браниться, папа, я встаю... и целую тебя.

И она уж привстала на своемъ стулѣ.

— Сядьте, пожалуйста, я прошу васъ, сказалъ г. Монренъ голосомъ, который усиливался быть строгимъ.—Согласитесь, что вчера...

— Ахъ, папаша! неужели ты будешь говорить мнѣ «вы» въ такую прекрасную погоду?

— Но, наконецъ, продолжалъ г. Монренъ, стараясь сохранить свое достоинство передъ плутовской, нѣсколько вызывающей миной дочери:—объяснишь ли ты мнѣ... вѣдь, это было ясно, что ты дѣлала все нарочно...

Рене, лукаво щуря глаза, два или три раза кивнула головой.

— Я думалъ серьёзно говорить съ тобой, Рене.

— Я очень серьёзна, увѣряю тебя... вѣдь, я тебѣ сказала, что я нарочно была такой...

— Но зачѣмъ? Вотъ что скажи мнѣ.

— Зачѣмъ? Пожалуй, я скажу, но только съ условіемъ, чтобъ ты неслишкомъ ужь возмечталъ о себѣ... Затѣмъ... затѣмъ...

— Затѣмъ?

— Затѣмъ, что я гораздо больше люблю тебя, нежели этого вчерашняго господина — вотъ!.. но гораздо, гораздо больше.. ей-Богу!

— Но, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же приглашать людей? Если этотъ молодой человѣкъ не нравился тебѣ... мы тебя не принуждали; ты сама согласилась... Мы, напротивъ, думали съ твоей матерью, что эта партія...

— Извини, папаша! Еслибъ я отказала г. Ревершону при первомъ свиданіи, прямо, вы бы назвали меня вѣтреной, сумасшедшей, безмозглой... Я отсюда слышу мамашу... Тогда какъ теперь—въ чемъ можно упрекнуть меня? Я видѣла г. Ревершона разъ, видѣла его два... Я дала себѣ время оцѣнить его и вполнѣ убѣдилась, что чувствую къ нему антипатію, которая можетъ быть очень глупа, но которая существуетъ...

— Зачѣмъ же не сказать было всего этого намъ? Мы бы сами нашли средство покончить съ нимъ...

— Ты—неблагодарный, папаша. Я избавила васъ отъ этой скуки. Молодой человѣкъ удаляется, вы тутъ—не причемъ; все происходитъ отъ меня... И вотъ какъ меня благодарятъ за мою преданность!.. Въ другой разъ...

— Послушай меня, дитя мое. Если я говорю съ тобой такимъ образомъ, то это потому, что дѣло идетъ о твоемъ заму-

жествѣ. Твое замужество! Я долго не могъ привыкнуть къ мысли о разлукѣ съ тобой... Отцы, видишь ли—эгоисты; имъ хотѣлось бы, чтобъ вы никогда не улетали... Имъ такъ трудно представить себѣ свое счастье безъ вашей улыбки, свой домъ безъ мелькающаго въ немъ вашего платья... Но надо же быть разсудительнымъ. Теперь мнѣ кажется, что я бы полюбилъ своего зятя. Я ужь старъ, мой дружокъ... И г. Мопренъ взялъ обѣ руки дочери въ свои руки. — Твоему отцу 68 лѣтъ, дитя мое! Я едва успѣю взглянуть на твое счастье. Еслибъ ты только знала, Рене... Твоя будущность, это—единственная мысль моя... это мое мученье. Твоя мать тоже любитъ тебя, я знаю; но между твоимъ характеромъ и ея... И еслибъ меня не стало... Надо видѣть вещи, какъ онѣ есть, мой другъ. Вотъ, видишь ли... покинуть тебя съ мыслью, что у тебя нѣтъ ни мужа, ни дѣтей, нѣтъ привязанностей, которыя бы могли замѣнить въ твоемъ сердцѣ привязанность твоего старика-отца, когда его не будетъ...

Г. Мопренъ не могъ кончить: его дочь, задыхаясь отъ рыданія, сжимала его въ объятіяхъ, обливала слезами жилетъ его.

— Злой! злой! это дурно съ твоей стороны, сказала она прерывисто:—зачѣмъ говорить объ этомъ? Никогда!.. никогда!

И движеніемъ руки она словно отгоняла его мрачную мысль.

Г. Мопренъ посадилъ ее на колѣни. Онъ обнималъ ее, цѣловалъ въ голову, говорилъ ей: «не плачь».

Она повторяла снова: «Никогда! Злой!», какъ будто она отбивалась отъ дурного сна. Потомъ утерла глаза рукой и сказала отцу:

— Пусти меня, дай мнѣ еще поплакать одной.

И убѣжала.

— Этотъ Дардулье—положительно сумасшедшій, сказалъ Денуазель, входя:—вообразите себѣ, я не могъ отъ него отдѣлаться... А! вы одни?

— Да... жена въ Парижѣ, а Рене ушла къ себѣ.

— Но что это? какое у васъ лицо г. Мопренъ?

— Лицо? Нѣтъ, ничего... У меня была маленькая сцена съ Рене... по поводу этого замужества... этого Ревершона. Я имѣлъ глупость сказать ей, что мнѣ хотѣлось бы поскорѣе увидѣть внучатъ, что папаши моихъ лѣтъ не безсмертны... А она... вы знаете, какая она чувствительная? Теперь она въ своей комнатѣ плачетъ. Не ходите туда... Дайте ей оправиться. А я, покамѣстъ, схожу къ своимъ рабочимъ...

Денуазель, оставшись одинъ, закурилъ сигару, взялъ книгу и сталъ читать на одной изъ садовыхъ скамеекъ. Онъ уже часа

два сидѣлъ тутъ, какъ увидѣлъ шедшую къ нему Рене. Она была въ шляпкѣ, и на оживленномъ лицѣ ея блистала радость, какая-то экзальтація—спокойная и нѣжная.

— Ба! Да вы уѣзжали? Откуда это вы?

— Откуда я? отвѣчала Рене, развязывая ленты своей шляпы.— Вамъ я, пожалуй, скажу, потому что вы—другъ мой. Она сняла шляпку и потомъ, поднявъ голову съ тѣмъ милымъ движеніемъ, съ какимъ женщины встряхиваютъ волосы:

— Я изъ церкви, сказала она:—и если вы хотите знать, что я тамъ дѣлала... я просила Бога о томъ, чтобъ умереть раньше папаши. Я стояла передъ большой статуей Богородицы... Вы, смотрите, не смѣйтесь: вы меня огорчите, если будете смѣяться... И вотъ, можетъ быть, это—солнце, или я слишкомъ пристально и долго смотрѣла... но только мнѣ показалось, одну минуту, что она мнѣ дѣлаетъ вотъ такъ... Рене покачала утвердительно головой.—Что бы ни было, я, все-таки, очень рада... Но какъ у меня болятъ колѣни, я вамъ скажу! Я, вѣдь, все время молилась на колѣняхъ, безъ стула, безъ всего, на плитахъ. Да! Я молилась хорошо—въ этомъ мнѣ нельзя отказать!

ДЕНЬ ПРОШЕЛЪ—И СЛАВА БОГУ!

Это было утромъ; я сидѣлъ за чаемъ и читалъ только что принесенную газету. Ужасъ, что тамъ было: мужчинамъ рѣжутъ ноги, уши, живыхъ сжигаютъ, сажаютъ на колъ, женщинъ насилуютъ и стадами продаютъ въ гаремы, дѣтей бросаютъ вверхъ и принимаютъ на штыки... Это въ газетахъ тàкъ, а какова должна быть дѣйствительность! Каково тутъ быть, видѣть! Представьте только себѣ: летитъ съ высоты ребенокъ и падаетъ на подставленные штыки...

Я закрылъ глаза, какъ будто это ужасное зрѣлище произошло передо мной въ явѣ. Я видѣлъ этого ребенка, я чувствовалъ себя отцомъ его. Всѣ внутренности во мнѣ жгло и рвало. *Мой* ребенокъ... въ моихъ глазахъ... Тотъ самый, на котораго я не зналъ, кàкъ налюбоваться, не зналъ кàкъ его приголубить... онъ!! Тотъ самый, который, съ минуты своего рожденія, взялъ у меня сердце, внутренности—все... Нѣтъ! это—безуміе! Еще моментъ—и я готовъ былъ метаться. Безсильно, безнадежно, какъ мечутся люди въ предсмертной тоскѣ.

Не знаю, какимъ образомъ разрѣшился бы для меня этотъ неслыханный кошмаръ, еслибы, къ моему облегченію, въ эту минуту не раздался въ передней звонокъ.

Мы, люди культурнаго слоя, возбуждаемся очень легко. Художественные инстинкты до такой степени въ насъ развиты и выхолены, что самые чудовищные образы воспроизводятся нами мгновенно и во всѣхъ подробностяхъ. Мы поражаемся быстро, сильно и даже искренно, но, увы! кàкъ-то ужь черезъчуръ беззавѣтно. Какъ будто не понимаемъ и не хотимъ понимать, что и для инстинктовъ художественности нужно какое-ни-

будь практическое разрѣшеніе. Къ какимъ практическимъ результатамъ могъ бы привести меня *мой* порывъ?—я рѣшительно ничего не могу отвѣтить на этотъ вопросъ. Быть можетъ, у меня заболѣла бы голова, я былъ бы вынужденъ лечь въ постель, и, затѣмъ, все прошло бы сномъ. Быть можетъ, въ томъ же родѣ исходъ представила бы мнѣ какая-нибудь другая, чисто-внѣшняя случайность: пришелъ бы портной примѣрить платье или бѣдная кузина вытурила бы изъ квартиры хлопотать объ мѣстѣ для ея мужа... Достовѣрно извѣстно одно: что подобные порывы не отличаются особенной устойчивостью, и что, кàкъ бы ни богата была сила художественной воспроизводительности, но она, слава Богу, рѣдко кого изъ культурныхъ людей доводила до коренныхъ рѣшеній.

По силѣ удара звонка, я догадался, что пришелъ другъ мой Глумовъ—и это былъ дѣйствительно онъ. Покуда онъ снималъ въ передней пальто, я уже чувствовалъ, что мой кошмаръ, мало по малу, таетъ; тѣмъ не менѣе, первымъ моимъ движеніемъ, при его появленіи, было наскочить на него и воскликнуть:

— Ну, нà! ну, читай! Читай вотъ... читай!

Но онъ даже не взглянулъ прямо, а кàкъ-то искоса посмотрѣлъ на мои ноги, какъ будто хотѣлъ сказать: экъ тебя подмываетъ! и, при этомъ, легонько отвелъ меня отъ себя рукою.

— Читалъ, отвѣтилъ онъ сквозь зубы.

— Ну, и чтò-жь?

— Читалъ—вотъ и все, повторилъ онъ, съ возрастающей загадочностью.

Но для меня этого было недостаточно. Хотя художественная картина № 1-й, изображавшая обугленныхъ людей и дѣтей, принимаемыхъ на штыки, въ значительной мѣрѣ поблѣднѣла, но, при видѣ Глумова, съ его загадочностью, нервы мои вновь поднялись, и новый мотивъ вдругъ переполнилъ все мое существо. Сейчасъ же вынырнула художественная картина № 2-й: позоръ! позоръ! позоръ!

— Но, вѣдь, это—позоръ! опять наскочилъ я на Глумова:—пойми, наконецъ: позоръ! позоръ! позоръ!

— А тебѣ чтò? процѣдилъ онъ, бросая на меня косой, почти злобный взглядъ.

— Кàкъ «чтò»! Но понимаешь ли... вѣдь, это, наконецъ—ужасъ! Цѣлый адъ тамъ... сатана тамъ... понимаешь ли: сатана!

Я задыхался; картина № 1-й, совсѣмъ-было исчезнувшая, опять засвѣтилась; сатана, съ его немыслящимъ, искони потухшимъ взоромъ, такъ и надвигался на меня изъ глубины...

— Кому—«ужасъ», а ты—живи въ свое удовольствіе! угрюмо проговорилъ Глумовъ, дѣлая рукой нетерпѣливое движеніе.

Ясно, что съ его стороны было что-то преднамѣренное. Не то, чтобы онъ не интересовался *этимъ*, но не хотѣлъ почему-то говорить, и именно *со мной* не хотѣлъ говорить. Картина № 2-й исчезла въ свою очередь; на ея мѣстѣ явилась картина № 3-й съ надписью «Оскорбленное самолюбіе».

— Ты это что говоришь?

— Говорю: живи въ свое удовольствіе!

— Ты это, конечно, за тѣмъ говоришь, что *для меня* и такого разрѣшенія достаточно?

— Не для тебя одного, а вообще... Живите, говорю, въ свое удовольствіе—вотъ и все!

Я вспыхнулъ.

— Тутъ совсѣмъ жить нельзя, а онъ объ какой-то жизни въ свое удовольствіе твердитъ! воскликнулъ я:—нельзя жить, нельзя! Мерзко! противно! подло!

— А коли тебя такъ мутитъ, такъ пошли въ «дамскій кружокъ» три цѣлковыхъ—можетъ, и полегчитъ!

Старинная товарищеская привязанность къ Глумову въ значительной степени помогаетъ мнѣ выносить его выходки, несмотря на то, что, по временамъ, онѣ бываютъ обидны. Но, на этотъ разъ, поведеніе его показалось мнѣ даже не обиднымъ, а просто нелѣпымъ.

— А знаешь ли, сказалъ я:—съ твоей стороны, это даже глупо?

— Что-же особенно глупаго?

— А все, весь твой разговоръ. Глядишь ты глубокомысленно; слово скажешь—словно рублемъ подарить хочешь... Ну, сообрази, въ самомъ дѣлѣ: что такое ты сейчасъ нагородилъ?

— Изволь, я и другое что-нибудь скажу. Напримѣръ: познай самого себя!

— Ну-съ, дальше-съ!

— А дальше: и сообразно съ симъ распорядись. То-есть, опять-таки: вынимай три цѣлковыхъ и отправляй ихъ въ «дамскій кружокъ!»

Сердце во мнѣ такъ и кипѣло. Но меня, въ особенности, поразило, что онъ двукратно и, конечно, не безъ намѣренія, указалъ на «дамскій кружокъ». Какъ будто бы *я*...

— Ха, ха! но почему же именно въ «дамскій кружокъ?»

— А потому, что ты—художникъ, ну, а тамъ дамочки... Помнишь, какъ у Толстого въ «Аннѣ Карениной»: дамочки, бутылочки, рюмочки...

*

И онъ точно также вкусно потянулъ въ себя воздухъ, какъ и Стёпа (въ Аннѣ Карениной), проснувшись на другой день послѣ своего грѣхопаденія.

— А вѣдь, ты, Глумовъ, и самъ... художникъ, не удержался, сказалъ я.

— Знаю.

— И что-жь?

— Я и себѣ давнымъ давно сказалъ: познай самого себя, то-есть, неси три цѣлковыхъ и понимай, что это—единственный подвигъ, который довлѣетъ тебѣ.

— Но, вѣдь, это—срамъ!

— Срамъ и есть.

— И ничего дальше?

— Дальше опять тоже: живи въ свое удовольствіе!

Обида была нѣсколько смягчена. Своимъ признаніемъ, Глумовъ ставилъ себя на одинъ уровень со мною — это, все-таки, былъ уже выигрышъ. Но я не удовольствовался смиреніемъ, высказаннымъ Глумовымъ, и продолжалъ:

— Однако, неужто ты и въ самомъ дѣлѣ считаешь... ну, напримѣръ, хоть меня или себя... Неужто мы неспособны ни къ какой другой жертвѣ, кромѣ трехъ цѣлковыхъ?

— Нѣтъ, мы и добровольцами можемъ быть... Хотя... какой же, напримѣръ, ты доброволецъ!

Я инстинктивно взглянулъ на себя въ зеркало и долженъ былъ убѣдиться, что, дѣйствительно, добровольцемъ быть не могу. Затѣмъ, разговоръ нашъ какъ-то круто оборвался. Глумовъ, тяжело ступая и смотря въ зеркало, ходилъ по комнатѣ; по временамъ, онъ что-то напѣвалъ, но какъ-то капризно, своеобразно: то тихо, словно про себя, мурлычитъ, то вдругъ выкатитъ колѣно по протодіаконски и, при этомъ, даже кулакъ покажетъ. Я молча слѣдовалъ за нимъ, словно выжидалъ, не явится ли на выручку художественная картина № 4-й, вмѣсто исчезнувшихъ трехъ.

И, дѣйствительно, вдругъ словно облако остановилось у меня передъ глазами. Сначала, оно было темное, тусклое, но, по мѣрѣ того, какъ я въ него вглядывался, оно постепенно блѣднѣло, таяло и, наконецъ, сдѣлалось совсѣмъ прозрачнымъ. И вотъ—картина!

— А помнишь ли, Глумовъ, самарскій голодъ? спросилъ я, причемъ, начало вопроса вышло у меня какъ-то нерѣшительно, но за то конецъ звучалъ уже почти восторженно.

— Помню.

— Что-жь, и тогда... развѣ и тогда ты относился къ народ-

ному бѣдствію съ такимъ же безучастіемъ, можно даже сказать, бессердечіемъ, какъ относишься теперь къ страданіямъ нашихъ собратій по крови?

Глумовъ какъ-то гадливо сморщился при этомъ вопросѣ, точно ему показалась до крайности назойливою моя претензія во чтò бы то ни стало запустить ему иглу въ живое мясо.

— Надоѣлъ ты, началъ было онъ, но, впрочемъ, сдержался и продолжалъ:—гм... дà... такъ ты о самарцахъ спрашиваешь? Чтò-жь! я и тогда говорилъ: живи въ свое удовольствіе!

— Но, вѣдь, это безнравственно!

— Разумѣется, безнравственно.

— Кàкъ же это, однакожъ! Ты говоришь: «безнравственно», и, въ то же время, самъ...

— Это я тебѣ частнымъ образомъ говорю: безнравственно. Можетъ быть, что я даже и сознаю это... тоже частнымъ образомъ. Но, вѣдь, изъ моего личнаго сознанія шубы не сошьешь, если оно никакихъ обязанностей на меня не налагаетъ — вотъ чтò!

— Кàкъ такъ?

— Не хотѣлось мнѣ объ этомъ говорить, да и шелъ я къ тебѣ совсѣмъ не съ тѣмъ... Ну, да ужь если ты настаиваешь — давай, будемъ разговаривать. Только поскорѣе. Вотъ, изволишь ли видѣть, правильно ли, нѣтъ ли, а я думаю такъ: покуда шкура на мнѣ толста и прочна (можетъ быть, она и не такъ ужь прочна, какъ я полагаю, да, вѣдь, поди-ка, убѣди меня въ противномъ!)—до тѣхъ поръ я все буду сидѣть въ ней, словно въ крѣпости. Сидѣть и приговаривать: живи въ свое удовольствіе!

— Но, вѣдь, есть же сознаніе безнравственности, безчестности такого сидѣнія въ собственной шкурѣ! Чтò же ты съ этимъ сознаніемъ сдѣлаешь?

— Посмакую это сознаніе, можетъ быть, даже умилюсь надъ нимъ. А матерью всѣхъ моихъ сознаній, все-таки, останется сознаніе толстоты собственной шкуры. Пока оно сидитъ во мнѣ прочно — всѣ прочія сознанія или стушуются передъ нимъ, или явятся въ видѣ предмета умственной гастрономіи. Начитавшись газетъ или книжекъ, я, смотря по обстоятельствамъ, или умилюсь, или вознегодую, но, въ концѣ концовъ, все-таки, скажу: а, вѣдь, хорошо, что шкура-то у меня толста!

— Воля твоя, а это — паскудство! совѣсть, вѣдь, вопіетъ! стыдъ!

— Бестолковый ты человѣкъ! Говорю тебѣ, что я, лично, коли хочешь, ужь давнымъ-давно со стыда пропадаю, да толку-то

въ этомъ нѣтъ! Не въ томъ дѣло, что я стыжусь, а въ томъ, что эта способность стыдиться есть мое личное, ни до кого не относящееся качество! Я стыжусь — хорошо! но, еслибъ я *не* стыдился — отъ этого я былъ бы только цвѣтнѣе и крупичатѣе. Самарцы голодали — эка штука! вѣдь, отголодали же какъ-нибудь! Такъ точно и теперь съ болгарами, сербами и проч. Когда же нибудь и какъ-нибудь и это кончится, а я, между тѣмъ, буду жить въ свое удовольствіе!

— Чтòжь это за рецептъ такой: живи въ свое удовольствіе?

— Ну, жри! Надоѣстъ жрать—пей! Надоѣстъ пить—дамочки есть!

— Хорошо, коли кто вмѣстить такую доктрину можетъ! А другого, пожалуй, и стошнитъ съ нея.

— Небось, не стошнитъ! Вотъ, мы съ тобой, художники стало быть, всякую штуку живьемъ себѣ представить можемъ — да и то пойдемъ сейчасъ къ Борелю завтракать, да развѣ, по случаю пищеваренія, вздохнемъ объ герцеговинцахъ... А представь себѣ, у кого и художественности-то этой нѣтъ — вѣдь, этакому-то субъекту, будь хоть разсамарцы, хоть разболгаре, во всякое время не жизнь, а масляница!

Картина № 5-й. Просторная комната у Бореля, съ накрытымъ посрединѣ столомъ. Бѣлоснѣжная скатерть, фарфоръ, хрусталь, серебро—все такъ и блеститъ. Татары суетятся около закуски; метрдотель глубокомысленно и обстоятельно обсуждаетъ меню; сомельѐ застылъ у дверей, съ картой въ рукахъ, въ выжидающей позѣ... Всѣ *они* тутъ:—и Петька, и Сережа, и Лёвушка, и Володя. Желудки томятся и сладко ноютъ въ ожиданіи чего-то прелестнаго. Изъ сосѣдней комнаты доносятся женскіе голоса. Тамъ—тоже свои: Петька, Сережа, Лёвушка, Володя... И во всѣхъ комнатахъ одна и таже неизбѣжная дѣвица Сузетта... А въ кухнѣ, на плитѣ, чтò-то пыхтитъ и подрумянивается, а въ погребѣ изъ мрака, затканнаго паутиной, бережно, словно новорожденный младенецъ, выносится на Божій свѣтъ таинственная бутылка... Ахъ, чтò-то на днѣ у нея, у этой бутылки?

Нѣтъ, Глумовъ неправъ. Не толста шкура у тѣхъ, которые съ такой ясностью могутъ выработывать въ одинъ моментъ какія угодно художественныя картины! захотятъ—неистовства турокъ въ Болгаріи воспроизведутъ, захотятъ—неистовства русскихъ «гарсоновъ» въ ресторанѣ Бореля изобразятъ!

— Чтòжь, ѣдемъ что ли? круто прервалъ Глумовъ мои сладкія размышленія.

— Куда?

— Разумѣется, къ Борелю. Славяне—славянами, а завтракать

надо. Тюрбо̀, братецъ, привезли... sauce normande — это что̀жъ такое! Наши будутъ, Лёвушку Колѣнцова сегодня поздравляютъ: вѣрную надежду, говоритъ, получилъ.

— Лёвушка! Куда же? въ провинцію? Не можетъ быть!

— Вѣрное слово, хвалится. Говоритъ: въ газетахъ на дняхъ увидите. Циркуляры, говоритъ, сочинять буду... хохочетъ — веселый такой!

Картина № 6-я. Лёвушка—въ Семиозерскѣ, сидитъ въ своемъ кабинетѣ и обдумываетъ, какой бы ему циркуляръ сочинить. Онъ веселъ и здоровъ. Тѣло у него крупичатое, щеки розовыя, уста алыя, подернуты улыбкой, лобъ гладкій, плечи жирныя, грудь колесомъ, брюшко круглое, посадка женская, ящичкомъ. Онъ безпримѣрно, «до сѣхъ поръ» счастливъ. Счастливъ и тѣмъ, что мѣстный клубъ втрое больше противъ прежняго посѣщается—значитъ, развивается общественность; и тѣмъ, что на углу Дворянской и Московской Улицъ купецъ Фуршковъ открылъ новый бакалейный магазинъ — значитъ, развивается промышленность; и тѣмъ, что содержатель гостинницы «Синопъ» выписалъ изъ Москвы хоръ цыганъ—значитъ, зарождается вкусъ къ изящному; и тѣмъ, что купецъ Лапотниковъ отлилъ новый колоколъ для приходской церкви—значитъ, и благочестіе не оскудѣваетъ. Словомъ сказать счастливъ.

— Что̀ я имъ буду писать? мысленно спрашиваетъ онъ себя:—зачѣмъ?

Въ его умѣ пробѣгаютъ всевозможные: «воспрещается», «разрѣшается», но прежде, нежели мысль успѣваетъ выработать, что̀ именно воспрещается или разрѣшается, является вопросъ: зачѣмъ? и сразу подрываетъ кропотливыя усилія мысли.

— Напишу что̀-нибудь легонькое! наконецъ, рѣшается онъ.

Перо его съ минуту, играючи, бѣгаетъ по листу бумаги. Выходитъ:

«Дозволяется, при встрѣчахъ съ начальствомъ, вѣжливыми и почтительными тѣлодвиженіями выражать испытываемое при семъ удовольствіе».

— «При сѐмъ»... гм... что̀ такое: — «при сѐмъ!..» шепчетъ Лёвушка, какъ бы самъ удивляясь выдившейся изъ подъ его пера неуклюжей фразѣ. — Нѣтъ, лучше ужь я такъ сдѣлаю: пойду сегодня въ клубъ и спрошу *ихъ:* какой, господа, хотите, чтобъ я вамъ циркуляръ написалъ:—я съ удовольствіемъ... ха-ха!

Лёвушка съ минуту хохочетъ, самъ не понимая, ка̀къ онъ онъ добръ и разуменъ, потомъ съ минуту задумывается; наконецъ, рѣшительнымъ движеніемъ руки схватываетъ листъ, но

которому только-что играючи рѣзвилась его рука, и разрываетъ его на мелкіе клочки.

— А, вѣдь, Лёвушка... славный! обратился я къ Глумову, очевидно, подъ впечатлѣніемъ только-что воспроизведенной мною картины.

— Чего лучше! парень — первый сортъ! идемъ, что ли?

Говоря по совѣсти, мнѣ очень хотѣлось идти. Чортъ возьми! не Зеноны мы, въ самомъ дѣлѣ, чтобы, ради политическихъ какихъ-то невзгодъ, забывать о требованіяхъ жизни! Славяне! Вѣдь, отголодали же самарцы—и ничего, какъ съ гуся вода! И хлѣбъ, поди, теперь ѣдятъ, и подати платятъ! Главное—подати, а прочая вся приложатся! Ну, и тутъ какъ-нибудь, со славянами... Помаленьку, да полегоньку, да съ божьею помощью... Пройдетъ время—обрѣзанные носы и уши заживутъ, на мѣстѣ живьемъ обугленныхъ и посаженныхъ на колъ поколѣній народятся другія... Ахъ, эти поколѣнія! Какъ ни стараются объ ихъ истребленіи, а они, словно вино изъ «неистощимой бутылки», льются, да льются на божью ниву: вотъ, молъ, и еще матеріалъ для обугливанья... орудуйте!

Картина № 7-й. Славяне, умиротворенные, успокоенные, мирно предаются невиннымъ занятіямъ, подъ сѣнію «административной автономіи». Веселое солнце желтыми лучами обливаетъ и кипящія млекомъ и медомъ села, и воздѣланныя нивы, и тучныя стада, и храбраго добровольца Живновскаго, за неимѣніемъ средствъ къ возвращенію на родину, застрявшаго въ Сербіи. Живновскій остепенился, и уже не употребляетъ очищенной; голова его побѣлѣла; лицо, правда, нѣсколько осунулось, но зато выглядитъ сдержанно, даже почтенно; онъ скромно сидитъ въ углу хаты и качаетъ на рукахъ сербскаго ребенка, между тѣмъ какъ красавица-сербіянка, мать ребенка вынимаетъ изъ печки горячіе хлѣбы. «Эхъ, ущипнулъ бы я тебя!» думаетъ Живновскій, взглядывая на стройныя, словно вычеканенныя формы молодой женщины, но такъ какъ у него нѣтъ подъ рукой очищеннаго, которое нѣкогда возбуждало въ немъ предпріимчивость, то онъ мысленно прибавляетъ: «ущипнулъ бы—да не теперь!! теперь, братъ—ау!» И, въ довершеніе картины, гдѣ-то вдали (можетъ быть, въ Петербургѣ, на Минерашкахъ) хоръ господина Славянскаго отхватываетъ: «идѣ домувъ муй»...

Самое теперь время ѣхать къ Борелю завтракать. Ахъ, Лёвушка, Лёвушка! Каковъ-то онъ теперь! Чай, свѣтлый, сіяющій, бодрый, весь съ ногъ до головы ликующій! Вотъ ему только еще пообѣщали, а ужь изъ всѣхъ поръ его такъ и прыщетъ: хо-

чешь, сейчасъ циркуляръ сочиню! А на лицѣ, въ это время, играетъ, вызванная избыткомъ ликованія, разувѣрительная улыбка, которая говоритъ: чтò! испугался! Ничего, голубчикъ! Это я пошутилъ! живи... безъ уставовъ!

Стало быть, ѣхать—такъ ѣхать. Но съ другой стороны, послѣ тѣхъ обидъ, которыми, ни дай ни вынеси, за что, наградилъ меня Глумовъ, мнѣ было какъ-то неловко уступить такъ просто: взялъ шапку да и поѣхалъ. Какъ у всякаго культурнаго человѣка, у меня есть самолюбіе, которое заставляетъ меня сначала слегка покобяниться, а потомъ ужь ринуться туда, куда зовутъ меня мои собственные излюбленные инстинкты.

— Знаешь, братъ! сказалъ я:—вотъ я, какъ за-границей былъ, такъ мнѣ тамъ говорили: вотъ мы васъ, казаковъ, за Волгу оттѣснимъ! въ Саратовъ, говоритъ, туда, гдѣ «véritable Astrakhan» выдѣлываютъ!

— Ну, такъ чтò-жъ!

— Кàкъ чтò! обидно, душа моя! Признаюсь, не мало-таки это отравляло мнѣ мое путешествіе! Всѣмъ хорошо: и дешево, и удобно, и тепло, а вотъ какъ начнутъ объ Саратовѣ да объ «véritable Astrakhan» говорить—такъ вотъ и закипитъ все внутри.

— А тебѣ бы сказать: намъ и въ Саратовѣ хорошо будетъ!

— Ну, нѣтъ, любезный! это ужь—аттанде! Порохомъ, братецъ запахнетъ! порохомъ!

Картина № 8-ой: сраженіе подъ Саратовымъ...

— Чтò такъ? Вѣдь, итальянскую-то оперу и въ Саратовъ переведутъ; Жюдикъ—тоже въ Саратовъ пріѣдетъ... Поляковъ, Варшавскій, Кронебергъ, Малкіель... Гляди, и Борель съ своими татарами живо слѣдомъ за нами сберется... А икра тамъ какая! При тебѣ, въ твоихъ глазахъ, живому осетру брюхо распорютъ—сливки!

— Ахъ, Глумовъ, Глумовъ! Балагуришь ты, голубчикъ мой! все-то ты балагуришь!

— Извѣстно, балагурю! а то—чтò-же?

— Знаешь ли ты, однако, что, вѣдь, и для балагурства есть мѣра, и что безъ этого условія, балагурство... можетъ раздражать?

— А коли раздражаетъ, такъ не трогай меня! Не трогай меня... слышишь! Не разговаривай со мной о вещахъ, которыя... тоже раздражаютъ! Баста. Идемъ къ Борелю—или нѣтъ? Ежели не идешь—такъ прощай: я отправлюсь одинъ.

Я покорился этому ультиматуму довольно охотно. Повторяю: меня самого уже тяготилъ затѣянный разговоръ, а въ особен-

ности то множество разнообразныхъ художественныхъ картинъ, которыя, по мѣрѣ его развитія, какъ-то сами собой зарождались въ моемъ воображеніи!

Когда мы вышли на Невскій, Глумовъ угрюмо шепнулъ мнѣ:

— Ужь сдѣлай ты для меня милость: придержи языкъ за зубами! Теперь вѣдь многіе около славянъ прохаживаются! Скажешь слово не по шерсти—разорвутъ!

Невскій кипѣлъ пѣшеходами и экипажами. Магазины и рестораны, по обыкновенію, весело, лучезарно выглядывали на улицу своими цѣльными окнами; банкирскія конторы поминутно распахивали настежъ свои гостепріимныя двери, какъ бы поддразнивая человѣческую алчность дешевизною своихъ продуктовъ; только книжныя лавки смотрѣли уныло, почти выморочно: очевидно, что публика, обрадованная, что славянскій вопросъ освобождаетъ ее отъ обязанности читать что-либо, кромѣ газетъ, позабыла даже дорогу къ нимъ... Зато, у пассажа, цѣлая толпа собралась около газетныхъ разносчиковъ и требовала газетъ. Одинъ изъ газетчиковъ добродушно выхваливалъ свой товаръ:

— Измѣна фельетониста Тряпичкина описывается... купите, господинъ!

Мы уже почти достигали цѣли, т. е. Большой Морской, какъ изъ ресторана Доминика, словно привидѣніе, вынырнулъ поручикъ Живновскій и остановился на верху лѣстницы. Слегка пошатываясь и разставивъ грабдевидныя руки, съ явнымъ намѣреніемъ разорвать по поламъ, онъ медленно поводилъ зрачками своихъ глазъ и вдругъ уперся ими въ меня.

— Га! писатель! либер-раллъ! гаркнулъ онъ зычнымъ голосомъ въ упоръ мнѣ.

Я инстинктивно бросился къ извощику, увлекая за собой и Глумова, но тутъ насъ ожидало такое зрѣлище, къ которому мы ужь совсѣмъ не были приготовлены. На пути нашего отступленія, безшумно скользило по тротуару что-то ослизлое, студенистое, разлагающееся, но все еще живое. То былъ... Булгаринъ! Въ рукахъ его дрожалъ листокъ газеты, который онъ, очевидно, торопился положить на могилу Шешковскаго, вмѣсто цвѣтовъ. Смѣсь запаха живаго извѣщенія съ запахомъ извѣщенія, задохшагося въ могилѣ, шла за нимъ попятамъ и заражала атмосферу...

— Пришелъ порадоваться на потомковъ своихъ! донесся до моихъ ушей таинственный шопотъ...

Насилу мы уѣхали.

— Вотъ, говорилъ мнѣ дорогою Глумовъ:—ты, грѣшнымъ дѣломъ, статейки въ журналахъ пописываешь; такъ я и въ этомъ

отношеніи хотѣлъ тебя предупредить: помалчивай, другъ! Спокойнѣе!

— Помилуй, душа моя! вѣдь, я же сочувствую!

— Сочувствуешь-то ты сочувствуешь, даже сны на яву видишь — знаю я это! Да время нехорошо для печатнаго изображенія чувствъ. Одно слово переложилъ, другого не доложилъ— сейчасъ: измѣна! Старыя-то литературныя преданія и безъ того не въ авантажѣ обрѣтались, а нынче, въ виду несомнѣннаго заполученія подписчика, да ежели при семъ и продажа распивочно и на выносъ успѣшно идетъ... Такъ ужъ ты сдѣлай милость, голубчикъ, поостерегись!

У Бореля все обстояло такъ, какъ я уже заранѣе нарисовалъ въ картинѣ № 5-ый. Посрединѣ просторной комнаты былъ накрытъ столъ; бѣлоснѣжная скатерть, фарфоръ, хрусталь, серебро— все блестѣло. Татары во фракахъ шныряли взадъ и впередъ, принося и разставляя всевозможныя водки и закуски; метръ-д'отель почтительно, но съ достоинствомъ, принималъ изъ устъ самого Лёвушки заказъ; соммельѐ, съ картою винъ въ рукахъ, выжидалъ своей очереди. Сережа Преженцовъ, Володя Культяпкинъ и Петька Долгоуховъ, въ ожиданіи земныхъ благъ, расхаживали взадъ и впередъ и весело дѣлились другъ съ другомъ впечатлѣніями, въ которыхъ, покамѣсть, не было ничего «славянскаго».

Насъ приняли съ распростертыми объятіями; даже Лёвушка поспѣшилъ съ послѣдними приказаніями на счетъ меню, чтобы привѣтствовать насъ.

— Читалъ? обратился онъ ко мнѣ:—ахъ, мегтзавцы (Лёвушка слегка грассировалъ, что̀ очень къ нему шло)!

Меня такъ и ожгло. Я не знаю, пойметъ ли меня читатель; но мнѣ показалось, что неожиданно распахнулись двери дома терпимости и вынеслось оттуда слово, объ которомъ тамъ совсѣмъ и въ поминѣ не должно быть. Давно ли я говорилъ, въ сущности, тоже самое, что сейчасъ сказалъ Колѣнцовъ, и негодовалъ на Глумова за то, что онъ всталъ ко мнѣ по этому поводу въ учительскія отношенія—и вотъ, не прошло и часа, какъ я уже и самъ былъ готовъ разыграть туже нелѣпо учительскую роль. Да̀, неслыханныя вещи творятся на бѣломъ свѣтѣ, говорилъ я себѣ: но причемъ же тутъ Лёвушка? Зачѣмъ онъ оторвался отъ соммельѐ... чтобъ произнести слово «мегтзавцы»? Ахъ, это слово!

— Да̀, да̀, поспѣшилъ я вильнуть въ кусты:—такъ что̀-же мы будемъ ѣсть?

— Все ужь условлено и заказано. Но скажи: вѣдь, ты читалъ? неправда ли, какіе меггзавцы? N'est ce pas?

Вопросъ былъ поставленъ двукратно, и не было никакого ручательства, что онъ не будетъ предложенъ и въ третій разъ. Къ счастію, Глумовъ выручилъ меня.

— Мерзавцы, сказалъ онъ коротко.

— Этотъ ребёнокъ... parole d'honneur, j'en ai rêvé toute la nuit! И эти штыки... этотъ «штыкъ-молодецъ»... употребляемый для чего? Les coquins!

Всѣ сгруппировались вокругъ Колѣнцова, и всѣ искренно заявляли о своемъ сочувствіи. Даже Петька Долгоуховъ, малый отнюдь не сантиментальный, и тотъ нервно вздрагивалъ, искоса, впрочемъ, поглядывая на жирную, совсѣмъ ранжевую сёмгу, пластомъ лежавшую на металлическомъ блюдѣ.

— Ну, а теперь, можно, кажется, поздравить тебя... началъ-было я.

— Благодарю тебя, но позволь еще одну минуту. Господа! прежде, нежели приступить къ нашему дружескому завтраку, ознаменуемте эту торжественную минуту добрымъ... патріотическимъ дѣломъ!

Лёвушка взялъ тарелку и обошелъ съ нею присутствующихъ, говоря.

— Во имя братьевъ! Пусть каждый дастъ чтò можетъ! А потомъ мы отошлемъ нашу посильную лепту... въ дамскій кружòкъ!

Всѣ руки разомъ заторопились, и черезъ мгновенье на тарелкѣ лежало пять зелененькихъ. Петька Долгоуховъ (шестая зелененькая) обратился къ одному изъ татаръ и сказалъ:

— Поди за буфетъ, вели записать на меня три цѣлковыхъ и принеси сюда! Затѣмъ, Лёвушка вложилъ собранныя деньги въ конвертъ, сдѣлалъ надпись «отъ счастливыхъ, за бокаломъ вина»—и отправилъ по принадлежности.

— А теперь, господа, приступимъ! весело сказалъ онъ:—не знаю кàкъ вамъ, а у меня какъ-то теплѣе, покойнѣе на сердцѣ становится, когда я сознаю, что выполнилъ долгъ. А, вѣдь, это—священный долгъ... это—*нашъ* долгъ, господа! N'est-ce pas?

— Еще бы! à qui le dis-tu! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Собственно говоря, это даже—не *долгъ*, а душевное дѣло... Это, такъ сказать—наша подоплёка!

— Браво! вырвалось у Глумова.

— Браво! браво! захлопали въ ладоши остальные.

— Ну-съ, такъ приступимъ. Завтракъ я заказалъ умѣренный; вина тоже не много будетъ—предупреждаю васъ. Я нахожу, что

бываютъ обстоятельства, при которыхъ умѣренность становится обязательною. А чтобы испытать васъ, я даже не открою вамъ содержаніе моего меню. Будемъ довольны, чѣмъ Богъ послалъ!

Какъ истинные герои, мы поспѣшили согласиться. Одинъ Долгоуховъ казался огорченнымъ. Въ качествѣ истиннаго pique assiette'a, онъ любилъ нетолько сладко поѣсть, но и заранѣе предрасположить себя къ предстоящимъ внушеніямъ.

Тѣмъ не менѣе, завтракъ удался, какъ нельзя больше. Было шумно и весело. Поздравляли Лёвушку, подшучивали надъ Долгоуховымъ, сочиняли циркуляры. Одинъ декламировалъ «уставъ о печеніи пироговъ»; другой импровизировалъ «правила о переводѣ въ разрядъ полезныхъ животныхъ тѣхъ изъ волковъ, кои добрыми нравами и примѣрнымъ поведеніемъ признаны будутъ заслуживающими сего отличія». Каждая импровизація сопровождалась громкими «браво!» и обращеніями къ Лёвушкѣ, который сквозь зубы ворчалъ: шуты! и, въ то же время, благосклонно улыбался. Словомъ сказать, всѣ очутились въ обычной атмосферѣ, изъ которой никто и никогда не чувствовалъ ни малѣйшей потребности выходить. Какъ вдругъ дверь дома терпимости распахнулась опять.

— Да, господа, я оставляю васъ... оставляю! сказалъ Лёвушка, обращаясь къ намъ: — въ принципѣ, мой отъѣздъ въ Семиозерскъ уже рѣшенъ. Надежды, которыя вы всѣ возлагаете на меня,—я увѣренъ, что оправдаю ихъ. Я—вашъ товарищъ, и это одно налагаетъ на меня святыя обязанности. Я буду твердъ, но безъ непреклонности; буду снисходителенъ, но безъ потворства. Преступныхъ страстей—не потерплю! Но не скрою отъ васъ, какъ не скрываю и отъ самого себя, что предстоящая мнѣ задача, и безъ того уже трудная, въ значительной степени усложняется современнымъ политическимъ положеніемъ. Эти славяне съ обрѣзанными носами и ушами, эти обугленные трупы сожженныхъ живьемъ людей, наконецъ, этотъ ребёнокъ, котораго сначала бросаютъ вверхъ и потомъ принимаютъ на штыки — все это не выходитъ у меня изъ головы, и, конечно, войдетъ въ программу моихъ будущихъ дѣйствій. Надо положить предѣлъ этому. Господа! я предлагаю тостъ за освобожденіе славянъ! И нетолько на Балканскомъ Полуостровѣ, но и... Я никого не называю по имени, но каждый изъ васъ, конечно, уже назвалъ страну, которая, въ годину нашихъ испытаній, удивила міръ своею неблагодарностью!

Этотъ тонкій намёкъ на коварную Австрію привелъ насъ въ восторгъ. Съ криками «ура!», «живіо!» мы бросились обнимать

Лёвушку, который, и съ своей стороны, весь сіялъ восторгомъ и рѣшимостью.

— А теперь, господа, выпьемъ за здоровье княгини Наталіи! какъ нельзя болѣе кстати воскликнулъ Сережа Преженцовъ.

— Королевы, mon cher, королевы! Въ глазахъ дипломатіи, она—княгиня, но въ нашихъ, въ «русскихъ» глазахъ — королева! наставительно поправилъ Лёвушка.

Выпили за королеву Наталію, но не забыли и княгиню Милену. Потомъ вынули еще по три цѣлковыхъ, завернули въ конвертъ съ надписью: *отъ счастливыхъ*, *за третьей здравицей* и опять послали въ «дамскій кружо̀къ».

Здравицы слѣдовали за здравицами, такъ что, подъ конецъ, произошло уже нѣчто въ родѣ пронунсіаміенто. Милана смѣнили и на мѣсто его провозгласили генерала Черняева королемъ Сербіи и соединенной съ нею Болгаріи. Генералу Новоселову пріискали мѣстечко въ Босніи, Герцеговину присоединили къ Черногоріи, «гирла» оставили за собой, а княгинѣ Наталіи назначили пенсію въ мильйонъ дукатовъ. Наконецъ, въ половинѣ четвертаго, подъ мотивъ долетавшей изъ сосѣдняго кабинета (гдѣ тоже, вѣроятно, происходило своего рода пронунсіаміенто) пѣсенки:

A Provins,
Trou-la-la,
L'on récolte des roses;
Et du jasmin,
Trou-la-la,
Et beaucoup d'autres choses...

вышли на улицу и разбрелись въ разныя стороны.

— Кто бы подумалъ, сказалъ Глумовъ, усаживаясь вмѣстѣ со мною въ извощичьи сани: — что въ этомъ поскудномъ трактирѣ сейчасъ произошло великое таинство проявленія русско-культурнаго патріотизма!

Я ничего не отвѣтилъ на эту выходку и, говоря по совѣсти, даже не совсѣмъ сознавалъ, что̀ происходило во мнѣ. Одно только было для меня вполнѣ ясно: что Глумовъ стѣсняетъ меня. Гадливость, которую я, часа полтора тому назадъ, ощутилъ при словѣ: «мерзавцы», вылетѣвшимъ изъ устъ Лёвушки Колѣнцова, именно была плодомъ моей утренней бесѣды съ этимъ человѣкомъ. Не будь его, я легко и свободно отдался бы веселымъ впечатлѣніямъ товарищеской бесѣды и изящно сервированнаго завтрака, а, въ то же время, не упустилъ бы и поскорбѣть. Между прочимъ, вздохнулъ бы о славянахъ, между прочимъ, выпилъ бы за здоровье королевы Наталіи, между прочимъ, вынулъ бы изъ кармана три цѣлковыхъ и съ удоволь-

ствіемъ увидѣлъ бы, что они отосланы... въ «дамскій кружокъ». Но мысль, что Глумовъ все это предвидѣлъ и даже снабдилъ несовсѣмъ лестными комментаріями, заставляла меня ощущать нѣкоторую неловкость. Въ самомъ дѣлѣ, эти три цѣлковыхъ... Неужели, думалось мнѣ, русская культура не выработала изъ себя никакого жизненнаго факта, кромѣ безшабашнаго гвалта, на днѣ котораго лежатъ три цѣлковыхъ, никакого жизненнаго требованія, кромѣ дикой потребности пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ (будь это даже такой кровный вопросъ, какъ нынѣшній славянскій), чтобы кому-то зажать ротъ, перервать горло, согнуть въ бараній рогъ?

Я гналъ эту мысль отъ себя, потому что она положительно мнѣ мѣшала. Я говорилъ себѣ: если даже все это и правда, то для чего мнѣ эта правда, ежели я не могу измѣнить въ ней ни одной іоты? Мы такъ безпомощны, такъ безнадежны, что сознаніе правды не впередъ насъ толкаетъ, а заставляетъ только опускать руки. Покуда мы безшабашны, хоть наши цѣлковые играютъ какую-то роль, а отнимите у насъ это качество—что̀ останется? Останется безцѣльное шатаніе по бѣлу свѣту, скука, апатія и блудливыя погони за какимъ-то несознаннымъ дѣломъ, которое, дразня насъ въ преспективѣ, на практикѣ—самымъ обиднымъ образомъ оставляетъ на бобахъ.

Да, наконецъ, и самъ Глумовъ—лучше ли онъ другихъ? Надѣвать на себя маску ментора, подсмѣиваться надъ безшабашностью русской культуры, указывать на три цѣлковыхъ, какъ на единственный ясный результатъ обще-культурнаго возбужденія, и, въ то же время, самому по уши погрязать въ той же безшабашности и, хихикая изподтишка, вынимать такіе же три цѣлковыхъ для отправленія въ «дамскій кружокъ» — развѣ это тоже не своего рода русско-культурная черта? О, Глумовъ! съ какимъ презрѣніемъ ты говорилъ давича: жри, а не хочешь жрать—пей! и съ какимъ наслажденіемъ ты выполнилъ эту программу, вслѣдъ за тѣмъ, на практикѣ! Да, и ты—небольше, какъ продуктъ той же культуры, и даже не простой, а сугубый продуктъ! И ты—рабъ съ головы до ногъ, рабъ, выполняющій свое рабское дѣло съ безупречной исправностью и, въ то же время, старающійся, съ помощью цѣлой системы показываемыхъ въ карманѣ кукишей, обратить свое рабство въ шутку!

Мнѣ большого труда сто̀ило, чтобы воздержаться и не бросить этихъ соображеній въ лицо Глумову. Однако, я понялъ, что всякій дальнѣйшій разговоръ на тэму о современномъ общественномъ возбужденіи былъ бы празднымъ переливаніемъ изъ пустого въ порожнее. Тутъ чувствовалась какая-то путаница, въ ко-

торой, въ одно и то же время, сквозила и насмѣшка надъ тремя цѣлковыми, и косвенное поощреніе нести ихъ въ общую массу. Въ чемъ же, однакожъ, тутъ дѣло? Ежели только въ томъ, чтобы, вынимая свою зелененькую, не кричать, не галдѣть, а сохранять чувство собственнаго достоинства, такъ, вѣдь, это — задача далеко нелестная, да и нелегкая, господа! Помилуйте! я—живой человѣкъ, я хочу, я чувствую потребность шумѣть и кричать! Я столько времени молчалъ и столько горькаго, почти свирѣпаго накопилось внутри меня за время этой молчанки, что я съ жадностью цѣпляюсь за первый попавшійся поводъ, чтобъ облегчить свою грудь. И ежели у меня нѣтъ личнаго дѣла, по случаю котораго я могъ бы свободно повѣдать міру о своей живучести, то я хватаюсь за дѣло чужое (а въ настоящемъ развѣ даже и не вполнѣ чужое), чтобъ хоть на время, хотя въ своихъ собственныхъ глазахъ, возстановить свое право на жизненную отзывчивость!

— Куда же мы ѣдемъ? обратился я, наконецъ, къ Глумову.

— А кто-жь его знаетъ? Куда-нибудь! Да не заѣхать ли, например, къ Поликсенѣ Ивановнѣ? тамъ бы кстати и отобѣдали! Извозчикъ! въ Разъѣзжую!

Поликсена Ивановна—очень добрая и милая особа, у которой я бываю довольно часто. Мужъ ея, Павелъ Ермоланчъ Положиловъ, нашъ общій товарищъ по школѣ, считался въ молодости передовымъ и крайнимъ и, въ свое время, даже потерпѣлъ за свои мнѣнія. Потерпѣлъ онъ неособенно много, но испугался настолько, что и до нынѣ вздрагиваетъ и оглядывается, когда въ его присутствіи произносится какая-нибудь рѣзкость. Съ тѣхъ поръ, онъ женился и повелъ жизнь совершенно уединенную, какъ будто на совѣсть его легло нѣчто такое, что̀ мѣшаетъ открытому общенію съ людьми. Въ настоящее время, онъ занимаетъ довольно солидное мѣсто въ одномъ изъ министерствъ и души не чаетъ въ Поликсенѣ Ивановнѣ, которая, съ своей стороны, инстинктомъ преданнаго женскаго сердца поняла, что Павлу Ермоланчу ничего не требуется, кромѣ покоя, и, сообразно съ этимъ, устроила для него домашнюю обстановку. Обстановка эта — строго старозавѣтная. Утромъ, Павелъ Ермоланчъ уѣзжаетъ въ департаментъ, а Поликсена Ивановна сидитъ дома и заботится, чтобъ Павлу Ермоланчу, по возвращеніи изъ департамента, было хорошо. По вечерамъ, сидятъ дома, любуются на дѣтей, *въ гости* совсѣмъ не выѣзжаютъ и всегда очень рады, когда кто-нибудь изъ ограниченнаго числа друзей посѣтитъ ихъ. Даже квартира у нихъ старозавѣтная: въ каменномъ домѣ съ толстѣйшими стѣнами, безъ швей-

цара, съ крашеными полами, вмѣсто паркета. Кромѣ казеннаго жалованья, составляющаго фундаментъ, на которомъ зиждется благосостояніе семьи (у Положиловыхъ шесть человѣкъ дѣтей), у Павла Ермолаича есть еще усадьбица въ Лугскомъ Уѣздѣ. Туда семья укрывается на лѣто и оттуда получаетъ на зиму запасы, въ видѣ живности, отварныхъ рыжиковъ и всевозможныхъ сортовъ вареній. Эта скромная деревенская субсидія помогаетъ Положиловымъ жить настолько гостепріимно, что за столомъ ихъ никогда не бываетъ недостатка въ лишнемъ кускѣ для пріятеля. Вообще, несмотря на явный диссонансъ съ общимъ тономъ петербургской жизни, домъ Положиловыхъ былъ бы очень пріятенъ, еслибъ въ немъ на каждомъ шагу (особливо въ присутствіи Павла Ермолаича) не чувствовалась боязнь сказать лишнее слово, которое должно объ чемъ-то напомнить и нѣчто разбередить. На этомъ основаніи, никакихъ «рѣзкостей» на дружескихъ собесѣдованіяхъ не допускается, а ежели таковыя и прорываются случайно, то Поликсена Ивановна съ изумительнымъ мастерствомъ умѣетъ ихъ сглаживать и заминать. Разговоры ведутся чинно, смирно, держась по преимуществу около фактовъ, допуская «справедливую критику» ихъ, но не вдаваясь ни въ утопіи, ни въ радикализмъ. Тѣмъ не менѣе, уже и то одно производитъ хорошее впечатлѣніе, что никто въ этомъ домѣ не грозитъ очами воображаемымъ внутреннимъ врагамъ, не предается дешевому глумленію «надъ стриженными дѣвками» и не кричитъ, что авторитеты попраны и собственность потрясена.

— А въ газетахъ-то что... ужасти! были первыя слова Поликсены Ивановны послѣ краткаго взаимнаго привѣтствія.

— Вотъ и онъ тоже... тревожится! съ легкой ироніей цыркнулъ Глумовъ, указывая на меня.

— Да какъ же не тревожиться! Вѣдь, читаешь—даже кровь холодѣетъ! Павелъ Ермолаичъ чуть давеча боленъ не сдѣлался—такъ это его разстроило!

— Пользы мало отъ этихъ тревогъ, Поликсена Ивановна!

— Какая польза — вѣдь, это природное! Польза пользой, а и чувство тоже дѣвать нѣкуда. Для пользы, Павелъ Ермолаичъ два процента изъ жалованья жертвуетъ, а, кромѣ того, и чувствуетъ. Неужто же по вашему не такъ выходитъ?

— Не знаю, Поликсена Ивановна. Все такъ спуталось, что иногда даже самому себѣ отчетъ хочешь дать—и ничего не выходитъ. Чувствуешь, что нужно бы слово какое то сказать, пробуешь его вымолвить—и не вымолвишь!

— А по моему, такъ совсѣмъ ничего не спуталось. Помогать надо—вотъ и все. Глядя на прочихъ, и мы у себя кружку за-

вели, не оффиціально, а такъ... Можетъ быть, кто изъ знакомыхъ и пожелаетъ... по силѣ-возможности...

Это было косвенное приглашеніе къ пожертвованію, на которое мы и поспѣшили, конечно, отвѣтить.

— Вотъ видите, продолжала Поликсена Ивановна:—вы положили, другой, третій положитъ — смотришь, а въ результатѣ и помощь будетъ. Чтò же тутъ такого... спутаннаго?

— Въ этомъ-то, разумѣется, ничего спутаннаго нѣтъ... А Павелъ Ермоланчъ гдѣ? по обыкновенію, въ департаментѣ?

— Дà, уѣхалъ. Генералъ ихній изъ-за границы воротился, такъ представиться поѣхалъ. Да вы не отлынивайте! скажите: въ чемъ, по вашему, путаница?

— Да начать хоть съ того, что никто не знаетъ, изъ-за чего онъ хлопочетъ.

— Ахъ, Боже мой! да просто изъ-за того, чтобъ помочь!

— То-есть, сотворить милостыню? а дальше чтò?

— И дальше—тоже. Неужто это худо?

— Чтò худого! вотъ, я давича утромъ къ нему пришелъ — тоже чуть не въ слезахъ засталъ... И съ перваго же слова посовѣтовалъ: вынимай, говорю, три цѣлковыхъ, посылай въ дамскій кружòкъ—всѣ болѣсти какъ рукой сниметъ!

Поликсена Ивановна недоумѣло взглянула на своего собесѣдника. Не любила она Глумовскихъ подтруниваній, боялась, кàкъ бы онѣ не напомнили чего Павлу Ермоланчу, не «разстроили» его.

— Не понимаю я чтò-то, сказала она нѣсколько сухо:—да и вообще... не понимаю! Вотъ Павелъ Ермоланчъ — тотъ иногда любитъ эти иносказанія, особливо когдà ему по службѣ свободно... А по мнѣ...

— А по вашему, такъ Глумовъ хоть бы и совсѣмъ уволилъ вашъ домъ отъ посѣщеній? тàкъ, чтò ли?

— Нѣтъ, не то... какой вы, однакожъ, занозистый! всякое слово ребромъ ставите... Не понимаю я, именно не понимаю! Нѝ то вы смѣетесь, нѝ то правду хотите сказать!

— Это у него манера такая выработалась... эзоповская, отозвался я: — онъ статейки инкогнито въ журналахъ тискаетъ, такъ все цензуру объѣхать хочетъ!

— Дà, такъ вотъ какъ! А ну-те-ка серьёзно: скажите-ка, чтò же дѣлать-то намъ?

— То самое и дѣлайте, чтò дѣлаете. Вотъ Павелъ Ермоланчъ два процента изъ жалованья жертвуетъ; вы—кружку завели, въ которую тоже, поди, процентикъ-другой изъ столовыхъ денегъ откладываете. Отлично. Вѣдь, и я, съ часъ тому назадъ, вмѣстѣ

съ прочими, своихъ кровныхъ двѣ зелененькихъ на блюдце положилъ. Тоже отъ другихъ не отстанемъ.

— Нѣтъ, это—не то. Не то вы говорите, что̀ думаете. Вотъ и Павелъ Ермолаичъ, когда я ему о своемъ намѣреніи завести кружку открылась: ничего, говоритъ, займись! я самъ два процента изъ жалованья жертвовать буду! И такъ-то ласково да мило, по наружности, сказалъ, а какъ вдумаешься, такъ настоящая-то у него мысль такая: забавляйся, молъ, коли это тебѣ удовольствіе можетъ доставить!

— У Павла Ермолаича съ Глумовымъ на счетъ этого «идеи» особенныя есть, попытался я уязвить.

— А ты думаешь, что та̀къ, безъ идей, съ одними художественными инстинктами лучше? огрызнулся на меня Глумовъ.

— Нѣтъ, я не на счетъ идей, вступилась Поликсена Ивановна: — идеи — что̀-жъ! Это даже хорошо! Рѣзкостей допускать не надо—это, вотъ, дѣйствительно... Но опять и то сказать: не всякій ихъ понимаетъ... идеи-то эти, а помо̀чь, между тѣмъ, хочется. Сколько на свѣтѣ маленькихъ людей есть, у которыхъ просто, безъ идей, сердце болитъ—такъ неужто-жъ вся ихъ роль въ томъ только и состоять должна, чтобъ сложа руки сидѣть, или фыркать?

Поликсена Ивановна умилилась. Въ ней, дѣйствительно, было это естественное предрасположеніе къ сердечной боли, о которой она сейчасъ упомянула и которая, въ нѣкоторыхъ личностяхъ, является чертой настолько характеристичною, что составляетъ содержаніе всего ихъ существованія. Объяснять причины, обусловливающія эту боль, стараться отыскивать, сколько въ ней есть сознательности или безсознательности—было бы совершенно напрасно. Довольно и того, что она существуетъ вполнѣ ясно и несомнѣнно и что, исходя изъ нея одной и ею одной сильный, человѣкъ, сознательно или безсознательно, находитъ въ себѣ энергію практически отзываться на всѣ жизненныя явленія, въ незримой глубинѣ которыхъ лежитъ недугъ или немощь. Очень часто, эта своеобразная сила достигаетъ далеко не тѣхъ результатовъ, которые были въ ея намѣреніяхъ, а еще чаще растрачивается совсѣмъ задаромъ, но, во всякомъ случаѣ, она—потому уже благо, что, въ виду ея, обыкновенное культурное фырканье представляется чѣмъ-то мизернымъ, почти непозволительнымъ.

— А вѣдь, по вашему, это почти-что такъ выходитъ, кончила Поликсена Ивановна, обращаясь къ Глумову.

— Нѣтъ, не такъ.

— А то какъ же! Смѣетесь вы надъ простотой, явное дѣло, смѣетесь!

— Смѣхъ, это—форма, а въ сущности, я вникнуть прошу. Хорошо и благородно—болѣть сердцемъ, какъ вы болѣете, да вѣдь и способность разсуждать не Богъ знаетъ какъ провинилась, чтобъ ее въ ссылку ссылать. Не станете же вы, подобно вашему духовнику, отцу Арсенію, утверждать: чувство—первѣе всего, а умъ, яко слуга, и на запяткахъ постоять можетъ!

— Это вы насчетъ «идей», чтò ли? зачѣмъ ихъ въ ссылку ссылать—божьи вѣдь и онѣ! Только не ко двору онѣ у насъ—это я вѣрное слово вамъ говорю. Не бодрость онѣ придаютъ, а еще пуще въ уныніе вводятъ. Примѣръ-то у меня на глазахъ: нѣтъ-нѣтъ да и заскучаетъ мой Павелъ Ермолаичъ. Нелюбо съ идеями-то въ департаментъ ходить, а приходится.

— Приходится—вотъ это такъ, это правильно вы сказали. Я и самъ нынче этой вѣры сталъ, хоть все еще отъ старой привычки отдѣлаться не могу. Не отъ практики старой, которой у насъ не бывало, а отъ лучей-то отъ этихъ, которые съ молоду, еще съ школьной скамьи, Богъ вѣсть откуда заползли въ голову. Хоть и не такъ ужь слѣпятъ эти лучи, какъ въ былые годы, а, все-таки, нѣтъ-нѣтъ, да и приведутъ въ изумленіе. Идешь иногда, даже ходко идешь, въ то самое мѣсто, «куда приходится», и вдругъ это словно скòситъ тебя. По какому, молъ, человѣче, случаю ты въ путь-дорогу собрался? съ чѣмъ собрался? Скажите-ка, чтò я отвѣтить на эти вопросы могу?

— Собрался—потому что сердечное влеченье есть; съ тѣмъ собрался—съ чѣмъ Богъ послалъ!

— Поэзія это, Поликсена Ивановна! А вы мнѣ лучше вотъ чтò скажите: почему у насъ всякое бѣдствіе словно шабашъ какой-то въ россійскихъ сердцахъ производитъ? Вся мразь, все отпѣтое вдругъ оживаетъ и, пользуясь симъ случаемъ, принимается старые счеты сводить. Объ здравомъ смыслѣ, о свободѣ сужденія — нѣтъ и въ поминѣ. На всѣхъ языкахъ — угроза, во всѣхъ взглядахъ — намѣреніе горло перекусить. Вонъ, давича, поручикъ Живновскій встрѣтился, такъ и тотъ, чего ужь отпѣтѣе: писаттель! кричитъ, либерра-алъ! Булгаринъ изъ гроба всталъ: на потомковъ, говоритъ, полюбоваться пришелъ! Какъ вы полагаете: не позорно при этомъ «воскресеніи мертвыхъ» присутствовать?

— Да не преувеличиваете ли вы?

— Нетолько не преувеличиваю, а говорю прямо: всякое бѣдствіе застаетъ наши лучшія силы врасплохъ и дѣлается поводомъ для возбужденія какихъ-то непонятныхъ старыхъ счетовъ.

И что̀ всего ужаснѣе: люди вполнѣ хорошіе до того теряются при этомъ, что сами себя головой выдать готовы. Иной прямо говоритъ: виноваты! другой—вторитъ въ тонъ господамъ ташкентцамъ, или хоронится. Вотъ вы, и ничего не видя (сидите вы въ Разъѣзжей, за семью замками, и видѣть-то ничего вамъ нельзя), сердцемъ болѣете, а кабы вы настоящую-то вакханалію видѣли, такъ ли бы у васъ оно заболѣло! Да̀-съ, не вымерли еще господа ташкентцы и долго не вымрутъ! Если мнѣ не вѣрите—у Павла Ермоланча спросите: онъ подтвердитъ!

Поликсена Ивановна ничего не сказала на это. При ссылкѣ на Павла Ермоланча она какъ-то съежилась и даже слегка поблѣднѣла. Вѣроятно, не въ первый разъ ей приходилось эти рѣчи выслушивать: не даромъ же она упомянула, что нѣлюбо съ «идеями» въ департаментъ ходить. Ка̀къ ни скроменъ Павелъ Ермоланчъ, а невозможно, чтобъ онъ не проговорился.

— Вотъ вы давича сказали: рѣзкостей допускать не надо, продолжалъ Глумовъ, не унимаясь:—а, вѣдь, въ переводѣ на обыкновенный языкъ это значитъ: держи языкъ за зубами! За что̀-же, помилуйте! За что̀ я долженъ вѣчно смотрѣть на себя, какъ на...

— Ахъ, оставьте это... не говорите! не выдержала, наконецъ, Поликсена Ивановна.

На этомъ разговоръ оборвался. Очень вѣроятно, намъ пришлось бы безвременно покинуть мирный пріютъ въ Разъѣзжей Улицѣ, еслибы въ эту минуту не раздался звонокъ, возвѣщавшій появленіе хозяина.

— Это—Петра Ермоланча звонокъ, шепнула Поликсена Ивановна:—пожалуйста! прошу васъ! не возобновляйте этого разговора при немъ!

Вопреки обыкновенію, Павелъ Ермоланчъ предсталъ передъ нами ясный и лучезарный. Лицо его, выбритое до зеркальности, сіяло удовольствіемъ; глаза блестѣли; даже въ ямочкѣ, украшавшей его бороду, замѣчалась радостная игра.

— Сегодня у насъ, по случаю пріема, засѣданіе кончилось раньше обыкновеннаго, сказалъ онъ, цѣлуя Поликсену Ивановну и затѣмъ подавая намъ руки.

— Ну что̀, принялъ? спросила Поликсена Ивановна, которая, видя сіянье на лицѣ мужа, тоже возсіяла.

— Принялъ.

— Здоровъ?

— Совершенно.

— Разспрашивалъ?

— И разспрашивалъ.

— Ахъ, какой ты! ты сядь, разскажи, какъ и что... по порядку!

— Ну вотъ, собрались мы, ждемъ... Такъ я стою, такъ Петръ Иванычъ, а такъ Николай Павлычъ... началъ Павелъ Ермолаичъ свое повѣствованіе, но начало это, видимо, не удовлетворило Поликсену Ивановну.

— Ты все шутишь, сказала она:—а вѣдь мнѣ интересно! Впрочемъ, я ужъ и тѣмъ довольна, что ты-то веселъ!

— Чего «шутишь»! Знаю я, что тебѣ хочется! хочется, чтобъ я сказалъ, что генералъ меня поцѣловалъ—такъ не могу солгать: не поцѣловалъ! Вотъ Николай Павловичъ—тотъ, послѣ общаго представленія, особенно въ кабинетъ ходилъ и весь оттуда въ слезахъ вышелъ: поцѣловалъ, говоритъ! А курьеръ сказываетъ: нахлобучку задалъ!

Черезъ полчаса, мы сидѣли за обѣдомъ. Поликсена Ивановна, окруженная всѣхъ возрастовъ малолѣтками—на одномъ концѣ, мы, по обѣ стороны хозяина—на другомъ. Павелъ Ермолаичъ сначала новости изъ служебной сферы разсказывалъ, но, такъ какъ и онѣ, въ настоящую минуту, вертятся, по преимуществу, около славянскаго движенія, то весьма естественно, что послѣднее не замедлило сдѣлаться главной тэмой разговора.

— И у насъ что-то затѣвается, сказалъ Положиловъ.

— А что?

— Есть что-то. Сегодня, на пріемѣ, его превосходительство... не то чтобы прямо, а стороной... Сначала объ дѣлахъ говорилъ, а въ заключеніе и далъ понять, что русское воинство всегда было побѣдоносно, а потому и впредь ожидать слѣдуетъ...

— И мнѣ тоже сдается, отозвался Глумовъ:—вчера ко мнѣ совсѣмъ неожиданно съ «нашей стороны» Иванъ Парамонычъ пожаловалъ—купецъ такой есть, сапожнымъ товаромъ торгуетъ—навѣдаться, значитъ, въ Петербургъ пріѣхалъ. А это—вѣрный признакъ, потому что у этихъ шакаловъ на счетъ «кровопролитіевъ» особенное чутье есть. Разузнавать я отъ него ничего не разузнавалъ, а стороной, грѣшный человѣкъ, поддразнилъ: а что, говорю, Иванъ Парамонычъ, кабы тебѣ поставку сапоговъ для арміи и флотовъ предоставили, угобзилъ бы ты, чай, солдатиковъ? Такъ у него даже нутро все заколыхалось въ отвѣтъ: вотъ какъ передъ Истиннымъ! говоритъ.

— Да, теперь ихній чередъ наступилъ! только вотъ что неладно: покуда эти Порамонычи, вкупѣ съ Шмулями да съ Лейбами, арміи и флоты угобжаютъ, а ты сиди да смотри на нихъ!

— Что такъ? развѣ строгія времена пришли?

— Да не безъ того... Не всяко касаться можно, особливо ежели въ связи съ...

Положиловъ случайно взглянулъ на Поликсену Ивановну и прочиталъ въ ея глазахъ неодобреніе.

— А впрочемъ, не наше это дѣло, сказалъ онъ:—Поликсена Ивановна это лучше знаетъ—вонъ какъ грозно на меня посмотрѣла.

— Совсѣмъ не грозно, говори, коли хочешь! А вообще я... Сверху виднѣе, мой другъ! а мы—что мы можемъ въ такихъ дѣлахъ видѣть?

— Разумѣется, разумѣется; съ насъ и нашихъ личныхъ, маленькихъ дѣлъ довольно! Вотъ напримѣръ, солонину мы ѣдимъ—это я могу... Ишь она, солонина-то какая—масло!

— Да, братъ, это... со-лло-ни-на! восторженно отозвался Глумовъ.—А онъ вотъ обижается, что за границей за табльдотами нѣмцы болтаютъ: васъ—молъ, казаковъ, за Волгу надо, въ Саратовъ! А по мнѣ—такъ и въ Саратовѣ солонина отъ насъ не уйдетъ!

— А на счетъ икры такъ даже лучше!

— Ахъ, господа, господа! укоризненно промолвила Поликсена Ивановна, покачивая головой.

— Ну, баста! Не наше дѣло. А для того, чтобъ ужъ совсѣмъ все въ порядкѣ было, чтобъ даже разговаривать нѣкогда было,—знаете, господа, что мы сдѣлаемъ! Засядемте-ка послѣ обѣда въ сибирку съ болваномъ!

— И отлично!

— Я нынче все въ сибирку упражняюсь. Ни для ума, ни для сердца—ничего! А, между тѣмъ, алчность является—смотришь, время-то и безъ внутреннихъ вопросовъ летитъ!

Такъ мы и сдѣлали. Съ шести часовъ до одиннадцати проиграли въ сибирку, при чемъ Положиловъ обоихъ насъ объигралъ на три рубля, (и неудивительно, потому что подлѣ него, для счастья, съ лѣвой стороны, сидѣла Поликсена Ивановна) и сейчасъ же положилъ ихъ въ копилку «въ пользу страждущихъ братьевъ». Затѣмъ подали закусить опять ту же солонину, но уже холодную, при чемъ Положиловъ совершенно основательно замѣтилъ, что этотъ кусокъ—отъ огузка и въ холодномъ видѣ, много теряетъ, а вотъ край или филей, такъ въ холодномъ видѣ, пожалуй, даже лучше, нежели въ горячемъ. А Поликсена Ивановна, съ своей стороны, присовокупила, что, когда она съ маменькой въ Вяткѣ жила (отецъ ея на службѣ тамъ былъ), такъ тамъ учили въ кадочку солонины языковъ говяжьихъ съ пятокъ припустить—вотъ это такъ солонина бываетъ!

Въ первомъ часу ночи, мы вышли отъ Положиловыхъ. Дорóгой, я началъ припоминать проведенный день, и—клянусь!—мнѣ сдѣлалось стыдно.

— Кàкъ странно, однакожь, мы проводимъ наши дни! сказалъ я, обращаясь къ Глумову.

— Чтò-же тутъ страннаго?

— Помилуй! цѣлое утро въ кабакѣ провели, вечеръ—въ сибирку играли, объ солонинѣ разговаривали.. вѣдь, это, наконецъ, неприлично!

— А по моему, такъ мы именно самымъ приличнымъ образомъ, по русски, время провели. Наѣлись, напились, наигрались—чего больше! А теперь вотъ придемъ домой, ляжемъ спать и скажемъ себѣ: день прошелъ—и слава Богу!

Н. Щедринъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БЕСѢДЫ О РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(Критическія письма).

Письмо первое.

НАШЕ СОВРЕМЕННОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ БЕЗВРЕМЕНЬЕ.

Въ настоящее время, и въ журналахъ, и въ газетахъ, и въ различныхъ общественныхъ кружкахъ — повсюду господствуетъ минорный тонъ относительно состоянія литературы вообще, беллетристики же и критики въ особенности. Всѣ жалуются, что критика находится въ такомъ упадкѣ, что совсѣмъ начинаетъ исчезать изъ журналовъ. Беллетристика же только и держится, что корифеями прежней эпохи, блиставшими уже въ 40-хъ, 50-хъ и 60-хъ годахъ; новыхъ же талантовъ, которые можно бы поставить на одну высоту со старыми, не является. И вотъ, въ этотъ-то моментъ литературнаго безвременья, я рѣшился писать къ вамъ критическія письма. Не подумайте, чтобы я мечталъ занять своими письмами опустѣвшую арену критики и принять на себя роль критическаго вождя, полагающаго за собою право рѣшить и вязать. Нѣтъ, просто по просту, когда во время жаркихъ сраженій избиваются всѣ полководцы, каждый солдатъ дѣлается генераломъ и подаетъ свои совѣты, или на общественныхъ собраніяхъ, когда вожди партій оставляютъ арену, каждый обыватель, который прежде только и дѣлалъ, что сидѣлъ и глубокомысленно выслушивалъ, теперь встаетъ и подаетъ свое мнѣніе. Такъ точно и я предстаю передъ вами простымъ рядовымъ и обывателемъ и подаю свой голосъ, который вы въ правѣ выслушать или оставить безъ вниманія.

Начинаю я свои письма, какъ вы можете судить по заглавію, съ разсужденій о нашемъ современномъ литературномъ безвременьи—разсужденій, которыя, какъ я заявилъ уже выше, вы

встрѣтите на всѣхъ перекресткахъ, безъ которыхъ не могутъ обойтись нынѣ, заговоривъ о литературѣ. Вслѣдствіе одной этой всеобщности толковъ о литературномъ безвременьи, вопросъ этотъ получаетъ большую важность; его слѣдуетъ поставить впереди и обсудить прежде всего. Онъ послужитъ мнѣ какъ бы вступленіемъ въ мои критическія письма; дастъ мнѣ возможность, прежде, чѣмъ я займусь анализомъ того или другого изъ современныхъ произведеній беллетристики, сдѣлать общій обзоръ состоянія современной литературы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказать тѣ критеріи, которые будутъ руководить мною при оцѣнкѣ различныхъ произведеній, настоящихъ и будущихъ.

Что̀ касается лично до меня, то я вполнѣ раздѣляю недовольство большинства общества современною беллетристикою. Если и существуютъ въ литературѣ два, три имени, которыя слѣдуетъ исключить изъ этого недовольства, если и появляется въ теченіи года два, три произведенія, отмѣченныя сильнымъ талантомъ и обращающія на себя всеобщее вниманіе, то подобныя явленія представляются словно оазисами въ дикой пустынѣ. Они остаются сами по себѣ, а пустыня тоже—сама по себѣ и, главное дѣло, продолжаетъ пребывать все тою же безплодною пустынею. Такъ, напримѣръ, возьмемъ хоть нынѣшній годъ, клонящійся уже къ концу и представляющій намъ свои итоги и, нужно отдать ему справедливость, плачевные итоги по части художественной литературы. Такъ, изъ наиболѣе выдающихся произведеній только и можно отмѣтить, что траги-комедію г. Некрасова «Современные герои», нѣсколько очерковъ г. Щедрина, нѣсколько главъ романа гр. Л. Толстаго, одну комедію г. Островскаго, да два очерка г. Г. Иванова (этого чуть ли не единственнаго изъ молодыхъ талантовъ, выстрадывающихъ свои очерки, а не сочиняющихъ ихъ). Но, вѣдь, это не составляетъ всей беллетристики за цѣлый годъ въ четырехъ толстыхъ журналахъ? Вѣдь, это—капля въ морѣ? Вѣдь, это все, переплетенное вмѣстѣ, составило бы небольшой томъ. Ну а затѣмъ что̀ же представляетъ собою беллетристика нынѣшняго года? Далѣе за тѣмъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» слѣдуетъ романъ г-жи Смирновой «Сила характера». Въ «Дѣлѣ» былъ помѣщенъ романъ г. Михайлова «Хлѣба и зрѣлищъ» и затѣмъ тянется и, вѣроятно, долго еще будетъ тянуться безконечный романъ г. Евг. Маркова «Черноземныя поля». А въ концѣ года выступилъ г. Лѣтневъ съ новымъ романомъ «Бѣшеная рощина». Въ «Вѣстникѣ Европы» парадировалъ г. А. Потѣхинъ, который началъ годъ повѣстью «Хворая», а окончилъ ломаномъ «Около денегъ». Въ промежуткѣ же между этими двумя столпами беллетристики «Вѣстника Европы» мы только и видимъ, что два посмертныя произведенія, помѣщенныя, конечно, ради одного историческаго интереса: отрывки изъ драмы К. Толстаго «Посадникъ» и повѣсть М. Авдѣева «Въ сороковые годы». Въ «Русскомъ Вѣстникѣ»... но беллетристика «Русскаго Вѣстника»—совсѣмъ особая статья: она

стоить совсѣмъ за рубежемъ современнаго движенія литературы; для нея никакихъ эстетическихъ законовъ не писано, и говорить о ней—дѣло никакъ ужъ не художественной критики. Оставимъ мы ее лучше въ покоѣ съ ея «Млечными путями», «Избушками на курьихъ ножкахъ» и тому подобнымъ хламомъ.

Вотъ и все, за исключеніемъ нѣсколькихъ мелкихъ повѣстей, разсказовъ, очерковъ, о которыхъ не осталось въ головѣ ни малѣйшаго воспоминанія. Неправда ли, какъ мало за цѣлый годъ для четырехъ толстыхъ журналовъ? Но этого мало, что мало, а главное дѣло въ томъ, что все это, вмѣстѣ взятое, и производитъ на большинство публики то впечатлѣніе неудовлетворенности, которая приводитъ читателей журналовъ къ сѣтованіямъ на литературное безвременье.

Читатель, повидимому, очень жаждетъ талантливой беллетристики, которая произвела бы на него сильное впечатлѣніе и вліяніе. Это можно судить по тому, что толпами бросается онъ къ тому журналу, въ которомъ заранѣе обѣщано ему произведеніе съ извѣстнымъ и любимымъ именемъ, не взирая даже на направленіе журнала и на то соображеніе, что въ журналѣ, можетъ быть, нѣчего будетъ читать, кромѣ обѣщанной приманки. Но каждый разъ читатель испытываетъ новое разочарованіе и приходитъ къ грустному сознанію, что все это—не то, чего бы ему хотѣлось. Главная же задача въ томъ, что читатель и самъ не можетъ рѣшить, что̀ ему нужно отъ беллетристики и почему она не удовлетворяетъ его? Вѣдь, если прислушаться ко всѣмъ тѣмъ эстетическимъ требованіямъ, какія бродятъ въ обществѣ и, притомъ, въ передовыхъ и наиболѣе интеллигентныхъ его сферахъ, то остается только дивиться и пожимать плечами: чего же можетъ недоставать въ нашей современной беллетристикѣ такого, что̀ бы не удовлетворяло этимъ требованіямъ и тѣмъ подавало поводъ къ жалобамъ на литературное безвременье? Во-первыхъ, читатель требуетъ, чтобы беллетристика изображала ему жизнь такъ, какъ она есть, во всемъ ея обыденномъ теченія, со всѣми ея деталями. Во-вторыхъ—чтобы писатель обобщалъ жизнь, представлялъ такіе типы и сюжеты, въ которыхъ, какъ въ фокусѣ, изображались бы черты жизни наиболѣе общія, встрѣчаемыя въ цѣлыхъ массахъ конкретныхъ явленій ея. Въ-третьихъ, наконецъ, читатель требуетъ, чтобы произведенія отзывались на различныя злобы дня, были полезны въ тенденціозномъ отношеніи. И вотъ, найдите мнѣ хоть одно такое изъ современныхъ беллетристическихъ произведеній, которое не удовлетворяло бы если не всѣмъ этимъ требованіямъ, то хоть одному изъ нихъ?

Что̀ касается до изображенія жизни въ ея обыденномъ теченіи и до деталей, то беллетристы такъ и распинаются, чтобы изображать жизнь какъ можно полнѣе, всестороннѣе и подробнѣе, во всѣхъ ея мельчайшихъ оттѣнкахъ, со всѣмъ фламандской кухни пестрымъ соромъ. Вы найдете въ нашей литературѣ

романы, въ которыхъ это эстетическое требованіе доведено до nec plus ultra, до идеальности—романы, основанные всѣ подъ рядъ на анализѣ мелкихъ деталей жизни, романы, въ которыхъ нѣтъ ни интриги, ни сюжета, ни какихъ-либо катастрофъ, ничего такого, что̀ на языкѣ толпы называется романическимъ, а просто по просту разсказывается, ка̀къ живутъ день за днемъ зауряднѣйшіе и на каждомъ шагу встрѣчаемые люди, ка̀къ они пьютъ, ѣдятъ, ходятъ другъ къ другу въ гости, хозяйничаютъ и пр. Чтобы не далеко ходить, возьмите хоть «Черноземныя поля» г. Ев. Маркова. Чего же хотите вы совершеннѣе въ этомъ отношеніи? Вотъ ужъ цѣлый годъ тянется этотъ романъ, дотянулся едва-едва до второй части—и хоть бы намёкъ на какую нибудь романическую интригу, драматическій сюжетъ и т. п., а такъ-таки прямо и выкладывается передъ вами деревенская жизнь во всей ея подноготной. Читаете вы одну главу; въ ней описано, ка̀къ Надя лечила тёлку. Такъ таки цѣлая глава и посвящена этому поучительному въ своемъ родѣ разсказу. Читаете другую главу; въ ней находите не менѣе поучительный разсказъ о томъ, ка̀къ Надя учила деревенскихъ ребятишекъ и ка̀къ при этомъ пріѣхали два сосѣдніе помѣщика и Надя сконфузилась и застыдилась. Въ третьей главѣ слѣдуетъ описаніе, ка̀къ деревенскія бабы молотили рожь, а господа пришли къ нимъ на гумно, посмотрѣть на ихъ работу. Въ четвертой главѣ повѣствуется о томъ, ка̀къ господа завтракали въ лѣсу и жарили яичницу и пр., и пр. И замѣтьте при этомъ, что все это описано крайне вѣрно, до мельчайшихъ подробностей; люди передъ вами, какъ живые, и вся жизнь ихъ у васъ на ладони. Но и прочіе беллетристы, подвизавшіеся въ нынѣшнемъ году, хотя и не достигли въ изображеніи обыденной жизни во всѣхъ ея деталяхъ до такого совершенства, какъ г. Ев. Марковъ, но, все-таки, нельзя сказать, чтобы и пренебрегли этимъ эстетическимъ требованіемъ. Дѣйствующія лица романовъ ихъ, въ свою очередь, встаютъ передъ вами, какъ живыя; нѣкоторыя изъ нихъ весьма типичны и напоминаютъ собою многихъ, встрѣчаемыхъ въ жизни людей. Такъ, напримѣръ, если вы обязываете меня видѣть въ гоголевскомъ Бетрищевѣ типъ, обобщающій многихъ военныхъ русскихъ генераловъ, то чѣмъ же уступаетъ ему столь же обобщающій типъ генерала Охлыстышева въ романѣ г-жи Смирновой. Если Акакія Акакіевича вы признаете типомъ всѣхъ крайне забитыхъ мелкихъ чиновниковъ, то почему же Лыткинъ въ романѣ г. Михайлова не можетъ въ такой же степени служить представителемъ всѣхъ спившихся съ кругу чиновниковъ-сутягъ, дошедшихъ до такой деморализаціи, что имъ ничего не сто̀итъ торговать честью своей дочери? Отчего Охлыстышевъ и Лыткинъ не могутъ служить кличками для весьма многихъ субъектовъ, встрѣчающихся въ жизни, подобно тому, какъ служатъ кличками Фамусовы, Чичиковы, Ноздревы и пр.? А о г. А. Потѣхинѣ и говорить нѣчего:

у него, въ «Хворой»-ли, въ «Около денегъ»-ли, что ни дѣйствующее лицо—то самый обобщительный типъ. Онъ только такія личности и выводитъ, какія вы можете встрѣтить въ жизни, изображаемой имъ, на каждомъ шагу.

Что касается до вѣрности дѣйствительности, то, конечно, не всѣ беллетристы безукоризненны относительно ея. Много кое въ чемъ можно усомниться въ романѣ г-жи Смирновой и еще болѣе въ романѣ г. Михайлова относительно изображенія г. Михайловымъ великосвѣтскаго общества, котораго онъ, повидимому, и въ глаза не видалъ. Но и въ романѣ г-жи Смирновой, и въ романѣ г. Михайлова вы найдете черты жизни несомнѣнно вѣрныя и, притомъ, въ свою очередь, не малое богатство деталей. Вы вспомните, какъ обстоятельно, до какихъ мелочныхъ подробностей описана у г-жи Смирновой повседневная жизнь семейства Охлыстышевыхъ: возьмите хоть бы всѣ эти споры генерала съ Отто о внутренности земнаго шара и другихъ новѣйшихъ теоріяхъ, его причуды и капризы съ Марьею Николаевной. Развѣ все это — не типическія черты, знакомящія васъ съ жизнію Охлыстышевыхъ такъ коротко, въ такихъ подробностяхъ, какъ будто вы сами прожили нѣсколько лѣтъ въ этомъ семействѣ? Ну, а что касается г. Потѣхина, то и говорить нѣчего: я не думаю, чтобы онъ хоть въ чемъ-нибудь уступилъ г. Евг. Маркову относительно вѣрности, дѣйствительности и обилія деталей. Возьмите во вниманіе хоть бы то, напримѣръ, обстоятельство, что въ октябрскомъ нумерѣ «Вѣстника Европы», въ которомъ начался печататься новый романъ г. Потѣхина, напечатано, по крайней мѣрѣ, листовъ пять романа и эти пять листовъ представляютъ описаніе одного деревенскаго праздника. Деревенскій праздникъ, описанный на пяти печатныхъ листахъ: какой же вы хотите бо̀льшей еще обстоятельности? Вѣдь, ужь тутъ, значитъ, разобрано все по косточкамъ, ничего не упущено изъ вида до послѣдней подноготной. Ну, и, дѣйствительно, остается только дивиться обилію деталей. Начнетъ ли г. Потѣхинъ описывать деревенскую часовню, ничего не пропуститъ безъ замѣчанія: и какой въ часовнѣ полъ, и какія стѣны, и какой потолокъ, и какіе образа что изображаютъ, въ окладахъ или безъ окладовъ, и какіе паникадилы передъ каждымъ образомъ, и какъ молятся мужики, какъ молятся бабы, въ чемъ кто одѣтъ и пр., и пр. Описываетъ ли г. Потѣхинъ крестный ходъ, онъ посвятитъ васъ въ такія подробности, которыя, навѣрное, вы пропустили бы безъ вниманія, еслибы сами присутствовали на этомъ крестномъ ходѣ: кто, напримѣръ, держалъ какую хоругвь или образъ, кто кому когда передалъ это держаніе, какъ бабы, набожно подлѣзая подъ образа, не опускали при этомъ случая дать тукманку въ шею какому-нибудь шаловливому мальчугану и пр., и пр. Однимъ словомъ, остается диву даться, до чего простирается тонкость наблюдательности г. Потѣхина.

Что касается до тенденціозности, то, конечно, трудно бываетъ

иногда сказать, для чего пишутся новыя современныя произведенія и что̀ они собою выражають, хоть бы тѣ же произведенія г. Потѣхина. Такъ, напримѣръ, для чего онъ написалъ свою «Хворую»? Хотѣлъ въ ней представить, просто-на-просто, грустную картину грубости нравовъ необразованнаго мужичья, или же провести болѣе возвышенную и тонкую мысль, что бѣдность и нужда заглушають въ людяхъ всѣ родственныя и человѣческія чувства? Христосъ его вѣдаетъ. Точно также, кто разгадаетъ тайну: какую идею провела г-жи Смирнова въ своемъ послѣднемъ романѣ. Наиболѣе простодушные читатели положили, что писательница написала свой романъ не съ какою иною цѣлію, какъ лишь для иллюстраціи десятой заповѣди: «не пожелай жены брата твоего»; но одинъ болѣе хитроумный критикъ рѣшилъ, что въ романѣ проведена нѣкоторая ироническая и злоехидная мысль—та именно, что, какого бы героя ни корчилъ изъ себя мужчина и какую силу характера ни обнаруживалъ онъ повидимому, но настойчивая женщина всегда окажется побѣдительницею и онъ спасуетъ передъ нею въ рѣшительную минуту. Какъ бы тамъ ни было, но даже и относительно этихъ произведеній, сомнительныхъ въ тенденціозномъ отношеніи, у насъ есть отличный оправдывающій критерій, выработанный предъидущею критикою, и заключающійся въ томъ, что въ истинно-художественномъ произведеніи о̀бразы писателя говорятъ сами за себя, высказываютъ гораздо болѣе, чѣмъ онъ предполагалъ, иногда даже свидѣтельствують совершенно вопреки его мыслямъ. А разъ вы признали, что романъ г-жи Смирновой или г. Потѣхина вѣрно изображаютъ жизнь—чего же вамъ еще? Ну, и пусть о̀бразы, представленные ими, говорятъ сами за себя, а вы ихъ анализируйте и дѣлайте изъ нихъ свои выводы и заключенія.

Но, вѣдь, не все же въ теченіи нынѣшняго года являлись произведенія, относительно тенденціозности которыхъ остается поставить вопросительный знакъ. Развѣ не было произведеній несомнѣнно тенденціозныхъ и, притомъ, съ тенденціями немаловажными и вполнѣ современными. Вотъ, напримѣръ, хоть бы тѣ же опять «Черноземныя поля» г. Евг. Маркова. Чѣмъ же это—не тенденціозный романъ? Вѣдь, если взять во вниманіе, что самымъ современнымъ вопросомъ, въ разрѣшеніе котораго наиболѣе углублялась наша интеллигенція въ нынѣшнемъ году, былъ вопросъ объ отношеніи города къ деревнѣ и объ опредѣленіи деревенской нравственности, то романъ г. Маркова точно будто нарочно написанъ въ видахъ этого вопроса, и я убѣжденъ, что публицисты «Недѣли» должны читать этотъ романъ вслухъ и приходить въ умиленіе отъ каждой его страницы. Все содержаніе романа въ томъ именно и заключается, что противъ изнѣженныхъ, изломанныхъ, растлѣнныхъ городскихъ вертоглядовъ поставлены крѣпкіе духомъ и тѣломъ люди деревни и воспѣты во всѣхъ своихъ деревенскихъ добродѣтеляхъ. Какой

же вамъ нужно еще тенденціи, наиболѣе бьющей въ современную жилку? Здѣсь именно является то искуство, которое вамъ такъ желательно—искуство, ловящее сегодняшный моментъ и спѣшащее отвѣтить на вопросъ, только-что поднятый въ литературѣ.

Ну, а романъ г. Михайлова—чѣмъ же это не романъ тенденціознѣйшій изъ всего, что̀ появилось въ нынѣшнемъ году въ литературѣ нашей? Раскрыть намъ мрачную картину всей неурядицы, всего того возмущающаго душу циническаго безчеловѣчія, кроющагося подъ личиною гуманности, какія существуютъ въ отношеніяхъ жителей бельэтажей къ обитателямъ подваловъ, показать всю несостоятельность и эфемерность нашей грошовой филантропіи — Господи, да можно ли придумать для романа тэму наиболѣе животрепещущую? Развѣ это—не одинъ изъ такихъ вопросовъ времени, которымъ беллетристъ обязанъ посвящать всѣ свои силы?

Послѣ всего этого только и осталось бы, повидимому, что радоваться, что наша литература находится на самой вѣрной дорогѣ и процвѣтаетъ, ликовать, признавая, что, хотя и немного даетъ она въ теченіи года пищи для ума и сердца въ количественномъ отношеніи, зато въ качественномъ вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ современнымъ требованіямъ отъ искуства: тѣ немногія произведенія, какія являются на страницахъ журналовъ, отличаются и поразительною вѣрностью дѣйствительности, и представленіемъ обыденной жизни до мельчайшихъ деталей, обнаруживающихъ въ писателяхъ самую тщательную и микроскопическую наблюдательность, и обобщеніями, замѣчательными по ширинѣ своего захвата, а многія, сверхъ того, блестятъ и тенденціозностью перваго сорта, бьющею въ самую жилку различныхъ злобъ дня. И, при всемъ томъ, публика остается почему-то недовольною беллетристикою, жалуется на литературное безвременье, чего-то ищетъ, чего-то ждетъ, словно будто совсѣмъ чего-то другого, и сама не знаетъ чего. Что̀ же сей сонъ значитъ?

И публика, по моему мнѣнію, совершенно права. Здѣсь происходитъ явленіе весьма естественное и довольно часто встрѣчаемое въ жизни. Публика находится въ положеніи молодой женщины, которая вышла замужъ не по любви, а по навязанному ей родителями разсчету. Казалось бы, чѣмъ не жизнь: домъ ея, какъ полная чаша, мужъ—вовсе не какой-нибудь беззубый, разваливающійся старикъ или негодяй, а молодой, красивый, добрый, образованный. Она не можетъ ни въ чемъ пожаловаться на него; питаетъ къ нему полное уваженіе; старается даже вообразить, что любитъ его. А, между тѣмъ, на сердцѣ у нея какая-то зловѣщая пустота и что̀-то бродитъ въ ней тревожное, мучительное, назойливое, заставляющее ее задумываться, лить безпричинныя, повидимому, слёзы и смотрѣть на все унылыми глазами. Это бушуютъ въ ней неудовлетворен-

ные инстинкты страсти, жажда любви естественной, настоящей, а не навязанной и надуманной доводами холоднаго разсудка. Въ такомъ же положеніи находится и публика наша. Ей навязали рядъ эстетическихъ доктринъ, искуственныхъ, узкихъ, схоластическихъ и предлагаютъ ей художественныя произведенія, изготовленныя вполнѣ по рецептамъ этихъ доктринъ. Съ одной стороны, она не смѣетъ ни слова возразить противъ этихъ доктринъ, такъ какъ современные критики наперерывъ внушаютъ ей, что въ доктринахъ этихъ вся современная мудрость; съ другой стороны, разъ она соглашается съ этими доктринами, она не имѣетъ основанія возставать противъ произведеній искуства, написанныхъ вполнѣ въ ихъ духѣ. Но, тѣмъ не менѣе, въ ней не перестаютъ бродить художественные инстинкты, не имѣющіе ничего общаго съ навязанными ей доктринами, и требуютъ удовлетворенія такими произведеніями искуства, которыя вполнѣ согласовались бы съ этими инстинктами. Она и недовольна, она и ропщетъ, она и ждетъ чего-то такого особеннаго, въ чемъ и сама себѣ не можетъ отдать отчета. Все это пока крайне неясно. Но все это вполнѣ разъяснится для насъ, когда мы сдѣлаемъ нѣкоторое отступленіе, оставимъ на время въ сторонѣ публику съ ея недовольствомъ и современную нашу беллетристику со всѣми ея совершенствами и вникнемъ въ основанія художественныхъ творческихъ процессовъ, въ тѣ естественныя основанія, которыя лежатъ не въ какихъ-либо задуманныхъ эстетическихъ доктринахъ, а въ самой человѣческой природѣ, которыя, съ одной стороны, побуждаютъ великихъ и истинныхъ художниковъ къ созданію вполнѣ естественныхъ и сильныхъ произведеній искуства, съ другой же стороны руководятъ инстинктами массъ, какъ при созданіи этими массами собирательно-народныхъ произведеній, такъ и при томъ сочувствіи или несочувствіи, которыя возбуждаются въ массахъ къ произведеніямъ личнаго творчества. Разъ мы это сдѣлаемъ, и если увидимъ, что естественныя основанія художественнаго творчества не имѣютъ ничего общаго ни съ господствующими нынѣ эстетическими доктринами, ни съ беллетристикою, вѣрною этимъ доктринамъ, для насъ и станетъ вполнѣ ясна причина инстинктивнаго недовольства публики современною беллетристикою, ясно станетъ и то, что̀ требуется публикою, чего ей недостаетъ.

Подъ именемъ современныхъ эстетическихъ доктринъ мы имѣемъ дѣло, собственно говоря, съ весьма старыми доктринами, установленными еще Бѣлинскимъ и господствующими въ нашей литературѣ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ уже 30, причемъ до сихъ поръ никому и въ голову не приходитъ подвергнуть эти доктрины пересмотру, свести ихъ на очную ставку съ тѣми успѣхами знаній, какія въ эти 30 лѣтъ были пріобрѣтены во всѣхъ наукахъ, соприкасающихся съ эстетикой (въ физіологіи, психологіи, логикѣ). Конечно, это опущеніе происходитъ отчасти отъ

того, что доктрины эти имѣютъ претензію носить авторитетное для нашего времени клеймо реализма. Но вопросъ еще—такъли онѣ реальны, какъ кажутся? Не надо при этомъ забывать, что онѣ возникли въ то переходное время, когда реализмъ только-что возникалъ и различныя положенія его перепутывались съ метафизическими теоріями, отъ которыхъ не могло съ разу отстать мышленіе людей 40-хъ годовъ, въ томъ числѣ и Бѣлинскаго. И дѣйствительно, даже раньше постановленія этихъ доктринъ на очную ставку съ новыми успѣхами знаній, мы можемъ усмотрѣть, что въ нихъ что-то неладно, чего-то какъ-будто недостаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, замѣтили-ли вы, что всѣ эти доктрины говорятъ исключительно только о цѣляхъ творчества и совершенно умалчиваютъ о причинахъ? Поэтъ, говорятъ они, *долженъ* воспроизводить обыденную жизнь такъ, какъ она есть, во всѣхъ ея деталяхъ; поэтъ *долженъ* отзываться на различныя злобы дня. Но изъ какихъ-же основныхъ побужденій человѣческой природы возникаютъ эти должности?—доктрины объ этомъ умалчиваютъ. Такимъ образомъ художественное творчество оказывается лишеннымъ всякаго основанія, и весьма нетрудно прямымъ, логическимъ выводомъ изъ вышеупомянутыхъ доктринъ дойти до полнаго отрицанія творчества. Въ самомъ дѣлѣ, вы только подумайте: поэтъ долженъ изображать жизнь, какъ она есть. Чтò за абсурдъ такой? Для чего это рядомъ съ дѣйствительностью, полною жизни и красокъ, строить, ни съ того, ни съ сего, другую дѣйствительность, мертвую, книжную, которая навсегда останется блѣдною, жалкою копіею живой дѣйствительности, потому что не тѣ же ли самыя доктрины внушаютъ намъ, что искуство никогда не сравняется съ дѣйствительностью и обречено на вѣчныя муки Тантала въ своихъ стремленіяхъ изобразить дѣйствительность въ самомъ дѣлѣ такою, какая она есть? А если—такъ, то тѣмъ болѣе оказывается нелѣпымъ трудъ, излишній даже и въ случаѣ успѣха. И вотъ, чтобы хоть сколько-нибудь оправдать существованіе искуства, несостоятельнаго въ своей существенной цѣли, выступаетъ на сцену теорія искуства для жизни и начинаетъ предписывать искуству различныя утилитарныя цѣли: искуство, говоритъ она, должно воспроизводить обыденную жизнь во всѣхъ ея деталяхъ съ такими-то и такими-то научными, политическими, нравственными цѣлями, и проч. и проч. Но если вы разберете всѣ эти предписанія, то окажется, что въ жизни и безъ искуства есть не мало функцій, достигающихъ тѣхъ же цѣлей, но только гораздо прямѣйшимъ путемъ и болѣе сильными средствами, чѣмъ можетъ достигнуть ихъ искуство. Спрашивается: для чего же ко всѣмъ этимъ функціямъ присоединять еще одну лишнюю и самую слабѣйшую въ видѣ изображенія жизни во всѣхъ ея деталяхъ? Такъ, напримѣръ, предположимъ, что мнѣ нужно сдѣлать какой-нибудь интересный психологическій анализъ — спрашивается: для чего стану я придумывать цѣлые сюжеты, сцены,

любовныя объясненія и, сверхъ того, еще награмождать детали на детали, описывать ни къ селу ни къ городу столы, стулья, костюмы, природу, однимъ словомъ, захватывать бездну всякаго сору на пути, ни мало не относящагося къ моему анализу, когда я могу сдѣлать дѣло гораздо проще, написавъ небольшую брошюру, въ которой прямехонько изложу свой психическій анализъ, подтвердивъ его необходимыми фактами, и дѣлу конецъ— однимъ словомъ, какъ это дѣлаютъ ученые, которымъ и въ голову не можетъ прійти блажная мысль, трактуя объ условіяхъ эпидеміи самоубійствъ, начать вдругъ изображать самоубійство неизвѣстной дѣвушки въ гостинницѣ во всѣхъ подробностяхъ, не упуская изъ виду при этомъ и того замѣчательнаго обстоятельства, что у полового, который прислуживалъ самоубійцѣ, была уродливая шишка подъ носомъ? Или представьте себѣ, что я увлекся какимъ-нибудь животрепещущимъ современнымъ вопросомъ дня. И, опять-таки—къ чему мнѣ всѣ эти детали, мёбели, костюмы, природа, шишки подъ носами у половыхъ, когда я гораздо прямѣе могу достигнуть своей цѣли, пристроившись къ какой-нибудь газетѣ и начавши писать передовыя статьи—одну, другую, третью, пока, наконецъ, мнѣ не удастся увлечь публику своимъ вопросомъ и склонить ее къ разрѣшенію его? Возбудили ли во мнѣ сильное негодованіе какія-нибудь отрицательныя явленія жизни—ну, хоть, напримѣръ, наши современные герои въ видѣ концессіонеровъ, биржевыхъ игроковъ и тому подобныхъ аферистовъ, то, къ чему стану изливать свое негодованіе въ художественныхъ произведеніяхъ, зная, что въ нихъ явятся однѣ блѣдныя, безличныя копіи дѣйствительныхъ негодяевъ, совершенно для нихъ безобидныя, когда я могу гораздо прямѣе лично напасть на людей, возбудившихъ во мнѣ негодованіе хоть бы въ газетныхъ фельётонахъ, поименно обозначая ихъ и показывая на нихъ и на ихъ поступки пальцами всей публикѣ? А не то я могу добиваться прокурорской каѳедры и пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ для привлеченія этихъ людей къ судебной отвѣтственности. Ну, вотъ и подумайте опять: какое художественное произведеніе своими блѣдными копіями дѣйствительности произведетъ такое сильное впечатлѣніе на публику, какое способна произвести сама дѣйствительность, въ видѣ хотя бы струсбергскаго процесса, въ которомъ, безобразія современныхъ героевъ являютъ передъ публикою воочію и чувствительно бьютъ нетолько по нервамъ ея, но и по карманамъ? А, съ другой стороны, какая геніальная сатира, какой гоголевскій юморъ покараетъ ихъ въ такой степени, какъ способенъ покарать ихъ судъ не однимъ смѣхомъ и свистомъ надъ подобными имъ выдуманными художественными типами, но позоромъ публичнаго разбирательства ихъ собственныхъ поступковъ и сообразнаго ихъ винѣ наказанія по законамъ?

Я могъ бы привести массу и другихъ примѣровъ, показывающихъ полное банкротство искуства, если принимать его въ духѣ

господствующихъ эстетическихъ доктринъ, но я полагаю, что и этихъ примѣровъ достаточно. Но искуство, и безъ того несостоятельное въ тѣхъ цѣляхъ, которыя ему навязываютъ современныя доктрины, должно оказаться еще несостоятельнѣе, если мы обратимъ вниманіе, какъ обыкновенно добиваются этихъ цѣлей художники, наиболѣе вѣрные этимъ доктринамъ. Вѣдь, въ сущности, они самымъ наивно-грубымъ образомъ надуваютъ и себя, и публику, воображая, что произведенія ихъ, въ самомъ дѣлѣ, проникнуты современными идеями въ духѣ полезнаго искуства, ради этихъ идей только и написаны. Въ дѣйствительности же, проникновеніе это напоминаетъ то напускное благоговѣніе, которое принимали на себя древніе авгуры, когда совершали свои жертвы, и которое нисколько не мѣшало имъ, возводя очи горѣ, разсчитывать въ своемъ умѣ, какое получатъ они вознагражденіе за свою службу. Такъ точно и большинство нашихъ беллетристовъ только дѣлаетъ видъ, что отзывается на различныя злобы дня. Отзываніе же это является обыкновенно въ видѣ самаго общаго рутиннаго мѣста, столь общеизвѣстнаго, что, казалось бы, не стоило изъ-за этого труизма и огородъ городить, не стоило и капусту садить. Дѣло заключается обыкновенно въ какой-нибудь сентенціи, въ родѣ слѣдующихъ: грошовыя подачки съ высоты барскаго величія не приносятъ ни малѣйшей пользы нуждающимся, а только оскорбляютъ и деморализируютъ ихъ; люди, живущіе въ деревнѣ и занимающіеся сельскимъ хозяйствомъ, лучше знаютъ деревню и это хозяйство, чѣмъ городскіе обыватели; нужда разстроиваетъ семейные узы и, дѣлая домочадцевъ взаимными врагами, доводитъ ихъ до безчеловѣчныхъ преступленій и проч., и проч. Положивъ въ основаніе своего произведенія одинъ изъ подобныхъ трюизмовъ, беллетристъ воображаетъ, что заплатилъ дань вѣку, оправдалъ себя передъ теоріею полезнаго искуства. И затѣмъ, оставаясь, такимъ образомъ, съ очами, благоговѣйно возведенными горѣ, во всѣхъ своихъ помышленіяхъ онъ пребываетъ художникомъ вполнѣ въ духѣ чистаго искуства и начинаетъ съ спокойною совѣстью нагромождать детали на детали для того, чтобы показать: смотрите, молъ, какой я тонкій наблюдатель, какъ я всесторонно обрисовываю предметы во всѣхъ мелочахъ, не забывая ни одной черточки, какія умѣю я рисовать художественныя картины природы, что̀ вашъ Тургеневъ и проч., и проч.! Для того, чтобы показать всю нелѣпость и эфемерность подобной комедіи, равно какъ и тѣхъ доктринъ, которыя ведутъ къ ней, мы и займемся опредѣленіемъ искуства не въ цѣляхъ его, а въ тѣхъ основныхъ побужденіяхъ человѣческой природы, изъ которыхъ возникаетъ художественное творчество, и изъ этихъ основныхъ побужденій мы попытаемся вывести какъ условія, при которыхъ произведенія искуства производятъ на насъ сильнѣйшее впечатлѣніе и удовлетворяютъ нашимъ эстетическимъ потребностямъ, такъ и всѣ цѣли искуства, и все значеніе его въ жизни.

Доктрина, опредѣляющая цѣль искуства въ изображеніи жизни такъ, какъ она есть, опровергается прежде всего самыми элементарными философскими положеніями, давно, съ начала XVIII вѣка, принятыми равно всѣми философскими школами — метафизическими и реальными. Дѣло въ томъ, что: какъ же такъ изображать дѣйствительность, какъ она есть, когда мы не знаемъ дѣйствительности въ томъ видѣ, какъ она есть на самомъ дѣлѣ, когда мы имѣемъ дѣло не съ нею самою непосредственно, а съ тѣми впечатлѣніями, какія она производитъ на насъ, и представленіями, возникающими въ нашемъ мозгу вслѣдствіе впечатлѣній? Такимъ образомъ, вышеупомянутую формулу слѣдовало бы измѣнить такимъ образомъ, что: искуство должно воспроизводить дѣйствительность не въ томъ видѣ, какъ она есть сама по себѣ, а какъ она намъ представляется. Но, разъ мы сдѣлаемъ такое измѣненіе, мы сразу перемѣстимъ искуство съ прежней почвы тщетной погони за вѣрностью дѣйствительности на почву вѣрности нашимъ представленіямъ. Міръ же представленій нашихъ есть нѣчтò крайне относительное, условное, зависящее какъ отъ тѣхъ точекъ зрѣнія, какими мы смотримъ на различные предметы, такъ и отъ силы или слабости впечатлѣній. Представленія наши вовсе не составляютъ чего-либо постояннаго, незыблемаго, неизмѣннаго. Напротивъ того: они, словно призраки спиритизма, постоянно мѣняютъ свои очертанія, дѣлаясь то ярче, то туманнѣе, то увеличиваясь, то уменьшаясь въ своей интенсивности и экстенсивности. Измѣнчивость нашихъ представленій и зависимость ихъ отъ впечатлѣній я могу пояснить нѣсколькими наглядными примѣрами, причомъ я нарочно выбираю такіе примѣры, которые ближе подходятъ къ нашему дальнѣйшему разсмотрѣнію творческихъ процессовъ.

Такъ, напримѣръ, возьмемъ на первый разъ такія, повидимому, опредѣленныя представленія, какъ представленія солнечнаго блеска и дневнаго свѣта. Я не говорю уже о томъ, что представленія эти нимало не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Мы очень хорошо знаемъ на основаніи несомнѣнныхъ научныхъ данныхъ, что, само по себѣ, солнце не имѣетъ вовсе никакой ослѣпительной яркости, а только производитъ опредѣленное движеніе эфира. Понятіе же о яркости солнца и дневномъ свѣтѣ опредѣляетъ только отношеніе этихъ волнъ эфира къ нашимъ глазнымъ нервамъ, и, какъ таковое, оно крайне относительно. Будь наши нервы устроены нѣсколько иначе, будь они хоть немножко туповатѣе, и солнце представлялось бы намъ не болѣе яркимъ, чѣмъ луна, и день гораздо темнѣе. Да и при настоящемъ устройствѣ нашего глазного аппарата, понятія о яркости солнца и дневномъ свѣтѣ остаются условными: чѣмъ выше солнце надъ горизонтомъ, тѣмъ кажется оно болѣе яркимъ. Для человѣка, только что вышедшаго изъ темной комнаты, можетъ показаться ослѣпительно-яркимъ нашъ темный, ненастный декабрьскій день; а если было бы возможно жителя тропиковъ въ

одно мгновеніе переселить въ Архангельскъ, то великолѣпный солнечный іюльскій день показался бы ему пасмурнымъ и мрачнымъ.

Точно также: можемъ ли мы сказать, чтобы красавица была прекрасна сама по себѣ, когда намъ извѣстно, что красота ея есть нечто иное, какъ собственное наше впечатлѣніе, производимое на насъ женщиной, и, чѣмъ сильнѣе это впечатлѣніе, тѣмъ и женщина кажется намъ красивѣе? Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы она и на самомъ дѣлѣ была красивѣе: мы зачастую видимъ, что влюбленному человѣку предметъ любви представляется гораздо красивѣе, чѣмъ другимъ смертнымъ эта же самая женщина; это, конечно, потому, что прочіе смертные смотрятъ на эту женщину далеко не съ тѣмъ страстнымъ восторгомъ, какъ влюбленный. Но и влюбленному впослѣдствіи предметъ его страсти будетъ казаться гораздо менѣе красивымъ, чѣмъ при первыхъ встрѣчахъ, когда страсть его потеряетъ свой острый характеръ и впечатлѣніе отъ непрестанныхъ повтореній сдѣлается привычнымъ. А если влюбленный разочаруется въ женщинѣ, то она можетъ показаться ему и совсѣмъ некрасива. Эту дисградацію качествъ и признаковъ предметовъ, сообразно силѣ впечатлѣній и по мѣрѣ повторяемости послѣднихъ, мы замѣчаемъ въ жизни на каждомъ шагу. Этимъ, конечно, объясняется и тотъ общеизвѣстный фактъ, почему жители, постоянно населяющіе какую-нибудь красивую мѣстность, остаются совершенно равнодушны къ красотамъ окружающей ихъ природы, совсѣмъ какъ-будто и не замѣчаютъ ихъ, въ то время какъ пріѣзжіе выражаютъ самые шумные восторги. Но подъ вліяніемъ сильныхъ впечатлѣній мы получаемъ наклонность преувеличивать предметы не только въ интенсивномъ, но и въ экстенсивномъ отношеніи, т.-е. представлять ихъ не только красивѣе, безобразнѣе, смѣшнѣе и пр., чѣмъ они въ глазахъ прочихъ смертныхъ, смотрящихъ на нихъ хладнокровно, но и больше по своему объему или величинѣ. Извѣстныя поговорки, что у страха глаза велики и что пугливый человѣкъ способенъ муху увидѣть со слона, какъ нельзя болѣе философски опредѣляютъ наклонность преувеличивать предметы подъ вліяніемъ сильнаго впечатлѣнія страха.

Но не одинъ страхъ дѣйствуетъ такимъ образомъ. Такъ, когда вы въ первый разъ идете по какой-нибудь дорогѣ, она кажется вамъ несравненно длиннѣе, чѣмъ когда вы проходите тѣмъ же путемъ въ сотый разъ. Туже разницу относительно длины дороги чувствуете вы, смотря потому, идете ли по ней со свѣжими силами или усталые, одни или въ обществѣ. Когда вы въ первый разъ осматриваете квартиру, въ которой поселитесь, комнаты кажутся вамъ гораздо обширнѣе, чѣмъ онѣ будутъ казаться вамъ, когда обживетесь въ ней. Люди, привыкшіе жить въ большихъ залахъ, не замѣчаютъ громадности ихъ въ такой степени, какъ тѣ, которые впервые входятъ въ эти залы, при-

выкши толкаться въ маленькихъ комнаткахъ. Если человѣку въ первый разъ приходится пройти по карнизу пятиэтажнаго дома, то, навѣрное, высота карниза отъ мостовой представляется ему гораздо значительнѣе, чѣмъ привычному кровельщику, и, безъ сомнѣнія, смѣлость, которую обнаруживаютъ кровельщики при работахъ на высотахъ, во многомъ зависитъ отъ того обстоятельства, что высоты эти, вслѣдствіе привычки къ нимъ, вовсе не кажутся имъ такъ громадны, какъ прочимъ людямъ.

Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ мы можемъ вывести то заключеніе, что, чѣмъ сильнѣе впечатлѣнія, получаемыя нами отъ дѣйствительности, тѣмъ ярче, рѣзче, преувеличеннѣе, и въ интенсивномъ и въ экстенсивномъ отношеніи, соотвѣтственныя имъ представленія. Но впечатлѣнія не ограничиваются тѣмъ, что производятъ въ нашемъ мозгу представленія: они, кромѣ того, возбуждаютъ въ насъ различные рефлексы, начиная отъ низшихъ, безпорядочныхъ, чисто мускульныхъ рефлексовъ ребёнка и кончая тѣми стройными, организованными рефлексами, какіе проявляются у людей взрослыхъ и развитыхъ въ выразительныхъ мимическихъ движеніяхъ—въ пѣніи, въ словѣ. Здѣсь и лежитъ основаніе всѣхъ художественныхъ творческихъ процессовъ. Поэтическое творчество, по самому существу своему, есть нечто иное, какъ рефлектированье впечатлѣній. Въ этомъ и заключается, съ одной стороны, непосредственная непроизвольность его процессовъ, съ другой стороны—его естественная потребность, такая же роковая, какъ потребность ѣсть, пить, спать и проч. Что художественное творчество есть нечто иное, какъ рефлектированье впечатлѣній, въ этомъ убѣждаетъ насъ то обстоятельство, что въ степеняхъ своей возбуждаемости оно управляется совершенно тѣми же законами, какіе существуютъ для всѣхъ рефлексовъ, начиная съ самыхъ низшихъ, управляющихся спиннымъ мозгомъ. Такъ, извѣстенъ законъ всѣхъ рефлексовъ, что, чѣмъ сильнѣе впечатлѣніе, тѣмъ сильнѣйшій возбуждаетъ оно рефлексъ. Тоже самое видимъ мы и въ творчествѣ. Въ жизни очень часто замѣчаются случаи, что подъ вліяніемъ очень сильныхъ впечатлѣній, люди, никогда не бывшіе до того времени поэтами, получаютъ вдругъ способность говорить стихами и нараспѣвъ, рѣчь ихъ дѣлается исполненною страсти и, въ тоже время, цвѣтистою, изобразительною, ŏбразною. Вы, конечно, читали среди газетныхъ извѣстій объ одной болгаркѣ, которая, подъ сильнымъ впечатлѣніемъ разворенія турками деревни и убійства всѣхъ ея близкихъ, не иначе могла передавать свои впечатлѣнія обо всѣхъ ужасахъ, какіе она пережила, какъ пѣснею. А если мы, простые смертные, съ нашими тупыми и желѣзными нервами способны дѣлаться поэтами подъ вліяніемъ сильныхъ впечатлѣній, то какъ же должны дѣйствовать эти сильныя впечатлѣнія на поэтовъ, людей крайне нервныхъ и впечатлительныхъ? Немудрено, что они получаютъ весьма сильныя впечатлѣнія отъ такихъ предметовъ, мимо которыхъ мы проходимъ

равнодушно, иногда и не замѣчая ихъ. Но и поэты, при всей ихъ впечатлительности, подвержены вліянію тѣхъ же законовъ рефлексовъ. И у нихъ поэтическое творчество возбуждается тѣмъ съ бо́льшею силою и напряженіемъ, чѣмъ сильнѣе возбуждающія его впечатлѣнія. И у нихъ, подобно тому, какъ и у насъ, чѣмъ чаще повторяется однородное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе и болѣе слабѣетъ вліяніе его, тѣмъ бѣднѣе становится рефлексъ, пока, наконецъ, не оказывается достаточнымъ для отраженія впечатлѣнія какого-нибудь простого символа, стоящаго въ случайной ассоціаціонной связи съ даннымъ впечатлѣніемъ. Такими символами являются между прочимъ слова́ языка, поэтическій смыслъ которыхъ давно забылся и стерся и которыя имѣютъ для насъ одно символическое значеніе наименованій понятій. Здѣсь—конецъ поэзіи и начало прозы въ видѣ совокупленія символовъ-словъ въ отвлеченныя формулы, сообразно связи и отношеній понятій между собою. И дѣйствительно, мы видимъ, что самые могучіе таланты, если не получаютъ новыхъ и сильныхъ впечатлѣній, а продолжаютъ вращаться въ кругу старыхъ и привычныхъ, исписываются, дѣлаются вялыми, скучными, повторяющимися и, вмѣстѣ съ тѣмъ, у нихъ все болѣе и болѣе развивается наклонность къ отвлеченнымъ разсужденіямъ о тѣхъ самыхъ предметахъ, которые прежде они изображали въ самыхъ яркихъ, поэтическихъ краскахъ.

И такъ, поэтическое творчество, какъ рефлектированье впечатлѣній, возбуждается тѣмъ напряженнѣе, чѣмъ сильнѣе послѣднія. Но мы видѣли выше, что, чѣмъ сильнѣе впечатлѣніе, тѣмъ ярче и преувеличеннѣе получается представленіе нетолько въ интенсивномъ, но и въ экстенсивномъ отношеніи. Сопоставивъ эти два положенія, мы получимъ формулу для творчества, совершенно противуположную формулѣ господствующихъ эстетическихъ доктринъ. Вмѣсто недостижимаго стремленія изображать дѣйствительность, такъ, какъ она есть, мы видимъ, что творчество, въ наибольшемъ напряженіи своихъ силъ, отражаетъ о́бразы дѣйствительности въ преувеличенномъ видѣ сравнительно съ представленіями простыхъ смертныхъ.

Для бо́льшаго разъясненія подобной формулы творчества, я считаю нелишнимъ разрѣшить и распутать тѣ недоумѣнія, которыя, навѣрно, копошатся уже въ головѣ вашей, привыкшей къ принципамъ господствующей эстетики и соблазняющейся нѣкоторыми доводами этой эстетики, основанными на такой же ложной очевидности, какова очевидность обращенія солнца вокругъ земли.—Вотъ, скажете вы, кстати о солнцѣ: у насъ недавно была рѣчь объ относительности представленія яркости его. По вышеизложенной формулѣ творчества, выходитъ, что художнику, какъ человѣку впечатлительнѣйшему, чѣмъ обыкновенные люди, солнце должно казаться гораздо блестящѣе, чѣмъ намъ. Надо, поэтому, ожидать, что художники должны на своихъ ландшаф-

тахъ рисовать солнце гораздо интенсивнѣе въ своемъ блескѣ, чѣмъ оно кажется на небѣ простымъ смертнымъ. Но развѣ мы видимъ это въ живописи? Напротивъ того, мы видимъ, что ни одинъ художникъ въ мірѣ не нарисовалъ намъ солнца въ его истинномъ блескѣ, и мы можемъ смотрѣть на солнце ландшафтовъ сколько угодно, простыми глазами, не боясь ослѣпнуть. Да что говорить о солнцѣ? Пусть хоть одинъ художникъ во всемъ мірѣ, какъ бы онъ ни былъ великъ, нарисуетъ намъ воздухъ, такой же безконечно-прозрачный, какой онъ бываетъ въ природѣ, деревья, столь же полныя ропота и движенія, тѣло человѣка въ такой же степени нѣжно-прозрачное и трепещущее жизнію и пр., и пр. Развѣ не стремится ко всему этому искуство вотъ уже нѣсколько тысячелѣтій, и стремится совершенно тщетно, представляясь и до сихъ поръ одною блѣдною, мертвою копіею живой дѣйствительности?

Да, и стремилось, и стремится; но это стремленіе всегда было и будетъ одною пустою прихотью искуства и совсѣмъ не въ этомъ его смыслъ и основное значеніе. Ставя для искуства исключительно подобную цѣль, вы не можете представить, какъ вы унижаете его и сводите съ его истинной дороги. Начнемъ, прежде всего, съ солнца, съ его ослѣпительнымъ блескомъ. Солнце, правда, ослѣпляетъ насъ. Но что ослѣпляетъ оно въ насъ? Нашъ умъ, наши психическія чувства? Нѣтъ, одни глаза. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ силою не впечатлѣнія, а ощущенія. Правда, что ощущенія, въ свою очередь, возбуждаютъ въ насъ рефлексы тѣмъ сильнѣйшіе, чѣмъ они сами сильнѣе; но это—рефлексы низшіе, элементарные, лежащіе въ спинномъ мозгѣ и общіе у насъ со всѣми животными. Такъ, единственные рефлексы, какіе способно возбудить въ насъ солнце своимъ блескомъ, это—непроизвольное стремленіе мигать глазами, закрыться рукою, отвернуть голову. А вы хотите навязать подобнаго рода элементарные рефлексы искуству, приглашая его воспроизвести солнце въ его настоящемъ блескѣ? Зачѣмъ же это? Чтобы въ васъ, въ свою очередь, возбудить тѣ же элементарные рефлексы при взглядѣ на картину, заставить замигать глазами и отвернуться отъ нея? Стоитъ игра свѣчъ—нечего сказать! Да если вамъ этого такъ хочется, то ступайте не къ художнику, а къ физику; онъ доставитъ вамъ подобное наслажденіе своимъ друмондовымъ свѣтомъ. Художественное же творчество заключается въ психическихъ рефлексахъ, лежащихъ въ головномъ мозгѣ; оно рефлектируетъ не элементарныя ощущенія, а тѣ сложныя душевныя настроенія, которыя возбуждаются цѣлымъ ансамблемъ впечатлѣній. Дѣло живописи заключается совсѣмъ не въ томъ, чтобы нарисовать воздухъ, столь же глубоко-прозрачный, какой онъ въ природѣ, деревья, столь же трепещущія и шепчущіяся или тѣла съ такими же переливающимися кровью жилками, а отразить то настроеніе художника,

какое произвели на него эти предметы. Талантливый художникъ нарисуетъ пейзажъ карандашемъ, т. е. сдѣлаетъ всѣ предметы безразлично черными и приведетъ васъ въ бо́льшее восхищеніе, чѣмъ иной маляръ, написавшій тотъ же пейзажъ красками, т. е. сдѣлавшій его болѣе подходящимъ къ дѣйствительности. А если мы посмотримъ на искуство съ точки зрѣнія отраженія душевныхъ настроеній, возбуждаемыхъ цѣлымъ ансамблемъ представленій, то мы тотчасъ и поймемъ, въ чемъ заключаются тѣ преувеличенія, къ которымъ ведетъ творчество въ своемъ сильномъ развитіи. Развѣ не случалось вамъ смотрѣть на пейзажи, изображающіе знакомыя вамъ мѣстности, и не приходилось приходить при этомъ въ изумленіе, что: неужели-молъ это—тѣ самые виды, которые вамъ такъ знакомы? Казалось бы, на картинѣ далеко все не такъ живо, какъ въ дѣйствительности: и воздухъ не такъ прозраченъ, и деревья не такъ зелены, и вода—не вода, а просто нѣсколько черточекъ карандашемъ, а, между тѣмъ, въ цѣломъ мѣстность кажется вамъ на картинѣ гораздо красивѣе, чѣмъ въ природѣ. Вы тоже любовались не разъ ею, но не замѣчали такихъ красотъ ея, какія подмѣтилъ художникъ. Вы будете опять любоваться ею, всматриваться—и, все-таки, не найдете въ ней этихъ красотъ. Старинные эстетики объясняли этотъ фокусъ тѣмъ, что художникъ вложилъ въ картину свою идею, которая будто бы и освѣтила пейзажъ своимъ особеннымъ свѣтомъ, или что своимъ художественнымъ чутьемъ онъ проникъ въ тайну красотъ природы и прозрѣлъ то, что̀ недоступно очамъ простыхъ смертныхъ. Ничуть не бывало: никакихъ тутъ нѣтъ освѣщающихъ идей, тайнъ и прозрѣній; а весь фокусъ заключается въ томъ, что художникъ, какъ человѣкъ съ болѣе впечатлительною натурою, чѣмъ вы, воспринялъ отъ прекрасной мѣстности болѣе сильное впечатлѣніе, и, подъ вліяніемъ его, мѣстность показалась ему настолько же красивѣе, насколько впечатлѣніе его сильнѣе вашего. Но этого еще мало: если, при этомъ, художникъ не зараженъ тормозящими творческіе порывы принципами рабской вѣрности дѣйствительности, если онъ всецѣло отдается своему творческому процессу въ его естественномъ теченіи, то надо ожидать, что творчество, стремящееся само по себѣ не къ вѣрному изображенію дѣйствительности, а къ наиболѣе сильнѣйшему отраженію психическаго настроенія художника, должно еще болѣе преувеличить тѣ элементы красивой мѣстности, которые наиболѣе поражаютъ художника, или, по крайней мѣрѣ, выставить ихъ на первый планъ, подчеркнуть такъ, ка̀къ не заботится природа подчеркивать свои красоты, и подчеркнуть для того именно, чтобы какъ можно сильнѣе выразить настроеніе художника. Дѣйствительность или, собственно говоря, не сама дѣйствительность, а ваши представленія о ней, при такихъ условіяхъ окажутся еще болѣе преувеличенными, измѣненными. Въ этомъ и заключается тайна художественнаго творчества и весь секретъ, почему въ наиболѣе та-

лантливыхъ пейзажахъ вы совсѣмъ не узнаёте знакомой вамъ мѣстности и приходите въ восторгъ отъ такихъ красотъ природы, мимо которыхъ не одинъ десятокъ разъ проходили совершенно равнодушно.

Тоже можемъ мы сказать и о портретной живописи. Мы часто видимъ, что художники дѣлаютъ на портретахъ ослѣпительными красавицами женщинъ, въ дѣйствительности, хотя и не дурныхъ, но далеко не столь красивыхъ; и не всегда происходитъ это вслѣдствіе шарлатанства, желанія польстить, угодить и проч. Очень часто это является невольно, вслѣдствіе того, что художнику очень нравится женщина и онъ къ ней несовсѣмъ равнодушенъ. Точно также говорятъ обыкновенно, что истинный художникъ, когда пишетъ портретъ, не ограничивается вѣрною копіею съ оригинала, а стремится выразить въ портретѣ психическій характеръ человѣка, уловить существенныя черты его типа. Что̀ же это значитъ такое? Да нечто̀ иное, какъ то, что художникъ, подмѣтя въ лицѣ оригинала одну или двѣ наиболѣе рѣзкія и характеристическія черты характра его, преувеличитъ ихъ нѣсколько подъ силою впечатлѣнія и тѣмъ выставитъ ихъ на первый планъ и подчеркнетъ такъ, какъ онѣ не бываютъ обыкновенно подчеркнуты въ дѣйствительномъ лицѣ, которое, къ тому же, безпрестанно мѣняетъ свои выраженія подъ наплывомъ различныхъ впечатлѣній.

Если же живопись, искуство, наиболѣе, такъ сказать, прикрѣпленное къ дѣйствительности, не обходится безъ преувеличеній, то что̀ же сказать о тоническихъ искуствахъ, каковы музыка и поэзія.

Что музыка не ограничивается однимъ вѣрнымъ воспроизведеніемъ различныхъ психическихъ настроеній, а передаетъ ихъ въ усиленномъ видѣ — въ этомъ можетъ убѣдить насъ ежедневный опытъ дѣйствія на насъ музыки. Если вамъ грустно и у васъ является потребность въ соотвѣтственной музыкѣ, то послѣдняя непремѣнно усилитъ вашу грусть, доведетъ ее до высшаго напряженія. Прежде вы ограничивались только сосредоточенною тоскою, а, подъ вліяніемъ музыки, начинаете вдругъ плакать; слёзы невольно льются сами собою и рыданія захватываютъ горло. Если вамъ весело, но весело такъ-себѣ, только немножко, то веселая музыка можетъ возвысить ваше веселье до шумнаго восторга, до пляса. Каждый знаетъ, конечно, какая неизмѣримая разница между пѣснею прочитанною и спѣтою и въ какой сильной степени музыка усиливаетъ впечатлѣніе словъ романса.

Что̀ же касается поэзіи, этого всесильнаго искуства, нестѣсненнаго никакою матеріализаціей о̀бразовъ своихъ и дѣйствующаго непосредственно на воображеніе наше, то о ней и говорить нечего: здѣсь принципъ преувеличенія представленій дѣйствительности подъ вліяніемъ сильныхъ впечатлѣній играетъ главную и преобладающую роль. Если вы припомните всѣ та-

кія произведенія искуства, которыя произвели на васъ самое сильное впечатлѣніе и наиболѣе врѣзались въ память вашу— произведенія, отмѣченныя самыми сильными проявленіями поэтическаго творчества, то, внимательнѣе всмотрѣвшись въ образы ихъ, вы увидите, что они изображаютъ дѣйствительность вовсе не въ томъ видѣ, какъ она представляется вамъ, а непремѣнно въ преувеличенномъ, усиленномъ, сообразно характеру творчества. Предметами такого творчества постоянно являлось или что-либо поразившее поэта своею необыкновенностью, монструозностью, новизною—однимъ словомъ, что-либо выдающееся изъ нормы обыденной жизни, или же, если поэтъ изображалъ и обыкновенное, повидимому, то и это обыкновенное онъ возводилъ на степень необыкновеннаго, преувеличивая и усиливая тѣ черты, которыя наиболѣе поразили его.

Я не намѣренъ, для доказательства этого, останавливаться долго на народной поэзіи, въ которой, вслѣдствіе ея полной естественности и инстинктивной непосредственности, вышеозначенный принципъ творчества господствуетъ всецѣло. Такъ мы видимъ, что народное творчество преимущественно останавливается на явленіяхъ жизни, наиболѣе поразившихъ народъ и оставшихся у него въ памяти, воспѣваетъ личности, наиболѣе выдавшіяся на сѣромъ фонѣ заурядной жизни, въ какомъ-либо отношеніи, хорошемъ или дурномъ. Въ лирическихъ пѣсняхъ своихъ народъ останавливается на наиболѣе драматическихъ и патетическихъ положеніяхъ частной и семейной жизни. Въ сказкахъ, легендахъ, новеллахъ дѣйствуютъ личности, поражающія тѣми или другими необыкновенными качествами, возвышающими ихъ надъ толпою, въ какомъ бы видѣ ни проявлялись эти качества—въ видѣ ли удальства, хитрости, разврата, жестокости и проч. Преувеличенія представленій дѣйствительности въ народномъ эпосѣ вошли въ пословицу своею варварски-грубою и наивно-младенческою необузданностью. Народу мало было своего богатыря изобразить ломающимъ подковы и скручивающимъ въ вензеля желѣзные прутья: онъ заставлялъ его вывертывать дубы и раздирать львиныя челюсти. Чтобы показать, что богатыря вино не опьяняетъ, онъ заставлялъ его выпивать чару въ полтора ведра и проч.

Я не намѣренъ останавливаться и на всѣхъ прежнихъ школахъ поэзіи, древнихъ, средневѣковыхъ, ложно-классическихъ, ново-романтическихъ и проч., въ которыхъ дѣйствительность зачастую выставлялась нетолько въ томъ естественномъ преувеличеніи, которое обусловливается силою художественнаго впечатлѣнія, но въ искуственномъ, предвзятомъ и фантастически-необузданномъ: если выводилась красавица, такъ ужъ такая неописанная, что искры сыпались изъ глазъ, смотря на нее, а если изображался злодѣй, то ужъ такой злодѣй, что волоса могли встать дыбомъ при одной мысли о возможности встрѣчи съ подобнымъ бариномъ въ жизни...

*

Нѣтъ, мы лучше обратимъ вниманіе на новѣйшую, реальную поэзію и увидимъ, что и въ ней пресловутая вѣрность обыденной дѣйствительности принадлежитъ обыкновенно произведеніямъ второстепеннымъ, неотмѣченнымъ сильнымъ творчествомъ, не производящимъ ни малѣйшаго впечатлѣнія и не остающимся долго въ памяти. И, напротивъ того, всѣ произведенія реальной школы, со временъ Пушкина и Гоголя и до настоящаго времени, которыя считаются наиболѣе талантливыми и произвели самое сильное впечатлѣніе, отличаются только относительною вѣрностью дѣйствительности. На самомъ же дѣлѣ, мы видимъ въ нихъ постоянное измѣненіе дѣйствительности въ смыслѣ усиленія и преувеличенія тѣхъ чертъ ея, какія поразили писателей. Такъ, напримѣръ, вамъ извѣстно, что наша реальная школа успѣла создать цѣлый рядъ типовъ, которые обратились въ нарицательныя имена и до сихъ поръ еще подвергаются всевозможнымъ анализамъ критики: таковы Онѣгинъ, Печоринъ, Рудинъ, Обломовъ, Фамусовъ, Молчалинъ, Чичиковъ, Ноздревъ и проч. Но что̀ такое выражаютъ собою эти типы и каково отношеніе ихъ къ дѣйствительнымъ людямъ? Съ точки зрѣнія господствующей эстетики, типъ есть обобщеніе частныхъ и конкретныхъ характеровъ, встрѣчающихся въ жизни. Дѣйствительно, въ литературѣ нашей много есть типовъ въ этомъ смыслѣ слова, представляющихъ самыя широкія обобщенія. Но замѣтьте, что далеко не подобнаго рода широкія обобщенія цѣнятся въ литературѣ, не они доставляютъ славу авторамъ, не они подвергаются анализамъ критики. Напротивъ того: чѣмъ общѣе подобнаго рода типы, тѣмъ они блѣднѣе, неопредѣленнѣе и менѣе обращаютъ на себя вниманія. И это очень понятно: дѣло въ томъ, что такіе типы суть продукты нашего мышленія, и поэтическое творчество въ истинномъ смыслѣ тутъ не причемъ. Наши далеко непоэтическія головы наполнены ими. Намъ ничего не сто̀итъ тотчасъ же вообразить себѣ типы помѣщика, чиновника, будочника, мужика, напоминающіе намъ большинство людей этого рода; можемъ представить себѣ еще болѣе общіе типы нѣмца, француза, англичанина, наконецъ, и такой громаднѣйшій по своей общности типъ, какъ типъ человѣка въ отличіе его отъ обезьяны. Мы видимъ, что писатели, бѣдные даромъ творчества, на подобныхъ типахъ только и выѣзжаютъ. Возьмите, напримѣръ, нашихъ драматурговъ средней руки, гг. Потѣхиныхъ, Александрова, Дьяченко и проч. Если выведетъ вамъ Дьяченко помѣщика, то помѣщикъ этотъ, дѣйствительно, будетъ напоминать собою большинство помѣщиковъ, встрѣчаемыхъ вами; адвоката—такъ онъ будетъ похожъ на всѣхъ адвокатовъ; купца—и опять-таки передъ вами будетъ, какъ есть, настоящій русскій купецъ, словно прямо явившійся на сцену изъ сосѣдней мелочной лавочки. Вѣдь, если строго держаться принциповъ господствующей эстетики, то намъ слѣдовало бы этихъ писателей поставить во главѣ русской литературы, куда

выше Гоголя. Потому что попробуйте въ жизни такъ часто, на каждомъ шагу, встрѣтить любого изъ гоголевскихъ героевъ, Хлестакова или Ноздрева, какъ вы можете встрѣтить героевъ какихъ-нибудь «Ошибокъ молодости», «Къ мировому» и «Свѣтскихъ ширмъ». Но, однакоже, мы почему-то очень низко цѣнимъ подобныя широкія обобщенія. Они не дѣлаются кличками, не западаютъ въ нашу голову, и мы тотчасъ же и забываемъ ихъ, какъ вышли изъ театра. Чтò же представляютъ собою тѣ вышеозначенные типы, которые сдѣлались нарицательными именами? А вотъ чтò:

Случалось вамъ въ жизни встрѣчать людей, поражающихъ васъ какими-нибудь рѣзкими особенностями? Это былъ тотъ же чиновникъ, купецъ, помѣщикъ, мужикъ, но непохожій на массу людей одного съ нимъ рода, а, напротивъ того, выдѣляющійся изъ нихъ тѣмъ, что одна какая-нибудь черта типа оказывалась развитою въ немъ до монструозности, до выдѣленія изъ предѣловъ заурядности, до степени бросающейся въ глаза поразительности. При встрѣчахъ съ подобными монстрами, вы невольно восклицали: *вотъ такъ типъ*, и жалѣли, зачѣмъ вы — не Гоголь и не можете изобразить подобное рѣдкое явленіе. Такъ напримѣръ вамъ, конечно, не разъ приходило въ голову, что знаменитая игуменья, мать Митрофанія, могла бы служить богатымъ типомъ для поэтическаго произведенія. Почему же такъ? Конечно, не потому, чтобы она по чертамъ своего характера походила на массу заурядныхъ русскихъ игуменій и представляла собою ихъ обобщеніе, а, напротивъ того — потому что она вышла изъ ихъ ряда, потому что одно изъ ихъ качествъ, именно, любостяжаніе, подъ лицемѣрнымъ прикрытіемъ благочестія, оказалось развитымъ въ ней до такой монструозности и виртуозности, какихъ мы не замѣчаемъ въ массѣ заурядныхъ личностей этого рода.

Тѣ перечисленные нами типы, которые обратились въ нарицательныя имена, тѣмъ именно и отличаются, что представляютъ собою вовсе не обобщенія заурядчаго, а, напротивъ того, выдѣленія и преувеличенія наиболѣе характеристическихъ особенностей жизни. Писатели творили ихъ отнюдь не путемъ какихъ-либо схоластическихъ обобщеній, или брали цѣликомъ изъ жизни, поражаясь ими, какъ замѣчательными ея явленіями, или создавали ихъ, пораженные одною, двумя чертами жизни и раздувая эти черты въ цѣлые характеры, типы. Мы имѣемъ многочисленные факты подобнаго рода созданія типовъ. Такъ, напримѣръ, не безъ основанія указываютъ на живыя лица, называя ихъ по именамъ и фамиліямъ, съ которыми былъ знакомъ въ Москвѣ Грибоѣдовъ и на которыя потомъ, какъ двѣ капли воды, оказались похожи лучшіе типы его комедіи: Фамусовъ, Молчалинъ, Софья, Скалозубъ. Точно также указываютъ на личность, съ которой г. Тургеневъ списалъ своего Рудина, указываютъ на личности, внушившія г. Гончарову Обломова и

[illegible]

[illegible] общее [illegible] причины и [illegible] Но и-то былъ бы тутъ [illegible] сдѣлалъ какое-то обобщеніе, [illegible] что и [illegible] особенный процессъ, [illegible] сходство портрета со всѣми безно- [illegible] у насъ о томъ вѣдь и идетъ, что [illegible] слѣдуетъ ли понимать его согласно [illegible] творчество: [illegible] процессѣ обобщеній, т. е. [illegible] рядъ предметовъ, [illegible] какъ увидитъ рядъ предметовъ, [illegible] сейчасъ же приходитъ въ поэтическій [illegible] или совершенно наоборотъ— [illegible] предметовъ, похожихъ другъ на [illegible] они для него, вслѣдствіе [illegible] и привычнѣе [illegible]

этого, тѣмъ менѣе возбуждается въ немъ поэтическое творчество, требующее, сообразно законамъ рефлексовъ, для наибольшаго возбужденія наиболѣе сильныхъ впечатлѣній? И если всѣ данныя свидѣтельствуютъ въ пользу послѣдняго положенія, то принципъ господствующей эстетики, полагающій творчество въ обобщеніи заурядняго, совершенно рушится. Въ одномъ случаѣ, творчество можетъ возбудиться до крайней напряженности и создать геніальнѣйшее произведеніе, увлекшись предметомъ, завѣдомо существующимъ въ одномъ экземплярѣ и не имѣющимъ во всемъ мірѣ подобія себя, какова, напримѣръ, личность Петра I; въ другомъ—поэтъ можетъ вдохновиться явленіемъ, существующимъ въ большомъ числѣ экземпляровъ; но, во всякомъ случаѣ, вдохновеніе это будетъ происходить не отъ того, что предметъ встрѣчается часто, а отъ того, что онъ поразилъ чѣмъ-нибудь поэта. Такъ точно и въ данномъ случаѣ: г. Гончаровъ увлекся типомъ Обломова не потому, что Обломовыхъ много, а потому что его поразили нѣкоторыя черты характера знакомаго господина. Когда г. Гончаровъ писалъ романъ, онъ только и имѣлъ въ виду представить какъ можно рельефнѣе и рѣзче эти черты. А затѣмъ уже найти сходство Обломова съ массою людей, подобныхъ ему, которыхъ писатель никогда не видалъ, не имѣлъ понятія о ихъ существованіи, это—уже дѣло читателей и критиковъ: писатель здѣсь въ сторонѣ.

Я бы могъ привести бездну примѣровъ, показывающихъ, что писатели, подъ вліяніемъ сильныхъ впечатлѣній жизни, изображаютъ дѣйствительность далеко не всецѣло и всесторонне, со всѣми ея деталями, а постоянно берутъ одну ея сторону, смотря по характеру своего творчества, и усиливаютъ, преувеличиваютъ ее. Но объемъ статьи и желаніе представить свою эстетическую теорію со всѣхъ ея сторонъ принуждаютъ меня ограничиться однимъ, двумя примѣрами. Такъ, изъ современныхъ намъ писателей возьмемъ г. Щедрина, произведенія котораго производятъ очень сильное впечатлѣніе на публику и пользуются поэтому большою любовью. Между тѣмъ, вамъ вѣроятно приходилось нерѣдко и слышать, и читать такого рода отзывы о г. Щедринѣ, что онъ преувеличиваетъ смѣшныя стороны жизни, раздуваетъ ихъ до карикатурности и шаржа, что въ дѣйствительности многіе изъ тѣхъ предметовъ, которые онъ осмѣиваетъ, вовсе не такъ смѣшны, какъ они являются въ его сатирахъ. Такъ, напримѣръ, возьмите хоть статистическій съѣздъ, бывшій года два назадъ, и осмѣянный имъ въ «Дневникѣ провинціала». Неужели же на этомъ съѣздѣ все были такіе уроды, какіе изображены г. Щедринымъ, и неужели они только и дѣлали, что все шлялись по трактирамъ и заказывали разнообразные меню обѣдовъ? Я помню, что какой-то рецензентъ ввалился даже въ амбицію по поводу сатиры г. Щедрина и сослался на книгу г. Гацисскаго, какъ на доказательство, что статистики—вовсе не такіе отпѣтые люди, какими изобразилъ ихъ г. Щед-

ринъ. Ну, и что жъ такое? Я убѣжденъ, что, еслибы мы съ тобой, читатель, засѣдали на томъ же самомъ съѣздѣ, мы не нашли бы и десятой доли ничего такого смѣшнаго, что представилъ г. Щедринъ. Напротивъ того, мы пришли бы въ нѣкоторое восторженное состояніе, увидя себя въ кругу такихъ милыхъ, такихъ интеллигентныхъ людей, столповъ науки и всевозможныхъ благихъ начинаній. Мы аплодировали бы ихъ рѣчамъ, предлагали бы тосты въ ихъ честь на обѣдахъ и упивались бы зрѣлищемъ европейскаго прогресса на почвѣ почтенной и серьёзной науки. А г. Щедринъ, какъ художникъ сатирикъ, обратилъ вниманіе исключительно на одну смѣшную и пошлую сторону съѣзда, ее только одну и изобразилъ, и притомъ конечно въ преувеличенномъ видѣ. Но этимъ преувеличеніемъ онъ достигъ того, что рѣзче выставилъ эту пошлую сторону и заставилъ насъ глубже почувствовать ее. Обвиненія, которыя сыплятся на г. Щедрина за его раздуваніе смѣшныхъ сторонъ русской жизни, испытывали всѣ художники-сатирики отъ своихъ современниковъ. Гоголь, въ продолженіи всей своей жизни, терпѣлъ подобныя же обвиненія, что онъ искажаетъ жизнь, представляя ее односторонне въ исключительно однѣхъ грязныхъ, тривіальныхъ красках, что онъ клевещетъ на Россію, потому что плохой патріотъ и т. п. Что-жъ, и дѣйствительно: возьмите хоть «Ревизора» для примѣра. Ну гдѣ же, хотя бы и въ эпоху Гоголя, нашли бы вы губернскій городъ, представляющій подборъ такихъ уродовъ, какіе изображены въ этой комедіи? Вѣдь, еслибы, въ самомъ дѣлѣ, въ Россія только и существовали, что одни Сквозники-Дмухановскіе, Земляники, Добчинскіе, Бобчинскіе, и притомъ въ такомъ безобразнѣйшемъ видѣ, въ какомъ они рисуются передъ вами въ комедіи—то кàкъ же могло просуществовать подобное государство до эпохи Гоголя и давно уже не развалиться? Но въ томъ-то и дѣло, что, еслибы мы съ вами попали въ среду этихъ людей, они намъ далеко не показались бы такими возмутительнѣйшими уродами, какими ихъ представилъ впечатлительный художникъ. Рядомъ съ различными недостатками и смѣшными сторонами этой среды, мы нашли бы, конечно, въ ней и хорошія качества, въ родѣ добродушія и гостепріимства однихъ, остроумія другихъ, семейныхъ добродѣтелей третьихъ и т. д.; мы до нѣкоторой степени, можетъ быть, и помирились бы съ этою средою, нашли бы, что жить въ ней можно, смотря сквозь пальцы на кое-какіе ея грѣшки...

Изъ всего вышеизложеннаго мы можемъ теперь вывести опредѣленіе значенія и цѣли искуства въ совершенно иномъ родѣ, чѣмъ это обыкновенно дѣлается сообразно принципамъ господствующей эстетики. Съ одной стороны, искуство, съ нашей точки зрѣнія, получаетъ право существованія помимо уже его высшихъ, утилитарныхъ цѣлей. Здѣсь мы имѣемъ дѣло не эфемернымъ созданіемъ мертвой, книжной дѣйствительности, рядомъ съ живой, а съ отраженіемъ впечатлѣній, съ рефлексами,

т. е. съ однимъ изъ естественныхъ и необходимыхъ отправленій человѣческой природы. Говорить о ненужности искуства столь же поэтому нелѣпо, какъ и говорить о ненужности всѣхъ прочихъ отправленій нашего организма. Мы имѣемъ возможность подавлять рефлексы, затаивая въ себѣ впечатлѣнія, но это будетъ уже искаженіе нормальнаго и правильнаго хода жизненныхъ процессовъ, аскетизмъ, рабство. Замѣтьте, что сосредоточенность наиболѣе развивается въ рабахъ и аскетахъ. На почвѣ истинной свободы нѣтъ мѣста какимъ бы то ни было насиліямъ надъ естественными влеченіями природы.

Но кромѣ того, что искуство имѣетъ право существованія, какъ одно изъ естественныхъ отправленій человѣческой природы, оно можетъ оказывать немаловажную пользу въ жизни въ нравственномъ и гражданскомъ отношеніи. Только пользу эту слѣдуетъ полагать спеціальную, присущую сферѣ искуства, а отнюдь не навязывать ему такихъ цѣлей, которыя параллельно съ искуствомъ могутъ достигаться разными другими функціями жизни гораздо успѣшнѣе, при бо̀льшемъ ихъ соотвѣтствіи этимъ цѣлямъ. Такъ, напримѣръ, давно пора оставить ту мысль, что искуство можетъ разрѣшать какіе бы то ни было вопросы жизни. Вѣдь, сто̀итъ только подумать, что искуство существуетъ не одну уже тысячу лѣтъ и не мало создало оно произведеній на всевозможныхъ живыхъ и мертвыхъ уже языкахъ—произведеній, которыя цѣнятся нами очень высоко и пользуются большимъ уваженіемъ не за одну только чистую художественность ихъ; но назовите мнѣ хоть одно такое произведеніе въ искуствѣ, которое дѣйствительно разрѣшило бы хоть одинъ вопросъ нравственный, политическій, философскій, научный и пр., и найдите мнѣ хоть одинъ подобный вопросъ, слава разрѣшенія котораго принадлежала бы искуству. Не спорю, искуство очень часто касается всевозможныхъ такихъ вопросовъ, но беретъ ихъ или въ формѣ вопроса, или пользуется готовымъ уже разрѣшеніемъ ихъ въ сферѣ науки. Да и очень понятно: если вы потрудились надъ разрѣшеніемъ какого-нибудь вопроса, то развѣ только какая-нибудь особенная экстренная необходимость можетъ заставить васъ прибѣгать при изложеніи вашихъ рѣшеній къ такимъ окольнымъ и сложнымъ путямъ, какъ писаніе романа, драмы и т. п. Это совершенно тоже самое, что̀, полюбивши женщину и желая вступить съ нею въ бракъ, вы, вмѣсто того, чтобы пойти къ ней и объясниться съ нею насчетъ вашей любви и брака въ обыкновенномъ прозаическомъ разговорѣ, вздумали бы сдѣлать это не иначе, какъ въ формѣ музыкальной симфоніи. Хотя, конечно, влюбленные композиторы нерѣдко выражаютъ свои чувства въ музыкальныхъ произведеніяхъ, посвящая ихъ предметамъ своей страсти, но это они дѣлаютъ только между прочимъ и при этомъ преслѣдуютъ болѣе музыкальныя цѣли, чѣмъ любовныя. Для разрѣшенія же вопроса о любви и бракѣ, они, все-таки, обращаются къ любимымъ женщинамъ обыкно-

вѣнными, прозаическими рѣчами, а не музыкальными. Точно также, совершенно неосновательно навязывать искуству и другія цѣли, столь же несвойственныя ему и гораздо успѣшнѣе достигаемыя другими функціями жизни, въ родѣ каранія злодѣевъ, защиты угнетенныхъ и т. п. Конечно, никакое геніальное произведеніе неспособно покарать зло въ такой степени, какъ судъ или различныя иныя практическія преслѣдованія зла фактическаго, а не вымышленнаго творчествомъ, и, конечно, не въ примѣръ и доблестнѣе, и плодотворнѣе пойти къ дѣйствительнымъ бѣднымъ и угнетеннымъ и стараться помогать имъ елиховозможно къ выходу изъ ихъ положенія, чѣмъ сидѣть въ комфортабельномъ кабинетѣ и расписывать о ихъ страданіяхъ.

Но въ томъ-то и дѣло, что искуство имѣетъ свою спеціальную сферу пользы, которая выдѣляетъ его совершенно изъ всѣхъ прочихъ функцій человѣческой дѣятельности и тѣмъ болѣе даетъ ему право на существованіе. Истинная и существенная цѣль искуства должна выводиться изъ сущности поэтическаго творчества, изъ характера его процессовъ. Мы видѣли, что поэтическое творчество заключается въ рефлектированіи впечатлѣній, и тѣмъ сильнѣе возбуждается оно, чѣмъ сильнѣе впечатлѣніе, овладѣвающее художникомъ. Теперь подумайте, съ какою же иною цѣлью можетъ художникъ рефлектировать свои впечатлѣнія, какъ не съ тою естественною, выходящею изъ самой природы рефлексовъ, именно—съ цѣлью передачи другимъ людямъ своего впечатлѣнія, возбужденія въ нихъ тѣхъ же страстныхъ импульсовъ, какіе овладѣваютъ художникомъ и побуждаютъ его къ созданію художественнаго произведенія. Такимъ образомъ, природная область дѣйствія искуства, это—міръ нашихъ чувствъ и страстей. Тѣ явленія жизни, мимо которыхъ мы проходимъ равнодушно, не обращая на нихъ должнаго вниманія, не замѣчая ихъ и не придавая имъ должнаго значенія, развлекаемые разнородными, перекрещивающимися впечатлѣніями дѣйствительности, художникъ выдѣляетъ изъ пестраго хаоса жизни, выставляетъ передъ нами на первый планъ, подчеркиваетъ, раздуваетъ ихъ въ интенсивномъ или экстенсивномъ отношеніи подъ вліяніемъ силы своего впечатлѣнія и, мало того, что обращаетъ наше вниманіе на нихъ, но и поражаетъ насъ ими, возбуждая въ насъ тѣ или другіе страстные импульсы, въ видѣ восторга, жалости, состраданія, смѣха, негодованія и пр. При такомъ способѣ дѣйствія своего, искуство, правда, не можетъ разрѣшать вопросовъ жизни, но оно можетъ возбуждать ихъ, заставляя обращать вниманіе людей на такія явленія жизни, которыя долго оставались бы въ тѣни и въ пренебреженіи, еслибы искуство не вызывало ихъ на свѣтъ и не приводило людей въ экстазъ зрѣлищемъ ихъ. Тѣ преувеличенія представленій дѣйствительности, какія мы видимъ на каждомъ шагу въ искуствѣ, играютъ роль не лжи и искаженія правды, а имѣютъ характеръ, совершенно подобный тѣмъ преувеличеніямъ, какія

употребляютъ естественныя науки, вооружая ваши глаза оптическими инструментами и заставляя васъ видѣть мухъ со слоновъ и тончайшія ткани съ канаты, съ цѣлью наблюдать такія явленія природы, которыя незамѣтны для невооруженнаго глаза.

Совершенно подобно тому, и искуство, своими преувеличеніями представленій дѣйствительности, вооружаетъ васъ своего рода естественнымъ микроскопомъ, но такимъ могучимъ, который дѣйствуетъ нетолько на ваши умственные взоры, предоставляя вамъ разсматривать въ крупныхъ размѣрахъ такія явленія жизни, которыя вы пропускаете безъ вниманія, но и возбуждаетъ ваши нервы къ страстному воспріятію впечатлѣній, возбуждаемыхъ предлагаемымъ зрѣлищемъ. Такимъ образомъ, искуство представляется нетолько микроскопомъ, но и однимъ изъ сильнѣйшихъ средствъ, возбудительно дѣйствующихъ на волю и энергію людей, подверженныхъ его вліянію. Послѣднее обстоятельство, именно возбудительное дѣйствіе искуства на волю путемъ передачи рефлексовъ, открываетъ передъ нами новую сферу пользы искуства, именно—сферу практическую Правда, искуство само по себѣ безсильно карать и миловать, освобождать угнетенныхъ и оказывать помощь страждущимъ. Но приводя людей въ экстазъ своими образами, оно способно побуждать ихъ волю къ этимъ дѣйствіямъ. Когда еще жизнь подготовитъ вамъ такое зрѣлище, какъ овсянниковскій или струсберговскій процессы, да и подготовитъ ли еще, или нѣтъ! искуство предупреждаетъ жизнь въ этомъ отношеніи: представивъ рядъ поразительныхъ образовъ современныхъ пороковъ во всей ихъ гнусности, оно возбуждаетъ въ обществѣ негодованіе противъ этихъ пороковъ и жажду искорененія ихъ. Не въ силахъ, такимъ образомъ, само встать на мѣсто прокуратуры или администраціи, оно дѣйствуетъ на людей, находящихся въ этихъ сферахъ, и побуждаетъ ихъ къ преслѣдованію зла, поразительные образцы котораго оно представляетъ. Такимъ путемъ оно можетъ повліять на возбужденіе карательныхъ процессовъ или исполненіе надлежащихъ реформъ, ускорить то и другое.

Сдѣлаемъ теперь перечень всѣхъ тѣхъ выводовъ, къ какимъ мы пришли путемъ анализа художественнаго творчества въ его основныхъ процессахъ. И такъ, вопреки мнѣнію господствующей эстетики: 1) Искуство представляется вовсе не воспроизведеніемъ жизни въ томъ видѣ, какъ она есть, а рефлектированіемъ впечатлѣній посредствомъ образовъ, заключающихъ въ себѣ представленія жизни въ преувеличенномъ видѣ подъ вліяніемъ художественнаго паѳоса. 2) Искуство вовсе не должно стремиться изображать жизнь непремѣнно всецѣло и всесторонне, со всѣми ея мелкими деталями; а, напротивъ того, одностороннее изображеніе жизни есть одно изъ существенныхъ его качествъ, такъ какъ художественное творчество въ томъ и состоитъ, что художникъ выдѣляетъ и ставитъ на первый планъ тѣ явленія и стороны жизни, которыя его поразили; ихъ наибо-

лѣе яркое представленіе онъ только и долженъ имѣть въ виду, заботясь о всѣхъ прочихъ сторонахъ жизни и деталяхъ лишь настолько, насколько они могутъ служить къ освященію главнаго, что̀ выставляется въ произведеніи. 3) Утилитарная цѣль искуства заключается вовсе не въ обсужденіи и рѣшеніи какихъ-либо вопросовъ жизни, а, въ умственномъ отношеніи, въ поднятіи вопросовъ путемъ демонстрированія явленій жизни, а въ практическомъ—въ возбужденіи воли, энергіи, страстей въ томъ или другомъ направленіи.

Объемъ статьи, а также боязнь утомить читателей очень долгимъ пребываніемъ въ отвлеченныхъ сферахъ эстетики, принудили меня ограничиться только краткимъ и общимъ очеркомъ тѣхъ эстетическихъ понятій, которыя будутъ руководить мною въ моихъ критическихъ письмахъ. Я надѣюсь, впрочемъ, въ послѣдующихъ письмахъ гораздо обстоятельнѣе, съ бо̀льшими подробностями и аргументами, развить эти понятія при удобныхъ случаяхъ, какіе будутъ представляться во время разбора тѣхъ или другихъ произведеній искуства. Теперь же я намѣренъ, вооружившись вышеизложенными эстетическими положеніями, обратиться къ главному предмету нашей рѣчи—къ состоянію нашей современной беллетристики и причинамъ недовольства ею публики.

Я говорилъ уже выше, что, вопреки всѣмъ навязываемымъ публикѣ эстетическимъ доктринамъ, . носящимъ внушительное клеймо реализма, публикою руководитъ естественный инстинктъ, идущій совершенно въ разрѣзъ съ этими доктринами. Теперь, на основаніи всего вышеизложеннаго, мы можемъ опредѣлить, въ чемъ заключается этотъ инстинктъ. Дѣло въ томъ, что публика инстинктивно ищетъ въ произведеніяхъ искуства того, что̀ должно составлять ихъ сущность, именно—яркихъ, поразительныхъ, волнующихъ душу образовъ, вообще сильныхъ впечатлѣній, въ какомъ бы то ни было родѣ, возбуждаютъ ли они восторгъ, смѣхъ, жалость, негодованіе и пр., и пр. Правда, что инстинктъ этотъ зачастую и обманываетъ публику, понуждая ее увлекаться издѣліями шарлатановъ, въ родѣ французскихъ романовъ, повѣствующихъ о похожденіяхъ Рокамболя или «Петербургскихъ трущобъ» г. Всев. Крестовскаго, и шарлатаны эти ловятъ публику на удочку сильныхъ впечатлѣній, предлагая ей поразительныя зрѣлища грубо-фантастическихъ и безсмысленныхъ вымысловъ празднаго и развращеннаго воображенія. Но зато тотъ же самый инстинктъ способствуетъ публикѣ съ увлеченіемъ относиться къ каждому талантливому произведенію, отмѣченному несомнѣннымъ и могучимъ порывомъ поэтическаго паѳоса. Что̀ бы вы ни говорили о грубости и неразборчивости вкуса публики, но обратите вниманіе, что ни одно истинно художественное сильное поэтическое произведеніе не остается незамѣченнымъ ею и не минуетъ возбудить при своемъ появленіи всеобщее вниманіе и восторги. Конечно, критика не должна

слѣпо подчиняться этимъ восторгамъ и воображать, что все, чѣмъ увлекается публика, непремѣнно представляетъ перлы художественнаго творчества. Она должна опредѣлять, не надуваетъ ли писатель публику, не шарлатанитъ ли онъ, истинные ли перлы предлагаетъ онъ публикѣ, или, можетъ быть, фальшивые. Но зато, съ отрицательной стороны, критика можетъ всецѣло подчиняться вкусамъ публики, и можно ввести въ критику разъ на всегда непреложную аксіому, что все, что остается незамѣченнымъ публикою, что не возбуждаетъ въ ней страстныхъ импульсовъ, что ей не нравится—все это навѣрное несостоятельно, слабо, ничтожно въ художественномъ отношеніи, какъ бы оно, повидимому, ни строго соотвѣтствовало господствующимъ эстетическимъ доктринамъ и какъ бы высоко ни ставили его какіе-нибудь замкнутые кружки строгихъ цѣнителей изящнаго или партіонныхъ единомышленниковъ.

Итакъ, публика инстинктивно жаждетъ въ художественныхъ произведеніяхъ поразительныхъ образовъ и сильныхъ страстныхъ впечатлѣній, и что же она находитъ въ современной намъ беллетристикѣ? Точно какъ будто нарочно, вопреки этимъ естественнымъ требованіямъ, большинство нашихъ беллетристовъ только и заботятся о томъ, какъ бы представить рядъ явленій самыхъ заурядныхъ, самыхъ обыденныхъ, наиболѣе пріѣвшихся намъ въ самой жизни, давно намозолившихъ глаза наши, давно разсмотрѣнныхъ нами самими со всѣхъ сторонъ и надоѣвшихъ хуже, чѣмъ надоѣдаютъ дѣтямъ старыя и переигранныя игрушки. И подобныя пріѣвшіяся явленія обыденной жизни беллетристы съ педантическою строгостью стараются обрисовать передъ нами непремѣнно со всѣхъ сторонъ и кропотливо нанизываютъ детали на детали, не забывая мельчайшихъ тонкостей, въ родѣ стеариноваго пятнушка на верхней полкѣ въ кладовой, за кухней, въ квартирѣ одного изъ третьестепенныхъ лицъ романа. Начинаете вы читать романъ, мечтая, что вотъ сейчасъ передъ вами предстанетъ какой нибудь поразительный современный типъ, вотъ разовьется сюжетъ, полный потрясающаго драматизма, и вы увидите въ немъ въ болѣе крупныхъ и рѣзкихъ чертахъ ту самую роковую борьбу, которую сами переживаете вмѣстѣ съ вашимъ вѣкомъ. Ни чуть не бывало: вмѣсто всего этого, авторъ начнетъ томить васъ длиннѣйшими описаніями комнатъ, въ которыхъ совершается дѣйствіе романа, мёбели, которою убраны эти комнаты, домашней утвари, при чемъ не забудетъ сообщить вамъ, гдѣ эта утварь куплена, въ какомъ магазинѣ и по какому побужденію въ томъ именно магазинѣ, а не въ другомъ. Потомъ поведетъ онъ васъ на кухню, обстоятельно познакомитъ съ прислугою, съ ея отношеніями къ господамъ и между собою, перечислитъ при этомъ всѣ горшки и ухваты, заглянетъ на плиту и замѣтитъ, какой супъ варится къ обѣду или что пирожки немножко подгорѣли. Затѣмъ послѣдуетъ рядъ домашнихъ сценъ разговоровъ за обѣдами и чаепитіями, разговоровъ самыхъ обы-

[illegible] незначительныхъ, нимало не относящихся къ развитію сюжета и совершенно излишнихъ для обрисовки характеровъ, которые и безъ того могли бы вполнѣ рельефно обрисоваться въ [illegible] сценахъ романа. Затѣмъ—затѣмъ потянется передъ вами рядъ великосвѣтскихъ обѣдовъ или завтраковъ въ салонахъ и отеляхъ, пикниковъ, загородныхъ гуляній, вѣнчаній, похоронъ. Если герой поѣдетъ куда-нибудь, авторъ начинаетъ вести подробнѣйшій дневникъ путешествія его: отъ которой до которой станціи онъ уснулъ, гдѣ выпилъ рюмку водки, гдѣ позавтракалъ, гдѣ далъ кондуктору на водку, гдѣ крупно поговорилъ съ сосѣдомъ, вздумавшимъ заснуть, положа голову на его плечо и пр. При описаніи же деревенской жизни и особенно народнаго быта, вы не оберетесь подробностей, еще болѣе тщательныхъ, микроскопическихъ. Къ тому же здѣсь присоединяются еще новые описательные элементы: это именно природа со всѣми ея красотами, ландшафтиками лѣсовъ, полей, усадебъ, временъ года и борьбы стихій.

Что̀ касается дѣйствующихъ лицъ романовъ, то они являются по бо̀льшей части первыми встрѣчными знакомыми автора, съ которыхъ онъ списываетъ портреты, тщательно заботясь о вѣрности съ подлинниками. Передъ вами проходитъ рядъ личностей, совершенно случайныхъ, мелкихъ, блѣдныхъ, ничѣмъ особенно не замѣчательныхъ, не выдающихся какими нибудь характеристическими особенностями времени или среды, вслѣдствіе сильнаго развитія и преобладанія которыхъ ихъ можно было бы назвать типами. А не то передъ вами является рядъ стереотипныхъ обобщеній, которыя, какъ я сказалъ уже выше, составляютъ продукты вовсе не художественнаго творчества, а той индуктивной работы мысли, которая свойственна всѣмъ и каждому. Такіе отвлеченные типы наиболѣе претятъ въ художественномъ произведеніи, потому что инстинктивно вы ждете отъ него, чтобы оно взволновало васъ какими нибудь о̀бразами, представляющими новые, только что народившіяся явленія жизни и поразительныя своею новизною, или же, если не новые, то, во всякомъ случаѣ, хотя бы и старые, но возведенные въ перлъ созданія путемъ преувеличенія и выставленія на первый планъ наиболѣе характеристическихъ свойствъ ихъ; авторъ же, вмѣсто этого, угощаетъ васъ стереотипными обобщеніями, которыми и безъ того полна ваша голова. Подобная стереотипность обобщеній съ одной стороны или случайность, мелкость и блѣдность выводимыхъ личностей—съ другой особенно имѣютъ мѣсто въ повѣстяхъ изъ народнаго быта, вообще изъ всѣхъ слоевъ, стоящихъ внѣ интеллигенціи—крестьянскихъ, мѣщанскихъ и купеческихъ. Это, конечно, происходитъ отъ того, что авторы мало того, что сами не живутъ жизнію этихъ слоевъ, но весьма мало соприкасаются съ нею, для того чтобы имѣть возможность напечатлѣться наиболѣе крупными и рѣзкими ея особенностями и уловить букетъ этихъ особенностей. Они наблюдаютъ ее со сто-

роны, въ ея обыденномъ теченіи, въ деталяхъ, въ тѣхъ мелкихъ раздробленныхъ личностяхъ, съ которыми случайно встрѣчаются и выносятъ рядъ мелкихъ, слабыхъ впечатлѣній, которыя ведутъ къ столь же слабымъ творческимъ рефлексамъ. Отъ того повѣсти изъ народнаго быта по бо̀льшей части и отличаются скукою, вялостью, стереотипностью, полнымъ отсутствіемъ всякаго огня поэтическаго вдохновенія и силы впечатлѣнія. Это—вовсе не художественныя произведенія, а этнографическіе этюды въ беллетристической формѣ.

Да не подумаетъ читатель, чтобы я всецѣло отрицалъ выведеніе въ романахъ деталей обыденной жизни. Нѣтъ, пусть будутъ и детали; но, во всякомъ случаѣ, не въ нихъ должна заключаться сущность романа. Онѣ не должны стоять на первомъ планѣ; изъ за тщательной, кропотливой обрисовки ихъ писатель не долженъ забывать все и вся и всецѣло отдаваться имъ. Онѣ должны играть въ произведеніи не болѣе, какъ самую второстепенную, декоративную роль. Авторъ имѣетъ право выставить ихъ лишь настолько, насколько онѣ дѣйствительно могутъ послужить къ обрисовкѣ характеровъ и жизни дѣйствующихъ лицъ. Но и при этомъ онъ не долженъ упускать изъ вида—что ка̀къ бы не напустить въ свое произведеніе скуки длиннотами подобныхъ описаній и ка̀къ бы мелочами не заслонить главнаго и не умалить, вслѣдствіе этого, силы общаго впечатлѣнія, въ которомъ заключается вся сущность произведенія. Къ тому же, писатель не долженъ забывать и того, что онъ имѣетъ дѣло въ лицѣ читателей съ живыми людьми, которые сами обладаютъ кое-какою наблюдательностью, кое-что̀ видѣли и кое-что̀ сохраняется въ ихъ воображеніи, и, вмѣсто подробнѣйшихъ и кропотливѣйшихъ описаній, достаточно бываетъ двухъ-трехъ штриховъ, которые намекнули бы на общій характеръ жилища, одежды героя, чтобы у читателя самостоятельно обрисовались разныя мелкія подробности и возникла въ головѣ цѣлая картина. Сильные и опытные художники такъ обыкновенно и поступаютъ, останавливаясь только на главномъ и существенномъ, въ мелочахъ же довольствуясь одними намеками. Это и называется сжатостью художественнаго языка и умѣньемъ въ двухъ-трехъ словахъ сказать многое, нарисовать передъ вами цѣлыя картины.

Въ тоже время, не гоню я вовсе мелкіе, обыденные характеры или стереотипныя обобщенія. Они бываютъ иногда столь же необходимы въ произведеніи, какъ и детали. Вы найдете ихъ не въ такомъ количествѣ въ произведеніяхъ первостепенныхъ беллетристовъ, даже у Гоголя, Тургенева, Гончарова, Щедрина и пр. Нельзя же требовать, чтобы писатель въ каждой выводимой личности изображалъ вамъ какой-нибудь замѣчательный типъ и напрягалъ всю силу своего творчества, чтобы поразить васъ. Мало ли въ романахъ бываетъ побочныхъ личностей, являющихся мелькомъ и чисто по необходимости. Сильные и истинные художники такъ обыкновенно и дѣлаютъ, что всѣ свои силы и все

вниманіе обращаютъ на обрисовку двухъ-трехъ личностей въ произведеніи, а остальныя помѣчаютъ самыми общими чертами, иногда въ двухъ-трехъ словахъ. Я протестую только противъ того, чтобы во всемъ романѣ только и встрѣчались, что одни мелкія, случайныя, обыденныя личности, да стереотипныя обобщенія и чтобы писатели въ тщательной обрисовкѣ подобныхъ личностей видѣли всю сущность поэтическаго творчества. Напротивъ того, поэтическое творчество, требующее для своего наибольшаго развитія сильныхъ впечатлѣній, весьма мало возбуждается при созданіи подобныхъ привычныхъ ббразовъ, отъ того ббразы эти и не производятъ на насъ никакого впечатлѣнія. Холодно читаемъ мы произведеніе, наполненное такими ббразами, и, слава Богу, если не засыпаемъ за чтеніемъ; зато послѣ прочтенія романа, все содержаніе его живо вылетаетъ изъ нашей памяти, не оставляя тамъ ни малѣйшаго слѣда. Прибавьте ко всему этому, что произведеніе, наполненное длиннѣйшими описаніями мелочныхъ деталей жизни, мелкими, обыденными сценками, случайными и блѣдными характерами или стереотипными обобщеніями, въ тоже время, и въ тенденціозномъ своемъ содержаніи представляетъ собою какое-нибудь банальное общее мѣсто, и вы тогда поймете, почему большинство беллетристическихъ произведеній такъ мало удовлетворяютъ публику.

Чтò же за причина, что наша беллетристика все болѣе и болѣе погружается въ грубый натурализмъ безцѣльнаго кропотливо-мелочнаго списыванья обыденной жизни въ ея микроскопическихъ деталяхъ, выведенія случайныхъ, первыхъ попавшихся подъ руку людишекъ и расписыванія ихъ ежедневнаго времяпрепровожденія? Неужели все зло лежитъ въ господствующихъ эстетическихъ доктринахъ, которыя толкаютъ искуство на такую ложную дорогу? Но, судя по всему вышеизложенному, можно думать, что доктрины тутъ не причемъ. Онѣ могутъ узаконить грустный фактъ, но какъ же могутъ производить его? Вѣдь, мы опредѣлили, что поэтическое творчество зависитъ всецѣло отъ силы впечатлѣній; что оно измѣняетъ и преувеличиваетъ представленія дѣйствительности вовсе не искуственно и самопроизвольно со стороны поэта, а вполнѣ естественно и безсознательно. Поэтъ изображаетъ дѣйствительность въ томъ видѣ, какъ она ему представляется; если же представленія эти оказываются преувеличенными, поразительными, то это не поэтъ сдѣлалъ ихъ такими, а сила впечатлѣнія, иллюзіи которой онъ самъ безсознательно подчинился. А если такъ, то при чемъ же тутъ ложныя эстетическія доктрины? Поэтъ можетъ свято исповѣдывать ихъ, воображая, что въ нихъ вся мудрость вѣка, и, все-таки, будетъ подчиняться въ своемъ творчествѣ не имъ, а силѣ своихъ впечатлѣній. И, въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что современныя эстетическія доктрины установились не сегодня, а господствуютъ лѣтъ уже тридцать, но не помѣшали же онѣ въ свое время появиться такимъ сильнымъ произведеніямъ, какъ «Мертвыя души», Обло-

мовъ, Рудинъ, «Гроза» и пр. Не мѣшаютъ онѣ и нынѣ, хотя не въ такомъ большемъ количествѣ, какъ прежде, появляться произведеніямъ, производящимъ сильное впечатлѣніе могучестью поэтическаго творчества. А если не въ эстетическихъ доктринахъ, то въ чемъ же другомъ слѣдуетъ искать жалкаго состоянія нашей современной беллетристики? О, тутъ, конечно, дѣйствуетъ не одна какая-нибудь причина, а много причинъ весьма сложныхъ и весьма важныхъ, лежащихъ и въ общемъ складѣ нашей современной общественной жизни, и въ частныхъ условіяхъ жизни нашихъ писателей. Но объ этихъ причинахъ нужно говорить или слишкомъ много, или лучше совсѣмъ не говорить. Въ двухъ же трехъ словахъ говорить о нихъ не стоитъ, потому что такимъ образомъ ничего путнаго не скажешь и ограничишься только самыми неопредѣленными общими мѣстами. Распространиться же теперь вполнѣ обстоятельно объ этихъ причинахъ нѣтъ никакой возможности, такъ какъ время закончить настоящее письмо, которое и безъ того уже вышло достаточно длинно; а еслибы начать распространяться о причинахъ, то оно рисковало бы сдѣлаться безконечнымъ. Поэтому, причины я отлагаю до слѣдующихъ писемъ. Мнѣ придется еще касаться ихъ и разъяснить очень много и при каждомъ удобномъ случаѣ. Настоящее же письмо вполнѣ достигло цѣли, ознакомивъ читателей съ тѣми эстетическими критеріями, на основаніи которыхъ я буду разбирать современныя и прошлыя поэтическія произведенія, и давъ читателямъ понятіе о томъ, какъ я смотрю на нашу современную изящную литературу и чего я отъ нея намѣренъ прежде всего требовать.

А. Скабичевскій.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ ДОХОДОВЪ И РАСХОДОВЪ НА 1876 Г.

и

ОТЧЕТЪ ГОСУДАРСТВЕННАГО КОНТРОЛЯ ЗА 1874 ГОДЪ.

(*Окончаніе*).

За министерствомъ государственныхъ имуществъ, по цифрѣ расхода, опредѣленнаго на 1876 годъ, слѣдуетъ министерство путей сообщенія, на удовлетвореніе потребностей котораго назначено 17.018,130 рублей.

Сравнивая эту цифру съ расходами прежняго времени, показанными въ отчетахъ государственнаго контроля, мы встрѣчаемся съ явленіемъ, далеко, повидимому, не обычнымъ въ нашихъ сметахъ, а именно: съ 1867 по 1874 годъ включительно цифра расходовъ по этому вѣдомству колеблется отъ $22^1/_2$ до 38 мил. руб.; по сметамъ же двухъ послѣднихъ лѣтъ, она падаетъ до 17 мил. рублей. Но такое пониженіе цифры расхода вовсе не составляетъ дѣйствительнаго ея сокращенія, а является только результатомъ, съ одной стороны, передачи въ частныя руки казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, расходы которыхъ заносились прежде въ смету министерства, а съ другой—вслѣдствіе перенесенія уплаты процентовъ по облигаціямъ николаевской желѣзной дороги изъ сметы министерства въ смету системы кредита. Если же исключить изъ расходовъ предыдущаго времени всѣ подобные расходы, т. е. взять только тѣ статьи, которыя входятъ въ смету настоящаго 1876 года, то окажется, что въ 1867 году они не превышали 12.104,933 руб., въ 1874 году доходили до 14.352,807 р., а по сметѣ 1876 года уже превышаютъ 17 мил. руб., т. е. въ теченіи 9-ти лѣтъ увеличились на 5 мил. руб. или на 41,5%, причомъ за послѣдніе два года расходы возвысились болѣе, чѣмъ на $2^1/_2$ мил. рублей. Впрочемъ, къ такому выводу можно придти, сравнивая только два крайніе года; если же сравнить и промежуточные годы, то можно придти къ заключенію, что расходы,

однородные съ тѣми, которые нынѣ заносятся въ смету министерства путей сообщенія, возвышались до 1872 года включительно и въ этомъ году доходили до 24.035,630 р. 76 к., а съ этого времени начинаютъ сокращаться, представляя въ 1874 году вышеуказанную мною цифру 14.352,807 р., а затѣмъ опять возвышаются до 17-ти мил. рублей.

Но такой выводъ, хотя онъ и согласенъ съ цифрами, показанными въ отчетахъ государственнаго контроля, едва ли можетъ считаться правильнымъ, на слѣдующемъ основаніи. Въ числѣ постоянныхъ расходовъ министерства путей сообщенія заносится расходъ на уплату недоборовъ гарантированнаго дохода обществамъ желѣзныхъ дорогъ. Цифра этого расхода, постоянно возвышаясь, въ 1872 году доходила до 15.447,071 р. 9 к., но съ того времени стала понижаться, и въ 1874 году на этотъ предметъ издержано только 5.867,124 р. 8 к., т. е. на 9.779,924 менѣе, чѣмъ въ 1872 году. Понятно, что такая значительная разница въ цифрѣ расхода на уплату гарантированнаго дохода желѣзнодорожнымъ обществамъ совершенно измѣняетъ значеніе приведенныхъ цифръ. А такъ какъ это пособіе желѣзнодорожнымъ обществамъ дѣлается въ видахъ общей государственной пользы и не имѣетъ ничего общаго съ остальными расходами министерства, то для того, чтобы опредѣлить дѣйствительное значеніе расходовъ министерства въ общей цифрѣ бюджета и ихъ движеніе за разсматриваемый нами періодъ времени, мы представимъ читателю эти цифры за исключеніемъ расходовъ на пособіе желѣзнодорожнымъ обществамъ. Въ такомъ видѣ, расходы эти составляютъ въ 1867 году сумму въ 7.390,961 руб. и, возвышаясь постоянно, доходятъ по сметѣ на 1876 годъ до 10.018,350 рублей, т. е. возвысились въ теченіи 9-ти лѣтъ на 2.627,389 руб. или на 34%. Такимъ образомъ, расходы министерства путей сообщенія нетолько слѣдуютъ за общимъ характеромъ нашего бюджета, но возрастаютъ быстрѣе, нежели общая бюджетная цифра расхода, которая возвысилась за эти годы, какъ я указывалъ въ предыдущихъ статьяхъ, только на 28%.

Изъ приведенныхъ выше цифръ расхода на уплату гарантированнаго дохода желѣзнодорожнымъ обществамъ читатель можетъ вывести заключеніе, что ежегодныя пожертвованія государственнаго казначейства на развитіе нашего желѣзнодорожнаго дѣла въ послѣднее время значительно уменьшились, но такое заключеніе читателя будетъ очень не вѣрно. Въ дѣйствительности, въ этихъ пожертвованіяхъ нетолько не произошло никакого уменьшенія, но они съ развитіемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ значительно возрастаютъ; только характеръ этихъ пожертвованій измѣняется, и, вслѣдствіе этого, прямыя указанія этихъ жертвъ замѣняются косвенными. Извѣстно, что въ началѣ построенія сѣти весь капиталъ образовался выпускомъ акцій, и правительство оказывало пособіе всѣмъ частнымъ обществамъ гарантіею извѣстнаго процента чистаго дохода и погашенія;

*

затѣмъ, часть капитала составлялась выпускомъ облигацій, также гарантированныхъ правительствомъ; но со времени образованія въ 1867 году желѣзнодорожнаго фонда, правительство предоставляло гарантію годоваго дохода только нѣкоторымъ линіямъ, особенно необходимымъ по административнымъ и стратегическимъ соображеніямъ, остальнымъ же обществамъ пособіе правительства оказывалось въ видѣ реализаціи облигаціоннаго капитала въ размѣрѣ отъ $^2/_3$ до $^3/_4$ основнаго капитала, съ обязательствомъ этихъ обществъ платить 5% за пользованіе капиталомъ и $^1/_{10}$% на погашеніе. Что-же касается акцій большинства дорогъ, выстроенныхъ въ промежутокъ времени съ 1867 по 1874 годъ, то онѣ были выпущены безъ гарантіи правительства. Понятно, что, при дальнѣйшемъ развитіи сѣти, движеніе на линіяхъ, выстроенныхъ въ прошедшемъ десятилѣтіи съ гарантіею чистаго дохода, усиливаясь постоянно, вызвало такое увеличеніе доходовъ, при которомъ доплата гарантированнаго дохода, превысившая въ 1872 году 15 мил. руб., стала быстро уменьшаться. Но, тѣмъ не менѣе, жертвы государственнаго казначейства нисколько этимъ не сократились, а измѣнили только свой видъ. Всѣ желѣзнодорожныя общества, образованныя позднѣе и получившія отъ правительства облигаціонный капиталъ, не могли уплачивать проценты и погашеніе, и недоимки эти замѣняли собою уплату гарантіи, но, имѣя характеръ недоборовъ, не могутъ значиться въ числѣ расходовъ. Какъ будутъ велики эти послѣднія жертвы государственнаго казначейства на наше желѣзнодорожное дѣло, въ текущемъ году, мы можемъ видѣть это только приблизительно изъ послѣдней государственной росписи. На уплату процентовъ по консолидированнымъ облигаціямъ, а также по облигаціямъ николаевской дороги назначено 32.457,264 руб., да на платежи по второму выигрышному займу, тоже вошедшему въ составъ желѣзнодорожнаго фонда, назначено 6.645,250 руб., итого на платежъ по займамъ для желѣзнодорожнаго фонда по росписи назначено болѣе 39 мил.; въ возвратъ же по этой статьи отъ желѣзнодорожныхъ обществъ предположено только 20 мил. руб. Но эта цифра не можетъ поступить ни въ какомъ случаѣ, такъ какъ въ 1874 году, по отчету государственнаго контроля значится, такого поступленія около 7$^1/_2$ мил. руб. (помимо платежа главнаго общества по облигаціямъ николаевской желѣзной дороги), а надо замѣтить, что въ 1874 году доходы желѣзнодорожныхъ обществъ поступали гораздо болѣе благопріятно, чѣмъ въ настоящемъ. На этомъ основаніи я могу съ полною увѣренностію предположить, что цифра поступленія на уплату процентовъ и погашенія по облигаціямъ желѣзнодорожныхъ обществъ не превыситъ суммы, поступившей въ 1874 году, и, слѣдовательно, цифра пожертвованій государственнаго казначейства на наше желѣзнодорожное дѣло въ настоящемъ году только по этой статьѣ составитъ около 32$^1/_2$ мил. р. Я не вхожу въ разсчетъ суммъ, поступающихъ отъ главнаго

общества на уплату процентовъ по облигаціямъ николаевской дороги, на томъ основаніи, что въ такомъ случаѣ слѣдовало бы и цифру издержекъ государственнаго казначейства увеличить на всю сумму процентовъ по займамъ для сооруженія этой дороги. Къ этой цифрѣ мы должны прибавить еще сумму, которая будетъ выплачена желѣзнодорожнымъ обществамъ въ видѣ доплаты гарантированнаго дохода. Цифра этого расхода, по отчету за 1874 годъ, показана въ размѣрѣ 5.867,124 рублей; но въ 1876 году такой цифры будетъ далеко недостаточно, во-первыхъ, потому, что, по даннымъ отчетовъ желѣзнодорожныхъ обществъ за 1875 годъ, чистый доходъ большинства обществъ ниже дохода 1874 года и валовой сборъ 1876 года не достигаетъ цифры 1875 года; во-вторыхъ — потому, что къ числу дорогъ, имѣющихъ право на гарантію чистаго дохода, должны быть причислены три вновь открытыя: лозово-севастопольская, моршанско-сызранская и ростово-владикавказская, которыя потребуютъ нетолько уплаты гарантіи, но не будутъ, вѣроятно, въ состояніи покрыть и расходовъ эксплуатаціи. Уплата гарантіи по первымъ двумъ дорогамъ за 1874 годъ была въ ничтожныхъ размѣрахъ только потому, что онѣ открыты въ концѣ года, а право на полученіе гарантіи возникаетъ со дня открытія; на этомъ основаніи, какъ въ 1875, такъ и въ 1876 году она потребуется въ размѣрахъ гораздо бо̀льшихъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, мнѣ кажется, что даже назначенная по сметѣ цифра въ 7 мил. р. будетъ недостаточна. Во всякомъ случаѣ, пожертвованіе государственнаго казначейства на поддержаніе нашего желѣзнодорожнаго дѣла въ теченіи настоящаго 1876 года обойдется не менѣе 40 мил. рублей, что̀ составитъ болѣе 7% всѣхъ вообще обыкновенныхъ расходовъ государства.

Но это еще не все. Наши желѣзнодорожныя общества, въ виду скудости ихъ доходовъ и значительности ихъ обязательствъ передъ правительствомъ, лишены всякаго кредита и не въ состояніи улучшать свое дѣло собственными средствами; между тѣмъ первоначальное ихъ устройство, по количеству подвижнаго состава, запасныхъ путей, мастерскихъ и станціонныхъ службъ, повсюду оказывается недостаточнымъ. Вслѣдствіе этого, чтобъ удовлетворить потребностямъ движенія и въ виду уже сдѣланныхъ пособій, представляется безусловная необходимость новыхъ пособій со стороны правительства: въ противномъ случаѣ, всѣ пожертвованія, сдѣланныя прежде, окажутся недостигающими цѣли. Такимъ образомъ, несмотря на явную несостоятельность желѣзнодорожныхъ обществъ, правительство обязано дѣлать новыя ссуды своимъ несостоятельнымъ должникамъ, въ надеждѣ, что когда-нибудь эти общества, съ увеличеніемъ движенія на линіяхъ, будутъ въ состояніи уплачивать правительству свои долги. Но когда наступитъ это время, конечно, никто опредѣлить не въ состояніи, а между тѣмъ, долги обществъ возрастаютъ очень быстро. Степень возрастанія всѣхъ вообще долговъ желѣзнодорож-

[illegible]

ру казеннаго долга, который къ концу настоящаго года долженъ дойти по меньшей мѣрѣ до 340 мил. руб. Что касается этой послѣдней цифры, то она особенно замѣчательна по своему отношенію къ общей цифрѣ акціонернаго капитала, составляющаго единственную гарантію правильности дѣйствій частныхъ обществъ въ такой важной отрасли государственнаго хозяйства, какъ желѣзнодорожное дѣло. Весь акціонерный капиталъ всѣхъ желѣзнодорожныхъ обществъ составляетъ цифру около 519 милліоновъ рублей. Изъ этой цифры принадлежитъ правительству акцій на 65 мил. рублей и, кромѣ того, акціонерный капиталъ дорогъ, не состоящихъ въ долгу у правительства и вновь строющихся, представляетъ цифру 115 мил. руб. Вычитая эти двѣ цифры изъ общей суммы акціонернаго капитала, получимъ цифру 339 мил., которая и выразитъ участіе частныхъ капиталовъ въ тѣхъ желѣзнодорожныхъ обществахъ, на которыхъ числится долгъ государственному казначейству. Отсюда ясно, что долгъ этотъ, въ теченіи настоящаго года, превыситъ акціонерный капиталъ общества даже по номинальной его стоимости. Если же принять въ соображеніе, что всѣ акціи реализованы ниже номинальной ихъ стоимости, на 20 и на 30%, то придется убѣдиться, что большинство нашихъ желѣзнодорожныхъ обществъ уже давно находится въ совершенно безнадежномъ положеніи, и возрастающіе ихъ долги государственному казначейству не имѣютъ ровно никакого обезпеченія.

Мнѣ могутъ, однако, сказать, что государство получаетъ выгоду отъ желѣзныхъ дорогъ другимъ путемъ, путемъ развитія промышленности и торговли. Допуская на первый разъ, что такое возраженіе вполнѣ основательно, нельзя, однакожь, не замѣтить, что жертвы, принесенныя на развитіе желѣзнодорожнаго дѣла, слишкомъ громадны и что вопросъ, соотвѣтствуютъ ли выгоды промышленности и торговли отъ проведенія желѣзныхъ дорогъ тѣмъ жертвамъ, которыя приноситъ государство, заслуживаетъ серьёзнаго вниманія и изслѣдованія. Къ сожалѣнію, статистическій матеріалъ для рѣшенія этого вопроса у насъ слишкомъ скуденъ, и мы можемъ въ этомъ отношеніи сослаться лишь на возрастающую цифру ввоза и вывоза. Ежегодникъ министерства финансовъ указываетъ, что въ теченіи пяти лѣтъ, съ 1869—1873 годъ, т.-е. за тотъ періодъ времени, когда существующая сѣть желѣзныхъ дорогъ уже дѣйствовала, нашъ ввозъ по европейской границѣ увеличился на 93 мил., а нашъ вывозъ на 98 мил. Если предположимъ, что такое развитіе нашей торговли было слѣдствіемъ только одной постройки желѣзныхъ дорогъ, безъ всякаго участія другихъ двигателей производства (чего, конечно, допустить нельзя), то и тогда вся выгода нашей промышленности не можетъ превышать 20 мил. рублей, такъ какъ нельзя же считать выгоду отъ торговыхъ оборотовъ выше 10% съ капитальной ихъ стоимости. Что-же касается выгодъ нашей внутренней торговли, то хотя и нельзя ихъ отрицать, но, во-

первыхъ, для ихъ опредѣленія мы не имѣемъ никакихъ точныхъ данныхъ, во-вторыхъ, судя потому, что цѣны всѣхъ предметовъ потребленія постоянно и повсемѣстно повышаются и нигдѣ не понижаются, очень позволительно сомнѣваться въ этихъ выгодахъ. Конечно, такое возвышеніе обусловливается еще существующей у насъ денежной системой и операціями государственнаго банка, но и желѣзныя дороги необходимо должны были имѣть въ этомъ отношеніи извѣстную долю вліянія.

Послѣ этого замѣчанія, возвращаюсь къ вопросу о значеніи частныхъ акціонерныхъ капиталовъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Эти капиталы должны служить нетолько въ извѣстной мѣрѣ гарантіею тѣхъ затратъ, которыя дѣлаетъ непосредственно государственное казначейство въ видахъ пособія желѣзнодорожному дѣлу, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они служатъ основаніемъ или, лучше сказать, составляютъ весь raison d'être того монопольнаго права, которое вручается обществамъ и состоитъ въ завѣдываніи одною изъ самыхъ важныхъ отраслей государственнаго хозяйства. Конечно, никто не будетъ со мною спорить въ томъ, что устройство государственныхъ путей сообщенія и завѣдываніе ихъ эксплуатацией составляетъ одну изъ функцій государственной власти, какъ потому, что пути сообщенія являются могущественными орудіями администраціи, такъ и потому, что въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ функціяхъ правительственной власти, немыслима никакая конкуренція, а все дѣло можетъ быть ведено только на основаніи монополіи. Монополія же, безъ нарушенія справедливости, можетъ принадлежать только государству. Если же государство, въ виду недостатка матеріальныхъ средствъ или по какимъ-либо другимъ соображеніямъ, передаетъ такую функцію своей власти въ монопольное пользованіе частному лицу или обществу, то ясно, что такое лицо или общество должно представлять въ извѣстной степени гарантіи въ томъ, что оно нетолько не будетъ пользоваться этимъ правомъ ко вреду государственныхъ и частныхъ интересовъ, но, напротивъ, поставитъ себѣ задачей содѣйствовать ихъ развитію. Такія гарантіи въ особенности необходимы въ нашемъ отечествѣ, гдѣ, безъ матеріальнаго пособія государства, постройка желѣзныхъ дорогъ немыслима и гдѣ такое пособіе доходитъ до трехъ четвертей основнаго капитала съ гарантіею 5% чистаго дохода на послѣднюю четверть капитала. Но анонимныя общества, которымъ обыкновенно предоставляется постройка и эксплуатація желѣзныхъ дорогъ, въ виду перемѣннаго и случайнаго состава участниковъ и распорядителей и, слѣдовательно, отсутствія всякой личной отвѣтственности, не могутъ представлять никакихъ другихъ гарантій, кромѣ денежныхъ, и притомъ только въ размѣрѣ ихъ складочнаго капитала. На этомъ основаніи, акціонерный капиталъ желѣзнодорожныхъ обществъ представляется единственной гарантіей нетолько матеріальныхъ затратъ правительства, но и правильности дѣйствій частныхъ обществъ, которымъ ввѣ-

ряется такое важное и притомъ монопольное право въ томъ предположеніи, что интересы этихъ обществъ, затратившихъ свои капиталы, совпадаютъ со всѣми государственными и частными интересами, состоящими въ развитіи наибольшаго движенія. Хотя такое предположеніе и очень проблематично, но я не буду относиться къ нему критически, такъ какъ это отвлекло бы меня отъ вопроса, разрѣшеніемъ котораго я теперь занимаюсь. Итакъ, я говорю, что акціонерный капиталъ служитъ единственной гарантіей, что интересы государственные и частные, зависящіе отъ правильной эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, не пострадаютъ при монопольномъ правѣ частнаго общества завѣдывать этой отраслью государственнаго хозяйства.

Но выше было указано, что, независимо отъ обязательства уплачивать 5% на облигаціонный капиталъ, желѣзнодорожныя общества состоятъ въ долгу у правительства на сумму, равную ихъ капиталу по номинальной стоимости акцій, а, между тѣмъ, ихъ предпріятіе не приноситъ и двухъ процентовъ на основной капиталъ. Слѣдовательно, долгъ правительству долженъ возрастать постоянно какъ въ силу невозможности уплачивать проценты съ облигаціоннаго капитала, такъ и въ силу начисленія процентовъ на правительственный долгъ, и на этомъ основаніи надежда обществъ на возможность разсчитаться съ правительствомъ должна быть отодвинута если не навсегда, то въ очень далекое будущее, такъ что временные держатели акцій вовсе не заинтересованы успѣхомъ дѣла, не приносящаго никакого дохода. Весь интересъ акціонера такихъ обществъ состоитъ или въ томъ, чтобы получать гарантированный правительствомъ доходъ, что̀ вовсе не связано съ успѣхомъ дѣла, или въ томъ, чтобы держать въ своихъ рукахъ управленіе дѣломъ, т. е. сборъ дохода и производство расхода, имѣя въ виду, что, ка̀къ бы ни были велики расходы, они упадутъ, во всякомъ случаѣ, на правительство или въ видѣ доплаты гарантированнаго дохода, или въ видѣ неуплаты процентовъ съ облигаціоннаго капитала, или, наконецъ, въ видѣ ссуды на покрытіе дефицита, т. е. безъ всякаго риска со стороны распорядителя. Такимъ образомъ, при существующемъ положеніи дѣлъ, въ большинствѣ желѣзнодорожныхъ обществъ никто не заинтересованъ ни въ увеличеніи доходности дорогъ, ни въ сокращеніи издержекъ, а, напротивъ, весь служебный персоналъ желѣзной дороги заинтересованъ въ постоянномъ расширеніи расходовъ или законнымъ путемъ увеличенія окладовъ и расширенія штатовъ, или путемъ почти безконтрольнаго производства различныхъ работъ и поставокъ. Отсюда ясно, что акціонерный капиталъ во всѣхъ тѣхъ обществахъ, гдѣ чистый доходъ ниже гарантированнаго или не оплачиваетъ процентовъ съ облигаціоннаго капитала, вовсе не можетъ служить гарантіей того, что предоставленное обществу монопольное право распоряженія такимъ сильнымъ двигателемъ производства, какъ желѣзная дорога, не будетъ имъ злоупотребляемо. Напро-

тивъ того: малодоходность дороги можетъ прямо наводить распорядителей на мысль о возможности пользоваться косвенными путями для полученія выгодъ. Такъ, напримѣръ, уступка въ цѣнѣ перевозки какого-либо товара одному торговцу можетъ сдѣлать его монополистомъ въ покупкѣ этого товара на мѣстѣ заготовленія и продажѣ на мѣстѣ сбыта и подорвать всѣхъ его конкурентовъ. Этотъ недоборъ желѣзной дороги будетъ покрытъ правительствомъ, тогда какъ выгоды монополиста могутъ быть раздѣлены съ распорядителемъ дороги. Я беру только одинъ возможный примѣръ, между тѣмъ какъ желѣзная дорога можетъ найти цѣлую массу подобныхъ случаевъ. Одна очередь въ отправкѣ можетъ дать средство къ наживѣ распорядителей, что̀ и практиковалось нерѣдко.

Всѣ эти безпорядки и злоупотребленія возможны даже и въ томъ случаѣ, когда акціонерный капиталъ дѣйствительно внесенъ. Но кому же у насъ въ Россіи неизвѣстно, что многія дороги у насъ строились исключительно на облигаціонный капиталъ? Что̀-же касается акціонернаго капитала, то онъ или весь вполнѣ, или значительная его доля представляли чистый барышъ предпринимателя, и, такимъ образомъ, монопольное право завѣдыванія извѣстной отраслью государственнаго хозяйства доставалось предпринимателямъ или безъ всякой затраты капитала, или съ очень небольшой. Факты подобнаго рода побудили правительство, при выдачѣ послѣднихъ концессій, ставить непремѣннымъ условіемъ взносъ всего акціонернаго капитала въ государственный банкъ и расходованіе его подъ наблюденіемъ правительства. При прежнемъ же порядкѣ, когда вносилось въ государственный банкъ только 20% акціонернаго капитала, лишь въ доказательство того, что общество образовалось, произвольная трата его была весьма возможна, и нѣкоторые примѣры подобныхъ тратъ вполнѣ извѣстны. Такъ, въ докладѣ общему собранію при отчетѣ за 1871 годъ о постройкѣ кіево-брестской дороги, правленіе объяснило, что изъ суммъ акціонернаго капитала первоначальнымъ строителямъ дороги выдано 1.300,000 р. на покрытіе какихъ-то предварительныхъ, невошедшихъ въ разцѣночную вѣдомость расходовъ, и сумма эта была скинута въ процентахъ со всѣхъ статей разцѣночной вѣдомости новымъ строителемъ, оказавшимся тоже несостоятельнымъ, вслѣдствіе чего правительство принуждено было давать и льготы, и особыя ссуды обществу. Точно тоже было и съ обществомъ бресто-граевской дороги, правленіе котораго, безъ всякой мотивировки, выдало первоначальному концессіонеру, г. Струсбергу, 3.500,000 руб., вслѣдствіе чего общество не могло окончить дороги и ему разрѣшенъ выпускъ дополнительныхъ на эту сумму облигацій, реализованныхъ правительствомъ.

Всѣ изложенныя мною обстоятельства и соображенія доказываютъ, что наша система постройки и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ очень далека отъ правильнаго хода этой отрасли госу-

дарственнаго хозяйства. Наши желѣзныя дороги строились или съ правительственной гарантіей чистаго дохода, или съ значительной затратой правительственныхъ средствъ, или, наконецъ, съ тѣмъ и другимъ пособіемъ вмѣстѣ; вѣрнѣе можно сказать, что ихъ постройка шла почти исключительно на средства правительства. Такимъ образомъ, казенные капиталы поступили почти въ безконтрольное распоряженіе частныхъ лицъ. Я говорю *безконтрольное* на томъ основаніи, что нельзя считать контролемъ наблюденіе такъ называемыхъ общихъ собраній, составляемыхъ изъ подставныхъ акціонеровъ. Распорядители въ частныхъ анонимныхъ обществахъ представляются лицами совершенно безотвѣтственными, такъ какъ они могутъ прикрыть всѣ свои распоряженія постановленіями общихъ собраній, ими же самими фабрикованныхъ. Мнѣ случилось какъ-то заѣхать по дѣлу въ правленіе одного желѣзнодорожнаго общества, и я не нашелъ ни одного служащаго: оказалось, что всѣ они въ этотъ день разыгрывали роль акціонеровъ въ общемъ собраніи другого общества. Мудрено ли, послѣ этого, отвѣчать передъ такимъ собраніемъ? Напротивъ того, лицо, состоящее на государственной службѣ, при всемъ желаніи злоупотреблять своею властію, никогда не рѣшится и не будетъ въ состояніи позволить себѣ такихъ неразсчетливыхъ тратъ, какія сплошь и рядомъ дѣлаются въ акціонерныхъ обществахъ. Въ подтвержденіе этого, достаточно сослаться на производившееся надняхъ дѣло о московскомъ ссудномъ банкѣ. Тотъ же г. Полянскій, еслибъ онъ состоялъ на службѣ въ государственномъ учрежденіи, никогда бы не позволилъ себѣ ничего подобнаго, и тотъ же г. Шумахеръ открылъ бы эти злоупотребленія въ самомъ началѣ, еслибъ они и возникли въ учрежденіи, состоящемъ подъ его наблюденіемъ; въ частномъ же обществѣ безотвѣтственное положеніе порождаетъ совершенно пассивное отношеніе къ дѣлу.

Но этого мало. Система оптовыхъ контрактовъ, по которымъ постройка передается предпринимателю за опредѣленную въ концессіи сумму, и утвержденіе этой сдѣлки фиктивнымъ общимъ собраніемъ акціонеровъ устраняютъ совершенно всякую возможность ревизіи и преслѣдованія даже со стороны правительства. Строитель, сдавая дорогу имъ же составленному воображаемому обществу часто въ неоконченномъ видѣ, ставитъ послѣднее въ такое положеніе, что оно должно приступить къ эксплуатаціи дороги нетолько безъ всякихъ запасныхъ средствъ и безъ всякаго оборотнаго капитала, но даже безъ средствъ на окончаніе всѣхъ недодѣлокъ. Вслѣдствіе этого, воображаемое общество—которое есть нечто иное, какъ тотъ же строитель, но только не отвѣчающій за свои дѣйствія, въ виду полнаго разсчета съ обществомъ, съ перваго же дня эксплуатація—не можетъ обходиться безъ пособія правительства то на окончаніе оставшихся недодѣлокъ, то на покрытіе дефицита за первое время эксплуатаціи, то на составленіе оборотнаго капитала. Затѣмъ, когда всѣ

подобныя нужды общества покрыты правительствомъ, являются новыя нужды: на увеличеніе количества подвижного состава, на расширеніе запасныхъ путей и станціонныхъ помѣщеній, на устройство мастерскихъ и т. д., и т. д.

При такомъ положеніи дѣла, правительство не можетъ не оказывать этого содѣйствія. Разъ затративши въ предпріятіе три четверти основного капитала, оно, въ собственныхъ интересахъ и въ виду безопасности движенія, не можетъ оставить общества на произволъ судьбы. Затѣмъ, эти пособія, по своей цифрѣ, такъ значительны, что недоступны средствамъ частныхъ лицъ, взявшихся за исполненіе предпріятія, и не обѣщаютъ никакихъ особыхъ выгодъ, которыя могли бы привлечь подписку частныхъ капиталовъ на пополненіе недостающихъ средствъ, въ особенности въ виду ихъ недостатка на нашемъ рынкѣ и шаткаго положенія нашего желѣзнодорожнаго дѣла. Очевидно, что предприниматели могутъ найти поддержку только въ правительствѣ. Конечно, правительство, при неисполненіи обществомъ принятыхъ на себя обязательствъ, могло бы взять дѣло въ свои руки; такое право возникаетъ для правительства даже при неуплатѣ процентовъ съ облигаціоннаго капитала, такъ какъ облигаціонный долгъ общества представляетъ собою первую ипотеку и, на основаніи общихъ законовъ, право взять въ свое завѣдываніе заложенное имущество несостоятельнаго залогодателя безспорно принадлежитъ кредитору. Но дѣло въ томъ, что у насъ принята, къ сожалѣнію, система постройки и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ исключительно посредствомъ частныхъ обществъ. Возможность правительственной дѣятельности въ подобнаго рода предпріятіяхъ, въ нашихъ высшихъ сферахъ рѣшительно не допускается, и даже такая дорога, какъ николаевская, которая приноситъ до 20,000 руб. съ версты чистаго дохода, передана, частному обществу. Такимъ образомъ, разъ усвоенная исключительная система постройки и эксплуатаціи дорогъ посредствомъ частныхъ обществъ, ставитъ правительство въ такое положеніе, что оно, несмотря ни на какія ошибки, безпорядки и даже злоупотребленія, встрѣчающіеся въ этихъ обществахъ, поставлено въ необходимость оказывать имъ поддержку, вслѣдствіе чего долги ихъ достигли номинальной цифры ихъ акціонерныхъ капиталовъ и нѣтъ никакой надежды, чтобъ такое возрастаніе долговъ остановилось въ близкомъ будущемъ. Напротивъ того, существуютъ несомнѣнныя данныя, что такое возрастаніе пойдетъ прогрессивно. Все это заставляетъ предложить вопросъ; насколько основательно мнѣніе, что правительственная постройка и эксплуатація желѣзныхъ дорогъ убыточны?

Въ нашей практикѣ установилось это мнѣніе въ виду бывшихъ опытовъ на николаевской дорогѣ, по которымъ постройка этой дороги обошлась правительству очень дорого, работы производились медленно и эксплуатація дороги во все время, въ которое она производилась за счетъ казны, была убыточна. На до-

роговизну постройки и убыточность эксплуатаціи указываютъ также и на курской желѣзной дорогѣ. Но что-же доказываютъ эти факты? Если они и свидѣльствуютъ о чемъ либо, такъ развѣ о томъ только, что порядокъ, установленный для этихъ операцій, былъ неудовлетворителенъ, но вовсе не говорятъ ничего противъ самаго принципа правительственной постройки. Другіе люди могутъ установить другіе порядки, и дѣло можетъ пойти весьма успѣшно. Подобные примѣры мы видимъ ежедневно и въ частной дѣятельности. Одно и тоже дѣло одному лицу, при извѣстномъ порядкѣ, приноситъ хорошія выгоды, другому же служитъ положительнымъ раззореніемъ. Весь успѣхъ дѣла зависитъ отъ болѣе или менѣе удачнаго выбора исполнителей, отъ болѣе или менѣе раціональныхъ пріемовъ исполненія, дѣйствительности контроля надъ распоряженіями лицъ, завѣдывающихъ дѣломъ, и ихъ отвѣтственности. На этомъ основаніи, бывшіе примѣры нисколько не говорятъ, что такъ должно быть и всегда, и отнюдь не доказываютъ невозможности правительственной постройки желѣзныхъ дорогъ, тѣмъ болѣе, что главными дѣятелями въ частныхъ желѣзнодорожныхъ обществахъ являются инженеры, получившіе образованіе въ правительственныхъ учрежденіяхъ и, въ большинствѣ случаевъ, состоящіе на службѣ у правительства. Создайте этимъ лицамъ другія условія дѣятельности, и результатъ будетъ другой.

При этомъ не слѣдуетъ опускать изъ виду, что постройка николаевской дороги была первымъ опытомъ въ Россіи; затѣмъ, она построена образцовымъ образомъ и съ такой роскошной обстановкой, что ничего нѣтъ удивительнаго, если она обошлась дорого. Даже московско-курская дорога строилась въ то время, когда еще не опредѣлилась дѣйствительная стоимость сооруженія. Въ то время, дѣло это представлялось до такой степени сложнымъ и разнообразнымъ, что невольно ставило въ тупикъ главныхъ распорядителей, и вопросъ, какъ обставить дѣло, чтобъ окончить его съ успѣхомъ, дѣйствительно представлялъ затрудненіе. Въ настоящее время, послѣ постройки почти 20,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ, дѣло до того упростилось, цѣны на всѣ работы и желѣзнодорожныя принадлежности до того установились, что можно, не выходя изъ кабинета, пріискать и производителей земляныхъ работъ, и строителей мостовъ, и поставщиковъ всѣхъ возможныхъ принадлежностей по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Если возможно завѣдывать частному предпринимателю, не отличающемуся никакими особыми свѣдѣніями, эксплуатаціей нѣскольких дорогъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, строить новую, чему мы видимъ примѣры, то ясно, что это—дѣло не хитрое. Утверждать, что правительство не въ состояніи завѣдывать одной изъ главныхъ отраслей государственнаго хозяйства, а именно устройствомъ и управленіемъ искуственными путями сообщенія, значитъ отрицать всякую хозяйственную распорядительность правительства, а, такъ какъ управленіе государствомъ немыслимо безъ

хозяйственной дѣятельности, то на этомъ пути, идя логически, можно дойти до отрицанія пользы всякой правительственной дѣятельности, до предположенія, напримѣръ, что и управленіе финансами государства должно быть поручено акціонерной компаніи. Если же такое предположеніе является совершеннымъ абсурдомъ, то такимъ же абсурдомъ должно представляться и мнѣніе, что правительственная постройка желѣзныхъ дорогъ не можетъ быть допущена. Если и было время, когда мысль эта могла казаться до извѣстной степени основательною, то, въ настоящее время, она должна быть совершенно оставлена, тѣмъ болѣе, что на Западѣ всѣ лучшіе умы приходятъ къ мысли о вредѣ предоставленія частнымъ лицамъ такого важнаго и притомъ положительно монопольнаго права. Такое право еще могло бы считаться безвреднымъ, еслибъ желѣзнодорожное дѣло, находясь въ частныхъ рукахъ, дѣйствительно шло успѣшно и не требовало бы пожертвованій со стороны государства, какъ это дѣлается, напримѣръ, въ Англіи. Но у насъ не то: сдѣланный у насъ опытъ доказалъ ясно и положительно, что частная инициатива у насъ безсильна въ этомъ отношеніи и способна сдѣлать что̀ нибудь лишь тогда, когда правительство дастъ ей всѣ или почти всѣ средства. Такимъ образомъ, у насъ всѣ убытки этого дѣла падаютъ на государственное казначейство, тогда какъ выгоды, когда онѣ есть, достаются на долю акціонерныхъ обществъ. Въ самомъ дѣлѣ, какія наиболѣе выгодныя у насъ дороги? Это николаевская, нижегородская, московско-рязанская, рязанско-козловская, московско-курская и курско-кіевская. Но, спрашивается: почему онѣ выгодны и что̀ сдѣлали гг. акціонеры и правленія этихъ дорогъ, чтобъ доходы ихъ возрасли до настоящей ихъ цифры? Отвѣчаю: доходы этихъ дорогъ возвысились потому, что правительство строило дальнѣйшее продолженіе этихъ дорогъ и ихъ развѣтвленіе, и, слѣдовательно, ни акціонеры, ни правленія неповинны въ этомъ: они не ударили пальцемъ о палецъ, между тѣмъ какъ цѣнность ихъ имуществъ удвоилась и утроилась, только благодаря тому, что правительство сдѣлало громадныя затраты и несетъ значительный убытокъ отъ этихъ затратъ.

Еслибы дѣйствующая нынѣ система не имѣла мѣста и дороги принадлежали бы правительству, тогда выгоды отъ прежде устроенныхъ линій могли бы покрывать часть убытковъ отъ вновь устроенныхъ. Но этого нѣтъ: возникающій убытокъ падаетъ всецѣло на правительство, а выгоды достаются акціонерамъ, безъ всякихъ съ ихъ стороны усилій. Хотя всѣ подобныя затраты правительства заносятся долгомъ на общества, но возвратъ этого долга весьма сомнителенъ, такъ какъ, по своимъ уставамъ, общества уплачиваютъ его только тогда, когда доходы ихъ превысятъ 5 процентовъ и $^1/_{10}$ погашенія, и на эту уплату идетъ только половина такого излишка. При этомъ слѣдуетъ принять въ соображеніе, что доходы обществъ, не состоящихъ въ долгу у правительства, будутъ возрастать постоянно, по

мѣрѣ того, какъ наша сѣть желѣзныхъ дорогъ будетъ развиваться, т.-е. пропорціонально тѣмъ пожертвованіямъ и убыткамъ, которые будетъ принимать на себя государство. Такой порядокъ вещей будетъ продолжаться въ теченіи почти вѣковаго періода времени. Можно себѣ представить, во сколько разъ увеличится цѣнность акцій упомянутыхъ мною желѣзныхъ дорогъ, если цѣна, напримѣръ, рязанскихъ акцій, въ теченіи только 12 лѣтъ, утроилась. И за какія-такія услуги обществу или государству предоставляются эти выгоды акціонерамъ? Только за храненіе въ своихъ бюро извѣстныхъ клочковъ бумаги, называемыхъ акціями. Спрашивается, гдѣ же справедливость? Мнѣ возразятъ, можетъ быть, что это—не простые клочки бумаги, что эти клочки оплачены извѣстной суммой денегъ и представляютъ собою затраченный капиталъ. Совершенно вѣрно, и не я, конечно, буду оспаривать справедливость вознагражденія за капиталъ, затраченный на постройку дороги—вознагражденія даже весьма значительнаго; но всему есть мѣра, и подобное прогрессивное возрастаніе вознагражденія, какое мы видимъ на нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогахъ даже въ настоящее время и какое имъ предстоитъ еще въ ближайшемъ будущемъ, если условія эксплуатаціи не измѣнятся, переходитъ всякіе предѣлы справедливости. Въ видахъ этой справедливости, такому порядку вещей долженъ быть положенъ предѣлъ путемъ законодательнымъ; средствомъ же для достиженія этой цѣли можетъ быть избранъ налогъ и притомъ прогрессивный, по мѣрѣ возвышенія чистаго дохода дороги.

Необходимость подобной мѣры обусловливается еще и другими соображеніями, чисто экономическаго свойства, такъ какъ возвышеніе цѣны желѣзнодорожныхъ акцій способствуетъ тратѣ не настоящихъ, а будущихъ доходовъ страны, стало быть, способствуетъ тратѣ не доходовъ, а капиталовъ. Положимъ, что я имѣю на сто тысячъ рублей акцій желѣзной дороги, доходность которой увеличилась въ нѣсколько лѣтъ съ 5 на 10%, вслѣдствіе чего цѣна акцій удвоилась и я продаю ихъ за 200 тыс. рублей. Лицо, купившее ихъ у меня, продолжаетъ получать прежній доходъ въ 5%, а заплатило эту цѣну *только въ надеждѣ на возвышеніе доходности въ будущемъ*. Между тѣмъ, я, удвоивши въ нѣсколько лѣтъ свое состояніе, по всей вѣроятности, позволю себѣ нѣкоторыя непроизводительныя траты изъ капитала, безъ которыхъ я могъ бы легко обойтись. Независимо отъ этого, и ежегодный мой бюджетъ на удовлетвореніе моихъ потребностей непремѣнно возрастетъ, такъ какъ потребности человѣка прогрессивны и всегда являются прежде, чѣмъ средства къ ихъ удовлетворенію. Только благоразуміе и предусмотрительность заставляетъ человѣка отказываться отъ удовлетворенія нѣкоторыхъ своихъ потребностей. Въ приведенномъ же мною примѣрѣ причины воздержанія будутъ значительно ослаблены быстрымъ улучшеніемъ моего положенія. Вслѣдствіе этого

не можетъ быть никакого сомнѣнія, что я позволю себѣ излишнія траты и единовременно, и постоянно, и все это—только потому, что покупщикъ моихъ акцій надѣется на возвышеніе ихъ доходности въ будущемъ. Стало быть, этотъ порядокъ вещей нетолько не способствуетъ накопленію, но ведетъ къ прямой растратѣ существующихъ въ странѣ капиталовъ и пониженію заработной платы, вслѣдствіе чего долженъ считаться вреднымъ въ экономическомъ отношеніи для цѣлой страны.

На это я предвижу одно возраженіе: мнѣ могутъ сказать, что такія послѣдствія неизбѣжны при всякомъ промышленномъ предпріятіи, доходы котораго прогрессируютъ. Но во всякомъ другомъ промышленномъ предпріятіи человѣкъ, увеличивая его доходность, тѣмъ или другимъ способомъ создаетъ, такъ сказать, новую цѣнность и потому можетъ разсчитывать совершенно справедливо на вознагражденіе. Но въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ не создается никакой новой цѣнности: здѣсь доходность возрастаетъ отъ дальнѣйшаго продолженія и развѣтвленія дороги, т. е. отъ усилій и пожертвованія цѣлаго государства, безъ всякаго участія со стороны собственниковъ дѣла. Къ тому же, средство мобилизаціи капитала, положеннаго на устройство желѣзной дороги, съ помощію его дробленія на мелкія акціи, и притомъ на предъявителя, доведено до крайнихъ предѣловъ удобства. Такая подвижность капитала придаетъ ему двойную цѣнность. Онъ сохраняетъ характеръ недвижимой собственности, по способности возрастать постоянно въ цѣнѣ, не имѣя ея неудобствъ, состоящихъ въ трудности дробленія и перехода имущества изъ рукъ въ руки, а также въ малоспособности обезпечивать кредитъ повсемѣстно. Кромѣ того, желѣзнодорожныя предпріятія, по своей громадности и по своему монопольному положенію, пользуются такою устойчивостію и общеизвѣстностію, что, при существованіи даннаго дохода, могутъ вполнѣ имѣть характеръ вѣрныхъ процентныхъ бумагъ, и въ этомъ отношеніи съ ними не могутъ сравниться никакія промышленныя предпріятія. На этомъ основаніи, если и нельзя отвергать истины того положенія, что нѣкоторые предметы собственности могутъ возростать въ цѣнѣ помимо усилій и стараній ихъ хозяевъ, то желѣзнодорожныя предпріятія обладаютъ этой способностью всего болѣе и она проявляется въ нихъ иногда очень быстро, на томъ простомъ основаніи, что издержки эксплуатаціи съ увеличеніемъ движенія возростаютъ непропорціонально этому движенію, но въ значительно меньшемъ размѣрѣ. Такъ, напримѣръ, на николаевской дорогѣ, съ 1868 по 1875 годъ, валовой сборъ увеличился слишкомъ вдвое, между тѣмъ какъ издержки эксплуатаціи возвысились только на 36%, вслѣдствіе чего чистый доходъ возвысился въ три съ половиною раза и въ 1875 году превысилъ 12 мил. рублей.

Въ виду всѣхъ означенныхъ соображеній, желѣзно-дорожныя предпріятія, если они приносятъ доходъ выше извѣстнаго про-

цента, должны быть относимы къ разряду имуществъ, способныхъ, по всей справедливости, выносить наибольшее и притомъ прогрессивное обложеніе. Такой налогъ будетъ нетолько справедливъ, но и вполнѣ цѣлесообразенъ въ экономическомъ отношеніи, такъ какъ онъ будетъ препятствовать непроизводительной растратѣ капиталовъ и, слѣдовательно, содѣйствовать наибольшему ихъ накопленію.

Но все, что было сказано о желѣзнодорожномъ налогѣ, все это представляетъ не болѣе, какъ пальятивное средство противъ начинающаго у насъ развиваться порядка вещей, въ силу котораго убытки желѣзнодорожнаго дѣла падаютъ на государственное казначейство, а его выгоды достаются частнымъ лицамъ безъ всякихъ съ ихъ стороны усилій. Я утверждаю это на томъ простомъ основаніи, что налогъ на желѣзнодорожные доходы, какъ бы онъ высокъ ни былъ, не можетъ и не долженъ поглощать нетолько всю сумму, на которую возвысятся доходы общества, но даже и половину ея, такъ какъ подобная мѣра можетъ повести къ другому злу — къ уменьшенію доходности дорогъ. Но какъ скоро остается возможность возвышенія доходности акцій, то остается и возможность возвышенія ихъ стоимости, хотя и въ меньшей степени: слѣдовательно, вредъ не уничтожается, а только уменьшается.

Это зло, коренящееся въ самой системѣ постройки и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ посредствомъ частныхъ обществъ, имѣетъ наибольшее значеніе въ нашемъ отечествѣ по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, потому что основной капиталъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ бо̀льшею частію образуется выпускомъ облигацій и только четвертая часть относится на акціонерный капиталъ. На этомъ основаніи, при извѣстной доходности линіи, вся выгода достается на долю четвертой части основнаго капитала, и, если доходность всей линіи возрастаетъ на одинъ процентъ, то доходъ акціонеровъ возрастаетъ на 4%, т. е. въ четверо быстрѣе, чѣмъ доходность линіи. Во-вторыхъ, извѣстны громадныя оцѣнки, по которымъ выстроено большинство нашихъ желѣзныхъ дорогъ, и тѣ колоссальные барыши, которые получали наши строители и которые доходили иногда до полной суммы всего акціонернаго капитала. Правда, что эти барыши иногда доставались не строителямъ, а тѣмъ банкамъ и банкирамъ, съ которыми они вели дѣло, но это нисколько не увеличиваетъ значенія акцій, по отношенію къ вложенному въ желѣзнодорожное дѣло капиталу. Она, все-таки, остается клочкомъ бумаги, или вовсе неоплаченнымъ, или оплаченнымъ въ половину и менѣе номинальной стоимости. На этомъ основаніи, возвышеніе стоимости бумагъ этого рода должно въ особенности шокировать безпристрастнаго наблюдателя и прямо указывать на несостоятельность той системы, которая считается у насъ исключительно выгодной и правильной. Читатель, можетъ быть, усумнится, что между нашими желѣзными дорогами есть такія, по которымъ не-

оплаченныя вовсе акціи цѣнятся очень высоко по количеству приносимаго ими дохода. Но тогда мы укажемъ на всѣ акціи рязанско-козловской и на находящуюся въ частныхъ рукахъ часть акцій курско-кіевской дороги. Капиталъ, представляемый этими акціями, можно считать чистымъ барышомъ, доставшимся ихъ строителямъ, такъ какъ на первой дорогѣ облигаціонный капиталъ, болѣе 50,000 р. мет. на версту, при легкости техническихъ условій сооруженія, былъ вполнѣ достаточенъ для постройки дороги. Что же касается второй дороги, то капиталъ оплаченныхъ правительствомъ акцій и облигацій также съ избыткомъ могъ покрывать всѣ строительные расходы [1]. Къ числу такого же рода акцій можно отнести орловско-витебскія, витебско-динабургскія, курско-харьково-азовскія, тамбовско-саратовскія и вообще всѣ тѣ, на которыхъ облигаціонный капиталъ представляетъ цифру болѣе 45,000 р. металлическихъ на версту, такъ какъ постройка этихъ линій не могла стоить дороже. Впрочемъ, акціи этихъ послѣднихъ дорогъ цѣнятся не по количеству приносимаго линіями, а по количеству гарантированнаго имъ дохода; слѣдовательно, не могутъ шокировать наблюдателя настолько, насколько первыя, хотя, во всякомъ случаѣ, доходъ, получаемый съ бумагъ безъ всякаго взноса капитала, представляетъ явленіе ненормальное.

Всѣ эти ненормальныя явленія представляются слѣдствіемъ укоренившагося у насъ понятія, что хозяйственная дѣятельность для администраціи невозможна. Ошибочная экономическая теорія laissez faire, laissez passer и проведеніе этого принципа до крайнихъ его предѣловъ имѣли въ этомъ случаѣ, какъ мнѣ кажется, значительное и очень печальное вліяніе. Я готовъ согласиться, что до сихъ поръ казенная постройка и эксплуатація желѣзныхъ дорогъ не давала хорошихъ результатовъ, но для того, чтобъ разрѣшить вопросъ правильно, казалось бы необходимымъ сначала изслѣдовать причины неудовлетворительности этихъ результатовъ и принять мѣры противъ безпорядковъ и злоупотребленій, такъ какъ рядомъ, въ сосѣдней намъ Пруссіи, казенное хозяйство идетъ очень успѣшно. Но у насъ этотъ примѣръ не обратилъ на себя вниманія; система казенной постройки и эксплуатаціи была забракована и введена новая концессіонная. Изъ всего, однакожъ, что сказано выше, читатель видитъ, что эта система нисколько не лучше прежней и ведетъ къ такимъ тратамъ, мѣру которыхъ въ будущемъ опредѣлить довольно трудно. Предубѣжденіе противъ прежней системы развилось настолько, что даже двѣ самыя доходныя линіи, выстроенныя на казенныя средства, переданы въ руки частныхъ обществъ. При этомъ нельзя не обратить вниманія на моментъ передачи.

---

[1] Доказательства этой мысли см. въ брошюрѣ моей «Вопросы государственнаго хозяйства». Статья: «Исторія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи».

Выше было указано, что доходность желѣзныхъ дорогъ увеличивается только съ увеличеніемъ района, съ котораго они могутъ получать грузы, и что это увеличеніе можетъ быть слѣдствіемъ или продолженія дороги, или ея развѣтвленія въ стороны. 1869 годъ, когда николаевская дорога была передана главному обществу, былъ именно тѣмъ моментомъ, когда существующая нынѣ сѣть желѣзныхъ дорогъ стала приходить къ окончанію и грузы южныхъ губерній потянулись къ петербургскому порту, и всѣ заграничные товары, и въ особенности желѣзнодорожныя принадлежности, направились внутрь Россіи изъ Петербурга. Это былъ именно тотъ моментъ, начиная съ котораго доходность николаевской дороги должна была сильно возрастать, вслѣдствіе тѣхъ пожертвованій, которыя сдѣланы были для сооруженія дорогъ средней и южной полосы Россіи. До сего времени дорога эта существовала одиноко и, слѣдовательно, не могла приносить тѣхъ выгодъ, которыя она могла обѣщать въ будущемъ. И этотъ самый моментъ есть моментъ передачи ея частному обществу. Какая же перемѣна послѣдовала въ управленіи желѣзной дорогой послѣ ея передачи? Г. Кёнигъ, инженеръ, состоящій на службѣ въ министерствѣ путей сообщенія и откомандированный въ главное общество для управленія нижегородской дорогой, назначенъ управляющимъ николаевской дорогой, и все дѣло получаетъ другой видъ. Но спрашивается: развѣ министерство путей сообщенія не могло сдѣлать того же распоряженія и развѣ дѣло управленія идетъ лучше только отъ того, что г. Кёнигъ подчиненъ не министерству путей сообщенія, а совѣту главнаго общества? Если допустить утвердительный отвѣтъ на этотъ послѣдній вопросъ, т. е. если согласиться съ мнѣніемъ, что министерство путей сообщенія не могло дать г. Кёнигу правильныхъ инструкцій, то отсюда еще никакъ нельзя вывести заключенія о необходимости передачи такой капитальной линіи главному обществу, но скорѣе можно было допустить полезность перемѣщенія членовъ совѣта главнаго общества въ министерство путей сообщенія. Но и такое заключеніе было бы неосновательно, потому что наиболѣе вліятельные члены совѣта принадлежали и теперь принадлежатъ къ составу министерства путей сообщенія. Сверхъ того, отдавая должную справедливость распорядительности и опытности г. Кёнига, какъ администратора, я позволю себѣ замѣтить, что въ дѣлѣ увеличенія доходности николаевской дороги главнымъ факторомъ надо признать, все-таки, увеличеніе валоваго сбора, что вполнѣ зависитъ отъ расширенія сѣти желѣзныхъ дорогъ, примыкающихъ къ Москвѣ, слѣдовательно—отъ причины, вовсе независящей отъ управляющаго дорогою. Я вполнѣ соглашаюсь, что отъ управляющаго дорогою зависитъ многое, но далеко не все.

Мнѣ могутъ, конечно, замѣтить, что въ 1869 году нельзя было предусмотрѣть такого развитія движенія и увеличенія доходности николаевской дороги, какое оказалось; но на это я позволю

себѣ сказать, что, если нельзя было предусмотрѣть за шесть лѣтъ усиленнаго движенія по николаевской дорогѣ, то тѣмъ труднѣе было предусмотрѣть, что условія заключеннаго контракта будутъ выгодны въ теченіи 80 лѣтъ. Между тѣмъ, обстоятельства сложились такъ, что въ 1875 году дорога дала чистой прибыли 12 мил., изъ которыхъ главное общество получило, по условіямъ раздѣла, за уплатою долга по расторженію контракта г. Уайненса, (что обошлось ему въ 5.000,000 руб.), 1.377,299 руб. Эту сумму оно получило только за то, что г. Кёнигъ подчиненъ не министерству путей сообщенія, а совѣту главнаго общества. Если же предположить, что доходность николаевской дороги въ слѣдующее шестилѣтіе возрастетъ не въ три съ половиною раза, какъ это было до 1875 года, а только въ полтора раза, т. е. чистый доходъ возвысится съ 12 на 18 мил. руб. (ожидать чего очень возможно), то тогда доходъ главнаго общества отъ этой дороги дойдетъ до 6.562,500 р., что представитъ 5% съ капитала въ 131 мил. рублей. Вотъ какія суммы могутъ получать акціонерныя общества отъ долгосрочныхъ контрактовъ. Послѣ этого, знаменитый контрактъ г. Уайненса, который производилъ въ свое время такъ много шума, представляется далеко не настолько выгодной операціей.

Тоже или почти тоже можно сказать и о московско-курской дорогѣ, которая имѣетъ также блистательную будущность, хотя здѣсь и нѣтъ такихъ грандіозныхъ цифръ. Центральное положеніе этой дороги, дальнѣйшее развѣтвленіе сѣти и развитіе промышленности должны въ очень не далекомъ будущемъ поставить ее, если не въ лучшее, то никакъ не въ худшее положеніе, чѣмъ московско-рязанская дорога, а эта послѣдняя, въ 1875 году, дала болѣе 15,000 руб. съ версты чистаго дохода. Такой результатъ необходимо заставитъ пожалѣть о передачѣ этой дороги въ руки частнаго общества.

Утверждаютъ также, что эксплуатація желѣзныхъ дорогъ казенными средствами невозможна на томъ основаніи, что правительство не въ состояніи установить правильный контроль надъ своими агентами, что формальности, соблюденіе которыхъ необходимо въ казенномъ управленіи, даютъ средство скрывать дѣйствительное положеніе дѣла и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на столько стѣсняютъ дѣятельность распорядителей, что они не въ состояніи вести его раціонально. Но, во-первыхъ, дороги строятся на казенныя средства, слѣдовательно, и доходы этихъ дорогъ составляютъ также казенныя средства, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока эти доходы не даютъ возможности обществу исполнять свои обязательства къ правительству и не требовать отъ него никакихъ пособій. Если же общество распоряжается казенными средствами, то контроль нуженъ если не болѣе, то никакъ не менѣе серьёзный, чѣмъ при казенномъ управленіи. Передача дѣла въ частныя руки отнюдь не даетъ какихъ либо новыхъ средствъ къ установленію правильнаго контроля, а, напротивъ,

лишаетъ правительство даже послѣдней возможности имѣть какое бы то ни было наблюденіе за правильностію и хозяйственностію употребленія этихъ средствъ. Это такъ вѣрно, что настоящая дѣятельность частныхъ обществъ положительно ускользаетъ отъ контроля правительства, и оно выплачиваетъ суммы гарантированнаго дохода и зачисляетъ въ долгосрочный долгъ недоимки процентовъ по облигаціонному капиталу только на основаніи представленій правленій, безъ всякой серьёзной провѣрки, такъ какъ для этой провѣрки не существуетъ никакихъ правилъ и постановленій, ни даже органовъ, на которые подобная провѣрка возлагалась бы. На этомъ основаніи, всякій расходъ, записанный въ итогахъ, долженъ считаться правильнымъ. Но вѣдь отсутствіе всякой возможности контроля не можетъ считаться порядкомъ желательнымъ въ такомъ дѣлѣ, на которое затрачены сотни мильйоновъ рублей, и, слѣдовательно, возраженіе о трудности контроля надъ агентами правительства отпадаетъ само собою. Что же касается тѣхъ формальностей, которыя, съ одной стороны, дозволяютъ маскировать сущность дѣла, а съ другой стороны—излишне и во вредъ дѣлу стѣсняютъ свободу дѣятельности распорядителей, то нельзя не согласиться, что порядокъ, установленный нашимъ законодательствомъ для всякой хозяйственной дѣятельности казенныхъ агентовъ, страдаетъ значительно этими недостатками. Вообще говоря, всѣ правила, существующія у насъ и относящіяся сюда, носятъ на себѣ характеръ централизаціи, желанія руководить вполнѣ дѣятельностію второстепенныхъ и мѣстныхъ агентовъ и отсутствія всякаго къ нимъ довѣрія. Правила эти совершенно упускаютъ изъ виду, что своихъ рукъ никому не подставишь и что успѣхъ порученія, и въ особенности хозяйственнаго и притомъ постояннаго, зависитъ, во-первыхъ, отъ способности и добросовѣстности агента, а за тѣмъ отъ его отвѣтственности не на бумагѣ только, а въ дѣйствительности; но никакъ не отъ инструкцій, съ которыми онъ долженъ постоянно справляться. Если же это такъ, то развѣ существующіе порядки составляютъ conditio sine qua non казеннаго управленія. Кто же мѣшаетъ измѣнить ихъ, если они найдены неудобными? Но скажутъ мнѣ: при бо̀льшей свободѣ дѣятельности, контроль, и безъ того затруднительный, сдѣлается положительно невозможнымъ. Да̀, въ отношеніи къ бумажному контролю, но не въ отношеніи къ контролю по существу дѣла. Одна обязанность каждаго распорядителя хозяйственнаго дѣла печатать во всеобщее свѣдѣніе періодическую отчетность является уже въ рукахъ начальства могущественнымъ орудіемъ для предупрежденія многихъ неправильныхъ дѣйствій, независимо отъ всѣхъ другихъ средствъ, состоящихъ въ его распоряженіи. Оцѣнка дѣятельности служащаго не по времени его службы и не по чинамъ, въ которыхъ онъ состоитъ, а по дѣйствительной пользѣ, которую онъ внесъ въ дѣло, развѣ не можетъ открыть состязанія между распорядителями и тѣмъ обезпечить успѣхъ дѣла?

Все это — такія извѣстныя истины, которыя сдѣлались уже общими мѣстами, и остается только удивляться, какимъ образомъ могъ установиться взглядъ, что хозяйственная дѣятельность для правительства невозможна и невыгодна, установиться сознаніе въ невозможности создать такія условія, при которыхъ и злоупотребленія сдѣлались бы невозможными, и полезная дѣятельность не была бы стѣснена.

Въ предыдущей моей статьѣ («Отеч. Зап. № 8-й»), говоря о нашихъ горныхъ заводахъ, я указывалъ на несостоятельность подобнаго взгляда и выставилъ нѣсколько причинъ, по которымъ наше казенное хозяйство не достигаетъ успѣшныхъ результатовъ; я прошу читателя привести себѣ на память эти положенія, такъ какъ въ настоящей статьѣ я представилъ только новыя доказательства справедливости ихъ изъ другой отрасли государственнаго хозяйства.

Въ заключеніе по этому вопросу, укажу еще на одно неудобство эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ частными акціонерными обществами. Оно состоитъ въ совершенно непроизводительныхъ тратахъ. Въ настоящее время, у насъ имѣется 55 желѣзнодорожныхъ обществъ, и каждое изъ нихъ имѣетъ свое правленіе, состоящее изъ пяти директоровъ, а въ совѣтѣ главнаго общества состоитъ, кажется, 20 членовъ. Что лица эти не обременены занятіями, доказательствомъ этому служитъ то, что они часто состоятъ директорами въ нѣсколькихъ обществахъ, а многіе, сверхъ того, состоятъ и на государственной службѣ, занимая должности съ довольно серьёзными обязанностями. Если принять общее число директоровъ по 5 на каждое общество, съ окладомъ въ 5,000 руб., то одно жалованье директоровъ представляетъ уже почтенную цифру 1.375,000 руб., не считая расходовъ на помѣщеніе, обстановку и содержаніе всѣхъ должностныхъ лицъ канцеляріи. Затѣмъ, укажу на оклады мѣстныхъ агентовъ обществъ. Лица, состоящія въ должностяхъ управляющихъ, главныхъ инженеровъ, начальниковъ отдѣльныхъ службъ, получаютъ оклады отъ 6 т. до 25 т. рублей. Такіе министерскіе оклады общества обязаны платить, въ виду существующей между ними конкуренціи, для привлеченія на службу наиболѣе дѣльныхъ и способныхъ личностей, и, если сосчитать подобные оклады во всѣхъ обществахъ, то эта цифра составитъ уже не одинъ, а нѣсколько мильйоновъ. Но лица съ такими окладами сами неохотно занимаются дѣломъ: они привыкли уже къ извѣстному спокойствію и комфорту и предпочитаютъ отдавать приказанія; поэтому, у нихъ есть помощники, тоже получающіе значительные оклады. Польза отъ такихъ значительныхъ окладовъ весьма сомнительна, а вредъ — ясенъ, какъ Божій день. Онъ состоитъ не въ однихъ расходахъ обществъ, но въ развитіи роскоши, которая прямо деморализуетъ цѣлое общество и заставляетъ очень многихъ прибѣгать къ предосудительнымъ средствамъ наживы, чтобъ не отставать въ своей обстановкѣ отъ гг.

железнодорожныхъ и другихъ дѣятелей. Кромѣ того, при такомъ порядкѣ вещей, и мѣстные органы правительственной власти встрѣчаютъ сильную конкуренцію въ спросѣ на умственныя силы и обязаны довольствоваться болѣе слабыми. Всѣ эти явленія въ значительной степени вызываются тѣмъ ошибочнымъ взглядомъ, что правительство не можетъ, съ пользою для дѣла, завѣдывать эксплуатаціей желѣзныхъ дорогъ. Будь это дѣло въ рукахъ правительства, администрація желѣзныхъ дорогъ не могла бы стоить такъ дорого; никогда траты на предметы роскоши и комфорта не могли бы достигать тѣхъ размѣровъ, до которыхъ они доходятъ, въ настоящее время, не могли бы представляться дѣломъ обыкновеннымъ; никогда дороговизна жизни не могла бы возвысится до такой степени. Въ итогѣ, жертвою такого порядка вещей является человѣкъ бѣдный, тяжкимъ трудомъ снискивающій себѣ хлѣбъ и теплый уголъ, такъ какъ и тотъ, и другой обходятся ему гораздо дороже, и всякое удобство въ жизни становится ему не подъ силу. Я не хочу этимъ сказать, что затрудненія бѣдныхъ людей являются слѣдствіемъ только одной этой причины; я знаю, что всякое экономическое явленіе есть результатъ цѣлаго ряда предыдущихъ фактовъ; но я не могу не видѣть связи между такими явленіями, какъ, напримѣръ, бросаніе денегъ на пустяки со стороны многихъ сотенъ и тысячъ людей, обезпеченныхъ даровыми окладами, почти безъ труда, и увеличивающейся дороговизной жизни вообще, которая тяжело отзывается на бѣдномъ человѣкѣ, и думаю, что роскошь первыхъ играетъ не послѣднюю роль въ возвышеніи цѣнъ на главныя жизненныя потребности. Прошло то время, когда думали, что роскошь богатыхъ даетъ заработокъ бѣднымъ; въ настоящее время, наука открыла ошибочность этого положенія и утверждаетъ, что, если вы отвлекаете производительныя силы страны для удовлетворенія вашихъ прихотей, то отъ этого дорожаютъ предметы первой необходимости и падаетъ заработная плата.

Но, скажутъ мнѣ, что сдѣлано—того не воротишь, и настоящее положеніе дѣлъ должно продолжаться во все время, на которое выданы концессіи. Но такъ ли это? Неужели порядокъ, разъ созданный, не можетъ быть измѣненъ, хотя бы онъ и вызывалъ тяжелыя послѣдствія? Неужели юридическія права отдѣльныхъ лицъ не должны подчиняться пользамъ и нуждамъ всѣхъ классовъ общества? Неужели мы и до сихъ поръ будемъ вѣрить въ принципъ fiat justitia—pereat mundus? Не обинуясь, отвѣчаю отрицательно на эти вопросы и укажу даже прецеденты подобнаго рода изъ нашего недавняго прошлаго. У насъ было крѣпостное право и оно уничтожено; у насъ было освобожденіе нѣкоторыхъ сословій отъ обязанности нести воинскую повинность, и его нѣтъ теперь. Почему же монопольное право желѣзнодорожныхъ обществъ, если оно будетъ признано вреднымъ, можетъ

имѣть другое значеніе и вызывать другое къ нему отношеніе? Нельзя, конечно, исправить весь вредъ, который явился вслѣдствіе невполнѣ правильной точки зрѣнія, но его развитіе въ будущемъ можно или ограничить, или и совершенно пресѣчь. Первая цѣль достигается тою мѣрою, о которой мы говорили выше, а именно: серьёзнымъ и, притомъ, прогрессивнымъ налогомъ на желѣзнодорожные доходы, переходящіе извѣстную норму. Мѣра эта, какъ мы видѣли выше, хотя и достигаетъ нѣкоторыхъ полезныхъ результатовъ, но, все-таки, является мѣрой пальятивной, не обезпечивающей будущаго отъ всѣхъ вредныхъ послѣдствій. Чтобъ достигнуть этой послѣдней цѣли, единственнымъ средствомъ представляется *выкупъ всѣхъ желѣзнодорожныхъ акцій* и эксплуатація дорогъ за счетъ казны.

Мысль эта уже давно занимаетъ лучшіе умы въ Европѣ. Въ Пруссіи никогда не отдавалось предпочтенія исключительно частной иниціативѣ, и обѣ системы шли постоянно параллельно, и даже нѣкоторыя дороги, выстроенныя частными обществами, нынѣ находятся въ казенномъ управленіи. Въ Бельгіи, выкупъ желѣзныхъ дорогъ правительствомъ есть уже фактъ совершившійся. Въ Италіи, этотъ проектъ на очереди и внесенъ на разсмотрѣніе палаты депутатовъ. Даже въ Англіи, гдѣ дороги строились исключительно на частные капиталы, не пользовались даже правомъ отчужденія земель, а должны были покупать ихъ по соглашенію съ собственниками и гдѣ, вслѣдствіе этого, желѣзныя дороги обходились очень дорого и состоятъ не въ долголѣтнемъ пользованіи, а представляютъ собственность обществъ, и тамъ этотъ вопросъ уже поднятъ и обсуждается не только въ литературѣ, но даже въ парламентскихъ комиссіяхъ. Тѣмъ болѣе возможно возникновеніе этого вопроса у насъ, когда, съ одной стороны, наши желѣзныя дороги строились почти исключительно на средства правительства, а съ другой—наши общества оказываются несостоятельными въ исполненіи всѣхъ принятыхъ ими на себя обязательствъ передъ правительствомъ и требуютъ постоянно новыхъ пособій для того, чтобъ удовлетворить на сколько-нибудь потребностямъ движенія. Немногія исключенія, которыя въ этомъ отношеніи существуютъ, не могутъ служить препятствіемъ къ выполненію этой мѣры, если она найдена будетъ полезною, во-первыхъ, на томъ основаніи, что частные интересы должны склоняться передъ общими, а, во-вторыхъ—на томъ, что дороги эти обязаны своимъ успѣхомъ не пожертвованіямъ самихъ обществъ или усиліямъ ихъ уполномоченныхъ, а пожертвованіямъ и усиліямъ правительства съ цѣлію расширенія сѣти желѣзныхъ дорогъ. Ко всему этому слѣдуетъ добавить, что по Московско-рязанской дорогѣ 12-ти-лѣтній срокъ на право выкупа дороги правительствомъ уже наступилъ, а 20-ти-лѣтній для главнаго общества довольно близокъ къ наступленію.

Намъ могутъ замѣтить, что акціи состоятельныхъ обществъ имѣютъ очень высокій курсъ и что, въ видахъ сохраненія справедливости къ нынѣшнимъ держателямъ этихъ акцій, правительство обязано будетъ удовлетворить ихъ по настоящей биржевой стоимости акцій или сообразно дѣйствительной доходности этихъ дорогъ за послѣднее время, какъ то установлено въ концессіяхъ, и что, такимъ образомъ, пріобрѣтеніе дорогъ обошлось бы слишкомъ дорого. Но если бы даже и такъ, то, въ виду постоянно возрастающаго на этихъ дорогахъ движенія, мѣра эта нисколько не можетъ считаться убыточною, въ особенности въ виду положительной возможности при казенномъ управленіи сократить расходы эксплуатаціи. Кромѣ того, сумма капитальной стоимости акціонернаго капитала, принятаго по биржевой цѣнѣ или по доходности дороги, можетъ быть, безъ всякаго нарушенія справедливости, понижена, въ виду несомнѣннаго права государства на обложеніе налогомъ доходовъ получаемыхъ свыше гарантированнаго. Наконецъ, по нѣкоторымъ дорогамъ часть акцій и въ настоящее время принадлежитъ правительству, что̀ составитъ сумму, какъ мы видѣли, до 65 мил. рублей. Что̀ же касается до акцій несостоятельныхъ обществъ, то однѣ изъ нихъ, по которымъ доходъ гарантированъ, должны быть замѣнены облигаціями правительства, и отъ подобной замѣны для интересовъ государственнаго казначейства не произойдетъ никакой разницы; относительно же акцій негарантированныхъ, можетъ быть принята, безъ малѣйшаго нарушенія справедливости, система оплаты ихъ облигаціями по средней биржевой цѣнѣ за извѣстный періодъ времени; цѣны же тѣхъ акцій, которыя не котировались на биржахъ и, слѣдовательно, удержаны строителями въ видѣ барышей за постройку и находятся въ однѣхъ рукахъ, можетъ быть опредѣлена правительствомъ по усмотрѣнію, принимая въ соображеніе цѣну или сосѣднихъ негарантированныхъ акцій, или цѣну акцій дорогъ, имѣющихъ, приблизительно, одинаковое движеніе. Такія условія выкупа несостоятельныя общества обязаны будутъ принять въ силу своей несостоятельности. Другого выхода для нихъ, при отсутствіи льготъ со стороны правительства, не представляется.

Но мнѣ удавалось слышать въ обществѣ еще одно мнѣніе, въ отвѣтъ на которое я имѣю сказать нѣсколько словъ. Говорятъ: что̀ будетъ дѣлать правительство съ такимъ количествомъ желѣзныхъ дорогъ, которое поступитъ въ его вѣдѣніе, и въ состояніи ли оно будетъ управиться съ той массой дѣлъ и вопросовъ, которая должна будетъ ожидать разрѣшенія? Я совершенно соглашаюсь съ тѣмъ, что это было бы невыполнимо, еслибъ для этого требовалось создать цѣлую администрацію 50 желѣзныхъ дорогъ и подчинить ее тѣмъ же порядкамъ, какіе приняты въ нашихъ административныхъ учрежденіяхъ. Но, вѣдь эта администрація существуетъ и ее нѣчего создавать вновь; существуютъ также и извѣст-

ные порядки, при которыхъ дѣйствуетъ эта заведенная машина и, конечно, будетъ продолжать дѣйствовать такимъ же образомъ. На первое время все дѣло будетъ состоять только въ выборѣ лицъ управляющихъ дорогами, большинство которыхъ, конечно, останется во главѣ своихъ управленій, такъ какъ ихъ назначеніе имѣетъ уже санкцію правительства. Затѣмъ, нужно учредить центральное управленіе и ввести единообразный порядокъ счетоводства и отчетности. Что касается центральнаго управленія, то уставы нашихъ обществъ даютъ для этого почву: всѣ права и обязанности правленій могутъ перейти къ этому учрежденію. Нельзя опасаться, что подобное учрежденіе будетъ завалено дѣломъ, такъ какъ правленія нынѣ собираются разъ въ недѣлю или въ двѣ и посвящаютъ на эти засѣданія какіе-нибудь два часа времени. Относительно же единообразія въ порядкѣ, счетоводствѣ и отчетности, необходимость его признается и теперь, и для этой цѣли уже существуетъ при государственномъ контролѣ особая комиссія, которая, конечно, удовлетворитъ такой настоятельной потребности. Во всякомъ случаѣ, отъ подобной перемѣны наше желѣзнодорожное дѣло пострадать не можетъ, и, мнѣ кажется, успѣхъ его впослѣдствіи будетъ зависѣть преимущественно отъ выбора лицъ, управляющихъ дорогами, такъ какъ въ хозяйственномъ дѣлѣ личность распорядителя играетъ очень важную роль, а, быть можетъ, составляетъ и всю суть этого дѣла. При этомъ я позволю себѣ напомнить читателю тѣ соображенія, которыя высказаны были мною въ предшествовавшей статьѣ—о неудобствѣ ставить техниковъ во главѣ администраціи. Способности и знанія, необходимыя для успѣшнаго исполненія тѣхъ и другихъ обязанностей, до такой степени различны, что соединеніе ихъ въ одномъ и томъ же лицѣ представляется только какъ исключеніе и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть общимъ правиломъ. Если до сего времени казенное управленіе по хозяйственнымъ дѣламъ не имѣло у насъ успѣха, то одной изъ главныхъ причинъ этого было то обстоятельство, что управленіе хозяйственною частію поручалось техникамъ, которые должны быть только орудіемъ администраціи, но никакъ не болѣе. Если частная предпріимчивость въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ имѣетъ какое-нибудь преимущество на своей сторонѣ, то оно состоитъ именно въ томъ только, что главными распорядителями дѣла бываютъ не техники. На этомъ основаніи я вполнѣ убѣжденъ, что наша земля не клиномъ сошлась и что въ нашемъ обществѣ можно найти честныхъ, способныхъ и практическихъ людей, которые будутъ въ состояніи вести правильно желѣзнодорожное хозяйство, тѣмъ болѣе, что выборъ этихъ лицъ нетолько не можетъ быть, но и не долженъ ограничиваться тѣсной рамкою однихъ техниковъ. При этомъ я считаю нужнымъ оговориться, что этихъ людей нужно искать не въ обыкновенномъ контингентѣ служебнаго персонала

нашихъ министерствъ, а въ числѣ людей, знакомыхъ съ практическою жизнію, которой вовсе не знаетъ нашъ чиновный людъ.

Вообще железнодорожное дѣло, какъ связанное со всѣми отраслями промышленной жизни народа, есть дѣло, по преимуществу, живое, а потому бѣда, если его коснется мертвящая рука канцелярской формалистики. Здѣсь необходимо, чтобъ распорядитель дѣла имѣлъ значительную долю самостоятельности и свободы дѣйствій, что нисколько не исключаетъ необходимости строгаго контроля надъ нимъ и серьёзной отвѣтственности, если только этотъ контроль и эта отвѣтственность будутъ относиться къ существу дѣла, а не къ формальной его сторонѣ.

Съ желѣзнодорожнымъ дѣломъ тѣсно связано и шоссейное, какъ другой видъ искуственныхъ путей сообщенія, долженствующихъ быть для перваго дѣломъ дополнительнымъ и служебнымъ. Между тѣмъ, за общимъ увлеченіемъ желѣзными дорогами, у насъ это дѣло отодвинулось на задній планъ. Въ нашемъ обществѣ преобладало даже такое мнѣніе, что, въ виду большаго совершенства желѣзныхъ путей, нѣтъ никакой надобности и думать о шоссейныхъ дорогахъ. Между тѣмъ, опытъ доказалъ, что желѣзныя дороги служатъ болѣе удобнымъ средствомъ передвиженія грузовъ только на дальнія разстоянія и что вліяніе ихъ въ сторону простирается на относительно узкую полосу, которая расширяется по мѣрѣ удобности путей, служащихъ для подвоза грузовъ. Поэтому желѣзныя дороги, какъ пути, дорого стоющіе, должны соединять лишь главные центры промышленности и торговли; что же касается дальнѣйшаго развитія сѣти, то оно можетъ совершаться шоссейными дорогами, гораздо болѣе удовлетворяющими періодической потребности усиленнаго движенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ болѣе дешевыя сооруженія при данныхъ средствахъ, онѣ могутъ охватить гораздо большій районъ и, слѣдовательно, принести больше пользы. Часто нѣтъ никакого разсчета отправлять грузы по желѣзной дорогѣ за 100 и 150 верстъ, въ особенности если отправка дѣлается зимою, когда гужевой провозъ дешевъ или когда до желѣзной дороги нужно подвести товаръ на 30 или на 40 верстъ. Многочисленные факты изъ нашей торговой практики доказываютъ справедливость такого положенія дѣлъ. Такъ, напримѣръ, наши портовые города: Одесса, Таганрогъ и Ростовъ, изъ числа отправляемыхъ ими грузовъ получаютъ гужемъ гораздо большее количество, чѣмъ по желѣзнымъ дорогамъ. Часто эти грузы идутъ за 150 и 200 верстъ и принимаются возчиками въ недальнемъ разстояніи отъ желѣзныхъ дорогъ. Другой примѣръ: всѣ товары, за провозъ которыхъ николаевская дорога взимаетъ за все разстояніе не менѣе 35 коп., идутъ изъ Москвы въ Тверь гужемъ, такъ какъ тутъ выигрывается цѣна доставки въ желѣзной дорогѣ и со станціи въ торговые склады, а также плата за нагрузку и выгрузку въ вагоны. Третій примѣръ: съ волго-донской дорогой до сихъ

поръ конкурируетъ перевозка на волахъ даже такого дешеваго груза, какъ лѣсные матеріалы. Всѣ эти примѣры вполнѣ доказываютъ, что желѣзныя дороги не могутъ замѣнить шоссейныхъ путей на разстояніи 100 или 150 верстъ и что послѣдніе въ особенности нужны въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ хорошихъ грунтовыхъ трактовъ. Замѣчаніе это въ особенности относится къ нашему южному краю, гдѣ черноземный грунтъ представляетъ такую почву, по которой нѣтъ проѣзда послѣ двухъ, трехъ дождливыхъ дней, не говоря уже о томъ положеніи дорогъ, когда ненастная погода продолжится долѣе.

При такомъ положеніи дѣлъ, желѣзныя дороги не могутъ приносить той пользы, на которую можно было бы разсчитывать при другихъ условіяхъ, такъ какъ ихъ районъ вліянія значительно суживается, и можно смѣло утверждать, что только проведеніе шоссейныхъ путей въ стороны отъ желѣзныхъ дорогъ до различныхъ населенныхъ мѣстностей можетъ усилить движеніе грузовъ по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ и сдѣлать его болѣе правильнымъ и болѣе выгоднымъ. Въ настоящее же время, даже тотъ районъ, который отправляетъ грузы по желѣзной дорогѣ, доставляетъ ихъ на станціи далеко неравномѣрно. Не говоря уже о той неравномѣрности, которая является по временамъ года, вслѣдствіе преобладанія на нашихъ дорогахъ хлѣбныхъ грузовъ, достаточно указать на вліяніе атмосферическихъ явленій. Установилась хорошая погода—станція завалена грузами и не поспѣваетъ ихъ отправлять; ударилъ дождь въ теченіи нѣсколькихъ дней — подвозъ остановился и грузить нѣчего. При такихъ условіяхъ, эксплуатація дорогъ не можетъ быть выгодна.

Примѣръ Франціи у насъ передъ глазами. Все ея богатство обусловливается преимущественно обширно развитой сѣтью шоссейныхъ дорогъ.

Есть еще одно неудобство нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Большею частію онѣ прошли въ сторонѣ отъ прежнихъ грунтовыхъ трактовъ и большихъ селеній, и при выборѣ мѣстностей для устройства станцій вовсе не обращалось вниманія на удобства подъѣзда къ нимъ, такъ какъ удобства станціонной службы необходимо требуютъ другихъ условій, а именно: горизонтальности почвы и удобства водоснабженія. Такимъ образомъ, за исключеніемъ большихъ городовъ, станціи большею частію находятся въ такихъ мѣстахъ, что подвозъ къ нимъ грузовъ вообще затруднителенъ, а иногда и положительно невозможенъ. Поэтому проведеніе шоссейныхъ дорогъ до ближайшихъ городовъ и торговыхъ селъ составляетъ настоятельную необходимость нетолько въ видахъ развитія мѣстной промышленности, но и въ видахъ сокращенія издержекъ правительства на пособія желѣзнымъ дорогамъ. Каждый мильйонъ рублей, затраченный въ этомъ направленіи, увеличилъ бы значительно доходы желѣзнодорожныхъ обществъ и сдѣлалъ бы ихъ болѣе состоятельными въ исполне-

ніи принятыхъ ими на себя обязательствъ передъ правительствомъ.

Къ сожалѣнію, дѣло это, т. е. устройство сѣти шоссейныхъ путей, какъ дополнительныхъ развѣтвленій желѣзныхъ дорогъ, до сихъ поръ очень мало обращало на себя вниманія, хотя и представляется дѣломъ весьма серьёзнымъ. Извѣстно, что проектъ о подъѣздныхъ путяхъ давно выработывается въ министерствѣ путей сообщенія, но, въ виду недостатка средствъ, не можетъ получить осуществленія. Въ сметахъ министерства путей сообщенія заносится особый кредитъ на сухопутныя сообщенія, но расходъ этотъ идетъ почти исключительно на ремонтъ существующихъ шоссейныхъ дорогъ, безъ всякаго дальнѣйшаго расширенія и развѣтвленія ихъ сѣти. Расходъ этотъ за послѣдніе годы сталъ возрастать и, по послѣдней сметѣ, предположенъ въ размѣрѣ около 5 мил. рублей, въ прежніе же годы немногимъ превышалъ 3 мил. рублей. Несмотря, однакожъ, на такое возвышеніе, онъ, все-таки, представляетъ собою расходъ ремонтный, и увеличеніе его цифры объясняется возвышеніемъ цѣнъ на матеріалы и работы. Болѣе грандіозное значеніе желѣзныхъ дорогъ и сопряженныя съ ними траты государственнаго казначейства отодвигаютъ на задній планъ эту статью государственнаго хозяйства, а между тѣмъ, въ послѣднее время стали раздаваться сильныя жалобы на неудовлетворительность ремонта нашихъ шоссейныхъ дорогъ. Министерство путей сообщенія давно уже обратило вниманіе на это и, по двумъ губерніямъ, Московской и Тульской, какъ ремонтъ, такъ и взиманіе шоссейнаго сбора, предоставлены земскимъ учрежденіямъ съ пособіемъ отъ правительства.

Впрочемъ, мнѣ кажется, что врядъ ли это дѣло можетъ войти въ хорошую колею до кореннаго преобразованія мѣстныхъ учрежденій министерства путей сообщенія. Окружныя управленія представляютъ собою типъ прежнихъ учрежденій, несоотвѣтствующихъ потребностямъ новѣйшаго времени. Коллегіальное устройство этихъ управленій вполнѣ парализуетъ ихъ дѣятельность, такъ какъ оно мѣшаетъ единству распоряженій и разлагаетъ отвѣтственность на нѣсколькихъ лицъ, что̀ равносильно уничтоженію всякой отвѣтственности. Вообще говоря, администрація такого живаго дѣла, какъ устройство и хорошее содержаніе искуственныхъ путей, требуетъ значительной энергіи и дѣятельности со стороны распорядителя; въ коллегіи же энергія всегда расплывается, и, вмѣсто дѣйствительнаго дѣла, на сцену является обрядность и канцелярская формалистика. Вглядываясь внимательно въ дѣло путей сообщенія, нельзя не признать, что всѣ виды ихъ въ данной мѣстности должны состоять въ вѣдѣніи одного хозяина, такъ такъ всѣ они должны имѣть въ видѣ одну и ту же цѣль—болѣе легкое и удобное передвиженіе грузовъ, а потому должны находиться во взаимномъ отношеніи и

служить одинъ другому питательными вѣтвями. Для того, чтобъ всѣ виды путей сообщенія могли быть приведены въ такое соотношеніе, извѣстная мѣстность должна быть подчинена одному лицу, которое было бы обязано заботиться, чтобъ товары, направляясь къ желѣзнымъ дорогамъ или въ стороны отъ нихъ, не могли очутиться въ невылазной грязи или въ непроходимомъ оврагѣ. Мнѣ, можетъ быть, скажутъ, что государство должно заботиться лишь о главныхъ государственныхъ путяхъ, а та забота, на которую я указываю, лежитъ, на земскихъ учрежденіяхъ. Дѣйствительно, это у насъ такъ заведено; но вопросъ состоитъ въ томъ: правильно ли такое воззрѣніе на дѣло? Наши земскія учрежденія имѣютъ такія ничтожныя средства и столько обязательныхъ расходовъ, что они положительно не въ состояніи устраивать шоссейные пути въ томъ видѣ, какъ бы это слѣдовало для того, чтобъ сдѣлать наши желѣзныя дороги выгодными. Что же касается министерства, то для него нѣтъ возможности услѣдить на всемъ пространствѣ Россіи, гдѣ и почему нужно устройство улучшеннаго пути. Для этого необходима мѣстная власть, на обязанности которой и лежало бы ассигнуемыя средства, если только они будутъ ассигнованы, употреблять на улучшеніе путей сообщенія и на приведеніе ихъ во взаимное соотношеніе.

Если же учрежденіе подобныхъ органовъ министерства не предвидится, то необходимо привлечь къ этому дѣлу земскія учрежденія и снабдить ихъ средствами для дальнѣйшаго развитія путей сообщенія устройствомъ шоссейныхъ дорогъ.

Тоже или почти тоже можно сказать и о нашихъ водяныхъ сообщеніяхъ. Недостатокъ ассигнуемыхъ средствъ на этотъ предметъ давалъ только возможность поддерживать то положеніе дѣлъ, которое было создано еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Въ теченіи послѣдняго девятилѣтія, издержки на содержаніе и улучшеніе водяныхъ сообщеній колебались отъ 1 до 1½ мильйона рублей, и только въ 1872 году, вслѣдствіе особаго ассигнованія въ 418,000 руб., достигли цифры 1.921,000 руб. Въ настоящемъ году, на этотъ предметъ назначено 1.962,000 р. и, какъ извѣстно, министерство путей сообщенія приняло энергическія мѣры на главномъ нашемъ маріинскомъ пути для того, чтобы устранить тѣ неудобства, которыя встрѣчало судоходство въ прежнее время. Судя по даннымъ, опубликованнымъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», результатомъ этихъ мѣръ было то, что, несмотря на значительное мелководіе, бывшее въ теченіи лѣта нынѣшняго года въ каналахъ, количество судовъ и грузовъ, проведенныхъ по этому пути, было болѣе значительно, чѣмъ въ теченіи навигаціи 1875 года. Тѣмъ не менѣе, въ виду незначительности ассигнованныхъ средствъ, мѣры эти могли быть только пальятивныя, не касаясь самаго переустройства системы, которое предполагается въ будущемъ.

Что касается другихъ нашихъ водяныхъ сообщеній, то газетныя извѣстія говорили о нѣкоторыхъ подготовительныхъ работахъ и изысканіяхъ, производившихся въ теченіи нынѣшняго лѣта на низовьяхъ Волги и по рѣкѣ Дону. Что касается этой последней рѣки, то въ прежнее время она была въ совершенномъ забросѣ, и даже лица, довольно компетентныя и вліятельныя, считали невозможнымъ правильное по ней судоходство, такъ что это мнѣніе было одной изъ причинъ, вслѣдствіе которой ускорена постройка воронежско-ростовской желѣзной дороги. Между тѣмъ, несмотря на желѣзную дорогу, большинство грузовъ съ ростовской пристани приходитъ все-таки по Дону. Въ прошедшемъ году, въ бытность мою въ Ростовѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ одной изъ торговыхъ конторъ, въ моемъ присутствіи было получено извѣстіе, что барки, отправленныя изъ Ростова съ осадкою въ одинъ аршинъ, достигли города Павловска безъ малѣйшихъ затрудненій и безъ перегрузки, и это—во время меженной воды и при той засухѣ, которая была въ теченіи лѣта 1875 г. на пространствѣ всего бассейна этой рѣки. Если же рѣка въ естественномъ своемъ положеніи представляетъ такія условія судоходства въ сухое лѣто, то, при устройствѣ водостѣснительныхъ плотинъ на главныхъ ея перекатахъ, можно смѣло надѣяться, что осадка судовъ можетъ быть доведена до пяти четвертей, если не болѣе. Въ настоящее время, развитіе судоходства по Дону встрѣчаетъ затрудненіе въ недостаткѣ обратныхъ грузовъ къ верховьямъ рѣки; но если будутъ приняты мѣры для того, чтобъ суда могли слѣдовать вверхъ по теченію съ бо́льшею осадкой, то нѣтъ сомнѣнія, что каменный уголь и антрацитъ пополнитъ этотъ недостатокъ, и издержки на улучшеніе русла рѣки вознаградятся сторицею. Дороговизна топлива на среднемъ теченіи Дона служитъ въ этомъ случаѣ порукою, тѣмъ болѣе, что эти издержки не могутъ превышать нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей. Но для того, чтобы подобныя мѣры могли осуществиться вездѣ, гдѣ въ нихъ ощущается потребность, необходимы мѣстные о́рганы министерства, а потому проектъ преобразованія министерства представляетъ осязательную необходимость.

Что же касается главной нашей артеріи, т. е. маріинской системы, то здѣсь необходима серьёзная затрата. Здѣсь необходима перестройка всѣхъ шлюзовъ съ тѣмъ, чтобы наши волжскія баржи могли проходить до Петербурга безъ перегрузки въ Рыбинскѣ. Только при такомъ способѣ сообщеній, Россія будетъ въ состояніи конкурировать на англійскомъ рынкѣ съ американскимъ хлѣбомъ и только тогда въ состояніи будетъ поправиться и наша денежная система. Правда, наша покровительственная система должна пострадать отъ подобныхъ улучшеній, потому что, съ удешевленіемъ нашихъ вывозныхъ товаровъ, для англійскихъ произведеній будетъ облегченъ доступъ на наши рынки, но объ этомъ жалѣть нельзя. Мѣры, принимаемыя для противодѣйствія есте-

ственному порядку вещей, всегда парализуются правильнымъ развитіемъ условій производства. Вѣдь, и желѣзныя дороги, для устройства которыхъ наше финансовое вѣдомство употребило столько усилій, имѣли тѣ же послѣдствія, т. е. облегчили заграничнымъ произведеніямъ доступъ на наши рынки и уменьшили тѣмъ значеніе покровительственныхъ пошлинъ; но, вѣдь, отсюда еще не слѣдуетъ, что, въ виду этихъ послѣдствій, надо отказаться отъ постройки желѣзныхъ дорогъ и всякаго улучшенія путей сообщенія, а скорѣе всего надо придти къ заключенію, что въ промышленности не слѣдуетъ идти наперекоръ естественнымъ условіямъ производства и создавать такія его отрасли, продукты которыхъ можно выгоднѣе имѣть путемъ свободнаго обмѣна. На эту мысль я позволю себѣ обратить особенное вниманіе читателя, такъ какъ здѣсь потери общества бываютъ вдвойнѣ: потребитель платитъ гораздо дороже за необходимый ему предметъ, а производитель, безъ всякой надобности, затрачиваетъ свои капиталы на такое производство, которое, рано или поздно, въ силу тѣхъ или другихъ условій, должно погибнуть непремѣнно. Но чтò я говорю? Ограничиваются ли только этимъ потери общества, въ которомъ господствуетъ покровительственная система? Кàкъ исчислить тѣ потери, которыя являются слѣдствіемъ недостатка капитала въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя находятся подъ покровительствомъ не таможенныхъ пошлинъ, а естественныхъ условій производства? Кàкъ исчислить тѣ выгоды, которыя мы могли бы получить отъ пониженія цѣнъ заграничныхъ производителей, еслибы послѣдніе могли увеличить свое производство на все количество нужныхъ намъ предметовъ? По истинѣ можно сказать, что сумма этихъ потерь настолько громадна, что, конечно, ни одна война, самаго опустошительнаго свойства, не приносила ихъ человѣчеству столько, сколько ежегодно порождаетъ промышленная борьба, вызываемая покровительственной системой при неодинаковой выгодности естественныхъ условій производства.

Оканчиваю мои замѣчанія на смету министерства путей сообщенія слѣдующимъ выводомъ. Если въ странѣ господствуетъ покровительственная система промышленности, то каждый раціональный шагъ министерства на пути къ улучшенію средствъ сообщенія будетъ имѣть необходимымъ послѣдствіемъ уничтоженіе результатовъ покровительственной системы. Съ перваго взгляда такой выводъ можетъ показаться парадоксальнымъ, но, если вглядѣться въ него внимательнѣе, то нельзя не сознаться, что вся задача министерства путей сообщенія есть постоянная борьба съ покровительственнымъ тарифомъ—борьба благодѣтельная, которая въ значительной степени ослабляетъ невыгодныя послѣдствія системы, осуждающей страну на *изолированное положеніе*, прикрывая его громкимъ, но эфемернымъ эпитетомъ *независимаго*.

Расходы по министерству народнаго просвѣщенія, по существу своему, отвѣчая самой настоятельной потребности страны—развитію образованія, могутъ быть названы наиболѣе производительными, а потому, разсматривая нынѣшнюю государственную роспись въ связи съ отчетами государственнаго контроля съ 1867 года, нельзя не порадоваться, что эти расходы постоянно и очень быстро возрастаютъ, гораздо быстрѣе, нежели мы видѣли это въ другихъ вѣдомствахъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить еще весьма утѣшительный фактъ, котораго мы не замѣтили по другимъ вѣдомствамъ: это—то, что расходы центральнаго вѣдомства, въ сравненіи съ 1867 годомъ, увеличились очень незначительно, и въ общемъ ассигнованіи на 1876 годъ, превышающемъ 15 мильйоновъ рублей, представляютъ только цифру 210,514 рублей, что составляетъ 1,4% съ общей суммы ассигнованія. Такимъ образомъ, все увеличеніе расходовъ министерства народнаго просвѣщенія идетъ на усиленіе учебной части, т. е. на содержаніе учебныхъ заведеній. Слѣдующая таблица указываетъ, въ какой пропорціи возрастали расходы по этому министерству:

	Годы.	Сумма расхода.	Равность въ сравненіи съ 1867 годомъ.	Проц. отношеніе къ общ. суммѣ расхода.
По отчету государственнаго контроля.	1867	8.655,625		2,08
	1868	8.934,695	279,070	2,02
	1869	9.480,313	824,688	2,02
	1870	10.284,323	1.628,698	2,11
	1871	10.810,110	2.154,485	2,16
	1872	11.586,361	2.930,736	2,21
	1873	12.378,624	3.822,999	2,29
	1874	13.450,514	4.794,989	2,47
По сметамъ.	1875	14.416,543	5.760,918	2,68
	1876	15.153,350	6.497,725	2,88

Изъ этой таблицы видно, что расходъ этотъ возвысился на 6.497,729, т. е. на 75% въ сравненіи съ суммой расхода 1867 года; но что представляется еще болѣе утѣшительнымъ фактомъ, то это—то обстоятельство, что расходъ этотъ возросталъ также по отношенію къ общей суммѣ всѣхъ расходовъ: въ 1867 г. онъ составлялъ только 2,08% этой суммы, а въ 1876 году 2,88%, слѣдовательно увеличился на 0,85%.

Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ статей расхода, мы встрѣчаемся съ однимъ явленіемъ, которое повторяется изъ года въ годъ и которое поражаетъ своею странностію. По всѣмъ параграфамъ, на содержаніе университетовъ, юридическаго лицея, филологическаго института, гимназій и прогимназій, реальныхъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, расходы подъ названіемъ хозяйственныхъ, разныхъ и другихъ значительно увеличены въ сравненіи съ сметнымъ назначеніемъ, посредствомъ перечесленія кредитовъ изъ другихъ сметныхъ под-

раздѣленій и преимущественно изъ статьи по содержанію личнаго состава; по хозяйственнымъ же расходамъ университетовъ такое увеличеніе происходило даже и на счетъ кредита, назначеннаго на стипендіи и пособія студентамъ. На этотъ предметъ, въ 1874 году, назначено по государственной росписи, въ подробности разсмотрѣнной нашимъ высшимъ законодательнымъ учрежденіемъ и утвержденной высочайшею властію, 252,024 руб. и добавлено сверхсметнымъ ассигнованіемъ 1,877 руб. Изъ этихъ фактовъ слѣдовало бы, повидимому, заключить, что, въ виду существующей бѣдности и нужды между нашей учащейся молодежью, ассигнованныхъ суммъ оказалось недостаточно и явилась настоятельная и неотложная необходимость усилить этотъ расходъ. Но это—только повидимому, а въ дѣйствительности оказывается совсѣмъ другое. Выходитъ, что даже суммъ, ассигнованныхъ по сметѣ, некуда было издержать, и отъ нихъ образовались значительные остатки, изъ которыхъ перечислено на хозяйственные расходы университетовъ 5,440 руб. 86 коп. Подобныя перечисленія на основаніи сметныхъ правилъ возможны только въ томъ случаѣ, когда всѣ необходимые расходы по этой статьѣ вполнѣ удовлетворены. Что такихъ расходовъ не предстояло, мы убѣждаемся также изъ того, что, кромѣ означеннаго перечисленія, образовался свободный остатокъ въ 2,948 р. 83 к., который причисленъ къ особымъ рессурсамъ государственнаго казначейства. Послѣ такихъ фактовъ можно заключить, что газетные толки о нуждахъ и бѣдности нашей учащейся молодежи ни на чемъ не основаны, такъ какъ нельзя же допустить, чтобы, при существованіи этой бѣдности, могли оставаться такіе значительные остатки отъ суммъ, высочайше дарованныхъ именно для устраненія этой бѣдности. При этомъ, конечно, внимательному наблюдателю можетъ представиться вопросъ: зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, испрашивался дополнительный кредитъ по этой статьѣ, если и ассигнованныхъ суммъ издержать было некуда?

Въ отчетѣ государственнаго контроля данныхъ для разрѣшенія этого вопроса не имѣется, а потому онъ и остается безъ отвѣта. Возвратимся къ вопросу о расширеніи кредитовъ на хозяйственные и другіе расходы. Что касается цифры такого расширенія, то она по нѣкоторымъ статьямъ доходитъ до очень значительныхъ размѣровъ. Такъ, по демидовскому лицею на этотъ предметъ было назначено 7,444 руб.; между тѣмъ, кредитъ этотъ увеличенъ перечисленіемъ изъ другихъ статей до 19,464 руб., т. е., прибавлено 162%; По реальнымъ училищамъ, къ суммѣ 144.599 руб. прибавлено 160.733 руб. или 111%; по гимназіямъ и прогимназіямъ, къ ассигнованной суммѣ 606.521 прибавлено 133.038 руб. или почти 22%; по университетамъ, она увеличилась на 12⅔%. Всего удивительнѣе въ этомъ явленіи то, что эти непредусмотрѣнные сметою расходы повторяются изъ года въ годъ постоянно и, несмотря на это, въ новыя сметы вносятся приблизительно въ тѣхъ же размѣрахъ и вызываютъ новыя пере-

численія, что совершенно уничтожаетъ всякое значеніе предварительныхъ сметъ и ихъ подробное разсмотрѣніе. Кромѣ того, размѣры этихъ добавокъ такъ значительны, что естественно представляется вопросъ: какимъ образомъ находятся въ другихъ статьяхъ расходовъ такіе остатки, которые могутъ покрывать подобныя передержки и неужели это происходитъ, не вызывая затрудненій при удовлетвореніи другихъ потребностей? Выше было замѣчено, что преимущественно эти передержки покрываются изъ суммъ, назначенныхъ на содержаніе личнаго состава преподавателей. Такъ, по университетамъ изъ этихъ суммъ отчислено 63 тыс. рублей, по юридическому лицею 12 тыс.; по гимназіямъ и прогимназіямъ 128 тыс., по реальнымъ училищамъ 167 тыс., по уѣзднымъ училищамъ 9 тыс. Нельзя предположить, напримѣръ, чтобы отчисленіе изъ 34 т., назначенныхъ на содержаніе личнаго состава преподавателей по юридическому лицею, болѣе ⅓ всей суммы могло произойти безъ ущерба преподаванію. Тутъ одно изъ двухъ: или въ смету были внесены излишнія суммы, или третья часть каѳедръ остаются вакантными; но первое предположеніе немыслимо уже потому, что въ сметы заносятся суммы на содержаніе личнаго состава только въ размѣрѣ утвержденныхъ штатовъ; слѣдовательно, необходимо допустить, что остатки образуются отъ некомплекта проподавателей, а это не можетъ не отзываться вредно на самомъ преподаваніи, въ особенности, если недостаетъ цѣлой трети преподавателей. Тоже самое можно сказать и о кредитѣ по содержанію преподавателей реальныхъ училищъ, изъ котораго отчислено 26%. Что такія распоряженія ведутъ къ затрудненіямъ по удовлетворенію другихъ потребностей, это можно видѣть изъ того же отчета государственнаго контроля. По статьѣ на содержаніе личнаго состава преподавателей въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ на хозяйственные расходы отчислено 128 т. руб.; между тѣмъ, общаго кредита на относящіеся сюда расходы оказалось недостаточно и для ихъ покрытія испрошенъ сверхсметный дополнительный кредитъ въ 144 т. руб. Казалось бы, что всѣ эти распоряженія дѣлались въ теченіи года, когда всѣ потребности уже опредѣлились и потому было, повидимому, очень возможно испрашивать дополнительные кредиты на тѣ потребности, на которыя они дѣйствительно необходимы; между тѣмъ, оказывается, что хозяйственные расходы покрывались перечисленіемъ суммъ изъ другихъ статей, а затѣмъ недостатокъ въ этихъ послѣднихъ пополнялся сверхсметнымъ ассигнованіемъ.—Само собою разумѣется, что для разъясненія причинъ, почему такъ дѣлалось, въ отчетѣ не имѣется также никакихъ данныхъ.—На основаніи этихъ фактовъ, можно сказать одно: что сметныя правила 1862 года, введеніе которыхъ сохранило государству, по сознанію самого государственнаго совѣта, многіе милліоны, исполняются по формѣ только, а не по существу, впрочемъ; это послѣднее замѣчаніе можно отнести ко всѣмъ вѣдомствамъ, такъ

какъ на практикѣ вовсе не замѣчается строгаго соблюденія этихъ правилъ.

Въ виду означенныхъ фактовъ, полезно было бы дополнить сметныя правила постановленіемъ, что суммы, ассигнованныя сверхъ сметы, не могутъ быть переводимы въ другія подраздѣленія сметы и расходоваться несогласно испрошенному назначенію и что сверхсметныя ассигнованія могутъ быть только въ томъ случаѣ, если не было изъ кредита перечисленій въ другія статьи.

Расходы по министерству юстиціи тоже постоянно возвышались въ послѣднія десять лѣтъ, что объясняется очень просто постепеннымъ введеніемъ судебной реформы въ разныхъ мѣстностяхъ нашего отечества. Такъ, въ 1867 году, они составляли всего 9.060,254 руб., въ 1874 году достигли 11.971,032 руб., а на 1876 годъ предположены въ размѣрѣ 14.340,226 руб., т. е. увеличились болѣе, чѣмъ на 58%.—Если сравнить это возвышеніе расходовъ съ возвышеніемъ ихъ по сметѣ министерства народнаго просвѣщенія, оказывается, что оно возрастало далеко не такъ быстро, какъ послѣднее, и объ этомъ остается только пожалѣть, такъ какъ до сихъ поръ остаются многія мѣстности въ Россіи, еще не пользующіяся благами новыхъ судебныхъ порядковъ. Въ особенности, это можетъ быть прискорбно въ томъ отношеніи, что реформа не введена въ остзейскихъ губерніяхъ, и русскій подданный, отъѣхавшій на нѣсколько часовъ пути отъ столицы, перестаетъ пользоваться тѣми правами и гарантіями правосудія, которыя ему предоставлены. Если судебные уставы введены на Кавказѣ и въ привислинскихъ губерніяхъ, то въ особыхъ условіяхъ края нѣтъ и не можетъ быть никакихъ препятствій, которыя могли бы помѣшать введенію благодѣтельной реформы, кромѣ развѣ особыхъ привилегій помѣстнаго дворянства. Но эти привилегіи, если только дѣйствительно онѣ служатъ этимъ препятствіемъ, представляются вопіющей аномаліей и должны быть уничтожены только въ силу одной этой причины. Это до очевидности ясно, и доказывать справедливость этой мысли нѣтъ никакой надобности; если же судебная реформа въ Остзейскомъ Краѣ не вводится, то я готовъ скорѣй допустить какую-нибудь другую, вовсе неизвѣстную мнѣ причину, чѣмъ останавливаться надъ указанной.

Расходы по министерству юстиціи представляютъ, бо̀льшею частію, такъ называемые штатные, а потому и не могутъ вызывать какихъ-либо особыхъ соображеній. Поэтому, въ моей бесѣдѣ съ читателемъ мнѣ приходится ограничиться очень немногими замѣчаніями. Такъ, прежде всего представляется неожиданнымъ постоянное возрастаніе цифры расходовъ на содержаніе сенаторовъ въ прежнихъ департаментахъ правительствующаго сената. Съ введеніемъ новаго порядка судопроизводства и съ постояннымъ распространеніемъ дѣйствія его на разныя мѣстности, необходимо было бы ожидать, что расходы на содержаніе преж-

нихъ судебныхъ учрежденій должны сокращаться. Такъ, дѣйствительно, и есть по отношенію къ мѣстнымъ судебнымъ учрежденіямъ. Казалось бы, что число дѣлъ, поступающихъ въ прежніе департаменты сената, должно постоянно уменьшаться, а затѣмъ, съ уменьшеніемъ числа департаментовъ, будетъ сокращаться и расходъ на содержаніе членовъ. Но этого, однакожъ, не случилось. Въ 1867 году, расходъ этотъ представлялъ цифру 449 т. рублей, а въ 1874 году цифру 500 т. рублей; въ настоящее время, цифра эта, вѣроятно, увеличилась еще болѣе, такъ какъ всѣ вообще расходы на содержаніе сената и подвѣдомственныхъ ему учрежденій увеличилась съ 1.534,438 руб. въ 1874 году, до 1.728,282 руб.—въ 1876 г. или почти на 200 т. руб., При этомъ, извѣстная доля этого увеличенія приходится на содержаніе сенаторовъ въ прежнихъ департаментахъ сената. Къ сожалѣнію, я не имѣю въ настоящую минуту точной цифры такого увеличенія.

Въ числѣ расходовъ министерства юстиціи, какъ мнѣ кажется, есть одинъ, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться необходимымъ или полезнымъ и который, тѣмъ не менѣе, остается въ сметахъ. Я говорю о сенатской типографіи, содержаніе которой обходится болѣе 175 т. рублей, независимо отъ тѣхъ капиталовъ, во что̀ обошлось ея устройство и ежегодное помѣщеніе. Въ обществѣ ходили, въ прошломъ году, слухи, о проектѣ соединенія ея съ типографіей II отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи: говорили, что такое соединеніе потребовало бы прибавки къ расходамъ послѣдней типографіи около 50 т. руб., причемъ она принимала на себя исполнять всѣ обязательныя работы сенатской типографіи. Не знаю, насколько подобные слухи справедливы; но, еслибы они осуществились, тогда государственное казначейство имѣло бы чистой экономіи 125 т. руб. и помѣщеніе нынѣ занимаемое сенатской типографіей могло бы получить другое болѣе производительное употребленіе. Кромѣ того, не потребовалось бы особаго кредита для перестройки и обновленія устарѣвшихъ приспособленій этой типографіи. Въ самомъ дѣлѣ: зачѣмъ правительству имѣть двѣ типографіи, имѣющія почти одну и туже цѣль, обнародованіе законовъ, если подобная потребность можетъ быть удовлетворена одной, тѣмъ болѣе, что всѣ доходы отъ сенатскихъ изданій поступали бы такъ же въ государственный доходъ, какъ и нынѣ? Тѣмъ не менѣе, говорятъ, что подобное предположеніе по неизвѣстной причинѣ не состоялось. Такимъ образомъ, необходимо допустить, что у насъ гораздо легче создать десять новыхъ учрежденій, чѣмъ уничтожить одно старое, хотя бы польза, имъ приносимая, была очень сомнительна.

Нельзя также пройти молчаніемъ производимыхъ расходовъ по министерству юстиціи на межеваніе въ Полтавской и Черниговской Губерніяхъ. Расходы эти, въ 1874 году, простирались до 310 т. рублей, но, несмотря на такую цифру, межеваніе въ

этихъ губерніяхъ идетъ очень медленно. Въ прошедшемъ году, даже было извѣстіе, что количество дачъ, подлежащихъ размежеванію—въ послѣднее время даже усилилось. Не берусь утверждать, насколько это справедливо, но думаю, что это—вещь очень возможная при небрежномъ отношеніи къ дѣлу со стороны гг. землемѣровъ: планы на дачи, давно размежеванныя, могли не быть утверждены межевой канцеляріей и возвращены по ея ремаркамъ для передѣлки. А что въ такой отдаленной мѣстности можетъ быть кое-что и посерьёзнѣе одной небрежности при опредѣленіи межевыхъ границъ, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Въ послѣднемъ черниговскомъ земскомъ собраніи, какъ мнѣ извѣстно, раздавались громкія жалобы на дѣйствія гг. землемѣровъ со стороны гласныхъ, и на эти жалобы слѣдовало бы обратить вниманіе.

О расходахъ государственнаго контроля я говорить не буду, такъ какъ они слишкомъ ничтожны въ сравненіи съ тѣми обязанностями, которыя на него возложены и которыя имѣютъ такое важное значеніе въ общемъ ходѣ государственнаго управленія. Скажу одно: что недостаточность силъ и средствъ приводитъ, какъ мнѣ кажется, къ безполезной тратѣ даже и тѣхъ средствъ, которыя ассигнуются, такъ какъ невозможность произвести дѣйствительную ревизію по существу расходовъ заставляетъ ограничиваться ревизіей одной формальной стороны дѣла, что̀ равнозначительно отсутствію всякой ревизіи.

Также можно сомнѣваться въ пользѣ расходовъ по содержанію государственнаго коннозаводства. Ежегодный расходъ, въ размѣрѣ отъ 700—800 т. рублей, едва ли можетъ принести равносильную пользу развитію нашего отечественнаго коннозаводства. Вообще, польза участія правительства въ подобныхъ предпріятіяхъ подлежитъ сомнѣнію; но, еслибы даже и признано было необходимымъ участіе правительственной дѣятельности въ видахъ улучшенія коневодства, то и тогда обязанность эта можетъ быть возложена на департаментъ сельскаго хозяйства министерства государственныхъ имуществъ. Цѣлое же и, притомъ, отдѣльное вѣдомство только для этой цѣли, представлялось всегда роскошью. Вотъ почему нельзя не сочувствовать мѣрѣ соединенія двухъ этихъ вѣдомствъ, въ особенности если, при осуществленіи этой мѣры, государственное коннозаводство будетъ разсматриваться только какъ отрасль сельскаго хозяйства.

Что̀ касается до остальныхъ расходовъ нашего бюджета на содержаніе высшихъ государственныхъ учрежденій, то, въ виду незначительности цифры ихъ въ общей суммѣ расходовъ, не представляется необходимости утомлять вниманіе читателя подробнымъ ихъ разборомъ.

Въ заключеніе моей бесѣды съ читателемъ, я считаю своимъ долгомъ сдѣлать общій выводъ. Я думаю, что нашъ во-

лумилліардный бюджетъ далеко не былъ бы такъ обременителенъ, если бы тяжесть его была распредѣлена равномѣрнѣе. Затѣмъ, нельзя отрицать и того обстоятельства, что средства, представляемыя этой суммой налоговъ, во многихъ случаяхъ могли бы получить болѣе цѣлесообразный и болѣе производительное назначеніе. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что господствующая у насъ система денежнаго обращенія и торговой политики, съ одной стороны, ослабляетъ экономическую или мѣновую силу нашихъ бюджетныхъ средствъ, а съ другой—ограничиваетъ возможность развитія нашихъ производительныхъ силъ, что̀ можетъ вредить будущей состоятельности плательщиковъ.

Что̀ касается уменьшенія мѣновой силы нашихъ бюджетныхъ средствъ, то она прямо выражается въ цѣнѣ золота, превышающаго цѣнность кредитнаго рубля на 26%; ограниченіе же возможности развитія нашихъ производительныхъ силъ является, во-первыхъ, слѣдствіемъ тѣхъ искуственныхъ мѣръ, которыя употребляются для водворенія и содержанія у насъ такихъ отраслей промышленности, которыя, въ силу естественныхъ условій производства, у насъ нетолько невыгодны, но и положительно невозможны и потому мѣшаютъ развитію другихъ отраслей промышленности, которыя выработываютъ предметы нашего вывоза; во-вторыхъ, стремленіе къ поддержанію нашего вексельнаго курса или, что̀ все равно, цѣнности нашего кредитнаго рубля—стремленіе, которое является у насъ періодически, ограничиваетъ сбытъ нашихъ произведеній. Объяснимъ эту послѣднюю мысль.

До конца прошлаго года нашъ вексельный курсъ, въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, довольно твердо держался на цѣнѣ 350 сантимовъ за кредитный рубль. Такой порядокъ вещей обусловливался постоянными займами Россіи для постройки желѣзныхъ дорогъ, и курсъ не падалъ, несмотря на увеличеніе количества кредитныхъ билетовъ въ обращеніи. Но въ 1875 году не послѣдовало никакого заграничнаго займа, и, вслѣдствіе этого, къ концу года курсъ нашъ сталъ слабѣть, вслѣдствіе чего государственный банкъ сталъ поддерживать его на высотѣ 330 сантимовъ сперва кассовыми средствами банка, а затѣмъ и на счетъ запаснаго металлическаго фонда, уменьшая, вмѣстѣ съ тѣмъ, и количество бумажныхъ денегъ въ обращеніи.

Въ началѣ, эта послѣдняя мѣра могла казаться совершенно раціональной. Вредъ значительнаго количества бумажныхъ денегъ не подлежитъ сомнѣнію, и, еслибъ средства запаснаго металлическаго фонда обратились частію на постепенное изъятіе бумажныхъ денегъ изъ обращенія безъ преслѣдованія другихъ какихъ-либо цѣлей, то это принесло бы значительную пользу какъ потому, что подѣйствовало бы охлаждающимъ образомъ на биржевую игру, такъ и потому, что повлекло бы за собою спасительную реакцію противъ постоянно возростающей у насъ до-

роговизны. Само собою разумѣется, что такое изъятіе бумажныхъ денежныхъ знаковъ изъ обращенія должно было совершаться не быстро, такъ чтобы не вызывать на рынкѣ сильныхъ потрясеній. Но, къ сожалѣнію, у насъ эта мѣра принята была не съ цѣлію уменьшенія бумажныхъ денегъ, а съ цѣлію поддержанія вексельнаго курса на извѣстной высотѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ, выпускъ золота изъ запасовъ государственнаго банка не могъ производиться съ тою постепенностію, при которой стѣсненіе денежнаго рынка было бы неслишкомъ ощутительно. Напротивъ, онъ долженъ былъ производиться въ такихъ размѣрахъ, чтобы удержать курсъ отъ дальнѣйшаго паденія, вслѣдствіе чего, въ теченіи одного іюля мѣсяца, изъятіе изъ обращенія бумажныхъ денегъ и отпускъ золота взамѣнъ ихъ достигли 17 мил., а съ начала операціи, т. е. съ начала настоящаго года по октябрь мѣсяцъ—до 64 мил. руб. Такое быстрое изъятіе кредитныхъ билетовъ изъ обращенія не могло не вызвать сильнаго потрясенія на денежномъ рынкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такая мѣра, поддерживая курсъ нашего рубля, уменьшала покупную силу заграничныхъ капиталовъ. 3 или 4%, на которые была искуственно возвышена цѣнность нашего кредитнаго рубля, парализовали значительно отпускъ нашихъ товаровъ заграницу въ теченіи всей навигаціи нынѣшняго лѣта, такъ какъ эта разница, въ ту или другую сторону, зачастую обусловливаетъ выгодность или невыгодность сдѣлки, т. е. самую возможность ея осуществленія. Такимъ образомъ, искуственная поддержка вексельнаго курса устраняла естественное условіе его поддержанія, а именно—отпускъ нашихъ товаровъ заграницу. Справедливость подобнаго заключенія подтверждается тѣмъ, что, какъ скоро государственный банкъ, съ 1-го октября, пересталъ поддерживать вексельный курсъ отпускомъ золота и онъ упалъ до 316 сантимовъ, тотчасъ появились заграничныя требованія на наши произведенія и отпускъ ихъ значительно усилился въ октябрѣ мѣсяцѣ, несмотря на то, что фрахтъ былъ очень высокъ въ виду недостатка судовъ. Еслибъ курсъ не поддерживался и понизился бы до 316 сантимовъ съ начала навигаціи, то, конечно, отпускъ нашихъ хлѣбныхъ грузовъ былъ бы значительнѣе и не встрѣтилъ бы недостатка въ транспортныхъ средствахъ, такъ какъ суда могли бы придти въ Кронштадтъ заблаговременно. При такихъ обстоятельствахъ, нашъ рубль стоялъ бы гораздо выше и, можетъ быть, нисколько не ниже той цѣны, на которой его желалъ удержать искуственно государственный банкъ въ теченіи семи мѣсяцевъ. Этотъ опытъ еще разъ доказалъ и, притомъ, весьма нагляднымъ образомъ, что управлять курсомъ нѣтъ возможности, что для этого недостанетъ никакихъ средствъ и что стремиться къ этому значитъ желать *объять необъятное*. Международныя торговыя отношенія, въ особенности въ настоящее время, такъ разнообразны и совершаются такими неуловимыми путями, что регулировать ихъ положительно немыслимо. Стало-быть, остается одно:

предоставить дѣло естественному ходу вещей, устраняя, по возможности, всѣ затрудненія, которыя могутъ парализовать собою успѣхъ торговыхъ сношеній.

Будемъ надѣяться, что настоящій опытъ не останется безъ послѣдствій и укажетъ необходимость положительнаго измѣненія нашей торговой политики и денежной системы. Что же касается болѣе правильнаго распредѣленія податныхъ тягостей и болѣе цѣлесообразнаго употребленія бюджетныхъ средствъ, то это— задача будущей, быть можетъ, многолѣтней дѣятельности.

А. Головачовъ.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Первый французскій конгрессъ рабочихъ.—Его происхожденіе. — Подписка и письмо сенатора Кремьё.—Открытіе его 2-го октября. — Соперничество Шабёра и Проста. — Вопросъ о женскомъ трудѣ: три женскихъ доклада. — Вопросъ о синдикальныхъ палатахъ; протестъ Доннэ противъ буржуазнаго законопроекта крайней лѣвой палаты депутатовъ.—Даніэль и старинныя корпораціи.—Вопросъ о совѣтахъ свѣдущихъ людей (prud'hommes); доклады Верне и Кастэня.—Вопросъ о профессіональномъ образованіи и ученичествѣ рабочихъ Демулэнъ и общество распространенія свободнаго образованія. — Огромный ораторскій успѣхъ учительницы Гардуенъ.

Начало октября ознаменовалось событіемъ чрезвычайной важности, мирнымъ, въ полномъ смыслѣ этого слова—собраніемъ перваго конгресса французскихъ рабочихъ, на которомъ всѣ отрасли того, что принято называть у насъ національнымъ пролетаріатомъ, имѣли своихъ легальныхъ представителей. Кто-бы могъ ожидать, изъ свидѣтелей майскихъ кровопролитій 1871 г., когда рабочій вопросъ отождествлялся съ коммуной, что, черезъ пять лѣтъ, и ранѣе, нежели провозглашена амнистія, подобный конгресъ можетъ осуществиться? Еще удивительнѣе, что его засѣданія не представляли собою того бурнаго характера, на который такъ разсчитывали реакціонеры, полагавшіе, что на нихъ будутъ предлагаться къ обсужденію самыя крайнія и утопическія теоріи и будутъ произноситься грозныя обвинительныя рѣчи противъ правительства, буржуазіи и т. д. Между тѣмъ, все обошлось совершенно иначе, и конгрессъ только поставилъ на очередь соціальный вопросъ или, вѣрнѣе сказать, соціальные вопросы и обсуждалъ ихъ въ самомъ либеральномъ смыслѣ

и наперекоръ всѣмъ традиціямъ 1848 года—внѣ всякаго вмѣшательства правительства.

Первая мысль о конгрессѣ рабочихъ родилась въ средѣ парижскихъ синдикальныхъ палатъ, *терпимыхъ* за то, что онѣ противодѣйствуютъ стачкамъ, а осуществить ее задумала небольшая группа людей, предложившихъ рабочую кандидатуру на общихъ выборахъ начала 1876 года. Хотя эта кандидатура и не имѣла успѣха, изъ-за несогласій самихъ рабочихъ между собою, но они ознакомились, по крайней мѣрѣ, съ наиболѣе искусными изъ своихъ ораторовъ, въ средѣ которыхъ особенно выдался одинъ батиньйольскій гравёръ, Шабѐръ, участвовавшій въ избирательномъ комитетѣ, выбравшемъ въ депутаты отъ своего округа сначала Локруа, а потомъ, когда онъ предпочелъ Марсель, то Паскаля Дюпрà. Участниками этого комитета, на фонды Требуа и де-Гередіà, основанъ былъ ежедневный листокъ «Трибуна», главнымъ сотрудникомъ котораго явился гражданинъ Шабѐръ, до того времени не выступавшій на литературное поприще. Газета эта, при своемъ появленіи, не встрѣтила никакого сочувствія въ средѣ установившихся демократическихъ ȯргановъ, которымъ она становилась конкурентомъ, и, несмотря на то, что она посвятила рабочему вопросу цѣлый рядъ замѣчательныхъ статей, авторитетъ ея былъ такъ незначителенъ, что, когда она заявила мысль о необходимости созванія рабочаго конгресса въ сентябрѣ мѣсяцѣ, то сторонниковъ этой мысли оказалось очень мало. Вѣроятно, мысль эта такъ бы и заглохла, еслибы осуществленію конгресса не помогли самые ожесточенные его враги—столпы финансоваго феодализма—своею неумѣлою оппозиціей. Желая воспрепятствовать съѣзду рабочихъ, всѣ большія желѣзнодорожныя компаніи, за исключеніемъ сѣверной, заранѣе отказались дѣлать делегатамъ этого конгресса хотя бы самомалѣйшую уступку съ проѣздной платы, несмотря на то, что извѣстная скидка дѣлается для делегатовъ всяческихъ съѣздовъ, а богомольцевъ, пилигримовъ и членовъ католическихъ клубовъ возятъ чуть не даромъ всѣ желѣзныя дороги во Франціи. Въ дѣло это вступился, по просьбѣ рабочихъ, сенаторъ Кремьё, и, когда переговоры его съ желѣзнодорожными управленіями не привели ни къ какимъ результатамъ, то онъ напечаталъ объ этомъ и предложилъ открыть подписку для доставленія небогатымъ рабочимъ средствъ на поѣздку въ Парижъ, ассигнововавъ отъ себя на это дѣло 1,000 франковъ. Письмо Кремьё—бывшаго члена временныхъ правительствъ 1848 и 1870 годовъ—имѣло значеніе какъ бы манифеста въ пользу рабочаго конгресса и заставило демократическую печать разстаться съ своимъ индиферентизмомъ по отношенію къ этому вопросу, и къ мысли о немъ примкнули всѣ либеральныя газеты, не исключая самой «République Française». Впрочемъ, и самый конгрессъ, по программѣ, предложенной Кремьё, составленной на самыхъ широкихъ основаніяхъ, терялъ всякій характеръ сословной исключи-

тельности и становился такимъ образомъ совершенно безвреднымъ въ политическомъ и соціальномъ смыслѣ. «Что можетъ быть желательнѣе и своевременнѣе того», писалъ почтенный сенаторъ:—«чтобы вопросъ объ улучшеніи участи всего трудящагося класса, встрѣченный равнодушіемъ при первой имперіи, злобой при реставраціи, презрѣніемъ при монархіи 1830 года и сочувствіемъ при республикѣ 1848 года — снова подвергся всестороннему обсужденію теперь, когда республика снова и окончательно установилась?» Далѣе, онъ заявилъ, что находитъ, что рабочіе, не ожидая болѣе улучшенія своей участи отъ государства, рѣшили заняться сами изслѣдованіемъ, развитіемъ и приложеніемъ къ практикѣ лучшихъ средствъ къ выходу изъ своихъ бѣдствій, отказываясь отъ раздоровъ въ своей средѣ и стачекъ противъ своихъ хозяевъ и предлагая смѣшанныя комиссіи для совмѣстнаго обсужденія съ капиталистами своихъ нуждъ и потребностей. «Такимъ способомъ, говоритъ онъ далѣе:—можетъ быть достигнуто то соглашеніе между различными классами населенія, къ которому такъ стремится наше время, которое такъ соотвѣтственно нашимъ нравамъ и котораго такъ напряженно желаетъ вся интеллигенція цѣлаго міра».

Этимъ письмомъ Кремьё какъ комитетъ инипіативы конгресса, такъ и органъ его «Трибуна» съумѣли очень умно воспользоваться, чтобы, съ одной стороны, отнять у правительства всякій предлогъ къ запрещенію конгресса, а съ другой—чтобы привлечь къ своей мысли массу нерѣшительныхъ рабочихъ. Съ одной стороны, въ газетѣ печатались статьи, въ которыхъ проводилась мысль, что революція 1789 года, начавшаяся отдачей земли крестьянамъ, заканчивается на нашихъ глазахъ, когда рабочіе становятся участниками обладанія промышленнымъ капиталомъ. Рабочій конгрессъ назывался въ нихъ «первою сессіею генеральныхъ штатовъ труда», и доказывалось, что изъ этого «перваго легальнаго представительства синдикальныхъ палатъ Франціи», при ежегодномъ его повтореніи, произойдетъ полная организація всего рабочаго сословія. Съ другой стороны, комитетъ иниціативы, въ своемъ окончательномъ манифестѣ, говоритъ: «Не желая никакой государственной опеки, рабочіе надѣются сами устроить свои дѣла и не требуютъ для этого ничего, кромѣ свободы сходокъ и ассоціацій, какъ единственнаго средства уравновѣсить въ производствѣ и потребленіи отношенія между трудомъ и капиталомъ». Наконецъ, на частномъ собраніи около двухъ сотъ делегатовъ отъ синдикальныхъ палатъ и парижскихъ ассоціацій была значительно измѣнена первоначальная программа конгресса, которою иниціаторамъ предоставлялась слишкомъ большая власть надъ конгрессомъ. За будущимъ конгрессомъ было признано право выбирать на каждомъ засѣданіи новое бюро, а 11 членовъ комитета иниціативы должны были принять въ свою среду еще двѣнадцать членовъ, выбранныхъ всѣми делегатами отъ Парижа и департаментовъ.

Такимъ образомъ, въ залѣ собраній Арраской Улицы, принадлежащей обществу каменьщиковъ, 2-го октября могло открыться первое засѣданіе рабочаго конгресса. На немъ присутствовали 255 рабочихъ делегатовъ отъ Парижа и 105 отъ департаментовъ, такъ же какъ и сотрудники всѣхъ ôрганов французской печати, безъ различія, къ какимъ бы мнѣніямъ они не принадлежали, начиная отъ «Défense» Дюпанлу, до «Droits de l'homme» включительно. Одинъ только сенаторъ Толенъ, единственный изъ рабочихъ, засѣдающихъ въ верхней палатѣ, подвергся несправедливому остракизму и не могъ добиться для себя входнаго билета.

На первомъ собраніи предсѣдательствовалъ Шабèръ, хотя онъ добился этой чести не безъ труда, послѣ двухъ голосованій и при самомъ незначительномъ большинствѣ голосовъ. Докладъ открытія былъ прочитанъ секретаремъ комитета инниціативы Гильономъ, и при чтеніи его въ залѣ водворилась такая тишина, какую врядъ ли кому-нибудь случалось наблюдать когда-либо на нашихъ парламентскихъ собраніяхъ. «Рабочій, объяснялось въ этомъ докладѣ: — несмотря на то, кàкъ бы ни былъ тяжелъ его трудъ и кàкъ бы онъ ни умѣрялъ удовлетвореніе своихъ необходимѣйшихъ потребностей, обыкновенно въ своемъ хозяйствѣ едва успѣваетъ сводить концы съ концами. Болѣзнь, ослабленіе силъ и старость почти неизбѣжно заставляютъ его обращаться къ общественной благотворительности. Необходимо достигнуть того, чтобы онъ былъ огражденъ отъ этихъ естественныхъ спутниковъ его труда, никогда не нуждался въ работѣ и получалъ такую заработную плату, которую можно было бы назвать дѣйствительно вознаграждающею. Цѣлью настоящаго конгресса — изысканіе наиболѣе практическихъ средствъ для такого преобразованія участи рабочаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, указаніе управляющей нами власти на существованіе огромной части населенія, которое страдаетъ, жаждетъ для себя реформы, но на стремленія которой не обращается достаточнаго вниманія. Если конгрессу рѣшено было придать характеръ собранія, составленнаго исключительно изъ однихъ рабочихъ, то это для того, чтобы отстранить отъ нихъ отвѣтственность въ наклонности къ утопіямъ, происхожденіе которыхъ обыкновенно приписывается рабочимъ, хотя онѣ и составляются всегда благожелательными къ рабочимъ буржуа, такъ же, какъ и для того, чтобы творцы буржуазныхъ системъ не вмѣшивались въ пренія и не измѣнили бы самаго ихъ характера».

Это нѣсколько неблагодарное отношеніе къ отцамъ соціализма, отъ Фурье до Прудона, доставило немало удовольствія клерикальнымъ и реакціоннымъ репортерамъ но радость ихъ была непродолжительна, такъ какъ они съ самаго начала засѣданій могли увидать, что имъ не придется на конгрессѣ присутствовать при воскресеніи «призрака анархіи», какъ говорилось въ 1848 году, или видѣть во очію «общественную опас-

ность», которою устрашали Францію еще такъ недавно. Въ этомъ они убѣдились изъ словъ самаго доклада, въ которомъ говорилось далѣе: «Рабочіе вовсе не желаютъ улучшенія своей участи при помощи раззоренія другихъ классовъ. Они хотѣли бы только, чтобы экономисты, занимающіеся исключительно «продуктами производства», обратили, въ то же самое время, вниманіе и на «производителя»—человѣка... Программа ихъ, которая будетъ здѣсь обсуждаема, полна насколько возможно... Относительно женскаго труда они хотѣли бы достигнуть того, чтобы капиталисты не противопоставляли его труду мужчинъ, съ цѣлью удешевленія послѣдняго. При помощи синдикальныхъ палатъ они хотѣли бы достигнуть организаціи труда и защиты своихъ интересовъ. Посредствомъ совѣта свѣдущихъ людей они бы хотѣли законнаго учрежденія, которое могло бы примирять несогласія, возникающія между трудомъ и капиталомъ. Организаціей правильнаго ученичества (l'apprentissage) и профессіональнаго обученія они бы хотѣли доставить молодымъ рабочимъ возможность основательнаго ознакомленія съ тою или другою отраслью труда и достиженія умѣнья съ меньшимъ трудомъ и въ кратчайшее время достигать лучшаго производства. При помощи прямого представительства въ парламентѣ они хотѣли бы заручиться присутствіемъ въ палатахъ своихъ людей, знающихъ ихъ нужды и могущихъ защищать ихъ интересы. Въ кооперативныхъ ассоціаціяхъ, производительныхъ, потребительныхъ и кредитныхъ, они видятъ средства побѣдить частной инціативою всѣ дурныя послѣдствія существующей организаціи торговли, производствъ и кредита. Съ помощію сберегательныхъ кассъ, страховыхъ учрежденій и кассъ вспомогательныхъ для потерявшихъ способность работать они хотѣли бы обезпечить рабочихъ отъ послѣдствій жизненныхъ случайностей. При пособіи земледѣльческихъ ассоціацій и установленія правильныхъ отношеній между земледѣльцами и фабричными рабочими они хотѣли бы достигнуть того, чтобы земледѣліе и промышленное производство шли рука объ руку».

За этимъ въ докладѣ слѣдовало перечисленіе главнѣйшихъ основаній организаціи самыхъ засѣданій, т. е. регламентъ конгресса. Для каждаго засѣданія должно было избираться особое бюро изъ одинаковаго числа делегатовъ отъ Парижа и отъ провинцій. Въ голосованіяхъ должны были принимать участіе одни только делегаты. Многочисленность записавшихся ораторовъ (болѣе 200) была поводомъ того, что конгрессъ, по числу главныхъ подлежавшихъ обсужденію вопросовъ, счелъ нужнымъ раздѣлиться на 8 секцій, докладчики которыхъ обязывались произносить рефераты обо всѣхъ высказанныхъ на секціяхъ мнѣніяхъ; послѣ чего, для дальнѣйшаго разсмотрѣнія и изученія всѣхъ этихъ вопросовъ, должна была каждый разъ назначаться особая коммиссія, на обязанности которой лежало и представленіе окончательныхъ заключеній, для голосованія ихъ делегатами.

Всѣ эти правила были тотчасъ же утверждены простымъ вставаніемъ и сидѣніемъ, и, кромѣ того, тотчасъ же изъ среды присутствующихъ были выбраны 24 комиссара для охраненія порядка; они тотчасъ же распредѣлили между собой занятія и лучше всякой полиціи съумѣли предотвратить всякій шумъ и безпорядки. Такъ, на первомъ же собраніи, Шаберъ, довольно неопытный предсѣдатель, едвали съумѣлъ бы безъ ихъ помощи затушить споръ между редакторами «Droits de l'homme» и «Трибуны», угрожавшій принять непристойные размѣры, и совладать съ суматохой, возникнувшей по поводу назначенія 12-ти дополнительныхъ членовъ въ комитетъ иниціативы.

При открытіи втораго засѣданія, при образованіи бюро, конгрессъ выказалъ значительный тактъ. Предсѣдателемъ былъ выбранъ часовщикъ Викторъ Простъ, делегатъ отъ Дижона, который, по сознанію привычныхъ посѣтителей Версаля, предсѣдательствовалъ несравненно лучше самихъ Одифре-Пакье и Греви. Онъ такъ умно и ловко велъ пренія, что былъ бы, навѣрно, несмотря на регламентъ, выбранъ предсѣдателемъ на все время конгресса, еслибы этому не воспротивился Шаберъ и его сторонники, изъ видовъ соперничества. По поводу перваго вопроса о женскомъ трудѣ было прочитано не менѣе семи докладовъ. Сѣдельщикъ Дальтье утверждалъ, что, еслибы заработная плата производилась на основаніи справедливости, то одинъ трудъ мужчинъ окупалъ бы всѣ расходы семьи. Но такъ какъ этого не существуетъ, то слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, позаботиться о томъ, чтобы трудъ женщинъ не наносилъ ущерба труду мужчинъ, то-есть: чтобы равный трудъ лицъ обоихъ половъ одинако и оплачивался. По его мнѣнію, главная причина уменьшенія платы женщинамъ заключается въ конкуренціи дароваго труда женщинъ въ тюрьмахъ и монастыряхъ, такъ же, какъ работы молодыхъ дѣвушекъ въ мастерскихъ религіозныхъ конгрегацій, гдѣ призрѣваемыхъ дѣтей заставляютъ работать въ прямой ущербъ ихъ сестеръ и матерей, а, въ концѣ концовъ, и для раззоренія и отцовъ ихъ. Молодая и симпатичная работница, Рауль, доставила драгоцѣнныя подробности о заработной платѣ женщинъ, работающихъ на дому и получающихъ, напримѣръ, за шитье бѣлья едва по 11 франковъ и 50 сантимовъ въ недѣлю. Она указала также на неблагопріятныя для здоровья послѣдствія отъ движенія ногъ при 12-ти-часовой работѣ на швейной машинѣ. Она жаловалась, сверхъ того, на массу мужчинъ рабочихъ, вторгнувшихся въ области чисто-женскихъ производствъ (парикмахеры, цвѣточники и т. д.), такъ что женщинамъ скоро придется, ради куска хлѣба, идти чуть не въ каменщики, печники и плотники. Делегатъ Дельёнъ выразилъ мнѣніе, что женщинамъ должны быть предоставлены только такія работы, которыя могутъ исполняться на дому, но, такъ какъ этого въ настоящее время нельзя достигнуть, то онъ предлагалъ предоставлять женщинамъ такія профессіи и занятія, которыя требуютъ

наименьшаго физическаго труда; но, при этомъ, занятія эти должны быть таксированы такимъ образомъ, чтобы полъ рабочаго не принимался во вниманіе. Конкуренціи тюремной и монастырской работы можно, по его мнѣнію, избѣжать, если синдикаты назначать тарифы, ниже которыхъ не могли бы брать и эти учрежденія. Г-жа Обе, подтверждая свѣдѣнія работницы Рауль о женской заработной платѣ, разсказала, сверхъ того, объ ужасномъ положеніи женщинъ и дѣвушекъ въ большихъ мастерскихъ и магазинахъ, гдѣ онѣ обязаны быть всегда хорошо одѣтыми, а получаютъ, не имѣя хозяйскаго стола, всего на все, среднимъ числомъ, по 3 франка въ сутки! Она предлагаетъ противъ этого учрежденіе женскихъ ассоціацій, для заключенія условій съ хозяевами магазиновъ. Дѣвица Андре, членъ комитета инціативы, описываетъ весьма яркими красками положеніе работницъ на большихъ заводахъ сѣвера Франціи, которымъ некогда даже воспитывать своихъ дѣтей. Она заключаетъ о необходимости распространенія закона о дѣтскомъ трудѣ также и на монастыри, и объ опредѣленіи закономъ максимума числа часовъ женщины-работницы, какъ въ виду сохраненія ея здоровья, такъ, главнѣйше, и въ интересахъ ея дѣтей. Сверхъ того, она хотѣла бы, чтобы по подобію Парижа и въ провинціи вездѣ были учреждены синдикаты. Типографщикъ Одемаръ Леклеркъ передаетъ о деморализаціи, существующей на большихъ фабрикахъ, куда допускаются работать и женщины: «въ большихъ городахъ сѣвера Франціи, женщина, работающая на фабрикахъ, чтобы остаться добродѣтельной, должна, кромѣ сопротивленія противъ уличныхъ нападеній, сопротивляться еще съ бо́льшей энергіей нападеніямъ внутреннимъ и несравненно болѣе для нея опаснымъ, со стороны хозяевъ фабрикъ и ихъ ближайшихъ помощниковъ, въ рукахъ которыхъ сильное средство для ея убѣжденія—угроза отказа въ работѣ!» По поводу всеобщихъ жалобъ на застой, если не на уменьшеніе въ народонаселеніи Франціи, онъ передаетъ, что, по свидѣтельству руанскаго мэра, въ этомъ фабричномъ городѣ, изъ числа новорожденныхъ, 60% погибаетъ въ первый же годъ, и приписываетъ это обстоятельство той эксплуатаціи, какой подвергается тамъ женщина, «не могущая исполнять въ отношеніи своего ребёнка даже того, что̀ дѣлаетъ всякій звѣрь». Въ самомъ дѣлѣ, въ большихъ промышленныхъ и фабричныхъ центрахъ женщина-работница имѣетъ время развѣ только родить и тотчасъ же должна отдавать своего ребёнка деревенскимъ кормилицамъ, прозваннымъ въ народѣ «поставщицами ангеловъ», или, ежедневно уходя на работу, оставлять ихъ особеннымъ «сторожихамъ», которыя, чтобы не слыхать ихъ крика, опаиваютъ ихъ макомъ и другими наркотическими снадобьями.

Вопросъ о синдикатахъ обсуждался съ особенною горячностью делегатомъ Шарлемъ-Боне изъ Рубэ. Онъ разсказалъ предварительно о томъ, какъ въ этомъ промышленномъ центрѣ красиль-

щики, получающіе отъ 15 до 16 франковъ въ недѣлю, а ткачи отъ 20 до 25-ти, терпятъ безвыходную нужду, подвергаясь опасности остаться безъ работы и страдая отъ дороговизны предметовъ первой потребности. Положеніе семейныхъ рабочихъ въ этой области промышленности ужасно; обращаться же въ благотворительное бюро за хлѣбомъ и дровами имѣютъ право только такіе, у которыхъ не менѣе пяти человѣкъ дѣтей. Получить работу на фабрикахъ обыкновенному рабочему можно только тогда, когда у хозяевъ слишкомъ много работы: иначе нужно представить удостовѣреніе о своей принадлежности къ католическимъ клубамъ. Рабочіе тамъ совершенно въ рукахъ нетолько у своихъ хозяевъ, но и у булочниковъ, мясниковъ и т. д., которые всѣ—собственники и отдаютъ помѣщенія для рабочихъ. Поэтому, во время выборовъ, имъ по-неволѣ, чтобы не остаться безъ работы или крова, приходится подавать голоса за реакціонеровъ. Поправить это дѣло возможно только учрежденіемъ синдикатовъ, которыхъ главнѣйшею заботою должно быть благосостояніе рабочихъ, «вовсе не стремящихся на аттаку капиталовъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, капиталъ и трудъ солидарны, но желающихъ пріобрѣсти собственный капиталъ при помощи ассоціацій и достигнуть общаго между рабочими сближенія въ равноправной организаціи, чтобы идти рука съ рукою на встрѣчу будущему экономическому освобожденію».

Рабочій Доннэ, тотъ самый, кандидатуру котораго непримиримые выставляли въ 20-мъ округѣ противъ Гамбетты, возстаетъ противъ законопроекта, выработаннаго, по инииціативѣ Локруа, 20-ю депутатами крайней лѣвой. Требованіе представленія статутовъ синдиката и поименнаго списка рабочихъ, вошедшихъ въ его составъ, кажется ему мѣрою, обращающею самые синдикаты въ какое-то полицейское учрежденіе. Онъ находитъ ни съ чѣмъ несообразнымъ, допущеніе 5-ти лѣтней обязательности для контрактовъ, заключенныхъ между хозяевами и групою рабочихъ, составъ которой измѣняется безпрестанно. Ему кажется смѣшнымъ надѣяться чего-нибудь отъ смѣшанной юрисдикціи, непризнаваемой большинствомъ хозяевъ, допускающихъ арбитражъ только между промышленниками и коммерсантами, а никакъ не между хозяевами и рабочими или служащими у нихъ. По его мнѣнію, эти депутаты ровно ничего не поняли въ вопросѣ и законопроекта этого не слѣдуетъ вовсе представлять. Бордоскій делегатъ, Дюффо, заявляетъ, что если за послѣднія 20 лѣтъ заработная плата и поднялась на 10 или 15%, то за это же время всѣ жизненные продукты вздорожали на 50 и 60%, такъ что 6 франковъ, въ настоящее время, не представляютъ собою стоимости и 3-хъ франк. прежняго. Поэтому, онъ считаетъ необходимымъ учрежденіе немедленно синдикальнаго союза всѣхъ, безъ исключенія, рабочихъ Франціи; для образованія же капитала этого союза онъ считаетъ необходимымъ еженедѣльные 25 сантимные взносы съ каждаго рабочаго. Парижскій

сапожникъ Даніэль излагаетъ довольно своеобразно исторію французской буржуазіи съ кануна революціи. Онъ обвиняетъ ее за уничтоженіе цеховъ, союзовъ мастеровъ и вообще стараго кооперативнаго управленія мастерствами, съ единственною цѣлью обезпечить для себя эксплуатацію разъедененныхъ и безпомощныхъ рабочихъ. Забывая или, вѣрнѣе сказать, не зная основаній, заставившихъ Тюрго рѣшиться на уничтоженіе корпорацій, эксплуатировавшихъ большинство рабочаго люда, непопадавшаго въ эти корпораціи, онъ требуетъ немедленной отмѣны закона 17-го іюня 1791 года, запретившаго, во имя «деклараціи правъ человѣка и гражданина», всякіе союзы, соглашенія и договоры между представителями одного и того же ремесла—для обезпеченія индивидуальной свободы и свободы труда. Конечно, этотъ законъ, временно необходимый для уничтоженія замкнутой касты ремесленной аристократіи, впослѣдствіи былъ нерѣдко примѣняемъ для воспрепятствованія труду организоваться; но для того, чтобы отнять отъ него возможность вредить рабочимъ, достаточно только одного узаконенія безусловнаго права сходокъ и ассоціацій. Требовать же возстановленія прежнихъ корпорацій, какъ это и доказали оратору клерикальные и легитимистскіе журналы, начавшіе съ жаромъ поддерживать его мысль, было бы значительнымъ шагомъ назадъ, а не впередъ. Ошибку этого оратора поправляетъ делегатъ Сентъ-Этьена, Буассоне, требующій только легальнаго признанія синдикальныхъ палатъ и отмѣны статей уголовнаго кодекса (291 — 294) противъ ассоціацій. Вмѣсто опроверженія законопроекта Локруа, онъ заявляетъ только желаніе, чтобы депутаты, подписавшіе его, занялись его пересмотромъ вмѣстѣ съ представителями отъ конгресса, для совмѣстной выработки закона болѣе практическаго. Предложеніе это, какъ потомъ было объявлено въ замѣткѣ «Rappel'»я, было принято и Локруа, и другими депутатами. Делегатъ отъ Марселя, Воннуа, для достиженія, при посредствѣ синдикатовъ, увеличенія заработной платы, всталъ на точку зрѣнія упадка промышленности вслѣдствіе погони за дешевизною. «Продукты производства сказалъ онъ:—доведены до того, что представляютъ собою чуть-ли не одну *тѣнь вещей*, названіе которыхъ они носятъ, и, въ настоящее время, за 10 фр. потребитель получаетъ предметъ, по крайней мѣрѣ, вчетверо мѣньшей прочности, чѣмъ имѣлъ бы онъ, еслибы за него было заплачено 20 фр.» Делегатъ отъ Парижа, Фюзилье, разсматриваетъ, съ точки зрѣнія мужскаго труда, вопросъ о конкуренціи работъ монастырей и религіозныхъ ассоціацій. Кожевникъ Кюзанъ разсказываетъ исторію рабочаго товарищества (compagnonnage) и предлагаетъ возстановленіе «рабочихъ обходовъ» (tours de France) т.-е. пѣшихъ путешествій по Франціи молодыхъ рабочихъ, которые «могли бы знакомить съ успѣхами промышленности самыя отдаленныя захолустья Франціи».

По третьему вопросу о «Совѣтахъ свѣдущихъ людей», первымъ

былъ прочитанъ докладъ делегата Верне. Авторъ этого доклада не мечтаетъ еще о томъ времени, когда рабочій самъ будетъ собственникомъ капитала, необходимаго для его труда, но до того времени, говоритъ онъ, необходимо, чтобы столкновенія между хозяевами и рабочими происходили какъ можно рѣже, и рабочіе какъ можно болѣе имѣли бы времени для составленія ассоціацій. Въ этихъ видахъ было бы весьма важно преобразованіе совѣтовъ свѣдущихъ въ такія учрежденія, которыя, подобно нотаріатамъ, скрѣпляли бы всякіе контракты между нанимателями и рабочими и, въ тоже время, были бы настолько сильны, чтобы ихъ приговоры могли охранять ненарушимость такихъ контрактовъ. Другіе докладчики разсматриваютъ нѣкоторыя частности предполагаемаго преобразованія. Учрежденіе въ цѣломъ его составѣ разсматриваетъ, въ мастерскомъ докладѣ, бордоскій делегатъ, Кастэнь, представляющій какъ бы цѣлый законопроектъ, предназначенный, говоритъ онъ, при единодушныхъ рукоплесканіяхъ всего собранія, для полнаго обезпеченія рабочаго класса. По его плану, хозяева и рабочіе должны, независимо одни отъ другихъ, выбирать своихъ экспертовъ, а не такъ, какъ мечтали въ 1848 году, чтобы хозяева выбирали свѣдущихъ изъ рабочихъ, а рабочіе изъ хозяевъ. Выбираться свѣдущіе должны не на 6, а на 3 года. Каждый совѣтъ избираетъ самъ своего председателя. Служба свѣдущихъ—даровая и засѣданія ихъ публичны. Рѣшенію ихъ должны подчиняться всѣ дающіе или получающіе заработную плату, не исключая и большихъ промышленныхъ компаній. Совѣты свѣдущихъ должны быть учреждены во всѣхъ департаментахъ, округахъ и кантонахъ и помогать мировымъ судьямъ при сужденіи о дѣлахъ, въ которыхъ заинтересованы промышленные интересы, мировымъ судьямъ обыкновенно незнакомые. Каждый рабочій 21 года долженъ быть избирателемъ своихъ свѣдущихъ, какъ онъ теперь—избиратель депутатовъ; но срокъ жительства для права избирательства долженъ быть уменьшенъ съ 3 хъ лѣтняго на 6-ти мѣсячный. Какъ читатели видятъ, трудно придумать чтò-либо проще, справедливѣе и практичнѣе этого проекта. Нѣтъ сомнѣнія, что республиканскіе депутаты его одобрятъ и представятъ въ палату, а, такъ какъ онъ не заключаетъ въ себѣ ничего противу религіознаго или политическаго, то и въ сенатѣ не встрѣтитъ вѣроятно, особенной оппозиціи.

По поводу вопроса о профессіональномъ обученіи, ораторомъ большинства 4-й комиссіи явился механикъ Деломъ, заявившій: что онъ даже не понимаетъ, чтобы въ странѣ всеобщаго голосованія могли быть граждане, неимѣющіе свѣдѣній, необходимыхъ для исполненія ими своихъ гражданскихъ обязанностей; что первоначальное образованіе должно быть даровымъ, обязательнымъ и, главнѣйше, свободнымъ отъ навязыванія дѣтямъ какой бы то не было религіозной доктрины, а что профессіональное обученіе, повсюду распространенное и всѣмъ доступное,

должно служить въ будущемъ главнымъ основаніемъ промышленнаго и торговаго благосостоянія Франціи; что республика съумѣетъ довершить великое дѣло интеллектуальнаго освобожденія, сдѣлавъ и самое высшее образованіе доступнымъ для дѣтей народа и тѣмъ, мало по малу, поможетъ безслѣдно исчезнуть «обиднымъ неравенствамъ, предразсудкамъ и вреднымъ доктринамъ, служащимъ причиною всѣхъ современныхъ общественныхъ бѣдствій, колеблющихъ порою общественный строй съ самыхъ вершинъ его до основаній». Другой парижскій делегатъ, механикъ Шатенье, разбираетъ съ особенной подробностію вопросъ объ ученичествѣ въ интересахъ самого ребёнка и его семьи, такъ же какъ хозяевъ и рабочихъ. Онъ подвергаетъ жестокому осужденію католическіе клубы, къ счастію, не привлекающіе значительнаго числа рабочихъ, и клерикальныя «общества покровительства ремесленникамъ, находящимся въ ученіи», такъ какъ они заботятся не о томъ, чтобы отдавать учениковъ къ такимъ хозяевамъ, у которыхъ они могли бы больше научиться, а опредѣляютъ ихъ только къ такимъ, которые водятъ ихъ по воскресеньямъ въ церковь. Онъ указываетъ также и на то, что нѣкоторые хозяева набираютъ втрое болѣе мальчиковъ, чѣмъ это необходимо для ихъ производствъ, и или обучаютъ ихъ такимъ спеціальностямъ, спросъ на которыя весьма ограниченъ, или просто ни чему не учатъ, держатъ на посылкахъ и для своихъ надобностей, прямо въ ущербъ уровню національной промышленности. «Я потребовалъ бы, сказалъ ораторъ:—закона, опредѣляющаго максимумъ учениковъ на извѣстное число рабочихъ, еслибы я не опасался вообще вмѣшательства правительства, каково бы оно ни было».

До сихъ поръ на трибунѣ появлялись только, такъ сказать, рабочіе мускульнаго труда, но, такъ какъ докладчиками одной изъ групъ четвертой секціи были выбраны два журналиста, сотрудники «Rappel'»я и «Bien public», то произошелъ довольно оживленный споръ о томъ, слѣдуетъ-ли, на основаніи регламента конгресса, дозволять имъ говорить. Большинствомъ было рѣшено, что одному изъ докладчиковъ Демулэну, зятю знаменитаго соціалиста Пьера Леру, можно дать слово, такъ какъ онъ допущенъ на конгрессъ не въ качествѣ писателя, а какъ членъ-учредитель общества для свободнаго образованія, представителемъ котораго онъ былъ уже на выставкахъ вѣнской и филадельфійской. Общество это, какъ объяснилъ на конгрессѣ Демулэнъ, было основано уже болѣе 5 лѣтъ тому назадъ и учреждено съ цѣлью организовать и распространять профессіональное образованіе. Члены этого общества составляютъ изъ себя 3 групы: педагогическую, артистическую и ремесленную и выработали такую программу по сложному вопросу народнаго образованія: 1) всеобщее голосованіе требуетъ незбѣжно осуществленія торжественнаго заявленія законодательства 1791 года, т. е. введенія такой системы общественнаго образованія, которая была бы об-

щено для всѣхъ гражданъ. 2) Такъ какъ такому дѣлу обязанъ способствовать всякій гражданинъ, а республиканское правительство должно помогать всѣми силами, то власть, которая бы стала ему противодѣйствовать, поступила бы, какъ измѣнникъ своему отечеству. 3) При существованіи одновременно различныхъ вѣроисповѣданій, общественное образованіе должно быть исключительно свѣтское, и всякіе законы, покровительствующіе той или другой религіи, должны быть отмѣнены. 4) Образованіе это должно быть обязательнымъ. 5) Оно должно быть профессіональнымъ. 6) Элементарное школьное обученіе должно сопровождаться начальнымъ профессіональнымъ преподаваніемъ. 7) Учителя и воспитатели дѣтей должны быть щедрѣе противъ настоящаго вознаграждены, и профессія ихъ пользоваться большимъ общественнымъ уваженіемъ. 8) Къ постройкѣ школъ, мастерскихъ и атенеевъ должны быть примѣнены всѣ новѣйшія усовершенствованія архитектуры и гигіены, и для дѣтей должны быть учреждены особыя большія празднества. «Термину образованія, прибавилъ Денуэлэнъ:—общество предпочитаетъ воспитаніе, такъ какъ цѣлью его—не одна только культура ума, а всѣхъ человѣческихъ свойствъ и способностей и правильное развитіе сердца и физическихъ силъ». Сознавая всѣ недостатки профессіональнаго обученія въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ, общество предполагаетъ устройство центровъ профессіональнаго воспитанія характера энциклопедическаго, т. е. такихъ школъ, которыя были бы, въ тоже время, учебными мастерскими и атенеями. О женскомъ профессіональномъ образованіи говорила, къ сожалѣнію, очень тихо, старушка учительница г-жа Маньеръ, но, вслѣдъ за ней, тотъ-же вопросъ энергически развивала учительница Гардуенъ, сдѣлавшая себѣ репутацію тѣмъ, что она вызвала противъ себя всеобщее озлобленіе клерикаловъ. Горячую импровизацію свою начала она перефразировкою извѣстныхъ словъ Дантона: «чтобы создать гражданъ, достойныхъ республики, необходимо образованіе, еще образованіе и, опять-таки, образованіе!» Заимствуя большую часть своихъ идей отъ одного изъ буржуазныхъ утопистовъ, къ которымъ такъ высокомѣрно отнесся комитетъ Шабера, она представила описаніе типической школы въ томъ видѣ, какъ она поэтически грезилась Фурье, представляя собою одновременно пріютъ, классъ, мастерскую и дѣтскій фаланстеръ, гдѣ матери учатъ дѣтей ходить, молодыя дѣвочки присматриваются къ исполненію материнскихъ обязанностей, а подростающія дѣти, присматриваясь къ различнымъ производствамъ въ дѣйствіи, стараются угадать, къ чему въ нихъ зарождается призваніе. Успѣхъ, какой производитъ на слушателей этотъ этюдъ о дѣтскомъ воспитаніи до 10-ти лѣтняго возраста, воодушевляетъ докладчицу, и она начинаетъ разсказывать исторію женщины въ различные періоды цивилизаціи и требуетъ для нея одинаковаго образованія съ мужчинами. «Не наступила ли уже пора, говоритъ она:—перестать смотрѣть на женщину только, какъ на

игрушку или, еще хуже, какъ на существо, созданное для удовлетворенія страстей и прихотей мужчины?.. Не на ея ли колѣняхъ выростаютъ и образуются граждане? Не благодаря ли ея урокамъ и примѣру, создаются честный человѣкъ и честная женщина?» Потомъ, обращаясь уже къ однимъ женщинамъ, она продолжаетъ: «впередъ! безъ устали, впередъ, энергическія женщины! Продолжайте учиться, чтобы сдѣлаться достойными учить! Уча въ домѣ или школѣ, вы, дѣлая свое скромное, святое дѣло, исполняете величайшую обязанность передъ государствомъ: вы приготовляете ему людей, которые обусловятъ его величіе, свободу и славу! Вы—какъ бы пастыри новой религіи... и вами подготовляется великое и блистательное будущее!»

II.

Продолженіе засѣданій конгресса.—Вопросъ о прямомъ парламентскомъ представительствѣ со стороны рабочихъ. — Вопросъ о потребительныхъ, производительныхъ и кредитныхъ ассоціаціяхъ; проектъ общей ассоціаціи, по системѣ делегата Дегэ.—Вопросъ о безработицѣ, страхованіи и сберегательныхъ кассахъ; взаимное страхованіе по плану Девиля; сантимный сборъ Делаге.—Вопросъ о союзѣ между земледѣльцами и рабочими. — Общій докладъ обо всѣхъ 8 вопросахъ и принятіе резолюцій его безъ всякихъ преній.—Закрытіе конгресса и братскій банкетъ 11-го октября. — Рабочій банкетъ въ Ліонѣ и урокъ, данный делегатомъ Амà депутату Ординэру.

На шестомъ засѣданіи, настала очередь вопроса о прямомъ парламентскомъ представительствѣ пролетаріата. Докладчикомъ его явился сапожникъ Болатръ. Въ своемъ докладѣ, очень умно составленномъ, онъ обвиняетъ господствующіе классы въ предвзятомъ и систематическомъ отстраненіи рабочихъ отъ представительства въ различныхъ національныхъ собраніяхъ. Чтобы противодѣйствовать этому, онъ считаетъ необходимымъ: 1) устроить соглашеніе рабочихъ съ массою избирателей, и 2) дѣлать извѣстными имена рабочихъ, наиболѣе способныхъ къ законодательной дѣятельности. Первая цѣль не можетъ быть достигнута, если не будетъ отмѣнена система избирательства по округамъ и не введется снова списочное избирательство, если печать и сходки не получатъ полной свободы. Но еслибы даже проведеніе въ палаты рабочихъ и удалось, то будутъ ли они имѣть возможность восторжествовать тамъ? Болатръ на это не разсчитываетъ и, вообще, оставляетъ за собой право имѣть свой взглядъ на удобство и даже легальность вообще парламентскаго управленія. Онъ считаетъ только своимъ долгомъ предостеречь рабочихъ отъ парламентскихъ шарлатановъ, которые, чтобы заручиться ихъ голосами, толкуютъ такъ торжественно о верховной власти народа и обѣщаютъ ему столько всевозможныхъ свободъ, а потомъ, когда

съ нихъ спрашиваютъ осуществленія на дѣлѣ ихъ обѣщаній, презрительно отвѣчаютъ, что они «не намѣрены подчиняться никакимъ давленіямъ извнѣ и дѣйствуютъ такъ, какъ требуетъ ихъ сознаніе». Другой докладчикъ, Альберъ, изъ Ліона, возстаетъ противъ политики своевременности, называемой имъ политикой застоя и эгоизма, которая можетъ привести Францію или къ новому 2-му декабря и Седану, или къ орлеанизму, этому исконному врагу всякаго прогресса, или, наконецъ, къ возстановленію легитимистскаго правительства, «которое можетъ издать и такое постановленіе, чтобы французы не выходили по воскресеньямъ и праздникамъ на улицу иначе, какъ съ кропильницами въ рукахъ». Делегаты Альберъ и Папенъ предлагаютъ различные способы проведенія рабочихъ кандидатуръ и указываютъ на источники, могущіе доставить матерьяльныя для этого средства; другіе делегаты заявляютъ о тѣхъ способахъ, какими можно противодѣйствовать тому, чтобы рабочій, пройдя въ палаты, не сдѣлался самъ буржуа, а былъ подъ постояннымъ вліяніемъ своихъ товарищей; но ихъ рѣчей почти не слушаютъ, такъ какъ, вслѣдъ за ними, наступаетъ очередь говорить двумъ изъ наиболѣе выдающихся рабочихъ—Шабѐру (отъ Парижа), кандидатура котораго была уже, какъ извѣстно, выставлена, и Просту (отъ Дижона), очевидно, будущему кандидату.

Появленіе на трибунѣ Проста встрѣчается громкими рукоплесканіями. Онъ заявляетъ, что настоящій конгрессъ долженъ занять видное мѣсто въ исторіи уже по одному тому, что онъ выдвинулъ на очередь вопросъ о нуждахъ и стремленіяхъ пролетаріата. «Журналы, самые враждебные намъ, говоритъ онъ: — вынуждены уже были отдать справедливость искренности и правдивости ораторовъ, появлявшихся на этой трибунѣ». Еще бòльшій взрывъ рукоплесканій раздается, когда онъ начинаетъ громить буржуазію, «обратившуюся, подобно лотовой женѣ, въ соляной столбъ», за ея стремленіе держать въ своихъ рукахъ весь политическій и экономическій міръ и не давать въ него доступа ни труду, ни профессіональному таланту, «безъ которыхъ ей, однако, нѣчего было бы ѣсть и нѐ во что было бы одѣться». Нѣсколько увлекаясь, онъ говоритъ, что, въ прежнее время, рабочій могъ легко освободиться отъ неудобствъ заработной платы, тогда какъ теперь, чтобы самостоятельно основаться, ему необходимы значительные капиталы, и заключаетъ изъ этого, что настоящій общественный строй для рабочаго во 100 разъ тяжелѣе того порядка вещей, который наши отцы ниспровергли въ 89—93 годахъ.

«Буржуазія, продолжаетъ онъ:—стала реакціонной и клерикальной въ такой степени, какой никогда не достигало прежнее дворянство. Если многіе изъ буржуа и стоятъ, изъ патріотизма и любви къ прогрессу, за народъ, то немало мы видѣли и такихъ, которые, выдавая себя за передовыхъ людей, вне-

запно преобразовывались въ злѣйшихъ нашихъ враговъ». Продолжая свой разборъ буржуазіи и даже наилучшихъ ея представителей, бургундскій часовщикъ утверждаетъ, что «и въ настоящей палатѣ депутатовъ нѣтъ ни одного выборнаго, который бы сдержалъ всѣ свои обѣщанія, или былъ способенъ понимать нужды и чувства рабочихъ», въ примѣръ чего приводитъ Локруа, неумѣвшаго составить сколько-нибудь толковаго законопроекта о синдикатахъ, и Алена Таржѐ, не рѣшившагося, несмотря на всѣ свои обязательства передъ XIX округомъ, подписать даже какой-нибудь проектъ. При этихъ словахъ, раздается весьма сильный ропотъ: «не надо личностей! говорите о принципахъ!» кричатъ одни. «Рисуйте намъ скорѣе бонапартистовъ», заявляютъ другіе. Подымается шумъ, и предсѣдатель, не зная ка̀къ его унять, угрожаетъ очистить трибуну. Очевидно, что кто-то старается раздуть неурядицу, чтобы дискредитировать конгрессъ. Мало по малу, тишина водворяется и ораторъ уже спокойно развиваетъ свой проектъ представительства, заключающійся въ слѣдующихъ 6 пунктахъ: 1) введеніе списочнаго избирательства; 2) опредѣленіе синдикатами, корпораціями и ассоціаціями числа кандидатуръ, на которое имѣютъ право рабочіе по своей численности, и выборъ ими кандидатовъ; 3) каждый представитель пролетаріата долженъ быть рабочимъ лично и непосредственно; 4) при своемъ избраніи онъ долженъ представить въ избирательный комитетъ бланкъ, безъ обозначенія числа, о своей отставкѣ; 5) рабочіе депутаты, избираемые какъ ходатаи и выразители стремленій рабочаго класса, не вотируютъ, не посовѣтовавшись предварительно съ своими товарищами, или въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательствъ, безъ сношеній съ совѣщательнымъ комитетомъ, который для этой цѣли будетъ особенно назначаемъ, и 6) всѣ представители пролетаріата образуютъ въ палатахъ отдѣльную групу, обязующуюся поддерживать республиканскіе принципы. Когда Простъ прочелъ свой проектъ, то удостоился со стороны собранія такой оваціи, какая достается нечасто на долю и величайшихъ ораторовъ.

За Простомъ долженъ былъ говорить Фельтессъ, бывшій делегатомъ на филадельфійской выставкѣ и пользующійся большою популярностью, какъ вдругъ кто-то заявилъ, что онъ не имѣетъ на это право, не будучи французомъ. Напрасно Фельтессъ объяснялъ, что, хотя отецъ его—и бельгіецъ, но онъ родился во Франціи, всю жизнь въ ней работалъ, а во время войны сражался за нее въ отрядѣ вольныхъ стрѣлковъ, въ словѣ ему, все-таки, было отказано. На трибуну входитъ Шабѐръ, но, очевидно, подавленный огромнымъ успѣхомъ своего соперника Проста, онъ ка̀къ-то не въ своей тарелкѣ и говоритъ безъ обычной увѣренности. Онъ начинаетъ съ заявленія своего сожалѣнія, что товарищъ его, Фельтессъ, не имѣлъ возможности высказаться, потомъ отдѣляетъ вопросъ о парламентскомъ пред-

ставительствѣ отъ вопроса о представительствѣ въ синдикатахъ, такъ какъ послѣдній, по его мнѣнію, имѣетъ гораздо высшую цѣль: поддержаніе принципа и организацію труда. Говоря, что съ понятіемъ республики должна соединяться свобода на практикѣ, а не въ одномъ только названіи, онъ спрашиваетъ: почему въ парламентѣ находятся представители всѣхъ классовъ общества, а 16 милліоновъ рабочихъ лишены представительства? Ихъ интересы представляются въ палатахъ адвокатами, хотя они и не желали бы такой замѣны; если адвокаты и сильны «въ словесной тарабарщинѣ», то развѣ рабочіе не съумѣли бы лучше ихъ защитить свои прямые и простые интересы? На вопросъ этого рода рабочимъ обыкновенно отвѣчаютъ, что они совершенно правы, но «что груша еще не созрѣла». А потомъ ихъ же обвиняютъ, что они воскрешаютъ понятіе о какихъ-то несуществующихъ классахъ, и обвиняютъ именно тѣ лица, у которыхъ на языкѣ безпрестанно то «классы управляющіе», то «классы нуждающіеся!» Намъ говорятъ: пусть между вами появится Франклинъ, и мы съ радостію примемъ его въ свою среду. А много ли Франклиновъ-то и между ними? Что-то въ палатѣ депутатовъ ихъ и совсѣмъ не видно!» Послѣ этого, онъ переходитъ къ одобренію проекта и тоже стоитъ за подписаніе предварительнаго обязательства, замѣчая, что «парламентская атмосфера кружитъ голову иногда и хорошимъ людямъ»; но онъ совѣтуетъ начать съ небольшаго числа рабочихъ кандидатуръ и въ особенности избѣгать ихъ въ ненадежныхъ мѣстностяхъ— тамъ, гдѣ раздѣленіе между демократами можетъ повести только къ пользѣ бонапартистовъ, чего надо всего болѣе опасаться. «Но меня спросятъ, продолжаетъ онъ:— если сначала въ палату войдетъ всего какихъ-нибудь 10, 20 рабочихъ, то чего они могутъ достигнуть? А развѣ знаменитые *пять* въ законодательномъ собраніи были безполезны своей оппозиціей противъ имперіи? Пусть голоса ихъ будутъ заглушены численностію—у представителей пролетаріата будетъ, по крайней мѣрѣ, заручка, что желанія ихъ будутъ записаны стенографами; пусть ихъ даже не станутъ сначала слушать, впослѣдствіи ихъ, все-таки, придется принимать во вниманіе, такъ какъ за ними будутъ стоять цѣлые милліоны людей, готовые ихъ поддержать. Говорятъ, что для того, чтобы быть депутатомъ, нужно обладать какими-то необычайными способностями, но такъ ли это? Мы знаемъ не мало изъ нихъ и такихъ, которые въ частной жизни — ничто, а въ собраніяхъ — Панургово стадо». Заканчиваетъ онъ обращеніемъ къ рабочимъ, увѣщевая ихъ быть также твердыми на почвѣ политической, какъ тверды они на почвѣ экономической.

Два продолжительныя засѣданія, утреннее и вечернее воскресенья 8-го октября, подъ предсѣдательствомъ Шабèра, посвящаются всецѣло обсужденію ассоціацій во всѣхъ ихъ видахъ.

Открываются они чтеніемъ длинной записки красильщика Финанса, составленной, очевидно, подъ вліяніемъ групы такъ называемыхъ религіозныхъ позитивистовъ Пьера Лафитта и которую не надо смѣшивать съ представителями позитивизма научнаго, главою котораго, послѣ Конта, считается Литрэ. Хотя сущность этой рѣчи и разбиваетъ иллюзіи большинства собранія, но она выслушивается внимательно до конца, а, порою, благодаря мастерскому изложенію, вызываетъ даже и рукоплесканія. Стремясь къ такой реорганизаціи общества, въ которой «систематическій культъ человѣчества сталъ бы исключительнымъ», Финансъ заявляетъ, что онъ тоже нѣкогда вѣрилъ въ кооперацію, но что болѣе въ нее не вѣритъ и что время сантиментальнаго соціализма прошло, а наступила пора для соціализма раціональнаго, научнаго и позитивнаго. Онъ напоминаетъ о появленіи первыхъ рабочихъ ассоціацій во Франціи, по католико-революціонному и христіансво-комунистическому почину Бюшèза, въ 1837 году, и о правительственной поддержкѣ ассоціацій 1848 года, когда національное собраніе раздѣлило между ними 3 милліона франковъ субвенціи. Онъ подробно разсказываетъ паденіе и тѣхъ, и другихъ, но забываетъ упомянуть, въ числѣ причинъ ихъ неуспѣха, декабрьскій переворотъ, при которомъ значительное ихъ число было уничтожено военною силою, а въ Ліонѣ, напримѣръ, у нѣкоторыхъ были конфискованы военною властью даже и всѣ капиталы, неизвѣстно куда исчезнувшіе, такъ какъ во все время имперіи о возстановленіи этихъ организацій нельзя было и заикаться. Потомъ, переходя къ весьма оживленному кооперативному движенію, охватившему Францію въ 1863 году, онъ яркими красками рисуетъ отчаянный неуспѣхъ двухъ главнѣйшихъ ассоціацій этого времени: кредитнаго товарищества, учрежденнаго Белюзомъ, затемъ комуниста Кабэ, и учетной кассы ассоціацій, подъ управленіемъ либеральныхъ экономистовъ, въ числѣ которыхъ былъ и настоящій министръ финансовъ, Леонъ Сэ. Но, объясняя, какимъ образомъ изъ 46 производительныхъ ассоціацій этого рода, существовавшихъ до 1871 года (онъ, по ошибкѣ, говоритъ изъ ста), до нашего времени осталось всего какая-нибудь дюжина, онъ почти не придаетъ никакого значенія ни войнѣ 1870 г., ни комунѣ 1871 года. Съ явнымъ преувеличеніемъ онъ отрицаетъ всякій успѣхъ кредитныхъ ассоціацій Германіи и потребительныхъ Англіи. Осудивъ, такимъ образомъ, ассоціаціи въ прошедшемъ, онъ говоритъ, что идти по тому же пути въ будущемъ, даже допуская, что будущія ассоціаціи станутъ дѣйствовать успѣшнѣе, значитъ только «производить кровопусканіе пролетаріату, лишая его естественныхъ его предводителей и способствуя переходу въ среду буржуазіи самыхъ дѣятельныхъ и интеллигентныхъ рабочихъ». Въ отсутствіи на конгрессѣ делегатовъ отъ большинства ассоціацій, дѣла которыхъ идутъ хорошо, онъ видитъ новый доводъ того, что рабочіе, успѣвшіе улучшить свое

положеніе отдѣльно отъ остальныхъ товарищей, перестаютъ сочувствовать интересамъ рабочей массы. Наконецъ, отрицая ассоціаціи, какъ принципъ и какъ средство улучшенія участи рабочихъ, онъ находитъ, что заработная плата, освобождая рабочаго отъ всякихъ тревогъ и заботъ о капиталѣ, торговыхъ и промышленныхъ случайностяхъ, предоставляетъ ему бо̀льшую свободу посвящать свои досуги своему умственному и нравственному усовершенствованію. Дѣло, значитъ—только въ томъ, чтобы доставить рабочему бо̀льшую степень благосостоянія, болѣе средствъ для образованія и больше досуга, чтобы имъ пользоваться, т. е. уменьшить продолжительность рабочаго дня и достигнуть того, чтобы заработная плата была достаточна для поддержанія семьи средней численности, человѣкъ въ семь. Что̀ же должны дѣлать рабочіе для достиженія этой двойной цѣли? Распространить повсюду синдикаты, при посредствѣ которыхъ рабочіе могли бы входить въ мирныя соглашенія съ хозяевами, а если на ихъ учрежденіе хозяева не согласятся, то требовать организаціи полной свободы народныхъ и международныхъ соглашеній рабочихъ. Противниками выводовъ делегата Финанса явились Никезъ, главный учредитель потребительной ассоціаціи въ Пюто̀ «la Révendication», дѣла̀ которой идутъ блистательно, и директоръ ассоціаціи типографовъ въ Парижѣ, Маскенъ, ассоціаціи, находящейся тоже въ полномъ ходу и которая шла бы еще лучше, еслибы издатели демократическихъ газетъ стали печатать въ ея типографіи свои журналы. Оба эти оратора стоятъ за процентъ съ капитала и за раздѣлъ дивиденда между участниками. Противъ этихъ двухъ принциповъ высказывается нѣсколько докладчиковъ. Сапожники Лефебръ и Донне мечтаютъ объ учрежденіи синдикатами общихъ мастерскихъ различныхъ ремеслъ для производства прямой продажи и обмѣна произведеній. Говоря о потребительныхъ обществахъ и такихъ народныхъ банкахъ, которые, подъ управленіемъ синдикатовъ, дѣлали бы сборы со всѣхъ рабочихъ, докладчикъ Погезъ возстаетъ противъ ажіотажа, злоупотребляемаго средними классами, а въ особенности противъ внѣшнихъ займовъ, поглощающихъ безплодно мильярды народныхъ сбереженій. Ліонскій делегатъ Марсо̀ излагаетъ основанія, на какихъ должна быть учреждена синдикальная организація солидарныхъ ассоціацій, а парижскій сапожникъ Бютенъ резюмируетъ подобную же программу въ слѣдующихъ пунктахъ. 1) Учрежденіе кассы для безпроцентной капитализаціи мѣсячныхъ взносовъ рабочихъ въ 1 фр. 25 сант. или въ 5 сант. за каждый рабочій день. 2) Употребленіе этого капитала на основаніе производительно-потребительныхъ учрежденій. 3) Принятіе подъ свое покровительство вдовъ, неспособныхъ къ работѣ, и сиротъ, съ обезпеченіемъ для послѣднихъ образованія и обученія мастерству. 4) Открытіе свѣтскихъ школъ, порученныхъ управленію женщинъ. 5) Отправленіе туда всѣхъ дѣтей до 14-ти лѣтъ, послѣ чего должно начинаться ремесленное обученіе. 6) До-

ставленіе высшаго образованія наиболѣе способнымъ ученикамъ. 7) Обезпеченіе для каждаго работника, достигшаго 50-ти лѣтъ, содержанія, достаточнаго для поддерженія его существованія, если онъ дѣлалъ взносы не менѣе 15-ти лѣтъ сряду. 8) Принятіе въ такую кооперацію только лицъ, живущихъ личнымъ мускульнымъ или умственнымъ трудомъ и 9) учрежденіе особой газеты — òргана всѣхъ рабочихъ.

Делегатъ Вьенны (Изерскаго Департамента), Дегэ, стремящійся къ тому, чтобы трудъ становился собственникомъ капитала, предлагаетъ для того добровольныя ассоціаціи рабочихъ съ капиталистами. Но, такъ какъ было бы слишкомъ наивно разсчитывать особенно на великодушіе хозяевъ, то согласія ихъ можно достигнуть такимъ образомъ: каждая корпорація организуется въ отдѣльное кооперативно-корпоративное общество, а всѣ вмѣстѣ соединяются въ общее, кредитное и сберегательное, съ неопредѣленнымъ капиталомъ и на акціяхъ. Тогда, черезъ 5 или 6 лѣтъ, рабочіе получатъ возможность таксировать заработную плату по всѣмъ отраслямъ труда и предложить эти таксы хозяевамъ подъ угрозой прямой и возможной тогда конкуренціи. По этому же предмету долженъ былъ говорить делегатъ Мейнотъ, но послѣдній, по болѣзни, не могъ быть на засѣданіи. Хотя Простъ и предлагалъ себя въ качествѣ чтеца доклада своего товарища, но Шабèръ, въ качествѣ предсѣдателя, рѣшительно воспротивился этому, очевидно, опасаясь допустить на трибуну вторично своего соперника. Печальное это соперничество между двумя коноводами рабочихъ выразилось не задолго передъ этимъ еще и тѣмъ, что предложеніе Шабèра о продолженіи конгресса еще на два дня было отвергнуто, на основаніи заявленія Проста, что цѣлая група делегатовъ изъ провинціи не можетъ оставаться въ Парижѣ долѣе опредѣленнаго срока. Подъ конецъ же послѣдняго засѣданія конгресса, было прочитано отъ Проста письмо съ извиненіемъ, что онъ не можетъ присутствовать на банкетѣ, потому что отозванъ домой телеграммой по важному дѣлу. На этотъ внезапный отъѣздъ въ лагерѣ Шабèра посмотрѣли, какъ на отступленіе, и насчетъ Проста начались разныя невыгодныя для него заключенія; но толки объ нихъ удалось такъ скоро затушить, что тайна раздора и несогласія между рабочими осталась вполнѣ непроницаемою даже для рысьихъ глазъ реакціонныхъ репортеровъ. Масса делегатовъ обуздала слишкомъ развязные языки нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей и не допустила никакому скандалу или клеветѣ скомпрометировать важность и значеніе конгресса. Такъ, напримѣръ, когда одинъ изъ парижскихъ делегатовъ, Гарди, говоря, что военный бюджетъ долженъ бы былъ обратиться въ пенсіонную кассу, позволилъ себѣ увлечься до того, что отрицалъ всякое значеніе постоянныхъ армій и, въ заключеніе, произнесъ такую фразу: «не все ли намъ равно — что Франція не велика, а Германія больше ея?» то, на слѣдующемъ же засѣданіи, другой парижскій делегатъ, Журданъ,

вызвалъ общія рукоплесканія собранія своимъ горячимъ протестомъ противъ словъ, которыя, «будучи дурно перетолкованы, могутъ нанести ущербъ достоинству конгресса, умѣвшаго внушить уваженіе къ себѣ даже въ средѣ самыхъ непримиримыхъ своихъ враговъ».

По поводу седьмаго вопроса, о безработицѣ, лиможскій делегатъ, Жераръ Маленво, предлагаетъ принять слѣдующія мѣры: 1) образованіе особыхъ обществъ для доставленія работы, хотя бы и менѣе прибыльной противъ обыкновеннаго. 2) Устройство семейныхъ ассоціацій, для взаимной помощи въ трудное время и 3) Увеличеніе числа потребительныхъ обществъ. По плану другого делегата, Маріуса Пулѐ, слѣдуетъ: 1) увеличить сборъ съ обществъ капиталистовъ, предназначающійся для пансіоновъ рабочихъ, пособій имъ при увѣчьяхъ и т. д. 2) Образовать изъ суммъ, полученныхъ такимъ увеличеніемъ, особый фондъ для пособія рабочимъ при безработицахъ, происходящихъ отъ войнъ, наводненій, торговыхъ кризисовъ и промышленныхъ катастрофъ и 3) поручить управленіе этимъ фондомъ самимъ рабочимъ. Третій ораторъ, парижскій делегатъ Миланъ, говоритъ, что безработица должна представлять главную заботу конгресса, и считаетъ необходимымъ, чтобы всѣ рабочіе приняли участіе денежными взносами для успѣшнаго противодѣйствія вреду, приносимому ею. «Необходимо, говоритъ онъ:—чтобы монополія встрѣчалась съ такою же грозною силою—ассоціаціями всякихъ родовъ, т. е., чтобы алчность нѣкоторыхъ была подавляема справедливостію и правомъ массъ. Необходимо, чтобы всякое бѣдствіе было предусмотрѣно и всякія препоны побѣждались разумомъ, трудомъ и солидарностью рабочихъ; а это мы должны устроить сами, для насъ самихъ и нашими собственными усиліями!» Парижскій делегатъ Ригаль указываетъ на то: сколько въ настоящее время въ средѣ самихъ рабочихъ находится еще личностей, препятствующихъ тому, чтобы колективные центры рабочихъ могли осуществиться и развиваться; онъ насчитываетъ 5 категорій такихъ личностей: индиферентныхъ, трусовъ, слабыхъ, удовлетворенныхъ и эгоистовъ. Сапожникъ Гарди описываетъ печальное положеніе стараго рабочаго, потерявшаго силы, и которому даже гуманный хозяинъ бываетъ вынужденъ отказывать; ему остается тогда только двѣ дороги: или бродяжничество, или вступленіе въ пріюты для нищихъ. Для противодѣйствія этому, онъ считаетъ необходимымъ образованіе въ каждомъ кантонѣ пенсіонныхъ кассъ изъ сборовъ общинъ, раздѣленіе которыхъ по ремесламъ должно лежать на обязанности синдикатовъ. «Мы не должны забывать, говоритъ онъ: — что каждый безсердечный человѣкъ, остающійся хладнокровнымъ при видѣ страданій своихъ одряхлѣвшихъ родителей, совершаетъ преступленіе и какъ бы отцеубійство и долженъ быть безпощадно изгоняемъ изъ общества». Онъ считаетъ несообразнымъ съ нравственнымъ достоинствомъ общины

или корпоративной групы допущеніе правительственнаго вмѣшательства для пособія слабымъ и старикамъ. «Мы не хотимъ никакой помощи сверху; мы хотимъ сами себѣ покровительствовать; всякое покровительство извнѣ насъ унижаетъ и становитъ въ подчиненное положеніе». Одинъ изъ членовъ совѣта свѣдущихъ, Девиль, отъ имени нѣсколькихъ парижскихъ ассоціацій, развиваетъ весьма талантливо мысль, что «идея помощи должна быть замѣнена идеей страхованія, такъ какъ первая предполагаетъ милость, а вторая составляетъ право». Его планъ, который слѣдовало бы осуществить во всѣхъ синдикатахъ какъ рабочихъ, такъ и хозяевъ, формулированъ такъ: «образованіе въ каждомъ правительственномъ или земледѣльческомъ центрѣ обществъ сбереженія, въ видахъ страхованія, съ равнымъ и прямымъ участіемъ въ нихъ, какъ нанимателей, такъ и нанимающихся». На практикѣ, подобныя учрежденія уже существуютъ во многихъ отрасляхъ труда, связанныхъ съ постройкой домовъ, гдѣ хозяева и подрядчики вносятъ въ особую кассу, противъ несчастныхъ случаевъ, ежедневно отъ 2 до 3 сант. за каждаго нанимаемаго ими рабочаго, который, съ своей стороны, обязывается вносить такую же сумму за каждый свой рабочій день. Ліонецъ Мерль требуетъ учрежденія особой національной «кассы предусмотрительности», на средства которой должны быть открываемы особые свободные пріюты для стариковъ и слабыхъ и на фронтонахъ домовъ которыхъ должна быть надпись: «инвалидамъ труда — благодарное отечество». Делагэ представляетъ разсчетъ, по которому, еслибы всѣ 36 мильйоновъ французовъ рѣшились жертвовать по одному сантиму въ день или по 3 фр. 65 сант. въ годъ, то каждый гражданинъ могъ бы, по достиженіи 60 лѣтъ, пользоваться годовою пенсіею, по крайней мѣрѣ, въ 320 франковъ. Но его рѣчь и восклицаніе: «да здравствуетъ сантимъ! да здравствуетъ республика!» не встрѣчаютъ особеннаго сочувствія въ собраніи. Такая мысль, можетъ быть, встрѣтитъ болѣе сочувствія въ странѣ впослѣдствіи, когда снова выйдетъ на сцену «налогъ страхованія», о какомъ проповѣдывалъ нѣкогда Эмиль де-Жирарденъ, и когда опытъ рабочихъ сдѣлаетъ, наконецъ, свой выборъ изъ всего, чѣмъ можно воспользоваться изъ теоріи всемогущества государства, нынѣ совершенно отрицаемой, и теоріи коллективизма синдикатовъ, на которую возлагаются уже слишкомъ розовыя надежды. Тогда, можетъ быть, опредѣлится, какія правительственныя услуги могутъ быть приняты народомъ, какъ ненарушающія свободы индивидуальности и групировки интересовъ. Тогда же, можетъ быть, окажется, что и страхованіе должно быть такъ же доступно для всѣхъ, какъ почты, телеграфы, желѣзныя дороги, судоходство и т. д.

Франція — страна болѣе земледѣльческая, чѣмъ промышленная. Въ ней насчитывается, среднимъ числомъ, 9 мильйоновъ мелкихъ собственниковъ-земледѣльцевъ, до мильйона рабочихъ, за-

нимающихся сельскими промыслами, и 3 мильйона 250 тысячъ земледѣльческихъ поденьщиковъ, что всего (считая съ семьями) составляетъ 13 мильйоновъ 250 тысячъ человѣкъ. Работаютъ же въ рудникахъ 430 тысячъ человѣкъ, на фабрикахъ и заводахъ 2 мильйона, мелкою промышленностію занято 3 мильйона 50 тысячъ, да около мильйона состоятъ въ качествѣ фабричной прислуги, что всего составляетъ 6 мильйоновъ 480 тысячъ человѣкъ. Такимъ образомъ, на 2 хъ крестьянъ приходится одинъ рабочій, и чего не захочетъ крестьянинъ, того не достигнетъ и рабочій. Пугая крестьянъ призракомъ городскихъ «partageux» 1848 года, можно было сельчанъ обратить сначала въ избирателей Бонапарта-президента, а потомъ и въ избирателей Наполеона-императора. Всякая попытка отдѣльнаго рѣшенія соціальнаго вопроса промышленными рабочими разбивалась до настоящаго времени вслѣдствіе сопротивленія сельчанъ. Для противодѣйствія этому-то затрудненію, рабочій конгрессъ и поставилъ на свой очередной порядокъ вопросъ о «земледѣльческой ассоціаціи и о необходимости сношеній между земельными и промышленными рабочими». Изъ трехъ ораторовъ, говорившихъ объ этомъ предметѣ, выдался только одинъ, парижскій переплетчикъ Корзенъ, отлично описавшій бѣдствія сельскаго быта, объяснившій необходимость учрежденія небольшихъ обществъ взаимнаго земледѣльческаго кредита для избавленія крестьянъ отъ ростовщичества и совѣтовъ свѣдущихъ для замѣны дорогого для крестьянъ судопроизводства. Кромѣ того, онъ указалъ, какъ путемъ слова и письма можно распространить между сельчанами пониманіе политическихъ и соціальныхъ обязанностей избирательства, причемъ напомнилъ, что прежде всего нужно заботиться о возможно большемъ увеличеніи числа школъ и о введеніи обязательности первоначальнаго и профессіональнаго обученія. «Когда земледѣльцы, закончилъ онъ: — и рабочіе пойдутъ рука объ руку, только тогда мы достигнемъ осуществленія республики, т. е. мира и свободы». Вслѣдъ за его рѣчью было рѣшено – отправить отъ лица рабочаго парижскаго конгресса адресъ къ рабочимъ-земледѣльцамъ, въ которомъ конгрессъ отрекается отъ утопій, такъ устрашавшихъ нѣкогда крестьянъ, и провозглашаетъ неразрывное братство рабочихъ земледѣльцевъ и рабочихъ мастерскихъ для совмѣстнаго и мирнаго шествія къ великой цѣли «разрѣшенія соціальнаго вопроса, т. е. всеобщаго благополучія, величія отечества, справедливости и свободы».

Доклады секцій о резолюціяхъ, долженствовшихъ быть принятыми, были всѣ прочитаны вдругъ подъ конецъ послѣдняго засѣданія 10-го октября, и, такъ какъ времени для подробнаго ихъ обсужденія не хватало, то были вотированы безъ всякихъ преній. Только резолюція объ ученичествѣ и образованіи была отвергнута и тотчасъ-же замѣнена другой. Отвергнутая резолюція принадлежала Финансу, употребившему выраженіе, что обученіе должно «совершаться по позитивистской программѣ».

Слово это не понравилось рабочимъ, какъ характеризующее опредѣленную доктрину, которой такъ же, какъ и всякой другой, конгрессъ нисколько не намѣренъ подчиняться. Принята была резолюція о необходимости общей системы національнаго образованія, свѣтскаго, обязательнаго, профессіональнаго и даровагоотъ низшаго до высшаго, объ отмѣнѣ закона Фаллу 1850 года и уничтоженія позволеній (lettres d'obédiènce), замѣнявшихъ для лицъ подчиненныхъ духовенству обыкновенныя свидѣтельства о способности къ преподаванію, требуемыя отъ свѣтскихъ учителей, и, наконецъ, и о крайней необходимости новаго закона относительно контрактовъ ученичества.

Единодушно прошли заявленія о необходимости закона, абсолютно разрѣшающаго сходки, ассоціаціи и контракты, такъ же, какъ полную свободу печати и отмѣну всякихъ налоговъ на предметы первой необходимости съ замѣною ихъ однимъ прямымъ и пропорціональнымъ налогомъ. Относительно пенсіонныхъ кассъ и кассъ на случай безработицы было снова подтверждено рѣшительное нежеланіе правительственнаго вмѣшательства такъ же, какъ и обязательнаго взноса для всѣхъ рабочихъ въ видахъ страхованія, и только въ общихъ выраженіяхъ возложено на будущіе синдикаты устройство предупредительныхъ обществъ для всей массы рабочихъ. Г-жа Андрѐ представила перечень практическихъ средствъ для улучшенія положенія трудящихся женщинъ, которыя и были приняты единодушно. Она требовала: 1) немедленнаго учрежденія женскихъ синдикатовъ, 2) уменьшенія рабочаго дня до 8-ми часового, безъ уменьшенія заработной платы, 3) запрещенія ночныхъ работъ, 4) приложенія къ тюрьмамъ, монастырямъ и пріютнымъ мастерскимъ закона о дѣтскомъ трудѣ на фабрикахъ, 5) учрежденія свѣтскихъ пріютныхъ мастерскихъ, для конкуренціи съ клерикальными, и, 6) учрежденія корпоративныхъ обществъ, долженствующихъ составить тарифы для работъ, исполняемыхъ поштучно. Кромѣ того, для женщины признано необходимымъ болѣе серьёзное образованіе, заявлено негодованіе противъ «презрѣнныхъ людей, недостойныхъ считаться мужчинами, которые спекулируютъ трудомъ своихъ женъ и часто даже пользуются имъ, чтобы самимъ ничего не дѣлать», и, наконецъ, заявлена необходимость основанія общества покровительства для дѣтей и отроковъ.

Относительно совѣтовъ свѣдущихъ, бо̀льшая часть положеній, заключающихся въ докладѣ Кастэня, о которомъ я уже говорилъ, повторены и въ общемъ докладѣ, прочитанномъ бордоскимъ делегатомъ Дюффо. Прибавлены только къ условіямъ избирательства 25 ти-лѣтній возрастъ и трехлѣтняя практика въ профессіи; кромѣ того, признана необходимой выдача свѣдущимъ вознагражденія за путевыя издержки. Относительно устройства самыхъ совѣтовъ тщательно опредѣлено, что они должны состоять изъ одинаковаго числа хозяевъ и рабочихъ, сами выбирать своихъ предсѣдателей, ихъ помощниковъ и секретарей, а во

всемъ остальномъ, относительно внутренняго устройства, пользоваться полнѣйшею автономіею. Заявляется необходимость составленія однообразнаго законодательнаго ремесленнаго кодекса и отмѣны законовъ 1806, 1809 и 1871 годовъ, статьи которыхъ о свѣдущихъ не отвѣчаютъ болѣе настоящему положенію промышленности. Комиссія о синдикальныхъ палатахъ совершенно одобряетъ выводы Донэ, Бона и другихъ ораторовъ. Она довольствуется предложеніемъ: 1) отмѣны 291—99 статей уголовнаго кодекса и всѣхъ отдѣльныхъ законовъ, ограничивающихъ свободу сходокъ и ассоціацій и 2) непредставленія законопроекта Локруа, регламентирующаго синдикаты, такъ какъ полная свобода сходокъ и ассоціацій дѣлаетъ его ненужнымъ. Относительно рабочей кандидатуры комиссія отвергаетъ 3 пункта предложенія марсельскаго ювелира Салине о томъ, чтобы, 1) рабочій депутатъ всегда считался принадлежащимъ къ своей корпораціи, 2) чтобы онъ всегда былъ въ зависимости отъ лицъ, опредѣлившихъ его обязательства и 3) чтобы онъ вносилъ свое депутатское жалованіе въ кассу своей корпораціи или синдиката, которые и опредѣляли бы уже его вознагражденіе, сообразно съ дѣйствительно принесенными имъ заслугами. Ліонецъ Альбѐръ довольствуется въ общемъ докладѣ слѣдующими положеніями: 1) каждый французъ, пользующійся своими гражданскими и политическими правами, долженъ быть избирателемъ, независимо отъ условій своего мѣстожительства, 2) списочное избирательство должно быть возстановлено, 3) новсюду, гдѣ это только возможно, должны быть учреждены для обсужденія рабочихъ кандидатуръ особые жюри изъ рабочихъ исключительно, 4) долженъ быть основанъ журналъ, какъ òрганъ соединенія парижскихъ и провинціальныхъ рабочихъ, и 5) каждой мѣстности должна быть предоставлена полная свобода сбора средствъ, необходимыхъ для расходовъ по избирательству. «Докажемъ, говоритъ докладчикъ передъ оставленіемъ трибуны: — что мы съумѣемъ между нами найти гражданъ, способныхъ словомъ и перомъ защищать интересы рабочихъ, какъ съумѣли бы они, еслибъ въ этомъ встрѣтилась надобность, защищать республику и отечество, еслибы имъ угрожала опасность».

По окончаніи всѣхъ голосованій, было опредѣлено, что слѣдующая сессія конгресса будетъ происходить въ Ліонѣ въ октябрѣ 1877 года; затѣмъ, Шабѐръ потребовалъ слова и произнесъ довольно банальную заключительную рѣчь, конецъ которой почти невозможно было разслушать, такъ какъ въ залѣ раздались восклицанія: «да здравствуетъ республика!»

11 го октября, делегаты собрались на братскій банкетъ въ большой, такъ называемой, семейной залѣ аллеи Сенъ-Манде. Банкетъ прошелъ оживленно, но безъ всякаго скандала, хотя одно обстоятельство и подало поводъ къ смѣху газетчиковъ: именно, предсѣдатель банкета не позволилъ одному изъ участниковъ прочитать стихотвореніе Виктора Гюго, на томъ комическомъ основа-

нія, что «на конгрессѣ не упоминалось о «Châtiments»! Можно было ждать всякой неурядицы послѣ провозглашенія братскаго тоста за «изгнанниковъ—истинныхъ мучениковъ свободы»; но кто-то воскликнулъ: «да здравствуетъ амнистія!», и всякій шумъ за тѣмъ смолкъ. Когда одинъ слесарь посовѣтовалъ ліонцамъ освободить ихъ площадь Сенъ-Мишель отъ статуи, на ней стоящей, то одинъ изъ вице-предсѣдателей, Бонь, воскликнулъ: «рабочіе не желаютъ ничего разрушать; они хотятъ только созидать и достигнуть своего назначенія средствами миролюбивыми». Тотъ же Бонь высказалъ подъ конецъ банкета слѣдующую мысль: «если за насъ наша многочисленность, то изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы мы хотѣли прибѣгать къ насилію или измѣнять чьему либо довѣрію. Величайшая истина, которая выяснилась нашимъ конгрессомъ, состоитъ въ томъ, *что мы — не революціонеры, а умиротворители*». Когда Шабѐръ въ своей рѣчи упомянулъ о томъ сопротивленіи, какое часто встрѣчаютъ отъ своихъ женъ мужья, то на защиту женщинъ энергически выступила старая дѣвушка Андрѐ, заявившая, между прочимъ, что мужчины вообще «такъ привыкли быть управляемыми, что, желая хоть дома быть управляющими, сами отвадили женщину отъ всякой серьёзной мысли, чѣмъ и достигли того, что нѣкоторыя жены и дѣйствительно стали смотрѣть на мужей своихъ, какъ на рабочихъ воловъ, которые, протрудясь весь день, возвращаются вечеромъ домой, какъ въ стойло, для одной ѣды».

Подобный же урокъ получилъ отъ одного делегата Амà на другомъ банкетѣ, происходившемъ ровно черезъ недѣлю въ Ліонѣ, депутатъ Ординэръ (не рабочій), когда онъ, произнося на этомъ банкетѣ рѣчь противъ буржуазіи, захотѣлъ до того удивить всѣхъ своимъ радикализмомъ, что произнесъ подъ конецъ ея такую фразу: «рабочимъ, однимъ словомъ, необходимо такъ переобразовать общество, чтобы тѣ слои его, которые теперь находятся на верху, очутились внизу!» — «Я протестую противъ этихъ словъ, сказалъ Амà, такъ какъ дѣло идетъ совсѣмъ не о томъ, чтобы кого-нибудь чего-нибудь лишать, а надобно только каждаго поставить на свое мѣсто... Насъ такъ долго преслѣдовали и угнетали, что мы, со своей стороны, не хотимъ никого ни угнетать, ни преслѣдовать! Мы не жаждемъ мести, а ищемъ только справедливости!» Не правда-ли, что этими словами я имѣю право закончить свое описаніе перваго мирнаго французскаго конгресса рабочихъ?

Людовикъ.

1-го ноября 1876 г.

ТУРЦІЯ.

ОЧЕРКЪ ЕЯ ИСТОРИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ И НЫНѢШНЯГО СОСТОЯНІЯ[1].

Свѣдѣнія о первоначальной исторіи турокъ почерпаются преимущественно въ китайскихъ источникахъ. По этимъ источникамъ, турки—самостоятельное племя, отдѣльное и отличное отъ татаръ и монголовъ. Отечествомъ ихъ служила полоса земли между Китаемъ, алтайскими горами и Байкальскимъ Озеромъ. Съ алтайскихъ горъ они спустились въ сосѣднія низменности и быстро распространились по всей степи верхней Азіи, ограничивающейся съ сѣвера Сибирью, съ юга Тибетомъ и Бухаріей, съ востока сѣвернымъ Китаемъ и съ запада Аральскимъ Озеромъ, получившей отъ нихъ названіе Туркестана. Первоначально, впрочемъ, турки являются въ исторіи подъ именемъ *хіунгъ-ну*, образовавшихъ еще до христіанской эры сильное царство, постоянно воевавшее съ Китаемъ и исчезающее изъ исторіи въ V в. по Р. Хр. При разсѣяніи хіунгъ-ну, выдѣлилась орда, не болѣе чѣмъ въ 500 семействъ, называвшаяся *тукіу* (полагаютъ, что это—искаженное китайскимъ произношеніемъ слово «турки») и, поселившись на Алтаѣ, дала начало новой монархіи турокъ въ Азіи, достигшей, въ постоянныхъ войнахъ съ Китаемъ и Персіей, въ сношеніяхъ съ Византійской Имперіей, ко 2-й половинѣ VI вѣка, значительнаго могущества. Новую турецкую монархію постигла скоро участь всѣхъ большихъ монархій Средней Азіи. Она раздробилась на восточную и западную. Въ обѣихъ, въ половинѣ VIII в., взяло верхъ турецкое

[1] Главными источниками при составленіи предлагаемаго очерка служили: 1) Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa, von Iohann Wilhelm Zinkeisen, Gotha 1840 — 1859; 2) Fürsten und Völker von Süd-Europa im sechzehnten und siebzehnten Jahrhundert, von Leopold Ranke, erster Band (zweite Auflage), Berlin 1837; 3) Geschichte der islamitischen Völker, von Gustav Weil, Stuttgart, 1866; 4) Die Reformen des Osmanischen Reiches mit besonderer Berücksichtigung des Verhältnisses der Christen des Orients zur türkischen Herrschaft, von F. Eichmann, Berlin, 1858; 5) Der Aufstand in der Herzegowina und die historische Entwickelung der orientalischen Frage, von Wilhelm Angerstein, Leipzig und Kassel, 1875 и 6) Военно-статистическій Сборникъ, составленный подъ редакціей Обручева, выпускъ 2-й, Спб. 1868 Турція.

племя *хосисе*, восточное царство которыхъ, уже въ IX столѣтіи, было уничтожено киргизскими ордами. Въ западной монархіи Хоейхе, въ IX вѣкѣ, преобладаніе перешло къ племени огхузовъ, а въ XI в.—къ племени сельджуковъ. Племя сельджуковъ раздѣлилось на двѣ вѣтви: одна распространилась въ Персіи и въ Багдадскомъ Халифатѣ и исчезла въ концѣ XII в. подъ наплывомъ монголовъ, а другая основала свое господство въ Малой Азіи и азіатскихъ провинціяхъ Византійской Имперіи. Въ этой послѣдней сельджукской монархіи, распавшейся также подъ ударами монголовъ, небольшое племя, получившее отъ Османа, одного изъ родоначальниковъ своихъ, имя османовъ, пережило монгольскую бурю, окрѣпло, распространилось по Малой Азіи и азіатскимъ провинціямъ Восточной Римской Имперіи и, при султанѣ Урханѣ, въ 1356 г., овладѣло береговою крѣпостцей Τζύμπη (Тзимпи, нынѣшняя Тмини или Джеменлыкъ), въ полуторачасовомъ разстояніи выше Каллиполиса. Это послужило началомъ водворенія турокъ въ Европѣ. Одряхлѣвшая Византійская Имперія была не въ состояніи оказать молодой и энергичной монархіи османовъ значительнаго сопротивленія. Въ средневѣковой Европѣ, въ которой отдѣльныя государства еще далеко не окончили трудной работы внутренняго объединенія и уничтоженія феодально-раздробленнаго строя, въ которой общность народовъ все еще осуществлялась только въ католицизмѣ, долго не могло быть вызвано общаго усилія противъ врага, угрожавшаго всей выработанной европейской исторіей цивилизаціи. Притомъ, католическая Европа не безъ злорадства допустила гибель схизматическаго греческаго государства. Предпринятыя потомъ отдѣльныя усилія Венгріи, Польши и папъ остановить разливъ турецкаго нашествія потерпѣли крушеніе при Никополисѣ въ 1396 г., при Варнѣ въ 1444 г. Въ 1453 году, турки овладѣли Константинополемъ, въ 1529 г. въ первый разъ осаждали Вѣну и, благодаря ряду султановъ-завоевателей (Мурадъ I, Баязетъ, Мурадъ II, Магометъ II, Баязетъ II, Сулейманъ I Великій, 1360—1566 гг.), Турецкая Имперія достигла зенита могущества. Въ Европѣ, Азіи и Африкѣ владѣнія ея простирались на 100,000 кв. миль. *Въ Европѣ* въ нее входили весь Балканскій Полуостровъ съ Мореей, Архипелагомъ, бо̀льшею частію Далмаціи, всѣ южныя земли Венгерскаго Королевства и Трансильванія, Валахія и Молдавія съ Буковиной и Бессарабіей, Подолія, часть Украйны, Крымъ и всѣ степи по берегу Чернаго и Азовскаго Морей, весь Кавказскій Перешеекъ, кромѣ южной части каспійскаго прибрежья (27,000 кв. миль). *Въ Азіи*: Малая Азія, Курдистанъ, Месопотамія, Сирія и Аравія (31,500 кв. миль). *Въ Африкѣ:* все прибрежье Средиземнаго Моря съ Египтомъ, Триполи, Феццаномъ, Тунисомъ и Алжиромъ (42,000 кв. миль). Послѣ Сулеймана Великаго начинается постепенное ослабленіе турецкаго могущества, хотя соперничество Франциска I и Карла V, возникновеніе протестантизма,

разрушившее и ту религіозную солидарность, которая до тѣхъ поръ связывала Европу. тридцатилѣтняя война и честолюбивыя стремленія Людовика XIV еще долго поддерживали преобладаніе турокъ. Не раньше, чѣмъ послѣ вторичной осады ими Вѣны въ 1683 г., Іоанну Собѣсскому удалось составить противъ нихъ лигу изъ германскаго императора Леопольда, Венеціанской Республики, Польши и Россіи, приведшую, благодаря побѣдамъ знаменитаго Евгенія Савойскаго, къ карловицкому миру (1699 года), по которому Австрія получила Венгрію, часть Кроаціи и Семиградье, Польша—Украйну и Подолію, Венеція—Морею, Россія—Азовъ. Послѣ того политическое могущество Турціи стало быстро упадать. Въ первой половинѣ XVIII в., испанскимъ министромъ-кардиналомъ Альберони былъ составленъ даже грандіозный планъ всеобщей европейской коалиціи, долженствовавшей имѣть результатомъ окончательный раздѣлъ Турецкой Имперіи между участниками. Во второй половинѣ XVIII вѣка, разрушенію Турціи особенно содѣйствовало возростающее могущество Россіи, пріобрѣвшей по кучукъ-кайнарджискому миру (1774 г.) Крымъ и освободившей Молдавію и Валахію. Въ нынѣшнемъ столѣтіи, рядъ возстаній: въ 1804 г. Кара-Георгія въ Сербіи, въ 1821 г. Греціи, въ 1832 г. Мехмеда-Али въ Египтѣ, безпрестанныя возмущенія въ Босніи, Албаніи, Триполи, Курдистанѣ, Багдадѣ, Эпирѣ, Өессаліи и Болгаріи, уступка султаномъ Махмудомъ II (1808—1839 гг.) Россіи, по бухарестскому миру, Бессарабіи, завоеваніе, въ 1830 г., французами Алжира, рѣзня въ 1858 г. въ Джеддѣ, въ 1860 г. въ Сиріи и возстаніе въ 1866 г. Кандіи расшатали окончательно имперію, размѣры которой къ настоящему времени ограничиваются: *въ Европѣ*: Өракіей, Болгаріей, Босніей, Герцеговиной, Албаніей, Македоніей, Эпиромъ, Өессаліей и Архипелагомъ (6,019 кв. м.), *въ Азіи*: Анатоліей съ островомъ Кипромъ, Арменіей, Курдистаномъ, Сиріей и Месопотаміей (22,496 кв. м.) и *въ Африкѣ*: Триполи съ Феццаномъ (6,000 кв. м.), всего 34,515 кв. миль.

Вся историческая роль турокъ, ихъ поразительные успѣхи, потомъ застой и, наконецъ, быстрое паденіе ихъ имперіи тѣсно связаны съ неизмѣнностью, во всѣ времена, ихъ отношеній къ магометанизму. Первоначальная религія турецкихъ племенъ состояла въ грубомъ обожаніи различныхъ силъ природы, и идеализованномъ понятіемъ о высшемъ невидимомъ существѣ, творцѣ всего. Они поклонялись четыремъ элементамъ: огню, воздуху, водѣ и землѣ, и приносили лошадей, быковъ и барановъ въ жертву «духу неба». Живя между Китаемъ и Персіей, приходя даже въ сношеніе съ Западомъ, турки издавна имѣли нѣкоторое знакомство какъ съ буддизмомъ, такъ и съ христіанствомъ. Въ 960 году по Р. Хр., ханъ огхузовъ Салуй, съ 2,000 семействъ, принялъ исламъ. Обращенные въ мусульманскую вѣру, турки, въ отличіе отъ соплеменниковъ, еще не принявшихъ магометан-

ства, начали называться «*туркоманами*» (слово, состоящее изъ имени «турокъ» и «иманъ», т. е. вѣра). По обращеніи Салуя, называвшагося послѣ того Кара-ханъ, исламъ быстро сталъ распространяться между турками, какъ путемъ добровольнаго присоединенія, такъ и путемъ насильственнаго. Магометанизмъ, въ существѣ своемъ, вовсе не нетерпимѣе другихъ религій. Извѣстно, какъ много заимствовано въ коранѣ изъ хвистіанства и іудейства и какое уваженіе воздано въ немъ Христу и еврейскимъ пророкамъ. Но Магомета враждебныя отношенія къ его личности и къ возвѣщенному имъ ученію заставили прибѣгнуть къ оружію сначала противъ Мекки, потомъ противъ Византіи и іудеевъ. Вотъ этотъ-то путь первоначальнаго распространенія силой и придалъ магометанству тотъ характеръ нетерпимости, который былъ усвоенъ и турками, несмотря на то, что, благодаря давнему своему знакомству съ другими религіями, они болѣе прочихъ магометанскихъ народовъ должны бы быть склонны къ терпимости. Характеръ исключительности, усвоенный турками, привелъ ихъ къ принципу отдѣльности отъ покоряемыхъ ими народовъ и тѣснѣе сплотилъ ихъ самихъ въ одно тѣло. На этомъ принципѣ отдѣльности мусульманъ и подвластныхъ имъ народовъ и на принципѣ духовнаго и мірского авторитета корана держалось до настоящаго столѣтія и въ главномъ держится и доселѣ все политическое, государственное и гражданское бытіе Турціи. Организація Турецкой Имперіи тѣмъ существенно отличается отъ организаціи европейскихъ государствъ, что подчиненные скипетру султана народы сопоставлены въ ней одинъ возлѣ другого въ политической и религіозной отдѣльности. Тогда какъ въ Европѣ почти всѣ великія націи сформировались изъ смѣшенія племенъ и политическія учрежденія выработались обще-національною жизнію, турецкое завоеваніе оставило всѣ противоположности, только матеріально превозмогло ихъ и набросило на нихъ покрывало варварскаго порабощенія.

Завоеванныя земли раздавались магометанскимъ воинамъ въ *ленъ* (Сіаметъ или Тимаръ), съ обязанностью лично являться на каждую войну и выставлять соотвѣтственное значительности лена число конныхъ солдатъ. Этимъ, въ одно и тоже время, закрѣплялись сдѣланныя завоеванія и завоеватели держались готовыми къ новымъ завоеваніямъ. Ленъ могъ получать только сынъ лица, бывшаго также леннымъ владѣльцемъ. Кромѣ того, что учрежденіе леновъ давало первымъ султанамъ возможность располагать всегда готовымъ, на случай войны, значительнымъ войскомъ, освобождая правительство отъ тягостей, сопряженныхъ съ содержаніемъ постоянныхъ армій, это учрежденіе, вслѣдствіе генераціонной наслѣдственности леновъ, прикрѣплявшей всѣхъ ленныхъ владѣльцевъ по происхожденію къ одному корню, освѣжавшееся новыми личностями, которыхъ выдвигала каждая новая война, поддерживало въ ленныхъ владѣльцахъ духъ единства и, въ тоже время, держало ихъ въ зависимости исключительно отъ

храбрости, счастія и отъ благосклонности султановъ. Не менѣе цѣлесообразный институтъ представляли собой *янычары*, составлявшіе ядро турецкой пѣхоты, какъ ленная конница составляла ядро турецкой кавалеріи. Учрежденіе янычаровъ восходитъ ко времени султана Урхана. Турки, воспитанные прежнею номадною жизнію, не были способны къ пѣхотной службѣ. Конница, быстро разливаясь по непріятельской землѣ, наполняла ее ужасомъ, но оказывалась безсильною передъ стѣнами хорошо укрѣпленныхъ городовъ. Это заставило султана Урхана, вообще искавшаго новыхъ учрежденій, годныхъ укрѣпить его распространяющуюся имперію, обратиться къ христіанамъ. Особо посланные офицеры силою отобрали отъ родителей и семействъ тысячу христіанскихъ мальчиковъ, которые были обращены въ исламъ, а, затѣмъ, изъ нихъ былъ образованъ пѣхотный отрядъ. Такимъ образомъ, возникли янычары (еничеры, то-есть, новое войско). Съ тѣхъ поръ, каждыя 5 лѣтъ, происходилъ наборъ христіанскихъ дѣтей. Небольшіе отряды солдатъ переходили изъ одного мѣста въ другое. Вездѣ, куда они являлись, старшина собиралъ жителей и ихъ сыновей. Начальникъ отряда былъ уполномочиваемъ особымъ фирманомъ брать съ собой всѣхъ отличающихся красотой, силой или ловкостью мальчиковъ, начиная съ 7 лѣтняго до юношескаго возраста. Каждый паша, возвращаясь изъ похода, также приводилъ султану, какъ слѣдующую ему часть добычи, молодыхъ невольниковъ. Этихъ мальчиковъ и невольниковъ обращали въ мусульманство, обучали военному искуству, воспитывали въ строжайшей дисциплинѣ и потомъ дѣлали янычарами. Нѣкоторые воспитывались при самыхъ дворцахъ; изъ нихъ формировались тѣлохранители султана—сипаи. Иные, оставшіеся дальше, углублялись въ мусульманскую ученость и вступали на путь высшихъ государственныхъ должностей. Всѣ забывали обстановку своего первоначальнаго дѣтства, своихъ родителей и отечество; всѣ пріучались считать отцомъ и владыкою султана, признавали единственнымъ закономъ его волю, всякую надежду возлагали на его благосклонность. Тѣ, которымъ былъ открытъ доступъ къ высшимъ должностямъ, видѣли предъ собой перспективу дѣятельности, могущую заставить ихъ позабыть, что они—рабы. Благосостояніе этихъ людей часто соблазняло христіанъ добровольно покидать отечество и искать счастія въ ихъ рядахъ. Янычары и сипаи пріучались къ жизни, подчиненной строгой дисциплинѣ, пріучались считать единственнымъ занятіемъ войну, цѣлью жизни—добычу и рай по смерти. Таже суровая дисциплина и скудная обстановка жизни продолжались для янычаръ и въ ихъ казармахъ, подобныхъ монастырямъ, гдѣ они, по прежнему, были обязаны цѣловать руку, которая подвергала ихъ наказанію. Финансы, администрація, сила, короче, весь организмъ Османской Имперіи покоился на людяхъ и вѣрялся людямъ, рожденнымъ въ христіанствѣ и обращеннымъ въ рабство и магометанизмъ. Институтъ ленный и институтъ

рабовъ составляли всю силу турецкой монархіи; понятно, что учрежденіе ленное и учрежденіе янычаръ дѣлало всегда необходимыми войны: ленные владѣльцы, постоянно возрастая въ числѣ отъ прилива возвышающихся рабовъ, постоянно нуждались въ завоеваніи новыхъ леновъ; янычары и сипаи искали войны, чтобы не выродиться, сидя дома, и чтобы примѣнять на практикѣ то, чему ихъ учили. Религія и нравы турокъ благопріятствовали воинственному направленію. Установленіе многократныхъ омовеній устраняло изъ лагеря нечистоту—источникъ многоразличныхъ болѣзней; запрещеніе вина дѣлало невозможными тѣ безпорядки, которые парализовали силу западныхъ армій. Даже обыденныя привычки: сидѣніе, вкушеніе пищи и спанье на землѣ или на простомъ коврѣ, казалось, разсчитаны были на жизнь въ лагерѣ. Въ Турецкой Имперіи всѣ были рабы, никто не обладалъ какою бы то ни было самостоятельностію; дѣятельность всякаго зависѣла отъ мановенія султана, и, въ тоже время, эта имперія имѣла вполнѣ военную организацію и профессіей ея была война. Понятно, что султанъ долженствовалъ быть душею этого столь оригинально сочлененнаго тѣла, первоначальнымъ источникомъ всякаго его движенія и, въ особенности, самъ необходимо долженствовалъ быть воинственъ. Когда Баязетъ II, пересталъ предводительствовать войсками, одинъ безпорядокъ началъ смѣняться другимъ, и онъ принужденъ былъ уступить бразды правленія своему воинственному сыну.

Исламъ, вызвавшій принципъ отдѣльности мусульманъ отъ покоренныхъ ими народовъ, сливавшій турокъ въ такое неразрывное цѣлое и дѣлавшій ихъ столь воинственными, являлся и почти является и доселѣ руководящимъ началомъ всей ихъ жизни какъ религіозной, такъ и политической, и гражданской, и семейной. Коранъ Магомета представляетъ пестрое смѣшеніе гимновъ, молитвъ, догмъ, проповѣдей, случайныхъ рѣчей, разсказовъ, легендъ и законовъ, исполненное повтореній и противорѣчій. Сами магометане, послѣ смерти пророка, чувствовали, что коранъ, при отсутствіи въ немъ системы и порядка, съ его противорѣчіями и повтореніями, при его умолчаніи о многихъ важныхъ догмахъ и законахъ, не можетъ служить руководствомъ во всѣхъ теологическихъ, догматическихъ, ритуальныхъ и юридическихъ вопросахъ. Сначала прибѣгли къ устному пересказу изреченій пророка и примѣровъ изъ его общественной и частной жизни (Сунна или Иджма, сборникъ толкованій, указаній и рѣшеній первыхъ четырехъ халифовъ). Потомъ возникла разработка корана, преданія и рѣшеній имамовъ, путемъ аналогіи и индукціи, четырьмя теологическими школами, основанными жившими въ первые два вѣка магометанскаго лѣтосчисленія теологами: Абу-Ганифомъ, Маликъ-Ибнъ-Анесомъ, Магомедомъ-Ибнъ-Идрисъ-Ашаффи и Ахмедъ-Ибнъ-Ганбелемъ (сборникъ кіасъ). Все это составило тотъ священный законъ магоме-

танъ *шер-сеть*, который и доселѣ еще служитъ фундаментомъ турецкой теологіи и юриспруденціи. Полный сводъ магометанскихъ законовъ составилъ жившій въ XVI в. знаменитый мусульманскій юристъ Ибрагимъ-Халебъ. Сборникъ этотъ, называющійся Мультеки-уль-Бахуръ (сліяніе морей), вмѣщаетъ въ себѣ кодексы: религіозный, политическій, военный, гражданскій, судопроизводства, наказаній, торговли и охотъ. Догматическій элементъ розлитъ по всѣмъ кодексамъ и признаётся ненарушимымъ. Въ военномъ кодексѣ Мультеки, вся земля дѣлится на страну исламизма, страну войны и страну трактатовъ или взаимныхъ обязательствъ. Страна войны, это—всякая земля, подчиненная власти невѣрныхъ, съ которыми должно вести вѣчную, постоянную священную войну (джихадъ), пока не наступитъ полное торжество корана и весь міръ не признаетъ Магомета пророкомъ. Страна взаимныхъ обязательствъ, это—земля народовъ, хотя невѣрныхъ, но имѣющихъ книги или писанія: евреевъ, христіанъ, послѣдователей Зороастра и вступающихъ въ союзъ съ мусульманами, временно дѣлающаяся неприкосновенною.

Султанъ, духовный и свѣтскій повелитель, есть непосредственный преемникъ Магомета. Послѣ первыхъ халифовъ: Абу-Бекра, Омара, Османа и Али, власть досталась династіи Оммiадовъ въ лицѣ Моавіи, сына современника Магомета Абу-Софіана, а отъ нихъ перешла къ Аббасидамъ (въ родъ Аббаса—дяди пророка), которые перенесли халифатство изъ Медины въ Дамаскъ и изъ Дамасска въ Куфу, а затѣмъ въ Багдадъ, гдѣ оно существовало до нашествія монголовъ (1258). Послѣ паденія Багдадскаго Халифата, потомки Аббаса удалились въ Египетъ и жили тамъ безъ всякой политической власти до 1517 г., когда султанъ Селимъ I, овладѣвъ Египтомъ, захватилъ Магомета XII, послѣдняго изъ потомковъ халифовъ. Магометъ XII торжественно уступилъ Селиму всѣ свои права̀ и знаки халифатства: знамя, мечъ и мантію пророка, а въ слѣдующемъ году султану вручены были ключи отъ священнаго города Мекки. Съ тѣхъ поръ султанъ сдѣлался халифомъ или главой правовѣрныхъ. Коронуясь, султанъ препоясывается мечемъ пророка и даетъ клятву защищать вѣру Магомета. Но онъ является неограниченнымъ властелиномъ своихъ подданныхъ лишь пока согласуется съ мусульманскимъ закономъ. Онъ не долженъ дозволять себѣ ни малѣйшаго нововведенія въ какой бы то ни было части каноническихъ законовъ, и, лишь только власть султана вздумала бы перешагнуть законъ—она должна тотчасъ же встрѣтить сопротивленіе правовѣрныхъ. Каждый актъ, исходящій отъ правительства, долженъ быть скрѣпленъ печатью *улемъ*, «свѣдущихъ, знающихъ»; такое названіе получали люди, спеціально изучавшіе коранъ, къ которымъ темнота и противорѣчія корана заставляли обращаться за толкованіями и которые, мало-по-малу, выработали изъ себя особое духовное сословіе, неустановленное Магометомъ, дѣлящееся на двѣ вѣтви: юридическую—кади, судьи, исполнительные орга-

ны полиціи, муфтіи—доктора права, толкователи законовъ, и религіозную—имамъ. Скрѣпа (фетва) улемовъ удостовѣряетъ, что правительственный актъ не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго мусульманскому закону. Сборникъ фетвъ, то-есть рѣшеній за всѣ прошлыя времена, начиная съ рѣшеній самого пророка, составляетъ нынѣ коллекцію въ нѣсколько томовъ. Предварительно процесса, стороны берутъ отъ муфтія фетву, то-есть отвѣтъ что̀ говоритъ о спорномъ вопросѣ; законъ и судьи затѣмъ рѣшаютъ уже дѣло на основаніи такихъ фетвъ. Такая процедура примѣняется судебной организаціей, вверху которой стоитъ Арзъ-Адассо—высшій мусульманскій судъ, подъ предсѣдательствомъ Шейхъ-уль-Ислама (глава духовенства), дѣлящійся на европейское и азіатское отдѣленія, завѣдуемыя верховными судьями: казы-аскеръ румелійскимъ и казы-аскеръ анатолійскимъ; далѣе идутъ областные суды (мехкеме) и мировые, ввѣренные наибамъ и кадіямъ. Соотвѣтственно проникновенію исламомъ всей государственной и общественной жизни Турціи, организовалось въ ней и народное просвѣщеніе. До 1846 г., образованіе распространялось въ ней учебными заведеніями, принадлежащими духовенству, число которыхъ и нынѣ еще преобладаетъ надъ свѣтскими. Эти заведенія суть: *мектебе* (первоначальныя школы, при каждой мечети), въ которыхъ обучаютъ молитвамъ, началамъ арабской и турецкой грамати и счисленію, и *медрессе* (семинаріи, въ каждомъ городѣ), въ которыхъ преподаются въ общемъ курсѣ—грамматика, синтаксисъ, логика, метафизика, философія, краснорѣчіе, реторика, геометрія и древняя астрономія—все, болѣе или менѣе выводимое изъ корана; въ высшемъ курсѣ—догматика права, толкованіе законовъ и изустнаго преданія. Такова была, въ главныхъ чертахъ, организація Турецкой Имперіи, таковъ былъ оживотворявшій ее духъ во время ея блеска и распространенія.

Выше было упомянуто, что во второй половинѣ XVI вѣка, послѣ Сулеймана Великаго, начинается постепенное ослабленіе Турціи, дѣлающееся болѣе замѣтнымъ въ XVIII столѣтіи и превращающееся въ совершенное разрушеніе въ настоящемъ вѣкѣ. Учрежденія, созданныя исламомъ, воспринявшія случайно и подъ вліяніемъ временныхъ условій втѣснившійся въ него духъ нетерпимости, были превосходны, пока пришедшая изъ Азіи монархія строилась и распространялась въ Европѣ, потому что, въ противовѣсъ раздробленности европейскихъ государствъ, дѣлали изъ завоевателей особый, совершенно отличный, единый и цѣльный въ себѣ самомъ организмъ. Но, при Сулейманѣ, завоеваніе достигло своихъ границъ: на востокѣ оно дошло до Персіи, населенной народомъ, боготворившимъ своего шаха и отступавшимъ при вторженіяхъ турокъ въ глубь страны, ставя между собою и завоевателями опустошенныя пространства, принуждавшія турокъ безплодно возвращаться или гибнуть отъ лишеній,

не настигнувъ врага; на западѣ создалась испано-австрійская монархія, достаточно единая и сильная, чтобы остановить распространеніе турокъ и сухимъ, и морскимъ путемъ, чтобы сопротивляться имъ и въ Африкѣ, и въ Италіи, и въ Венгріи. Правда, еще цѣлое столѣтіе послѣ Сулеймана, благодаря войнамъ Франціи съ Карломъ V, раздорамъ, вызваннымъ ученіемъ Лютера, и честолюбію Людовика XIV, турки, все-таки, удерживались на той высотѣ преобладанія, которой достигли въ половинѣ XVI в.; но внѣшнее возростаніе ихъ государства остановилось, и съ XVIII вѣка, съ возникновеніемъ солидарности европейскихъ народовъ началось уже ослабленіе Турецкой Имперіи. Внѣшній упадокъ шелъ объ руку съ внутреннимъ. Учрежденія, разсчитанныя на завоеваніе, съ прекращеніемъ его, сдѣлались недостаточны и деморализовались. Начнемъ съ султановъ. «Человѣкъ, которому его пять чувствъ непрестанно твердятъ, что онъ—все, а другіе—ничто, естественно дѣлается лѣнивъ, невѣжественъ и чувственъ», говоритъ Монтескьё [1]. «Янычары пользовались преимуществомъ выступленія на войну только тогда, когда шелъ самъ султанъ, а, такъ какъ янычары составляли ядро арміи и были необходимы всегда, то султаны предводительствовали сами во всѣхъ войнахъ. Это преимущество было отнято у янычаръ Сулейманомъ. Переставъ быть предводителями, заключившись въ свои гаремы и обладая неограниченною деспотическою властью, султаны деморализировались, и, по выраженію одного изъ великихъ визирей, со времени Сулеймана, всѣ султаны были или глупцы, или тираны. Непосредственный преемникъ Сулеймана, Селимъ II (1566—1574), возведенный на престолъ интригами матери своей Роксоланы и гарема, предпочиталъ сераль лагерю и проводилъ свои дни въ сообществѣ евнуховъ и женщинъ, въ чувственныхъ удовольствіяхъ и пьянствѣ. Наслѣдникъ Селима, Мурадъ III (1574—1595), весь былъ поглощенъ чувственностью и страстью къ деньгамъ, доходившею до сумасшествія. Разсказываютъ, что онъ велѣлъ вырыть четырехугольное углубленіе, обложилъ стѣны его мраморомъ и складывалъ туда мильйоны денегъ и золота, поставивъ у входа постель, на которой спалъ. Онъ, глава государства, самъ бралъ взятки за ту или другую должность, которыя сдѣлались продажны. Магометъ III (1595—1603) былъ слабый государь, которымъ всѣ управляли. Ахмедъ I (1603—1617) вступилъ на престолъ 14-ти-лѣтнимъ юношей, достигъ мужественнаго возраста только къ концу царствованія и успѣлъ возбудить надежды, но не осуществить ихъ. Мустафа I (1617—1622-23) оказался слабоумнымъ; онъ нанесъ чувствительный ущербъ сокровищамъ, собраннымъ Селимомъ и Мурадомъ, бросалъ золото въ море, говоря, что и рыбамъ нужны деньги. Одновременно и попеременно съ нимъ возводимый на престолъ Османъ II (1617—1622) оказался жестокимъ и былъ убитъ. Мурадъ IV (1623—

[1] Esprit des lois, livre 2, chap. V.

1640) отличался кровожадностью. Въ теченіе 5-ти лѣтъ онъ казнилъ 25 тысячъ человѣкъ и многихъ собственной рукой. Его всѣ трепетали, и придворные шептались въ его дворцахъ. Не менѣе любилъ онъ золото. Чтобы не возбудить разомъ и его страсти къ деньгамъ, и его кровожадности, всякій старался казаться бѣднѣе, чѣмъ былъ. Со времени превращенія султановъ въ халифовъ, особеннаго значенія достигли учрежденія великихъ визирей. Уже самъ Сулейманъ рѣдко появлялся въ диванѣ, даже когда обсуждались важныя государственныя дѣла, и передалъ веденіе ихъ великому визирю; уже при визиряхъ Сулеймана, которые часто приносили благо государства въ жертву эгоистическимъ цѣлямъ и сохраненію своего поста, вслѣдствіе ихъ склонности къ стяжанію и неограниченности дарованной имъ султаномъ власти, вошла въ обычай система подкуповъ, скоро распространившаяся во всѣ слои чиновничества и начавшая подкапывать и моральную силу, и благосостояніе государства. Въ распоряженіи великаго визиря были всѣ высшія должности, и онѣ стали раздаваться не болѣе способнымъ, а болѣе платящимъ. Чиновники, дорого платившіе за мѣста, могли держаться на нихъ только угнетеніемъ своихъ подчиненныхъ, и такимъ образомъ вошло въ ходъ систематическое высасываніе народа, влекшее за собой обѣднѣніе и уменьшеніе населенія. Другое зло, проявившееся также при Сулейманѣ, было вмѣшательство въ дѣла управленія женщинъ, евнуховъ и придворныхъ. Уже при Сулейманѣ, невольница въ его гаремѣ, Роксолана, пріобрѣла такое вліяніе, что онъ даровалъ ей свободу и женился на ней, и, устранивъ прямаго наслѣдника престола, одареннаго прекраснѣйшими свойствами, Мустафу, она возвела на тронъ слабаго, неспособнаго и порочнаго сына своего Селима. При Мурадѣ III, гаремъ также оказывалъ сильное вліяніе: покровительству одной албанки въ гаремѣ былъ обязанъ своимъ положеніемъ визирь Синанъ; всѣ дѣла направлялись обер-гофмейстеромъ и начальникомъ бѣлыхъ евнуховъ Капу-Агасси. Одна изъ женъ Ахмеда пользовалась такою любовію его, что онъ не могъ отказать ей ни въ какой просьбѣ. Еще болѣе значенія имѣлъ въ это царствованіе Кисларъ-ага, начальникъ черныхъ евнуховъ. Иностранные послы, прежде всего, разными подарками заискивали расположенія жены султана и Кислара. Султаны приняли обыкновеніе выдавать за вельможъ нетолько сестеръ и дочерей своихъ, но и невольницъ. Онѣ переносили нравы сераля въ частные дома; всюду вкралась роскошь: мебель стала обиваться шелкомъ, лѣтомъ стали спать на тончайшихъ тканяхъ, зимой на драгоцѣнныхъ мѣхахъ; пара башмаковъ знатной турчанки сдѣлалась дороже цѣлаго наряда европейской государыни. Распространеніе роскоши имѣло не одно то дурное послѣдствіе, что, не ограничиваясь кругомъ знатныхъ и близкихъ къ дворцу лицъ, роскошь сдѣлалась обычною и среди людей менѣе значительныхъ: самымъ худшимъ было, что люди, стоявшіе у власти,

[illegible] Уже Мурада III они заставляли [illegible] имъ дефтердарей и визирей и умерщвляли ихъ. Самый и обычай назначать на высшія государственныя должности исключительно воспитанниковъ изъ сераля, рожденныхъ отъ христіанъ рабовъ, [illegible] тѣмъ же [illegible]: и въ ряды сипаховъ, и въ ряды государственныхъ сановниковъ открылся доступъ для турокъ. Такъ, одновременно съ пріостановленіемъ завоевательнаго распространенія, начался упадокъ во всѣхъ учрежденіяхъ, разсчитанныхъ именно для завоевательной роли. Простота лагерной жизни, лежавшая въ основѣ общественнаго и государственнаго существованія, замѣнилась роскошью и излишествомъ съ ихъ послѣдствіями: продажностью правительства и угнетеніемъ управляемыхъ. Во главѣ прежде военнаго государства стали женщины и евнухи. Ленная кавалерія и янычары, такъ способствовавшіе, при первыхъ султанахъ,

распространенію государства, утратили воинственность и обратились въ язву страны. Владѣя лучшими *землями*, они питались пòтомъ народа. Предводители янычаровъ стали господствовать надъ самими султанами, низводить и умерщвлять ихъ. Принципъ господства корана какъ въ духовныхъ, такъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ государства, остался; но при измѣнившихся и внѣ, и внутри обстоятельствахъ, коранъ становился все болѣе и болѣе скуднымъ и недостаточнымъ руководствомъ. Принципъ особности мусульманъ, вызвавшій въ началѣ своеобразныя учрежденія, столь много способствовавшія завоеваніямъ, также остался, но исключительно въ формѣ сознанія турокъ, что они—побѣдители относительно другихъ народностей, что они превыше людей другихъ расъ, что одни они призваны къ господству. Греки, славяне, мадьяры, армяне, копты и другіе райи перестали быть какою бы то ни было опорою правительства, сдѣлались для него бременемъ; ихъ начали третировать какъ рабовъ, за которыми нужно постоянно слѣдить, чтобы быть въ состояніи подавлять всякаго рода возстанія, дѣлавшіяся все чаще и чаще. Турки стали совершенно чужды и ненавистны покорённымъ народамъ и приближались къ нимъ только для высасыванія ихъ и угнетенія. Все нетурецкое населеніе привыкло смотрѣть на турокъ, какъ на узурпаторовъ и тирановъ. Такое могущественное государство, какое было основано рядомъ султановъ до Сулеймана, конечно, не могло рухнуть разомъ, какъ ни мало дѣлали послѣдующіе султаны для его сохраненія; еще долго не умиралъ окончательно прежній духъ; еще находились, повременамъ, визири и полководцы, напоминавшіе лучшіе дни, замедлявшіе своимъ вліяніемъ и дѣятельностію быстрый упадокъ; но стремительный потокъ, грозившій наводнить лучшія земли трехъ странъ свѣта, постепенно поворачивался назадъ и затихалъ въ теченіи, пока не обратился почти въ болото.

Съ нынѣшнимъ столѣтіемъ начался новый фазисъ существованія Турецкой Имперіи. Упадокъ государства и всѣхъ учрежденій, на которыхъ оно укрѣплялось, сопровождаемый постоянными пораженіями, претерпѣваемыми въ войнахъ съ европейскими государствами, выработавшими бóльшую солидарность дѣйствій, участившіяся сношенія съ Европой и ея примѣръ заставили султановъ подумать о преобразованіяхъ. Уже Селимъ III (1787—1807), принужденный, по ясскому миру 1791 г., уступить Россіи Крымъ и страну между Бугомъ и Днѣпромъ, въ 1799 г. потерявшій временно Египетъ, при которомъ, въ 1804 г., началось возстаніе Сербіи подъ предводительствомъ Георгія Чернаго, сдѣлалъ попытку преобразованія войска по европейскому образцу и учредилъ корпусъ въ 30,000 человѣкъ, подъ названіемъ *низамъ джедимъ*. Возмущеніе янычаръ и умерщвленіе Селима были послѣдствіемъ его преобразованій. Продолжительное царствованіе Махмуда II (1808—1839) ознаменовалось рядомъ внѣшнихъ неудачъ: уступкой Россіи, по бухарестскому миру 1811 г

Бессарабіи, допущеніемъ независимости Сербіи, Греціи, уступкой французамъ Алжира, возстаніями въ Босніи, Албаніи, Триполи, Курдистанѣ и Багдадѣ. Въ тоже время, въ правленіе Махмуда II, была проведена коренная военная реформа. Султанъ организовалъ армію по европейскому способу и включилъ янычаръ въ ея составъ, возвысивъ ихъ жалованье и гарантировавъ имъ разныя другія преимущества. Эта мѣра имѣла послѣдствіемъ возстаніе янычаровъ, которые, въ ночь съ 14-го на 15-е іюня 1826 г., осадили домъ своего аги, умертвили его семейство и обложили домà другихъ высшихъ государственныхъ сановниковъ и зданіе Порты. Съ большими усиліями, съ помощью новыхъ войскъ, подъ предводительствомъ Гуссейна-паши, послѣ трехдневной осады и бомбардировки казармъ возмутившихся янычаровъ, возстаніе было подавлено. Въ этой борьбѣ пало до 7,000 янычаровъ, и 17 іюня было объявлено окончательное ихъ уничтоженіе. Великій муфтій предалъ проклятію ихъ имя и наложилъ на всѣхъ мусульманъ запрещеніе упоминать о немъ. До конца іюля продолжались казни соучастниковъ возстанія, которыхъ было казнено 16,000 человѣкъ и 30,000 изгнано въ Азію. Заподозрѣнные гарнизоны дарданельскихъ крѣпостей, съ помощію хитрости, были обезоружены, и до 1,000 человѣкъ было изрублено саблями. Чтобы оправдать всѣ эти ужасы, совершенные надъ мусульманами, правительство объявило, что многіе янычары тайно исповѣдывали христіанство, что у нихъ на рукахъ были найдены татуированные знаки креста. Тѣмъ не менѣе, раздраженіе шло слишкомъ глубоко. 31-го августа 1826 г., въ Константинополѣ вспыхнулъ пожаръ, истребившій 6,000 домовъ, въ томъ числѣ почти всѣ дворцы мусульманской знати. Для успокоенія умовъ, султанъ издалъ рядъ полицейскихъ постановленій: была организована на французскій образецъ полиція, христіанамъ была предписана особая одежда, дозволено было открытіе 2,000 питейныхъ домовъ, новообращаемымъ въ мусульманство было разрѣшено не подвергаться обрѣзанію и употребленіе вина. Такія нововведенія еще болѣе возбудили умы правовѣрныхъ; всѣми овладѣло броженіе, и, въ октябрѣ 1826 года, правительство открыло далеко развѣтвившійся заговоръ. Для предупрежденія взрыва, всѣ подозрѣваемые въ одинъ и тотъ же день были схвачены въ своихъ домахъ или гдѣ только были застигнуты и истреблены такъ, что въ этотъ день было убито въ Константинополѣ около 15,000 человѣкъ, и изъ нихъ до 8,000 было потоплено. Война съ Россіей 1828—1829 гг. застигла Турцію въ самую эпоху преобразованія войска. Реформы, составляющія поворотъ во внутренней политикѣ Турціи, были предприняты въ царствованіе преемника Махмуда II. 3-го ноября 1839 г., султанъ Абдулъ-Меджидъ (1839—1861) созвалъ всѣхъ сановниковъ государства, шейховъ, дервишей, патріарховъ, главныхъ раввиновъ, дипломатическій корпусъ, улемовъ, муллъ, представителей корпорацій, къ Кіоску Гюльхане (кіоскъ розъ)—одному изъ па-

вильйоновъ въ садахъ новаго сераля—и въ присутствіи ихъ, при огромномъ стеченіи народа, былъ провозглашенъ Решидъ-пашею такъ называемый *хаттишерифъ гюльханейскій*. Этимъ законодательнымъ актомъ была объявлена неприкосновенность жизни, чести и имущества всѣхъ подданныхъ султана, обѣщались правильность и публичность въ отправленіи правосудія, равномѣрность и опредѣленность податей безъ отношенія къ религіознымъ исповѣданіямъ плательщиковъ, правильность наборовъ магометанъ въ войска, опредѣленіе срока службы солдатъ, уничтоженіе продажности должностей, обезпеченіе чиновниковъ опредѣленнымъ жалованьемъ и равноправность всѣхъ подданныхъ, къ какому бы исповѣданію они ни принадлежали. Хаттишерифъ-гюльхане долженъ былъ осуществиться въ рядѣ уставовъ, выработывавшихся постепенно и вступившихъ въ дѣйствіе въ 1844 г. подъ общимъ названіемъ *танзимата* (организація). Новое законодательство не встрѣтило симпатіи въ правовѣрномъ мусульманскомъ населеніи, и его враждебное отношеніе къ реформѣ, при слабости правительства, при недостаткѣ централизаціи и произволѣ провинціальныхъ администраторовъ, не дало возможности провести преобразованіе. Танзиматъ измѣнилъ только внѣшность управленія, оставивъ прежнюю сущность его и всѣхъ отношеній. Черезъ 10 лѣтъ, въ 1854 году, нуждаясь въ помощи иностранцевъ, турецкое правительство издало фирманъ о томъ, чтобы свидѣтельство райевъ принималось въ судахъ одинаково съ свидѣтельствомъ мусульманъ. Послѣ крымской войны, во время которой великія европейскія націи дѣйствовали въ союзѣ съ Турціей, и многочисленныя христіанскія войскà друзьями попирали турецкую почву, турецкое правительство вошло въ такія отношенія къ Европѣ, что сохраненіе старыхъ мусульманскихъ принциповъ государственной жизни, давно уже оказавшихся столь несостоятельными, сдѣлалось болѣе немыслимымъ, и, 18-го февраля 1856 г., по настоянію европейскихъ державъ, въ особенности Англіи, дѣйствовавшей въ лицѣ своего энергическаго посла лорда Стратфорда-Редклифа, явился фирманъ *хатти-хумайюнъ*, составлявшій торжественное обязательство Порты передъ Европой и долженствовавшій въ корень измѣнить основные принципы, руководившіе доселѣ существованіемъ Турціи, слить всѣ расы Османской Имперіи, сдѣлать изъ всѣхъ подданныхъ султана, «которые совершенно равны въ его глазахъ и ему одинаково дороги», равноправныхъ въ политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ гражданъ одного государства. Въ хатти-хумайюнѣ подтверждались гарантіи жизни, чести и имущества всѣхъ турецкихъ подданныхъ, безъ различія классовъ и исповѣданій, дарованныя хаттишерифомъ гюльхане и танзиматомъ, и предписывалось принять дѣйствительныя мѣры къ осуществленію этихъ гарантій (§ 1); подтверждались всѣ когда-либо данныя христіанскимъ и другихъ не мусульманскихъ исповѣданій общинамъ льготы и привилегіи и предоставлялось

каждой общинѣ организовать въ своей средѣ коммиссію для пересмотра дарованныхъ льготъ и привилегій и введенія въ нихъ реформъ, соотвѣтственныхъ прогрессу просвѣщенія и времени; обѣщались: уничтоженіе всякихъ произвольныхъ церковныхъ поборовъ и установленіе опредѣленности доходовъ патріарховъ и жалованья различныхъ членовъ духовенства; неприкосновенность движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ духовенства; собранія изъ избранныхъ каждой общиной въ своей средѣ членовъ духовныхъ и свѣтскихъ для завѣдыванія мирскими дѣлами общинъ; безпрепятственное возобновленіе, по первоначальному плану, зданій, посвященныхъ богослуженію, школъ, больницъ и кладбищъ; возведеніе новыхъ зданій по одобреніи плановъ патріархами или главами общинъ и утвержденіи Порты; свободное и открытое отправленіе богослуженія (§§ 2, 3, 4, 5); уничтожалось всякое различіе между подданными имперіи, основывающееся на различіи культа, языка или расы (§ 6); открывался всѣмъ, безъ различія національности, доступъ къ общественнымъ должностямъ (§ 7), въ гражданскія и военныя правительственныя школы; каждой общинѣ дозволялось учреждать публичныя школы наукъ, искуствъ и промышленности съ подчиненіемъ метода преподаванія и выбора наставниковъ контролю смѣшаннаго совѣта народнаго просвѣщенія (§ 8); вводились смѣшанные суды для торговыхъ и уголовныхъ дѣлъ между мусульманами и не мусульманами, или между христіанами и другими немусульманскими исповѣданіями; установлялись въ этихъ судахъ публичная процедура и состязаніе сторонъ съ приводомъ свидѣтелей, которыхъ показанія, данныя подъ присягой по религіозному закону каждаго, должны имѣть равную силу, къ какому бы исповѣданію свидѣтели ни принадлежали; процессы гражданскіе, по прежнему, предоставлялись резбирательству смѣшанныхъ провинціальныхъ совѣтовъ съ участіемъ губернатора и мѣстнаго судьи; процессы по спеціальнымъ гражданскимъ дѣламъ, напримѣръ, наслѣдственные между христіанами или вообще не мусульманами, предоставлялось тяжущимся, если пожелаютъ, вести въ совѣтахъ патріаршихъ или общинныхъ; обѣщались дополненіе, кодификація и опубликованіе въ переводахъ на всѣ употребительные въ имперіи языки законовъ уголовныхъ, исправительныхъ, торговыхъ и правилъ процедуры въ смѣшанныхъ судахъ (§§ 9 и 19); призывались старшины и выбираемые на годъ делегаты общинъ, по спеціальному созыву великимъ визиремъ всякій разъ, когда дѣло касалось всѣхъ подданныхъ имперіи, къ участію въ обсужденіяхъ, съ полною свободою мнѣній, верховнаго совѣта юстиціи (§ 18); обѣщалась реформа пенитенціарной системы и мѣстъ заключенія; запрещалась пытка и ограничивались тѣлесныя наказанія даже въ тюрьмахъ (§ 10); обѣщалось улучшеніе полиціи въ столицахъ, городахъ и селеніяхъ (§ 11); не мусульмане привлекались къ военной службѣ съ допущеніемъ замѣщенія или выкупа (§ 12); вовзѣщалось преобразованіе сос-

тава провинціальныхъ и общинныхъ совѣтовъ, въ видахъ бòльшаго обезпеченія искренности выбора депутатовъ и свободы вотированія (§ 13); допускалось пріобрѣтеніе иностранцами поземельной собственности съ подчиненіемъ законамъ и полицейскимъ постановленіямъ имперіи и тѣмъ обязанностямъ, которыя сопряжены съ землевладѣніемъ для турецкихъ подданныхъ (§ 14); установлялась равномѣрность податей для всѣхъ подданныхъ имперіи безъ различія классовъ и вѣроисповѣданій; обѣщались самыя энергическія и быстрыя мѣры для уничтоженія злоупотребленій въ сборѣ податей и именно десятины, постепенная замѣна откупной системы сбора государственныхъ доходовъ системою прямаго взиманія; пока откупная система не отмѣнена, вовсе запрещалось, подъ опасеніемъ самыхъ строгихъ взысканій, агентамъ власти и членамъ меджлисовъ (провинціальныхъ совѣтовъ) участвовать въ откупахъ по сбору податей или отдавать подати на откупъ иначе, какъ путемъ публичной конкуренціи; предписывалось, чтобы мѣстныя обложенія податьми размѣромъ своимъ не парализировали источниковъ производительности и не затрудняли движенія внутренней торговли (§ 15); открывался особый источникъ для общественныхъ сооруженій съ привлеченіемъ къ соразмѣрному участію въ нихъ заинтересованныхъ провинцій: обѣщалось устройство дорогъ и каналовъ (§§ 16 и 20); подтверждалось о составленіи на каждый годъ бюджета доходовъ и расходовъ, обѣщался пересмотръ размѣровъ присвоеннаго каждой должности содержанія (§ 18); предполагалось приступить къ организаціи банковъ и другихъ учрежденій, имѣющихъ цѣлію преобразованіе финансовой и денежной системы, создать фонды для увеличенія источниковъ матеріальнаго богатства имперіи, обратиться съ этою цѣлію къ помощи науки и капиталовъ Европы. Какъ послѣ хаттишерифа 1839 г., всѣ усовершенствованія не пошли далѣе наружной перестройки управленій и судовъ, такъ и въ результатѣ хаттихумайюна 1856 г. различныя учрежденія явились подъ новыми названіями, но принципъ отношеній не измѣнился. Образовалась корпорація чиновниковъ съ свѣтскимъ юридическимъ образованіемъ—кіатибы; въ государственномъ совѣтѣ (впрочемъ, только съ 1868 г.) на 40, 50 членовъ допущено 13 немусульманъ (4 армяно-католика, 4 грека, 1 армянинъ-грегоріанецъ, 1 маронитъ, 1 болгаринъ и 2 еврея); параллельно съ духовными судами: Арзы Адассо, мехкеме и судами кадіевъ возникла другая вѣтвь судовъ съ Ахкіами Адме (высшій судъ или совѣтъ юстиціи) во главѣ, въ составѣ котораго 5 членовъ немусульманъ (2 армяно-католика, 1 армянинъ-грегоріанецъ, 1 грекъ и 1 болгаринъ) и который вѣдаетъ смѣшанные торговые, уголовные и полицейскіе суды, руководящіеся гражданскимъ, уголовнымъ и торговымъ кодексами, переведенными съ французскаго языка и кое-какъ примѣненными къ мѣстнымъ условіямъ. Въ провинціяхъ (вилайеты) и губерніяхъ (санджаки) въ административные совѣты (меджлисы) допущена

половина членовъ немусульманъ; въ административные совѣты уѣздовъ (казы) въ число 3 членовъ также допущены не мусульмане, но сколько ихъ должно быть—не опредѣлено [1]; въ общинахъ совѣтъ выборныхъ старшинъ распредѣляетъ налоги, заботится объ интересахъ общества, разрѣшаетъ недоумѣнія и споры между членами общества. Съ 1846 г., рядомъ съ духовными училищами, являются *мектебе-рушдте* (правительственныя свѣтскія гимназіи), въ которыхъ учатъ турецкому, арабскому, персидскому языкамъ, религіи, географіи, ариѳметикѣ и математикѣ, бухгалтеріи и рисованію, а иногда и французскому языку; нормальныя школы въ Константинополѣ для приготовленія учителей въ мектебе-рушдте и различныя спеціальныя высшія учебныя заведенія, доступныя и для немусульманскихъ исповѣданій. Точкою отправленія новѣйшихъ преобразованій въ Турціи служитъ сознаніе несостоятельности прежняго строя государства. Эти преобразованія направлены къ тому, чтобы изъ всѣхъ подданныхъ султана сдѣлать гражданъ одного и того же государства, постепенно искоренить различіе правъ, поставить всѣхъ подданныхъ имперіи, къ какой бы національности и религіи они ни принадлежали, въ одинаковыя отношенія къ государству и, такимъ образомъ, произвести въ Османской Имперіи смѣшеніе расъ. Но въ совѣтахъ и судахъ члены немусульмане не имѣютъ никакого значенія; вся власть принадлежитъ турецкимъ чиновникамъ, и, притомъ, распредѣленіе немусульманскихъ членовъ по національностямъ не соотвѣтствуетъ численнымъ отношеніямъ различныхъ расъ въ имперіи: въ высшихъ совѣтахъ имперіи нѣтъ, напримѣръ, ни одного представителя сербскаго племени. Вамбери [2] говоритъ, что реформы ограничились внѣшними преобразованіями, подъ которыми все внутреннее осталось тоже и проглядываетъ сквозь европейскую внѣшность, освѣщая ее смѣшнымъ и неловкимъ свѣтомъ; расплодилось чиновничество, но веденіе дѣлъ отличается по прежнему азіатскими медленностью, равнодушіемъ, халатностью и иначе не могло и быть: европейскія учрежденія и нравы не могли привиться безъ заранѣе подготовленной для нихъ почвы; «турокъ, воспитанный въ восточной школѣ, проникнутый восточнымъ міровоззрѣніемъ, одною внѣшнею формою, одною внѣшнею системой чиновничества не

---

[1] Члены административныхъ совѣтовъ и судовъ вилайетовъ избираются комитетомъ изъ высшихъ правительственныхъ чиновниковъ, муфтія, кади и религіозныхъ представителей немусульманскихъ общинъ; административные совѣты и суды санджаковъ отбрасываютъ 1/3, вали (генерал-губернаторъ) выбираетъ членовъ изъ остальныхъ 2/3 и представляетъ на утвержденіе Порты. Подобный же комитетъ составляетъ въ санджакахъ списокъ членовъ въ совѣты и суды санджаковъ, изъ которыхъ суды и совѣты казъ выбрасываютъ 1/3 и вали еще 1/3. Также съ участіемъ собранія общинныхъ старшинъ и мутессарифа (губернатора) избираются члены совѣтовъ и судовъ казъ.

[2] «Исламъ въ XIX вѣкѣ». V. «Реформы», журн. «Знаніе», апрѣль, 1876 г., стр. 88—89.

можетъ быть такъ скоро обращенъ въ члена государственнаго учрежденія, соотвѣтственно западнымъ образцамъ, и въ этомъ отношеніи турки сдѣлали важную ошибку, вводя у себя, безъ правильнаго и постепеннаго усовершенствованія, европейскія учрежденія, основанныя на европейскомъ школьномъ образованіи и на европейскомъ образѣ мыслей». Свидѣтельство христіанъ противъ мусульманъ, въ дѣйствительности, принимается судебными учрежденіями въ Константинополѣ и въ большинствѣ другихъ большихъ городовъ, но въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ, какъ Герцеговина и Боснія, судьи не признаютъ за показаніями христіанъ никакого значенія. Число свѣтскихъ училищъ еще далеко уступаетъ количеству училищъ, руководимыхъ мусульманскимъ духовенствомъ [1]; высшія свѣтскія училища, напримѣръ, школы медицинская и горная, идутъ плохо. Реформы, мало давшія туркамъ, въ особенности въ отношеніи христіанъ, парализуются старымъ духомъ исключительности и нетерпимости, которымъ, до сихъ поръ, проникнуты всѣ турки, сверху до низу, и еще тяготѣющимъ надъ всѣмъ вліяніемъ мусульманскаго духовенства.

Центральное правительство имперія, и само не чуждое того же духа, не обладаетъ настолько силой, чтобы держать въ уздѣ свои важнѣйшіе провинціальные органы. При произволѣ нашей, самыя лучшія намѣренія правительства, часто безнаказанно, вовсе не приводятся въ исполненіе или приводятся только отчасти. По свидѣтельству англійскихъ консуловъ, во многихъ мѣстахъ Азіатской Турціи въ 1868 г. еще не былъ объявленъ хаттихумайюнъ 1856 г. Турецкія власти или скрываютъ его отъ народа, или сообщаютъ старшинамъ въ извращенномъ видѣ съ различными угрозами райямъ. Турція кажется страною конституціонною, страною отвѣтственныхъ министровъ, выборнаго начала и самоуправленія, но все это—только на бумагѣ, и внѣшній лоскъ европейской цивилизаціи какъ-то плохо вяжется съ внутреннимъ и глубоко засѣвшимъ варварствомъ мусульманскаго міра. Въ сущности, все остается въ Турціи попрежнему и все разрушается. Извнѣ государство впадаетъ въ зависимое положеніе отъ другихъ державъ, а внутри видимъ: угнетеніе завоевательною расой завоеванныхъ племенъ, отсутствіе спокойствія, вслѣдствіе безпрерывныхъ возстаній различныхъ народностей, безсиліе центральнаго правительства, произволъ, продажность и взяточничество администраціи въ провинціяхъ, чудовищную роскошь двора и высшихъ сановниковъ, невѣжество, нищету, отсутствіе всякой предпріимчивости въ населеніи, оскудѣніе производительности, упадокъ промышленности и торговли въ странѣ,

---

[1] Въ 1866 г. мектебъ-рушдіе было въ Константинополѣ 14, въ Европейской Турціи 46, въ Азіи 36, всего 96, съ 7,595 учениками; мектебъ духовныхъ въ Константинополѣ 280 съ 16,752 дѣтьми (9,975 мальчиковъ и 6,777 дѣвочекъ).

страшные поборы съ народа и малый доходъ государства, непроизводительность его расходованія, дефицитъ, внѣшніе займы и почти совершившееся банкротство государства [1].

«При общемъ взглядѣ на главнѣйшія нововведенія, говоритъ Вамбери [2]:—насъ прежде всего поражаетъ лишь поверхностный налетъ ихъ на старомъ, гниломъ остовѣ Востока. Нигдѣ, ни при какихъ обстоятельствахъ, они не проникли сколько-нибудь далеко. Государство, дѣтскимъ подражаніемъ европейской военной организаціи и гражданскимъ должностямъ, не могло увеличить своихъ военныхъ силъ и не оказало никакой пользы своему внутреннему управленію, такъ какъ многое осталось попрежнему. Точно также и отдѣльныя лица, принимая европейскій костюмъ и нѣкоторые европейскіе обычаи, дѣлали этимъ лишь весьма небольшой шагъ къ настоящей реформѣ и дѣйствительному преобразованію своего положенія. Это болѣе всего подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что домашнія реформы, кажущіяся измѣненія нравовъ касались только мужчинъ, той части общества, которая имѣетъ сношеніе съ внѣшнимъ міромъ, только селамлика, той части дома, которая доступна внѣшнему чужеземному вліянію. Женщина и та часть жилища, въ которой она обитаетъ, т. е. гаремъ, несмотря на полувѣковыя перемѣны, сохранили до сихъ поръ древній, первобытный восточный характеръ: въ гаремѣ царствуютъ и теперь тѣ же правила приличій, тѣ же привычки, тотъ же духъ, которые, въ теченіи вѣковъ, считались специфически восточными. Здѣсь все еще господствуютъ самыя нелѣпыя понятія о жизни и полная суевѣрій и необыкновенной ограниченности житейская философія старыхъ матронъ и вывезенныхъ изъ Африки негритянокъ. Гаремъ все еще доступенъ фанатическому ученію муллъ, а это въ особенности мѣшаетъ истинному успѣху преобразованій, тѣмъ болѣе, что магометанскій мальчикъ первые годы своей жизни проводитъ въ гаремѣ, всасываетъ съ молокомъ матери господствующіе тамъ взгляды и

---

[1] Объ экономическомъ и финансовомъ состояніи Турціи очень много писано. Укажемъ на брошюру Фарлея, въ нѣмецкомъ переводѣ Кольба: «Der finanzielle und politische Verfall der Türkei», и ограничимся фактами, что долгъ Турціи дошелъ до 1.362.000,000 рублей, что доходъ ея, по послѣднему бюджету, составляетъ 138 милл. руб., что процентовъ по долгу приходится платить 91 милл. руб., затѣмъ, на всѣ прочіе расходы остается только 42 милл. руб. На сераль султана тратится въ мѣсяцъ 1.840,000 руб., при дворѣ его болѣе 6 т. человѣкъ прислуги; безпрестанно строятся новые дворцы, роскошь и прихоти султана превосходятъ всякое вѣроятіе, огромныя суммы тратятся на учрежденіе панцырнаго флота и вооруженіе сухопутной арміи усовершенствованными ружьями; великій визирь получаетъ 30 т. фунт. стерлинговъ, министръ финансовъ 15 т., министръ общественныхъ работъ 11 т.; почти все тратится на центральную власть и ничего на нужды самыхъ провинцій; даже чиновники и войска не получаютъ жалованья и вымещаютъ это на разоренномъ населеніи.

[2] «Исламъ въ XIX вѣкѣ». V. Реформы. См. журналъ «Знаніе», апрѣль, 1876 г., стр. 94—96.

впослѣдствіи лишь съ большимъ трудомъ отрѣшается отъ нихъ, а часто, какъ показываютъ обстоятельства, и вовсе не въ силахъ отрѣшиться; чего учитель достигаетъ втеченіи цѣлаго дня разъясненіями элементарныхъ понятій географіи, физики и исторіи, то вполнѣ уничтожается и искореняется пребываніемъ втеченіи одного часа въ гаремѣ. То, что̀ говорятъ мать, тётка или нянька, имѣетъ больше вліянія на дѣтскій умъ, чѣмъ слова̀ учителя изъ чужой семьи и даже совѣтъ родного отца. Потому гаремъ различнымъ образомъ ослабляетъ и приводитъ къ нулю всѣ преобразовательныя начинанія, и, пока сознаніе преимущества европейской культуры и необходимости усвоенія нашихъ воззрѣній не проникнетъ въ самый интимный кругъ магометанской семейной жизни—въ гаремъ, до тѣхъ поръ всѣ попытки на этомъ поприщѣ будутъ походить на дерево, посаженное въ сыпучій песокъ, которое падаетъ и гибнетъ отъ малѣйшаго дуновенія вѣтра».

Воинственный азіатскій народъ, турки, съ X вѣка восприняли исламъ, которому обстоятельства его возникновенія и первоначальнаго распространенія придали также воинствующій характеръ. Такое соотвѣтствіе магометанской религіи народному характеру турокъ всецѣло подчинило ихъ этой религіи. Они приняли исламъ въ исключительное руководство всей жизни и за усвоенною ему временными условіями формою признали авторитетъ неизмѣнности. Воинственность, нетерпимость, сначала только въ формѣ обособленности отъ другихъ народовъ, сплотившей турокъ въ тѣсное цѣлое, и религіозно-патріархальныя управленіе и простота нравовъ и жизни обусловили необыкновенные успѣхи турокъ въ разъединенной Европѣ до 2-й половины XVI вѣка. Но такая государственная организація была достаточна только пока продолжалось завоеваніе. Когда завоеваніе прекратилось, когда европейскія государства выработали внутреннее единство и въ Европѣ возникла солидарность государствъ и народовъ, когда Турція перестала быть огромнымъ вооруженнымъ лагеремъ, существованіе сформировавшагося громаднаго турецкаго государства въ преобразованной Европѣ потребовало коренныхъ измѣненій въ основахъ государственной и общественной жизни. Но предшествующіе успѣхи турокъ, которыми они преимущественно обязаны были корану, придали принципу неизмѣнности его еще болѣе силы; господство корана во-всѣхъ отрасляхъ существованія укоренилось еще глубже, и всѣ указанныя черты организаціи турецкаго государства въ Европѣ деморализировались: духъ воинственности ослабъ, нетерпимость перешла въ форму жестокости и угнетенія немусульманскихъ народовъ, управленіе сдѣлалось недостаточно для усложнившейся государственной жизни, нравы развратились, роскошь и матеріальныя наслажденія получили преобладаніе. Государство стало упадать и извнѣ, и внутренно. Съ XIX вѣка явились ре-

форматоры, стремящіеся перестроить турецкое государство на европейскій ладъ, согласовать требованіе корана съ условіями цивилизованной жизни въ Европѣ, но ихъ усилія разбиваются о продолжающее господствовать въ умахъ турокъ сознаніе неизмѣнности корана; реформы остаются только на бумагѣ; государство продолжаетъ падать и внутренно, и извнѣ и, по мнѣнію многихъ, приближается къ гибели. Защитники турокъ указываютъ, что многое въ коранѣ могло бы быть выкинуто, какъ включенное Магометомъ лишь подъ давленіемъ преходящихъ условій; что изъ этихъ условій истекли противорѣчія и въ воззрѣніяхъ Магомета на Христа и основателей другихъ исповѣданій, и въ предписаніяхъ корана, установившихъ отношенія мусульманъ къ народамъ не мусульманскимъ; что идея переработки корана не чужда мусульманскому міру; еще въ отдаленныя времена, подъ вліяніемъ изученія персидской религіозной системы и греческой философіи, въ нѣдрахъ мусульманства образовалась секта мыслящихъ вѣрующихъ, получившихъ отъ правовѣрныхъ названіе *мотацелитовъ* (извергнутыхъ изъ среды правовѣрныхъ), которая противъ догмата правовѣрныхъ и вѣчности корана, какъ части существа неизмѣняющагося Бога, выставила, какъ необходимое послѣдствіе единства Бога, ученіе о сотворенности корана, слѣдовательно—и о его измѣняемости; что ученіе о предопредѣленіи, уничтожающемъ всякую человѣческую свободу, скорѣе включено въ коранъ для противодѣйствія трусости, укрѣпленія вѣры въ волю Аллаха, утѣшенія въ несчастіи и предостереженія противъ гордости и высокомѣрія въ счастіи, чѣмъ для ослабленія человѣческой дѣятельности или даже уничтоженія свободной воли; отдѣльныя мѣста корана, въ которыхъ беззечность прославляется, какъ добродѣтель, слѣдуетъ понимать, какъ наставленіе, чтобы человѣкъ неслишкомъ увлекался заботою о самосохраненіи и не жертвовалъ этой заботѣ своими высшими обязанностями—стремленіемъ къ пріобрѣтенію покровительства Божія и упражненіемъ въ добродѣтели. Фуадъ-паша, въ предсмертномъ своемъ письмѣ отъ 3-го января 1869 г. изъ Ниццы къ султану Абдулъ-Азису, на основаніи «продолжительнаго изученія мусульманской религіи», высказываетъ убѣжденіе, что «исламизмъ поставляетъ въ священный долгъ своимъ адептамъ прогрессировать вмѣстѣ съ міромъ, развивать до послѣдней возможности духовныя способности и искать наученія и свѣта знанія нетолько въ Аравіи или у однихъ мусульманскихъ народовъ, но повсюду [1]». Все это такъ; но, по нашему мнѣнію, тутъ смѣшиваются понятія о коранѣ и о туркахъ. Вопросъ—не въ томъ: возможна-ли переработка корана? а въ томъ: способны ли турки къ такой переработкѣ? А этой способности турки, сросшіеся съ духомъ и формами существованія, данными имъ кораномъ, какъ онъ соз-

---

[1] См. Der finanzielle und politische Verfall der Türkei; von J. Lewis Farley, uebersetzt von A. Kolb. Berl. 1875, стр. 26.

дался Магометомъ и его первыми преемниками, ничѣмъ не проявили впродолженіи пятивѣковой жизни своей въ Европѣ. Защитники турокъ указываютъ на преобразованія, предпринимаемыя въ Турціи втеченіе нынѣшняго столѣтія. Но мы видѣли, какъ эти преобразованія, почти вынужденныя у турецкаго правительства Европой, не глубоко идутъ и какое противодѣйствіе и упорство встрѣчаютъ въ массахъ, вслѣдствіе чего 70 лѣтъ остаются безъ результата. Между тѣмъ, во всякомъ случаѣ, говоря словами упомянутаго письма Фуада-паши, «Турецкая Имперія въ опасности и для нея необходимъ даже не просто значительный прогрессъ, но, во что бы то ни стало, прогрессъ неменьшій, чѣмъ прогрессъ всѣхъ прочихъ европейскихъ націй».

Л. Лебедевъ.

ПЕРЕХВАЧЕННЫЯ ПИСЬМА ПЕТЕРБУРГСКАГО АДВОКАТА

о

СТРУСБЕРГОВСКОМЪ ПРОЦЕССѢ.

Письмо первое.

Дѣло ссуднаго коммерческаго банка вообще.

Получивъ твое письмо, въ которомъ ты увѣдомляешь меня, что тебя приглашаютъ защищать одного изъ членовъ совѣта бывшаго ссуднаго коммерческаго банка, гонораръ предлагаютъ изрядный—въ 10,000 рубл., но что ты не рѣшаешься съ маху взяться за дѣло и просишь моего совѣта, я сначала порадовался было за тебя, за твое будущее. «Малый, подумалъ я, какъ видно не жаденъ, съ выдержкой!» А быть не жаднымъ, имѣть выдержку—въ нашей адвокатской профессіи весьма важная вещь. Куши въ десятки тысячъ перепадаютъ и наилучшимъ адвокатамъ нечасто. А потому, когда такой случай навертывается, надобно умѣть воспользоваться имъ вполнѣ, какъ слѣдуетъ; а для этого надобно владѣть собою, не давать разгараться глазамъ на предлагаемый десятитысячный кушъ, не протягивать къ нему немедленно рукъ, а сначала поосмотрѣться и сообразить: насколько соразмѣренъ этотъ кушъ съ состояніемъ подсудимаго, насколько онъ соотвѣтствуетъ важности той кары, которая угрожаетъ подсудимому, въ случаѣ, еслибъ онъ былъ обви-

немъ, а потомъ—и это, конечно, самое главное—подумать: нельзя ли какъ-нибудь этотъ кушъ увеличить—даже удвоить и утроить и какую для этого слѣдуетъ подвести механику. Играть ли съ обвиняемымъ въ благородныя и возвышенныя чувства, или надобно, напротивъ, припугнуть его и припугнуть покрѣпче: сказать ему, что его преступленіе—такого рода, за которое водворяютъ на вѣчное жительство въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ, что и дѣло его стоитъ, дескать, такимъ образомъ, что прозѣвай немножко адвокатъ или поведи дѣло неискусно, такъ водвореніе неизбѣжно послѣдуетъ; затѣмъ, къ слову, въ разговорѣ и жизнь въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ обрисовать такимъ образомъ, чтобы подсудимаго потъ прошибъ. Тотъ или другой способъ дѣйствія обусловливается, конечно, характеромъ подсудимаго, и каждый адвокатъ, само собою, долженъ быть непремѣнно хорошимъ психологомъ, быстро смекать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и умѣть еще быстрѣе прилагать къ дѣлу свои наблюденія. Но, во всякомъ случаѣ, не прежде долженъ браться за дѣло, какъ продѣлавъ вполнѣ ту механику, которая, по его соображенію, должна была послужить къ увеличенію куша. Надобно быть большимъ простофилей, чтобы позволить подсудимому отбояриться какимъ-нибудь десяткомъ тысячъ рублей, когда, при извѣстной снаровкѣ и подготовкѣ, легко было сорвать съ него не только два, а даже и три десятка!

Вотъ почему, повторяю, я обрадовался, когда прочиталъ первыя строки твоего письма, ибо думалъ, что открылъ въ тебѣ твой будущій неистощимый кладъ — ту выдержку, о которой я говорю—и сталъ-было уже придумывать, какую бы такую тебѣ механику употребить, чтобы предлагаемый тебѣ бывшимъ членомъ совѣта ссуднаго коммерческаго банка десятитысячный кушъ обратить въ тридцати-или, по крайней мѣрѣ, въ двадцати-тысячный. Но въ то время, когда мысль моя блуждала около твоего будущаго кліента, хорошо мнѣ знакомаго, и перебирала разныя его акциденціи, съ цѣлію, нельзя ли въ какой-нибудь изъ нихъ найдти точку опоры для устройства нужной для тебя механики, глаза мои какъ-то нечаянно упали на твоё письмо, и я началъ продолжать его чтеніе—и о Боже! какое я осужденъ былъ испытать разочарованіе. Другъ мой, скажу тебѣ откровенно, что, если ты будешь разсуждать такъ, какъ разсуждаешь теперь, то бѣги какъ можно скорѣе, бѣги немедленно изъ адвокатскаго сословія, ибо на семъ роскошномъ для другихъ пиру жизни, ты непремѣнно пропадешь съ голоду. Подумай только, что̀ ты мнѣ пишешь. Ты говоришь: «Я не рѣшаюсь взять на себя защиты N, главнымъ образомъ и прежде всего потому, что не могу убѣдиться въ полной чистотѣ его—въ томъ, что онъ нетолько не принималъ никакого участія въ плутнахъ, которыя творились въ банкѣ, но что и не зналъ о нихъ и не прикрывалъ ихъ. А защищать человѣка, въ чистотѣ котораго вполнѣ не убѣжденъ, какъ совершенно честнаго, по моему мнѣнію—дѣло

безнравственное, несовмѣстимое съ чистою совѣстію». Гм! Гм! Вотъ оно какъ! Чистая совѣсть и адвокатура! Ново что-то! Ну, дальше: «Потомъ, стоитъ только, говоришь ты:—прочитать обвинительный актъ, чтобы убѣдиться, что дѣло членовъ совѣта покойнаго банка—вполнѣ потерянное дѣло, котораго выиграть нѣтъ никакой надежды. Положимъ, обвинительный актъ—еще не результатъ слѣдствія, а только, такъ сказать, его проектъ. Но что можетъ прибавить къ этому акту судебное слѣдствіе такого, что могло бы видоизмѣнить его основу? Что 7.000,000 р. нѣтъ въ банкѣ, что они улетучились — это утвердитъ и судебное слѣдствіе. Что эти деньги переданы Струсбергу директорами Ландау и Полянскимъ—это также утверждено будетъ слѣдствіемъ. Наконецъ, что члены совѣта обязаны были смотрѣть за правильностію дѣйствій правленія и сохранностію банковыхъ суммъ, однакожь, по тѣмъ ли, по другимъ ли причинамъ, не усмотрѣли—и этого не можетъ отвергнуть судебное слѣдствіе. Можетъ быть, члены совѣта не будутъ обвинены ни въ подлогахъ, ни въ мошенничествахъ и т. п. Но что они были обязаны наблюдать за цѣлостію банковыхъ суммъ, а, слѣдовательно, обязаны отвѣчать и за ихъ потерю—это не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Иначе совѣту и существовать было бы незачѣмъ—да и не будь убѣжденія въ публикѣ, что деньги въ банкѣ охраняются цѣлымъ сонмомъ самыхъ именитыхъ гражданъ Москвы, никто не внесъ бы въ банкъ ни одного рубля и за акціи ссуднаго коммерческаго банка никто не далъ бы и десяти рублей за штуку. И вкладчики, и акціонеры вѣрили, конечно, не Ландау, не Полянскому, не Миллioти, но тѣмъ именно тузамъ московскимъ, которые украшали собою совѣтъ. А если такъ, то члены совѣта, конечно, должны отвѣчать передъ акціонерами и вкладчиками за потери банка всѣмъ своимъ имуществомъ. Никакой составъ присяжныхъ не освободитъ ихъ отъ этой отвѣтственности. Разъ же имущественная отвѣтственность ихъ неминуема—какое я имѣю право брать съ нихъ гонораръ съ условіемъ освободить ихъ отъ имущественной отвѣтственности, когда этого, очевидно, нельзя сдѣлать? Но еслибы я и могъ это сдѣлать, то какую надобно имѣть совѣсть, чтобы искать освобожденія отъ имущественной отвѣтственности людей, такъ или иначе, дѣйствительно виновныхъ въ томъ, что суммы банка расхищены, и заставлять за ихъ вину нести имущественныя потери людей, нисколько неприкосновенныхъ къ банку и внесшихъ сюда свои деньги единственно по своему довѣрію и уваженію къ совѣту, даже еслибы эти люди были и состоятельны? Я уже не говорю о тѣхъ безчисленныхъ малосостоятельныхъ лицахъ, которыя сбереженія, можетъ быть, цѣлой жизни или внесли вкладомъ въ банкъ, или превратили въ дающія хорошій процентъ акціи ссуднаго коммерческаго банка, считавшагося самымъ надежнымъ, опять-таки, благодаря именитому составу совѣта? Наконецъ, разъ члены совѣта ищутъ сложить съ себя

имущественную отвѣтственность передъ вкладчиками и акціонерами, могу ли я питать къ нимъ какое-нибудь уваженіе? Они могутъ, въ оправданіе свое, говорить, что того они не видали, въ этомъ были несвѣдущи, въ томъ ихъ обманули. Но они не могутъ не сознавать, что, если къ банку имѣли довѣріе, если сюда лились вклады рѣкою, если акціи банка стояли высоко, то по вѣрѣ въ ихъ имя, благодаря общей увѣренности въ ихъ честности, знаніи и умѣньи вести дѣло. И какіе же это люди, когда они не хотятъ вознаградить людей, ими обманутыхъ? Судъ можетъ ихъ оправдывать, сколько ему угодно, они мнѣ могутъ говорить о своей чести и честности, сколько угодно, но, пока они не отдадутъ столько, сколько нужно и сколько они могутъ для удовлетворенія всѣхъ акціонеровъ и вкладчиковъ, еслибы даже для этого потребовалось имъ отдать свой послѣдній рубль, до тѣхъ поръ я не могу признавать въ нихъ ни чести, ни честности. Могу ли, имѣю ли право брать на себя защиту подобныхъ людей?»

Гм.! Гм.! *Могу ли я, имѣю ли право*... Такъ вотъ, братецъ мой, какой ты—философъ! Знаешь, что я тебѣ скажу на все это: или ты отъ природы—человѣкъ Богомъ убитый, утопистъ, идеологъ, ни къ чему, кромѣ разныхъ гуманныхъ и завиральныхъ идей въ жизни неспособный: въ такомъ случаѣ ты немедленно уходи изъ адвокатскаго сословія; тутъ для тебя нѣтъ и не можетъ быть мѣста; или ты—человѣкъ отъ природы и способный, но, по молодости лѣтъ и неопытности, попалъ въ дурное общество, зачитываешься старыми книжками «Современника», «Учебникомъ Уголовнаго Права» Спасовича и тому подобнымъ хламомъ—въ такомъ случаѣ, брось всю эту дрянь, перемѣни общество, выбери чтеніе болѣе современное, болѣе сообразное и плодотворное въ твоемъ званіи; подражай въ этотъ случаѣ высокимъ умамъ, нѣкоторымъ образомъ, свѣтиламъ въ нашемъ адвокатскомъ сословіи, которыя, чтобы поставить это сословіе на должную высоту, самоотверженно отреклись отъ своихъ прежнихъ воззрѣній и сочиненій, какъ отъ ошибокъ молодости. Ты знаешь, конечно, что когда-то г. Спасовичъ очень скептически относился и къ пользѣ тюремнаго заключенія и требовалъ самой широкой свободы слова, а теперь онъ самымъ прехладнокровнымъ образомъ вотъ уже другого литератора упрятываетъ въ тюрьму, а относительно свободы слова держится такого мнѣнія, что чѣмъ болѣе печать поприжать, тѣмъ дѣло пойдетъ лучше. Почитай-ка его знаменитую рѣчь по дѣлу Крылова. Ты спросишь: что-же тебѣ читать?—Читай, мой другъ, все, что нынѣ выходитъ; нынѣшнія книги неопасны, старыхъ только не читай? Даже журналы нынѣшніе можешь читать сколько душѣ угодно; въ нихъ, хотя и попадаются иногда завиральныя идеи, но въ очень умѣренномъ количествѣ. А главною настольною твоею книгою, на которой ты долженъ поучаться день и ночь, должно быть «руководство для присяжныхъ повѣренныхъ», начертанное бывшею звѣздою нашего

сословія, К. К. Арсеньевымъ. Если ты моему совѣту послѣдуешь и все это исполнишь, то современемъ, быть можетъ, бредъ отъ тебя отстанетъ и изъ тебя выйдетъ толкъ.

А теперь, братъ, въ нашемъ званіи ты никуда не годишься и, повторяю, можешь умереть съ голоду. Ты говоришь, что будешь браться только за чистыя дѣла. А позволь тебя спросить: гдѣ ты найдешь такія чистыя дѣла? Можетъ быть, ты чистыми дѣлами считаешь дѣла гражданскія. Ну, конечно, если хочешь играть въ жмурки, то гражданскія дѣла могутъ казаться дѣйствительно чистыми. Но если захочешь порыться и дойти до корня всякаго дѣла, то убѣдишься, что тѣ гражданскія дѣла, съ которыхъ получаются большіе куши, бо̀льшею частью уголовнѣе еще самыхъ уголовныхъ. Обманы, подлоги, поддѣлки, насилія, убійства, отравленія—все тутъ найдешь и, главное, все это всегда почти на той сторонѣ, съ которой можно получить большіе куши. Такова чистота дѣлъ гражданскихъ. Что̀ касается до дѣлъ уголовныхъ, то у насъ, хотя пока и нѣтъ еще обвинительнаго жюри, но доказательства и улики обвиненія разсматриваются въ нѣсколькихъ инстанціяхъ и изъ числа привлеченныхъ къ слѣдствію не болѣе трети и даже четверти попадаютъ на скамью подсудимыхъ. Потому относительно области собственно уголовной юрисдикціи можно принять почти за достовѣрное, что, если человѣкъ попалъ на скамью подсудимыхъ, то онъ несовсѣмъ чистъ. А еслибы, по какому-нибудь случаю, человѣкъ, совершенно чистый, сюда и попалъ, то за что̀ онъ будетъ давать тебѣ большія деньги? Его присяжные и такъ оправдаютъ. Ты скажешь, что можно брать на себя защиту и человѣка виновнаго, но только надобно защищать его по совѣсти, въ мѣру его вины; искусный адвокатъ можетъ, дескать, и не скрывая вины, выяснивъ надлежащимъ образомъ смягчающія обстоятельства, значительно уменьшить законную кару. Ну за это, братъ, большихъ денегъ тоже не получишь. Едвали ты найдешь такого подсудимаго, который бы остался тебѣ благодаренъ за то, что ты, вмѣсто каторжныхъ работъ, устроишъ его на вѣчное поселеніе въ не столь отдаленныхъ мѣстахъ Сибири. Тутъ тоже—не Богъ знаетъ какое эльдорадо. Да и вообще, подсудимые нетолько несклонны выселяться изъ мѣста своего жительства къ какому бы то ни было Макару, но и на мѣстѣ жительства не желаютъ подвергаться никакой карѣ, хоть бы самой легкой, въ родѣ лишенія личныхъ и по состоянію присвоенныхъ... Каждый изъ нихъ, напротивъ, требуетъ, чтобы адвокатъ убѣлилъ его паче снѣга и добылъ ему вердиктъ вполнѣ оправдательный. И каждый подсудимый въ такомъ требованіи своемъ совершенно правъ, а неправъ ты, когда представляешь себѣ адвоката въ видѣ какого-то ригорознаго моралиста, который обязанъ раздавать монтіоновскія преміи за добродѣтель и заботиться о правомѣрномъ воздаяніи преступнику. Точка зрѣнія на адвокатуру совершенно фальшивая. Адвокатъ—вовсе не философъ, не искатель истины—

напротивъ: на прямой его обязанности лежитъ извращать истину, представлять дѣло не иначе, какъ въ благопріятномъ видѣ для его кліента, а если доказательства преступленія слишкомъ ясны, то, по крайней мѣрѣ, разными софизмами, насколько возможно, затемнять дѣло для того, чтобы сбить съ толку присяжныхъ засѣдателей и добыть отъ нихъ болѣе или менѣе благопріятный для обвиняемаго вердиктъ. Это—азбука адвокатскаго искусства. Вотъ почему никакой истинный адвокатъ ни одного дѣла не назоветъ потеряннымъ, кáкъ бы ни очевидны были улики и доказательства противъ обвиняемаго. Потому что онъ всегда имѣетъ въ виду возможность той или другой случайной благопріятной для обвиняемаго обстановки на судѣ, о чемъ и прилагаетъ всегда должное стараніе, а потомъ онъ никогда не теряетъ надежды своими софизмами уничтожить впечатлѣніе прокурорской рѣчи, запутать понятія присяжныхъ о дѣлѣ, затѣмъ разжалобить ихъ, заставить плакать и, такъ-сказать, вырвать у нихъ оправдательный вердиктъ.

Тѣмъ болѣе, ни одинъ адвокатъ, даже изъ посредственныхъ, не назоветъ потеряннымъ дѣло членовъ совѣта бывшаго ссуднаго коммерческаго банка въ Москвѣ, какъ это дѣлаешь ты. Это ужь совсѣмъ легкомысленно. Даже для всякаго, не знакомаго съ адвокатскимъ дѣломъ, должно быть понятно, что чѣмъ сложнѣе процессъ, чѣмъ болѣе обвиняемыхъ по одному и тому же дѣлу, тѣмъ болѣе задача адвоката упрощается, тѣмъ выигрышъ дѣла становится вѣроятнѣе. А въ струсберговскомъ процессѣ для членовъ совѣта ничего нельзя и ждать, кромѣ полнаго оправданія; это почти несомнѣнно. Ты подумай: обвиняемыхъ 21 человѣкъ, слѣдовательно, защитниками будетъ произнесена 21 рѣчь. Сколько времени каждый адвокатъ можетъ говорить свою рѣчь—для этого нѣтъ никакихъ ограниченій въ законѣ. Онъ можетъ тянуть ее и часъ, и два, и три, и четыре, и пять, однимъ словомъ—сколько душѣ угодно. Предположимъ, однако-жь, что защитники будутъ снисходительны и каждый изъ нихъ употребитъ на свою рѣчь не болѣе двухъ часовъ, и тогда всѣ они вмѣстѣ должны проговорить 42 часа; а распредѣляя эти часы по засѣданіямъ суда, надобно полагать, они будутъ говорить четыре дня. Если бы прокурорская рѣчь была самая талантливая, а рѣчи защитниковъ были все только заурядныя, посредственныя, то и въ такомъ случаѣ—какіе должны сидѣть геніи на скамьѣ присяжныхъ, чтобы въ нихъ, въ теченіи четырехъ дней, не сгладилось впечатлѣніе рѣчи прокурорской и не запали разныя сомнѣнія насчетъ основательности обвиненія, а, кромѣ того, и вообще отъ одного непривычнаго утомленія не произошло нѣкотораго сумбура въ головѣ, при которомъ мысль становится безсильною ясно различать что-нибудь, и, тѣмъ болѣе, отчетливо освѣтить для себя: гдѣ истина, гдѣ ложь? А при такомъ печальномъ, моральномъ состояніи присяжныхъ, представь неизбѣжныя чувствительныя сцены въ концѣ процес-

са; обвиняемые говорятъ послѣднее слово и плачутъ, тутъ же, можетъ быть, будутъ плакать ихъ жены и дѣти, а также адвокаты, и ихъ жены и дѣти, а, можетъ быть, и публика, ну, и въ концѣ концовъ, конечно, оправдательный вердиктъ неизбѣженъ. Но я предположилъ, что будутъ говорить только адвокаты съ посредственными способностями. А, вѣдь, это будетъ въ дѣйствительности совсѣмъ не такъ. Бо̀льшая часть обвиняемыхъ—именитые люди Москвы, первѣйшіе московскіе богачи. Несомнѣнно, что на защиту ихъ будутъ привлечены всѣ лучшія силы московской адвокатуры, а, можетъ быть, и петербургской. Слѣдовательно, обвиненію, которому въ такомъ многосложномъ процессѣ трудно было бы, какъ я уже сказалъ, держаться и при защитѣ посредственной, еще труднѣе будетъ выстоять, когда налетятъ на него орлы адвокатуры... А они непремѣнно налетятъ и съумѣютъ отыскать слабыя стороны обвиненія. Не забудь, что въ такомъ огромномъ дѣлѣ, какъ струсберговское, ка̀къ бы тщательно и внимательно ни приготовляла его прокуратура, со стороны ея разные маленькіе недосмотры, промахи, опущенія неизбѣжны. А для орловъ этого и довольно. Для человѣка, опытнаго въ великомъ искуствѣ, если смѣю такъ выразиться, подлога и фальсификаціи каждой мысли, каждаго факта для какихъ угодно цѣлей, не составитъ никакого особеннаго труда, при помощи означенныхъ недосмотровъ, промаховъ, опущеній, возбудить въ присяжныхъ сомнѣніе относительно основательности цѣлаго обвиненія, показать, ка̀къ отъ малыхъ искръ загорѣлся весь сыръ-боръ, пламя котораго, дескать, угрожаетъ теперь истребленіемъ людямъ невиннымъ и т. д. Наконецъ, *банковое* дѣло, *банковое* преступленіе, не говоря уже о томъ, что это—предметъ совершенно новый на нашемъ судѣ, по крайней мѣрѣ, въ томъ грандіозномъ видѣ, въ какомъ онъ является въ струсберговскомъ процессѣ—какой это кладъ для адвокатскихъ философствованій въ пользу обвиняемыхъ! Тутъ могутъ явиться сомнѣнія относительно возможности примѣненія къ подсудимымъ самыхъ общихъ и неоспоримыхъ статей о преступленіи. Можетъ возникнуть вопросъ, пожалуй, о томъ: можно ли назвать воровствомъ, когда что̀-нибудь берется или похищается изъ уворованнаго?..

Однимъ словомъ, ты увидишь, ка̀къ мастерски обдѣлаютъ дѣло ссуднаго коммерческаго банка генералы отъ адвокатуры. Ты говоришь: «преступленіе слишкомъ ясно»—да оно и останется совершенно яснымъ, то-есть, всѣ будутъ видѣть, что семи мильйоновъ нѣтъ. Но отвѣтственныхъ лицъ за это не окажется, а если и отысканы будутъ виноватые, то такіе, съ которыхъ взять нѐчего.

Большую ты сдѣлаешь глупость, если откажешься отъ защиты навязывающагося къ тебѣ члена совѣта и не сорвешь съ него тысченокъ двадцать, а, можетъ быть, и тридцать, которыя судьба посылаетъ тебѣ совсѣмъ задаромъ. Теперь ты, какъ

идеологъ, можетъ быть, будешь даже гордиться этою глупостью и смотрѣть на себя, какъ на нѣкую чудную жаръ-птицу добродѣтели. Ну, а придетъ время—и оно уже не за горами—когда спадетъ съ тебя бредъ и бросишь ты завиральныя идеи, тогда ты глубоко пожалѣешь, что выпустилъ изъ рукъ такой прекрасный кусокъ пирога. Вѣрь мнѣ, что такіе куски и въ нашемъ адвокатскомъ званіи перепадаютъ нечасто, и не всякому, и... далеко не всякому.

Письмо второе.

Плевако.

Пишешь ты мнѣ, что, когда ты обращался ко мнѣ за совѣтомъ по дѣлу ссуднаго коммерческаго банка, то никакъ не ожидалъ, чтобы «я, будучи самъ адвокатомъ, могъ имѣть такое циническое воззрѣніе на адвокатуру, могъ не видѣть въ адвокатской дѣятельности никакой другой цѣли и задачи, кромѣ наживы, что, еслибы ты думалъ объ этой дѣятельности такъ же, какъ я, то счелъ бы для себя униженіемъ оставаться въ позорномъ званіи адвоката даже одинъ день, но что ты никакъ не можешь согласиться со мною, что, по твоему убѣжденію, идея адвокатуры, призванной стоять на стражѣ правосудія, наблюдать за вѣрностію вѣсовъ увлекающейся Ѳемиды, защищать всѣхъ невинно или не въ мѣру потерпѣвшихъ, лично ли, или имущественно—идея великая и святая, что ты всегда останешься вѣренъ этой идеѣ и никогда твои уста не осквернятся защитою неправды». Что я могу тебѣ сказать на это, кромѣ того, что все это—идеологія, бредъ молодости, опьянѣвшей отъ завиральныхъ идей? Пока этотъ бредъ не пройдетъ, мы съ тобою, еслибы исписали и цѣлые томы, ни въ чемъ не убѣдимъ другъ друга. И такъ, подождемъ, пока тебѣ стукнетъ тридцать лѣтъ, тогда и будемъ разсуждать съ тобой о великой и святой, какъ ты выражаешься, идеѣ адвокатуры. А теперь позволь мнѣ изобразить тебѣ болѣе выдающіеся моменты судебнаго краснорѣчія по струсберговскому дѣлу, чтобы ты видѣлъ, какимъ оружіемъ истинные бойцы адвокатуры выигрываютъ побѣду и какъ, въ дѣйствительной жизни, это великое искуство мало соотвѣтствуетъ тому мечтательному представленію, какое ты имѣешь о немъ.

Ты утверждалъ, что дѣло членовъ совѣта—потерянное дѣло, что его не выиграютъ никакія силы. Хотя процессъ и далеко еще не конченъ, но и теперь уже ты можешь отчасти судить: что вѣроятнѣе—выигрышъ или проигрышъ дѣла, оправданіе или обвиненіе членовъ совѣта? Рѣчи прокуратуры не произвели особенно значительнаго впечатлѣнія. Рѣчи гражданскихъ истцовъ, которыя должны бы были поддержать и усилить это впечатлѣніе, своею безсодержательностію и фразеологіею только ослаби-

ли его. И вотъ, для отраженія такого-то нападенія, выступила цѣлая тѣсно сплоченная и стройная фаланга лучшихъ бойцовъ адвокатуры. Не всѣ они, конечно—орлы. Какіе-нибудь Харитоновъ, Куриловъ, Куперникъ, Спиро—не Богъ вѣсть какіе таланты; но отъ гражданскихъ истцовъ они, все-таки, отстоятъ, какъ небо отъ земли, а, главное, всѣ бьютъ въ одно. А за ними явятся и орлы, и одинъ изъ нихъ уже явился: это—Плевако. Ты какъ думаешь о Плевако? По моему, это—очень большая, хотя и своеобразная сила, это—своего рода Гафизъ-паша въ адвокатскомъ искуствѣ. Онъ дѣйствуетъ по военному, беретъ натискомъ, силой или, правильнѣе сказать, насиліемъ, не заботясь ни объ истинѣ, ни о правѣ, ни о справедливости. Отличительное свойство его рѣчей, это—мужественная дерзость мысли и слова, почти что незнающая никакихъ предѣловъ. Злоба и зависть, а также вашъ братъ, идеологъ, называетъ это свойство триніальнымъ словомъ: нахальство. Но, вѣдь, такъ толпа клеймитъ всѣхъ геніевъ, которые, не внемля ея крикамъ, сбрасываютъ съ себя рутину предразсудковъ и выступаютъ на новую дорогу, которая сначала приводитъ всѣхъ въ ужасъ, но которая потомъ дѣлается торною для всѣхъ дорогою. Собственно, что такого ужаснаго въ Плевако въ сравненіи съ другими адвокатами? Я уже сказалъ тебѣ въ прошедшемъ письмѣ, что существо адвокатскаго искуства состоитъ ни въ чемъ другомъ, какъ въ умѣньи извращать истину, въ умѣньи представлять бѣлое чернымъ и черное бѣлымъ, смотря по требованію интересовъ кліента. Безъ этого невозможно быть адвокатомъ. Пусть ваши *добродѣтельные* адвокаты мнѣ что угодно говорятъ о своей чистотѣ, но внутренно-они не могутъ не признать всей справедливости моихъ словъ, и каждый изъ нихъ, по мѣрѣ надобности и возможности, непремѣнно пользуется этимъ умѣньемъ, на сколько Богъ ему далъ его, но только пользуется потихоньку, робко и нерѣшительно; потому что каждый разъ, когда представляется необходимымъ дѣлать подобное извращеніе истины, ему какъ-то дѣлается не по себѣ, является въ душѣ что-то задерживающее, что-то стѣсняющее свободное движеніе его мысли; назовемъ ли это голосомъ совѣсти, назовемъ ли боязнію передъ общественнымъ мнѣніемъ—это все равно: результатъ выходитъ, все-таки, одинъ и тотъ же. Рѣчь дѣлается несвободною, въ мысли раздвоенною, лавирующею и какъ бы самое себя обличающею или отрицающеюся отъ самой себя. Плевако отрѣшился отъ всего этого. Въ душѣ его нѣтъ ничего, что бы его задерживало, что бы вносило раздвоеніе въ его мысль, что бы стѣсняло ея движеніе. Онъ говоритъ всегда, какъ убѣжденный, и въ этомъ его сила.

Обвиняется, напримѣръ, Борисовскій, его кліентъ, въ составленіи общихъ собраній изъ подставныхъ акціонеровъ, въ передачѣ для этого своихъ акцій для этой цѣли своимъ знакомымъ, друзьямъ, также служащимъ у него и даже своимъ малолѣтнимъ

дѣтямъ. Плевако знаетъ очень хорошо, что всѣ эти дѣйствія противозаконны, что есть прямые параграфы устава банка, воспрещающіе подобныя подтасовки; параграфы эти обозначены и въ обвинительномъ актѣ. Но все это для Плевако ничего не значитъ. Не стѣсняясь никакими законами, ни параграфами, онъ говоритъ, что общее собраніе, какъ бы ни было составлено, всегда законно, что никакой законъ не воспрещаетъ владѣльцу акцій раздавать свои акціи кому онъ хочетъ, да и воспретить этого нельзя: иначе, дескать, за неприбытіемъ необходимаго числа акціонеровъ, собраніе не могло бы составляться (замѣчу здѣсь въ скобкахъ, что есть прямой параграфъ устава банка и о томъ, какъ поступать въ случаѣ, если не прибудетъ требуемаго числа акціонеровъ на общее собраніе, и параграфъ этотъ также обозначенъ въ обвинительномъ акцѣ, но Плевако и этотъ параграфъ игнорируетъ, какъ и другіе) — что-де Борисовскій не могъ имѣть никакой цѣли и никакой извлечь для себя пользы изъ того или другого состава общаго собранія. Изъ всего этого Плевако выводитъ заключеніе, что все здѣсь—и образованіе общихъ собраній изъ подставныхъ лицъ, и передача для такихъ собраній акцій подставнымъ лицамъ—все это было вполнѣ законно, что самъ обвинитель прекрасно «сознаётъ это»—и, между тѣмъ, съ негодованіемъ восклицаетъ Плевако:—«здѣсь сообщаются разныя мелочи. Говорятъ намъ: посмотрите! въ общее собраніе пришли дѣти Борисовскаго, на нихъ переведены акціи. Но обвинительная власть забываетъ, что отецъ есть естественный представитель своихъ дѣтей. Обвинительная власть скрыла, что отецъ малолѣтныхъ не нуждается въ указахъ опеки, чтобы дѣйствовать отъ ихъ имени. Противъ подсудимыхъ собираютъ только всякую грязь, но не хотятъ представить то, что̀ ихъ оправдало бы»... Это нападеніе на обвинительную власть показалось столь рѣзкимъ, что предсѣдатель счелъ нужнымъ замѣтить Плевако: «я прошу васъ быть воздержнѣе въ своихъ выраженіяхъ».

И, дѣйствительно, нападеніе было нетолько рѣзко, оно было дерзко, если хочешь, до наглости, потому что сдѣлано было безъ всякаго основанія, безъ всякаго даже повода: правъ, въ сущности, былъ не Плевако, но обвинительная власть. Даже послѣдняя выходка его о томъ, что отецъ есть естественный и законный представитель своихъ дѣтей, было чистою передержкою: право отца быть представителемъ своихъ дѣтей никѣмъ не отрицалось, а отрицалось только право его, для увеличенія числа своихъ голосовъ въ собраніи, переводить избытокъ своихъ акцій на дѣтей и вводить ихъ въ общія собранія, какъ самостоятельныхъ акціонеровъ, на что̀ они вдвойнѣ не имѣли права, какъ неимѣющія собственныхъ акцій и какъ недостигшія совершеннолѣтія. Но великая сила Плевако въ томъ и заключается, что онъ ни передъ чѣмъ не останавливается—на все дерзаетъ. На мѣстѣ Плевако, всякій другой адвокатъ, не успѣвшій очистить окончательно своего нутра отъ разнаго хлама, въ родѣ идеологиче-

скихъ бредней, совѣсти, боязни людскихъ пересудовъ и т. п., непремѣнно смутился бы—какъ такую явную ложь выдавать за истину? а еслибы и рѣшился на это, то повелъ бы дѣло робко, уклончиво, занялся бы, напримѣръ, пересмотромъ устава банка, сталъ бы навязывать очевиднымъ для всѣхъ статьямъ его другой смыслъ, дѣлать разныя оговорки и т. п. и этимъ испортилъ бы все дѣло. А Плевако именно тѣмъ и беретъ, что онъ говоритъ ложь нетолько безъ всякаго смущенія, а съ полнымъ апломбомъ. Мало того: онъ здѣсь-то именно съ особеннымъ натискомъ обрушивается на обвинительную власть за несправедливое яко бы обвиненіе его кліента!

Еще поразительнѣе то мѣсто, гдѣ Плевако защищаетъ Борисовскаго противъ обвиненія въ мошенничествѣ. Дѣло, какъ ты знаешь, стоитъ такъ: 5-го и 6-го октября 1875 года, членамъ совѣта ссуднаго коммерческаго банка стало вполнѣ извѣстно о выдачѣ Струсбергу семи мильйоновъ рублей, о невѣрности отчета на 1-е октября 1875 года; но они не закрыли немедленно банка, а оставили его въ дѣйствіи до 11-го октября. Эти дни, между 5-мъ и 11-мъ октября, члены совѣта употребили, между прочимъ, на то, чтобы вынуть собственные вклады изъ рухнувшаго банка и выдать таковые своимъ родственникамъ, друзьямъ, кумовьямъ, знакомымъ, а также на то, чтобы спустить на биржѣ, пока крушеніе банка никому еще неизвѣстно, высоко стоявшія акціи банка. Борисовскій обвинялся какъ въ скрытіи, вмѣстѣ съ другими членами совѣта, истиннаго положенія дѣлъ банка отъ публики и въ допущеніи выдачи нѣкоторымъ лицамъ, близкимъ къ членамъ совѣта и правленія, вкладовъ полнымъ рублемъ, въ явный ущербъ и раззореніе другимъ вкладчикамъ и акціонерамъ, ничего незнавшимъ о крушеніи банка, такъ и въ сбытѣ на биржѣ собственныхъ акцій, неимѣющихъ уже никакой цѣнности, по высокой цѣнѣ. Борисовскій, конечно, не отрекался и не могъ отрекаться отъ тѣхъ дѣйствій, въ которыхъ обвинялся. Улика была на лицо. Въ виду той очевидности, а также несомнѣнной преступности фактовъ обвиненія, другой адвокатъ не нашелъ бы никакого другого выхода, какъ обратиться къ смягчающимъ и въ нихъ искать снисхожденія своему кліенту. Но не такъ повелъ дѣло Плевако. Выяснивъ пункты обвиненія, онъ спрашиваетъ: «Въ чемъ же тутъ видитъ прокуроръ преступленіе? Въ томъ ли, что въ банкъ приходили вкладчики и брали деньги? Нѣтъ. Нужно быть до извѣстной степени героемъ, чтобы оставлять свое имущество въ домѣ, который горитъ. Брали свои вклады всѣ, кто зналъ о крушеніи банка, а такихъ—прилыгаетъ Плевако—было много и кромѣ близкихъ къ членамъ совѣта и правленія. Видитъ ли, продолжаетъ Плевако, обвинительная власть преступленіе въ томъ, что продавались акціи? Нѣтъ. Мы знаемъ, что тѣ люди, которые продавали акціи и покупали ихъ у Борисовскаго, не сидятъ на скамьѣ подсудимыхъ. Само собою разумѣется, что Плевако умалчиваетъ о томъ, что эти люди и чле-

нами совѣта не были и потому на скамью подсудимыхъ попасть имъ было бы странно, а, вмѣсто этого, внушаетъ присяжнымъ, что и Борисовскій былъ на биржѣ—не болѣе, какъ такой же биржевой игрокъ, какъ и другіе и дѣлалъ тоже здѣсь, что и другіе дѣлаютъ, т. е. старался купить то, что дешевле, и продать то, что дороже; однимъ словомъ, сдѣлать выгодную сдѣлку, въ чемъ, дескать, никакого преступленія нѣтъ. «Эти сдѣлки, заканчиваетъ Плевако;—могутъ быть названы только грѣхомъ. Они противны нравственности, но не закону. И я, не обинуясь, скажу: грѣхъ было Борисовскому продавать свои акціи и грядущую бѣду сложить на другихъ; грѣхъ было допускать Вишнякову продажу акцій своему племяннику; грѣхъ Лѣнивову, Шумахеру—вынимать свои вклады. Но только грѣхъ. Что же, обвините вы ихъ и за грѣхи? Нѣтъ, вы не смѣете, потому что грѣхъ судитъ Богъ. У грѣха есть другое средство искупленія—раскаяніе, исправленіе зла. Представимъ примѣръ: надо ходить въ церковь, но я не хожу, и законъ не можетъ меня наказывать за это. Только Богъ можетъ наказать меня. Грѣхъ—брать проценты, но законъ ихъ разрѣшаетъ, и человѣкъ, берущій четыре и пять процентовъ съ нищаго—грѣшникъ; но вы его судить не можете: это—не преступленіе. Вы—чистые люди, но и вы не безгрѣшны».

У какого адвоката, спрашиваю я тебя, достанетъ смѣлости очевидный фактъ мошенничества изображать подъ видомъ неподлежащаго преслѣдованію положительнаго закона нравственнаго дѣянія и, нисколько не смущаясь, увѣрять присяжныхъ, что сбыть на десять или на двадцать тысячъ ничего нестоющихъ акцій—такой же грѣхъ, какъ и не ходить въ церковь, и даже, пожалуй, меньшій, потому что то—грѣхъ противъ ближнихъ, а, послѣдній—противъ Бога.

Вотъ это и есть то, что я называю въ краснорѣчіи Плевако мужественною дерзостью мысли и рѣчи. Мѣста, которыя я привелъ—не единственныя въ его рѣчи за Борисовскаго. Напротивъ, она преизобилуетъ красотами въ этомъ родѣ.

Въ особенности Плевако пикантенъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ нападаетъ на прокурорскую власть и старается, выражаясь по просту, натравить на нее присяжныхъ. Однимъ изъ такихъ мѣстъ я и закончу мое письмо.

Хотя всѣмъ извѣстно, что на обязанности прокурора лежитъ сажать на скамью подсудимыхъ нетолько рецедивистовъ, но и всѣхъ совершившихъ преступленіе, безъ различія чина, званія, положенія, пола и т. п., и что прокурорская власть заслуживаетъ тѣмъ большаго уваженія, чѣмъ съ большимъ она дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ безпристрастіемъ, не обращая вниманія ни на лицо, ни на богатство, ни на положеніе преступниковъ—тѣмъ не менѣе, Плевако, въ самомъ началѣ своей рѣчи, старается поставить присяжныхъ на такую точку зрѣнія, что прокуроръ даже не имѣлъ права или, точнѣе сказать, нравственно не смѣлъ посадить на скамью подсудимыхъ 14 человѣкъ именитыхъ гражданъ Москвы, пользовавшихся

до сихъ поръ общимъ довѣріемъ и уваженіемъ, что, сдѣлавъ это, онъ учинилъ преступленіе передъ цѣлою Москвою, «бросилъ перчатку всей Москвѣ».—Онъ сказалъ ей: «Ваши излюбленные, именитые граждане, ваши городскіе головы—суть грабители, воры и мошенники; вы не умѣете отличать хорошихъ людей отъ дурныхъ. Такимъ образомъ, насмѣшливо прибавляетъ Плевако:—теперь нужно обращаться къ ихъ превосходительству и спрашивать: кто хорошъ, кто дуренъ». Такъ вотъ, восклицаетъ Плевако, какое вышло дѣло! Прокуроръ нанесъ оскорбленіе, бросилъ перчатку цѣлой Москвѣ! Онъ, Плевако, конечно—съ Москвой и за Москву, радъ за нее постоять и душу положить. Потому онъ проситъ у присяжныхъ дозволить ему поговорить подольше, потерпѣть, если изъ за его рѣчи даже и лишній день пройдетъ. «Дѣйствительно, говоритъ онъ:—стóитъ остановиться на этомъ дѣлѣ, ибо мы видимъ, что въ каторжниковъ, въ кандидатовъ въ острогъ превратились лица, которымъ мы съ удовольствіемъ подавали руку».

Замѣчаешь ли ты это многозначительное: *мы*. Человѣкъ, которому съ удовольствіемъ подаетъ Плевако руку, не можетъ быть не честнымъ человѣкомъ! Ха! ха! ха! Воображаю, кáкъ покатывается со смѣху самъ Плевако надъ подобными своими фразами! Ну, а ужъ, конечно, тѣмъ болѣе не можетъ быть не честнымъ человѣкомъ тотъ, за кого Плевако съ удовольствіемъ берэтся говорить цѣлые дни!

«Какой шутъ!» скажешь ты. Нѣтъ, не шутъ, а мастеръ своего дѣла. Вы, идеологи, цѣните адвокатовъ только добродѣтельныхъ, а заинтересованные въ нихъ кліенты не требуютъ отъ адвоката ничего болѣе, кромѣ того, чтобы онъ былъ мастеръ въ своемъ искуствѣ. Точно также, вѣроятно, смотрятъ на свою профессію и адвокаты, даже и тѣ изъ нихъ, которыхъ вы причисляете къ числу добродѣтельныхъ. Еслибы можно было заставить каждаго изъ нихъ отвѣтить по совѣсти: какой онъ репутаціи о себѣ болѣе желаетъ въ народѣ, такой ли, какою пользовался самозванецъ, по словамъ плѣнника:

А говорятъ о милости твоей,
Что ты, дескать, (будь не во гнѣвъ) и воръ,
А молодецъ—

или такой, что, дескать, адвокатъ N такъ добродѣтеленъ, что, разъ обвиняемый несовсѣмъ чистъ и правъ, онъ нетолько не будетъ убѣлять его, а, пожалуй, поможетъ отправить туда, куда Макаръ телятъ не гоняетъ—то, навѣрное, всякій адвокатъ отвѣтилъ бы: «нѣтъ, ужь пусть лучше говорятъ обо мнѣ въ народѣ, какъ о молодцѣ».

Вотъ, мой другъ, тотъ оселокъ, на которомъ слѣдуетъ пробовать прочность адвокатской добродѣтели. Вѣрь мнѣ, что наше ремесло несовмѣстимо съ добродѣтелью.

Письмо третье.

Утинъ.

Въ Петербургѣ очень многіе съ нетерпѣніемъ ждали, когда начнетъ говорить свою рѣчь Утинъ, когда стенографическій отчетъ объ этой рѣчи получится въ Петербургѣ. Нетерпѣніе это происходило оттого, что, по странному недоразумѣнію, Утинъ, до сихъ поръ, въ нѣкоторыхъ петербургскихъ кружкахъ, слыветъ передовикомъ и радикаломъ. Еще задолго до начала струсберговскаго процесса, когда пронесся слухъ о томъ, что Утинъ явится въ немъ защитникомъ нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ, многіе не вѣрили этому. Казалось невѣроятнымъ, чтобы радикалъ взялся защищать членовъ совѣта противъ тысячъ вкладчиковъ и акціонеровъ, отчасти обобранныхъ, отчасти раззоренныхъ по милости членовъ совѣта. Но когда слухъ этотъ вполнѣ подтвердился, то предположили, что Утинъ взялся за грязное дѣло неспроста, что онъ придумалъ какой-нибудь оригинальный способъ защиты, что рѣчь его явится рѣзкимъ диссонансомъ въ стройной гармоніи рѣчей московскихъ адвокатовъ, что отъ защиты Утина многимъ не поздоровится и что, вообще, Утинъ отъ устъ своихъ оправдается, возвратится въ Петербургъ еще радикальнѣйшимъ, чѣмъ былъ, и на станціи николаевской желѣзной дороги, будетъ встрѣченъ съ оваціями отъ своихъ поклонниковъ.

Я, само собою разумѣется, не раздѣлялъ этихъ ожиданій. Я давно зналъ, что Утинъ—нашего поля ягода и что, если онъ поѣхалъ на защиту членовъ совѣта въ Москву, то потому только, что глупо было бы съ его стороны не ухватить такой прекрасный кусокъ пирога, какой давалъ ему случай. Но поѣздка Утина въ Москву и его участіе въ струсберговскомъ процессѣ интересовали и меня—только съ другой стороны. Извѣстно, что между Петербургомъ и Москвой идетъ давній споръ о первенствѣ и интеллигенціи петербургская и московская постоянно враждуютъ и соперничаютъ другъ съ другомъ. Я ждалъ, что вражда эта обнаружится и на струсберговскомъ процессѣ, и, признаться сказать, сильно побаивался за Утина. Правда, я зналъ, что Утинъ—«мальчикъ смѣлый и отважный», но я думалъ, что «вести борьбу съ такимъ великаномъ», какъ Плевако, ему будетъ не подъ силу, а потомъ я боялся, что онъ, по увлеченію и легкомыслію, сдѣлаетъ какую-нибудь новую дѣтскую выходку, въ родѣ той, какую онъ сдѣлалъ на первомъ засѣданіи струсберговскаго процесса въ маѣ, сказавъ, что онъ не приготовился еще къ защитѣ, и тѣмъ осрамитъ все наше петербургское сословіе адвокатовъ.

Но вотъ читаю первую телеграмму о рѣчи Утина въ «Новомъ

Времени»: хвалятъ, произвелъ, говорятъ, рѣчью сильную сенсацію, превзошелъ самого себя. Смотрю: другая такая же телеграмма и въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Потомъ стали получаться и отчеты репортеровъ о рѣчи Утина, и все съ похвальными отзывами. Потомъ явилась и самая рѣчь. Прочиталъ, и всѣ опасенія мои разсѣялись. Утинъ превзошелъ всѣ надежды. Могу съ гордостью сказать, что въ лицѣ его снова

. . . передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ юною царицей
Порфироносная вдова.

Утинъ—несомнѣнная сила въ адвокатурѣ, и нетолько не низшая Плевако, но гораздо высшая его, какъ пролагающая въ адвокатурѣ совершенно новый путь, но только въ совершенно другомъ направленіи. Утинъ—*комедіантъ*.

Были давно уже нѣкоторыми адвокатами дѣлаемы попытки къ тому, чтобы соединить адвокатское искуство съ балаганнымъ. И при существующемъ присяжномъ судѣ, это было бы, пожалуй, иногда весьма полезно для болѣе вѣрнаго выигрыша дѣлъ. Бóльшая часть нашихъ присяжныхъ засѣдателей бываетъ обыкновенно изъ простыхъ людей, которые мало способны долго слѣдить за отвлеченною мыслію; вниманіе ихъ, при всемъ напряженіи, очень скоро утомляется, и потому было бы очень хорошо, еслибы адвокатъ въ то время, какъ говоритъ рѣчь, дѣлалъ сообразныя съ содержаніемъ рѣчи представленія. Это поддерживало бы вниманіе присяжныхъ засѣдателей. Къ сожалѣнію, всѣ до сихъ поръ дѣлавшіяся, впрочемъ, очень немногія въ этомъ родѣ попытки были очень грубы и годились только развѣ для кабаковъ. Утинъ—надобно отдать ему эту честь—первый опредѣлилъ ту величину пая, при которой балаганное искуство можетъ сливаться съ адвокатскимъ, такъ что, и подвергнувшись такому сліянію, рѣчь адвоката не выходитъ изъ всѣхъ предѣловъ приличія и можетъ быть терпима даже въ лучшихъ балаганахъ. Этимъ сдѣланъ первый и огромный шагъ къ развитію адвокатскаго искуства на Руси, а, такъ какъ первый опытъ Утина имѣлъ большой успѣхъ, то недостатка въ подражателяхъ, конечно, не будетъ.

Нельзя, поэтому, не пожалѣть, что эта лучшая, раздвигающая предѣлы адвокатскаго искуства сторона рѣчи Утина прошла безслѣдно нетолько для потомства, но и для всѣхъ тѣхъ, кто лично не присутствовалъ на струсберговскомъ процессѣ. Ни интонаціи, ни декламаціи, ни мимики, ни вообще всѣхъ движеній оратора во время рѣчи нельзя наглядно передать въ словѣ. Мало того: самый строй подобной рѣчи, какъ скоро онъ передается письмени и облекается въ строгія логическія формы, необходимо долженъ терять свой характеръ. Такъ, по крайней мѣрѣ, сличая стенографическій отчетъ рѣчи Утина съ выдержками изъ нея репортеровъ, я вижу, что всѣ лучшія балаганно-эффектныя мѣста совершенно исчезли въ первомъ. Кой-какое, слабое, впро-

чемъ, представленіе объ исчезнувшей сторонѣ рѣчи Утина, можно теперь почерпнуть единственно только изъ сказаній репортеровъ-очевидцевъ. Одинъ изъ нихъ разсказываетъ, что «Утинъ началъ рѣчь свою съ мѣста, наклонивъ стулъ и опираясь на него колѣномъ, слѣдующими словами: «Мнѣ долго говорить, господа, не придется, потому что невинность моихъ кліентовъ доказана». Многіе приняли этотъ ораторскій пріемъ за чистую истину и думали, что еще минуты двѣ, три — и Утинъ сядетъ. Но, вопреки этому ожиданію, рѣчь немедленно полилась обильною струею, и Утинъ, какъ бы въ забытьѣ, уносимый потокомъ собственнаго краснорѣчія, схватилъ стулъ и началъ танцовать съ нимъ отъ пюпитра къ столу, за которымъ сидѣли адвокаты, отъ стола къ пюпитру, въ это же самое время, снимая и надѣвая пенсне, передвигая съ мѣста на мѣсто стаканъ съ сахарною водою, наконецъ... онъ началъ ломать стулъ... «Въ point culminant своей рѣчи, продолжаетъ репортеръ:—Утинъ стукнулъ стуломъ разъ семь или восемь сряду, такъ что стулъ, наконецъ, затрещалъ», тогда только Утинъ очнулся. Въ такое самозабвеніе Утинъ былъ подвергнутъ потокомъ собственнаго краснорѣчія и въ этомъ самозабвеніи пребывалъ около полутора часа.

Я нарочно разсказываю тебѣ всѣ эти подробности, мой милый другъ, чтобы ты видѣлъ, съ какимъ трудомъ и самоотверженіемъ истинные адвокаты добываютъ свой хлѣбъ и не вѣрилъ тѣмъ, которые говорятъ, что адвокатскій хлѣбъ—*ласковый* хлѣбъ. Нѣтъ, это—не ласковый, а тяжелый, очень тяжелый хлѣбъ. Ты скажешь, что «все это — и танцованіе со стуломъ, и ломанье стула, и самозабвеніе — все это неискренно, поддѣльно, фальшиво». Какъ ты наивенъ, мой другъ! отвѣчу я тебѣ на это. Но въ этомъ-то и состоитъ и трудность, и цѣнность искуства! Подумай, что труднѣе: впасть ли дѣйствительно въ самозабвеніе и пребыть въ этомъ состояніи въ продолженіи полутора часа, или представиться впавшимъ въ самозабвеніе и разыгрывать эту роль въ теченіи того же времени?

Самыми эффектными мѣстами въ рѣчи Утина, по словамъ репортера, было три мѣста: это—гдѣ онъ говоритъ о претензіяхъ гражданскихъ истцовъ, о московской судебной палатѣ и когда онъ идетъ къ евангелію. Я передаю ихъ буквально словами репортера:

— «Не вѣрьте, господа присяжные, тому, что будетъ утверждать, о чемъ будетъ плакать, въ чемъ будетъ клясться эта...»

«Утинъ замираетъ въ выжидательной позѣ, дѣлаетъ гримасу пренебреженія и, махнувъ рукою, заканчиваетъ такъ:

— «Ну... словомъ... эти гражданскіе истцы... Они говорятъ о своихъ слезахъ, они плачутъ—о чемъ? о 24-хъ недоданныхъ имъ процентахъ? А развѣ не жгучи слезы женъ, сестеръ и дочерей подсудимыхъ? Развѣ не плакали жены, сестры и дочери этихъ несчастныхъ, слушая, какъ здѣсь, на судѣ, прокуратура и граж-

данскіе истцы клеймили ихъ отцовъ, братьевъ и мужей самыми тяжелыми эпитетами, самыми позорными именами?»

— «Судебная палата утвердила этотъ актъ, такъ начинаетъ Утинъ свою рѣчь о судебной палатѣ: — но я торжественно утверждаю, что она утвердила его, не читая.

«Ораторъ приводитъ нѣсколько ссылокъ на протоколы предварительнаго слѣдствія и обвинительный актъ и дѣлаетъ нѣсколько сопоставленій...

— «Это невозможно!» восклицаетъ онъ, съ силою бросая на стулъ протоколы.

— «Это немыслимо!» вскрикиваетъ Утинъ, медленно выпуская изъ своихъ пальцевъ обвинительный актъ...

«Одна книга сталкиваетъ другую, обѣ падаютъ на полъ...

«— Это воз-му-ти-тель-но, гробовымъ голосомъ заканчиваетъ ораторъ (публика притаила дыханіе)...

— «Я напомню вамъ, гг. присяжные засѣдатели, слова Спасителя міра...

«Утинъ идетъ медленными шагами къ столу, беретъ евангеліе и читаетъ притчу о плевелахъ.—«Помните, господа, обращается онъ къ присяжнымъ:—что и въ Россіи честныхъ людей немного». («Голосъ», № 303).

Всѣ эти мѣста, переданныя изъ рѣчи Утина, несомнѣнно превосходны, и едвали мы много отыщемъ подобныхъ высокихъ образцевъ судебнаго краснорѣчія даже у европейскихъ адвокатовъ. Но всего болѣе мнѣ нравится это торжественное обращеніе Утина къ евангелію, это торжественное чтеніе словъ божественнаго Учителя. Эту штуку употребляетъ Утинъ уже не въ первый разъ. Въ рѣчи за Каирову онъ также обращался къ присяжнымъ съ словами Спасителя. Указавъ на Каирову, онъ сказалъ: «эта женщина возлюбила много, потому ей многое отпустится».

Шарлатанство! скажешь ты. Нѣтъ, не шарлатанство, отвѣчу я, а смѣтка русскаго человѣка, который строго соображаетъ свою рѣчь съ характеромъ и міросозерцаніемъ судей, который видитъ, что на скамьѣ присяжныхъ засѣдателей сидятъ, бо́льшею частію, православныя бороды, и знаетъ, что ихъ ничѣмъ такъ не проймешь, какъ душеспасительнымъ словомъ; а кромѣ того, понимаетъ, что, разъ они убѣдятся, что въ лицѣ адвоката стоитъ передъ нимъ образцовый христіанинъ, который «почиваетъ на законѣ (Господнѣ) и въ законѣ Господнѣ поучается день и нощь», ему лгать будетъ совсѣмъ вольготно. Имъ, простымъ сердцамъ, и въ мысль никогда не придетъ, чтобы человѣкъ, благоговѣйно лобызающій передъ ними слова̀ Спасителя, могъ быть въ это самое время внутренно Іудою-предателемъ, могъ прикрывать этими словами какое-нибудь безчестное дѣло. Знаю, что такой высокій полетъ искуства для васъ, идеологовъ, возмутителенъ. Но если позволительно употреблять всѣ средства для оправданія обвиняемыхъ, то почему же и не это? Еслибы какой-нибудь

подсудимый, дѣйствительно, невинный, но противъ котораго, по тѣмъ или другимъ причинамъ, стояла неблагопріятная видимость формальныхъ доказательствъ, не могъ быть спасенъ ничѣмъ другимъ, какъ только воздѣйствіемъ на сердечное настроеніе присяжныхъ—неужели ты осудилъ бы адвоката за то, что онъ для спасенія своего кліента принялъ бы на себя личину глубоко вѣрующаго и оболгалъ бы слово откровенія?

Теперь мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о содержаніи рѣчи Утина. По внутреннему своему содержанію, эта рѣчь очень незначительна, не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ рѣчью Плевако, и собственно руководящаго для молодыхъ адвокатовъ, чего бы не было въ рѣчахъ другихъ, изъ нея мало что можно извлечь. Одно мнѣ въ ней очень понравилось: это—отношеніе Утина къ Плевако. Я уже сказалъ выше, что я очень боялся соперничества и вражды, которыя могли бы возникнуть между петербургскими адвокатами и московскими и, въ особенности, между стоящимъ во главѣ послѣднихъ Плевако и Утинымъ. Но Утинъ повелъ дѣло съ большимъ тактомъ. Онъ сталъ въ самое почтительное отношеніе къ Плевако, поставилъ его себѣ «во отца мѣсто». Въ своей рѣчи онъ нѣсколько разъ съ благоговѣйнымъ уваженіемъ ссылается на слова Плевако, считаетъ ненужнымъ доказывать то, что доказано Плевако. Одно мѣсто изъ рѣчи Плевако приводитъ даже совсѣмъ безъ нужды: это—именно то, гдѣ Плевако выемку членами совѣта своихъ вкладовъ изъ банка, которую заклеймила прокуратура именемъ мошенничества, называетъ грѣхомъ. Хотя ни Бостанджогло, ни Сорокоумовскій, которыхъ защищалъ Утинъ, своихъ вкладовъ не вынимали, но, тѣмъ не менѣе, говоритъ Утинъ: «я считаю нужнымъ напомнить тѣ искреннія и честныя слова, которыя были сказаны присяжнымъ повѣреннымъ Плевако... Г. Плевако былъ совершенно правъ, сказавъ, что здѣсь не было преступленія, а былъ только грѣхъ». Съ большимъ удовольствіемъ привожу это мѣсто изъ рѣчи Утина, какъ примѣръ, достойный подражанія для всѣхъ адвокатовъ! Такъ всегда должны сливаться сродныя души и въ неразрывномъ союзѣ дѣйствовать за одно для общаго дѣла!

Въ заключеніе, отмѣчу одну счастливую мысль, выдающуюся въ рѣчи Утина. У насъ, какъ извѣстно, было нѣсколько крупныхъ процессовъ, волновавшихъ публику. Бо̀льшею частію, въ этихъ процессахъ присяжные были солидарны съ общественнымъ мнѣніемъ и выносили обвинительные вердикты. Такъ было въ процессѣ Митрофаніи, Овсянникова. Теперь для прокуратуры эти процессы сдѣлались въ нѣкоторомъ родѣ священною традиціею, на которую она опирается и будетъ, конечно, опираться впередъ при каждомъ новомъ крупномъ процессѣ, приглашая присяжныхъ дѣйствовать такъ же, какъ дѣйствовали ихъ предшественники въ означенныхъ процессахъ, за одно съ обществомъ. Такъ и въ струсберговскомъ процессѣ прокуроръ указалъ на процессы Митрофаніи и Овсянникова. Утину пришла счастливая мысль противопоставить священной традиціи прокуратуры свою священную традицію адво-

катуры. «Вамъ припоминали, говоритъ Утинъ присяжнымъ повѣреннымъ: — громкіе процессы игуменьи Митрофаніи и Овсянникова, говорилось о томъ, что относительно этихъ лицъ послѣдовалъ обвинительный приговоръ. Но мы спросимъ: не было ли еще какихъ-нибудь и другихъ громкихъ процессовъ, по поводу которыхъ общество съ негодованіемъ кричало и которые, однако, привели къ другимъ результатамъ. Я напомню вамъ объ одномъ процессѣ, хорошо извѣстномъ моему противнику и всей Москвѣ — именно о процессѣ Мясниковыхъ. Боже мой! какой вопль негодованія раздался въ обществѣ, когда говорили, что будутъ судить Мясниковыхъ! Всѣ кричали, что они должны быть обвинены. И что̀ же? Въ Петербургѣ Мясниковыхъ оправдываютъ. Тогда начинается настоящее смятеніе въ обществѣ. Всѣ кричали въ одинъ голосъ, что присяжные были подкуплены... Между тѣмъ, дѣло кассируется и переносится въ Москву... но и московскіе присяжные во второй разъ оправдали Мясниковыхъ. Что̀ же это доказываетъ? Это доказываетъ то, что вы, гг. присяжные, не поддаетесь пустымъ толкамъ, пустому общественному мнѣнію», Все это очень находчиво. Въ самомъ дѣлѣ, если дѣло Мясниковыхъ было выиграно, то было выиграно благодаря искуству адвокатуры. Это — ея трофей, ея побѣда. Съ какой стати адвокатура будетъ забывать о своихъ побѣдахъ, топтать въ грязь свои трофеи? Что̀ бы разные идеологи и профаны ни говорили о тѣхъ или другихъ побѣдахъ и трофеяхъ адвокатуры, адвокатурѣ нѣтъ никакого до этого дѣла. Адвокатура должна, какъ выражается одинъ герой Островскаго, вести свою линію. Традиція есть даже у разбойниковъ. И тѣ чествуютъ дни великихъ своихъ подвиговъ и успѣховъ и гордятся ими!

Письмо четвертое.

Лохвицкій.

Послѣднюю рѣчь изъ защитниковъ говорилъ Лохвицкій. На его долю выпало, такъ сказать, завѣнчать зданіе, воздвигнутое общими силами защиты, и онъ совершилъ это дѣло съ блескомъ. Вотъ о комъ можно сказать, безъ всякаго преувеличенія, что, по отношенію къ адвокатскому искуству:

Онъ—голова у насъ, какихъ въ Россіи нѣту...

Именно нѣту, по крайней мѣрѣ, я не знаю такихъ. Онъ одинъ только умѣетъ безстрастно стоять на стражѣ положительнаго закона, не уклоняясь ни на одну іоту ни въ область нравственныхъ требованій, ни въ область гуманныхъ порывовъ чувства.

Преступно только-то, за что̀ именно и буквально обозначено наказаніе въ уголовномъ законѣ; остальное все дозволено и ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ судебному преслѣдованію. Вотъ его принципъ.

По какой статьѣ уголовнаго кодекса, спрашиваетъ онъ: — преданы суду члены совѣта? — По статьѣ о преступленіяхъ по службѣ,

какъ чиновники. Приводимы они были къ присягѣ на службу, какъ приводятся чиновники? Нѣтъ. Начальствомъ ли своимъ они отданы подъ судъ, какъ отдаются подъ судъ обыкновенно всѣ чиновники, или губернскимъ правленіемъ, или сенатомъ?—Нѣтъ, они отданы подъ судъ самою судебною властью, которая никакого начальства для нихъ не составляетъ.—Все, значитъ, незаконно.—Теперь далѣе: по какой именно статьѣ уголовнаго закона обвиняются члены совѣта? — По статьѣ, карающей чиновниковъ государственной службы за слабый, нерадивый надзоръ за своими подчиненными. Было ли совѣту подчинено правленіе банка?—Нѣтъ. Совѣтъ и правленіе были два совершенно самостоятельныхъ учрежденія, одно отъ другого независимыя. И то, и другое зависѣло единственно отъ одного общаго собранія акціонеровъ. Вотъ кто былъ начальникомъ и и совѣта, и правленія, кто избиралъ и утверждалъ, и увольнялъ членовъ и того, и другого, кто обязанъ былъ слѣдить за правильностью дѣйствій и совѣта, и правленія, предупреждать и преслѣдовать всѣ незаконныя дѣйствія и злоупотребленія и т. д. Потому, говоритъ Лохвицкій, это истинное начальство и совѣта, и правленія, т. е. акціонеры, гражданскіе истцы и должны быть за все отвѣтственны. И члены правленія, и члены совѣта имѣютъ полное право сказать: «съ нихъ, съ этихъ гражданскихъ истцовъ слѣдуетъ взыскивать и ихъ нужно судить за то, что они не смотрѣли за нами, если уже наши дѣянія составляютъ служебныя преступленія».

Какова сила логики! Просто прелесть! Даже и возразить ничего нельзя. Выходитъ несомнѣннымъ, что скорѣе та безграматная старуха, которая двадцать два года жила въ кухаркахъ и, скопивъ за это время 250 рублей, купила на нихъ акцію ссуднаго коммерческаго банка—скорѣе, говорю, эта безграматная старуха можетъ быть посажена на скамью подсудимыхъ, за то, что не смотрѣла за Борисовскимъ, чѣмъ Борисовскій, который, можетъ быть, приказывалъ швейцару банка не допускать въ числѣ другихъ подозрительныхъ личностей къ банку и эту самую старуху-акціонера—изъ опасенія, чтобы она чего нибудь не украла или не стала просить подаянія у приходящихъ въ банкъ членовъ совѣта. Никто не будетъ спорить, что взваливать вину на подобныя личности и негуманно, и несправедливо, а между тѣмъ, по уголовному закону выходитъ такъ. И какъ же ты обвинишь адвоката за то, что онъ сажаетъ эту старуху на скамью подсудимыхъ и освобождаетъ отъ всякой отвѣтственности Борисовскаго?

Точно съ такою же неотразимою логикою разбиваетъ Лохвицкій и всѣ частныя обвиненія противъ членовъ совѣта.

Противъ обвиненія, что они переводили принадлежащія имъ акціи на другихъ, чтобы получать бо́льшее число голосовъ, Лохвицкій говоритъ, что «въ нашемъ уголовномъ законѣ нѣтъ такого преступленія, нѣтъ статей, которыя бы воспрещали это. Можетъ быть, подобный поступокъ, говоритъ Лохвицкій, будетъ

неблагороднымъ, но, вѣдь, это—дѣло вкуса, а намъ достаточно того, что здѣсь нѣтъ никакого преступленія». Вообще, въ составленіи искуственныхъ общихъ собраній Лохвицкій никакого преступленія со стороны членовъ совѣта не видитъ; дѣло хозяевъ, то-есть, акціонеровъ, было заботиться о правильности этихъ собраній; въ дѣятельности членовъ совѣта, какъ невнимательно разсматривавшихъ отчеты, можно усматривать развѣ только что̀-то неблаговидное. Но англійскіе юристы, замѣчаетъ на это Лохвицкій, справедливо говорятъ, что «и 100 бѣлыхъ зайчиковъ не дѣлаютъ еще одной бѣлой лошади, а 1,000 неблаговидностей не составятъ даже и одного преступленія». Что члены совѣта, узнавъ о крушеніи банка, поспѣшили сбыть свои акціи, то Лохвицкій, не признавая въ членахъ совѣта ни чиновниковъ, приставленныхъ къ храненію чужаго добра, ни начальниковъ, обязанныхъ смотрѣть за другими, а смотря на нихъ, какъ на обыкновенныхъ, ни къ чему закономъ необязанныхъ людей, находитъ это весьма естественнымъ и нисколько не предосудительнымъ. «Скажу одно, говоритъ онъ:—что, когда тонетъ корабль, то трудно взыскивать и требовать отъ другихъ обязанности спасать вещи товарища, а о своемъ имуществѣ не заботиться. Всякій человѣкъ постарается спасти сначала себя и затѣмъ уже позаботиться и другихъ».

Однимъ словомъ, всякій, кто прочтетъ Лохвицкаго, вполнѣ убѣдится, что ни члены правленія, ни члены совѣта передъ уголовнымъ закономъ ни въ чемъ невиновны, а если и виновенъ кто-нибудь, то исключительно одни акціонеры: еслибы они состояли даже изъ однихъ *тѣхъ*, помянутыхъ выше безграматныхъ старухъ, которыя грошовыя сбереженія цѣлой, можетъ быть, жизни превратили въ акціи, то и въ такомъ случаѣ ихъ однихъ только и имѣла право обвинительная власть привлекать къ суду, если уже ей нужно было кого нибудь привлекать.

Наконецъ, что̀ касается до бѣдственнаго положенія пострадавшихъ отъ крушенія банка, то говорить объ этомъ значитъ, по мнѣнію Лохвицкаго, только безъ нужды и пользы путать дѣло. Если у гражданскихъ истцовъ, говоритъ онъ, есть жены и дѣти, то у обвиняемыхъ есть также жены и дѣти, которыя также пострадаютъ, если ихъ мужья и отцы будутъ осуждены, какъ жены и дѣти и гражданскихъ истцовъ. «Говоря о подобныхъ частностяхъ, заключаетъ Лохвицкій:—мы зайдемъ въ область ни къ чему неведущихъ и ничего недоказывающихъ разсужденій или же имѣющихъ весьма малое отношеніе къ дѣлу».

Ну, что̀ скажешь! Каковъ Лохвицкій! Неправда ли, что

Онъ—голова у насъ, какихъ въ Россіи нѣту...

PS. На оберткѣ, въ которой получены были напечатанныя выше четыре письма, неизвѣстно чьею рукою написано: «Какъ жаль, что у насъ, въ Россіи, не введутъ тѣлеснаго наказанія для обузданія неистовствъ судебнаго краснорѣчія!»

ВЪ ПЕРЕМЕЖКУ.

(Фантазія, дѣйствительность, воспоминанія, предсказанія).

V.

Дяденька-нѣмецъ все старѣлъ и глупѣлъ. Дѣла его шли плохо, потому что, какъ на моихъ глазахъ, въ самый день открытія его Antiquitäten-Handlung, такъ и впослѣдствіи, онъ очень охотно накупалъ древности и очень неохотно продавалъ. Столько у него, наконецъ, всего этого хлама скопилось, что надо было другой магазинъ нанимать, побольше. А это опять денегъ стоило. Онъ уже перебралъ у Сони тысячи полторы, которыя она съ большимъ трудомъ вытянула у дяденьки-генерала. Но все это валилось, какъ въ бездонную бочку. Дяденька-нѣмецъ, хоть и смутно, но самъ понималъ, что его торговля—только одинъ разговоръ, но отстать отъ своей системы не могъ и только, какъ несовсѣмъ понятливая, но, все-таки, чувствующая свою провинность собачка, какъ-то усиленно лебезилъ передъ Соней. Право, мнѣ иногда казалось, что у него подъ фалдами спрятанъ маленькій, облѣзлый хвостъ, какой у старыхъ собакъ бываетъ, и онъ имъ помахиваетъ, умильно глядя на Соню. Жалкій совсѣмъ старикъ сталъ. Между прочимъ, онъ рѣшилъ пріискать Сонѣ жениха, хорошаго жениха, достойнаго подать руку Темкиной, которая, еслибы захотѣлъ отецъ, могла быть княжной Темкиной-Ростовской. Онъ смотрѣлъ на это даже какъ на свою обязанность передъ «фамиліей», потому генералъ Темкинъ отъ насъ отступился и онъ, Карлъ Карловичъ Фишеръ, остается нашимъ единственнымъ покровителемъ. Было это иногда очень забавно, а иногда ужъ глупо очень. Довольно того, что разъ онъ вступилъ въ переговоры съ грязной свахой, а въ другой разъ, несмотря на всѣ свои генеалогическія и геральдическія познанія,

повѣрилъ какому-то—не знаю ужъ—проходимцу или шутнику, что онъ—князь Сварожичъ и происходитъ по прямой линіи отъ языческаго славянскаго бога.

По поводу этого удалительнаго князя Сварожича и нѣкоторыхъ другихъ штукъ дяденьки-нѣмца въ томъ же нелѣпомъ родѣ, у насъ часто происходили шутки, смѣхи. Но разъ Соня—надоѣло ей это, что̀ ли?—серьёзно попросила дяденьку не безпокоиться, потому что она замужъ никогда не выйдетъ «ни за князя Сварожича, ни за графа Сковородкина и вообще ни за кого». Она именно такъ сказала. Фраза—самая обыкновенная и очень мало остроумная, потому что ни о какомъ графѣ Сковородкинѣ и рѣчи не было. Но я запомнилъ эти слова̀, потому что сказаны они были какимъ-то очень ужъ серьёзнымъ тономъ. Въ тотъ же день оказалось, что не я одинъ обратилъ на нихъ вниманіе. Дяденька очень хитро улыбнулся и объявилъ, что «тутъ, вотъ, теперича всегда такъ дѣвушки говорятъ». Однако—не настаивалъ. Разговоръ этотъ происходилъ въ дяденькиномъ магазинѣ. Башкинъ тутъ былъ и Нибушъ. Вышли мы вчетверомъ. Помню: чудесный весенній вечеръ былъ. Даже на набережной Екатерининскаго Канала, по которой нашъ путь лежалъ, такъ и то хорошо было. Лёдъ прошелъ ужъ, тепло, какія-то па̀ры, прислонившись къ забору набережной, таинственно шепчутся... Однимъ словомъ, весна.

— Послушайте, Софья Александровна, сказалъ вдругъ Башкинъ:—а, вѣдь, дяденька правду сказалъ, что дѣвушки вотъ тутъ всегда теперича вотъ такъ говорятъ (онъ передразнилъ старика, но очень плохо, насильственно ка̀къ-то вышло).

— Такъ что̀-жъ?

— Ничего, я—такъ. Онѣ, дѣвушки-то эти, замужъ все-таки выходятъ...

— Вы думаете, что и я выйду?

Башкинъ замолчалъ и скоро простился съ нами—ему надо было въ сторону сворачивать.

Черезъ нѣсколько шаговъ сталъ и Нибушъ допытываться, и тоже очень неловко, съ тою насильственною насмѣшливостью въ голосѣ, которою люди часто стараются прикрыть свое смущеніе.

— Софья Александровна, знаете что̀ я вамъ сказать хочу? тоже насчетъ вашего замужества... если позволите... Я, вѣдь—не господинъ-съ Башкинъ-съ (я, кажется, уже говорилъ, что Нибушъ Башкина терпѣть не могъ и, говоря съ нимъ или объ немъ, всегда прибавлялъ «съ», въ знакъ должно быть презрѣнія), я попросту и, коли прикажете, такъ-таки сразу и замолчу, асъ?

— Говорите, говорите, Александръ Ивановичъ.

— Ну, вотъ, спасибо. Главное, очень вы вѣско сказали: никогда замужъ не выйду. Значитъ, не въ шутку, не пуръ се лепетанъ, ну, а не барышня тоже вы? жеманиться не станете.

Такъ вотъ... ка̀къ же? въ монахини не пойдете, вѣдь? (Соня засмѣялась). Ну, да̀. Ну, а когда, выражаясь высокимъ слогомъ, придетъ пора любви, когда какой-нибудь «воитель черноокій», вообще какой-нибудь тамъ Чортъ Иванычъ... все равно, я такъ, къ примѣру?

Соня расхохоталась, а мнѣ, признаться, тонъ Нибуша не нравился: что̀-то въ немъ было тревожное и напряженное.

— Придетъ пора—такъ, значитъ, пора будетъ, отвѣчала, смѣясь, Соня.

Нибушъ вдругъ сталъ рыться въ карманахъ, вытащилъ папиросу, спичечницу и остановился. Когда я на него оглянулся, то увидалъ, что у него руки ходуномъ ходятъ, такъ что онъ насилу попалъ концомъ папиросы въ огонь.

— Ну, да̀, конечно, значитъ, пора, заговорилъ онъ неровнымъ голосомъ, догнавъ насъ и усиленно пыхтя папиросой.—Я тоже къ тому... Но вѣдь, какъ вамъ извѣстно, любовь плоды приноситъ. Я это отлично хорошо знаю, потому что самъ, нѣкоторымъ образомъ—плодъ любви, не то, чтобы совсѣмъ заправской любви... Извините, что я такъ... нечистоплотно. Господинъ-съ Башкинъ-съ лучше бы сказалъ; ну—да все равно, вы не обидитесь... Ну-съ, такъ я знаю. Моя родная тётенька-съ—съ папенькиной стороны—на моихъ глазахъ мою мать по щекамъ била, а ужь мнѣ-то что̀ доставалось... Тётенька и по сейчасъ свои грасы показываетъ, даже здѣсь, въ Петербургѣ. На прошлой недѣлѣ самъ видѣлъ. Сижу на вышкѣ, въ оперѣ, а въ бель-этажѣ наискосокъ, смотрю—ма тантъ! Старушка ужь, а небесность эту во взорѣ еще сохранила; ручки маленькія, въ перчатки затянуты... А мать моя, надо сказать, была баба здоровая, щеки скуластыя... Знаете что̀, Софья Александровна, благословите меня романъ писать—вотъ на какую тэму. Представьте себѣ, въ какія-нибудь давно прошедшія времена, два семейства, отъ одного, замѣтьте, корня. Ну, какой-нибудь, тамъ, князь Сварожичъ женится на какой-нибудь княжнѣ Темкиной-Ростовской—это я къ примѣру—и, въ тоже время, прельщается скуластыми щеками своей или, тамъ, хоть чужой крѣпостной бабы. Выходятъ два семейства. По необыкновенно странной случайности, законная линія князя Сварожича такъ и остается на всемъ своемъ протяженіи законной, да и не такъ, чтобы индѣ—дюкъ, индѣ—индюкъ, а все ровно, все въ предѣлахъ благородной крови. Незаконная же линія изъ незаконности не выходитъ, и въ нее приливается то мужицкая кровь, то дворянская, то купеческая, вообще—кавардакъ идетъ. Ну, тамъ разныя комбинаціи выходятъ. Наконецъ, вотъ какой случай. Я его сейчасъ только придумалъ, у дяденьки-нѣмца. Все не зналъ, чѣмъ кончить, да вдругъ Богъ и послалъ конецъ; вашими устами, Софья Александровна, послалъ. Сейчасъ, вотъ только закурю... Да можетъ я вамъ надоѣлъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, особенно если вамъ Богъ черезъ меня конецъ романа послалъ.

Соня смѣялась, но я видѣлъ, что ей неловко.

— Ну-съ, продолжалъ Нибушъ:—послѣдній представитель незаконной линіи князя Сварожича—человѣкъ не глупый, не свинья, но безпутный и маленько пьяница даже. Онъ можетъ, впрочемъ, исправиться, если встрѣтится... если встрѣтятся благопріятныя обстоятельства. Но, все-таки, совсѣмъ третьестепенный человѣкъ. И вдругъ осмѣливается влюбиться въ совершенно первостепенную дѣвушку. Для интереса романа можно ее изъ законной линіи князя Сварожича позаимствовать. Много чрезвычайной сволочи фигурируетъ въ этой линіи, а тутъ кàкъ-то прокинулась чистота. Точно, что ее въ семи водахъ мыли, а герой-то мой, кромѣ грязи, которая въ него же летѣла, ничего почти-что и не видалъ... Ну, кàкъ бы тамъ ни было, а онъ, наконецъ, предлагаетъ ей руку и сердце. Дерзость! онъ самъ понимаетъ, что дерзость; онъ много терпѣлъ, пока рѣшился... А она отвѣчаетъ: я ни за кого замужъ не выйду... вотъ какъ вы, совсѣмъ такимъ тономъ и такими словами. Герой, все равно, какъ и я, изъ тона этого заключаетъ, что это не барышня жеманится, что это честный, живой и умный человѣкъ говоритъ, который отъ любви не отказывается... Такъ, вѣдь, Софья Александровна?..

— Такъ, серьёзно отвѣчала Соня.

— Понялъ, значитъ, я? Не вовсе дуракъ? И еще разъ спасибо. Ну-съ, тутъ вотъ и роману конецъ. Герой мой не такъ глупъ, какъ я. Онъ не лѣзетъ съ распросами. Онъ только про себя разсуждаетъ: чтò же это, молъ, за диво: законнѣйшая представительница законнѣйшей линіи князя Сварожича не отступаетъ передъ возможностью оказаться матерью незаконныхъ дѣтей? Это она сама говоритъ, прямо въ лицо человѣку, который своими боками узналъ прелесть бытія плода любви, который избитъ, изломанъ жизнію чортъ знаетъ изъ-за чего и за чтò, который потому и не смѣлъ подойти къ *ней*, что сознавалъ свое безпутство и безобразіе, а безобразіе это... Ты чего уставился?! вдругъ яростно вскинулся Нибушъ на городоваго, который, стòя на углу, подозрительно смотрѣлъ на насъ и особенно на громко говорившаго, почти кричавшаго Нибуша.

Зная нравъ Нибуша, я схватилъ его за руки. Я боялся какой-нибудь скверной исторіи. Соня тоже стала уговаривать. Никакой, однако, исторіи не вышло. Городовой оказался слишкомъ проникнутымъ собственнымъ достоинствомъ, чтобы обидѣться окрикомъ, какъ онъ, очевидно, думалъ, пьянаго гуляки.

— Не извольте шумѣть, господа, сдержанно и наставительно сказалъ онъ: — сами говорите: безобразіе, безобразіе, а, между прочимъ, продолжаете...

Нибушъ вдругъ нервно расхохотался — да оно, и въ самомъ дѣлѣ, смѣшно было—и, утрированно вѣжливо снявъ шапку, проговорилъ: извините-съ, господинъ городовой! «Господинъ городовой» величественно отвернулся.

— А, между прочимъ, продолжаете, повторилъ Нибушъ и замолчалъ. Такъ мы дошли до нашего дома. Пока дворникъ возился съ ключами и отворялъ калитку, Нибушъ спросилъ:

— Такъ какъ же, Софья Александровна? на этомъ, на размышленіи, то-есть, героя, на вопросительномъ знакѣ и совѣтуете закончить романъ?

— Александръ Иванычъ, милый, зачѣмъ вы спрашиваете? Вы—милый, хорошій, только не будемъ такъ говорить...

Нибушъ стиснулъ зубы, мотнулъ намъ обоимъ головой и почти побѣжалъ отъ воротъ.

Дома и я принялся за исповѣдь, но, въ качествѣ брата и ближайшаго пріятеля, приступилъ къ дѣлу прямо и получилъ такой же прямой отвѣтъ. Вы, можетъ быть, не разъ слыхали тѣ разсужденія, которыя я услыхалъ отъ Сони; одно время они были въ большомъ ходу. Выйти замужъ значитъ связать себя и другого въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ человѣкъ надъ собой не воленъ; изъ такой связанности выходятъ только взаимные обманы, взаимное униженіе и всякія гадости. Вотъ сущность того, что Соня мнѣ расписала, какъ по книжкѣ. Очень въ то время обыкновенныя, ходячія слова. Самъ я ихъ при случаѣ не разъ говаривалъ, но тутъ, когда дѣло было мнѣ такъ близко, когда рѣчь шла о судьбѣ моей Сони, я—откровенно каюсь—струсилъ. Эту трусость всякій долженъ назвать позорною, какъ бы онъ ни смотрѣлъ на сонины разсужденія: принципы, принципы, а какъ дошло дѣло до самого себя или близкихъ и кровныхъ—такъ и на попятный. Обыкновеннѣйшая, впрочемъ, исторія. Сонины убѣжденія — дѣло, конечно, спорное. Оставляя ихъ совсѣмъ въ сторонѣ, я разсуждаю вообще и вижу, что есть много такихъ вещей, въ истинности и справедливости которыхъ люди иногда вполнѣ убѣждены, но не имѣютъ рѣшительно никакого интереса въ ихъ осуществленіи. И это еще, сравнительно говоря—очень хорошее положеніе, потому что бываетъ и такъ, что человѣкъ схватитъ такъ-называемое свое «убѣжденіе» просто съ вѣтра и носится съ нимъ или только по низкопробному добродушію, или для того даже, чтобы быть на виду. Тутъ ужь совсѣмъ дѣло швахъ выходитъ. У меня есть въ запасѣ занимательнѣйшіе экземпляры этой породы, но теперь не хочется съ ними возиться, очень ужь они мелки: первая крошечная житейская проба валитъ ихъ съ ногъ. Любопытнѣе тѣ, которые умомъ, дѣйствительно, понимаютъ и иногда превосходно понимаютъ, что $a+b=c$, но, оставшись наединѣ съ своей совѣстью, должны сказать, что то, что они признаютъ хорошимъ, справедливымъ, для нихъ лично вовсе ненужно и даже нежелательно. Между этими людьми я многихъ чрезвычайно уважаю, въ виду той глубокой внутренней борьбы, которая въ нихъ должна совершаться и дѣйствительно совершается. Однако и тутъ надо различать. Впрочемъ, это—тэма слишкомъ обширная, и, отдавшись ей, я далеко

отойду отъ исторіи Сони, а ее надо разсказать. Въ самой этой исторіи найдется, можетъ быть, болѣе подходящее мѣсто для маленькаго изслѣдованія значенія присутствія и отсутствія личнаго интереса въ томъ или другомъ дѣлѣ.

Не помню, ужь какими резонами я убѣждалъ Соню, должно быть, неважными, потому что они отскакивали отъ нея, какъ отъ стѣны горохъ. И странное дѣло: она не говорила ничего оригинальнаго, она повторяла то, что̀ тогда у многихъ было на устахъ и что̀ даже въ книжкахъ писалось, но въ тонѣ ея было, опять-таки, что̀-то такое, недопускавшее сомнѣній, вѣское. Она, въ буквальномъ смыслѣ, тоже слово, но не такъ молвила. Не умѣю передать, отчего такъ казалось. Только одинъ пунктъ ея возраженій былъ, дѣйствительно, оригиналенъ, и я его запомнилъ. Я былъ раздраженъ ея упорствомъ. Я говорилъ, что Нибушъ правъ; что ей, почти дѣвочкѣ, не знающей жизни, смѣшно спорить съ нимъ, который на своей шкурѣ испыталъ «прелесть бытія плода любви»; что многое, превосходное въ теоріи, никуда не годится на практикѣ; что разныя утопіи очень хороши, но улита ѣдетъ, когда-то будетъ и т. п. Великодушная Соня ни разу не попрекнула меня отступничествомъ отъ того, что̀ я самъ не разъ проповѣдывалъ. Она, «дѣвочка, не знающая жизни», снисходительно улыбалась и тщательно и серьёзно полемизировала. Она утверждала, что исторія Нибуша къ дѣлу не идетъ, потому что онъ—сынъ звѣря-помѣщика и его крѣпостной бабы, а ея положеніе совсѣмъ иное. Она очень хорошо знала, что улита ѣдетъ, когда-то будетъ, но находила, что ей лично незачѣмъ дожидаться пріѣзда улиты.

— Вотъ ты все сердишься, заключила она:—а разсуди хладнокровно, такъ и увидишь, что я права. Вѣдь, *мои* дѣти-то будутъ; вѣдь никто ихъ у меня отнять не можетъ. Въ воспитательный не отдамъ, на улицу не брошу, бить не стану, да и—ка̀къ бишь Нибушъ-то сказалъ?—Чорту Иванычу тоже не отдамъ... Объ чемъ мы только съ тобой говоримъ, Гриша! просто смѣшно. Чего и въ поминѣ нѣтъ... Тутъ, вотъ, правда, что улита ѣдетъ, когда-то будетъ...

— Несчастная! перебилъ я.—Ты Чорту Иванычу дѣтей не отдашь! Да, вѣдь, ты—дѣвчонка; кто знаетъ, что̀ изъ тебя самой-то выйдетъ? можетъ быть, Чортъ-то Иванычъ въ тысячу разъ лучше тебя будетъ...

— А это—на совѣсть. Понимаешь, на совѣсть. Если онъ хорошій будетъ, такъ чего-жь лучше? А если лучше меня, такъ ему и дѣти...

Такъ-то болтали мы, стараясь поймать за хвостъ будущее. Я по дѣтски раздражался, она по дѣтски упорствовала, и не подозрѣвали мы, ка̀къ, въ сущности, серьёзно близокъ былъ предметъ нашего ребяческаго спора...

Башкинъ—да будетъ онъ трижды проклятъ—давно уже уговаривалъ меня сойтись опять съ домомъ генерала Тёмкина. Онъ въ особенности, настаивалъ на томъ, что я обязанъ сдѣлать это въ качествѣ старшаго брата, для Сони. Онъ вполнѣ, по крайней мѣрѣ, на словахъ, соглашался со мною, что общество Бухарцова, Нибуша и другихъ несравненно лучше салона генеральши Тёмкиной, но, какъ настоящій змѣй-искуситель, онъ настаивалъ на необходимости для Сони вкусить древа познанія добра и зла. «Не вѣкъ ей съ вами жить, говорилъ онъ:—пусть же она лучше исподволь, при васъ познакомится съ людьми» Тоже самое онъ говаривалъ Сонѣ, и, къ большому моему неудовольствію, она очень терпимо относилась къ его разглагольствіямъ. По всей вѣроятности, Башкинъ и подъ Анну Сергѣевну соотвѣтственныя мины подводилъ, потому что, въ одинъ прескверный день, мы имѣли неудовольствіе принимать у себя генерала и генеральшу Тёмкиныхъ. Анна Сергѣевна была сама любезность. Она такъ и разсыпалась и передъ Соней, и передъ мной, и передъ случившимся тутъ Бухарцовымъ, и даже передъ Василисой. Соня «расцвѣла, какъ роза». Я «возмужалъ» и пріобрѣлъ «очень интеллигентное выраженіе лица». Съ Бухарцовымъ генеральшѣ «чрезвычайно, чрезвычайно пріятно познакомиться, и повѣрьте, что это—не фраза, прибавила Анна Сергѣевна самымъ задушевнымъ тономъ:—я объ васъ такъ много слышала». «Добрѣйшей» Василисѣ она любезно напомнила ихъ первое свиданіе у меня на новосельи. Припомнила по этому случаю даже Нибуша, который тогда такъ неделикатно обошелся съ генераломъ и объ которомъ она слышала отъ Башкина. Словомъ, всѣмъ сестрамъ раздала по серьгамъ и, въ концѣ концовъ, просила меня и Соню забыть пробѣжавшую между нами и ею черную кошку. Генералъ Тёмкинъ привезъ Сонѣ коробку конфектъ, которыя, впрочемъ, самъ тутъ же почти всѣ съѣлъ. Онъ больше молчалъ во время трескотни своей супруги и только изрѣдка поддакивалъ.

Вы не повѣрите, до чего непріятно было мнѣ это внезапное и истинно наглое посѣщеніе. Уже само по себѣ оно было достаточно противно: тàкъ на меня и пахнуло ароматомъ салона и будуара Анны Сергѣевны; такъ и встали передо мной, какъ живые, посѣтители салона съ ихъ либеральной болтовней. Но этого мало: посѣщеніе требовало отвѣта, Анна Сергѣевна взяла съ насъ слово. Соня, Бухарцовъ и Василиса много смѣялись надъ моей воркотней по отъѣздѣ генерала и генеральши Тёмкиныхъ. Соня усадила Бухарцова за коробку конфектъ, въ подражаніе генералу, а сама стала передразнивать генеральшу, удивительно похоже ворочая головой, хватаясь за руки и треща на прополую. Мнѣ было смѣшно и досадно.

— Нѣтъ, кàкъ хочешь, Гриша, а поѣдемъ къ нимъ, непремѣнно поѣдемъ. Чтò ты въ самомъ дѣлѣ за тиранъ такой! не даешь людей посмотрѣть и себя показать..

Такъ говорила Соня... Я выбранился и ушелъ провѣтриться. Вырвавшіяся у Сони шутливыя слова: «чтò ты за тиранъ такой» засѣли въ головѣ...

Опять я въ салонѣ генеральши Тёмкиной. Тотъ же каминъ съ зеркаломъ въ золоченой рамѣ, тѣ же трельяжи съ плющемъ и виньдоландомъ, тѣ же канделябры, тотъ же матовый фонарь въ будуарѣ и мягкая, низкая мёбель, тотъ же острый запахъ духовъ; таже маленькая лампочка на маленькомъ столикѣ въ маленькомъ кабинетикѣ генерала. Даже персоналъ почти весь тотъ же... Но, Боже, кàкъ всѣ эти люди стали солидны, кàкъ далеко отлетѣлъ отъ нихъ витавшій здѣсь нѣкогда легкомысленный духъ, такъ сказать, акробатическаго либерализма! Они не перестали быть либеральны, о, нѣтъ! они только утратили игривость, поскучнѣли и поважнѣли. Вотъ бывшій правовѣдъ, сынъ генерала отъ первой жены. Прежде это былъ веселый мальчикъ, которому было все равно—спѣть ли какую-нибудь двусмысленную пѣсенку, или выкинуть какое-нибудь либеральное колѣнцо, съ самымъ даже краснымъ оттѣнкомъ, лишь бы почуднѣе, поярче вышло. А теперь онъ готовится въ дѣятели по судебной реформѣ и, еле поворачивая голову среди высокихъ, туго накрахмаленныхъ воротничковъ, солидно излагаетъ своей сосѣдкѣ значеніе вексельнаго права. Сосѣдка такъ и впилась въ него глазами, боясь проронить хоть одно слово, и, очевидно, безповоротно увѣренная въ великомъ значеніи вексельнаго права. Вотъ другой сынъ генерала, гвардеецъ, когда-то лихой мазуристъ, разглагольствуетъ по «Московскимъ Вѣдомостямъ», но съ прѣсно-либеральной приправой, сглаживающей ѣдкій вкусъ и острый запахъ чистокровной катковщины. Вотъ писатель, котораго Анна Сергѣевна прозвала нѣкогда Камилломъ Демуленомъ; онъ уже стойтъ одной ногой на стражѣ культуры, хотя это выраженіе лежитъ еще пока подъ спудомъ, и жжетъ все, чему поклонялся, съ яростью ренегата и съ солидностью человѣка, познавшаго истинные принципы просвѣщеннаго и умѣреннаго либерализма. Онъ разсказываетъ чтò-то сальное и грязное про нигилистовъ и при этомъ самымъ наглымъ, вызывающимъ образомъ косится на меня и на Соню. Скучно и отвратительно... Я ушелъ, по старой памяти, въ кабинетъ генерала. Тамъ было все уже безусловно по старому. Генералъ ни мало не перемѣнился, только зубовъ стало у него еще меньше, такъ что сласти онъ могъ только сосать Картинки онъ любилъ по прежнему, а принципы вексельнаго права и культуры были ему такъ же ненавистны, какъ и тѣ бойкія, забубенныя рѣчи, которыя когда-то доносились изъ салона въ кабинетъ.

На силу я дождался ужина. Соню усадили далеко отъ меня,

между Башкиным и будущим прокурором. Въ томъ кон... было, кажется, весело. Воротнички будущаго прокурора значительно подались въ стороны и голова получила необходимую способность къ движенію. Навѣрное, не о вексельномъ праве говорилъ онъ съ Соней. Она разгорѣлась, какъ маковъ цвѣтъ, была очень мила, только немножко слишкомъ громко хохотала, чѣмъ обращала на себя всеобщее вниманіе. Мужчины, впрочем, всѣ очевидно ею любовались, а глаза писателя, нынѣ благополучно стоящаго на стражѣ культуры и разсказывавшаго сальности про нигилистовъ, сдѣлались до неприличія масляными. Отношеніе Башкина къ Сонѣ мнѣ тоже не нравилось. Положимъ, что онъ тутъ былъ ея единственный знакомый, но меня, все-таки, мутило. Моя сосѣдка зачѣмъ-то меня пытала—истинно пытала!—Базаровымъ, но, по счастію, была столь болтлива, что даже при полнѣйшемъ съ моей стороны желаніи, не было бы возможности вставить хоть одно слово въ бурный потокъ ея рѣчей, хотя она тò и дѣло обращалась ко мнѣ съ вопросами. Я былъ совсѣмъ измученъ...

Еще и еще разъ Соня съѣздила къ Аннѣ Сергѣевнѣ. *Я* сидѣлъ дома и злился и только отводилъ иногда душу съ Нибушемъ.

— Чудакъ ты, Григорій Александрычъ, утѣшалъ онъ меня:— развѣ къ этакой чистотѣ чтò пристанетъ? пусть ее выбѣгается.

Пусть... Я на этомъ утвердился, да и чтò-же мнѣ было дѣлать? Пусть, пусть... И, когда Соня объявила мнѣ, что ее Анна Сергѣевна зоветъ на лѣто къ себѣ въ деревню, я подумалъ: пусть. Одно мнѣ было больно: Соня очень хорошо знала, что я туда не поѣду и, все-таки, поговорила, чисто для формы, на ту тэму, что хорошо бы, дескать, намъ вмѣстѣ ѣхать. Къ такому притворству, къ такому извороту Соня прежде не прибѣгла бы.

Уѣхала Соня. Еще раньше разбрелись всѣ наши, въ томъ числѣ Нибушъ и Бухарцовъ—кто на кондиціи, кто куда. Остался я сиротой съ Василисой.

— Пришелъ Пахомъ, понесло теплюмъ, доложила мнѣ Василиса, подавая утромъ самоваръ, на другой день послѣ отъѣзда Сони.

— Какой Пахомъ? чего ему нужно?

— Ничего не нужно, а только что пахомьевъ день—сегодня, Пахома бокогрѣя...

— Ну, такъ чтò же?

— Къ лѣту дѣло, наша барышня въ самый разъ въ деревню поѣхала.

Я, наконецъ, понялъ. Этотъ разговоръ Василиса повторяла часто. Я своевременно узнавалъ, когда «земля именинница», когда «Акулины—задери хвосты» и проч., и чтò можетъ и должна дѣлать по случаю этихъ торжествъ «наша барышня» въ деревнѣ. Я такъ привыкъ къ этому, что и самъ иногда спрашивалъ: ну

а сегодня что?—Сегодня—Аграфены-купальницы, наша барышня, поди, купаться начала.—Иной разъ отвѣтъ бывалъ гораздо короче: а ничего сегодня нѣту; гуляетъ, чай, наша барышня.

Письма отъ Сони приходили сначала часто. Она въ первый разъ жила въ деревнѣ и дѣтски наивно сообщала всѣ свои впечатлѣнія. Она видимо была довольна. Но потомъ письма стали приходить рѣже и, наконецъ, совсѣмъ остановились. Въ каменномъ Петербургѣ было тоскливо. Дяденька-нѣмецъ, своею радостью по случаю нашего сближенія съ домомъ генерала Темкина, былъ мнѣ дотакой степени противенъ, что я даже видѣть его не могъ...

Вы скажете, что я изъ за пустяковъ, изъ за вздора бѣсился, потому что не съѣдятъ же Соню въ деревнѣ у Анны Сергѣевны. Я очень хорошо знаю, что не демоны впились въ чистую душу Сони, не вампиры какіе сосутъ изъ нея кровь. Но если сравненіе съ этими чудищами сюда не подходитъ, такъ только потому, что они—чудища, значитъ, нѣчто грандіозное, а Анна Сергѣевна, со всей ея мужской и женской свитой, просто—кучка низкопробныхъ пятіалтынныхъ. Но видѣть человѣка, тонущаго въ болотѣ, должно быть гораздо тяжелѣе, чѣмъ въ бурномъ и свирѣпомъ океанѣ. Я—не мистикъ, но въ предчувствіе вѣрю. Вѣрю, что сильно заинтересованный, сильно любящій, сильно ненавидящій человѣкъ можетъ предугадать грядущія событія не только путемъ сознательнаго разсчета вѣроятностей, а и безсознательно. Психологи и психіатры объясняютъ это, впрочемъ, какъ-то очень просто и естественно. За четыре дня до смерти Бухарцова, я полу-зналъ или чувствовалъ (не знаю какъ вѣрнѣе сказать), что его скоро не будетъ. Это—фактъ. Совершенно также предчувствовалъ я, что поѣздка Сони въ Курганиху (деревня генерала) добромъ для нея не кончится, хотя и не съумѣлъ бы даже приблизительно сказать, какого именно рода опасности ее тамъ ждутъ. Мало того: еслибы я вздумалъ привести свои тогдашнія на этотъ счетъ мысли въ совершенную ясность, то—какъ теперь ясно вижу—навралъ бы, то есть не угадалъ бы. Я на самомъ себѣ испыталъ вліяніе болота-салона. Онъ отогналъ отъ меня образы Якова и брата-мужика и сдѣлалъ изъ меня—спасибо, хоть только на время—нераскаяннаго болтуна, самодовольнаго и самопокланяющагося. Ничего, что духъ салона измѣнился, ничего, что тамъ теперь царитъ скука и сушь, эти люди все такъ же довольны собой и другъ другомъ, все такъ же видятъ въ себѣ нѣкіе священные сосуды и чуть не спасителей отечества. Если я въ предъидущихъ словахъ съумѣлъ вамъ объяснить, какъ мнѣ дорого мое покаяніе, то вы должны понять, что весь этотъ міръ Нарцисовъ мужскаго и женскаго пола для меня смѣшонъ въ обыкновенное время и ненавистенъ, когда онъ грозитъ поглотить мою Соню, укоротить ея душу до размѣровъ пятіалтыннаго. Я этого и боялся, конечно, безсозна-

тельно; да еще, но уже на второмъ планѣ, вспоминались мнѣ масляные глаза писателя, стоящаго на стражѣ культуры, нагло уставленные на разгорѣвшееся Сонино личико; эпизодическія любезности прокурора, закованнаго въ броню крахмальныхъ воротничковъ и «вѣчной идеи правды и справедливости»; отношеніе къ Сонѣ Башкина...

Наступило, какъ теперь помню, 15-е августа.

— Бабье лѣто сегодня начинается, доложила Василиса, наша барышня...

Звонокъ—и влетѣла Соня, именно влетѣла и бросилась на шею ко мнѣ, къ Василисѣ, и слезы градомъ текли по ея исхудалому лицу. Она прижимала свою мокрую щеку къ моей и плакала, и смѣялась. Это было что-то почти истерическое, трудно объяснимое одной радостью свиданія. Но тогда я ничего не замѣтилъ. Я былъ только пораженъ неожиданностью и, выхвативъ у извощика Сонинъ чемоданъ, какъ дуракъ, носился съ нимъ по квартирѣ, совсѣмъ забывъ, что надо же его куда нибудь поставить.

Когда Соня поуспокоилась, мы засѣли за самоваръ и я сталъ распрашивать, какъ она провела время.

— Не будемъ, Гриша, объ этомъ говорить: свиньи они всѣ тамъ...

— Ага! я говорилъ...

— Гриша! голубчикъ, не надо, ради Бога, не надо...

Такъ изъ сердца вырвались эти слова, почти крикомъ, что я опѣшилъ и, во всякомъ случаѣ, не имѣлъ духу растравлять какую-то неизвѣстную мнѣ душевную рану распросами о Курганихѣ и ея обитателяхъ. Стали говорить обо мнѣ, объ дяденькѣ-нѣмцѣ, о Василисѣ, объ Акулинѣ-задери хвосты и Пахомѣ-богорѣѣ. Соня развеселилась и сама разсказала кое-что изъ своего деревенскаго житья-бытья. Самое, впрочемъ, обыденное, тоже больше насчетъ Акулины-задери хвосты. Только одно сообщеніе было болѣе значительное: насмотрѣвшись въ деревнѣ, что терпятъ бабы и ребята, Соня рѣшила поступить въ акушерки. Рѣшеніе это она высказала мимоходомъ, но такъ же вѣско и серьёзно, какъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, объявила, что никогда не выйдетъ замужъ.

На позднѣйшіе распросы, мои и другихъ, о время-провожденіи въ Курганихѣ, Соня отвѣчала уже гораздо спокойнѣе, но очень коротко и съ видимымъ неудовольствіемъ: «тамъ скверно», «тамъ все—свиньи» и т. п. Жизнь наша потекла по прежнему. Было, однако, въ ней нѣсколько особенностей, сумма которыхъ могла бы гораздо раньше навести меня на истину, которую я впослѣдствіи узналъ отъ самой Сони. Во-первыхъ, о продолженіи знакомства съ генераломъ и генеральшей Темкиными не было и помину: ни они къ намъ, ни мы къ нимъ. Башкинъ также не показывался. Во-вторыхъ, Соня стала получать какія-

-то письма въ красивыхъ конвертахъ, которыя, не читая, бросала въ печку. «Отъ одной подруги институтской—ужасно надоѣла», объяснила она. Въ-третьихъ, Василиса довела свое ухаживаніе за Соней рѣшительно до предѣловъ смѣшнаго: готовила ей особое кушанье, водила ее съ лѣстницы подъ руки и т. п. Правда, это объяснялось нездоровьемъ Сони: у нея, въ самомъ дѣлѣ, показались признаки какой-то странной, непонятной для меня болѣзни, хотя она упорно не соглашалась пригласить доктора... Такъ прошло два, три, пять мѣсяцевъ. Разъ, ночью, не спалось мнѣ. Перепробовалъ всѣ средства: читалъ снотворныя книги, смотрѣлъ въ упоръ въ одну точку на стѣнѣ, перебиралъ въ памяти безразличныя происшествія—ничто не помогало. Въ Сониной комнатѣ шелъ негромкій говоръ. Я хотѣлъ уже крикнуть, чтобы не мѣшали спать, но заинтересовался и сталъ прислушиваться.

— ...а свивальниковъ больше полдюжины не надо, шопотомъ, наставительно оканчивала какую-то фразу Василиса.

— Да̀, говорятъ, пеленать нехорошо; я въ книгѣ читала, есть такіе мѣшки, возражала Соня.

— Э, матушка, брось ты книжки эти! Слыхала и я тоже, да всего не переслушаешь. Не глупѣй насъ свивальники-то выдумали...

— Послушай, Василиса, ка̀къ онъ шевелится... слышишь? вотъ тутъ...

— Это онъ пяточкой толкается, дитятко мое милое...

Еще нѣсколько словъ, и я понялъ: Соня ждала ребенка...

Башкинъ! ясно и быстро мелькнуло у меня въ головѣ, и вдругъ все стало, какъ на ладони. Кровь бросилась въ голову, въ виски застучало.

— Соня! крикнулъ я.

Молчаніе и шорохъ.

— Соня, можно къ тебѣ?

— Что̀ тебѣ, Гриша? послышалось послѣ новаго молчанія:—я сплю.

— Ка̀къ спишь, когда съ Василисой разговариваешь? Ушей, что̀ ли, у меня нѣтъ? Я *все* слышу.

Дрожа отъ волненія, я наскоро, кое-какъ одѣлся и пошелъ къ Сонѣ. Василисы тамъ ужь не было. Маленькая лампа едва освѣщала комнату. Соня лежала.

— Я *все* слышу, повторилъ я, подходя къ кровати. Соня притянула меня одной рукой, а другой обхватила за шею. Самъ не знаю почему, но вся моя мгновенная внутренняя сумятица разрѣшилась однимъ упрекомъ: Василиса знаетъ, а я ничего не знаю...

Ледъ былъ сломанъ. Я узналъ Сонину тайну. Она любила Башкина, сошлась съ нимъ въ Курганихѣ, но, затѣмъ, такъ же случайно, какъ я сейчасъ, подслушала его разговоръ съ сыномъ

генерала, закованным въ броню крахмальныхъ воротничковъ и вѣчной идеи правды и справедливости.

— Господи! есть же такіе скоты на свѣтѣ! простонала на этомъ мѣстѣ разсказа Соня и залилась въ три ручья. Я не распрашивалъ, да она, конечно, и не могла бы пересказать. Должно быть, этотъ мерзавецъ и поклонникъ чистой красоты, въ интимномъ разговорѣ съ своимъ паскуднымъ пріятелемъ, цѣнилъ ее, какъ помпейскую древность, какъ старинную фарфоровую групу, съ тою разницей, что здѣсь приходилось говорить о живомъ человѣкѣ, о живомъ тѣлѣ... При одной мысли о томъ, что могъ болтать этотъ гнусный языкъ и что должна была пережить Соня, выслушивая эту гнусность изъ устъ любимаго человѣка, я приходилъ въ ярость. Но Соня самымъ рѣшительнымъ образомъ потребовала, чтобы, во-первыхъ, я не искалъ встрѣчи съ мерзавцемъ и, во-вторыхъ, въ случаѣ нечаянной встрѣчи, даже не заикался о происшедшемъ въ Курганихѣ.

Съ этихъ поръ вопросы о свивальникахъ, пеленкахъ и прочемъ дебатировались уже въ моемъ присутствіи, и, признаться, дебаты эти мнѣ скоро даже надоѣли своей необычайною подробностью и неутомимостью дебатирующихъ. Соня и Василиса въ четыре руки шили всякую всячину для будущаго человѣка. Появилась акушерка...

Надо было разсказать Бухарцову и Нибушу. Все равно: они скоро узнали бы, а отношенія наши были больше, чѣмъ *пріятельскія*, въ заурядномъ смыслѣ слова, и потому было бы просто не хорошо держать ихъ въ невѣдѣніи относительно такого важнаго событія. Я поѣхалъ къ Бухарцову и, къ счастью, засталъ у него и Нибуша. Бухарцовъ жилъ на Выборгской Сторонѣ, въ мезонинѣ маленькаго деревяннаго домика, низъ котораго былъ занятъ кабакомъ. Представьте себѣ довольно большую, но сырую, холодную и достаточно грязную комнату. Вдоль двухъ стѣнъ прибиты некрашенныя сосновыя доски, уставленныя книгами. Кромѣ того, книги на полу, книги на окнахъ, книги—на кровати и подъ кроватью, на столѣ и подъ столомъ. У третьей стѣны примостилась желѣзная кровать о трехъ ногахъ, надъ которой былъ навѣшанъ на гвоздяхъ весь немногосложный, впрочемъ, гардеробъ и туалетъ Бухарцова. Возлѣ кровати—небольшой столъ и на немъ микроскопъ, еще какіе-то инструменты, заспиртованные препараты и проч. У двухъ оконъ стояло по столу: одинъ обыкновенный и даже недурной письменный, а другой большой, кухонный. Письменный столъ былъ, однако, занятъ далеко не письменными только принадлежностями: тутъ и книги горой лежали, и сапожная щетка, и маленькое зеркало, и гребенка, и маленькая жестяная кострюлька со спиртовой лампой, и кусокъ ветчины на тарелкѣ. На кухонномъ столѣ стоялъ большой тазъ съ водой, въ который Бухар-

цовъ и Нибушъ съ засученными рукавами внимательно смотрѣли. Бухарцовъ что-то съ большимъ увлеченіемъ объяснялъ. Отчасти собственными глазами, отчасти изъ объясненія, я узналъ, что въ водѣ плаваютъ рыбы, у которыхъ вырѣзаны глаза, и что дѣло идетъ о новомъ опытѣ. Сколько помню, рыба, лишенная ощущенія свѣта, должна была измѣниться и въ цвѣтѣ, въ окраскѣ, именно—почернѣть. Пока рѣчь шла о физическомъ опытѣ, я рѣшительно не могъ вставить ни одного слова, но когда Бухарцовъ заѣхалъ въ натуръ-философію и заговорилъ объ отношеніяхъ субъективнаго къ объективному вообще, я увидѣлъ, что конца не предвидится и что нужны сильныя средства.

— Чортъ бы побралъ вашихъ безглазыхъ рыбъ! вышелъ, наконецъ, я изъ терпѣнія:—Соня беременна...

Какъ по мановенію магическаго жезла, чортъ, въ ту же секунду, дѣйствительно побралъ безглазыхъ рыбъ. Онѣ были забыты. Меня засыпали вопросами. Во время моего разсказа, Нибушъ только блѣднѣлъ, а Бухарцовъ, все-таки, недовольный, что его оторвали отъ безглазыхъ рыбъ, вставлялъ, время отъ времени, нетерпѣливыя замѣчанія: «ну, такъ что-жъ?» «кому какое дѣло?» «ну, и слюбились, ну, и дай имъ Богъ—отличное потомство будетъ». Но когда я дошелъ до разговора Башкина съ будущимъ прокуроромъ, Нибушъ зарычалъ, именно зарычалъ, то-есть, издалъ животный, протяжный, грозный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, жалобный звукъ, а Бухарцовъ стремительно объявилъ, что онъ сейчасъ же ѣдетъ къ Башкину. Большого стоило мнѣ труда уговорить его. Онъ не признавалъ въ этомъ дѣлѣ даже авторитета самаго заинтересованнаго человѣка, Сони, рѣшительное нежеланіе которой поднимать какую бы то ни было исторію я ему передалъ. Онъ горячился, что ему нѣтъ дѣла до Сони, что никто не имѣетъ права стѣснять его, что онъ, «какъ членъ общества», можетъ всегда «наплевать въ глаза подлецу» и проч. Наконецъ, я его уломалъ, а пока уламывалъ, Нибушъ исчезъ. Оставилъ и я Бухарцова наединѣ съ его безглазыми рыбами. Не знаю только, занимался ли онъ ими въ этотъ день.

Нибушъ пропалъ. День прошелъ, два, недѣля, другая — его нѣтъ. Я справлялся у Бухарцова — не видалъ; справлялся на квартирѣ—хозяйка ужь объявку въ полицію подала. Мы терялись въ догадкахъ, и самыя черныя мысли лѣзли въ голову. Почему бы ему не броситься въ прорубь? Раздраженъ и несчастенъ онъ былъ страшно... Наши сомнѣнія были уничтожены появленіемъ полицейскаго служителя съ письмомъ на сѣрой писчей бумагѣ, запечатаннымъ бурымъ сюргучемъ и адресованнымъ: «Софьѣ Александровнѣ Темкиной, въ собственныя руки». Вотъ это письмо:

[illegible] Александровна. [illegible] въ [illegible] сердечномъ [illegible] въ [illegible] моемъ мѣстѣ. [illegible] [illegible] [illegible] положенія. [illegible] въ эту минуту [illegible] [illegible] именно съ этого начать. [illegible] [illegible] [illegible] человѣкъ, и затѣмъ [illegible]. [illegible] [illegible], и вы должны вѣрить, что я эти, [illegible] [illegible] — четыре. (Тутъ четыре строки [illegible]) [illegible] къ дѣлу, только дочитайте до конца. Съ [illegible] несчастіе; возьмите меня въ отцы вашего ребёнка ([illegible], пожалуйста, до конца). Не романическое [illegible] движетъ мной; мнѣ даже смѣшно и стыдно писать это [illegible] великодушіе. Великодушіе человѣка, сидящаго въ части [illegible] буйство! великодушіе незаконнаго сына [illegible] [illegible] и [illegible] Шубина и бабы Арины Безвальной! [illegible] повторяю, что я себѣ цѣну знаю и ни малѣйшихъ [illegible] на [illegible] счетъ не имѣю. Откровенно говорю, что только [illegible] рѣшаюсь сдѣлать вамъ это предложеніе безъ всякихъ [illegible] на словахъ никогда бы не рѣшился. Но клянусь [illegible], [illegible] и вѣрю, клянусь вами, что, сдѣлавшись вашимъ мужемъ и отцомъ вашего ребёнка, я стану совсѣмъ [illegible]. [illegible] предстоитъ дать мнѣ счастіе, [illegible] [illegible] великодушной. Я не хотѣлъ бы, однако, одного [illegible], хотя даже въ этомъ случаѣ надѣюсь, что съумѣю [illegible], чтобы вы не раскаялись. Я все возьму, всякое ваше желаніе, какъ нищій беретъ грошъ и молится за [illegible]. Но, можетъ быть, послѣднія событія напомнили вамъ, что [illegible] на свѣтѣ человѣкъ, безгранично вамъ преданный, и, можетъ быть, это возбудило въ васъ маленькую искру [illegible] (хотя отъ васъ мнѣ ничего не обидно), [illegible].

Александръ Нибушъ.

[illegible] Александровна, меня скоро выпустятъ, и я къ [illegible] случаѣ, приду, каково бы ни было [illegible], что не оскорблялъ васъ, а потому приду [illegible] ненужныхъ положеній, [illegible] Гришу, какъ мнѣ приходится [illegible] мужемъ.

А. Нибушъ.

[illegible] рѣшить—не ради себя, а [illegible] сколько хотите. Но если бы [illegible] не лучше ли объясниться [illegible] Бога ради, простите, если что [illegible] нѣсколько строкъ.

[illegible] покуда не завтра. [illegible] сегодня же, пусть

[illegible] не сердитесь...

— Я его не люблю, Гриша... Я его *просто* люблю, пусть просто приходитъ...

Какъ скучно было бы все это записывать для себя въ какомъ-нибудь дневникѣ (рѣшительно не понимаю, какъ могутъ умные и живые люди писать дневники, а могутъ: примѣръ—Добролюбовъ); но какъ мучительно писать для публики, для васъ, читатели. Кто васъ знаетъ, съ какимъ чувствомъ пробѣгаете вы эти страницы? На васъ нѣтъ апелляціи: кажется вамъ скучно, нехорошо, мелко, глупо — ничего не подѣлаешь. А, между тѣмъ, всѣ эти черты и черточки, которыя я и безъ того pour vos beaux yeux самымъ варварскимъ, самоубійственнымъ образомъ урѣзываю, мнѣ дороги. Я ими жилъ когда-то, и до сихъ поръ еще онѣ горятъ въ моей памяти. Понимаю, что вамъ до этого дѣла нѣтъ, а, все-таки, обидно. Тѣмъ болѣе обидно, что я не въ личной своей жизни приглашаю васъ принять участіе, а, право, въ вашей собственной—въ той, которая въ васъ и кругомъ васъ происходила и происходитъ. О, Боже мой, я—человѣкъ скромный, цѣну себѣ тоже знаю и ни въ какомъ случаѣ голую личную свою исторію вамъ не предложу. Вы имѣете передъ собой матеріалы для подлинной исторіи нашего времени—матеріалы, конечно, далеко не полные, но за то вполнѣ достовѣрные. Чего не знаю, не видѣлъ, такъ и говорю, а изъ того, что знаю и видѣлъ, стараюсь извлечь наиболѣе типичныя и характерныя черты, хоть, разумѣется, тамъ и сямъ проскальзываютъ вещи, не имѣющія никакого общаго значенія, но дорогія для меня лично. Вотъ, напримѣръ, этотъ буйный пьяница Нибушъ. Вы скажете, можетъ быть: зачѣмъ онъ сюда попалъ? Но припомните Помяловскаго, Щапова, Рѣшетникова, припомните многихъ другихъ «разночинцевъ», которыхъ жизнь также безбожно съизмлада ломала, какъ Нибуша. Припомните, по истинѣ, страшный крикъ, вырвавшійся у Помяловскаго въ одной его неоконченной повѣсти: «О, препоганая мать природа, зачѣмъ ты создала сивуху, чтобъ тебѣ насквозь прошло! О, свято-русскій народъ—брось пить, я—одинъ изъ бросающихъ. Правда, всѣ великіе люди пили (по Гервинусу), отсюда слѣдуетъ, что ты—великій народъ, народъ-пьяница; но будь трезвымъ великимъ народомъ!.. Великій русскій народъ, расшиби ты поганую посуду съ поганой сивухой; наплюй въ окна кабаковъ и въ рожи ихъ производителей! Отрезвись и пой хоть ту же унылую пѣсенку, какую пѣлъ до сихъ поръ, только не съпьяна! Но чую, чую взбѣшенной душой, что это все напрасно написано, докторъ не вылечитъ пѣвчаго... Значитъ, такъ тому и быть, на роду, что ли, намъ написано это... Проклятая жизнь и проклятая ты природа! Чую, что смерть идетъ ко мнѣ быстрыми шагами. И такъ, много ли нажилъ? О, проклятая жизнь!»

Вотъ замѣчательный и, смѣю сказать, историческій фактъ: въ то время, какъ Писаревъ и другіе изыскивали програмку чистой, святой жизни, уединенной отъ всякой общественной скверны, а мы, чуть ли не большинство тогдашней молодёжи, старались проводить эту программу въ жизнь, въ это самое время, всѣ эти Помяловскіе, Рѣшетниковы, Щаповы, Нибуши и проч. знать не хотѣли никакихъ эпитемій и знакомились съ бѣлой горячкой. Они были полны ненависти и были правы въ своей ненависти. Ихъ не могло мучить сознаніе личной отвѣтственности за свое общественное положеніе, ихъ могла душить только злоба за искалѣченную жизнь. Но они были, все-таки, близки намъ, именно своею ненавистью, и изъ этой близости возникали чрезвычайно странныя столкновенія. Прежде всего, они насъ спасли отъ окончательнаго погруженія въ писаревщину. Мы готовы были совершенно закупориться въ тѣсную раковинку собственной чистоты, примирившись съ тѣмъ фактомъ, что въ нижнемъ этажѣ того самаго зданія, гдѣ мы себѣ устроили уютное гнѣздышко, живетъ непроглядное невѣжество, безъисходная нищета. Но разночинцы выходили именно отсюда, изъ этого страшнаго подвала и вносили съ собой струю свѣжаго воздуха. Такъ, что они, со всѣмъ своимъ пьянствомъ и буйствомъ, спасали насъ. Дальше, вотъ еще что. Вы прочитали множество романовъ, авторовъ которыхъ мнѣ противно вамъ напоминать и которые всѣ построены по слѣдующему шаблону. Дѣйствующія лица: благорожденная дѣвица пылкаго темперамента и прекрасная душей и тѣломъ, столь же прекрасный и благорожденный мужчина и, наконецъ, мужчина совершенно неблагорожденный. То-есть, это—главныя дѣйствующія лица, вокругъ которыхъ размѣщается бо́льшее или мѐньшее количество побочныхъ персонажей. Благорожденная и прекрасная дѣвица увлекается модными идеями. Этимъ гнусно пользуется мужчина неблагорожденный и съ «мохнатымъ сердцемъ», какъ говоритъ кто-то у Шекспира. Онъ уже готовъ облапить дѣвицу или ему это даже удается. Тутъ является на сцену мужчина благорожденный, тонкій знатокъ и цѣнитель всякой красоты, «эстетикъ», какъ его ругаютъ люди съ мохнатымъ сердцемъ. Онъ или удерживаетъ дѣвицу на краю пропасти, или, если дѣло уже непоправимо, становится въ красивую позу и болѣе или менѣе пространно и грустно восклицаетъ: о времена! о нравы! Не спорю, можетъ быть, подобные факты бывали—чего на свѣтѣ не бываетъ? Но дѣлать изъ нихъ шаблонъ значитъ—лгать. Я вамъ разсказываю исторію, гораздо болѣе достойную обобщенія, насколько, разумѣется, могу судить по своему личному опыту, довольно большому. Мой благорожденный мужчина, Башкинъ, не въ примѣръ типичнѣе (не въ смыслѣ, разумѣется, художественной отдѣлки, которой похвастать не могу). Я видѣлъ ихъ немало, и всякій разъ, когда я вижу подобнаго субъекта, преданнаго чистой кра-

сотѣ, когда онъ начинаетъ восторгаться во всеуслышаніе картиной, статуей, видомъ, женской красотой, я, въ извѣстный моментъ, говорю себѣ: сейчасъ онъ начнетъ пакости выбалтывать. И я ни разу, до сихъ поръ, не ошибался. Что-же касается моего неблагорожденнаго мужчины, Нибуша, то не знаю, удалось ли мнѣ выбрать изъ его существа тѣ черты безконечной деликатности и мягкости, которыя сквозили изъ-подъ его пьянства и буйства. И это типично. Даже оставаясь въ предѣлахъ любовныхъ отношеній, просмотрите соотвѣтственныя страницы въ біографіяхъ хоть тѣхъ же Помяловскаго и Рѣшетникова, и вы увидите. Частный фактъ столкновенія жажды свободной любви кающейся дворянки Сони съ упорнымъ зазывомъ къ законному браку со стороны разночинца Нибуша—тоже характеренъ...

. . . .

Не такъ, во всякомъ случаѣ, судила судьба.

Наступилъ страшный, вѣчно памятный для меня день, вечеръ...

Соня ходила по комнатѣ и стонала... Я сходилъ за акушеркой. Начались какія-то таинственныя приготовленія, и меня выслали въ свою комнату. Сначала я сталъ было перелистывать какую-то книгу. Но вдругъ послышался страшный, за душу хватающій крикъ. Еще, еще и еще съ промежутками, которые были то длиннѣе, то короче... У меня дѣтей не было, и потому я не знаю въ точности, что долженъ чувствовать мужъ, когда жена родитъ. Но, должно быть, это—нѣчто ужасное. Эти не жалостные, а жалкіе крики, въ которыхъ не отражаются ни ужасъ, ни отчаяніе и вообще никакая мысль и никакое чувство, кромѣ чувства невыносимой физической боли, такъ и на слушателѣ отзываются. Нѣтъ опредѣленной мысли о какой-нибудь опасности, нѣтъ яснаго, оформленнаго представленія тѣхъ страданій, которыя испытываются тамъ, за тонкой деревянной стѣной. Если есть что ясное, такъ это—сознаніе своего безсилія, возмутительное сознаніе своего положенія, какъ слушателя. Я понимаю порывъ той, вѣроятно, миѳической купчихи, которая половину публики въ театрѣ привела въ негодованіе, а другую разсмѣшила, крикнувъ изъ райка театральному герою, что театральный злодѣй, только что совершившій убійство, спрятался за дверью. Быть слушателемъ, когда во-очію совершается страшная драма, только слушателемъ, не могущимъ ни на одну іоту не то что измѣнить теченіе дѣлъ, а хоть чуть-чуть облегчить страданіе — это ужасно, оскорбительно, невыносимо. Да и драма то идетъ особенная: сила, съ которой помѣряться нельзя, сила стихійная, слѣпая, неумолимая и неотразимая, давитъ человѣка безвиннаго или, по крайней мѣрѣ, не больше виноватаго, чѣмъ слушатель

уровня сво-его до уровня сво-
нужескаго пола; давитъ такъ, что низводитъ его до уровня сво-
ей стихійности и слѣпоты, не оставляетъ въ немъ, кажется, ни-
чего человѣческаго, кромѣ способности ощущать боль и выра-
зить ощущеніе безсмысленнымъ крикомъ. Но зажать уши нельзя:
во-первыхъ, не поможетъ, а во-вторыхъ—совѣсть не позволитъ.
Я попробовалъ, но въ туже минуту отдернулъ руки, потому что,
въ туже минуту, блеснула мысль, что малодушно и подло бѣжать
даже звуковаго отраженія чужого страданія. Я заталкалъ себѣ
въ ротъ носовой платокъ, чтобъ не разрыдаться... Въ одинъ изъ
промежутковъ между болями меня впустили къ Сонѣ; она ле-
жала блѣдная, обезсиленная, съ закрытыми глазами и, кажется,
такъ же безъ мысли отдыхала, какъ, за минуту передъ тѣмъ, безъ
мысли страдала. Я спросилъ, не нужно ли доктора (уже раньше
былъ объ этомъ разговоръ съ акушеркой и она дала мнѣ на
всякій случай адресъ), но акушерка, молодая и спокойно само-
увѣренная женщина, объявила, что все идетъ какъ слѣдуетъ и
кончится благополучно. Опять начались стоны, опять я захо-
дилъ на цыпочкахъ (неизвѣстно для чего) изъ угла въ уголъ,
опять заталкивалъ себѣ въ ротъ платокъ... И такъ—не часъ, не
два... Вдругъ ко мнѣ торопливо вошла акушерка.
— Съѣздите за докторомъ... Ничего, ничего, не бойтесь; но
можетъ понадобиться... Напомните, чтобы захватилъ инструмен-
ты—онъ ужъ знаетъ.
Я понялъ только одно: есть опасность и опрометью бросился
на улицу. Такъ было уже свѣтло—часъ пятый, пусто и мерт-
венно тихо. Ни одного извозчика, а докторъ жилъ далеко. Я
вспомнилъ, что въ двухъ шагахъ отъ насъ—лечебница: тамъ мнѣ
укажутъ, можетъ быть, другого, ближайшаго акушера. Минутъ
съ пять ждалъ я у подъѣзда лечебницы, но это были минуты
севастопольскія: каждая стоила добраго часа. Дверь, наконецъ,
отворилась, и заспанный сторожъ сердито сообщилъ мнѣ адресъ.
Это было близко. Я побѣжалъ. Но тамъ меня даже не впустили
въ квартиру, а изъ-за двери крикнули, что доктора нѣтъ дома.
Я опять пустился бѣгомъ, и, наконецъ, судьба сжалилась надо
мной—послала извозчика. По адресу акушерки я доктора засталъ,
и надо ему отдать справедливость: онъ очень быстро вышелъ
ко мнѣ, очень быстро одѣлся, но зато, какъ человѣкъ бывалый
и всякіе виды видавшій, всю дорогу терзалъ мою душу разгово-
ромъ о занимавшемъ тогда всѣхъ въ Петербургѣ уголовномъ
процессѣ. А я, между тѣмъ, былъ весь полонъ однимъ вопро-
сомъ: что тамъ дѣлается?! А тутъ еще у нашего извозчика ко-
нечно сосновало... Наконецъ, наконецъ и трижды наконецъ, бѣ-
жалъ я черезъ двѣ, черезъ три ступени вверхъ по нашей лѣст-
ницѣ. Мнѣ отворила дверь Василиса:
— Съ съ племянникомъ васъ, Григорій Александровичъ,
тихо и торжественно произнесла она.
Соня лежала въ полубезчувственномъ состояніи, а на диванѣ

барахталось завернутое въ простыню маленькое, красное, сморщенное существо...

О, простите, читатель, простите, что я васъ подобными вещами занимаю! Вы видите, что я и безъ того бѣгомъ бѣгу, почти такъ же, какъ бѣжалъ тогда за докторомъ. Конечно, пустяки: однимъ человѣкомъ на земномъ шарѣ больше стало, а ихъ, людей-то, и безъ того, говорятъ, слишкомъ много. Но это маленькое, красное, сморщенное существо такъ мнѣ дорого, такъ много я объ немъ думалъ и думаю, такъ многое изъ этихъ думъ хотѣлъ бы разсказать вамъ, что вы должны простить мнѣ эту чуточку воспоминаній о минутѣ его появленія на бѣломъ свѣтѣ. Но вы должны выслушать еще одну маленькую сцену, на которой я и покончу съ романической стороной исторіи Сони.

Вотъ какъ было дѣло. Соня, Нибушъ и я сидѣли за вечернимъ чаемъ. Возлѣ Сони, на диванѣ лежалъ въ корзинкѣ мальчикъ въ самомъ благодушномъ настроеніи, что съ нимъ не часто бывало, и сосалъ соску (у Сони молока было мало, такъ что нужно было прикармливать коровьимъ). Да и всѣ мы были чрезвычайно благодушны. Входитъ Василиса съ очень мрачнымъ, сердитымъ лицомъ и суетъ Сонѣ въ руки карточку. На ней славянской вязью, такъ что мы не сразу и прочли, было напечатано: «Андрей Андреевичъ Башкинъ», а внизу приписано карандашемъ, очень красивымъ почеркомъ: «умоляю о 10 минутахъ—не больше».

— Хорошо, пусть идетъ, быстро сказала Соня.

— Софья Александровна, подумайте! вступился Нибушъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. пусть идетъ, пусть лучше съ разу...

Вошелъ Башкинъ, какъ всегда, изящный, красивый, со шляпой въ рукѣ. Нибушъ, блѣдный, какъ полотно, усиленно и громко мѣшалъ ложкой въ стаканѣ и расплескивалъ чай кругомъ. Соня тоже поблѣднѣла, и руки у нея, я замѣтилъ, дрожали. Башкинъ остановился посереди комнаты; никто не протянулъ ему руки; никто не пригласилъ сѣсть. Молчаніе. Слышно только, какъ ребёнокъ тянетъ соску, да Нибушъ все громче и азартнѣе мѣшаетъ ложкой въ стаканѣ.

— Софья Александровна, началъ, наконецъ, Башкинъ, неровнымъ, обрывающимся голосомъ и не глядя на Соню:—я вамъ глубоко благодаренъ за позволеніе...

Молчаніе съ тѣми же двумя акомпаниментами. Руки у Сони дрожатъ еще сильнѣе, но она перемогается и, повидимому, очень спокойно спрашиваетъ:

— Что-же вамъ угодно?

— Нѣсколько минутъ разговора... безъ свидѣтелей...

Говоря это, Башкинъ уже совершенно оправился и, при словѣ «свидѣтелей», метнулъ, какъ мнѣ показалось, полупрезрительный, полувызывающій взглядъ на насъ съ Нибушемъ. Онъ былъ въ своемъ родѣ великолѣпенъ. Еслибы я изобразилъ эту

памятную для меня сцену въ драматической формѣ, то, я увѣренъ, ни одинъ актеръ не съумѣлъ бы какъ слѣдуетъ выдержать положеніе: стоять одному среди комнаты подъ выстрѣлами трехъ паръ ненавидящихъ глазъ. Выдержанность Башкина меня, впрочемъ, ни мало не удивляла. Зато дѣйствительно удивительно было самообладаніе Сони.

— Это—мой братъ и мой другъ; у меня отъ нихъ нѣтъ секретовъ, а съ вами нѣтъ ничего общаго.

— Есть общее, Софья Александровна:—оно возлѣ васъ.

И Башкинъ шагнулъ къ корзинкѣ, въ которой лежалъ ребёнокъ. Соня инстинктивно схватилась за нее рукой, а Нибушъ, мимо котораго Башкину приходилось бы пройти, поднялся во весь свой огромный ростъ.

— Это, вѣдь—*мой* сынъ, сказалъ Башкинъ.

— Нѣтъ, бросила Соня дрожащимъ голосомъ.

Злая и наглая, но почти невольная, почти конвульсивная усмѣшка искривила красивый ротъ Башкина.

— Чей-же? нахально спросилъ онъ.

Соня, тяжело дыша, осмотрѣлась кругомъ, точно искала кого-нибудь, и потомъ вдругъ показала пальцемъ на Нибуша.

— Его...

Молчаніе. Легкія у всѣхъ присутствующихъ усиленно работаютъ.

— Въ такомъ случаѣ, заговорилъ Башкинъ все съ тою же кривой, конвульсивной усмѣшкой:—въ такомъ случаѣ, извините, что я васъ побезпокоилъ. Я никогда не разсчитывалъ на честь быть такъ близкимъ къ господину...

Онъ не кончилъ, потому что Нибушъ, не говоря ни слова и только скрипя зубами, схватилъ его за лацканы сюртука и тряхнулъ.

— Оставьте! крикнула Соня:—не марайте рукъ. Проводите господина Башкина...

Нибушъ покорно выпустилъ лацканы изъ рукъ и пошелъ вслѣдъ за Башкинымъ въ переднюю. Но, черезъ двѣ минуты, оттуда послышался его задыхающійся басъ:

— Дуэль?! На кк-ккулакахъ!.. Всю м-морду...

Ребёнокъ проснулся и закричалъ. Соня рыдала...

О, мой милый, дорогой мой мальчикъ, что-то ждетъ тебя?

Маленькія ножки! рѣзвости въ васъ много,
Но лежитъ предъ вами трудная дорога:
Будете вы часто падать, спотыкаться,
Трескаться отъ зноя, грязью покрываться.
Изнуренъ я этимъ странствіемъ тяжелымъ
И смотрю на васъ я взоромъ невеселымъ...

Нѣтъ, это—вздоръ, то есть, невеселый взоръ—вздоръ. Съ чего? Или мы совсѣмъ даромъ проживемъ и оставимъ своимъ дѣтямъ въ наслѣдство тѣ же раны, которыми сами страдаемъ, во всей ихъ неприкосновенности? Этого быть не можетъ, и вы сейчасъ увидите, что не трусливый оптимизмъ мнѣ это подсказываетъ. Съ происхожденіемъ своего племянника я скоро примирился. Во-первыхъ, этому способствовала спокойная самоувѣренность Сони, а, во-вторыхъ, и въ самомъ дѣлѣ это—сторона, конечно, непріятная, но отнюдь не страшная, при данныхъ условіяхъ. Можетъ быть, иной комъ грязи и полетитъ въ ни въ чемъ неповиннаго (не онъ же, въ самомъ дѣлѣ, виноватъ, что родился!) мальчика изъ устъ какого нибудь негодяя. Но ротъ негодяевъ до такой степени полонъ грязи и такъ охотно они ее извергаютъ, что, по тому ли, по другому ли поводу, а рѣдко кто обезпеченъ отъ ихъ оскорбленій. А отъ того, что̀ пережилъ, напримѣръ, Нибушъ отъ отца, выворачивающаго фамилію своего сына на изнанку, отъ матери, подставляющей свои скуластыя щеки подъ маленькія ручки тётеньки, отъ многаго множества пинковъ, тычковъ и по̀рокъ—отъ всего этого Сонинъ сынъ гарантированъ. Не эти опасности «рабскаго состоянія» ждутъ его въ жизни, а, напротивъ, опасности состоянія барскаго, а изъ этихъ послѣднихъ едвали не ближе всего возможность оказаться лишнимъ человѣкомъ. Не изъ тѣхъ лишнихъ людей, которыхъ изобразилъ нѣкогда г. Тургеневъ; нѣтъ, тѣ были и быльемъ поросли; тѣ, въ концѣ концовъ, просто не знали, «на какой манеръ свою сытость разыграть», а теперешніе лишніе люди не знаютъ, напротивъ, на какой манеръ свой голодъ удовлетворить.

Я уже говорилъ о нарождающемся общественно-психологическомъ процессѣ, производимомъ, какъ и всякій подобный процессъ, двумя силами: духовною—голосомъ совѣсти и матеріальною—голосомъ желудка. О голосѣ совѣсти тоже говорилъ, хотя очень мало, особенно сравнительно съ напряженностью этой силы и ея важностью. Но говорить объ этомъ предметѣ трудно, ка̀къ ни накипѣлъ онъ на душѣ. У меня есть въ запасѣ, безъ преувеличенія, ужасающіе факты для его характеристики, но приходится держать ихъ до времени подъ спудомъ. Теперь—о голосѣ желудка. Если вы не забыли, я обѣщалъ разсказать, ка̀къ мы искали работы, но я могу вамъ предложить нѣчто болѣе любопытное, чѣмъ мои собственныя похожденія. Изъ нихъ только такъ, для развлеченія, сообщу слѣдующее комическое происшествіе. Задумали мы вчетверомъ—Соня, Бухарцовъ, Нибушъ и я—открыть маленькую контору для пріема всякаго рода письменныхъ работъ: переписки, переводовъ, составленія компиляцій, съ тѣмъ, чтобы распредѣлять ихъ между собой сообразно силамъ и способностямъ. Напечатали въ газетахъ объявленіе. Составлялъ его, грѣшный человѣкъ, я, и вотъ какая у меня вышла редакція: нуждающіеся въ перепискѣ, переводахъ и т. п.

просятъ сообщать письменно свои адресы туда-то. На другой же день явились три адреса. Я пошелъ. По первому адресу надо было идти на уголъ Вознесенскаго и Екатерингофскаго. Уже съ самаго начала меня стало брать нѣкоторое смущеніе, потому что неизвѣстный работодатель оказался живущимъ на второмъ дворѣ, по достаточно скверной, грязной, темной и вонючей лѣстницѣ. Ну, думаю, должно быть предложитъ переписку копеекъ по десяти, а то и меньше, за листъ. Но, подойдя къ двери и въ особенности дотронувшись до нея (звонка не было), я почувствовалъ потребность провѣрить—туда ли я попалъ. Посмотрѣлъ на бумажку, глѣ былъ записанъ адресъ—вѣрно. Стучусь. Отворяетъ высокая, худая женщина.—Здѣсь живетъ Николай Ивановичъ Трапезниковъ?—Здѣсь.—Дома?—Кажись, дома.—Въ маленькой, узенькой, низкой, совершенно гробообразной комнатѣ, куда я добрался длиннымъ корридоромъ, стоялъ столъ, этажерка, два стула и кровать, а на кровати лежалъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати, плотный, краснощекій, съ веселыми карими глазами. Онъ всталъ, тщетно стараясь застегнуть на груди свою странную сѣрую венгерку, сильно потертую, съ оборванными красными шнурами—тщетно, потому что соотвѣтственной пуговицы не было.

— Николай Ивановичъ Трапезниковъ?

— Такъ точно, что̀ вамъ угодно?

— Я пришелъ узнать, что̀ именно *вамъ* угодно...

— То есть, ка̀къ-же это?

— Я получилъ вашъ адресъ, по объявленію въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ».

— А! Милости прошу, садитесь... Нѣтъ, нѣтъ, не на этомъ... этотъ—трехногій и на немъ можетъ усидѣть только Пиѳія... ха, ха, ха! Такъ вы по объявленію? Да я все могу: и почеркъ у меня хорошій, и три языка знаю, не то, чтобы очень хорошо, говорить не могу, но для переводовъ...

— Позвольте, однако... у меня тоже недурной почеркъ, я самъ ищу работы, такъ и объявлялъ...

— Ка̀къ?! да вѣдь вы объявляли...

И т. д. Конецъ разговора сами можете себѣ представить. Трапезниковъ хохоталъ, какъ сумасшедшій, я—тоже. Qui pro quo вышло изъ-за двусмысленной редакціи объявленія. Я понялъ, что и другіе два присланные намъ адреса принадлежатъ такимъ же «нуждающимся», какъ Трапезниковъ, и не пошелъ ихъ искать, а поторопился составить другое объявленіе: переписываютъ и переводятъ хорошо, скоро и дешево. Но зато по этому объявленію не явился *никто*.

Этотъ забавный эпизодъ можетъ вамъ наглядно показать отношеніе между предложеніемъ и спросомъ на трудъ многочисленнаго петербургскаго «мыслящаго пролетаріата»—отношеніе, просто несообразное. Нынѣшнимъ лѣтомъ, всѣ, несмотря на восточ-

ныя событія, замѣтили множество газетныхъ объявленій въ такомъ родѣ: «По причинѣ лишенія всѣхъ средствъ къ существованію и не предвидя для себя хорошаго исхода, прошу дать мнѣ работу, т. е. дать возможность существовать». По одному изъ такихъ объявленій сходилъ и я—работишка небольшая наклюнулась, которой можно было подѣлиться. Меня, конечно, не поразило то, что я увидѣлъ, но только потому, что я всякіе виды видалъ... Въ литературѣ, сколько я знаю, на эту массу отчаянныхъ объявленій обратилъ вниманіе только извѣстный священникъ-публицистъ, г. Беллюстинъ. Онъ думаетъ, что все дѣло въ томъ, что родители обуреваемы какою-то студентобоязнью, странною и неосновательною боязнью—поручать студентамъ образованіе и воспитаніе своихъ дѣтей. Онъ думаетъ также, что при медико-хирургической академіи (почему-то именно только при ней) должно быть устроено особое бюро изъ академическаго, повидимому, начальства, которое взяло бы на себя посредничество между работодателями и ищущими работы студентами. Можетъ быть, оно и вѣрно, и хорошо—не знаю, сомнѣваюсь, впрочемъ. Меня другая сторона этой матеріи занимаетъ. Для уясненія ея позвольте мнѣ привести изъ одной газеты напечатанный тоже нынѣшнимъ лѣтомъ разсказъ. Онъ очень плохо написанъ, но дышетъ правдой и, смѣю думать, представляетъ глубокій интересъ. Я его цѣликомъ выпишу, благо не великъ.

На поденной работѣ.

(Фактъ).

Я—молодой человѣкъ и не имѣю еще никакого опредѣленнаго положенія въ обществѣ. Притомъ, я—пролетарій. Поэтому, многіе меня не считаютъ даже за человѣка. По крайней мѣрѣ, родные и знакомые моего отца нерѣдко мнѣ говаривали: «Другъ мой! выслужись хоть до перваго чина, ибо кто не имѣетъ чина, тотъ—не человѣкъ». Я—сирота. Отецъ мой, одинъ изъ крупныхъ провинціальныхъ чиновниковъ, недавно умеръ, оставивъ мнѣ, своему единственному сыну, 50 рублей деньгами. Съ его смертью, обстановка моей жизни мгновенно измѣнилась. Теперь я могъ существовать лишь при условіи личнаго труда: посредствомъ знаній, пріобрѣтенныхъ мною въ реальномъ училищѣ. Разсчитывая поступить осенью въ земледѣльческій институтъ, я, послѣ похоронъ отца, пріѣхалъ въ Петербургъ и поселился на дачѣ въ Лѣсномъ, заплативъ за комнату 20 руб. въ лѣто. У меня еще оставалось 25 рублей, да книгъ и вещей рублей на 50. Ясно было, что безъ уроковъ или переписки я не могу прожить до половины сентября. Поэтому, я принялся усердно разыскивать многочисленныхъ знакомыхъ моего отца, прося ихъ дать мнѣ работу. Всѣ эти господа, въ стереотипныхъ выраженіяхъ, обѣщались мнѣ пріискать занятія; на лицахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ я замѣтилъ даже нѣчто въ родѣ сочувствія къ моему положенію; многіе записали мой адресъ, но, въ концѣ-концовъ, никто не далъ мнѣ работы; а между тѣмъ, въ числѣ этихъ особъ были: отставной министръ, нѣсколько важныхъ генераловъ, два директора гимназій, учителя, чиновники,

офицеры и, наконецъ, денежные тузы. Хотя мнѣ и пора бы было убѣдиться, что человѣку въ моемъ положеніи трудно, почти невозможно достать себѣ работу безъ протекціи, родства, кумовства и личнаго знакомства съ сильными міра, однако, голодъ—не тётка, и я продолжалъ звонить въ квартиры знакомыхъ покойнаго отца. Теперь, разумѣется, я больше къ нимъ не пойду, потому что понялъ, наконецъ, какіе это люди. Затѣмъ я обѣгалъ очень много присутственныхъ мѣстъ, всевозможныхъ конторъ и т. п. учрежденій, и—опять напрасно. Что дѣлать? Я заложилъ послѣдній свой сюртукъ и изъ 2 рублей ссуды, что получилъ за него, пожертвовалъ на публикаціи объ урокахъ 1 р. 58 к. Всѣ три публикаціи прошли для меня безслѣдно, можетъ быть, потому, что въ нихъ не было выраженій: «даю уроки за ничтожное вознагражденіе», или «ищу всевозможныхъ занятій», или же «предлагаю свои услуги пожилымъ дамамъ за столъ и квартиру». А между тѣмъ, изо-дня въ день, неумолимая нужда все болѣе и болѣе съуживала кругъ моихъ жизненныхъ потребностей. Время было торопиться разрѣшеніемъ голоднаго вопроса... И вотъ я надумалъ, въ ожиданіи лучшихъ временъ, прибѣгнуть къ помощи мускульнаго труда. На другой же день, я вышелъ изъ своей квартиры въ Лѣсномъ и направился въ Петербургъ искать поденной работы. Переходя Самсоніевскій мостъ, я вспомнилъ, что тутъ, въ угловомъ, деревянномъ домѣ, по набережной малой Невы, если съ моста завернуть налѣво — живетъ мой товарищъ, студентъ-медикъ, Петровъ. Я зашелъ къ нему съ намѣреніемъ взять у него хоть немножко денегъ. Петрова не было дома; я сталъ его дожидаться и отъ нечего дѣлать высунулся въ окно, выходившее въ узкій, продолговатый дворъ, поросшій репейникомъ, лопухомъ и крапивой. Взглянувши въ лѣвомъ направленіи, я увидѣлъ часть берега малой Невы и деревянную барку съ распиленными бревнами. Съ барки на берегъ велъ спускъ изъ четырехъ досокъ, неплотно прилегавшихъ одна къ другой, а отъ спуска, по землѣ, мимо окна квартиры Петрова, слѣдовалъ непрерывный деревянный путь въ одну доску, скрывавшійся гдѣ-то на дровяномъ дворѣ. Трое рабочихъ занимались разгрузкою барки, безпрестанно прокатывая въ тачкахъ бревна на дровяной дворъ. Едва я успѣлъ все это наблюсти, какъ позади меня раздались скорые шаги, дверь въ комнату растворилась и ко мнѣ подошелъ Петровъ, съ привѣтливой улыбкой протягивая мнѣ руку.

— Ну, что, Семеновъ, въ какомъ положеніи ваши дѣла?

— Да что, Петровъ! Вотъ думаю взяться за поденную работу, а то скоро и ѣсть будетъ нечего.

— Знаете, мнѣ кажется, что вы неспособны къ физическому труду. Притомъ, въ такомъ костюмѣ, въ какомъ вы теперь, васъ и не примутъ въ рабочіе.

Я оглянулся на свой костюмъ. На мнѣ были надѣты сапоги съ вентиляціями, таковыя же темно-зеленыя, клѣтчатыя штаны, сѣрый жилетъ съ разорванною до воротника спиною и лѣтній пиджакъ, когда-то желтаго цвѣта. Голову мою защищала бѣлая стружковая шляпа съ большими полями.

— Пустяки—горячился я—пустяки, чтобы мускульный трудъ мнѣ не былъ подъ силу... Да что говорить!.. Лучше всего, посмотрите въ окно на этихъ мужиковъ. Посмотрите, всѣ они ниже и моложе меня, на взглядъ тощіе, а видите, какъ свободно везутъ тачки.

Проводивъ рабочихъ глазами, я продолжалъ:

— Что же касается моей одежды, то ее вѣдь, въ случаѣ надобности, можно замѣнить и другою.

— Ну, попытайтесь!—задумчиво произнесъ студентъ.

— Да мнѣ ничего больше не остается дѣлать.

Выйдя на улицу, я пошелъ на встрѣчу мужику-старику, сходившему съ барки. Онъ ее сторожилъ и наблюдалъ за работою.

— Отчего у васъ такъ мало работниковъ? спросилъ я.
— Да оттого, батюшка, что къ намъ не приходятъ рабочіе—отвѣчалъ добродушно старикъ, слегка шамкая.
— А я думалъ потому, что мало дровъ на баркѣ.
— Какое мало, батюшка, когда еще осталось саженъ семьдесятъ.
— А вы всякаго принимаете на работу?
— Всякому, батюшка, рады.
— Ну, такъ возьмите меня къ себѣ въ рабочіе.
Старикъ широко ухмыльнулся.
— Тяжелая работа, батюшка, замѣтилъ онъ.
— Э, ничего... вѣдь, работаютъ же они (я показалъ рукой), стало быть, могу и я.
Старикъ слушалъ меня съ улыбкою, казалось, окаменѣвшею на его лицѣ.
Послѣ минутной паузы я продолжалъ:
— А какую плату вы мнѣ дадите?
— Да што они получаютъ, то и вы получите... О платѣ, батюшка, вамъ надо съ ними переговорить.
Отыскавши на дровяномъ дворѣ рабочихъ, я обратился къ нимъ съ предложеніемъ:
— Братцы, хочу вмѣстѣ съ вами поработать, согласны-ли вы принять меня въ товарищи?
Всѣ три мужика, вмѣсто отвѣта, молча уставились въ меня глазами. Я повторилъ свой вопросъ.
На этотъ разъ, одинъ изъ молодыхъ парней отвѣтилъ мнѣ, почесывая затылокъ:
— Чтò жь, ничего... можно.
— А какая плата? поинтересовался я узнать.
— Да разно, съ сажени плата.
— Рубль выручаете въ день?
— Мы-то? Мы заработываемъ и больше рубля въ день, рубля полтора.
— А сколько работаете въ день?
— Мы работаемъ съ четырехъ часовъ утра до семи вечера.
— Гдѣ же у васъ еще тачки? спросилъ я, оглядываясь во всѣ стороны и намѣреваясь сейчасъ же приняться за работу.
— Здѣсь у насъ нѣтъ тачекъ—отвѣчалъ парень—тачки у насъ хозяйскія, и мы ихъ сюда привозимъ, когда надо. Завтра можно и для тебя захватить тачку. Только какъ же вдругъ-то, какъ будто спохватясь, замѣтилъ онъ—вотъ мы съ тобой договорились ужъ, а не знаемъ, каковъ таковъ ты работникъ.. Нѣтъ... ты намъ, для примѣру, хоть одну тачку сволоки.
— Да, да, да, подхватили остальные рабочіе:—чтобы мы, значитъ, видѣли, какъ можешь ты работать.
— Хорошо, отвѣтилъ я, и пошелъ на барку вмѣстѣ съ рабочими, потащившими за собою тачки.—Воображеніе мое заиграло. Я уже видѣлъ въ себѣ работника, съ хорошо укрѣпленными мышцами и съ мѣсячнымъ заработкомъ въ 50 р.
Я быстро взбѣжалъ на барку. Рабочій, съ которымъ я договаривался, подкатилъ ко мнѣ пустую тачку и сказалъ: такъ и быть, я каждый разъ буду тебѣ свозить тачку на берегъ; твое дѣло—тащить ее по доскамъ, во дворѣ.
Я принялся за работу. Нагружая тачку бревнами, я чуть было однимъ изъ нихъ не отдавилъ свои ноги, два раза ронялъ бревно. Черезъ нѣсколько минутъ тачка была нагружена. Явился рабочій и скатилъ ее съ барки.
— Ну, теперь вези, сказалъ онъ, обратившись ко мнѣ лицомъ и отходя самъ шага на два въ сторону. Парни пересмѣхнулись, подмигивая на меня.

— Нннууу... нnуу... трогай! заговорили работники.

Наступила рѣшительная минута. Я молча схватился за рукоятки тачки и сталъ осторожно ее приподнимать. Но прежде еще, чѣмъ я успѣлъ сдвинуть съ мѣста, она заколебалась, стала накрѣниваться на лѣвый бокъ и, наконецъ, вырвавшись изъ моихъ рукъ, опрокинулась съ доски въ траву. Раздался дружный смѣхъ зрителей. Съ ругательствами я бросился устанавливать тачку и вновь ее нагружать. Когда, пригнувшись лицомъ къ землѣ и обхвативши руками концы тяжелаго бревна, я взваливалъ его на тачку, отъ сильной натуги у меня чуть не переломился позвоночный столбъ. Опять приподнявъ тачку, я налегъ на нее и вторично опрокинулъ, причемъ повторилась таже сцена смѣха. Одинъ только я не смѣялся; со мною сдѣлался точно столбнякъ... Воцарилось молчаніе.

— Ну, веземъ, что-ли! вдругъ выговорилъ сурово рабочій, на пути котораго я стоялъ—что тутъ стоять-то, али не видали чево!

Рабочіе тронулись, а я... я вернулся въ квартиру Петрова.

— Ну, что? спросилъ Петровъ.

— Да что!... Фіаско, вотъ что! злобно сказалъ я.

— Что и требовалось доказать—спокойно замѣтилъ Петровъ.

Я не отвѣчалъ и задумался. Я думалъ о томъ, что моя надежда, моя последняя надежда на физическій трудъ разбилась въ дребезги, и всего въ какія-нибудь пять минутъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я испытывалъ всею своею нервною системою страшныя физическія боли, вслѣдствіе сознанія какъ бы своей непригодности къ условіямъ жизни.

Я увѣренъ, что съумѣю
Людямъ помогать,
И за нихъ не пожалѣю
Жизнь свою отдать.

Такъ я закончилъ когда-то одно изъ своихъ стихотвореній. И вотъ, этотъ же самый я, въ силу неотразимой логики положенія, оказываюсь ненужнымъ человѣкомъ на пирѣ жизни. Ужасно! И я вспомнилъ о школѣ, въ которой мы всѣ учимся. Какое право, думалъ я, имѣетъ эта школа игнорировать, въ дѣлѣ воспитанія, физическій трудъ! Какое имѣетъ она право дѣлать насъ такими жалкими, такими безпомощными на дорогѣ жизни! И горько стало у меня на душѣ.

Вотъ настоящій нынѣшній лишній человѣкъ, «ненужный», какъ онъ самъ говоритъ. И не думайте, пожалуйста, что это—какое-нибудь рѣдкое исключеніе, которое, по своей исключительности, даже мало занимательно. Напротивъ, совершенно напротивъ. Еще немного, и мы съ вами, можетъ быть, тоже очутимся «на поденной работѣ», и благо намъ будетъ, если руки наши окажутся достаточно мускулистыми. Дѣло серьёзное, и я не хочу допускать неточности и двусмысленности. Не всѣмъ же обладать геркулесовскимъ сложеніемъ; нѣтъ резона всей кучѣ ненужныхъ людей толпиться на дровяномъ дворѣ, но вѣдь на немъ свѣтъ не клиномъ сошелся. Вы видите во всякомъ случаѣ громадную разницу между старымъ и новымъ лишнимъ человѣкомъ. Тотъ, старый, былъ, положимъ, тоже несчастенъ и разбитъ жизнью, но изъ самаго своего несчастія онъ ухитрялся сдѣлать странно пріятную для себя игрушку: онъ любовался на свои раны, заставлялъ и другихъ любоваться, кокетничалъ. Новому не до ко-

жетства, потому что... потому что онъ голоденъ. Тотъ лгалъ, этотъ—сама правда, голая и неприкрашенная.

Позвольте мнѣ ужь, заодно, сдѣлать еще двѣ выписки. Беру почти первую попавшуюся подъ руки книгу о внутреннихъ отношеніяхъ нашего отечества—сборникъ нижегородскаго статистическаго комитета «въ памяти перваго русскаго статистическаго съѣзда». (Нижній-Новгородъ, 1875). Развертываю статью г. Фогеля «Крѣпостное хозяйство въ Ярославской Губерніи» и читаю: «Возможно ли веденіе хозяйства въ Ярославской Губерніи? Вотъ вопросъ, который составляетъ существенный интересъ настоящей экономической жизни. Вообще, всѣ хозяева губерніи, за весьма рѣдкими исключеніями, того мнѣнія, что веденіе хозяйства съ успѣхомъ—дѣло немыслимое... Людей, которые вѣрятъ въ возможность возрожденія хозяйства, немного; ихъ можно сосчитать по пальцамъ. Но что эти люди могутъ привести въ опроверженіе большинства? Свою вѣру, энергію, трудъ и нѣсколько фактовъ, которые дороги для нихъ, какъ залогъ будущей дѣйствительности, но неимѣющихъ никакой цѣны для большинства, которое придаетъ этимъ фактамъ характеръ случайности. Хозяева съ болѣе умѣренными взглядами говорятъ, что хозяйство не въ убытокъ и можно вести его, но только тогда, когда самъ хозяинъ живетъ въ имѣніи. Оно можетъ прокормить владѣльца, но и только; затѣмъ, весь доходъ съ хозяйства уходитъ на содержаніе рабочихъ. Хозяйство, по ихъ мнѣнію, можетъ только окупить текущія издержки, но не въ состояніи дать что нибудь на свое улучшеніе. Въ подтвержденіе приводятъ то, что владѣльцы, у которыхъ нѣтъ надѣловъ или особыхъ источниковъ дохода, живутъ такъ бѣдно, что даже поѣздка въ уѣздный городъ составляетъ для нихъ чувствительный расходъ. Также указываютъ на то обстоятельство, что хозяйственныя постройки настолько плохи, что годны на одно топливо, и держатся потому только, что у хозяевъ нѣтъ средствъ построить новыя... У насъ считаются тѣ хозяйства удовлетворительными, которыя окупаютъ расходы и даютъ владѣльцу сносное содержаніе. Тогда на владѣльца указываютъ, какъ на дѣйствительнаго хозяина и какъ на знатока въ своемъ дѣлѣ. Но что же ему даетъ хозяйство—только одно плохое содержаніе, а трудъ его вовсе не окупается. Большинство же хозяйствъ даютъ чистый убытокъ и ведутся только по прихоти... Большинство владѣльцевъ радо развязаться съ своими имѣніями, которыя имъ въ тягость, и множество усадьбъ ждутъ покупателей, но желающихъ очень мало. Владѣльцы утверждаютъ, что земли не окупаютъ даже поземельныхъ окладовъ».

Развертываю, въ томъ же сборникѣ, статью г. Пирогова «Очеркъ состоянія земледѣльческой промышленности въ Костромской Губерніи», и читаю: «Недостатокъ денежныхъ средствъ, знаній и практической опытности для раціональнаго веденія сельскаго

хозяйства, частью неисполнительность рабочихъ и, наконецъ, высокая цѣнность вольнонаемнаго труда для обработки малопроизводительныхъ полей, заставляютъ многихъ изъ владѣльцевъ оставлять усадьбы, сдавая ихъ въ аренду, или же значительно сокращать запашки; сокращенія эти достигли такихъ размѣровъ, что, напримѣръ, въ цѣломъ Галичскомъ Уѣздѣ, одномъ изъ самыхъ хлѣбородныхъ въ губерніи, существовало, въ 1871 году только три владѣльческія усадьбы, имѣвшія до 50-ти четвертей ржанаго посѣва; всѣ же прочія хозяйства въ уѣздѣ представляли значительно меньшіе размѣры. Въ Костромскомъ Уѣздѣ, по свѣдѣніямъ земской управы, изъ 520 землевладѣльцевъ не болѣе 1/6 части, въ настоящее время, правильно ведетъ свое хозяйство; остальные же или оставили поля безъ обработки, или же сдали ихъ въ аренду».

Костромская и Ярославская Губерніи, конечно, не составляютъ исключенія, да и, наконецъ, кому же неизвѣстно, какъ идетъ у насъ дворянское хозяйство? Я могъ бы сдѣлать сотни цитатъ. не менѣе выразительныхъ, чѣмъ тѣ, которыя привелъ. Слѣдовательно, авторъ «На поденной работѣ», сынъ значительнаго провинціальнаго чиновника, могъ бы быть и сыномъ помѣщика. Но точно также онъ могъ бы быть сыномъ писателя, доктора, и дѣло тутъ вовсе не въ студентобоязни г. Беллюстина: число работодателей сокращается, число работниковъ растетъ. Безъ сомнѣнія, лазѣйки въ стороны отъ «поденной работы» есть: кое-кто можетъ пристроиться къ государственной службѣ, къ частной, общественной, къ либеральнымъ профессіямъ. Но за всѣмъ тѣмъ, все-таки, остается громадная масса лишнихъ людей. И куда же, спрашивается, имъ идти? Прочитайте еще разъ разсказъ «На поденной работѣ», и вы увидите. Авторъ только потому оказался окончательно лишнимъ, что руки у него плохи и ни къ какому ремеслу не привычны.

Чувствую, какъ все это у меня выходитъ бездоказательно и неполно. Очень мнѣ это больно, потому что дѣло важное и всякаго вниманія достойное. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ я карты держу, по возможности, открыто, то вы видите, что есть чрезвычайно сильный, чисто матеріальный факторъ «слiянія съ народомъ», котораго многіе никакъ не могутъ понять. Положимъ, что я этотъ факторъ неудовлетворительно изобразилъ, но онъ существуетъ. А тамъ, гдѣ его нѣтъ, является на помогу факторъ духовный—голосъ совѣсти, въ сущности, не менѣе грозный и настойчивый, чѣмъ голосъ желудка. Вычитайте все, что можно вычесть, останется, все-таки, довольно круглая сумма и притомъ рѣшительно безъ всякой національной приправы. А вычитаніе-то, конечно, произвести надо. Вотъ, напримѣръ, г. Евгеній Утинъ—чтобы взять какой-нибудь конкретный примѣръ—древняя исторія котораго состоитъ хотя и въ нѣкоторой незаконной связи радикализма съ просвѣщеннымъ либерализмомъ, но

который, все-таки, былъ изъ нашихъ. Онъ вѣдь такъ отчетливо произносилъ въ одной своей статьѣ (о Рѣшетниковѣ), что надо «возможно ближе подойти къ народу, къ его стремленіямъ и истиннымъ интересамъ». Г. Евгеній Утинъ, новѣйшая исторія котораго состоитъ въ ломаніи стульевъ даже не изъ-за Александра Македонскаго, а изъ-за нѣсколькихъ тысячъ рублей... Г. Евгеній Утинъ, который, въ другой своей статьѣ (объ Островскомъ), написалъ слѣдующія какъ бы пророческія строки: «Я съумѣю поддѣлаться и къ тузамъ; я найду себѣ покровительство — вотъ вы увидите. Глупо ихъ раздражать; имъ надо льстить грубо, безпардонно. Вотъ и весь секретъ успѣха». Такъ говоритъ Глумовъ, и въ этихъ словахъ заключается ключъ къ уразумѣнію всего его характера. Боже мой, какое разстояніе пройдено отъ Жадова до новаго героя! Тамъ, на первомъ планѣ, стояли принципы, высокія начала честности, правды, слышалось искреннее желаніе быть полезнымъ другимъ, бороться съ ложью, обманомъ; здѣсь, напротивъ, прежде всего является собственная личность, карьера, на алтарь которой Глумовъ готовъ принести все, что только въ его власти. Это больше—не тотъ юноша, который громко возмущается несправедливыми общественными отношеніями: нѣтъ, это—человѣкъ, который боится терять время на смѣхъ надъ людскою глупостью; онъ жаждетъ употребить ее въ свою пользу; надо пользоваться «ихъ слабостями», говоритъ онъ...»

На этотъ сортъ людей, на господъ Евгеніевъ Утиныхъ, конечно, надо класть извѣстный процентъ. Но, во-первыхъ, ихъ могутъ ошельмовать собственныя дѣти (помните Зацѣпу?). А во-вторыхъ, ихъ вовсе не такъ трудно разгадать, даже въ періодъ ихъ древней исторіи. Они, прежде всего, чрезвычайно благородны и не скрываютъ этого, какъ видно даже изъ приведенной маленькой тирады. Не помню гдѣ, кажется, въ «Запискахъ охотника», одно лицо изображается такъ: «мужчина съ чрезвычайно благороднымъ лицомъ и, по всѣмъ признакамъ, шулеръ». Шулеръ не шулеръ, а, во всякомъ случаѣ, очень ненадежный человѣкъ, проблематическая, такъ-сказать, натура. Можетъ быть, все это благородство есть только façon de parler, а, въ сущности, человѣкъ понимаетъ, что ему кичиться нечѣмъ, а, напротивъ, каяться надо. Но вѣрнѣе, что за древней исторіей Евгенія Утина должна послѣдовать его новѣйшая исторія, потому что дѣло, построенное на одномъ, хотя бы необычайномъ благородствѣ, построено на песцѣ. Никто, вѣдь, не обязанъ обладать необычайнымъ благородствомъ: хочетъ—благородствуетъ, не хочетъ—въ карманъ благородство прячетъ. Другое дѣло—когда человѣкъ не можетъ не поступать извѣстнымъ образомъ или, по крайней мѣрѣ, поступать въ противоположномъ смыслѣ; когда его неустанно грызетъ червь недовольства собой, когда ему стыдно благородствовать... Спасители!—сами спасайтесь! Ну, а про мате-

хозяйства, частью неисполнительность рабочихъ и... высокая цѣнность вольнонаемнаго труда для обрабо... производительныхъ полей, заставляютъ многихъ и... цевъ оставлять усадьбы, сдавая ихъ въ аренду, или ... тельно сокращать запашки; сокращенія эти дости... размѣровъ, что, напримѣръ, въ цѣломъ Галичскомъ У... изъ самыхъ хлѣбородныхъ въ губерніи, существова... году только три владѣльческія усадьбы, имѣвш... четвертей ржанаго посѣва; всѣ же прочія хозяйст... представляли значительно меньшіе размѣры. Въ ... Уѣздѣ, по свѣдѣніямъ земской управы, изъ 520 зе... не болѣе $^{1}/_{4}$ части, въ настоящее время, прави... хозяйство; остальные же или оставили поля бе... же сдали ихъ въ аренду».

Костромская и Ярославская Губерніи, конечно... исключенія, да и, наконецъ, кому же неизвѣ... насъ дворянское хозяйство? Я могъ бы сд... не менѣе выразительныхъ, чѣмъ тѣ, котор... вательно, авторъ «На поденной работѣ», ... провинціальнаго чиновника, могъ бы быть ... Но точно также онъ могъ бы быть сыно... и дѣло тутъ вовсе не въ студентобоязн... работодателей сокращается, число раб... сомнѣнія, лазѣйки въ стороны отъ ... кое-кто можетъ пристроиться къ госу... частной, общественной, къ либеральн... всѣмъ тѣмъ, все-таки, остается громадн... И куда же, спрашивается, имъ идти? ... сказъ «На поденной работѣ», и вы у... тому оказался окончательно лишнимъ, ... и ни къ какому ремеслу не привыч...

Чувствую, какъ все это у меня ... неполно. Очень мнѣ это больно, но... каго вниманія достойное. Во всяко... ты держу, по возможности, откр... чрезвычайно сильный, чисто мате... народомъ», котораго многіе ник... жимъ, что и этотъ факторъ неудо... онъ существуетъ. А тамъ, гдѣ ... факторъ духовный—голосъ сов... грозный и настойчивый, чѣмъ го... что можно вычесть, останется, в... и притомъ рѣшительно безъ вся... вычитаніе то, конечно, произвест... ленiй Угина—чтобы взять како... древняя исторія котораго состо... вочной связи радикализма съ пр...

[redacted] есслана подписчикамъ II-я, ноябрьская, [redacted] сторическаго журнала:

[redacted] КАЯ СТАРИНА".

[redacted] я: I. Екатерина II и князь Потемкинъ, 1790 г.— [redacted] ставъ III, король шведскій, 1789—1792 гг.— [redacted] естьяне при Екатеринѣ II, очеркъ изъ исто- [redacted] ванія. — IV. Кн. Платонъ Зубовъ, біографиче- [redacted] одолженіе). — V. Удаленіе ректора Харьковскаго [redacted] . Θ. Осиповскаго, въ 1820 г. — VI. Война Россіи [redacted] 1828 г.: переписка императора Николая Павло- [redacted] чникова и Киселева.—VII. Воспоминанія Людмилы [redacted] ордъ о прибываніи въ Константинополѣ, 1830 г.— [redacted] ый бунтъ въ 1831 г., разсказъ очевидца А. К. Гриб- [redacted] поминанія Татьяны Петровны Пассекъ, 1835—1842 [redacted] позиторъ М. И. Глинка, разсказъ изъ воспоминаній [redacted] рейха.—XI. Листки изъ записной книжки «Русской [redacted] сторическіе матеріалы и замѣтки.—XII. Библіогра- [redacted] листокъ новыхъ русско-историческихъ книгъ.

[redacted] енія: I. Портретъ графа Аракчеева, исполненъ на мѣди, [redacted] ческій снимокъ съ гравюры Уткина, и II. Каталогъ [redacted] рхеографической комиссіи.

[redacted] ска на «Русскую Старину» 1876 г. продолжается.

[redacted] а 12 книгъ съ портретами 8 р. съ пересылкой.

[redacted] Гг. иногородные подписчики имѣютъ высылать свои тре- [redacted] адресуя такъ: *въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала* [redacted] *Старина»*, Надеждинская, д. № 42, кв. № 12.

[redacted] скіе подписчики «Русской Старины» обращаются въ кон- [redacted] о журнала: въ С.-Петербургѣ, на Невскій Проспектъ, [redacted] Гостиннаго двора, при книжномъ магазинѣ Ник. Ив. Ма- [redacted] д. № 46.

EN VENTE CHEZ

E. MELLIER.

Libraire de la Cour Impériale,

au pont de Police, maison de l'Église Hollandaise,

à St.-Pétersbourg.

Alexandre Parodi. Rome vaincue, tragédie en cinq actes, en vers. 1 vol. in-8°; prix 1 r. 40 c.
Merinos (Eugène Mouton). Nouvelles et fantaisies humoristiques. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 cop.
Rozan. La jeune fille. Lettres à un ami. 1 vol. in-12; prix 1 r. 40 cop.
Lermina. Les loups de Paris. 2 vol. I. Le club des morts. II. Les assises rouges; prix 2 r. 40 c.
Saunière. L'Agence Aubert. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 c.
— L'héritage d'Olga (Suite et fin de l'Agence Aubert). 1 vol.; prix 1 r. 20 cop.
Mery. La comtesse Ardienne, 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 cop.
Ivan de Woestyne. Voyage au pays des bachi-bouzouks. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.
Dmitry de Boukharow. La Russie et la Turquie depuis le commencement de leurs rélations jusqu'à nos jours. 1 vol. in-8°; prix 2 r. 60 c.
Emile de Najac. L'amant de Catherine. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 c.
Pierre Zaccone. La cellule № 7. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 c.
Audouard (M-me Olympe). Le secret de la belle-mère. 1 vol. in-12°, avec un portrait de l'auteur; prix 1 r. 40 c.
Ouida. Dans une ville d'hiver. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 cop.
Elliott (George). Daniel Deronda. 4 vol.; prix 2 r. 60 cop.

Beynet. Le roman d'un défricheur. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 cop.
Gustave Haller. Vertu. Roman dédié à G. Sand. 1 vol. in-8°; prix 2 r. 40 c.
Tony Revillon. L'éxilé. Roman contemporain. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 c.
Louis Ulbach. Lettres d'une honnête femme. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.
Ernest Feydeau. Souna. Mœurs arabes. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.
Capendu. Le chat du bord. Roman maritime. 1 vol.; prix 1 r. 60 cop.
de Vogué. Syrie, Palestine, Mont Athos. Voyage au pays du passé. 1 vol. in-12°, illustré par Pelcoq; prix 1 r. 60.
Jurien de la Gravière. La station du Levant. 2 vols. in-12°; prix 3 r. 20 cop.
Victor Hugo. Quatre-vingt-treize. Nouvelle édition, richement illustrée par les meilleurs artistes, 1 vol. gr. in-8°; prix 2 r. 40 c.
Paul Parfait. L'agent secret. 1 vol. in-12° prix 1 r. 40 cop.
Marie Uchard. Mon oncle Barbassou. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 cop.
Lydie Paschkoff. La princesse Véra Glinsky. Mœurs russes. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.
Edouard Cadol. Le cheveu du diable. Voyage fantastique au Japon. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 c.
Gourdon de Genouillac. Une luronne. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 c.
Charles Yriarte. Bosnie et Herzégovine. Souvenirs de voyage pendant l'insurrection. 1 vol. in-12°, illustré de 15 dessins de Vierge et d'une carte spéciale; prix 1 r. 60 c.

Parseval-Deschênes. Journal d'une desoeuvrée. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 cop.

Comte de Gobineau. Nouvelles asiatiques. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.

Aurélien Scholl. Le répentir, comédie-drame en 1 acte; prix 40 c.

Edouard Reuss. Les prophètes. 2 vols. in-8° (Traduction nouvelle); prix 8 r.

Wolff. Etude sur l'alimentation rationnelle des animaux domestiques. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 cop.

Tresca. Cours de mécanique appliquée, proféssé à l'école centrale des arts et manufactures. 1 vol. in-4°; prix 8 r.

Nouveau cours de figure d'après les maitres autographiés par Raymond Balze. 1-ère et 2-ème livraison in-folio à 2 r.

GALERIE CONTEMPORAINE,
littéraire, artistique.

Publication hebdomadaire donnant la biographie des contemporains: peintres, sculpteurs, littérateurs, etc., dont chaque livraison contient: soit un magnifique portrait, soit, pour les peintres, une épreuve photographique donnant la principale œuvre de l'artiste, accompagnée de son portrait.

Prix de chaque livraison: **50 cop.**

ONT PARU:

Peintres, sculpteurs: Bouguereau, Regnault, Fortuny, Pille, Edouard Frère, Manet, Henri Levy, Maillet, Chaplin, Hanoteau, Garnier, Curzon, Thirion, Schenk, Sylvestre, Feyen-Perrin, Dubufe, Sarah Bernhardt.

Littérateurs, hommes politiques, musiciens. etc. Mac-Mahon, Thiers, Gounod, Victor Hugo, Alexandre Dumas fils, Alphonse Daudet, Ambriose Thomas, Michelet, Gambetta, Frédéric Lemaitre, Erckmann-Chatrian, Clarette, Lesseps, Alphonse Karr, Sainte-Beuve, Halévy, Francisque Sarcey, Emile de Girardin.

On peut s'abonner pour une année (52 livraisons); prix **26** r.

ALMANACHS POUR 1877
à 20 cop. (franc de port 25 c.):

Almanach des parisiennes (par Grévin)	**Almanach** des dames et des demoiselles.
— du charivari.	— scientifique.
— pour rire.	— de la France et du musée des familles.
— des farceurs.	— astrologique.
— comique.	— triple Mathieu de la Drôme.
— prophétique.	— des cafés-spectacles.
— lunatique.	— chantant.
— du voleur.	— de la nouvelle chanson.
— du magasin pitteresque.	— de la vieille chanson.
— amusant.	— de la chansonnette.
— des cocottes.	— des chansons comiques.
— parisien.	— des chansons de table et du vin.
— des badauds.	— des chansons de noces.
— des songes.	— de la graudriole.
— de la cuisinière.	— du langage des fleurs.
— de la bonne cuisine.	— du jardinier.
— de la mère Gigogne.	— des petites filles.
— national de la France.	

A 40 cop.: Almanachs de l'illustration, de la chasse illustrée, des célébrités contemporaines, annuaire Mathieu de la Drôme.

NB. Les personnes de l'intérieur sont priées d'ajouter aux prix indiqués les frais d'emballage et de transport d'après le tarif de la poste.

О ПОДПИСКѢ НА 1877 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ".

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

а) Въ Россіи:

	Безъ доставки		Съ доставкою		Съ пересылкою	
	Безъ приб. р. к.	Съ приб. р. к.	Безъ приб. р. к.	Съ приб. р. к.	Безъ приб. р. к.	Съ приб. р. к.
12 мѣсяцевъ . . .	14 50	16 50	16 —	18 50	17 —	19 50
11 » . . .	13 75	— —	15 —	— —	16 —	— —
10 » . . .	13 —	— —	14 —	— —	15 —	— —
9 » . . .	12 —	— —	13 —	— —	14 —	— —
8 » . . .	10 50	— —	11 50	— —	13 —	— —
7 » . . .	9 50	— —	10 50	— —	12 —	— —
6 » . . .	8 50	10 —	9 50	11 —	10 —	12 —
5 » . . .	7 —	— —	8 —	— —	9 —	— —
4 » . . .	5 50	— —	6 50	— —	7 —	— —
3 » . . .	4 50	6 —	4 80	6 50	5 50	7 —
2 » . . .	2 80	— —	3 30	— —	4 —	— —
1 » . . .	1 50	2 50	1 80	2 75	2 30	3 —

б) **Заграницу (съ пересылкою):**

Въ Европу, Америку и Египетъ: на годъ 24 р., на 6 мѣсяцевъ 13 р., на 3 мѣсяца 7 р., на 1 мѣсяцъ 3 р. Въ Китай, Индію и Японію: на годъ 47 р., на 6 мѣсяцевъ 25 р., на 3 мѣсяца 14 р., на 1 мѣсяцъ 6 р.

Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

При перемѣнѣ адреса подписчики должны сообщать *непремѣнно прежній адресъ и № билета или бандероли*, подъ которою высылается газета.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ: для служащихъ — по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ; неслужащіе же

могутъ обращаться съ своими заявленіями въ главную контору «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (Невскій просп., противъ Аничкова дворца, д. № 64). Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ за годовой экземпляръ съ пересылкою (безъ прибавленій), доставляютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при самой подпискѣ 7 р., въ концѣ марта 5 р. и въ началѣ августа 5 р.; а съ доставкою въ Петербургѣ — при подпискѣ 6 р., въ концѣ марта 5 р, и въ концѣ іюня 5 р.; безъ доставки — уплачиваютъ конторѣ при подпискѣ 5 р., въ концѣ марта 5 р. и въ началѣ іюля 4 р. 50 к.

Контора проситъ адресовать газету на тѣ ближайшія станціи, гдѣ есть почтовыя учрежденія: въ противномъ случаѣ, с.-петербургскій почтамтъ за правильную доставку не отвѣчаетъ.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ, противъ Аничкова дворца, д. № 64.

Въ **Москвѣ**, у **Н. А. Мейеръ**, на Морасѣйкѣ, домъ Леонова; въ **Парижѣ**, у Havas, Laffite et Cie, place de la Bourse, 8.

Редакторъ **П. Усовъ.**
Издатель **Ѳ. П. Баймаковъ.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи, при «Книжномъ магазинѣ для иногороднихъ», Невскій, № 44; въ Москвѣ у И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ; для служащихъ, по третямъ, чрезъ ихъ казначеевъ; для неслужащихъ на слѣдующихъ условіяхъ: 6 р. при подпискѣ, 5 р. въ концѣ марта и 1-го іюля 5 р.—для городскихъ, 6 р. для иногороныхъ подписчиковъ.

Подписываться можно на всѣ сроки не иначе какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

На основаніи положенія о гербовомъ сборѣ, лица, вносящія болѣе 5 р. и получающія подписной билетъ, уплачиваютъ за 5-ти копеечную гербовую марку, которая наклеивается на билетъ.

При перемѣнѣ адреса подписчики должны сообщать **непремѣнно прежній адресъ и № билета или бандероли**, подъ которою высылается газета.

Контора проситъ адресовать газету на тѣ ближайшія станціи, гдѣ есть почтовыя учрежденія: въ противномъ случаѣ, с.-петербургскій почтамтъ за правильную доставку не отвѣчаетъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ СБОРНИКА

„ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ“

ВЪ 1877 ГОДУ (ТРЕТІЙ ГОДЪ).

Ежемѣсячный, историческій, иллюстрированный сборникъ **«Древняя и Новая Россія»** будетъ издаваться въ 1877 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе два года (1875—1876).

Сборникъ «Древняя и Новая Россія» выходитъ **каждый мѣсяцъ книжками** въ размѣрѣ до **двѣнадцати** и болѣе печатныхъ листовъ большаго формата, in-4⁰, въ два столбца печати на страницѣ, съ нѣсколькими портретами, рисунками и другими художественными приложеніями, такъ что, по окончаніи года, составятся три большихъ тома до 150 печатныхъ листовъ съ 50—60 гравюрами, литографіями и хромолитографіями. Къ январьской книжкѣ сборника, между прочимъ, будетъ приложена большая литографія на тону съ оригинальной картины худ. Ст. Хлѣбовскаго

„АССАМБЛЕЯ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ“.

Подписная цѣна за **двѣнадцать книжекъ** въ годъ **двѣнадцать руб. сер.**, съ доставкою на годъ **двѣнадцать руб. пятьдесятъ коп. сер.**, съ пересылкой **тринадцать руб. пятьдесятъ коп. сер.**

Главная контора редакціи сборника «Древняя и Новая Россія» находится **въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, рядомъ съ Пассажемъ, № 46, при хромолитографіи и типографіи В. И. Граціанскаго, куда гг. иногородныхъ и просятъ исключительно обращаться со всѣми своими требованіями.**

Кромѣ того, для удобства *г. городскихъ подписчиковъ* открыты отдѣленія конторы при книжныхъ магазинахъ *Н. И. Ма-*

монтова, въ *С.-Петербургѣ*, Невскій просп., противъ Гостинаго двора, д. № 46, и въ *Москвѣ*, *И. Г. Соловьева*, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и *Н. И. Мамонтова*, на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова.

Въ главной конторѣ можно получать оставшіеся отъ подписки экземпляры «Древней и Новой Россіи» за 1875 и 1876 годы. Каждый годъ состоитъ изъ *трехъ большихъ томовъ съ 60—70 портретами и рисунками*, въ числѣ которыхъ, между прочимъ, находятся:

Хромолитографіи:

Рабочіе изъ селенія Тунки на кругобайкальской дорогѣ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ, съ картины проф. Ге.

Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій.

Чудный крестъ въ Новгородѣ.

Портретъ Петра Великаго въ Голландіи, съ оригинала, принадлежащаго Императорской Публичной Библіотекѣ.

Куполъ церкви Св. Георгія въ Старо-Ладожской крѣпости.

Поганкины палаты въ г. Псковѣ.

Литографіи на тону:

Печенгскіе лопари (изъ альбома Сидорова).

Волынскій въ засѣданіи кабинетъ-министровъ, съ картины проф. В. Якобія.

Гравюры на деревѣ, исполненныя Панемакеромъ въ Парижѣ:

Петръ I и царевичъ Алексѣй Петровичъ, съ картины проф. Ге.

Кончина князя Потемкина Таврическаго, съ картины Казанова.

Цѣна каждаго года, безъ пересылки, двѣнадцать руб. сер.; съ пересылкой тринадцать руб. пятьдесятъ коп. сер.

№№ 1 и 2 за 1877 г. выйдутъ еще въ Декабрѣ 1876 г.

О ПОДПИСКѢ НА 1877 ГОДЪ

№№ 1 и 2 за 1877 г. выйдутъ еще въ Декабрѣ 1876 г.

НА

МОДНЫЙ СВѢТЪ,

самый полный и дешевый модный и семейный журналъ въ Россіи.

Съ 1-го января 1877 года **«Модный Свѣтъ»** начнетъ X годъ своего существованія и будетъ издаваться съ прежнею со стороны издателя заботливостью о наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ «Модный Свѣтъ» въ 1877 г. будетъ выходить также

ВЪ ДВУХЪ ИЗДАНІЯХЪ

въ количествѣ 48 нумеровъ въ годъ, т. е. четыре нумера въ мѣсяцъ (два модныхъ и два литературныхъ) и будетъ заключать въ себѣ въ теченіи года:

Болѣе 2,000 политипажныхъ рисунковъ модъ рукодѣлій въ текстѣ.

Рисунки канвовыхъ и тамбурныхъ работъ. Рисунки и выкройки бѣлья мужскаго, дамскаго и дѣтскаго.

Раскрашенные рисунки канвовыхъ и друг. работъ.

Болѣе 300 выкроекъ на 12 большихъ листахъ.

24 вырѣзныхъ выкройки въ натуральную величину.

24 (или 12 для 1 изданія) модныхъ раскрашенныхъ парижскихъ картины, исполненныхъ лучшими иностранными художниками.

Новѣйшія музыкальныя пьесы (ноты) любимыхъ композиторовъ.

Коллекцію рисунковъ: изъ семейной жизни, модъ стараго вре-

мели, характерныхъ костюмовъ для маскарадовъ, портреты и проч.

Новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фельетоны, стихотворенія, анекдоты, хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія смѣси.

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ «МОДНАГО СВѢТА» НА 1877 Г.

I изданія, съ 12 раскрашенными парижскими картинами и всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ доставки 4 р. 5 доставкою 5 р. 50 к.; для иногородныхъ 6 р.

II изданія, съ 24 раскрашенными парижскими картинами и всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ доставки 5 р. 5 доставкою 6 р. 50 к.; для иногородныхъ 7 р.

Въ Москвѣ цѣна безъ доставки: I-му изданію 5 р. II-му изданію 6 р. 50 к.; съ пересылкою: I-е изданіе 6 р., II-е изд. 7 руб.

Полное изданіе «Моднаго Свѣта» за 1876 годъ со всѣми приложеніями можно выписать за 5 р. съ пересылкою.

Издатель «Моднаго Свѣта» Германъ Гоппе.

Главная контора редакціи «Моднаго Свѣта» находится в С.-Петербургѣ, по Большой Садовой Улицѣ, д. Коровина, № [illegible]

Въ Москвѣ подписка принимается у книгопродавцевъ: И. Г. Соловьева, на Страстномъ Бульварѣ, въ д. Алексѣева; А. Ланга на Кузнецкомъ Мосту.

О ПОДПИСКѢ НА 1877 ГОДЪ НА

„ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ“

большой иллюстрированный журналъ

въ родѣ «The Illustrated London News», «The Graphic», «Leipziger Illustrirte Zeitung», «Illustration», «Monde illustré», «Univers illustré».

Съ 1-го января 1877 г. журналъ **«Всемірная Иллюстрація»** начнетъ **IX годъ (т. е. томы XVII и XVIII)** своего существованія и будетъ выходить также аккуратно, какъ и въ прошлые года, **еженедѣльно** (т. е. 52 нумера въ годъ), въ увеличенномъ форматѣ **большого двойного листа самой лучшей бумаги,** и каждый нумеръ будетъ заключать въ себѣ **16—24 страницъ,** изъ которыхъ половина будетъ наполнена **роскошными рисунками** изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

«Всемірная Иллюстрація», благодаря своей аккуратности и строгому выполненію програмны, пріобрѣла **въ теченіи восьмилѣтняго своего существованія** заслуженную репутацію и, служа вѣрнымъ отраженіемъ жизни какъ русской, такъ и иностранной, соперничаетъ съ лучшими иллюстрированными и литературными журналами въ свѣтѣ.

Не ограничиваясь достигнутыми результатами, «Всемірная Иллюстрація» стремится къ улучшенію и принимаетъ въ соображеніе желанія подписчиковъ, не останавливаясь передъ расходами и всегда давая больше, чѣмъ обѣщала.

Убѣжденная, что въ теченіи своей дѣятельности она достаточно заявила себя. Редакція считаетъ излишними всѣ пышныя рекламы и ограничивается только обѣщаніемъ, что употребитъ всѣ усилія, чтобъ оправдать возрастающее къ ней ежегодно довѣріе публики.

Программа «Всемірной Иллюстраціи»:

I. Политическій отдѣлъ. Современная исторія. Портреты и жизнеописанія современныхъ историческихъ дѣятелей. Славянскій обзоръ.—**II. Внутреннія извѣстія.** Портреты и жизнеописанія русскихъ современныхъ дѣятелей. Геральдика. Судебная лѣтопись.—**III. Изящная словесность.** Повѣсти, разсказы, очерки, сочиненія въ драматической формѣ, какъ оригинальныя, такъ и переводныя.—**IV. Науки и художества.** Историческіе очерки съ изображеніемъ лицъ и мѣстъ, которыя въ нихъ описываются. Очерки изъ естественныхъ наукъ, съ изображеніемъ предметовъ и явленій природы. Очерки современнаго и историческаго развитія художествъ, съ изображеніемъ зданій, картинъ, статуй и пр., съ портретами и жизнеописаніями художниковъ. Географическіе и этнографическіе очерки съ необходимыми рисунками и чертежами и т. п.—**V. Прикладныя науки и промышленность.** Новыя и старыя открытія и изобрѣтенія, съ изображеніемъ машинъ, мостовъ и пр.—**VI Критика и библіографія.** Обзоръ замѣчательнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ, литературныхъ и ученыхъ произведеній. Литературная лѣтопись. Обзоръ журналовъ.—**VII. Театральный и музыкальный обзоръ.** Обзоръ художественныхъ выставокъ. Рисунки, изображающіе сцены изъ новыхъ оперъ, драмъ и т. п., русскихъ и иностранныхъ. Музыкальныя пьесы (ноты).—**VIII. Смѣсь и новости.** Мелкія литературныя, художественныя и ученыя извѣстія. Новыя книги. Разныя мелкія происшествія и т. п. - **IX Фельетонъ.** Очерки общественной жизни, нравовъ, увеселеній и пр.—**X. Юмористическій листокъ.** Каррикатуры.—**XI. Шахматныя задачи,** ребусы и т. п.—**XII. Частныя объявленія.**

— Съ неимовѣрными усиліями я досталъ эту записку къ сестрѣ Конроя и, чтобъ не возбудить никакого сомнѣнія, мнѣ необходимо ее повезти къ брату. Если вы, Софи, дорожите прошедшимъ и не хотите себя скомпрометировать, то вы должны ее уговорить ѣхать со мною.

Слова Джака такъ подѣйствовали на Софи, что она немедленно потребовала отъ Олли исполненія просьбы брата.

— Если ты, дрянная дѣвчонка, такъ поступишь съ нами, несмотря на наше довѣріе къ тебѣ, то, конечно, ни одна дѣвица въ школѣ не довѣритъ тебѣ своей тайны.

Эта угроза такъ поразила Олли, что она, не разсуждая, согласилась послѣдовать за Джакомъ Гамлиномъ и, показавъ записку Гэбріэля г-жѣ Эклэръ, получила позволеніе ѣхать къ брату. Черезъ полчаса, они оба уже были въ дорогѣ.

XL.

Три голоса.

Освободившись отъ соблазнительныхъ прелестей Софи и отъ еще болѣе опаснаго шпіонства г-жи Эклэръ, а также достигнувъ цѣли своей поѣздки, Гамлинъ пришелъ въ такое веселое настроеніе, что Олли приписала это счастью отъ свиданія съ Софи и съ чисто женскимъ инстинктомъ сдѣлала нѣсколько критическихъ замѣчаній насчетъ этой молодой особы. Но, къ ея величайшему удивленію, онъ нимало не заступился за свою Дульцинею, хотя внимательно ее выслушалъ.

— Вы, Олли, бывали на Югѣ? спросилъ онъ неожиданно, смотря на ея русые волосы, низпадавшіе изъ подъ круглой шляпки.

— Нѣтъ.

— Никогда не бывали въ Сан-Антоніо?

— Никогда.

Гамлинъ задумался и, черезъ нѣсколько минутъ, прибавилъ:

— Тамъ есть женщина, Олли!

— Гдѣ, въ Сан-Антоніо?

Гамлинъ молча кивнулъ головой.

— Хорошенькая? спросила Олли.

— Это слово къ ней не идетъ, отвѣчалъ серьёзно Гамлинъ.

— Такая же хорошенькая, какъ Софи? продолжала Олли съ хитрой улыбкой.

— Чортъ ее возьми, вашу Софи, воскликнулъ Гамлинъ, но

тотчасъ поправился:—то есть, я хочу сказать: она—совершенно иной масти.

— А! понимаю, отвѣчала Олли:—она—бубновая дама, а Софи—трефовая.

— Развѣ вы смыслите что-нибудь въ картахъ? воскликнулъ съ восторгомъ игрокъ.

— Все смыслю, отвѣчала Олли торжественно: — мы, дѣвицы, узнаёмъ по нимъ свою судьбу. Я—червонная дама, Софи—трефовая, а вы—пиковый король. Знаете, прибавила она шепотомъ:—вчера, вечеромъ, мнѣ вышло письмо, путешествіе, смерть и черный господинъ, пиковый король—вы.

— Вы, вѣроятно, сказалъ Гамлинъ, чувствуя себя гораздо свободнѣе въ обществѣ столь развитой по картежной части особы:—въ школѣ часто слышите объ ангелахъ. Какой у нихъ цвѣтъ лица?

— На картинахъ? спросила положительная Олли.

— Да̀. Вѣдь, бываютъ они смуглые?

— Никогда, отвѣчалъ рѣшительно ребенокъ: — всегда бѣлые.

— Всегда?

— Да̀, бѣлые и пухлые.

Они оба замолчали и, проѣхавъ немного, Гамлинъ затянулъ народную пѣсню. Олли стала подпѣвать, и Джакъ, восхищенный ея мелодичнымъ голоскомъ, предложилъ спѣть дуэтъ. Такимъ образомъ, проѣзжая по пустынной равнинѣ Сакраменто, они оглашали воздухъ громкимъ, чисто дикимъ, но почти всегда мелодичнымъ пѣніемъ, похожимъ на чириканье птицъ. Остановившись поужинать въ гостинницѣ, Джакъ выказалъ такую ловкость, энергію и находчивость, такъ скоро и успѣшно добылъ, повидимому, невозможную въ такой мѣстности вкусную пищу, что Олли въ глубинѣ своего сердца находила этого пиковаго короля самымъ пріятнымъ мужчиной, когда-либо ею виданнымъ.

Когда они снова пустились въ путь, Олли предложила своему спутнику нѣсколько вопросовъ о братѣ Гэбріелѣ и тотчасъ убѣдилась, что Гамлинъ очень недавно съ нимъ познакомился.

— Такъ вы никогда не видали Джули?

— Джули? А на что̀ она похожа?

— Право не знаю, червонная она или трефовая, отвѣчала Олли задумчиво.

Джакъ помолчалъ нѣсколько минутъ и потомъ, къ величайшему удивленію ребенка, начертилъ въ двухъ-трехъ словахъ портретъ мистрисъ Бонрой.

— А вы сказали, что никогда ея не видывали? спросила Олли.

— Никогда и не видалъ, отвѣчалъ онъ со смѣхомъ:—я только такъ рисую воображаемое лицо.

Между тѣмъ, послѣ непродолжительныхъ сумерекъ наступила ночь. Отдаленныя очертанія береговаго кряжа выступали рельефно на блѣдномъ сѣромъ небѣ, на которомъ уже показывались первыя звѣзды. Красная, извилистая дорога исчезала въ окружающемъ мракѣ; горы и деревья принимали различныя чудовищныя очертанія. По временамъ, они проѣзжали мимо оврага, откуда несло сыростью, и Олли дрожала отъ холода, несмотря на толстый плэдъ Гамлина, которымъ она была укутана. Наконецъ, Джакъ вынулъ изъ кармана фляжку и уговорилъ ребенка проглотить нѣсколько капель. Она закашляла и тотчасъ признала, съ своей обычной практичностью, что это была водка. Но, къ ея удивленію, Гамлинъ не прикоснулся къ фляжкѣ.

— Отчего же вы не пьете? спросила Олли.

— Я въ дѣтствѣ далъ обѣщаніе матери не пить крѣпкихъ напитковъ, отвѣчалъ серьёзно Гамлинъ:—иначе, какъ по приказанію доктора. Я ношу эту фляжку по приказанію доктора, но онъ не велѣлъ мнѣ пить, и я не пью.

Было слишкомъ темно, чтобъ разглядѣть глаза Гамлина, по которымъ Олли скорѣе отгадывала, чѣмъ по его словамъ, настоящій смыслъ его рѣчи, и потому она ничего не отвѣчала.

— Ну, ужь какая эта была женщина, Олли! произнесъ неожиданно Гамлинъ черезъ нѣсколько минутъ.

— Въ Сан-Антоніо? спросилъ ребенокъ съ необыкновенной находчивостью.

— Дà.

— Разскажите мнѣ о ней все, чтò вы знаете.

— Это немного, отвѣчалъ Гамлинъ, вздыхая: — кàкъ она поетъ, Олли!

— Подъ фортепіано?

— Нѣтъ, подъ оргàнъ.

Олли не была знакома съ этимъ инструментомъ иначе, какъ въ самой грубой его формѣ, именно—въ шарманкѣ, а потому, не выражая особаго сочувствія къ разсказу Гамлина, сказала, что она желала бы познакомиться съ этой особой.

Джакъ не засмѣялся, а началъ подробно объяснять Олли, чтò такое церковный оргàнъ.

— Я прежде игралъ на оргàнѣ въ церкви, Олли, и, говорятъ, всѣ прихожане бывали очень тронуты, но это было очень давно. Я особенно любилъ одну пьесу Моцарта, потому что слышалъ, кàкъ она ее пѣла.

И онъ началъ во все горло пѣть торжественный гимнъ, не

обращая вниманія на окружающіе его предметы. Колеса скрипѣли, тележка прыгала по дорогѣ; Олли прижалась къ его плечу, а онъ все пѣлъ. Когда, наконецъ, онъ кончилъ, Джакъ взглянулъ на дѣвочку—она спала. Джакъ былъ художникъ и энтузіастъ, но благоразумный, и потому подумалъ про себя, какъ бы въ извиненіе ребёнку:

«Это — отъ водки».

Онъ перекинулъ возжи изъ одной руки въ другую и обнялъ Олли, прижавъ ея голову къ своему плечу. Въ такомъ положеніи, онъ, не шевеля ни однимъ мускуломъ, чтобъ не разбудить ребёнка, доѣхалъ въ полночь до Фидльтауна. Тутъ онъ самъ запрегъ свѣжую лошадь въ тележку, нѣжно обложилъ подушками Олли и окуталъ ее одѣяломъ. Все это онъ сдѣлалъ такъ осторожно и тихо, что ребёнокъ не проснулся. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже снова былъ въ дорогѣ и поднимался въ гору по направленію къ Вингдаму.

Передъ самымъ разсвѣтомъ, онъ достигъ вершины и пустилъ лошадь шагомъ, такъ какъ колеса углублялись по ступицу въ густую пыль. Дорога шла по дремучему сосновому лѣсу. Тишина царила безмолвная. Неожиданно чуткое ухо Джака услыхало позади звуки голосовъ и бряцаніе мексиканскихъ шпоръ. Онъ не обгонялъ по дорогѣ никакого всадника и потому въ первую минуту не могъ понять, какимъ образомъ могъ кто-нибудь поселиться въ томъ мѣстѣ, откуда слышались звуки. Но потомъ онъ вспомнилъ, что тутъ, по близости, перекрещивала дорогу тропинка изъ Одноконнаго Стана, которая около полумили шла параллельно съ большой вингдамской дорогой. На этой тропинкѣ раздавались голоса. Джакъ прибавилъ шагу и, достигнувъ перекрестка, всталъ въ тѣни громадныхъ сосенъ, чтобъ пропустить всадниковъ. Вскорѣ голоса раздались рядомъ съ нимъ. Всадники, очевидно, остановились.

— Здѣсь дорога, сказалъ одинъ голосъ совершенно явственно.

— И отлично, отвѣчалъ другой:—мы повернемъ на тропинку и выиграемъ цѣлый часъ.

— Нѣтъ, будемъ держаться большой дороги, замѣтилъ третій голосъ.—Если Джо-Голъ догадается, въ чемъ дѣло, то онъ отвезетъ его въ Сакраменто, а другой дороги нѣтъ. Мы его и накроемъ.

Джакъ Гамлинъ слушалъ, притаивъ дыханіе.

— Но мы потеряемъ часъ, продолжалъ второй голосъ.

— Ничего, молодцы подождутъ, отвѣчалъ третій голосъ.

Въ ту же минуту, раздались общій смѣхъ, бряцаніе шпоръ и топотъ удаляющихся лошадей.

Гамлинъ не пошевелилъ ни однимъ мускуломъ, пока голоса не замерли вдали. Тогда онъ поспѣшно взглянулъ на ребёнка, который спокойно спалъ. Щеки Джака пылали, а въ черныхъ глазахъ его блестѣлъ огонь. Что ему было дѣлать? Осторожно слѣдовать за этими поборниками суда Линча значило отказаться отъ предупрежденія шерифа о готовившемся нападеніи на его узника. Если же онъ отправится по тропинкѣ въ Одноконный Станъ, то можетъ разойтись съ шерифомъ. Не будь у него на рукахъ ребёнка, онъ рѣшился бы обогнать всадниковъ — но теперь это было невозможно. Ему оставалось только слѣдовать за ними до Вингдама, оставить тамъ Олли и постараться достигнуть раньше ихъ Одноконнаго Стана. Это послѣднее было возможно, если всадники остановились бы на время въ Вингдамѣ.

Мало-по-малу, чувство неудовольствія, что его связывалъ этотъ ребёнокъ, перешло въ самое теплое сочувствіе и сожалѣніе къ нему. Онъ нѣжно обвивалъ Олли рукой, боясь, чтобъ она не проснулась, и надѣялся, что ему удасться доставить ее въ этомъ положеніи до города и сдать спящею на руки вѣрному Питу. Онъ очень боялся, чтобъ ребёнокъ, проснувшись, не вывѣдалъ у него ужасной правды о братѣ; онъ теперь на все смотрѣлъ глазами Олли, и, еслибъ она расплакалась, то и онъ, кажется, сталъ бы ей вторить. Таково было его безсознательное поклоненіе этому ребёнку. Наконецъ, при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, онъ достигъ Вингдама и съ удовольствіемъ увидалъ, что у подъѣзда отеля остановились три вооруженные всадника, голоса которыхъ онъ, очевидно, слышалъ ночью на дорогѣ. Они соскочили съ лошадей и вошли въ буфетъ. Джакъ осторожно вынулъ изъ тележки спящую Олли и, отнеся ее въ свою комнату, положилъ на постелѣ.

— Господи! это—ребёнокъ! воскликнулъ съ изумленіемъ Питъ, котораго Джакъ разбудилъ и притащилъ къ кровати, гдѣ Олли была полускрыта наброшенными на нее шалями и плэдами.

— Молчи, идіотъ! ты ее разбудишь, произнесъ Джакъ шепотомъ:—выслушай меня. Дай ей спать сколько она хочетъ. Когда она проснется, то скажи, что я пошелъ за ея братомъ. Говори ей что хочешь, только скрой правду. Что ты дѣлаешь, дуракъ?

Питъ нѣжно освободилъ ребёнка отъ груды шалей и плэдовъ.

— Вы ее задушите, отвѣчалъ онъ.

— Достань мнѣ лошадь, сказалъ Гамлинъ, довольный сочувствіемъ, которое доказывалъ ребёнку Питъ.

— Здѣсь не осталось ни одной лошади. Всѣ угнаны въ Одноконный Станъ.

— У подъѣзда стоятъ три лошади, сказалъ Джакъ съ злобной улыбкой.

— Ради Бога! не дѣлайте этого, мистеръ Джакъ! воскликнулъ со страхомъ Питъ:—они вамъ не спустятъ такой шутки.

Но Джакъ, видя передъ собою покойно спавшую Олли и слыша въ буфетѣ громкіе голоса всадниковъ, очевидно, подкрѣплявшихъ свои силы водкой, чувствовалъ себя способнымъ на все.

— Я не знаю, которую изъ лошадей я возьму, сказалъ онъ хладнокровно: — но ты узнаешь это отъ ея собственника. Скажи ему, что мистеръ Джакъ Гамлинъ велѣлъ кланяться и предлагаетъ взять взамѣнъ кобылу съ тележкой. Ну, не возражай. До свиданія!

Онъ нагнулся, поцѣловалъ Олли и, погрозивъ пальцемъ Питу, выбѣжалъ изъ комнаты.

Вѣрный слуга сталъ прислушиваться, едва переводя дыханіе. Черезъ минуту на улицѣ раздался лошадиный топотъ, и онъ воскликнулъ съ отчаяніемъ.

— Онъ взялъ лошадь! Господи! спаси его! Дѣло—дрянь! Кàкъ бы ему не поплатиться головой.

Между тѣмъ, Джакъ Гамлинъ скакалъ на быстромъ конѣ одного изъ всадниковъ по дорогѣ въ Одноконный Станъ.

XLI.

Думфи поражен движеніемъ въ недвижимой собственности.

Обычная самоувѣренность Думфи теперь вполнѣ возвратилась и онъ принялся съ новой энергіей за нѣсколько крупныхъ предпріятій, дремавшихъ въ послѣднее время, и быстро пустилъ ихъ въ ходъ, къ величайшему удовольствію мелкихъ дѣльцовъ, умолявшихъ его дать толчокъ дѣлу, прикрывъ его своимъ именемъ. Онъ подписалъ уставъ и выдалъ чекъ ассоціаціи для поощренія эмиграціи посредствомъ разсылки по сосѣднимъ штатамъ мильйона соблазнительныхъ памфлетовъ, расхваливавшихъ въ самыхъ цвѣтистыхъ выраженіяхъ всѣ преимущества Калифорніи для фермеровъ и доказывавшихъ, что 150 долларовъ, употребленныхъ на поѣздку, равнялись цѣнѣ фермы. Онъ также

оказалъ содѣйствіе къ отправкѣ краснорѣчиваго мистера Блогарда и убѣдительнаго Виндигуста въ восточные штаты, для изустнаго распространенія тѣхъ же свѣдѣній. Наконецъ, онъ поручилъ двумъ знаменитымъ калифорнійскимъ статистикамъ доказать цифрами, что болѣе народа умерло отъ молніи и замерзло на улицахъ Нью-Йорка въ одинъ годъ, чѣмъ погибло насильственной смертью и отъ несчастій на желѣзныхъ дорогахъ, въ теченіи трехъ вѣковъ, въ Калифорніи. Кромѣ того, онъ въ этотъ день составилъ великолѣпный планъ: провести воду изъ озера Тахае въ Сан-Франциско, доставляя тѣмъ возможность гражданамъ поддерживать все лѣто роскошные, зеленые лужкй передъ своими домами; онъ основалъ два банка и линію дилижансовъ, открылъ заведеніе минеральныхъ водъ и составилъ проектъ объ основаніи маленькаго городка въ предмѣстьи Сан-Франциско. Онъ только-что возвратился съ нѣсколькими друзьями изъ этой мѣстности, которую хотѣлъ назвать своимъ именемъ, и вообще былъ въ самомъ веселомъ настроеніи духа. Всякая тѣнь смущенія, замѣтная во время разговора съ Пойнсетомъ, теперь исчезла.

Утро было туманное, а предшествовавшая ему ночь—тихая, свѣтлая, что̀ составляло обыкновенное атмосферическое явленіе того времени года, а потому Думфи не обратилъ на него особеннаго вниманія. Однако, войдя въ контору, онъ почувствовалъ въ воздухѣ какую-то особенную тяжесть и снялъ сюртукъ и галстухъ. Вскорѣ, утренняя почта такъ всецѣло заняла его, что онъ забылъ о погодѣ. Между прочими письмами, онъ получилъ одно отъ мистрисъ Сепульвиды, которая писала, что, неожиданно и непонятно, пересохли источники въ нижнихъ равнинахъ, а, вслѣдствіе этого, большое количество ея скота пало отъ жажды. Подобное извѣстіе было очень важно для Думфи, который далъ денегъ подъ залогъ этого подлежащаго тлѣнію капитала, и онъ немедленно отмѣтилъ на поляхъ письма, что необходимо принять мѣры къ прекращенію такого безпорядка въ природѣ, происшедшаго, по всей вѣроятности, отъ женской нераспорядительности. Далѣе, мистрисъ Сепульвида спрашивала свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Конроевой Рудѣ и высказывала чисто женское желаніе реализировать свои акціи. Письмо оканчивалось слѣдующими словами: «Я, по всей вѣроятности, увижу васъ вскорѣ въ Сан-Франциско. Пепе говоритъ, что сегодня утромъ приливъ поднялся такъ высоко, какъ никогда еще не случалось съ 1800 года. Я не считаю себя безопасной на берегу и выстрою новый домъ подальше будущею весною». Думфи съ улыбкой сложилъ письмо. Онъ было завидовалъ Пойнсету; но теперь оказа-

лось, что женщина, на которой молодой человѣкъ долженъ былъ жениться, была легкомысленнымъ, безразсуднымъ существомъ, которому грозило неминуемое раззореніе, и, однако, она предпринимала поѣздку въ 200 миль изъ-за глупаго, суевѣрнаго, женскаго каприза. Онъ съ удовольствіемъ подумалъ, что, такимъ образомъ, красивый, гордый и непризнающій даже своей счастливой звѣзды Артуръ Пойнсетъ могъ открыть, въ концѣ концевъ, что его обманули—и просить помощи и содѣйствія у Думфи. Его торжество было бы тѣмъ полнѣе, что совѣтъ и содѣйствіе Пойнсета въ дѣлѣ полковника Старботля оказались безполезными. При мысли о столь блестящей мести, онъ уже потиралъ отъ удовольствія себѣ руки.

Когда же, черезъ нѣсколько минутъ, ему подали карточку полковника Старботля, то самодовольство Думфи достигло своего апогея. Храбрый полковникъ, конечно, явился за отвѣтомъ, и, слѣдовательно, Артуръ его не видалъ и не открылъ имени его невѣдомаго кліента. Возможность побѣдить этого человѣка, безъ всякой помощи Пойнсета, чрезвычайно улыбалась Думфи. Чтобъ приготовиться къ разговору съ полковникомъ и чтобъ нѣсколько наказать его самоувѣренность, онъ продержалъ цѣлыхъ пять минутъ своего посѣтителя въ конторѣ.

Наконецъ, онъ приказалъ его просить и не поднялъ головы съ конторки, пока полковникъ поспѣшно не подошелъ къ нему и не положилъ на конторку своей палки; его лицо было багровое, грудь тяжело колыхалась и вообще кровь кипѣла. Но, все же онъ очень прилично и сдержанно сказалъ:

— Позвольте, сэръ, прежде чѣмъ мы приступимъ къ дѣлу, посвятить одну минуту на необходимое объясненіе. Десять минутъ тому назадъ, я отдалъ лежащую передъ вами карточку одному изъ служащихъ въ вашей конторѣ. Я желалъ бы знать, сэръ, была ли она вамъ передана тогда же?

— Да̀, отвѣчалъ Думфи съ нетерпѣніемъ.

Старботлъ протянулъ хладнокровно руку чрезъ конторку Думфи и позвонилъ. Одинъ изъ писцовъ показался въ дверяхъ.

— Я желаю, началъ полковникъ, обращаясь къ изумленному молодому человѣку:—я васъ призвалъ... чтобъ взять назадъ тѣ непріятности, которыя я вамъ сказалъ, а также и угрозу личнаго насилія. Виноваты не вы, а вашъ хозяинъ, который долженъ передо мною извиниться. Но все же, сэръ, я всегда готовъ дать вамъ удовлетвореніе... то есть, конечно, послѣ вашего хозяина.

Чувствуя, въ присутствіи Старботля, прежнее смущеніе, Думфи махнулъ головой писцу и, послѣ его ухода, сказалъ съ искуственной фамильярностью:

— Очень жаль, полковникъ, но я занятъ. Не обижайтесь; все это — одно недоразумѣніе. Я — дѣловой человѣкъ, и мнѣ дорога каждая минута.

— Чрезвычайно радъ, сэръ, вашему объясненію и охотно принимаю ваши извиненія, отвѣчалъ полковникъ, мгновенно повеселѣвъ:—а я ужъ думалъ, что дѣло будетъ такое же, какъ съ Толлаверомъ изъ Джорджіи. Я однажды зашелъ къ нему въ Уашингтонѣ, въ 1848 году. Мальчикъ понесъ къ нему карточку. Я ждалъ десять минутъ, но отвѣта не было. Тогда я послалъ своего пріятеля, бѣднаго Джефа Бумеринга, впослѣдствіи убитаго въ Новомъ Орлеанѣ Беномъ Пасторомъ, съ вызовомъ. На второмъ выстрѣлѣ, сэръ, Толлаверъ упалъ обливаясь кровью, и, подозвавъ меня, сказалъ едва слышно: «все это—недоразумѣніе, Старъ; я никогда не получалъ карточки. Пожалуйста, задайте трепку проклятому негру. Мнѣ самому уже до этого не дожить». И онъ умеръ, какъ джентльмэнъ.

— Что вы имѣете предложить? спросилъ поспѣшно Думфи при первой возможности остановить словоохотливаго полковника.

— Насколько мнѣ помнится, отвѣчалъ полковникъ:—во время нашего послѣдняго разговора за стаканомъ вина въ вашемъ домѣ, вы сказали, что сдѣлаете мнѣ предложеніе. Если я ошибаюсь, то готовъ за это отвѣтить.

Думфи сначала хотѣлъ разомъ покончить дѣло и рѣзко объявить Старботлю, что его кліентъ бѣжалъ, но, по различнымъ причинамъ, онъ перемѣнилъ свою тактику.

— Мы съ вами, Старботль—люди свѣтскіе, сказалъ онъ, пододвигая свое кресло къ полковнику и фамильярно кладя ему руку на плечо:—мы оба—джентльмэны, но я—человѣкъ дѣловой, а вы нѣтъ. Намъ надо понять другъ друга. Пожалуйста, не обижайтесь. Женщина, которая выдаетъ себя за мою жену, не существуетъ. Неправда ли? Хорошо, я понимаю. Васъ обманули. Я васъ за это и не обвиняю. Но если я, какъ человѣкъ свѣтскій и дѣловой, скажу вамъ, что ваша игра проиграна, то вы, конечно, меня поймете. Чортъ возьми! Вотъ прочтите, прибавилъ онъ, подавая ему телеграмму, полученную наканунѣ:—теперь уже этого человѣка повѣсили судомъ Линча, а женщина бѣжала.

Старботль прочелъ телеграмму и спокойно, не выражая никакого удивленія отвѣчалъ.

— Конрой! Конрой! Я его не знаю. Былъ Макъ Конрой въ Сент-Джо, но это, вѣрно—не онъ. Нѣтъ, онъ такъ не поступилъ бы. Дѣло не походитъ на дуэль, а на убійство джентльмэнъ

неспособенъ. Чортъ возьми! я на его мѣстѣ оскорбился бы этой телеграммой.

— И вы не знаете мистрисъ Конрой? спросилъ Думфи, пристально смотря на Старботля.

— Мистрисъ Конрой? Жену вашего управляющаго, одну изъ прелестнѣйшихъ женщинъ на свѣтѣ? Конечно, знаю. Такъ это — ея мужъ! Очень, очень жаль бѣдную женщину! Но что тутъ общаго съ нашимъ дѣломъ? А, понимаю! прибавилъ полковникъ махая рукою:—все это сплетни, сэръ! Правда, она прекрасная женщина! Но если и выказывала нѣкоторое вниманіе къ полковнику Старботлю, то всѣ женщины падки на это. Вы понимаете, Думфи, что тутъ нѣтъ ничего необыкновеннаго, а сплетники вѣрно сочинили исторію, что мужъ изъ ревности убилъ не того человѣка, а она убѣжала съ полковникомъ, ха, ха, ха! Нѣтъ, сэръ, произнесъ онъ, принимая торжественную позу:—вы можете всѣмъ сказать, что полковникъ Старботль говоритъ, что эта исторія—ложь и готовъ защищать честь оклеветанной женщины своею кровью.

Несмотря на странный, смѣшной оборотъ, приданный разговору Старботлемъ, Думфи не могъ не убѣдиться, что онъ говорилъ искренно и что мистрисъ Старботль не была его таинственной кліенткой. Думфи понялъ, что вся его система рушилась и, вмѣстѣ съ нею, исчезла надежда на счастливый исходъ непріятнаго дѣла. Ему все же, попрежнему, угрожала таинственная опасность и, хотя онъ не былъ суевѣренъ, но съ какимъ-то необъяснимымъ страхомъ думалъ о своемъ невѣдомомъ врагѣ. Неужели, это дѣйствительно была его жена? Не поддался ли обману хитрый Пойнсетъ, или не хотѣлъ ли онъ его провести? Во всякомъ случаѣ, надо было узнать имя этого врага и попробовать, не пойдетъ ли Старботль на подкупъ.

— Я только-что сказалъ, что васъ обманула женщина, выдающая себя за мою жену, произнесъ онъ: — но я ошибся и неправильно подозрѣвалъ одну особу въ этомъ обманѣ. Можетъ быть, моя жена и дѣйствительно жива. Привезите ее завтра, и я тогда признаю фактъ ея существованія.

— Вы забыли, что она не хочетъ съ вами видѣться, прежде чѣмъ ея права будутъ доказаны въ судѣ, отвѣчалъ Старботль.

— Хорошо, мы понимаемъ другъ друга. Но я—человѣкъ практическій и люблю вести дѣла прямо съ продавцами, безъ коммиссіонеровъ, хотя и не отказываюсь уплатить за коммиссію. Вы, какъ джентельмэнъ и свѣтскій человѣкъ, конечно, меня понимаете. Представьте вашу довѣрительницу, и я немедленно покончу съ вами дѣло. Я знаю, вы скажете, что дали слово и т. д.; но

будьте покойны, я васъ не выдамъ. Вы можете просто указать мнѣ, гдѣ я ее увижу. Главное, я желалъ бы убѣдить васъ, что готовъ вполнѣ справедливо поступить въ этомъ дѣлѣ. Я съ удовольствіемъ выдалъ бы вамъ чекъ, въ 5,000 долларовъ, въ доказательство своихъ добрыхъ намѣреній.

Полковникъ всталъ, вытянулся во весь ростъ, выставилъ впередъ свою мощную грудь и, схвативъ Думфи за руку, произнесъ съ жаромъ:

— Я очень радъ, что имѣю дѣло съ джентльмэномъ и благороднымъ человѣкомъ. Ваши чувства вамъ дѣлаютъ честь, сэръ. Я горжусь знакомствомъ съ вами. Но, долженъ сказать съ сожалѣніемъ, что не могу доставить вамъ желаемыхъ свѣдѣній. Я самъ не знаю ни имени, ни адреса моей кліентки.

При первыхъ словахъ полковника, на лицѣ Думфи показалась презрительная улыбка самодовольствія, но тотчасъ она смѣнилась выраженіемъ гнѣвнаго подозрѣнія.

— Жаль, чортъ возьми! что вы такъ легкомысленны, произнесъ онъ настолько оскорбительнымъ тономъ, насколько онъ смѣлъ, при данныхъ обстоятельствахъ.

— Ваша откровенность и довѣріе ко мнѣ, отвѣчалъ Старботль, какъ бы не видя ничего обиднаго въ словахъ или тонѣ Думфи:—заслуживаютъ того же съ моей стороны. Сказавъ однажды, что я не знаю имени и адреса моей кліентки, конечно, я не потерплю, чтобъ кто-нибудь выразилъ малѣйшее сомнѣніе по этому предмету. Я увѣренъ, что это и невозможно со стороны такого джентльмэна, какъ вы. Благодарю васъ, сэръ, еще разъ за ваше довѣріе, продолжалъ онъ, когда Думфи молча кивнулъ головою: — приступимъ теперь къ дѣлу. Я считаю излишнимъ называть ту особу, которая явилась посредникомъ между мною и моей настоящей кліенткой. Вѣрьте мнѣ, сэръ, что эта особа— вполнѣ почтенная. Поручивъ мнѣ это дѣло, она мнѣ передала запечатанный конвертъ съ адресомъ моей кліентки и главнаго свидѣтеля. Я не имѣю права открыть его, пока не истощу всѣ средства къ примиренію. Вотъ конвертъ; вы видите, что онъ еще не распечатанъ.

Думфи инстинктивно протянулъ руку, но Старботль очень учтиво отвелъ ее и положилъ конвертъ на столъ передъ собою.

— Вы понимаете, сэръ, что я не распечатаю конверта, пока не представится необходимость идти въ судъ. Но еслибъ я случайно забылъ его здѣсь на столѣ и получилъ бы обратно завтра, въ томъ же видѣ, не распечатаннымъ, то — вы понимаете — я, какъ джентльмэнъ и благородный человѣкъ, не нарушилъ бы даннаго слова.

— Понимаю, отвѣчалъ Думфи съ усмѣшкой.

— Извините, но у меня есть еще одно условіе: потрудитесь написать то, что я вамъ продиктую, произнесъ Старботль, вставая и шагая по комнатѣ, словно отмѣривая пространство для дуэли:—вы готовы?

— Диктуйте, сказалъ Думфи, съ нетерпѣніемъ взявъ въ руки перо.

— Я, нижеподписавшійся, обязуюсь, въ случаѣ открытія конфиденціально сообщенныхъ мнѣ свѣдѣній полковникомъ Старботлемъ, дать ему удовлетвореніе... какъ водится между джентльмэнами въ этой мѣстности и тѣмъ оружіемъ, которое онъ изберетъ, не дожидаясь формальнаго вызова, а, если я этого не исполню, то признаю себя нынѣ же лгуномъ, трусомъ и подлецомъ.

Вполнѣ занятый сочиненіемъ этого важнаго документа, Старботль не замѣтилъ презрительной улыбки, съ которой Думфи подписалъ его. Онъ молча взялъ бумагу и спряталъ въ карманъ.

— Что касается чека, прибавилъ онъ:—то лучше напишите его на свое имя.

Думфи задумался. Онъ, какъ практическій человѣкъ, желалъ прежде удостовѣриться въ томъ, что содержалось въ конвертѣ, а потомъ уже произвести уплату; но, черезъ минуту, онъ снова улыбнулся и, написавъ чекъ, подалъ его Старботлю.

— Если это васъ не очень обезпокоитъ, то потрудитесь приказать кому-нибудь изъ служащихъ у васъ получить для меня деньги, произнесъ полковникъ съ достоинствомъ.

Думфи нетерпѣливо позвонилъ и отдалъ чекъ вошедшему конторщику, а Старботль, какъ бы ни въ чемъ ни бывало, подошелъ къ окну.

Въпродолженіи всей своей послѣдующей жизни, онъ долго раскаявался въ этой излишней осторожности и никакъ не могъ себѣ простить, что не положилъ въ карманъ чека. Въ ту самую минуту, какъ онъ подошелъ къ окну, онъ почувствовалъ, что полъ комнаты мгновенно поднялся и такъ же быстро опустился. Въ глазахъ у него потемнѣло, онъ былъ силою отброшенъ къ камину и, со страхомъ взглянувъ на своего собесѣдника, увидалъ, что тотъ едва держался на ногахъ, также блѣдный и испуганный. Черезъ мгновеніе, со стѣны упала полка съ книгами, и въ сосѣдней комнатѣ раздались крики, торопливые шаги, дребезжаніе стеколъ и трескъ дерева. Думфи и Старботль бросились къ дверямъ, но не могли ихъ отворить, несмотря на всѣ усилія. Съ дикимъ воплемъ запертаго въ клѣткѣ звѣря, Думфи выбилъ стекло въ окнѣ и выскочилъ на улицу. Старботль по-

слѣдовалъ за нимъ. Забывъ обо всемъ, они искали только спасенія и разбѣжались въ разныя стороны, не сознавая, куда и зачѣмъ стремились.

Улица была переполнена шумными толпами блѣдныхъ, до смерти перепуганныхъ, едва переводящихъ дыханіе людей, потерявшихъ всякое сознаніе, кромѣ животныхъ инстинктовъ. Одни истерически смѣялись, сами не зная чему; другіе кричали во все горло безсвязныя слова, третьи въ безмолвномъ отчаяніи стояли подъ обрушившимися карнизами. Нѣкоторые бѣгали взадъ и впередъ, какъ безумные, держа въ рукахъ письма, дѣловыя бумаги или счетныя книги; были и такіе, которые, забывъ всякое приличіе, выскочили на улицу безъ всякой одежды. Двое несчастныхъ, спасаясь отъ смерти, нашли ее, бросившись на мостовую съ четвертаго этажа. Храбрые, мужественные люди дрожали, какъ дѣти; одни увѣряли, что вся опасность ужь прошла и роковой ударъ никогда болѣе не повторится, а другіе, качая головою, предвѣщали скорое его повтореніе. Земля была устлана обломками трубъ и грудами мусора; кое-гдѣ валялись сломанные экипажи и убитыя лошади, которыя, съ испуга, въ безумной скачкѣ налетѣли на какую-нибудь преграду. Вокругъ телеграфныхъ станцій и газетныхъ конторъ толпился народъ, жаждая извѣстій о произведенныхъ бѣдствіяхъ. Въ отдаленныхъ переулкахъ жители сидѣли на ступеняхъ своихъ домовъ, боясь возвратиться подъ устроенный съ такимъ трудомъ кровъ и одинаково страшась сдѣлать шагъ вправо или влѣво, такъ какъ земля могла всюду податься подъ ними. Какъ-то странно, даже оскорбительно казалось, что земля, эта недвижимая собственность, вдругъ выказывала способность къ движенію, и не удивительно ли, что одинъ владѣлецъ обрушившагося маленькаго дома въ безпомощномъ отчаяніи грозилъ кулакомъ Великой Кормилицѣ людей.

Въ дѣйствительности, потеря людьми и имуществомъ была такъ незначительна въ сравненіи съ объявшимъ всѣхъ страхомъ, что, черезъ полчаса послѣ роковаго событія, большинство жителей Сан-Франциско смѣялось надъ своими собственными опасеніями. Думфи, какъ практическій человѣкъ, одинъ изъ первыхъ пришелъ въ себя, и окружающіе его невольно успокоились, когда этотъ великій человѣкъ, рисковавшій потерять столько, возвратился спокойно въ свою контору. Напомнивъ своимъ подчиненнымъ о святости прерванныхъ обязанностей, онъ прошелъ прямо въ кабинетъ. Но на конторкѣ не было конверта. Онъ поспѣшно оглянулся по сторонамъ, посмот-

рѣлъ на полъ, въ окно—но все тщетно. Онъ нетерпѣливо позвонилъ:

— Уплачено по чеку? спросилъ онъ у вошедшаго конторщика.

— Нѣтъ, сэръ; мы только что стали считать деньги, какъ...

— Не выдавайте денегъ и возвратите мнѣ чекъ.

Не успѣлъ молодой человѣкъ выдти изъ комнаты, какъ Думфи его снова потребовалъ.

— Сходите къ мистеру Пойнсету и попросите его тотчасъ пожаловать ко мнѣ, сказалъ банкиръ.

Черезъ нѣсколько минутъ, конторщикъ возвратился, едва переводя дыханіе.

— Мистеръ Пойнсетъ, произнесъ онъ:—уѣхалъ, четверть часа тому назадъ, въ Сан-Антоніо?

— Въ Сан-Антоніо?

— Да, сэръ; оттуда получены печальныя извѣстія.

XLII.

Паденіе правосудія.

Вѣсть объ убійствѣ Виктора Рамиреса произвела страшное волненіе въ Одноконномъ Станѣ. Убійство не было рѣдкимъ явленіемъ въ этомъ мирномъ уголкѣ, и многіе, болѣе и менѣе почтенные граждане, умирали насильственной смертью; къ тому же, жертвой былъ чужестранецъ, не возбуждавшій къ себѣ никакого сочувствія; но подозрѣніе въ убійствѣ мгновенно пало на такихъ значительныхъ лицъ, какъ мистеръ и мистрисъ Конрой, которые и безъ того уже подвергались очень строгому сужденію туземцевъ. По этой причинѣ, означенное преступленіе возъимѣло особенную важность и, въ продолженіи двухъ дней, всѣ дѣла въ Одноконномъ Станѣ прекратились. Только и было разговору повсюду, что о необыкновенномъ убійствѣ.

Первая узнала о преступленіи Солли, которая, отправившись на поиски невозвратившагося наканунѣ въ отель Виктора, наткнулась случайно на его трупъ. Сначала злые языки увѣряли, что незнакомецъ самъ наложилъ на себя руку, чтобъ избѣгнуть преслѣдованій миссъ Кларкъ, но эта нелѣпая ипотеза была тотчасъ оставлена, какъ только разнеслась вѣсть, что Гэбріель и жена его бѣжали. Потомъ стали разсказывать, что рано утромъ одинъ рудокопъ видѣлъ Гэбріеля, тащившаго за шиворотъ незнакомца и осыпавшаго его бранью. Миссъ Кларкъ, съ своей

стороны, показала, что она видѣла, какъ мистрисъ Конрой, незадолго до убійства, разговаривала въ тайнѣ съ Рамиресомъ; кромѣ того, по словамъ китайца, носившаго письмо Гэбріелю, онъ по дорогѣ слышалъ въ кустахъ шумъ и крики о помощи, но это послѣднее показаніе не было включено въ протоколъ слѣдствія, такъ какъ, по знаменитому калифорнійскому закону, свидѣтелями могутъ быть только бѣлые—христіане, тѣмъ болѣе, что, въ виду послѣдующаго бѣгства Гэбріеля, это показаніе было очень невѣроятно, и, конечно, глупый китаецъ ошибся во времени. Наконецъ, люди, работавшіе въ туннелѣ, свидѣтельствовали, что они видѣли въ ту ночь Гэбріеля на скатѣ горы. Только одно доказательство, очень важное въ этомъ дѣлѣ, осталось неизвѣстнымъ большинству жителей Одноконнаго Стана, именно—записка мистрисъ Конрой. Ее подняла Солли и представила мистрисъ Маркль, а та передала стряпчему Максвелю.

Много теорій составилось о причинахъ, побудившихъ къ совершенію подобнаго убійства. Прежде всего увѣряли, что Гэбріель случайно набѣжалъ на любовника своей жены въ минуту ихъ бѣгства и убилъ его на мѣстѣ; потомъ прибавляли, что Гэбріель вызвалъ своего соперника на свиданіе съ женою, пославъ ему подложную записку отъ ея имени. Наконецъ, пришли къ тому убѣжденію, что Гэбріель, вмѣстѣ съ женою, отправили на тотъ свѣтъ непріятнаго, стараго любовника мистрисъ Конрой. Къ вечеру же, на свободѣ, сочинена была новая исторія о томъ, что Гэбріель съ женою убили дѣйствительнаго собственника участка земли, которымъ Конрой неправильно завладѣлъ. Это мнѣніе преобладало надъ всѣми остальными впродолженіе нѣсколькихъ часовъ, но потомъ явился новый варіантъ: что Викторъ не былъ собственникомъ земли, а только опаснымъ свидѣтелемъ, котораго Конрои хотѣли во что бы то ни стало устранить. Случайное, неосторожное замѣчаніе Максвеля еще болѣе подтвердило эту теорію, и Гэбріель Конрой былъ объявленъ нетолько убійцей, но и самозванцемъ. Самый приговоръ присяжныхъ обвинительной камеры былъ произнесенъ противъ Джона До, то-жъ Гэбріеля Конроя. Послѣ этого, всѣ дальнѣйшія предположенія уже были излишни, и досужіе языки даже обвиняли Конроя въ кражѣ лошадей и грабежѣ, недавно случившемся въ окрестностяхъ Одноконнаго Стана. Читателямъ, конечно, понятно, что я упоминаю объ этомъ постепенномъ убѣжденіи туземцевъ въ виновности Конроя именно по характеристичности этого явленія, немыслимаго въ другихъ болѣе образованныхъ общинахъ.

Излишне говорить, что только одно лицо во всемъ селеніи

съ самаго начала упорно отстаивало невинность Гэбріэля, и что это была мистрисъ Маркль. Она нетолько была убѣждена, что онъ—жертва гнуснаго заговора и что мистрисъ Конрой, совершивъ злодѣйство, съумѣла набросить всю тѣнь подозрѣнія на мужа, но и увѣрила въ справедливости своего предположенія стряпчаго Максвеля и Солли. Мало того, она сильно повліяла на самое показаніе Солли, которая явилась передъ присяжными въ глубокомъ траурѣ и подъ креповымъ вуалемъ. «Показаніе миссъ Кларкъ, говорилъ «Сильверопольскій Вѣстникъ»:— хотя прерываемое рыданіями и гнѣвными выраженіями противъ убійцы, произвело на присяжныхъ сильное впечатлѣніе, какъ искреннее краснорѣчіе существа, соединеннаго самыми нѣжными узами съ несчастной жертвой. Говорятъ, что Рамиресъ давно ее зналъ и пріѣхалъ сюда въ надеждѣ увѣнчать долговременную, преданную любовь счастливымъ бракомъ; но презрѣнная рука убійцы превратила фату невѣсты въ креповый вуаль. Изъ нѣкоторыхъ словъ, вырвавшихся изъ устъ свидѣтельницы, несмотря на всю ея скромность, можно ясно вывести, что побудительной причиной была ревность, такъ какъ Гэбріэль Конрой, до своей женитьбы, часто посѣщалъ домъ миссъ Кларкъ». Я привожу этотъ отрывокъ нестолько, какъ доказательство вновь образовавшейся теоріи, сколько въ виду красоты изложенія, составляющей поразительный контрастъ съ грубой, рѣзкой статьей, появившейся въ «Одноконномъ Знамени». «Солли — не простая свидѣтельница, говорила эта послѣдняя газета: — опутавъ себя двадцатью аршинами чернаго крепа и обвернувъ голову черной сѣткой противъ мухъ, она походила на лошадь траурнаго катафалка. Если она намѣрена носить трауръ по каждому посѣтителю, которому она подаетъ обѣдъ, то мы ей совѣтуемъ скупить всѣ черныя матеріи во всѣхъ лавкахъ и нанять на цѣлый годъ траурный экипажъ. Люди проницательные полагаютъ, что эта комедія сочинена «Вѣстникомъ», чтобъ отвлечь вниманіе отъ настоящихъ причинъ убійства, въ которомъ замѣшаны люди, стоящіе гораздо выше Солли. Мы не назовемъ никого, но спросимъ у редактора, что̀ онъ дѣлалъ вчера, въ десять часовъ вечера, въ конторѣ агента Питера Думфи. Онъ подводилъ свой текущій счетъ — не правда ли? Какая цифра этого счета сегодня? Отвѣтьте, господинъ редакторъ».

Въ то же утро, въ часъ, редакторъ «Вѣстника» выстрѣлилъ на улицѣ въ редактора «Знамени», но не попалъ. Въ половинѣ второго, двое неизвѣстныхъ людей были ранены въ происшедшей свалкѣ, у дверей магазина Бригса. Въ девять часовъ, около дюжины горожанъ собралось вокругъ этого дома, и черезъ пол-

часа толпа увеличилась до пятидесяти человѣкъ. Въ то же время, другая, менѣе значительная группа составилась на лѣстницѣ въ зданіи суда, гдѣ содержался подъ арестомъ Конрой. Въ десять часовъ, въ предмѣстье города прискакалъ всадникъ и, бросивъ свою полумертвую лошадь, бросился къ суду. Это былъ Джакъ Гамлинъ. Но три голоса, которые онъ слышалъ по дорогѣ, опередили его и торжественно объявили съ лѣстницы суда народную волю.

Это объявленіе относилось до Джо-Гола, шерифа Коловераса, который, въ продолженіи двѣнадцати часовъ, одинъ, безъ всякой помощи и покинутый всѣми, сидѣлъ подлѣ арестанта—твердый, энергичный, грозный. Онъ спокойно ждалъ за баррикадой, устроенной за дверью тюрьмы, нападенія; за поясомъ у него были заряженные пистолеты, но въ сердцѣ не было надежды. Человѣкъ ограниченный, безъ всякихъ средствъ къ защитѣ, онъ зналъ только одно: что законъ и голоса выбравшихъ его людей повелѣвали ему умереть, исполняя свою обязанность. Сначала его нѣсколько смущало, что между голосами, кричавшими на улицѣ, онъ различалъ и голоса нѣкоторыхъ изъ своихъ избирателей, но потомъ онъ вспомнилъ, что въ полученномъ имъ исполнительномъ листѣ было сказано: «предписывается вамъ арестовать и представить лично Гэбріеля Конроя». Эта простая, ясная фраза удвоила его силы. Онъ не походилъ на героя; маленькаго роста, суетливый, онъ не внушалъ своей внѣшностью никакого уваженія и, сидя за запертою дверью, молча гладилъ себѣ бороду.

— Слышите! воскликнулъ онъ, наконецъ, подходя къ Гэбріелю:—они подступаютъ.

Гэбріель кивнулъ головой. Узнавъ, два часа передъ тѣмъ, о предполагаемой народной расправѣ, онъ написалъ записку стряпчему Максвелю, передалъ ее шерифу, и съ тѣхъ поръ сохранялъ свое обычное спокойствіе.

— Вы мнѣ поможете? спросилъ Голъ.

— Конечно, отвѣчалъ Гэбріель, съ удивленіемъ смотря на своего тюремщика:—если вы этого хотите. Но, пожалуйста, не подвергайте себя никакой опасности изъ-за меня. Я этого не стою. Не лучше ли вамъ отдать меня головою толпѣ? Но если вы считаете себя обязаннымъ передъ присяжными судьями доставить меня въ цѣлости, то я васъ не выдамъ. Понимаете?

Произнеся эти слова удивительно-нѣжнымъ тономъ, онъ всталъ и отставилъ къ стѣнѣ свой стулъ. Шерифъ успокоился. Семидесятипушечный корабль приготовлялся вступить въ бой и очищалъ себѣ дорогу.

Мало-по-малу шумъ на улицѣ затихъ, и раздался одинъ повелительный голосъ. Шерифъ подошелъ къ окну и отворилъ его. Осаждающій и осажденный измѣрили другъ друга взглядами.

— Ступай домой, Джо-Голь! произнесъ голосъ изъ толпы:— мать давно тебя дожидается.

— Чего брешешь, старая вѣдьма! отвѣчалъ поспѣшно Голь:— въ попыхахъ, что̀ ли, надѣла братнины штаны вмѣсто юбки! Убирайся сама по добру, по здорову!

— Не болтай пустяковъ, Джо-Голь. Насъ пятьдесятъ человѣкъ и, въ томъ числѣ, наши избиратели.

— Чортъ бы васъ всѣхъ побралъ!

— Смотри!

— Смотри самъ!

Въ эту минуту раздались страшный ударъ въ дверь, пистолетный выстрѣлъ и стеклы въ окнѣ полетѣли въ дребезги. Переговоры были окончены; военныя дѣйствія начались.

Нѣсколько часовъ тому назадъ, Голь перевелъ своего узника изъ плохо-защищеннаго каземата нижняго этажа въ залу судебныхъ засѣданій во второмъ этажѣ, въ окна которой нельзя было влѣзть, а массивныя ея двери были заставлены скамейками и столами. Съ боку находилась маленькая дверь для рекогносцировокъ. Въ эту залу вела узкая лѣстница, которую, посрединѣ Гэбріель загородилъ большимъ присутственнымъ столомъ, такъ что проходъ по ней былъ почти невозможенъ. Наружная дверь, передъ которой также была устроена баррикада, начала, однако, мало-по-малу, поддаваться могучимъ усиліямъ толпы. Осажденные тревожно слѣдили съ верхней площадки за тѣмъ, что̀ дѣлалось внизу. Въ ту самую минуту, какъ дверь, наконецъ, соскочила съ петель, шерифъ поспѣшилъ отретироваться въ залу, но Гэбріель, махнувъ ему рукою, быстро подлѣзъ подъ столъ, который заграмождалъ ступени лѣстницы. Осаждающіе, выведенные изъ себя новой преградой, бросились на столъ, и нѣкоторые влѣзли на него, но тутъ словно сверхъестественной силой, онъ поднялся съ одной стороны и всей своей тяжестью грохнулся на головы толпы, которая съ криками и воплями бросилась назадъ на улицу. Между тѣмъ, новый Самсонъ преспокойно всталъ и медленно удалился въ судебную залу. Но онъ не успѣлъ затворить за собою маленькой двери и вмѣстѣ съ нимъ проникъ въ залу одинъ изъ осаждающихъ, незамѣтно проложившій себѣ туда дорогу. Въ ту же минуту, раздался выстрѣлъ, и несчастный упалъ.

— Стой! воскликнулъ онъ, приподнимаясь на колѣняхъ:—я пришелъ вамъ помочь.

Это былъ Джакъ Гамлинъ, оборванный, запыленный, съ пылающими щеками, но все же сильный, смѣлый, хотя кровь и струилась у него изъ раны на ногѣ. Гэбріель и шерифъ инстинктивно бросили свое оружіе и подняли Гамлина съ пола.

— Посадите меня на стулъ, сказалъ онъ хладнокровно:—спасибо. Ну, мы съ вами, Джо-Голъ, квиты; вы разсчитались со мною за старое, хотя и лишили себя моей помощи. Но времени терять нельзя. Выслушайте меня. Вамъ можно бѣжать только по крышѣ, прибавилъ онъ, указывая на большое окно, освѣщавшее залу сверху: — задняя стѣна дома выходитъ на Вингдамскій Оврагъ. Выбравшись на крышу, вы легко достигнете земли съ помощью веревки; только вамъ надо распутать ее: она обвита вокругъ меня. Чортъ возьми! Я самъ не могу ничего сдѣлать. Вы можете добраться до верхняго окна?

— Можемъ по лѣстницѣ изъ галлереи, отвѣчалъ шерифъ весело:—но, вѣдь, насъ увидятъ.

— Прежде, чѣмъ они обѣгутъ кругомъ дома, вы уже успѣете скрыться въ лѣсу. Но чего вы ждете? Ступайте. Вы еще можете удержаться десять минутъ, если они начнутъ осаду снова съ двери; но догадайся они добыть лѣстницъ и взлѣзть на крышу, то все дѣло погибло. Ступайте! ступайте!

На лѣстницѣ раздался новый шумъ; на тяжелую дверь посыпались удары ломовъ и мотыкъ; баррикада начала поддаваться, и пули, проникая сквозь щели двери, засвистали въ залѣ. Но шерифъ все еще колебался. Наконецъ, Гэбріель, взявъ на руки раненнаго Гамлина, какъ малаго ребенка, и сдѣлавъ знакъ шерифу, направился къ галлереѣ. Но онъ не сдѣлалъ и двухъ шаговъ, какъ зашатался и едва не упалъ; Голъ, слѣдовавшій за нимъ, также ухватился за перила лѣстницы. Грохотъ извнѣ казалось усилился; нетолько дверь, но и окна затряслись, тяжелая люстра упала съ потолка, увлекая за собою большіе куски штукатурки. Въ осаждающей толпѣ раздались крики ужаса, и по шуму удаляющихся шаговъ можно было заключить, что она вдругъ ретировалась. Наступила неожиданная тишина. Осажденные смотрѣли другъ на друга съ изумленіемъ.

— Землетрясеніе, произнесъ шерифъ.

— Тѣмъ лучше, замѣтилъ Джакъ: — намъ будетъ болѣе времени.

Достигнувъ галлереи, они поднялись по приставной лѣстницѣ на крышу, но, только-что Гэбріель съ своей ношей проникъ сквозь верхнюю дверцу, она съ трескомъ за нимъ затворилась

*

и онъ упалъ на колѣни отъ новаго удара землетрясенія, поколебавшаго весь домъ. Оправившись, онъ положилъ Гамлина на крышу, а самъ вернулся къ двери, чтобъ ее отворить для шерифа, но это было невозможно. Стѣны осѣли и дверь такъ крѣпко захлопнулась, что Джо-Голъ остался узникомъ внутри. Тоже самое произошло и съ дверью залы, такъ, что осаждающіе, несмотря на всѣ свои усилія, не могли ее выломать.

Гэбріель посмотрѣлъ нерѣшительно на Джака, который пристально глядѣлъ внизъ.

— Намъ надо поспѣшить, воскликнулъ Гамлинъ: — они уже достали лѣстницу.

Гэбріель всталъ и взялъ на руки раненнаго. Крыша была очень поката и посреди нея, на небольшомъ куполѣ, красовалась грубая, громадная, въ пятнадцать футовъ вышины статуя изъ дерева. Она изображала правосудіе съ обнаженнымъ мечемъ и колеблющимися вѣсами. Достигнувъ статуи, Гэбріель осторожно пробирался за нею, какъ вдругъ внизу, въ толпѣ раздался крикъ. Его увидали и раздались выстрѣлы. Одна пуля вонзилась въ мечъ богини, а другая нарушила съ жестокой ироніей равенство вѣсовъ.

— Распутайте веревку! воскликнулъ Гамлинъ.

Гэбріель повиновался.

— Привяжите одинъ ея конецъ къ трубѣ или статуѣ.

Но труба была сорвана землетрясеніемъ и даже статуя колебалась на своемъ пьедесталѣ. Поэтому, Гэбріель закинулъ одинъ конецъ веревки за желѣзную щиколду фонаря, освѣщавшаго сверху залу, а другой конецъ бросилъ внизъ. Но веревка оказалась на нѣсколько футовъ слишкомъ коротка, такъ что раненному Гамлину нельзя было соскочить съ такой вышины на землю.

— Ступайте впередъ, произнесъ Гэбріель спокойно:—я вамъ спущу съ крыши веревку. На меня можете положиться.

Не дожидаясь отвѣта Гамлина, онъ обвязалъ его веревкой и, притащивъ къ краю крыши, легъ на животъ, нагнулся насколько возможно черезъ щипецъ и медленно, осторожно опустилъ раненнаго на землю. Потомъ, притянувъ къ себѣ веревку, онъ снова взобрался на куполъ, чтобъ привязать ее и самому спуститься. Но тутъ онъ неожиданно увидалъ верхушку приставленной съ улицы лѣстницы.

Три голоса, тщетно требуя снизу сдачи узника, влѣзли по лѣстницѣ наверхъ, чтобы схватить его. Но на крышѣ никого не было, кромѣ статуи правосудія. Они стали кричать, отвѣта не было. Но вотъ статуя какъ бы оживилась, простерла свои руки,

мечъ и вѣсы заколебались, и, сдѣлавъ могучій натискъ, она грохнулась, вмѣстѣ съ навѣки умолкшими голосами, на землю. Изъ-за пьедестала показалась блѣдная, съ трудомъ переводящая дыханіе, но торжествующая фигура Гэбріеля.

XLIII.

IN TENEBRIS SERVARE FIDEM.

Несмотря на свои громадные размѣры, Гэбріель былъ очень ловокъ и потому легко и безъ малѣйшаго вреда спрыгнулъ на землю. По счастью, паденіе статуи, принятое за результатъ землетрясенія, отвлекло на время вниманіе осаждающей толпы. Гэбріель взялъ на руки едва дышавшаго Гамлина и, опустившись въ оврагъ, черезъ десять минутъ, очутился подъ тѣнью сосенъ Конроевой Горы. Онъ зналъ въ этой мѣстности нѣсколько пещеръ, которыя едва ли были извѣстны другимъ. Отверстіе въ одну изъ нихъ, по счастью, почти совсѣмъ завалило большимъ камнемъ, и потому можно было смѣло разсчитывать, что никто его не замѣтитъ. Гэбріель осторожно внесъ туда свою ношу, да и пора было успокоиться Джаку Гамлину. Кровь такъ сильно струилась изъ его раны, что, послѣ нѣсколькихъ попытокъ поднять голову, онъ безъ чувствъ растянулся на землѣ.

Гэбріель раздѣлъ его и нашелъ опасную рану на большомъ пальцѣ правой ноги. Онъ тотчасъ принялся за дѣло съ своимъ практическимъ знаніемъ медицины и инстинктивнымъ умѣньемъ ходить за больными. Прежде всего, его поразило болѣзненное, изнуренное физическое состояніе этого молодого человѣка, на взглядъ столь энергичнаго и полнаго жизни. Откуда бралась та сила, которая укрѣпляла эту хрупкую оболочку? Гэбріель былъ изумленъ и съ какимъ-то упрекомъ взглянулъ на свою мощную, здоровенную фигуру, рядомъ съ этимъ малокровнымъ, испитымъ, но прекраснымъ Адонисомъ.

Потомъ, съ нѣжностью молодой матери, ухаживающей за своимъ новорожденнымъ младенцемъ, онъ остановилъ кровь и перевязалъ рану такъ искусно, что больной не дрогнулъ. Пока онъ держалъ его на рукахъ, вблизи раздался какой-то трескъ, вѣроятно, отъ пробѣжавшаго мимо зайца или кролика, и онъ крѣпко прижалъ его къ своей груди, закрывъ руками, какъ львица, защищающая своихъ дѣтенышей. Раздѣвая раненаго, Гэбріель съ уваженіемъ смотрѣлъ на невѣдомое ему тонкое бѣлье и деликатно отложилъ въ сторону нѣсколько медальоновъ

на золотой цѣпочкѣ, которыя Гамлинъ носилъ подъ рубашкой. Но одинъ изъ нихъ, открытый, съ фотографическимъ портретомъ, невольно его поразилъ. Изображенное на немъ женское лице напоминало всѣми чертами его сестру, Грэсъ; только ея прекрасный цвѣтъ лица былъ какъ-то странно омраченъ. Гэбріель, съ суевѣрнымъ страхомъ, не могъ оторваться отъ этого медальона.

— Можетъ быть, этотъ портретъ снятъ въ пасмурный день, промолвилъ онъ вполголоса:—или здѣсь темно, или отъ внутренняго жара больного почернѣла фотографія. Развѣ у нея была оспа, но нѣтъ: я помню, у нея она была вмѣстѣ съ Олли. Нѣтъ, прибавилъ онъ, смотря на безсознательно лежавшаго передъ нимъ Джака:—она его никогда не видала. Это мнѣ только кажется. Полно, Гэбъ, не нарушай чужихъ секретовъ! особливо, не пользуйся болѣзненнымъ положеніемъ ближняго.

Онъ только успѣлъ надѣть цѣпочку съ медальономъ на шею Гамлина, какъ послѣдній произнесъ едва слышно:

— Питъ!

— Это, вѣрно—его товарищъ, подумалъ Гэбріель и прибавилъ громко:—Питъ сейчасъ придетъ.

— Питъ, продолжалъ Джакъ съ бо́льшею силой:—отведи лошадь, она навалилась мнѣ на ногу. Развѣ ты не видишь? А то, чортъ возьми! Я опоздаю и его полонятъ.

Сердце Гэбріеля ёкнуло. Если у Джака откроется горячка, то они оба погибли. Но, по счастью, бредъ продолжался недолго, и, черезъ нѣсколько минутъ, открывъ глаза, онъ взглянулъ на Гэбріеля, который ободрительно ему улыбался.

— Что́ же это? я умеръ и меня похоронили? спросилъ Джакъ, озираясь по сторонамъ.

— Нѣтъ, вамъ только было нехорошо одну секунду, отвѣтилъ Гэбріель, совершенно успокоенный:—теперь все прошло.

Гамлинъ хотѣлъ встать, но не могъ.

— Это—ложь, сказалъ онъ весело:—но что̀ намъ дѣлать?

— Если вы спокойно меня выслушаете, то я вамъ скажу, продолжалъ Гэбріель:—вамъ необходимъ докторъ, а вы его не достанете, если будете возиться со мною. Вотъ видите: я пойду къ этимъ людямъ, которые насъ преслѣдуютъ, и скажу имъ: «вы можете меня взять, только подъ условіемъ не трогать моего друга и послать къ нему доктора. Вѣдь, они ничего не могутъ имѣть противъ васъ. Я подъ присягою покажу, что взялъ васъ въ плѣнъ, а Джо не откажется, что стрѣлялъ по васъ».

Слова Гэбріеля, казалось, принесли большое удовольствіе Гамлину.

— Благодарствуйте, сказалъ онъ съ улыбкою:—но, вѣроятно, уже выдали исполнительный листъ на арестованіе меня по обвиненію въ угонѣ лошади, а потому я не отдамся въ ихъ руки. Они могутъ простить васъ за убійство какого-то неважнаго мексиканца, но не сдѣлаютъ того же со мною за угонъ лошади одного изъ ихъ предводителей; особенно когда лошадь упала и сломала себѣ ногу.

Гэбріель взглянулъ на него съ удивленіемъ.

— Я поздно ѣхалъ съ Олли въ Вингдамъ и долженъ былъ помѣняться лошадьми, не дожидаясь согласія собственника. Не удивляйтесь, прибавилъ онъ, неправильно истолковывая молчаніе Гэбріеля:—но я таковъ. Вотъ до чего довели меня недостатокъ аккуратности и постоянное опаздываніе всюду! Никогда не опаздывай, Гэбріель, и поставь себѣ правиломъ жизни всегда приходить во-время въ воскресную школу!

— Жаль, что у меня нѣтъ водки, произнесъ Гэбріель: — нѣсколько капель возстановили бы ваши силы.

— Я не употребляю крѣпкихъ напитковъ, отвѣчалъ серьёзно Джакъ: — безъ особаго приказанія доктора. Мнѣ вредно всякое возбудительное средство. Вотъ смягчающее дѣйствіе раны на меня хорошо повліяетъ.

Но сквозь его шутки проглядывало мучительное страданіе.

— Мы здѣсь останемся до ночи, сказалъ Гэбріель:—а потомъ проберемся въ лѣсъ на Конроевой Горѣ. Тамъ вамъ будетъ поспокойнѣе; а къ вечеру опять спрячемся въ пещерѣ. Дѣлать нечего, у насъ нѣтъ выбора.

Джакъ сдѣлалъ гримасу и съ неудовольствіемъ посмотрѣлъ на окружающія его стѣны пещеры.

— Хорошо, отвѣчалъ онъ съ тяжелымъ вздохомъ человѣка, привыкшаго къ роскошной обстановкѣ:—намъ необходимо остаться здѣсь, по крайней мѣрѣ, еще часъ. Что же вы? намѣрены заставить меня умереть со скуки? Отчего вы ни слова не говорите?

— Что же вы желаете, чтобъ я говорилъ?

— Что хотите. Лгите, только болтайте.

— Я желалъ бы спросить у васъ кое-что, мистеръ Гамлинъ, сказалъ Гэбріель смиреннымъ тономъ: — не подумайте, чтобъ я хотѣлъ вмѣшиваться въ ваши дѣла; я говорю это только для того, чтобы занять время до захода солнца. Во время вашего обморока я случайно увидалъ у васъ на шеѣ медальонъ. Я не спрашиваю, кто эта женщина; но желалъ бы знать—дѣйствительно ли у нея такой темный цвѣтъ лица, какъ на портретѣ?

Джакъ покраснѣлъ и отвѣчалъ поспѣшно:

— Чортъ возьми! Она еще чернѣе, чѣмъ на портретѣ.

Гэбріель, видимо, былъ разочарованъ, а Гамлинъ продолжалъ:

— Да̀, сэръ, и самая бѣлолицая женщина на свѣтѣ не годится ей въ подмётки. Она прелестнѣе даже ангела. Вотъ она какова! Но этотъ портретъ, прибавилъ Гамлинъ, вынимая медальонъ изъ-за пазухи и обтирая его платкомъ: — не передаетъ и сотой доли ея красоты. Но вы—что̀ имѣете вы сказать противъ нея? произнесъ онъ вызывающимъ тономъ.

— Она очень походитъ на мою сестру Грэсъ, отвѣчалъ Гэбріель смиренно:—вы ея не знали, мистеръ Гамлинъ. Она пропала въ 1849 году. Вотъ и все.

Гамлинъ взглянулъ на Гэбріеля съ презрительной улыбкой.

— Ваша сестра? повторилъ онъ: — нѣчего сказать! походитъ она на сестру такого человѣка, какъ вы. Посмотрите, прибавилъ онъ, суя подъ носъ Гэбріелю медальонъ:—вѣдь, это—лэди.

— Не судите Грэсъ по мнѣ или даже по Олли, отвѣчалъ Гэбріель очень мягко, какъ бы не замѣчая обиднаго тона Гамлина.

Но Джакъ не унялся и продолжалъ съ жаромъ:

— Ваша сестра поетъ, какъ ангелъ, и говоритъ по испански, какъ губернаторъ Альварадо? Она—родственница одного изъ старѣйшихъ испанскихъ семействъ въ странѣ, владѣетъ *ранчей* 30 квадратными милями земли и называется Долоресъ Сальватьера? Цвѣтъ лица у нея—какъ молодая кора *модрона*, такъ что всѣ остальныя женщины кажутся передъ нею вымазанными мѣломъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Гэбріель со вздохомъ: — это я сказалъ по глупости, мистеръ Гамлинъ. Но, смотря на этотъ портретъ...

— Я его укралъ, перебилъ Гамлинъ: — я увидѣлъ этотъ медальонъ у нея въ гостиной и рѣшился его похитить. Она сама мнѣ никогда бы его не отдала. Еслибъ ея родственники узнали объ этомъ воровствѣ, то задали бы мнѣ трезвону. Это—не то, что̀ угнать лошадь.

Джакъ разсмѣялся и съ удивительной откровенностью разсказалъ свое первое и послѣднее свиданіе съ донной Долоресъ, причемъ онъ очень смиренно отзывался о себѣ и даже не упомянулъ, что донна Долоресъ его благодарила.

— Вы понимаете теперь, почему я питалъ нѣжныя чувства къ Джони Рамиресу? Естественно, что, узнавъ объ его смерти отъ вашей руки, я воспылалъ къ вамъ страстью. Но разскажите мнѣ подробно: ка̀къ вы это сдѣлали? Говорятъ что онъ ухаживалъ за вашей женой и вы его подкараулили. Ну, ну! я жду, прибавилъ Джакъ, перемѣнившись въ лицѣ:—я право очень страдаю и нуждаюсь въ развлеченіи.

Гэбріель ничего не отвѣчалъ и молча поправилъ перевязку у Гамлина.

— Разсказывайте! воскликнулъ Джакъ, хмуря брови: — или я сейчасъ сорву перевязку и на вашихъ глазахъ изойду кровью. Чего вы боитесь? Я знаю о вашей женѣ болѣе, чѣмъ вы можете мнѣ сказать. Я ее зналъ въ Сакраменто, прежде, чѣмъ вы на ней женились, и она уже тогда водила за носъ Рамиреса. Она также его обманула, какъ васъ. Вѣдь, вы, я надѣюсь—не такой дуракъ, чтобы еще вздыхать по ней?

— Вы говорите о мексиканцѣ Рамиресѣ? произнесъ Гэбріель, смотря прямо въ глаза своего собесѣдника.

— Конечно, отвѣчалъ Джакъ съ нетерпѣніемъ:—не о чортѣ же я говорю?

— Я его не убилъ, спокойно промолвилъ Гэбріель.

— Дà, дà, понимаю, поспѣшно отвѣчалъ Джакъ: — онъ случайно наткнулся на вашъ охотничій ножъ, которымъ вы ковыряли въ зубахъ. Но, разскажите же: кàкъ вы его доканали? Чтò онъ—совсѣмъ трусъ или сопротивлялся?

— Повторяю, что я его не убилъ.

— Такъ кто-жъ его убилъ? воскликнулъ Гамлинъ, внѣ себя отъ нетерпѣнія и страданій.

— Не знаю... можетъ быть... началъ-было Гэбріель и умолкъ, бросивъ странный, смущенный взглядъ на своего собесѣдника.

— Можетъ быть, мистеръ Гэбріель Конрой, сказалъ Джакъ съ неожиданной холодностью и опаснымъ блескомъ глазъ:—вы будете такъ добры объяснить мнѣ, чтò все это значитъ? За чтò я лежу здѣсь раненый? зачѣмъ вы сводили съ ума народъ, запершись въ зданіи суда? Зачѣмъ вы теперь прячетесь здѣсь, да ужъ и кстати: зачѣмъ вы меня посылали за своей сестрой въ Сакраменто? Конечно, мнѣ нуженъ былъ моціонъ и я имѣлъ честь представиться вашей сестрѣ; но объясните мнѣ, чтò это все значитъ?

— Джакъ, отвѣчалъ Гэбріель, неожиданно принимая свой прежній смущенный видъ:—я думалъ, что *она* совершила убійство и, когда меня спросили, то я взялъ вину на себя. Я не впуталъ васъ, Джакъ, въ свое дѣло. Я думалъ, что все равно— они ли меня повѣсятъ, или судъ.

— Такъ вы не убили Рамиреса?

— Нѣтъ.

— И вы полагали, что убійца—ваша жена!

— Дà.

— И вы взяли вину на себя?

— Взялъ.

— Вы это сдѣлали?

— Сдѣлалъ.

— Вы?

— Я.

Гамлинъ отвернулся отъ Гэбріеля и запѣлъ пѣсню «Какъ весною моя Анна», желая этимъ высказать все свое презрѣніе подобному поведенію.

Гэбріель молча подложилъ руку подъ плеча Гамлина, какъ бы желая поправить ему перевязку и поднялъ его, какъ ребенка.

— Джакъ, сказалъ онъ нѣжно: — а еслибъ этотъ портретъ... Эта темная женщина...

— Которая? воскликнулъ злобно Джакъ.

— Да красавица, о которой вы говорили... еслибъ вы узнали случайно, что она васъ обманываетъ или, лучше сказать, что вы поддаетесь обману...

— Она—порядочная женщина, а ваша жена...

Онъ не докончилъ фразы и, взглянувъ на Гэбріеля, прибавилъ.

— Оставьте меня въ покоѣ. Я хочу быть ангеломъ и съ ангелами жить.

— Еслибъ эта женщина имѣла тайну и, чтобъ отдѣлаться отъ человѣка, знавшаго эту тайну и преслѣдовавшаго ее, убила его, то неужели бы вы дозволили этой красавицѣ пострадать за свой поступокъ? Нѣтъ, Джакъ! Вы пожертвовали бы вашей жизнью, и я такъ же сдѣлалъ. Помоги мнѣ Господи!

— Все это очень трогательно, мистеръ Конрой, и дѣлаетъ честь вашему сердцу, отвѣчалъ Джакъ, избѣгая взгляда Гэбріеля: — а который часъ, старый дуракъ? Не довольно ли ужь темно, чтобъ намъ выбраться изъ этой берлоги? Почему вы знаете, что ваша жена это сдѣлала? спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

Гэбріель поспѣшно и съ удивительной для него ясностью разсказалъ всѣ обстоятельства, отъ свиданія съ Рамиресомъ до той минуты, когда онъ наткнулся на трупъ Рамиреса, возвращаясь домой по приглашенію жены. Джакъ только однажды его перебилъ, спросивъ: почему онъ, увидавъ убитаго испанца, не пошелъ къ своей женѣ?

— Я полагалъ, что уже это было излишне, отвѣчалъ Гэбріель: — я не хотѣлъ доказать ей, что убійство мнѣ было извѣстно.

— Идіотъ! произнесъ Гамлинъ: — еслибъ вы дошли до дома, то увидали бы ее въ обществѣ человѣка, совершившаго убійство.

— Кого?

— Того человѣка, котораго вы видѣли утромъ съ вашей женою.

— Неужели вы полагаете, что не она убила испанца?

— Конечно, не она, отвѣчалъ Гамлинъ холодно.

— Такъ зачѣмъ же она мнѣ писала эту записку?

— Не знаю. Но, можетъ быть, вы съ дуру не такъ прочли письмо. Дайте мнѣ его.

— Не могу, отвѣчалъ Гэбріель нерѣшительно.

— Вы не можете? повторилъ Гамлинъ.

— Я разорвалъ записку.

— Вы разорвали? спросилъ Гамлинъ, знаменательно напирая на слова.

— Да.

Наступило молчаніе, которое, наконецъ, прервалъ Джакъ:

— Васъ лечили отъ съумасшествія?

— Меня всегда считали страннымъ, отвѣчалъ очень смиренно Гэбріель.

— Питеръ Думфи имѣетъ что-нибудь противъ васъ? спросилъ Гамлинъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ съ удивленіемъ Гэбріель.

— Однако, его агентъ поднялъ народную толпу противъ васъ.

— Вы, я думаю, ошибаетесь, Джакъ, произнесъ Гэбріель:— Думфи—мой другъ. Онъ первый далъ мнѣ денегъ для разработки руды, и я—его управляющій.

— О! промолвилъ Джакъ и потомъ прибавилъ: — нѣтъ ли у васъ знакомаго съумашедшаго дома, куда приняли бы двухъ паціентовъ: одного неизлечимаго, а другого, получившаго опасную рану отъ того, что онъ неосторожно обращался съ оружіемъ?

— Вамъ не надо много говорить, Джакъ, произнесъ Гамлинъ съ глубокимъ вздохомъ:—помолчите и отдохните до ночи.

Изнуренный страданіями, Гамлинъ повиновался.

Мало-по-малу, блѣдный свѣтъ, проникавшій сквозь листву вокругъ входа въ пещеру, совершенно исчезъ, отдаленные голоса умолкли, солнце садилось и, черезъ нѣсколько минутъ, благодаря наступившей темнотѣ, они могли уже безопасно выйти изъ своего убѣжища. Гэбріель подкрался на четверенькахъ къ отверстію и, убѣдившись, что сумерки уже настали, вернулся назадъ. На пути, онъ замѣтилъ неожиданный лучъ свѣта изъ новой разсѣлины въ стѣнѣ, вѣроятно, произведенной землетрясеніемъ. Въ ту же минуту, онъ почувствовалъ, что нога его дотронулась до чего-то металлическаго. Онъ нагнулся и поднялъ маленькій оловянный ящикъ, не болѣе коробки съ сардинками,

герметически закрытый. На крышкѣ его была какая-то надпись, но Гэбріель не могъ ее разобрать въ темнотѣ. Надѣясь, что въ немъ заключается что-либо полезное для его товарища, Гэбріель пошелъ къ выходу и снова сталъ разсматривать надпись на ящичкѣ, но все было тщетно. Наконецъ, онъ открылъ его съ помощью остраго камня и, къ величайшему своему разочарованію, нашелъ тамъ только памятную книжку и нѣсколько бумагъ. Онъ сунулъ ихъ въ карманъ и возвратился къ Гамлину. Но, несмотря на то, что прошло не болѣе пяти минутъ, Джака въ пещерѣ уже не было.

XLIV.

Гекторъ является изъ рва.

Около минуты Гэбріель стоялъ неподвижно, пораженный изумленіемъ, потомъ онъ медленно сталъ шагъ за шагомъ осматривать пещеру и вскорѣ нашелъ въ боковой разсѣлинѣ Джака Гамлина, сидѣвшаго на землѣ. Глаза его лихорадочно горѣли, и онъ прямо заявилъ, что не трогался съ того мѣста, гдѣ его оставилъ Гэбріель, который тотчасъ понялъ, что больной находился въ горячечномъ бреду.

— Намъ пора идти, сказалъ Гэбріель.

— Да̀, отвѣчалъ Джакъ и съ жаромъ прибавилъ:—я исполнилъ свой долгъ въ отношеніи предполагаемаго убійцы Виктора Рамиреса и теперь готовъ вступить въ съумасшедшій домъ.

Гэбріель, не говоря ни слова, взялъ его поспѣшно на руки и вынесъ на свѣжій воздухъ. Силы ихъ обоихъ немедленно какъ бы удвоились; Джакъ забылъ свою оппозицію и, успокоившись, отдался всецѣло попеченіямъ Гэбріеля, а послѣдній, обходясь съ нимъ, какъ съ безпомощнымъ ребенкомъ, поспѣшно взобрался по крутизнѣ Резервуарной Горы. Тутъ въ тѣни развѣсистыхъ сосенъ, онъ могъ безопасно устроить на всю ночь ложе своему больному товарищу. Собравъ въ кучу сосновыя шишки и накрывъ ихъ вѣтвями, онъ положилъ на эту импровизированную постель Джака. Не успѣлъ онъ принять эти необходимыя мѣры, какъ у больного открылся бредъ. Онъ дышалъ отрывисто и началъ поспѣшно, несвязно говорить объ Олли, Рамиресѣ, чудной красавицѣ, медальонъ которой висѣлъ у него на шеѣ, о Гэбріелѣ и о какомъ-то таинственнымъ собесѣдникѣ, созданномъ его фантазіей. Вдругъ, къ неописанному ужасу Гэбріеля, онъ громко запѣлъ народную балладу подъ странный акомпаниментъ тихо

журчащаго горнаго потока, мелодичнаго шелеста листьевъ и безмолвнаго блеска звѣздъ. Слабое эхо этой пѣсни раненнаго раздалось внизу въ оврагѣ. Гэбріель вздрогнулъ и затаилъ дыханіе отъ радости и страха. Неужели и онъ бредилъ? Или, дѣйствительно, до него долеталъ голосъ Олли? Больной продолжалъ пѣніе, и тотчасъ второй куплетъ былъ повторенъ уже ближе хорошо знакомымъ, дорогимъ для него голосомъ. Сомнѣніе было невозможно; Гэбріель сложилъ небольшую груду хвороста и сосновыхъ шишекъ, зажегъ спичку, и, черезъ минуту, среди окружающей мглы, засвѣтился пылающій маякъ. Еще нѣсколько мгновеній, захрустѣли сухія вѣтви, валявшіяся на землѣ, и двѣ фигуры поспѣшно выбѣжали изъ лѣсной чащи. Олли бросилась на шею къ Гэбріелю, а ея товарищъ, вѣрный Питъ опустился на колѣни передъ раненымъ.

Олли первая заговорила и, по женскому инстинкту, начала прямо съ упрека:

— Зачѣмъ ты не прислалъ намъ сказать, гдѣ вы? сказала она съ нетерпѣніемъ:—зачѣмъ ты забрался въ такую глушь и темноту, а меня оставилъ въ Вингдамѣ? Зачѣмъ вы пѣли, а не кричали?

— Это ты, дитя мое! воскликнулъ Гэбріель, какъ истый мужчина, обращая вниманіе только на настоящее:—ты нашла своего стараго Гэба! Да благословитъ тебя Господь!

Тутъ Гамлинъ, съ ужасной послѣдовательностью лунатика, затянулъ третій куплетъ.

— Онъ поетъ со скуки, объяснилъ Гэбріель:—у него бредъ отъ тяжелой раны. Очень нужно было меня спасать!

Попрежнему, вѣрная женскимъ инстинктамъ, Олли бросилась къ страждущему Гамлину.

— О! Питъ! воскликнула она:—гдѣ у него рана? Неужели онъ умретъ?

— Ему, дѣйствительно, нехорошо, миссъ Олли, отвѣчалъ Питъ, вполнѣ убѣжденный въ превосходствѣ своихъ медицинскихъ способностей:—но теперь онъ въ моихъ рукахъ, слава Богу! Вашъ братъ — очень добрый человѣкъ и хорошая сидѣлка, но у него нѣтъ знанія, необходимаго для леченія.

Съ этими словами Питъ вынулъ изъ сумки, висѣвшей у него черезъ плечо, маленькій ящикъ съ лекарствами и открылъ его самоувѣренно, какъ докторъ, призванный къ больному, лечившемуся до сихъ поръ домашними средствами.

— Какъ ты сюда попала? спросилъ Гэбріель у Олли, передавъ молча своего паціента опытнымъ попеченіямъ Пита:—почему ты

знаю, что я здѣсь страдаю? Какія вы милыя и сметливыя [illegible]! прибавилъ онъ, смотря на нее съ восхищеніемъ.

— Преступникъ въ Баннингѣ, отвѣчала Олли — послѣ отъѣзда Адама, я увидала передъ собою строгаго Максвеля. Он [illegible] меня вопросами, но, чувствуя, что ты опять наглупилъ [illegible], чѣмъ отвѣтить, заставила его разсказать мнѣ все. [illegible] я услышала! Тебя арестовали! Тебя подозрѣваютъ въ убійствѣ! Но, вѣдь, ты не убьешь и мухи! А [illegible] потому, что ты ухаживалъ за мексиканцемъ вмѣсто того [illegible] одной маленькой Олли. Максвель больше [illegible] о Джули и о томъ, ненавидитъ ли она тебя. [illegible] дурачки! Точно есть на свѣтѣ другая женщина, котора[я] [illegible] бы съ тобою, какъ Джули. Видя, что я [illegible] ничего не отвѣчаю на счетъ Джули, онъ сказалъ Питу, [что] мое присутствіе необходимо для тебя, такъ какъ истители [illegible] тобою до суда, и что при мнѣ они не посмѣютъ [illegible] дотронуться. Дѣйствительно, я желала бы [illegible] они поднимутъ на тебя руку! Питъ отправился со [illegible] что Джакъ не разстанется съ тобою и не дастъ тебя въ обид[у] [illegible] старикъ — этотъ Питъ! Я никогда не [illegible] [illegible] прибывъ сюда, мы узнали, что [illegible] и шерифъ. Предводители истителей были убиты [illegible] Мы не знали, что дѣлать, какъ вдругъ [illegible] твою записку.

— Мою записку? Я никакой не посылалъ.

— Ну, такъ его записку, нетерпѣливо продолжала Олли, [illegible] въ ней было сказано: [illegible] найдете [illegible] на Бопровой Горѣ. Мы отправились [illegible] Джака. Нечего сказать, [illegible] мы [illegible] Но какъ бы то ни было, мы васъ нашли.

— Постой, Олли: вѣдь онъ не писалъ никакой [illegible] Габріель.

— Какое ты противный. [illegible] воскликнула [illegible] Олли [illegible] — не все ли равно, кто писалъ. Мы ее получили [illegible]. А вотъ и записка.

Вынувъ изъ кармана, она подала Габріелю [illegible] написанную карандашомъ словами: «Вы найдете [illegible] Бопровой Горѣ».

[illegible] Габріель [illegible] отъ Джака и какимъ образомъ онъ ее послалъ. [illegible] вмѣстѣ съ нимъ и разставался съ [illegible] сутки. Онъ такъ былъ поглощенъ [illegible]

что не могъ произнести ни слова и безпомощно проводилъ рукою по лбу.

— Слава Богу! все обошлось хорошо, Гэбъ, продолжала Олли, стараясь его успокоить:—мстители разбѣжались, а шерифа нигдѣ не найдутъ. Всѣхъ перепугало землетрясеніе, и никто не думаетъ о тебѣ. Говорятъ, даже—я и забыла сказать—что землетрясеніе раззорило нашу шахту на Конроевой Горѣ и наша руда теперь ничего не стоитъ. Но, главное, намъ нечего бояться; никто насъ не остановитъ. Завтра утромъ, на разсвѣтѣ, мы сядемъ въ фургонъ, который, по распоряженію Пита, будетъ ждать насъ у Резервуарнаго Оврага. Питъ говоритъ, что мы можемъ совершенно безопасно отправиться въ Стоктонъ и Фриско, а оттуда въ мѣстечко, называемое Сан-Антоніо, гдѣ преспокойно останемся до тѣхъ поръ, пока всѣ забудутъ объ этомъ происшествіи. Джакъ выздоровѣетъ, а Джули возвратится.

Гэбріель не смѣлъ передать Олли подозрѣніе Максвеля, что Джули принимала участіе въ преступленіи, и убѣжденіе Джака въ ея невѣрности. Но все же, послѣ продолжительнаго молчанія, онъ, самъ удивляясь своей хитрости, произнесъ:

— Олли, Джули вовсе не вернется!

— Послушай, Гэбъ, отвѣчала Олли:—если ты опять будешь вести себя дуракомъ, то я лучше уйду. Неужели ты думаешь, что эта женщина когда-нибудь тебя покинетъ? Еслибъ она знала, гдѣ ты, то никакая сила не удержала бы ее вдали отъ тебя. Полно, Гэбъ, встряхнись, не будь осломъ.

Гэбріель съ трудомъ удержался, чтобъ не застонать, но ничего не отвѣчалъ.

Между тѣмъ, Гамлинъ успокоился и пересталъ бредить, благодаря какому-то таинственному средству, которое нашелъ Питъ въ лекарственномъ ящикѣ. Черезъ нѣсколько времени, Гэбріель, на физическую натуру котораго не вліяло никакое нравственное волненіе, молча кивнулъ головою Олли и, не выпуская ея руки, заснулъ крѣпкимъ сномъ. Вскорѣ наступила очередь и Олли; завернувшись въ плэдъ Гамлина, она прильнула головой къ широкой груди брата и прозаически захрапѣла. Только одинъ Питъ бодрствовалъ; онъ менѣе другихъ утомился, а, главное, Гамлинъ, по его словамъ, нуждался въ его ежеминутныхъ попеченіяхъ.

Около полуночи, Олли приснился тревожный сонъ. Она скакала съ Гамлиномъ на помощь къ брату и вдругъ увидала передъ собою многочисленную, шумную толпу, которая тащила Гэбріеля на висѣлицу. Она обернулась съ ужасомъ къ Гамлину, но онъ куда-то исчезъ, а вмѣсто него сидѣлъ на лошади какой-

